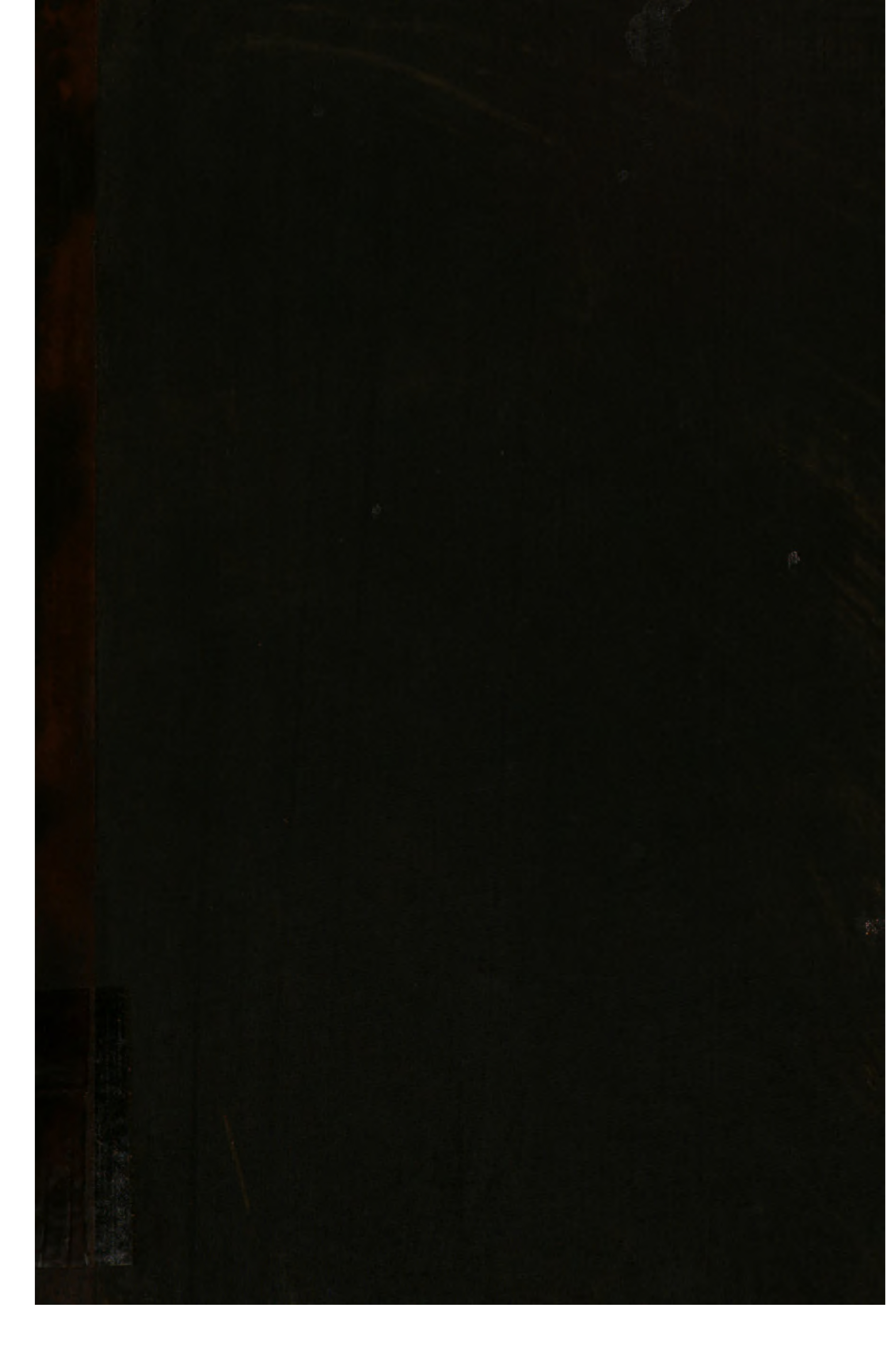
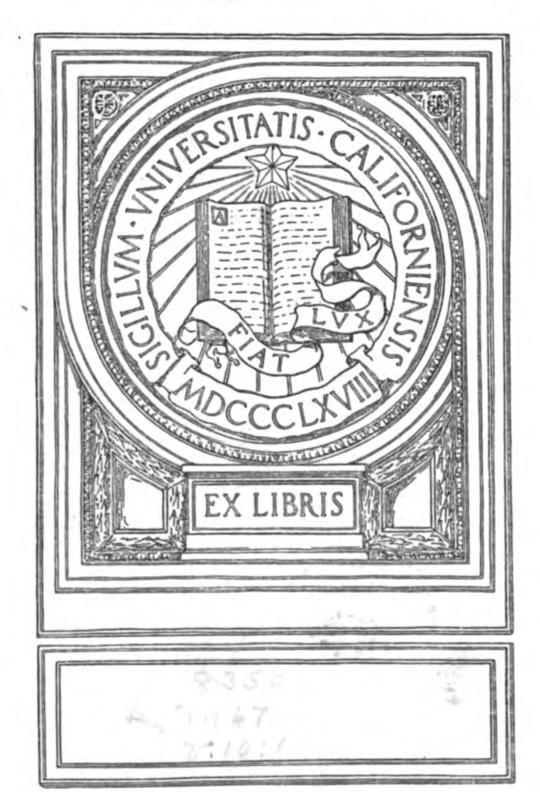
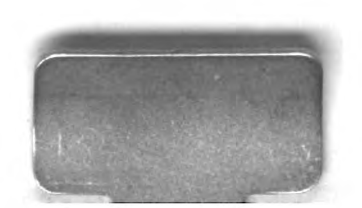

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

М. С.

Годъ X-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ X-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

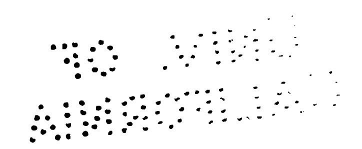
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

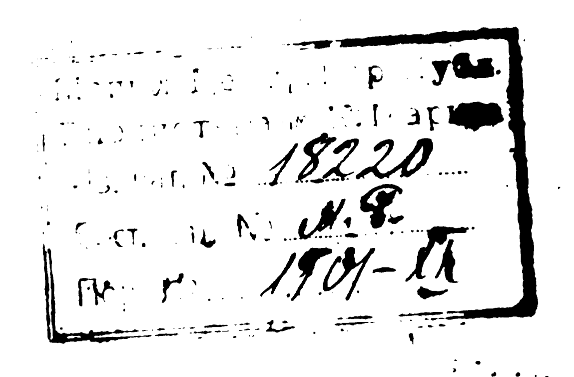
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го сентября 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ГЕОЛОГІИ.

Проф. А. П. Павлова.

Названіе геологія происходитъ отъ греческихъ словъ γῆ—земля и λόγος—разумѣніе, пониманіе слѣдовательно, слово геологія и значитъ по-русски разумѣніе земли. Такое опредѣленіе предполагаетъ знаніе состава, строенія и расположенія тѣхъ массъ, изъ которыхъ сложена земля.

Такъ какъ эти массы частью минеральнаго происхожденія (напр. лавы вулкановъ), частью органическаго (напр., каменный уголь, коралловый известнякъ и т. п.), то геологія въ своей описательной части соприкасается съ одной стороны съ химіей и минералогіей, съ другой стороны съ науками объ органической природѣ зоологіей и ботаникой. Этою описательной частью, однако не исчерпывается задача геологіи.

Истинное научное знаніе какого-нибудь предмета есть знаніе причинъ, опредѣляющихъ его свойства, знаніе его происхожденія, его исторіи. Поэтому и геологія изучаетъ не только природу и расположеніе тѣхъ массъ, изъ которыхъ сложена земля, но и тѣ условія, тѣ причины, которыя опредѣляли ихъ расположеніе. Она стремится воссоздать минувшія судьбы нашей планеты отъ самыхъ отдаленныхъ временъ, о которыхъ можно получить какія-либо свѣдѣнія до современной эпохи и прослѣдить всѣ многообразныя измѣненія, какія пережила земля прежде чѣмъ приняла свой современный видъ.

Но, могутъ спросить, что это за измѣненія, и переживала ли земля какія-нибудь существенныя измѣненія. Спросите простолюдина, не подмѣчалъ ли онъ какихъ-нибудь измѣненій въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, и онъ дастъ вѣроятно, отрицательный отвѣтъ, можетъ быть онъ прибавитъ еще, что и отцы наши жили въ этихъ мѣстахъ, и всегда было такъ, какъ теперь; можно услышать развѣ объ измѣненіяхъ такого рода, какъ вырубка лѣсовъ, усыханіе рѣчекъ и т. п. Приблизительно такого же мнѣнія объ измѣненіяхъ земли держались многіе, хотя и не всѣ ученые люди древнихъ временъ. Основныя черты земной поверхности, очертанія береговъ суши, распредѣленіе озеръ, направленіе рѣкъ, расположеніе и формы горныхъ громадъ — не могли

не казаться имъ отъ вѣка неизмѣнными, и они думали, что суша съ ея горами и равнинами отдѣлилась когда-то отъ воды и заняла разъ навсегда опредѣленное мѣсто, и такъ будетъ во вѣки.

То же впечатлѣніе неизмѣнности производила и производитъ окружающая человѣка органическая жизнь. По изображеніямъ животныхъ и растеній на египетскихъ памятникахъ, сдѣланныхъ 4—5 тысячъ лѣтъ тому назадъ, оказывается возможнымъ узнать тѣ самыя животныя и растенія, которыя и до нынѣ существуютъ въ Египтѣ.

Однако, если обратиться къ самой землѣ и посмотрѣть повнимательнѣе изъ чего и какъ она сложена, то окажется, что на каждомъ шагу мы встрѣтимся съ фактами, противорѣчащими представленію о землѣ, какъ о чемъ-то постоянномъ и неизмѣнномъ.

Изучая строеніе большихъ массъ суши и особенно горныхъ цѣпей, мы сталкиваемся съ указаніями на происходившія когда-то движенія этихъ массъ, на ихъ перемѣщенія, на измѣненіе взаимнаго расположенія ихъ частей (сдвиги) и на то, что получившійся отъ этихъ перемѣщеній рельефъ былъ либо упрощенъ, либо осложненъ работой текучихъ водъ и другихъ дѣятелей. Мы убѣждаемся при внимательномъ изученіи, что ландшафтъ, насъ окружающій, есть лишь послѣдній результатъ нѣкотораго длиннаго ряда предшествовавшихъ измѣненій, которымъ подвергалась страна, и что онъ развивался и вырабатывался постепенно.

Каждая гора или горная цѣпь, каждая долина, каждый оврагъ представляютъ собою памятники послѣдовательныхъ стадій географической эволюціи. Мы замѣчаемъ, что эти измѣненія захватывали не только отдѣльныя мѣстности на сушѣ, но что и самая суша и моря ее омывающія представляютъ что-то крайне неустойчивое, мы узнаемъ, что минеральныя массы, слагающія нашу сушу, содержатъ въ себѣ множество остатковъ морскихъ организмовъ, а иногда и сплошь состоятъ изъ ихъ раковинъ и панцырей и представляютъ собою не что иное, какъ осадки, отлагавшіеся на днѣ моря.

Мы убѣждаемся далѣе, что эти погребенные въ слояхъ организмы отличаются болѣе или менѣе отъ нынѣшнихъ и указываютъ на то, что ни одна мертвая природа, но и органическій міръ былъ иной въ минувшія эпохи, что и онъ многократно измѣнялся, прежде чѣмъ выработались его современныя черты.

Эти остатки древнихъ животныхъ и растеній даютъ намъ драгоцѣнныя указанія на прежнія физико-географическія измѣненія страны и ихъ послѣдующую смѣну.

Не только эти древніе, вымершіе организмы, но и современные могутъ дать цѣлый рядъ указаній на прежнія, уже исчезнувшія географическія условія. Своимъ распредѣленіемъ они показываютъ намъ, что климаты измѣнялись, что нѣкоторые острова прежде составляли одно цѣлое съ континентомъ, что исчезли цѣлыя области суши, прежде су-

ществовавшія, что нынѣ соединенныя области суши долгое время были изолированы и т. п. Словомъ, ясные слѣды измѣненій, прогресса, эволюціи открываются намъ при ближайшемъ изученіи какъ мертвой, такъ и живой природы.

Какъ же примирить эту кажущуюся неподвижность, устойчивость и мертвой и живой природы съ тѣми слѣдами безконечныхъ измѣненій, которыя мы открываемъ, глубже изучая эти неподвижныя каменныя массы и вдумываясь въ факты современнаго распредѣленія жизни на землѣ.

Самое простое объясненіе, что эта неподвижность, неизмѣнность природы только кажущаяся, что какъ поверхность земли, такъ и ея органическое населеніе, измѣняются и мы наблюдаемъ лишь одну послѣднюю фазу этихъ измѣненій. То же впечатлѣніе неподвижности производитъ на насъ и часовая стрѣлка идущихъ часовъ, если смотрѣть на нихъ впродолженіи нѣсколькихъ секундъ, а между тѣмъ, мы знаемъ, что она движется.

Міръ кажется намъ застывшимъ въ послѣдней видимой намъ фазѣ, потому что темпъ измѣненій слишкомъ медленъ, сравнительно съ продолжительностью нашей жизни, да и съ продолжительностью всего историческаго времени.

Продолжительность временъ историческихъ, о которыхъ мы получаемъ свѣдѣнія, изучая лѣтописи, надписи, памятники и др. документы слишкомъ ничтожна, сравнительно съ масштабомъ тѣхъ измѣній, которыя изучаетъ геологія. За предѣлами историческаго времени начинаются времена доисторическія, отъ которыхъ не сохранилось писанныхъ документовъ, но сохранились коэ-какіе слѣды существованія и дѣятельности человѣка, кости, издѣлія изъ камня, рога и т. п.; по этимъ остаткамъ, по степени совершенства этихъ издѣлій археологи пытаются классифицировать свои находки по эпохамъ, установить такимъ образомъ хронологію эпохъ доисторическихъ и освѣтить обстановку, среди которой жилъ человѣкъ въ эти эпохи.

Можетъ ли наука проникнуть еще далѣе въ глубь вѣковъ и разобрать что-нибудь въ тѣхъ событіяхъ, которыя человѣкъ не только не занесъ въ свои лѣтописи, но которыхъ онъ не былъ и свидѣтелемъ. Можно ли по отношенію къ этимъ событіямъ употреблять слово исторія, не будутъ ли попытки разобраться въ нихъ больше похожи на фантастическую легенду или вымыселъ, чѣмъ на исторію, какъ мы ее понимаемъ, т.-е. на науку, строющую свои выводы на основаніи документальныхъ данныхъ.

Если мы заинтересуемся геологіей и захотимъ немного познакомиться съ нею, то вскорѣ увидимъ, что это вполнѣ возможно, что геологія имѣетъ свои документы, по которымъ можно распутывать исторію прежнихъ измѣненій земли, и эти документы надежнѣе чѣмъ тѣ, которыми располагаетъ историкъ, разъясняющій исторію народовъ.

*

Они написаны не человѣческой рукой, а самой природой и человѣкъ не имѣетъ власти измѣнить въ нихъ ни одной черты по своему усмотрѣнію, и потому можно вполнѣ положиться на ихъ достовѣрность. Но мы увидимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта задача—возстановлять исторію земли по документамъ, очень долго оставалась недоступною человѣку, и что геологія, какъ точная положительная наука, для которой эта задача стала возможна—возникла сравнительно очень недавно. Свѣдѣнія о землѣ и ея исторіи могли сложиться въ научную форму лишь послѣ того, какъ возникли и достигли нѣкотораго развитія другія науки, съ которыми тѣсно соприкасается геологія, а она соприкасается почти со всѣми естественными науками. Не удивительно поэтому, что геологія является младшей сестрою въ семьѣ наукъ, и дата ея рожденія относится примѣрно къ началу истекшаго XIX столѣтія.

Однако, вопросы о томъ, что такое земля, какъ она возникла, какова она была прежде и какъ приняла свой теперешній видъ и сдѣлалась обитаемой—уже въ глубокой древности привлекали къ себѣ вниманіе мыслящихъ людей и возбуждали ихъ любознательность и воображеніе.

Въ сущности всѣ космогоніи, созданныя народами древности, представляютъ собою краткій набросокъ ихъ познаній о землѣ и вселенной, конечно очень отрывочныхъ и смутныхъ. Эти космогоніи лишь очень медленно и постепенно смѣняются болѣе положительными, болѣе научными воззрѣніями, которымъ приходится вести упорную и иногда безуспѣшную борьбу со спекулятивными теоріями о происхожденіи земли, освященными древностью и авторитетомъ своихъ творцовъ. Исторія этой борьбы, изъ которой возникла современная геологическая наука, довольно поучительна и представляетъ много интересныхъ эпизодовъ, знакомящихъ насъ съ тѣмъ, какова бываетъ судьба даже вполнѣ точныхъ наблюденій и чрезвычайно талантливыхъ обобщеній, которыя своимъ появленіемъ слишкомъ опережаютъ общее господствующее настроеніе мысли современниковъ.

Мы не станемъ останавливаться долго на древнѣйшихъ космогоніяхъ, въ которыхъ обыкновенно преобладаетъ религіозный и миѳическій элементъ и на ученіяхъ философовъ классической древности, а упомянемъ о нихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; мы ознакомимся также весьма кратко, съ геологическими понятіями, господствовавшими въ средніе вѣка и въ началѣ новыхъ до XVII столѣтія когда зародыши современной науки болѣе рѣшительно проявляютъ свою жизненность.

Одно изъ самыхъ древнѣйшихъ сказаній о происхожденіи міра и земли сохранилось на глиняныхъ дощечкахъ съ клинообразными письменами, найденныхъ въ развалинахъ Вавилона и нынѣ прочтенныхъ спеціалистами. Это сказаніе, какъ и во многомъ съ нимъ сходное еврей-

ское, представляетъ большой интересъ съ точки зрѣнія культурно-исторической, но мало затрогиваетъ вопросъ о землѣ и пережитыхъ ею измѣненіяхъ. Правда, одинъ эпизодъ, именно разсказъ о большомъ наводненіи, интересенъ и въ этомъ отношеніи, но онъ касается скорѣе одного спеціальнаго вопроса, на которомъ мы не можемъ здѣсь останавливаться.

Согласно древней индійской космогоніи, міръ переживалъ періоды дѣятельнаго развитія или творчества и періоды бездѣйствія творческихъ силъ, періоды разрушенія, уничтоженія всего существующаго либо всемірнымъ пожаромъ, либо все затопляющею водою, либо и тѣмъ и другимъ. Мы не знаемъ источника такихъ сказаній, но можно думать, что они не были плодомъ одной только фантазіи. Слѣды прежнихъ измѣненій земной поверхности мѣстами настолько очевидны, что легко могли быть подмѣчены древними наблюдателями. Напримѣръ, присутствіе морскихъ раковинъ въ пластахъ земли, далеко отъ моря могло повести къ догадкамъ о вторженіи моря въ предѣлы суши; а нахожденіе такихъ пластовъ даже въ горахъ, гдѣ они приподняты и изломаны могло повести къ выводу о всеобщемъ хаосѣ, разрушеніи, движеніи и перемѣщеніяхъ частей суши. Съ другой стороны, сказанія о всеобщихъ разрушеніяхъ и потопахъ могли возникнуть изъ разсказовъ о мѣстныхъ катастрофахъ: вулканическихъ изверженіяхъ, землетрясеніяхъ, наводненіяхъ и т. п., которыя болѣе или менѣе внезапно нарушали спокойный ходъ естественныхъ событій и должны были производить на свидѣтелей этихъ явленій глубокое впечатлѣніе. Самыя событія въ устной и преемственной передачѣ легко могли принять характеръ всеобщихъ катастрофъ.

Представленія о происхожденіи міра и земли, которыя мы встрѣчаемъ у древнихъ культурныхъ народовъ средиземноморского побережья, возникли частью самостоятельно, а отчасти, повидимому, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ восточныхъ космогоній, которыя здѣсь пополнились, иллюстрировались и болѣе или менѣе измѣнились подъ вліяніемъ тѣхъ наблюденій, которыя были сдѣланы въ этой богатой разнообразіемъ природныхъ условій странѣ. Сравнительно съ древними азіатскими сказаніями, ученія греческихъ философовъ имѣютъ въ большей степени философскій, чѣмъ религіозный характеръ и обнаруживаютъ, такъ сказать, мѣстную окраску, въ зависимости отъ того, среди какой прироры пришлось жить и наблюдать тому или другому изъ нихъ. Среди разнообразныхъ ученій греческихъ философовъ, касавшихся вопросовъ о землѣ и ея измѣненіяхъ, болѣе или менѣе опредѣлились двѣ группы или двѣ школы, получившія названія нептунистовъ и плутонистовъ. Древнѣйшимъ представителемъ нептунистовъ былъ Ѳалесъ, жившій въ половинѣ VII вѣка до Р. Х. Онъ училъ, что все существующее, въ томъ числѣ и земля съ живущими на ней тварями, воз-

никло и возникаетъ изъ воды и вновь въ нее обратится. Подъ водою, вѣроятно, подразумѣвалась здѣсь не вода въ нашемъ обычномъ смыслѣ слова, а первичная хаотическая жидкая масса.

Изъ болѣе позднихъ нептунистовъ можно упомянуть Ксенофона (614 г. до Р. Х.), Ксанфа (500 г. до Р. Х.) и Анаксагора (501 г. до Р. Х.). Первые два, опираясь на фактъ нахожденія морскихъ раковинъ въ горахъ вдали отъ моря, дѣлали выводъ о прежнихъ затопленіяхъ суши моремъ, а Анаксагоръ производилъ міръ изъ первичнаго хаоса путемъ вращенія, которое вызвало раздѣленіе эфира, воздуха и воды; изъ воды возникла земля, влажная земля получила изъ воздуха зародыши и произвела растенія и животныя; землю онъ представлялъ себѣ въ формѣ круга, который находится въ серединѣ міра и вокругъ котораго вращаются звѣзды. Предполагаютъ, что возникновеніе школы нептунистовъ совершилось не безъ вліянія природы Египта съ его грандіозными и благодѣтельными наводненіями; впрочемъ, и многіе изъ болѣе сѣверныхъ острововъ греческаго архипелага и многія изъ мѣстностей, какъ европейскаго, такъ и азіатскаго побережій Эгейскаго моря представляютъ въ этомъ отношеніи благопріятныя условія.

Плутонисты видѣли въ огнѣ первичный источникъ всего существующаго или, по крайней мѣрѣ, приписывали огню очень важную роль въ созиданіи и преобразованіяхъ міра. Такъ, по мнѣнію Гераклита (500 л. до Р. Х.), огонь проникаетъ все, производитъ изъ себя отдѣльные предметы и вновь ихъ поглощаетъ; огонь превращается въ море, которое въ свою очередь выдѣляетъ землю и жаръ; отъ возгоранія поднимающихся паровъ образуется солнце, постоянно уничтожающееся и вновь возникающее: весь міръ, хотя и существуетъ вѣчно, но постоянно измѣняется, переживая то періоды разрушенія, то періоды созиданія. У Эмпедокла, жившаго въ Сициліи (492—432 г. до Р. Х.), мы находимъ впервые догадку объ огненно-жидкомъ ядрѣ земли, основанную на существованіи вулкановъ и горячихъ источниковъ; впрочемъ онъ производилъ все существующее не изъ одного огня, а изъ четырехъ элементовъ: земли, воды, воздуха и огня, которые не уничтожаются, но постоянно измѣняются.

Школа плутонистовъ возникла, повидимому подъ вліяніемъ вулканической природы Сициліи и южныхъ острововъ греческаго архипелага съ ихъ потоками застывшей лавы, съ почвой изрытой трещинами изъ которыхъ мѣстами выходятъ горячіе пары.

Величайшій натуралистъ древности Аристотель (384—322 г. до Р. Х.) весьма мало касается вопроса о происхожденіи земли, однако мы находимъ въ одномъ изъ его твореній («Метеорологія», кн. I, гл. XIV) слѣдующее мѣсто, представляющее замѣчательную для того времени догадку: Одни и тѣ же мѣста не остаются всегда землею, либо всегда моремъ. Море приходитъ туда, гдѣ прежде была суша; суша вернется

туда, гдѣ теперь мы видимъ море. Нужно притомъ думать, что эти измѣненія слѣдуютъ одно за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ и представляютъ извѣстную періодичность.

Необходимо упомянуть еще объ одномъ мнѣніи Аристотеля, которое хотя и касается вопроса собственно зоологическаго, но не осталось безъ вліянія и на исторію геологіи. Это мнѣніе о происхожденіи животныхъ. Аристотель думалъ, что низшія животныя сами собою зарождаются во влажной землѣ, подъ вліяніемъ жизненной теплоты воздуха, что различія формъ животныхъ зависятъ отъ этого жизненнаго начала воздуха и отъ природы мѣста, гдѣ происходитъ зарожденіе; такъ, въ морской водѣ, гдѣ много землистыхъ частицъ, онѣ уплотняются и изъ нихъ возникаютъ моллюски съ раковинами. Это совершенно несостоятельное мнѣніе Аристотеля проявило необыкновенную живучесть. Послѣдніе слѣды его были уничтожены лишь въ наше время, благодаря работамъ Пастёра.

Но вернемся къ ученіямъ собственно геологическаго характера, которыя мы находимъ у древнихъ писателей. Приближаясь къ концу древнихъ вѣковъ, мы должны остановиться на твореніяхъ извѣстнаго географа Страбона, проявившаго замѣчательную для своего времени проницательность. Онъ разсматриваетъ извѣстный уже въ глубокой древности фактъ нахожденія морскихъ раковинъ вдали отъ моря, приводитъ мнѣнія объ этомъ своихъ предшественниковъ и даетъ свое собственное объясненіе, согласно которому земля, и особенно земля, находящаяся подъ моремъ, проявляетъ извѣстную подвижность; она то поднимается, то опускается, а потому и можетъ то прибавляться, то убавляться, и благодаря этому могутъ возникнуть не только малые острова, но и материки. Онъ передаетъ преданіе о томъ, что Сицилія была когда-то соединена съ Италіей и отдѣлилась отъ нея вслѣдствіе подземнаго переворота; онъ указываетъ, что и теперь земля въ той мѣстности иногда колеблется и что вулканы Этна и Эоловы представляютъ собою клапаны, предохраняющіе страну отъ рѣзкихъ потрясеній, происходившихъ здѣсь въ то время, когда этихъ вулкановъ не было.

Мы видимъ такимъ образомъ, что прежнія измѣненія земли были уже извѣстны древнимъ или, по крайней мѣрѣ о нихъ догадывались и дѣлали попытки объяснить ихъ причины.

Вслѣдъ за эпохой классической древности наступаютъ долгіе вѣка умственныхъ потемковъ, впродолженіи которыхъ не было сдѣлано ничего для развитія науки о землѣ. Земля, эта юдоль грѣха и страданій, мало интересовала ученыхъ того времени, предпочитавшихъ вести безплодные споры о свойствахъ непостижимаго. Духъ свободнаго изслѣдованія былъ чуждъ этимъ вѣкамъ господства метафизики, мистицизма, преклоненія передъ авторитетомъ. Впрочемъ, окаменѣлыя рако-

вины и т. п. находки въ землѣ по временамъ привлекали къ себѣ вниманіе, но на нихъ смотрѣли, какъ на игру природы, какъ на результатъ дѣятельности какой-то пластической силы, зарождавшей въ камняхъ странныя формы, напоминающія настоящихъ животныхъ; нѣкоторые приписывали образованіе этихъ предметовъ таинственному вліянію звѣздъ, а въ нѣсколько болѣе позднее время бо́льшая часть лицъ, писавшихъ объ этихъ предметахъ, признавали ихъ за слѣды, оставленные всемірнымъ потопомъ, который считался единственной катастрофой, единственнымъ крупнымъ измѣненіемъ, которое пережила земля. Намъ теперь трудно понять, какимъ образомъ въ Италіи, бывшей въ то время важнѣйшей культурной страной, впродолженіи многихъ вѣковъ держалось странное мнѣніе, что раковины находимыя въ землѣ въ ней же и зарождались. Это тѣмъ болѣе странно, что именно въ Италіи эти ископаемыя раковины сохранились въ слояхъ такъ хорошо, какъ онѣ рѣдко гдѣ сохраняются. Но нужно вспомнить, что это были вѣка преклоненія передъ книжнымъ авторитетомъ, а самымъ большимъ авторитетомъ въ области науки о природѣ былъ тогда Аристотель; авторитетъ его былъ такъ великъ, что съ профессоровъ брали клятву не отступать въ своихъ ученіяхъ отъ Аристотеля; а у Аристотеля между многими дѣйствительно цѣнными свѣдѣніями о животныхъ можно было встрѣтить мнѣніе о зарожденіи различныхъ формъ органической жизни отъ случайнаго столкновенія частицъ. Здѣсь передъ нами фактъ, чрезвычайно интересный въ исторіи мысли: цѣлые вѣка люди повторяютъ, видоизмѣняя на разные лады одно и то же совершенно ложное ученіе, только потому, что учатся по книжкамъ и не желаютъ знать, что есть еще и другой, пожалуй, болѣе надежный, источникъ знанія—сама природа.

Въ этихъ непроглядныхъ потемкахъ мысли лишь время отъ времени вспыхиваютъ яркіе проблески здравыхъ понятій, и они всегда высказываются людьми, имѣвшими возможность и охоту видѣть природу лицомъ къ лицу, а не изучать ее только по книгамъ. Однако, эти немногіе и одинокіе проблески свѣта были не въ силахъ разсѣять тьмы невѣжества и суевѣрій, царившихъ въ наукѣ о природѣ и исторіи земли до конца XVII и начала XVIII вѣка. Упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ свѣточей мысли, по временамъ загоравшихся за этотъ длинный и темный въ исторіи нашей науки періодъ.

Первымъ изъ такихъ свѣточей былъ знаменитый итальянскій художникъ и ученый Леонардо да Винчи Приводимъ здѣсь копію съ портрета Леонардо, имъ самимъ нарисованнаго. Изъ глубины XV столѣтія смотритъ на насъ эта замѣчательная личность, оставившая слѣды своего генія въ развитіи едва ли не всѣхъ отраслей точнаго знанія, не говоря объ исторіи искусства, въ которой его имя принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ. Между многообразными занятіями Леонардо да

Винчи было и инженерное дѣло и, между прочимъ, прорытіе каналовъ. Посѣщая земляныя работы, онъ имѣлъ случай видѣть и изучать напластованія земли, заключающія въ себѣ на разныхъ глубинахъ и иногда на большомъ разстояніи отъ моря, морскія раковины. Изучивъ эти раковины и условія ихъ нахожденія, Леонардо пришелъ къ заключенію, что онѣ находились когда-то на днѣ моря, близъ берега и тогда наполнились иломъ. Это ведетъ его къ дальнѣйшимъ выводамъ, что горы и моря не всегда находились тамъ, гдѣ находятся нынѣ. Однако, онъ не допускаетъ возможности, чтобы горы внезапно поднимались изъ моря а думаетъ, что измѣненія происходили постепенно,

Леонардо да Винчи.

какъ происходятъ и теперь, и что теперешнія измѣненія могутъ послужить къ уясненію прежнихъ.

«Намъ говорятъ, пишетъ Леонардо, что эти раковины образовались въ горахъ, подъ вліяніемъ звѣздъ; но я спрашиваю, гдѣ въ горахъ звѣзды, образующія теперь раковины разнаго возраста и вида? И какъ могутъ звѣзды объяснить происхожденіе гравія, встрѣчающагося на различныхъ высотахъ и составленнаго изъ камней, округленныхъ какъ бы дѣйствіемъ движущейся воды; или какимъ образомъ можетъ такая причина объяснить, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются окаменѣвшіе листья, морскія водоросли и морскіе раки?»

«Я не понимаю также, пишетъ Леонардо, куда дѣвались воды моря, если оно когда-нибудь покрывало всю землю и горы. Ископаемыя раковины не являются слѣдствіемъ такихъ наводненій, а предшественниками животныхъ, живущихъ теперь въ морѣ».

Немного позже, почти то же высказывалъ Фракасторо въ Веронѣ,

а еще полвѣка спустя французскій художникъ и посудный мастеръ Бернаръ Палисси, очевидно хорошо изучившій землю, служившую матеріаломъ для его издѣлій.

Но несмотря на все это, тьма заблужденій еще долго царитъ въ этой области. Я не стану приводить тѣхъ нелѣпостей, которыя тогда писались по этому вопросу, достаточно сказать, что даже полтораста лѣтъ послѣ Леонардо датскій натуралистъ Стенонъ, жившій въ Тосканѣ, въ своемъ сочиненіи о твердыхъ произведеніяхъ земли, долженъ былъ приводить длинный рядъ аргументовъ въ защиту мнѣній Леонардо. Онъ сравниваетъ нынѣшнихъ животныхъ съ ископаемыми и изучаетъ послѣдовательныя фазы окаменѣнія различныхъ органическихъ остатковъ, онъ различаетъ морскіе слои отъ прѣсноводныхъ, основываясь на различной природѣ органическихъ остатковъ, заключающихся въ тѣхъ и другихъ и на присутствіи остатковъ растеній въ слояхъ прѣсноводныхъ.

Не ограничиваясь этимъ, Стенонъ доказываетъ, что тѣ слои, на которыхъ расположена Тоскана состоятъ изъ минеральныхъ частицъ, которыя отлагались въ водѣ, и при этомъ, подчиняясь силѣ тяжести, располагались горизонтально. Что такіе же слои Аппенинскихъ горъ, расположенные тамъ наклонно, были прежде тоже горизонтальными, но потомъ были приподняты дѣйствіемъ подземныхъ паровъ и огня или наклонились вслѣдствіе проваловъ. Отъ этихъ осадочныхъ напластованій Стенонъ отличаетъ вулканическія каменныя породы и среди осадочныхъ различаетъ первичные слои, отлагавшіеся до появленія организмовъ, отъ болѣе новыхъ, въ которыхъ есть остатки организмовъ. Мало того, онъ распознаетъ, что горизонтальныя наслоенія подъаппенинскихъ равнинъ образовались въ иную, болѣе позднюю эпоху, сравнительно со слоями, образующими цѣпь горъ.

Но и это замѣчательное по своему методу сочиненіе не оказываетъ рѣшительнаго вліянія на господствовавшія тогда идеи и тонетъ среди множества нелѣпыхъ, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, разсужденій, казавшихся тогда вполнѣ естественными и логичными. Возьмемъ для примѣра разсужденіе Квирини, писавшаго уже въ послѣднюю четверть XVII столѣтія. Приведя аргументы противъ того, что раковины, находимыя въ горахъ, занесены туда потопомъ, онъ высказываетъ мнѣніе, что если землистыя частицы соединялись между собой въ морѣ и составили раковины слизняковъ, то точно такой же процессъ кристаллизаціи могъ произойти и на землѣ, и что въ этомъ послѣднемъ случаѣ зародыши животныхъ, западая въ массу горныхъ породъ развились въ нихъ отъ дѣйствія влажности (слѣды мнѣнія Аристотеля).

Нужно, впрочемъ, сказать, что произведеніе Квирини было однимъ изъ послѣднихъ въ этомъ родѣ. Не будемъ однако, слишкомъ гордиться и культурой нашего времени. Наши простолюдины и до сихъ поръ думаютъ, что ископаемыя раковины родятся въ томъ грунтѣ, въ которомъ ихъ

находятъ и путешествующему геологу нерѣдко приходится слышать такія объясненія.

Но вернемся къ концу XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Къ этому времени относится возникновеніе нѣкотораго новаго направленія научной мысли въ интересующей насъ области. Появляется рядъ сочиненій, авторы которыхъ получили названіе космогонистовъ.

Вскорѣ послѣ Стенона и, какъ извѣстно не безъ его вліянія, появляется первое и одно изъ выдающихся произведеній этого рода, принадлежащее знаменитому математику Лейбницу (Protogaea 1680). Въ немъ развивается ученіе о томъ, что земля первоначально представляла шарообразную свѣтящуюся массу раскаленнаго вещества, потомъ она охладилась и покрылась корой, неровности которой образовали горы.

При дальнѣйшемъ охлажденіи, водяные пары сгустились и образовали всемірный океанъ, покрывшій всю землю. Кора имѣла пещеристое строеніе, по временамъ своды пещеръ обваливались и вода устремлялась въ подземныя полости. При этихъ движеніяхъ водъ происходило и перемѣщеніе пластовъ, упоминаемое Стенономъ и имѣли мѣсто большія наводненія, при чемъ образовалось большое количество ила и осадковъ, которые потомъ, когда воды приходили въ спокойное состояніе, отлагались въ видѣ пластовъ, послѣ чего наступало состояніе спокойнаго равновѣсія.

Другимъ знаменитымъ космогонистомъ въ половинѣ XVIII столѣтія былъ Бюффонъ. Онъ изложилъ свое ученіе во введеніи въ Натуральную исторію, которое было написано въ 1744 г. и напечатано въ 1749 г.

Его космогонія представляетъ много общаго съ Лейбницевой, но самое существенное ея отличіе состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ попытку связать древнѣйшую исторію земли съ исторіей солнечной системы. Онъ высказалъ мнѣніе, что планеты (и земля) составляли часть солнечной массы, отъ которой были оторваны ударомъ кометы, причемъ получили импульсъ вращенія около оси и обращенія въ одной и той же плоскости. Онѣ поэтому сходны по составу съ солнцемъ, но отличаются отъ него температурой. Первоначально и эти массы планетъ имѣли высокую температуру и свѣтились собственнымъ свѣтомъ, но потомъ охладились съ поверхности, тогда какъ солнце до сихъ поръ находится въ раскаленномъ состояніи. Широкое распространеніе раковинъ въ земныхъ пластахъ и даже въ тѣхъ, которые образуютъ горы, Бюффонъ объясняетъ тѣмъ, что воды первоначально покрывали всю землю, а потомъ часть ихъ проникла въ подземныя пещеры, отчего и обнажились материки и горы. Впослѣдствіи Бюффонъ точно распредѣлилъ всѣ эти событія по эпохамъ, но сущность его воззрѣній осталась та же.

Черезъ 6 лѣтъ послѣ напечатанія космогоніи Бюффона Кантъ создаетъ свою теорію неба, въ которой пытается разъяснить, какъ произошло солнце и планеты изъ разсѣянной газообразной матеріи,

а еще черезъ 20 лѣтъ Лапласъ даетъ подобную же теорію уже въ математической разработкѣ. Эти теоріи относятся къ области астрономіи, и мы не будемъ дальше слѣдить за работой человѣческой мысли въ этомъ направленіи.

Въ эпоху появленія Бюффоновой космогоніи и вообще во 2-ой половинѣ XVIII столѣтія, мало-по-малу подвигалось впередъ и изученіе дѣйствительнаго, а не воображаемаго строенія земли, и наблюденіе дѣйствительно совершающихся геологическихъ явленій.

Фактъ, замѣченный Стенономъ въ Аппенинахъ,—что слои, образующіе горы, имѣютъ наклонное положеніе, а слои разстилающіеся у подножія горъ и слагающіе почву сосѣдней равнины лежатъ горизон-

Бюффонъ.

тально, былъ замѣченъ и во многихъ другихъ горныхъ мѣстностяхъ и было обнаружено, что приподнятые края этихъ слоевъ, образующихъ краевыя части горныхъ кряжей, тянутся длинными и узкими полосами вдоль этихъ кряжей, какъ будто они были приподняты кверху или согнуты въ складку и срѣзаны на нѣкоторомъ уровнѣ. Было также указано, что центральный гребень горъ часто состоитъ изъ древнѣйшихъ кристаллическихъ породъ. Въ этомъ направленіи работали Мичель въ Англіи (1760 г.), Леманъ и Фюксель въ Германіи, Палласъ, путешествовавшій по Уралу и Сибири (1772—1776 г.). Изслѣдованіе распространенія и взаимныхъ отношеній различныхъ слоевъ составляетъ нынѣ предметъ того отдѣла геологіи, который называется тектоникой или стратиграфіей.

Замѣчательно, что нашъ геніальный соотечественникъ М. В. Ломоносовъ въ своихъ представленіяхъ о строеніи земной коры и ея наслоеній, объ образованіи горъ и равнинъ, объ образованіи рудныхъ жилъ въ трещинахъ пластовъ, о связи вулкановъ съ расколами земной коры и о природѣ землетрясеній не только опередилъ по времени сейчасъ упомянутыхъ ученыхъ, но и предвосхитилъ нѣкоторые идеи и выводы, которымъ суждено было появиться и подвергнуться дальнѣйшей разработкѣ только во второй половинѣ XIX вѣка. Къ сожалѣнію, условія развитія геологическихъ идей въ послѣднюю четверть XVIII вѣка не были благопріятны для широкаго распространенія и дальнѣйшаго плодотворнаго развитія того направленія, какого держался Ломоносовъ, и даже въ отечественной наукѣ его изслѣдованія и его замѣчательныя по тому времени идеи были вскорѣ забыты.

Говоря о развитіи геологической науки въ половинѣ XVIII столѣтія, слѣдуетъ упомянуть еще о трудахъ Геттара во Франціи, составившаго первую карту распространенія минеральныхъ породъ и рудъ, представляющую нѣкоторое еще очень несовершенное подобіе геологической карты парижскаго бассейна. Кромѣ того, Геттаръ первый обратилъ вниманіе на то, что многія горы, возвышающіяся на гранитномъ плато центральной Франціи близъ Клермона, представляютъ собою потухшіе вулканы, изливавшіе когда-то огромные потоки лавы и выбрасывавшіе массы тепла и шлаковъ. Этотъ же изслѣдователь обратилъ серьезное вниманіе на изученіе совершающихся нынѣ процессовъ разрушенія суши и отложенія въ морѣ осадковъ; онъ самъ изслѣдовалъ свойства осадковъ отлагающихся у береговъ Франціи и старался уяснить, чѣмъ обусловливается ихъ составъ и распредѣленіе.

Всего нѣсколькими годами позже Геттара въ той же центральной Франціи работаетъ замѣчательный изслѣдователь Демаре.

Происходя изъ бѣдной семьи, онъ только неутомимымъ трудомъ и энергіей пробивалъ свой жизненный путь, пока, наконецъ, получилъ отъ правительства назначеніе изыскивать мѣры къ поднятію французской промышленности. Будучи занятъ этимъ дѣломъ, онъ могъ посвящать только досуги своимъ любимымъ изслѣдованіямъ въ области геологической науки, которой въ сущности тогда и не существовало и которой онъ самъ былъ однимъ изъ творцовъ и основателей. Чрезвычайно скромный и равнодушный къ матеріальнымъ условіямъ своего существованія, онъ обыкновенно предпринималъ свои путешествія пѣшкомъ съ кускомъ хлѣба и сыра въ карманѣ, и никогда не заботился о томъ, гдѣ ему придется провести предстоящую ночь. Во время своихъ странствованій по Оверни, онъ особенно заинтересовался базальтомъ, темной каменной породой, замѣчательной по тѣмъ столбчатымъ формамъ, которыя обнаруживала ея масса. Эту породу наблюдалъ и Геттаръ и даже высказалъ мнѣніе о ея осадочномъ происхожденіи, основываясь на томъ, что она мѣстами лежитъ горизонталь-

нымъ слоемъ на вершинахъ возвышенностей, покрывая другія осадочныя породы. Демаре прочиталъ все, что было написано о базальтѣ и собирался предпринять путешествіе въ Ирландію, гдѣ эта порода достигаетъ особенно большого развитія. Оказалось, однако, что ключъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи базальта находится не тамъ, а въ центральной Франціи, въ той замѣчательной области потухшихъ вулкановъ, которая немного раньше привлекала къ себѣ вниманіе Геттара.

Во время одной изъ экскурсій въ окрестностяхъ Клермона, Демаре посчастливилось наткнуться на факты, свидѣтельствовавшіе о тѣсной связи столбчатой, базальтовой породы съ вулканами; онъ увидѣлъ, что

Демаре.

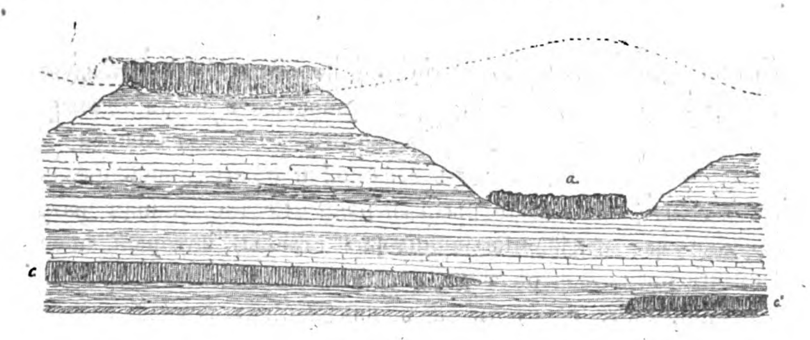
нѣкоторые несомнѣнные лавовые потоки, берущіе свое начало отъ какого-нибудь изъ потухшихъ вулкановъ, обнаруживаютъ на своихъ краяхъ столбчатое строеніе ихъ массы. Кромѣ того, Демаре обнаружилъ присутствіе подъ этой столбчатой массой вулканическихъ шлаковъ или измѣненной дѣйствіемъ огня почвы. Онъ сталъ изучать другіе участки покрытые столбчатыми массами базальта, и убѣдился въ томъ, что всѣ эти массы имѣютъ вулканическое происхожденіе, но что связь ихъ съ древними вулканическими жерлами часто замаскирована послѣдующими процессами размыванія, уничтожившими не только рыхлые конусы вулкановъ ихъ излившихъ, но и значительную часть прежнихъ потоковъ, отъ которыхъ уцѣлѣли, сравнительно незначительные изолированные участки. Сравнивая французскіе образцы

базальтовъ съ ирландскими и изучая рисунки, изображающіе внѣшній обликъ ирландскихъ базальтовъ, Демаре убѣдился въ тожествѣ этихъ породъ и въ возможности приписать имъ одинаковое происхожденіе.

Первое сообщеніе объ этомъ открытіи было сдѣлано Демаре въ Академіи Наукъ въ 1765 г., но только черезъ 9 лѣтъ появилось подробное описаніе его изслѣдованій, за которымъ послѣдовали и другія работы, относившіяся къ той же области. По его настоянію, и при его участіи, была предпринята подробная топографическая съемка вулканической области центральной Франціи. Распространеніе вулкановъ, различная степень разрушенія ихъ работой дождя и текучей воды, а также отношеніе между лавами и другими породами были имъ изучены съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и тщательностью и результатомъ этого изученія явился рядъ общихъ выводовъ о геологической исторіи страны, которая оказалась очень сложной и обнимающей чрезвычайно продолжительныя эпохи. Это была первая работа, давшая наглядную иллюстрацію тѣхъ измѣненій ландшафта страны, которыя производились многовѣковой работой тѣхъ естественныхъ дѣятелей, которые и теперь продолжаютъ работать надъ измѣненіемъ земной поверхности. Изучая лавы и другіе вулканическіе продукты, сохранившіе свои первоначальные признаки далеко не въ одинаковой степени, Демаре нашелъ возможность распознать нѣсколько большихъ эпохъ, въ развитіи страны и вообще въ вулканической дѣятельности земного шара, эпохъ, къ которымъ и были отнесены соотвѣтствующія лавы. Къ первой, самой недавней изъ нихъ, были отнесены тѣ лавы нынѣ дѣйствующихъ или недавно потухшихъ вулкановъ, которыя ясно сохранили свою связь съ излившими ихъ жерлами, изъ которыхъ были выброшены и массы пепла, образовавшаго вулканическій конусъ. Эти лавы сохранили еще шероховатую корку шлаковъ, когда-то застывшихъ на поверхности потока. Процессы размыванія еще мало измѣнили рельефъ страны со времени изліянія этихъ лавъ; онѣ и теперь занимаютъ наиболѣе пониженныя части рельефа страны, тѣ долины, которыя существовали въ эпоху изліянія лавовыхъ потоковъ и служили имъ ложемъ.

Ко второй, болѣе отдаленной, эпохѣ относятся тѣ лавы, которыя уже не имѣютъ шероховатой шлаковой корки и не пріурочены къ опредѣленнымъ вулканическимъ жерламъ или конусамъ. Всѣ эти рыхлыя образованія уже уничтожены и смыты атмосферными агентами, и въ самыхъ лавахъ и породахъ, ихъ подстилающихъ, прорыты глубокія долины, такъ что уцѣлѣвшія части лавовыхъ потоковъ оказываются теперь нерѣдко на вершинахъ возвышенностей, сохранившихся отъ размыванія прежней поверхности суши. Стало быть, нынѣшнія долины были прорыты уже послѣ изліянія этихъ лавъ, и, слѣдовательно, время ихъ изліянія должно быть отнесено къ очень отдаленной эпохѣ, ибо размываніе долинъ происходитъ очень медленно.

Къ третьей, еще болѣе отдаленной эпохѣ были отнесены тѣ лавы, которыя лежатъ не на слоистыхъ породахъ, а подъ ними или съ ними чередуются; слѣдовательно, ихъ изліяніе предшествовало образованію этихъ породъ, а такъ какъ въ центральной Франціи породы, лежащія подъ этими древними лавами, мѣстами достигаютъ толщины 600—900 ф., то эта третья эпоха должна была длиться очень продолжительное время. Для лучшаго уясненія этихъ результатовъ, мы иллюстрируемъ ихъ слѣдующимъ схематическимъ рисункомъ.

Схематическій разрѣзъ, иллюстрирующій результаты изслѣдованій Демаре въ центральной Франціи.

Труды Демаре ясно показываютъ, насколько цѣнны, въ смыслѣ пріобрѣтенія положительныхъ знаній о прошедшемъ земли, могутъ быть тщательныя изслѣдованія даже одной сравнительно небольшой области. Различнымъ теоріямъ земли, умозрительно построеннымъ, Демаре не придавалъ серьезнаго значенія, считая наблюденіе дѣйствительныхъ фактовъ и явленій единственнымъ надежнымъ путемъ къ уразумѣнію природы и исторіи земли. Это ясно выражено имъ въ предисловіи къ его физической географіи, написанномъ для издававшейся тогда Дидро и Даламберомъ методической энциклопедіи. По его мнѣнію, эти теоріи прямо противоположны основнымъ принципамъ физической географіи и имѣютъ къ ней то же отношеніе, какое имѣютъ баснословныя сказанія къ исторіи.

Казалось бы, что съ появленіемъ такихъ изслѣдователей, какъ Мичель, Леманъ, Фюксель, Ломоносовъ, Палласъ, Геттаръ и Демаре, строившихъ свои выводы и объясненія не на теоретическихъ кабинетныхъ соображеніяхъ, а на основаніи точнаго изслѣдованія природы въ разныхъ странахъ, геологія вступала на путь правильнаго развитія и дѣлалась точной наблюдательной наукой. На самомъ дѣлѣ вступленію ея на этотъ путь суждено было еще на долго задержаться. Обстоятельства, при какихъ это случилось чрезвычайно поучительны, такъ какъ хорошо иллюстрируютъ тѣ условія, какими опредѣляется иногда прогрессъ науки и представляютъ любопытный примѣръ психологіи научнаго творчества.

Эпоха, обнимающая конецъ XVIII и начало XIX столѣтія, ознаменовалась дѣятельностью въ области интересующаго насъ знанія, замѣчательнаго человѣка, игравшаго въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій самую выдающуюся роль среди своихъ собратій по наукѣ, сумѣвшаго стать, какъ выражаются его біографы, непогрѣшимымъ оракуломъ геологіи. Это былъ Іоганъ Готлибъ Вернеръ, профессоръ Фрейбергской горной школы въ Саксоніи.

Это былъ талантливый профессоръ, горячо любившій свою науку и обладавшій замѣчательнымъ даромъ возбуждать живой интересъ и любовь къ ней въ своихъ слушателяхъ и внушать имъ непоколебимую вѣру въ истинность тѣхъ положеній, которыя онъ высказы-

Вернеръ.

валъ. Слава Вернера, какъ преподавателя, была такъ велика, что во Фрейбергскую горную школу стекались слушатели изъ всѣхъ странъ, и эта маленькая мѣстная школа превратилась въ какую-то центральную минералогическую и геологическую академію. Изъ этой школы вышли многіе извѣстные впослѣдствіи научные дѣятели и между ними Леопольдъ фонъ-Бухъ и Александръ Гумбольдтъ.

Вернеръ, обладалъ замѣчательнымъ даромъ различать и систематизировать минералы и горныя породы, онъ обращалъ также вниманіе на вліяніе ихъ на географію страны, на характеръ народонаселенія и на ходъ цивилизаціи. Заслуги Вернера въ области минералогіи весьма велики и общепризнаны, но въ исторіи геологіи его вліяніе было скорѣе отрицательнымъ и на долго задержало прогрессъ

науки въ томъ, несомнѣнно, плодотворномъ направленіи, какое намѣчалось въ трудахъ его предшественниковъ. Дѣло въ томъ, что, при всѣхъ своихъ превосходныхъ качествахъ, Вернеръ относился съ полной нетерпимостью къ мнѣніямъ, несогласнымъ съ его собственными, а его собственныя геологическія понятія были, къ сожалѣнію, весьма односторонни, такъ какъ они были основаны на изученіи очень небольшого района Германіи, за предѣлы котораго онъ никогда не выѣзжалъ. Естественно что, систематизируя и обобщая данныя, полученныя на основаніи изученія очень небольшой области, онъ приходилъ къ искусственнымъ и часто ложнымъ выводамъ.

Присущая Вернеру склонность къ систематизаціи, къ строгой группировкѣ и обобщенію фактовъ, давшая блестящіе результаты въ области минералогіи. привела его къ весьма странной группировкѣ напластованій земли. Онъ подраздѣлилъ земную кору на рядъ геологическихъ формацій, строго разграниченныхъ и долженствовавшихъ имѣть повсемѣстное или почти повсемѣстное распространеніе, такъ какъ, по мысли Вернера, онѣ послѣдовательно отлагались изъ водъ всемірнаго океана первоначально покрывавшаго всю землю. (Эта мысль о всемірномъ океанѣ представляетъ въ сущности очень старое ученіе). По мысли Вернера, прежде всего должны были отложиться чисто химическимъ путемъ гранитъ, древнѣйшій гнейсъ, слюдистый сланецъ, серпентинъ, порфиръ, сіенитъ, они и составили въ его системѣ первую группу, и были названы породами первичными. Эти породы, изъ которыхъ состоятъ и самыя высокія горы, должны были отложиться изъ водъ всемірнаго океана, уровень котораго былъ выше самыхъ высочайшихъ горъ.

Вторую группу породъ переходныхъ составили: такъ называемая сѣрая вакка, сѣровакковый сланецъ и известнякъ; эти породы образовались преимущественно химическимъ путемъ, но такъ какъ онѣ сопровождаются иногда породами обломочнаго происхожденія, то это указываетъ на начавшееся уже пониженіе водъ всемірнаго океана и на обнаженіе нѣкоторыхъ участковъ суши, дававшихъ обломочный матеріалъ.

Слѣдующую группу составили породы частью химическаго, но главнымъ образомъ механическаго происхожденія, свидѣтельствовавшія о продолжавшемся пониженіи океана. Эта группа получила названіе флёцовыхъ образованій и обнимала собою разнообразныя, яснослоистыя породы, известняки, гипсъ каменную соль, уголь, базальтъ, обсидіанъ, порфиръ и другія породы. Наконецъ, послѣднюю группу составили новѣйшіе наносы или аллювіальныя породы: суглинокъ, глина, песокъ, гравій, шлаки и торфъ.

Эта система предлагалась слушателямъ не въ видѣ попытки дать общую предварительную группировку матеріаловъ, составляющихъ земную кору, а излагалось совершенно авторитетнымъ тономъ, какъ нѣчто строго установленное и не допускающее сомнѣній.

Судя по сочиненію одного изъ горячихъ послѣдователей ученія Вернера, пониженіе водъ первобытнаго океана, обусловливавшее смѣну одникъ осадковъ другими, онъ объяснялъ тѣмъ, что одно изъ небесныхъ тѣлъ, по временамъ приближающихся къ землѣ, могло отнять у земли часть ея атмосферы и океана. Замѣчательно, что, излагая свое ученіе о послѣдовательности и условіяхъ образованія горныхъ породъ, Вернеръ совершенно игнорируетъ уже въ то время подмѣченные многими его предшественниками факты, свидѣтельствующіе о нарушеніи первоначальнаго положенія слоевъ, о подъемахъ, изгибахъ и изломахъ слоевъ; онъ игнорируетъ также важную роль вулкановъ при образованіи нѣкоторыхъ породъ и вообще все, что свидѣтельствуетъ о существованіи внутреннихъ силъ, принимавшихъ участіе въ образованіи и преобразованіяхъ земной коры.

Допустить, что эта внутренняя вулканическая энергія съ отдаленнѣйшихъ геологическихъ временъ играла видную роль въ образованіи массъ, слагающихъ земную кору, противорѣчило бы общему духу ученія Вернера, его взглядамъ на строеніе и исторію земли. Но съ другой стороны вулканы и изливаемые ими потоки лавы, превращающейся при остываніи въ камень, представляли тогда явленіе настолько извѣстное, что для нихъ необходимо было отыскать мѣсто въ общей системѣ, созданной Вернеромъ. И мѣсто это было указано, но это было не важное мѣсто; вулканы были признаны случайнымъ на землѣ явленіемъ, представляющимъ собою результатъ горѣнія, находящихся подъ ними слоевъ угля. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводились случаи нахожденія каменноугольныхъ залежей вблизи вулкановъ. Такъ какъ каменный уголь отнесенъ къ третьей группѣ образованій, къ флёцевымъ породамъ, то онъ долженъ былъ уже существовать, раньше чѣмъ возникли вулканы. Такимъ образомъ вулканы оказывались самыми новыми на землѣ образованіями, не игравшими никакой существенной роли въ исторіи образованія земной коры. Отношеніе Вернеръ къ явленіямъ вулканическимъ особенно ярко иллюстрируется тѣмъ положеніемъ, которое онъ занялъ по отношенію къ вопросу о происхожденіи базальта, въ пользу вулканическаго происхожденія котораго въ то время высказывались уже многіе геологи *).

Во время одной изъ своихъ экскурсій по Саксоніи, Вернеръ посѣтилъ находящуюся недалеко отъ Дрездена и увѣнчанную древнимъ замкомъ гору Столпенъ и обратилъ вниманіе на лежащій на ея вершинѣ покровъ базальта съ его характерными распадающимися на вертикальные столбы краями. Не найдя никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы на то, что этотъ покровъ имѣетъ иное происхожденіе, чѣмъ

---

*) Сочиненіе, въ которомъ изложено воззрѣніе Вернера на этотъ вопросъ, вышло въ 1787 г. и носитъ заглавіе «Kurze Klassification und Beschreibung der Verschiedenen Gebirgsarten».

лежащіе ниже осадочные слои, Вернеръ пришелъ къ выводу, что и базальтъ горы Столпенъ имѣетъ водное осадочное происхожденіе и поспѣшилъ обобщить свой выводъ и на всѣ другіе базальты, которые и были помѣщены въ его 3-ю группу породъ, отложившихся изъ воды того всемірнаго океана, которому онъ приписывалъ главную роль въ созиданіи земной поверхности. Какъ мы видимъ, знаменитый Вернеръ рѣшилъ вопросъ о происхожденіи базальтовъ совершенно иначе, чѣмъ рѣшилъ его за нѣсколько лѣтъ передъ нимъ его скромный и почти никому неизвѣстный современникъ Демаре.

Всемірному океану Вернеръ приписывалъ и образованіе рудныхъ жилъ. Эти жилы представляютъ, по его мнѣнію, трещины, образовавшіяся въ землѣ отъ неравномѣрнаго давленія отложившихся осадковъ и выполнившіяся то минеральными, то рудными осадками изъ воды океана въ нихъ проникшей. Такое ложное представленіе Вернера о способѣ происхожденія жилъ не помѣшало ему точно изслѣдовать взаимныя отношенія между рудными жилами извѣстнаго района и рѣшать вопросы объ относительномъ возрастѣ той или другой группы жилъ.

Колоссальный авторитетъ, которымъ пользовался Вернеръ, былъ основанъ не на сочиненіяхъ, которыхъ онъ издалъ очень немного, а на обаятельности всей его натуры, на томъ необыкновенномъ энтузіазмѣ, съ которымъ онъ относился къ преподаваемой имъ наукѣ и непоколебимой вѣрѣ въ истинность того ученія, которое онъ излагалъ необыкновенно краснорѣчиво и увлекательно. Никогда, ни изъ какой школы не выходило столько учениковъ, глубоко преданныхъ своему учителю, горячо убѣжденныхъ въ истинности преподаннаго имъ ученія. Неосновательность этого ученія обнаружилась передъ нѣкоторыми изъ этихъ учениковъ только послѣ многихъ лѣтъ самостоятельныхъ изслѣдованій, подъ вліяніемъ совершенно очевидныхъ фактовъ, ясно свидѣтельствовавшихъ о ложности усвоенныхъ ими вѣрованій. Но дѣятельность замѣчательнѣйшихъ учениковъ Вернера относится къ болѣе поздней эпохѣ исторіи геологіи, и мы будемъ еще говорить о нѣкоторыхъ изъ нихъ позднѣе, а здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что послѣдователи Вернера за свое стремленіе приписывать водѣ, всемірному океану необыкновенно важную, самую важную роль въ созиданіи земной коры получили названіе нептунистовъ. Они какъ бы воскрешали въ обновленной формѣ ученіе древне-греческой школы, носившей то же названіе.

Теперь намъ нужно остановить вниманіе на современникѣ Вернера, сдѣлавшемся основателемъ другого болѣе плодотворнаго въ наукѣ направленія, это былъ Геттонъ. Онъ занялся геологіей уже въ очень зрѣломъ возрастѣ, а раньше былъ юристомъ, потомъ врачомъ, потомъ фермеромъ. Поселившись уже въ 42-лѣтнемъ возрастѣ въ Эдинбургѣ, онъ отдался любимымъ своимъ естественнымъ наукамъ, много экскурсировалъ и результатомъ его работъ было сочиненіе «Теорія земли»,

вышедшее въ 1788 г., но сдѣлавшееся особенно извѣстнымъ позже, послѣ мастерской его переработки талантливымъ ученикомъ Геттона Плейферомъ (Playfair).

Геттонъ доказывалъ, опираясь на цѣлый рядъ наблюденій и изслѣдованій, произведенныхъ въ Шотландіи и особенно въ окрестностяхъ Эдинбурга, что земля не всегда имѣла тотъ видъ, какъ нынѣ, что скалы и каменные пласты, образующіе наши континенты, обыкновенно состоятъ изъ обломковъ, песчинокъ и илистыхъ частицъ, сходныхъ съ тѣми, которыя теперь отлагаются въ морѣ, близъ теперешнихъ береговъ, что эти матеріалы когда-то сносились съ суши въ море дождями, рѣками и становились морскими осадками, что потомъ эти осадки

Геттонъ.

отвердѣли и были, наконецъ, приподняты какой-то силой, воздвигнувшей сушу на мѣстѣ прежняго моря. Наша суша, слѣдовательно, вновь воздвигнута изъ развалинъ прежней, когда-то существовавшей суши, и является продуктомъ естественной дѣятельности дождя, рѣкъ, морскихъ волнъ, внутренняго жара и внѣшняго холода, дѣйствовавшихъ такъ же, какъ они дѣйствуютъ и теперь.

Въ исторіи земли, такимъ образомъ, можно различить два процесса: 1) Разрушеніе суши текучими водами, сносъ продуктовъ разрушенія въ море и 2) по временамъ повторявшееся поднятіе морского дна подземными силами и возникновеніе этимъ способомъ новой суши; при этихъ движеніяхъ, отвердѣвшіе осадки морского дна ломались и черезъ трещины поднимались расплавленныя лавы, застывавшія въ трещинахъ и на поверхности въ видѣ разнообразныхъ кристаллическихъ каменныхъ породъ.

Гёттонъ доказывалъ, что такое же огневое или изверженное про-

исхожденіе должно быть приписано и массамъ гранита, прорѣзывающимъ сланцы, такъ какъ на сланцахъ, вблизи соприкосновенія съ гранитомъ, видно вліяніе очень высокой температуры.

Выводъ Гёттона, что въ исторіи измѣненій земной коры чередуются процессы разрушенія суши атмосферой и водой съ процессомъ періодическаго поднятія новой суши силой подземнаго жара, повелъ къ освѣщенію еще одного, очень важнаго вопроса, именно вопроса о продолжительности геологическаго времени. Дѣло въ томъ, что работа разрушительныхъ агентовъ: дождя, мороза, текучей воды, и работа моря, отлагающаго осадки, совершается чрезвычайно медленно и мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать какой-либо иной порядокъ въ прошломъ; мы въ правѣ, поэтому, заключить, что геологическіе дѣятели, работавшіе прежде надъ преобразованіями земной коры, должны были работать очень продолжительное время, чтобы результатомъ этой работы было созданіе тѣхъ грандіозныхъ памятниковъ, какіе представляютъ собою толщи древнихъ осадковъ, слагающихъ наши континенты. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, приходилось допустить, что для совершенія тѣхъ измѣненій, о которыхъ свидѣтельствуетъ намъ своими напластованіями земная кора, потребовались такіе огромные періоды времени, какіе до тѣхъ поръ и не представляли себѣ ученые, привыкшіе думать, что нѣсколькихъ тысячелѣтій достаточно для вмѣщенія всей исторіи земли. Гёттонъ показалъ, что за предѣлами этого короткаго періода открываются все болѣе и болѣе отдаленныя перспективы событій, о которыхъ въ толщахъ земли сохранились точныя записи. Подобно астрономіи, показавшей человѣку неизмѣримыя пространства вселенной, возникающая новая геологія открывала ему почти безграничныя перспективы времени.

Бывшія въ то время въ большой модѣ умозрительныя построенія о происхожденіи земли и безконечные споры, которые они вызывали, казались Гёттону безплодными и даже вредными, такъ какъ къ нимъ нерѣдко примѣшивались соображенія, ничего общаго съ наукой не имѣющія. Онъ считалъ себя призваннымъ изслѣдовать и объяснять факты, а не строить теоріи, а такъ какъ изучая земную кору, онъ не находилъ фактовъ, бросающихъ свѣтъ на первоначальныя фазы существованія земли, то и заявилъ, что разсужденія и споры о началѣ земли лежатъ внѣ области геологіи и что въ матеріалахъ, которые изучаетъ геологъ, онъ не находитъ никакихъ слѣдовъ начала и никакихъ указаній на конецъ. Ученикъ и популяризаторъ идей Гёттона Плейферъ выразилъ это положеніе въ еще болѣе рѣзкой и въ болѣе доступной возраженіямъ формулѣ, что ни въ памятникахъ земли, ни въ планетныхъ движеніяхъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ начала или конца современнаго порядка вещей, что ликъ природы не обнаруживаетъ никакихъ чертъ дѣтства или старости и никакихъ признаковъ, по ко-

торымъ можно бы было опредѣлить продолжительность существованія вселенной ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ.

Появленіе двухъ, столь противоположныхъ ученій, какъ ученіе Вернера и Геттона, естественно должно было вызвать столкновеніе ихъ защитниковъ и послѣдователей и, дѣйствительно, конецъ прошлаго и начало нынѣшняго вѣка ознаменовались въ исторіи науки знаменитымъ споромъ послѣдователей Вернера или нептунистовъ съ послѣдователями Геттона, получившими названіе вулканистовъ. Этотъ споръ тянется много лѣтъ и завершается побѣдой вулканистовъ, тѣмъ болѣе естественной, что многіе изъ талантливыхъ учениковъ Вернера были приведены къ необходимости отрѣшиться отъ его фантастическихъ доктринъ и признать важное значеніе вулканическихъ явленій въ жизни земли.

Геттонъ, какъ и многіе его предшественники, начиная съ Леонардо да Винчи, настаивали на томъ, что ключомъ къ уразумѣнію древнихъ измѣненій земли должно служить наблюденіе нынѣ совершающихся процессовъ. Но эта столь важная сторона его ученія остается въ тѣни еще на нѣсколько десятилѣтій и становится лозунгомъ новой геологіи лишь со времени появленія основъ геологіи Ляйеля. Не будемъ, однако, забѣгать впередъ и остановимся прежде на нѣкоторыхъ послѣдователяхъ и продолжателяхъ Геттона и на нѣкоторыхъ выдающихся его современникахъ, работавшихъ независимо отъ него въ другомъ чрезвычайно важномъ направленіи.

Одинъ изъ ближайшихъ друзей Геттона Джемсъ Голлъ (James Hall) пришелъ къ мысли, что нѣкоторые изъ выводовъ, полученныхъ Геттономъ путемъ наблюденій и аналогій, могутъ быть провѣрены опытомъ. Онъ случайно замѣтилъ, что большая масса расплавленнаго стекла на заводѣ, при медленномъ спокойномъ охлажденіи, утрачиваетъ прозрачность и становится бѣлой, кристаллической, камневидной массой. Джемсъ Голлъ взялъ нѣкоторые базальты и другія кристаллическія породы, встрѣчаемыя въ окрестностяхъ Эдинбурга, и сталъ расплавлять ихъ въ плавильныхъ печахъ и, охлаждая быстро, получилъ темное стекло, а при медленномъ охлажденіи этого, вновь расплавленнаго стекла, получилъ кристаллическую массу, похожую на первоначально взятую.

Его путешествіе на Везувій и Этну повело къ важному открытію, что вертикальныя каменныя жилы, прорѣзывающія мѣстами склоны вулкановъ, образовались изъ лавы, вытѣсненной извнутри по трещинамъ, и что эта лава у краевъ, гдѣ она быстро охладилась, имѣетъ характеръ стекла, а внутри большихъ каменныхъ жилъ имѣетъ кристаллическое строеніе. Впослѣдствіи Джемсъ Голлъ произвелъ еще цѣлый рядъ интересныхъ опытовъ, напр., онъ превратилъ мѣлъ въ кристаллическій мраморъ; далѣе, на небольшой модели земныхъ слоевъ, сдѣланныхъ изъ сукна и затѣмъ изъ влажной глины, онъ воспроиз-

велъ складки слоевъ, аналогичныя тѣмъ, которыя въ колоссальномъ масштабѣ наблюдаются въ горахъ, и показалъ, что эти складки могутъ образоваться вслѣдствіе бокового давленія на слои.

Этими изслѣдованіями было положено начало особому экспериментальному направленію въ геологіи, имѣющему и понынѣ многихъ выдающихся представителей.

Другой современникъ Гёттона, *Николь*, извѣстный изобрѣтатель кальцитовой призмы, поляризующей свѣтовой лучъ, первый сталъ приготовлять для опытовъ съ этой призмой тонкіе шлифованные разрѣзы окаменѣлостей, дающіе возможность изучать эти объекты микроскопически. Позже, въ 50-хъ годахъ, другой англичанинъ *Сорби* примѣнилъ этотъ методъ къ изслѣдованію различныхъ каменныхъ породъ и тѣмъ открылъ новое плодотворное поле изслѣдованій и вступилъ на путь приведшій къ возникновенію особаго важнаго отдѣла геологіи, получившаго названіе петрографіи.

Эти два метода, экспериментальный и микроскопическій, дали особенно интересные и важные результаты въ дѣлѣ изученія породъ кристаллическихъ, породъ огневаго происхожденія. Они помогли намъ проникнуть въ тайны той области, которая казалась наименѣе доступной, познакомиться съ явленіями въ очагахъ вулкановъ и въ глубокихъ нѣдрахъ земли. Но признаки структуры, хотя бы и микроскопической, еще ничего не говорятъ о времени образованія самыхъ массъ, о томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ возникали и входили въ составъ твердыхъ покрововъ земли.

Ни Вернеру, въ его умозрительно построенной системѣ слоевъ, ни Гёттону и его ближайшимъ послѣдователямъ не удалось найти широко примѣнимаго критерія для опредѣленія времени образованія той или иной породы, для установленія хронологіи геологическихъ событій. Элементы этой хронологіи могли быть найдены и дѣйствительно были найдены при внимательномъ изученіи тѣхъ пластовъ, которые осаждались изъ воды въ правильной послѣдовательности и погребали въ себѣ остатки организмовъ, жившихъ въ этой водѣ и на близъ лежащей сушѣ. Естественно, что эти древніе осадки прежде всего обратили на себя вниманіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они на большомъ протяженіи сохранили свое первоначальное положеніе и гдѣ можно было легко опредѣлить порядокъ ихъ отложенія. Весьма благопріятныя въ этомъ отношеніи условія представляетъ юго-восточная часть Англіи и примыкающая къ Парижу область Франціи, и мы сейчасъ увидимъ, что въ ту самую эпоху, когда ведутся ожесточенные споры нептунистовъ и вулканистовъ, т.-е. въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ, и въ Англіи, и во Франціи одновременно возникаетъ новое направленіе въ области геологическихъ изслѣдованій, оказавшее самое рѣшительное и благотворное вліяніе на дальнѣйшій прогрессъ науки.

Создателемъ этого новаго направленія въ Англіи былъ инженеръ *Вильямъ Смитъ.*

Производя работы по прорытію каналовъ, В. Смитъ внимательно изучалъ обнажаемые при работахъ слои и разсматривая заключающіяся въ нихъ раковины и др. органическіе остатки, пришелъ къ убѣжденію, что слои эти послѣдовательно представляли собою дно моря и что въ нихъ уцѣлѣли остатки организмовъ, жившихъ въ этомъ морѣ. Далѣе онъ убѣдился, что органическіе остатки находимые въ двухъ сосѣднихъ слояхъ мало отличаются между собою, и, наоборотъ, остатки изъ далеко отстоящихъ слоевъ представляютъ болѣе рѣзкія различія. Заинтересовавшись этимъ, онъ сталъ предпринимать многочисленныя экскурсіи въ тѣ мѣстности, гдѣ слои обнажаются по берегамъ рѣкъ или моря, и

Вильямъ Смитъ.

старался прослѣдить каждый слой на возможно большемъ разстояніи. Задача эта была не легкая; обыкновенно слои обнажаются и доступны наблюденію на довольно ограниченномъ пространствѣ, далѣе они скрываются подъ почвеннымъ и растительнымъ покровомъ. Потерявъ изъ виду изучаемый слой въ одномъ мѣстѣ, приходится разыскивать продолженіе этого слоя въ слѣдующемъ обнаженіи, и тутъ-то является опасность смѣшать этотъ слой съ другими, сходными съ нимъ по внѣшнимъ и минералогическимъ признакамъ.

Многочисленныя наблюденія В. Смита обнаружили, что даже въ удаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ можно опредѣлить послѣдовательный порядокъ различныхъ слоевъ и распознать одинъ и тотъ же слой, основываясь на вышеупомянутомъ сходствѣ и степени различія органическихъ остатковъ, и такое распознаваніе возможно даже

и въ томъ случаѣ, если минеральный составъ слоя не остался однимъ и тѣмъ же въ обѣихъ мѣстностяхъ.

Съ установленіемъ этого факта, наука сдѣлала громадное пріобрѣтеніе: было найдено средство опредѣлять горизонтальное распространеніе и историческій порядокъ образованія весьма значительныхъ массъ земной коры. Работы В. Смита пріобрѣли еще тѣмъ большее значеніе, что результаты своихъ изслѣдованій онъ сталъ отмѣчать на картѣ и пояснять эту карту еще и вертикальными разрѣзами или профилями, наглядно иллюстрирующими распространеніе слоевъ. Такимъ образомъ возникла первая настоящая геологическая карта Англіи, которая не только указывала распространеніе того или другого отложенія на поверхности, но и давала понятіе о внутреннемъ геологическомъ строеніи страны. Отдѣлъ науки, вызванный къ существованію этими изслѣдованіями получилъ названіе стратиграфической или исторической геологіи.

Но этимъ еще не исчерпывается значеніе изслѣдованій В. Смита. Со времени этихъ изслѣдованій органическіе остатки перестаютъ быть только любопытными произведеніями природы, а становятся важнѣйшимъ средствомъ опредѣлять порядокъ и послѣдовательность напластованій земной коры. Обнаруженіе того факта, что виды организмовъ не остаются одинаковыми въ различныхъ слояхъ, а смѣняются все новыми комбинаціями, приводило къ выводу, что перемѣны пережитыя землымъ шаромъ касались не однихъ только неорганическихъ его массъ, а распространялись и на живыхъ его обитателей, оказывалось, что каждый періодъ исторіи земли имѣлъ свои особыя органическія формы, которыя затѣмъ исчезали и смѣнялись новыми. Эти фауны и флоры послѣдовательно населявшія землю и сами по себѣ, помимо ихъ служебнаго для геологіи значенія, естественно привлекали къ себѣ вниманіе натуралистовъ и, такъ сказать, намѣчали возможность возникновенія еще новой науки, посвященной ихъ изученію.

Эта наука и дѣйствительно возникла, но ея возникновеніе не было слѣдствіемъ работъ В. Смита, а совершилось въ другой странѣ, какъ слѣдствіе совершенно самостоятельныхъ работъ другихъ изслѣдователей, которые работали почти въ одинаковыхъ съ В. Смитомъ условіяхъ и пришли почти къ тожественнымъ выводамъ, хотя и имѣли въ виду неодинаковыя задачи.

Страна эта была Франція а изслѣдователи *Кювье* и *Броньяръ*.

Жоржъ Кювье уже съ самаго юнаго возраста проявлялъ большой интересъ къ естественнымъ наукамъ. По окончаніи курса наукъ, онъ поселился на берегу Ламанша, въ качествѣ воспитателя въ одномъ нормандскомъ семействѣ. Вѣсть объ его замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ надъ морскими животными дошла до Парижа, и онъ былъ приглашенъ въ Парижъ, гдѣ сдѣлался вскорѣ профессоромъ. Еще живя

въ Нормандіи, онъ интересовался не только животными, жившими въ морѣ, но и ископаемыми раковинами, которыя встрѣчаются тамъ въ камнѣ береговыхъ утесовъ и часто вымываются моремъ, разрушающимъ эти утесы. Эти ископаемыемыя раковины онъ сравнивалъ съ

Жоржъ Кювье.

нынѣ живущими. Сдѣлавшись профессоромъ въ Парижѣ, онъ получилъ возможность изучать очень богатый зоологическій матеріалъ, собранный его предшественниками. Начиная знакомиться съ этимъ матеріаломъ, онъ между прочимъ обратилъ вниманіе на кости и зубы сло-

новъ, которые были найдены въ разныхъ мѣстахъ Франціи, въ рѣчныхъ и озерныхъ наносахъ. Онъ изучилъ эти остатки, сравнилъ ихъ съ соотвѣтствующими частями скелета нынѣшнихъ видовъ слоновъ и пришелъ къ выводу, что ископаемые слоны не принадлежатъ къ видамъ, которые живутъ теперь, а представляютъ особые, нынѣ не существующіе виды. Потомъ его вниманіе было привлечено костями, находимыми въ *гипсовыхъ ломкахъ* окрестностей Парижа; изучивъ эти кости, онъ убѣдился въ томъ, что они принадлежали животнымъ, совершенно неизвѣстнымъ на землѣ и не имѣющимъ близкихъ родичей въ современной фаунѣ. Его глубокія познанія въ анатоміи позволили ему возсоздать цѣлые скелеты этихъ прежнихъ обитателей земли и составить представленіе объ ихъ внѣшнемъ обликѣ и даже объ условіяхъ ихъ жизни. Этими изслѣдованіями было окончательно доказано, что въ прежнія геологическія эпохи существовали особые, отличные отъ нынѣшнихъ роды и виды организмовъ и было положено основаніе особой науки объ этихъ исчезнувшихъ организмахъ, получившей названіе «палеонтологіи» и тѣсно связанной съ одной стороны съ геологіей а съ другой—съ зоологіей.

Убѣдившись въ существованіи на землѣ особыхъ, нынѣ исчезнувшихъ формъ, Кювье естественно заинтересовался вопросомъ, почему же онѣ исчезли и какъ произошла замѣна ихъ новыми формами, а этотъ вопросъ могъ быть рѣшенъ только путемъ изученія остатковъ этихъ животныхъ не по собраннымъ другими коллекціямъ, а въ той обстановкѣ, среди которой ихъ находятъ, т.-е. изученіемъ самыхъ слоевъ ихъ содержащихъ. Дѣятельнымъ помощникомъ Кювье въ этой области сдѣлался горный инженеръ и профессоръ минералогіи въ естественно-историческомъ музеѣ Парижа Броньяръ, интересовавшійся также и зоологіей и особенно находимыми въ слояхъ остатками животныхъ. Впродолженіи многихъ лѣтъ Кювье и Броньяръ предпринимаютъ экскурсіи въ окрестностяхъ Парижа и вообще въ центральной Франціи. Результатомъ этихъ работъ является подробное описаніе напластованій, слагающихъ эту часть Франціи. Мы уже знаемъ, что эти же слои изучалъ и Геттаръ, составившій даже карту распространенія отдѣльныхъ, особенно характерныхъ по своему составу слоевъ. Но Кювье и Броньяръ подробно изучили не только такія породы, какъ мѣлъ, занимающій тамъ обширную площадь, но и въ толщѣ слоевъ, лежащихъ выше мѣла, различили многіе отдѣльные слои, распознали порядокъ, въ какомъ они слѣдуютъ одни за другими и прослѣдили ихъ распространеніе по всей области. Средствомъ распознавать какой-нибудь уже раньше изученный слой въ другой мѣстности служили имъ, какъ и Вильяму Смиту въ Англіи, остатки животныхъ, сохранившихся въ слояхъ. И они замѣтили, что въ каждомъ слоѣ есть формы, не встрѣчающіяся въ другихъ слояхъ, по которымъ и можно узнать каждый слой. Ими было также обнаружено,

что въ нѣкоторыхъ случаяхъ различія въ органическихъ остаткахъ чрезвычайно рѣзки, такъ что ни одна форма изъ нижняго слоя не переходитъ въ выше лежащій, что, напримѣръ, наблюдалось при изученіи мѣла и покрывающихъ его болѣе новыхъ слоевъ. Эти различія были приписаны перерывамъ въ отложеніи осадковъ. Въ другомъ случаѣ, нѣкоторыя изъ ископаемыхъ переходятъ изъ одного слоя въ другой, и лишь постепенно замѣняются новыми. Далѣе оказалось, что одни изъ слоевъ заключаютъ въ себѣ морскую фауну, свидѣтельствующую о спокойномъ и медленномъ отложеніи слоевъ на днѣ моря; другіе слои заключаютъ въ себѣ остатки растеній и животныхъ, жившихъ на сушѣ или въ озерѣ, что свидѣтельствовало объ исчезновеніи моря и о возникновеніи на его мѣстѣ суши съ рѣками и озерами. Такимъ образомъ впервые была возстановлена геологическая исторія довольно обширной области и опредѣлена хронологія событій этой исторіи, и средствомъ для этого послужили формы органической жизни характеризовавшія каждую эпоху.

Казалось бы, что подмѣченная Кювье и Броньяромъ постепенность исчезновенія древнихъ родовъ и видовъ, и появленіе въ болѣе новыхъ слояхъ формъ, болѣе близкихъ къ современнымъ, должна была привести къ выводу о постепенныхъ измѣненіяхъ формъ органической жизни, результатомъ которыхъ явился современный органическій міръ, тѣмъ болѣе, что самая идея о постепенныхъ измѣненіяхъ формъ животнаго міра была уже высказана современникомъ Кювье Ламаркомъ. Но Кювье не сдѣлался сторонникомъ или защитникомъ этихъ воззрѣній, для твердаго научнаго обоснованія которыхъ было тогда въ распоряженіи естествоиспытателей слишкомъ мало данныхъ.

Сочиненіе Кювье, въ которомъ онъ касается общихъ вопросовъ объ исторіи земли и ея органическаго населенія, было первоначально напечатано какъ *введеніе* (discours prélimimaire) въ его изслѣдованіе объ ископаемыхъ костяхъ, а впослѣдствіи получило заглавіе: «Разсужденіе о переворотахъ на земной поверхности». (Discours sur les révolutions de la surface du globe). Въ исторіи геологіи утвердилось мнѣніе, что Кювье является въ этомъ сочиненіи горячимъ проповѣдникомъ идеи о періодически повторяющихся всеобщихъ пертурбаціяхъ или катастрофахъ на земной поверхности, имѣвшихъ своимъ слѣдствіемъ гибель всего органическаго населенія земли, впослѣдствіи вновь возрождавшагося новымъ творческимъ актомъ. Однако, непосредственное и внимательное знакомство съ названнымъ сочиненіемъ Кювье показываетъ, что такое мнѣніе не вполнѣ справедливо.

Онъ указываетъ, что раньше горизонтально лежащихъ морскихъ слоевъ, слагающихъ равнинныя страны, море отложило другіе слои (вторичные), тоже содержащіе морскія раковины, слои, которые теперь выступаютъ изъ подъ первыхъ въ видѣ колоссальныхъ, наклонныхъ, иногда вертикально стоящихъ плитъ, образующихъ горные гребни и

которые свидѣтельствуютъ о той катастрофѣ, которую пережила земля прежде отложенія горизонтальныхъ слоевъ. Всѣ эти морскіе слои имѣютъ различный составъ, содержатъ различные органическіе остатки и неодинаково распространены на земной поверхности; а именно болѣе древніе слои пользуются болѣе широкимъ распространеніемъ. Это и указываетъ, что большія катастрофы, производившія измѣненія въ морскихъ бассейнахъ, сопровождались измѣненіями въ составѣ и свойствахъ воды и въ составѣ органическаго населенія этихъ бассейновъ. Эти измѣненія повторялись неоднократно и въ болѣе позднія эпохи, когда морская поверхность подраздѣлилась на части островами и выдающимися изъ воды горными гребнями; въ разныхъ отдѣльныхъ бассейнахъ происходили неодинаковыя измѣненія. Такимъ образомъ животное населеніе измѣнялось параллельно съ измѣненіями въ составѣ воды, и когда море въ послѣдній разъ оставило наши континенты, его обитатели мало отличались отъ тѣхъ, которые еще и теперь живутъ въ немъ.

Присутствіе даже среди древнихъ слоевъ прослоекъ съ материковыми и прѣсноводными растеніями и животными показываетъ, что катастрофы не сопровождались только поднятіемъ изъ воды разныхъ частей нашихъ континентовъ, но что и части уже существовавшей суши вновь затоплялись моремъ.

Кювье говоритъ далѣе, что присутствіе среди морскихъ напластованій парижскаго бассейна прослоекъ съ прѣсноводными раковинами, съ остатками наземныхъ растеній и четвероногихъ животныхъ и птицъ свидѣтельствуетъ о томъ, что раньше нынѣшней суши и ея органическаго населенія существовала другая суша съ инымъ населеніемъ, которое погибло въ ту эпоху, когда море вновь покрыло эту страну. Далѣе Кювье приводитъ указанный уже Палласомъ и Соссюромъ фактъ, что въ горныхъ цѣпяхъ изъ-подъ самыхъ древнихъ слоевъ съ морскими ископаемыми выступаютъ, и тоже въ наклонномъ положеніи, еще иные слои, лишенные органическихъ остатковъ, слои, которые когда-то тоже отложились изъ воды и потомъ были выдвинуты наружу, круто поставлены и разорваны. Эти слои налегаютъ на древнѣйшую породу гранитъ и свидѣтельствуютъ своимъ составомъ и расположеніемъ о томъ, что земная поверхность претерпѣвала перевороты и до существованія на землѣ органическаго населенія. Среди современныхъ геологическихъ агентовъ Кювье не находитъ такихъ, которые могли бы произвести перевороты подобнаго рода и переходитъ къ изложенію тѣхъ результатовъ, которые онъ получилъ, изучая самые слои съ ихъ органическими остатками—съ цѣлью найти въ нихъ разъясненіе заинтересовавшаго его явленія. Онъ указываетъ на условія нахожденія въ слояхъ парижскаго бассейна остатковъ названныхъ животныхъ, и говоритъ, что *роды* совершенно неизвѣстные въ современной фаунѣ находятся въ древнихъ, правильно наслоенныхъ каменныхъ пластахъ этого бассейна, лежащихъ непосредственно надъ тѣмъ морскимъ осад-

комъ, который называется грубымъ известнякомъ; что неизвѣстные въ современной фаунѣ *виды*, относящіеся, однако, къ родамъ или существующимъ нынѣ или очень близкимъ къ нынѣшнимъ, каковы слоны, носороги, гиппопотамы, мастодонты не встрѣчаются вмѣстѣ съ тѣми древними родами, но встрѣчаются въ болѣе новыхъ и болѣе рыхлыхъ образованіяхъ—то вмѣстѣ съ морскими, то вмѣстѣ съ прѣсноводными раковинами; наконецъ виды и до нынѣ существующіе встрѣчаются только въ аллювіѣ рѣчныхъ береговъ или въ отложеніяхъ высохшихъ озеръ и болотъ или въ трещинахъ и пещерахъ скалъ или вообще близъ земной поверхности, гдѣ они могли быть засыпаны обвалами или зарыты человѣкомъ. Эти наблюденія привели Кювье къ выводу, что въ классѣ млекопитающихъ была, по крайней мѣрѣ, одна, но весьма вѣроятно, что и двѣ смѣны фаунъ предшествовавшихъ той, какая теперь населяетъ наши страны (стр. 73). Притомъ эти смѣны нельзя приписать измѣняющимъ вліяніямъ окружающихъ условій, климата и т. п., которыя могли вызвать переходъ одной формы въ другія, такъ какъ, при такомъ допущеніи, въ слояхъ должны бы были сохраниться и промежуточныя формы, которыя до сихъ поръ не были, однако, найдены. Слѣдующія строки, написанныя Кювье, ясно показываютъ, какъ онъ объяснялъ причины этихъ смѣнъ четвероногаго населенія континентовъ.

«Впрочемъ, утверждая, что каменные слои содержатъ кости многихъ родовъ, а рыхлые слои—кости многихъ видовъ, уже не существующихъ, я не хочу этимъ сказать, что нынѣшніе виды были вызваны къ бытію новымъ творческимъ актомъ, я говорю только, что они не существовали въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, а должны были придти сюда извнѣ.

«Предположимъ, напримѣръ, что большое вторженіе моря покроетъ массой песку или массой иныхъ обломковъ материкъ Новой Голландіи; оно погребетъ тамъ трупы кенгуру, вомбатовъ, сумчатыхъ куницъ, сумчатыхъ барсуковъ, летягъ, эхиднъ и утконосовъ и совершенно уничтожитъ виды всѣхъ этихъ родовъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не существуетъ въ другихъ странахъ.

«Представьте себѣ, что этотъ самый переворотъ превратитъ въ сушу многочисленные маленькіе проливы, раздѣляющіе Новую Голландію отъ Азіи и откроетъ дорогу слонамъ, носорогамъ, буйволамъ, верблюдамъ, тиграмъ и всѣмъ другимъ азіатскимъ животнымъ, которыя и населятъ страну, гдѣ раньше они не были извѣстны.

«Предположимъ, что натуралистъ, хорошо изучившій всю эту живую природу, вздумаетъ произвести раскопки той почвы, на которой онъ живетъ: онъ найдетъ въ ней остатки совершенно иныхъ существъ.

«То, что представляла бы Новая Голландія по нашему предположенію, то Европа, Сибирь и большая часть Америки представляютъ въ дѣйствительности, и, быть можетъ, когда-нибудь, изучивъ другія

страны, въ томъ числѣ и Новую Голландію, узнаютъ что всѣ онѣ испытали подобные перевороты, я сказалъ бы—взаимный обмѣнъ произведеніями; но продолжимъ дальше наше сравненіе; предположимъ, что послѣ появленія азіатскихъ животныхъ въ Новой Голландіи, произошелъ новый переворотъ, уничтожившій Азію, ихъ первоначальное отечество. Въ этомъ случаѣ было бы такъ же трудно узнать, откуда они пришли, какъ и намъ узнать происхожденіе нашихъ формъ (стр. 81 и 82 Изданіе 1812 г.)».

Кости человѣка не были найдены вмѣстѣ съ ископаемыми видами предшествовавшими современной фаунѣ, и это обстоятельство даетъ Кювье поводъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ: «Все приводитъ къ выводамъ, что въ странахъ, гдѣ находятъ кости ископаемыхъ видовъ, человѣческій родъ не существовалъ въ эпохи переворотовъ, при которыхъ эти кости были засыпаны... но я не хочу заключать изъ этого, что человѣкъ вовсе не существовалъ ранѣе этой эпохи. Онъ могъ населять какія-нибудь не слишкомъ обширныя страны, откуда и разселился по землѣ послѣ этихъ ужасныхъ событій. Возможно также, что мѣстность, гдѣ онъ жилъ, совершенно исчезла и его кости погребены на днѣ нынѣшнихъ морей» (стр. 84 и 85).

Далѣе Кювье разсматриваетъ, какія естественныя измѣненія пережили и продолжаютъ переживать наиболѣе извѣстныя страны Европы и Азіи со времени минованія послѣдняго переворота и возникновенія современной суши и пытается опредѣлить продолжительность существованія послѣдней, нынѣ длящейся эпохи. Разсужденія Кювье по этому вопросу свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ склоненъ отожествлять послѣднюю катастрофу, пережитую земной поверхностью, съ тѣмъ потопомъ, преданіе о которомъ сохранилось у разныхъ народовъ, а продолжительность времени, отдѣляющаго отъ насъ это событіе, оцѣнивать въ нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Возвращаясь въ концѣ работы къ морскимъ слоямъ, слагающимъ современную сушу и скрывающимъ подъ собой остатки прежней суши съ ея исчезнувшимъ населеніемъ, Кювье говоритъ, что опредѣлить условія и причины послѣдовательныхъ вторженій моря, покрывавшаго древніе материки—самая важная и чрезвычайно трудная задача геологіи, но онъ не берется за ея рѣшеніе и ограничивается замѣчаніемъ, что мы еще очень мало знаемъ объ исторіи морей вторичной эпохи и ихъ населенія въ разныхъ странахъ; что вообще всѣ слои и органическіе остатки, въ нихъ заключающіеся, должны еще быть изучены на большемъ пространствѣ и въ другихъ частяхъ Франціи, а также въ Германіи и въ Италіи. Онъ особенно рекомендуетъ вниманію геологовъ ту длинную полосу холмовъ, которая тянется вдоль Аппенинъ почти по всей Италіи и состоитъ изъ богатыхъ раковинами песчаныхъ слоевъ. Нужно изучить каждый изъ этихъ слоевъ съ его ископаемыми, сравнить и связать эти слои какъ съ болѣе древними и

болѣе плотными отложеніями, такъ и съ нынѣшними наносами по рѣкамъ По, Арно и ихъ притокамъ. Нужно выяснить отношеніе этихъ слоевъ къ массамъ вулканическихъ продуктовъ, располагающихся между ними, изучить взаимныя отношенія разныхъ видовъ раковинъ, а также кости слоновъ, бегемотовъ, китовъ и дельфиновъ, которыми изобилуютъ многіе изъ этихъ холмовъ, скрывающихъ въ себѣ тайны недавнихъ созданій моря.

Въ заключеніе работы Кювье говоритъ, что изученіе всѣхъ этихъ отложеній важнѣе многихъ противорѣчивыхъ предположеній о первомъ происхожденіи міровъ и о явленіяхъ, которыя, какъ можно полагать, ни въ чемъ не могутъ походить на тѣ, которыя изучаетъ наша современная физика, не находящая въ нихъ ни матеріаловъ, ни точки опоры. Онъ указываетъ, что для геолога, интересующагося древними эпохами, необходимо изученіе современныхъ и ближайшихъ къ намъ явленій, бросающихъ свѣтъ во тьму прошедшихъ временъ, совершенно также какъ для историка Франціи, интересующагося доцезаревскими временами и прибѣгающаго къ воображенію для пополненія того, что даютъ ему памятники, необходимо знаніе и послѣдующихъ событій. Отъ такого изученія выиграетъ и наука объ органическомъ мірѣ. Возникновеніе жизни, послѣдовательность ея формъ, точное опредѣленіе тѣхъ, которыя появились первыми, внезапное появленіе нѣкоторыхъ видовъ, ихъ постепенное изчезновеніе объяснятъ намъ, быть можетъ, сущность организма болѣе чѣмъ, всѣ опыты, которые мы можемъ сдѣлать надъ нынѣ живущими видами. И человѣкъ, которому суждено жить на землѣ лишь одно мгновеніе, прославитъ себя умѣніемъ возстановлять исторію безчисленныхъ столѣтій, предшествовавшихъ его существованію на землѣ и безчисленныхъ живыхъ существъ, которыя не были его современниками.

Приведенныя мѣста изъ сочиненій Кювье, достаточно ясно показываютъ, что онъ не былъ упрямымъ противникомъ идеи о развитіи организмовъ и защитникомъ внезапнаго появленія новыхъ формъ жизни, какимъ его обыкновенно выставляютъ. Онъ желалъ лишь держаться на почвѣ фактовъ, строго установленныхъ наукой. Мало того, можно сказать, что сочиненіе его «о переворотахъ на земной поверхности», въ свое время поразившее современниковъ, а потомъ почти забытое и даже дискредитированное, мощно содѣйствовало возникновенію и развитію многихъ изъ тѣхъ блестящихъ теорій и плодотворныхъ направленій въ наукѣ, которыя составили славу XIX вѣка.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БОЕВАЯ ПѢСНЬ.

Изъ Д. Лиліенкрона.

Пусть крѣпокъ вражескій доспѣхъ
И ослѣпителенъ шеломъ,
Пусть нѣтъ надежды на успѣхъ—
Иди безъ страха на проломъ.

—

Не надо намъ безплодныхъ мукъ,
Вооружись на бой со зломъ,
Не опускай безсильно рукъ,
Иди безъ страха на проломъ.

—

Передъ кумирами врага
Не преклоняйся въ прахъ челомъ,
Жизнь наша слишкомъ недолга,
Иди безъ страха на проломъ.

—

Не унывая вѣруй впредь,
Во что ты вѣровалъ въ быломъ,
И если надо умереть—
Иди безъ страха на проломъ.

О. Чюмина.

СЕСТРЫ.

(Повѣсть).

— Милостивый государь!.. Владиміръ Алексѣевичъ! Одолжите же минутку вниманія...

Майоръ Папенкинъ, кричавшій эти слова, былъ такъ далеко отъ того, къ кому они относились, что послѣдній, не оглядываясь, продолжалъ идти впередъ по корридору Вяземской Лавры. Майоръ хотѣлъ еще кричать; но потомъ, хлопнувъ себя руками по бедрамъ, бодрой рысцой припустилъ за уходящимъ молодымъ человѣкомъ.

Однако, и Владиміръ Алексѣевичъ уже замѣтилъ, что сзади его совершается что-то не совсѣмъ обыкновенное, потому что толпа оборванныхъ ребятишекъ, всегда сопровождавшая его изъ любопытства, вдругъ стала хохотать и оглядываться.

Остановившись, онъ также оглянулся.

Изъ глубины корридора, кой-гдѣ прорѣзаннаго мутнымъ свѣтомъ дождливаго осенняго дня, летѣла къ нему живописная фигура майора Папенкина, летѣла къ нему, размахивая руками, задыхаясь и крича:

— Господинъ Звѣревъ!.. Остановитесь ради недостойнаго!

Когда Звѣревъ оглянулся, майоръ, нѣсколько успокоенный, перестала размахивать руками и умѣрилъ шагъ. Его колоссальная фигура, минуя одну за другой просвѣты полукруглыхъ арокъ галлерей, все выпуклѣе вырисовывалась на фонѣ промозглаго воздуха. Отдуваясь, онъ снялъ фуражку, раскисшую отъ сырой грязи, и размашистымъ жестомъ отдалилъ ее отъ себя на разстояніе протянутой руки. Лицо его, налитое кровью, раздутый носъ и синія губы напоминали утопленника, чѣмъ и дразнили его постоянно ребятишки; большіе черные глаза, всегда выпученные точно отъ испуга, молили о сочувствіи.

— Батюшка, Владиміръ Алексѣевичъ, простите недостойнаго, — сказалъ майоръ съ аффектаціей, которая вовсе не уничтожала искренняго выраженія этихъ словъ.

*

— Вы опять, Антонъ Петровичъ,—сказалъ Звѣревъ; но его голосъ былъ внезапно заглушенъ крикомъ ребятишекъ.

— Утопленникъ!—кричали они, прыгая вокругъ Папенкина и размахивая руками.

Майоръ повернулся къ дѣтямъ; однако, взоръ его не являлъ обычной готовности принять вызовъ, а дѣти, при первомъ же его движеніи, разсыпались въ разныя стороны.

— Цыцъ, невѣжи! — сказалъ онъ имъ и, снова обратившись къ Звѣреву, прибавилъ конфиденціальнымъ шопотомъ:

— А вѣдь правы ребята, какъ ни горько въ этомъ сознаться: утопленникъ я, это вѣрно! Только не въ водѣ я утонулъ, а въ злой водочкѣ...

— Цѣлыхъ двѣ недѣли вы опять пропадали, Антонъ Петровичъ; а я вамъ, было, уже и мѣсто подходящее пріискалъ,—не то съ укоромъ, не то съ недоумѣніемъ сказалъ Звѣревъ.

— О-о...—майоръ захлебнулся, но тотчасъ же овладѣлъ собою,—что подѣлаете? Какъ получилъ пенсію, такъ и закатился... Но, дорогой мой, не бросайте меня, повозитесь еще со мною! Можетъ быть, я еще смогу исправиться?

Онъ схватилъ молодого человѣка за полу пальто и смотрѣлъ ему въ глаза съ молящей тоскою.

— Что же я могу сдѣлать?—отвѣчалъ тотъ грустно.—Вѣдь все зависитъ отъ васъ самихъ.

— Ну, конечно, конечно,—поспѣшилъ согласиться майоръ,—я и радъ бы... я всей душой, но только пусть и докторъ не отказывается меня лѣчить... Онъ тоже сердится, а?

— Чего-жъ ему сердиться? Антонъ Михайловичъ васъ только жалѣетъ.

— Вотъ и отлично! Коли жалѣетъ, такъ и стрихнинъ впрыскивать еще не откажется. И можетъ этотъ самый стрихнинъ меня, наконецъ, образумитъ, удержитъ? Можетъ быть, я еще въ будущемъ опять стану походить на человѣка? А, батюшка?

Раздутое лицо майора жалобно сморщилось, глаза, испещренные красными прожилками, наполнились слезами.

— Конечно, конечно,—вяло отвѣчалъ Звѣревъ,—только надо вамъ самому надъ собой работать. Вотъ вы обѣщали принести мнѣ или Эвѣ Борисовнѣ свою пенсію на сохраненіе. Если бы вы исполнили свое обѣщаніе, то и деньги ваши были бы цѣлы, и сами вы были бы здоровы.

— Клянусь! Клянусь, милостивый государь! Даю честное слово, родной мой, что слѣдующій разъ все принесу вамъ или барышнѣ. О, вы думаете, сердце мое молчитъ? Полагаете ли вы, что я вовсе безъ стыда или самолюбія? Нѣтъ, милый человѣкъ, и Папенкинъ способенъ угрызаться духомъ! Вчера я увидѣлъ ее

на этомъ самомъ мѣстѣ, Эву Борисовну, мою бѣлую голубушку, и просто не зналъ, въ стѣну ли мнѣ отъ стыда вонзиться, или упасть прямо на камни, да подохнуть? Я ей, дорогой моей государынѣ, даже поклона не отдалъ, а кинулся бѣжать отъ нея со всѣхъ ногъ прочь, какъ самый послѣдній невѣжда... А все отъ стыда жгучаго! Но за то больше ни-ни. О, никогда! Развѣ легко переживать весь этотъ срамъ благородному сердцу? Только пусть докторъ не брезгуетъ мной, не утомляется и я непремѣнно поправлюсь. Да развѣ я звѣрь? Да и звѣрю, вѣдь, хочется лучшаго. А я еще не старъ, мнѣ и пятидесяти нѣтъ. Но если вы съ Антономъ Михайловичемъ меня оставите—тогда все пропало!

— Что вы, что вы,—возразилъ Звѣревъ,—я сегодня же ему скажу, а вы приходите.

Майоръ постоялъ немного; потомъ, вздохнувъ, сказалъ:

— Ну, спасибо вамъ, прощайте... И такъ сколько времени у васъ отнялъ.

Разбитый, согнувшійся, уничтоженный майоръ Папенкинъ повернулъ обратно въ корридоръ, а Звѣревъ поспѣшилъ въ другую сторону, къ выходу. Онъ не вѣрилъ обѣщаніямъ майора, который, пропивъ все, изрыгалъ ужасныя клятвы, обѣщая исправиться и забывалъ ихъ тотчасъ же, какъ только деньги начинали звенѣть въ его карманѣ; но все-таки такъ хотѣлось повѣрить, такъ хотѣлось утѣшить этого несчастнаго, помочь ему перенести тяжесть скуки во время дней вынужденной трезвости!

Звѣревъ очень интересовался майоромъ, онъ относился къ нему крайне сердечно, съ особенной чуткой опасливостью. Всякій разъ, поднимаясь на эту галлерею по скользкой лѣстницѣ съ полуразрушенными ступенями, онъ вспоминалъ живописную фигуру колоссальнаго майора съ его раздутымъ лицомъ утопленника. Когда майоръ былъ трезвъ, Звѣревъ радовался, а недавнее безпробудное пьянство его легло камнемъ на сердце молодого человѣка. Владиміръ Алексѣевичъ особенно сочувствовалъ несчастному пьяницѣ, потому что и въ его жизни былъ періодъ, когда онъ самъ, тогда студентъ четвертаго курса математическаго факультета, чуть было не сдѣлался такимъ же отпѣтымъ пропойцемъ съ той же карьерой обитателя промозглыхъ угловъ Вяземской Лавры...

Съ поразительной ясностью, до послѣдней детали помнилъ Владиміръ Алексѣевичъ этотъ постыдный періодъ своей жизни, продолжавшійся больше года, и всегда, при воспоминаніи о немъ, сердце его сжималось отъ стыда; а вспоминать, посѣщая ежедневно Вяземку, приходилось постоянно. Довольно встрѣтить на пути своемъ колоссальную фигуру майора Папенкина, съ его лицомъ, напоминавшимъ мучительный ужасъ захлебывающагося человѣка.

И какъ бы въ благодарность судьбѣ, помогшей ему избѣжать подобной участи, Звѣревъ окружаетъ майора неусыпной заботливостью. Да, судьба пощадила его молодые годы, никто иной какъ судьба послала ему вдругъ, неожиданно, чудесное избавленіе. О, какъ помнитъ Владиміръ Алексѣевичъ этотъ день внезапнаго просвѣтленія!

Помнитъ онъ низкую комнату гдѣ-то у Египетскаго моста, нетопленную печь, кусокъ хлѣба на столѣ, воду въ разбитомъ кувшинѣ и самого себя на деревянномъ диванѣ, грязнаго, пьянаго, съ томительной, но совершенно сознательной тоскою. А вотъ и мать... Она торопливо кутается въ какую-то кацавейку, беретъ изъ-подъ скамейки самоваръ и невѣрными шагами, потому что ноги ея распухли отъ ревматизма, идетъ къ двери. О, эти бѣдные глаза блѣдно-голубого цвѣта, вмѣсто выпавшихъ рѣсницъ обведенные воспаленной каемкой. Они уже не плачутъ...

— Мама... мама...—говоритъ Звѣревъ тихо, потому что ему противенъ звукъ собственнаго хриплаго голоса пропойцы.

— Вотъ, попытаюсь...—отвѣчаетъ старушка, быстро исчезая, но изъ-за двери еще разъ выглядываетъ ея сѣдая головка съ пушистыми волосами.

— Это ничего,—говоритъ она, бодрясь,—еще есть чайникъ: кипятокъ выгоднѣе брать изъ трактира.

Ушла... Продастъ сегодня послѣднюю цѣнную вещь и дня три-четыре они будутъ сыты. А потомъ?

Но онъ не хочетъ загадывать. Довольно съ него помнить о томъ, что только благодаря ему появилась нищета въ ихъ домѣ, что это онъ довелъ свою бѣленькую старушку до такого отчаяннаго положенія. Раньше все шло недурно. Мать, вдова мелкаго чиновника, получала крошечную пенсію, Владиміръ Алексѣевичъ перебивался уроками, перепиской. Потомъ случалось ему зарабатывать порядочныя деньги весьма оригинальнымъ образомъ: онъ умѣлъ чудесно высвистывать оперныя аріи и содержатели музеевъ нанимали его удивлять свою публику. Это смѣшное занятіе приносило больше всего дохода.

Все шло недурно, и вдругъ... Звѣревъ провалился, позорно провалился на экзаменѣ высшей математики. Эта неудача сразила Звѣрева, какъ огромное несчастье. Онъ сразу опустился и сталъ смотрѣть на себя, какъ на непригоднаго къ жизни, пропащаго человѣка. Не имѣя силы бороться съ недовѣріемъ къ себѣ, рожденный отъ алкоголика отца, студентъ четвертаго курса началъ въ водкѣ топить свое отчаяніе. Пьянствовалъ онъ уже второй годъ; пенсіи старушки едва хватало на квартирную плату, мало-по-малу пришлось распродать все имущество. Сегодня понесла она послѣднее, а что будетъ черезъ нѣсколько дней?

Звѣревъ съежился, лицо его искривила обычная ему гримаса омерзенія. Онъ отвернулся къ стѣнкѣ и заснулъ.

Когда онъ проснулся, въ комнатѣ уже горѣла лампа и чей-то незнакомый чудесный мелодическій голосъ говорилъ:

— Да вы кушайте, Анна Семеновна, а я присмотрю за самоваромъ.

— Матушка моя...— шептала мать своимъ робкимъ прерывистымъ тономъ.

Не сознавая хорошенько, гдѣ онъ, и что происходитъ въ ихъ низенькой комнаткѣ, Владиміръ Алексѣевичъ полуоткрылъ вѣки и глядѣлъ изъ тьмы на мѣсто у стола, освѣщенное лампой, гдѣ суетилась чья-то высокая граціозная фигура въ сѣромъ платьѣ, перетянутомъ поясомъ и съ цѣлой короной вьющихся пепельныхъ волосъ на головѣ съ тоненькимъ бѣлымъ затылкомъ. Какъ ловко перетирала она стаканы! Какъ мило намазала матери масло на булку! Какъ просто подняла съ полу самоваръ и поставила его на табуретку!.

Ужъ не сонъ ли это? Иначе, откуда взялась бы въ ихъ конурѣ эта граціозная фея? И кто велѣлъ ей, такой изящной, ухаживать за бѣдной старушкой въ лоснящейся кацавейкѣ?

Владиміръ Алексѣевичъ былъ такъ занятъ этими вопросами, что даже не подумалъ встать, чтобы привести себя въ возможно приличный видъ. Онъ лежалъ все въ той же позѣ пьянаго забулдыги на неряшливой кровати и продолжалъ наблюдать незнакомку. Вотъ онъ увидалъ ея профиль, неправильный, съ выпуклымъ лбомъ, съ небольшимъ носикомъ, линія ноздрей котораго, слегка оттянутая книзу, точно приподнимала къ себѣ верхнюю губку; и вдругъ глянули на него, прямо на Владиміра Алексѣевича, небольшіе, твердые, веселые глаза, глянули съ состраданіемъ и любопытствомъ.

Только теперь Звѣревъ сообразилъ, что это не сонъ и что не фея стоитъ передъ нимъ, а живое созданіе. Вдругъ понявъ весь позоръ своего положенія, онъ мигомъ вскочилъ съ измятой постели, всклокоченный, съ опухшимъ лицомъ и воспаленными глазами, въ платьѣ, покрытомъ давно нечищенной грязью... О, никогда не забыть ему чувства жгучаго стыда, который охватилъ его въ то мгновеніе! Будь подлѣ револьверъ, онъ бы немедля застрѣлился. А лицо пепельной гостьи все еще было обращено къ нему, она продолжала смотрѣть не смущаясь на него, пьянаго, вонючаго оборвыша-студента.

Въ изступленіи онъ бросился къ двери, желая скрыться куда-нибудь какъ можно скорѣе; но за нимъ раздался ласковый голосъ:

— Куда вы? Неужели я васъ такъ стѣсняю? Тогда ужъ лучше я уйду.

И гостья, улыбаясь, сдѣлала движеніе по направленію къ двери.

— Ангелъ мой свѣтлый, не уходи, — сказала мать, — онъ обойдется, это такъ, со сна.

Владиміръ Алексѣевичъ отъ дверей побѣжалъ къ ширмѣ, скрывавшей кровать матери, пообчистился, пригладилъ волосы и вышелъ.

— Ее зовутъ Эва Борисовна Карганова, — сказала мать, глядя попеременно то на гостью, то на сына съ тихимъ, усталымъ спокойствіемъ внезапно спасеннаго человѣка.

— Да, да, познакомимся, — весело подхватила Эва Борисовна,—мы встрѣтились съ вашей матушкой на рынкѣ...

— Встрѣтились! — перебила Анна Семеновна съ восторженнымъ негодованіемъ.—Развѣ можно назвать это встрѣчей? Это— благословеніе Божіе! Подошла это она ко мнѣ, моя родная, и сейчасъ все угадала, видно умудрилъ Господь... „Вы,—говоритъ,— не продавайте самовара, безъ него чай невкусный и за столомъ скучно сидится!“ Ишь, что выдумала? Мы потомъ и пошли сюда, я самоварушко несу, а она по дорогѣ всего, всего накупила, и вотъ...

Старушка подняла глаза къ иконѣ, развела руками, потомъ всплеснула ими и вдругъ заторопилась:

— Кушай, Володенька, я ужъ сытехонька, охъ, кушай, ты голодный! Не стыдись ангела, что дѣлать... Кушай.

Но, конечно, Владиміръ Алексѣевичъ не могъ проглотить ни куска и, не смотря на всѣ просьбы матери, къ ѣдѣ не прикоснулся.

Эва Борисовна болтала одна, стараясь побѣдить его смущеніе. Она весело разсказала о томъ, какъ она шла въ Вязьму и по дорогѣ увидала старушку, которой такъ жаль было разстаться съ самоваромъ.

— Право, Анна Семеновна, и самовару тоже было васъ жаль,—говорила Эва, тихонько усмѣхаясь,— у васъ на глазахъ слезы, и у самовара капля за каплей изъ крана капаетъ.

Владиміръ Алексѣевичъ слушалъ эти пустяки и начиналъ улыбаться.

Гостья просидѣла у нихъ до обѣда; а на слѣдующій день пріѣхала за Анной Семеновной и, не допуская никакихъ возраженій, перевезла ее къ себѣ, а его, Владиміра Алексѣевича, помѣстила у пріятеля своего, не практикующаго доктора и богача Наврозова.

Все случилось точно въ сказкѣ!

Съ тѣхъ поръ видѣть Эву Борисовну стало для Звѣрева потребностью. Онъ началъ сопровождать ее въ Вяземскую Лавру

и пока она разговаривала, выслушивала жалобы, утѣшала, давала совѣты, лѣчила, онъ устраивался въ одной какой-нибудь комнатѣ и читалъ ея обитателямъ Евангеліе. Сперва онъ начиналъ читать имъ и другія книжки, но это не имѣло успѣха: его публика всегда требовала Евангелія и онъ самъ скоро привыкъ читать ей одну эту священную книгу.

Каждый день Звѣревъ приходилъ въ Лавру, по очереди посѣщалъ онъ всѣ комнаты, набитыя народомъ, читалъ тамъ Евангеліе, толкуя всѣ мѣста его, непонятныя темному люду. Такъ продолжалось уже второй годъ и Владиміръ Алексѣевичъ все больше увлекался своимъ дѣломъ, которое исцѣлило его отъ ужасной болѣзни, вызванной отчаяніемъ и сознаніемъ своего ничтожества. Теперь же, несмотря на то, что мечты его объ ученой карьерѣ, были разрушены, онъ имѣлъ дѣло, которое полюбилъ всей душой. Онъ любилъ входить въ темную берлогу, пропитанную угаромъ махорки, испареніями людей, ихъ мокрыхъ тряпокъ, развѣшанныхъ по веревочкамъ надъ головами. Иногда навстрѣчу ему неслась брань ругающихся сосѣдокъ, или натыкался онъ на драку двухъ пьяницъ, окруженныхъ любопытными. Но когда онъ входилъ, все смолкало, изо всѣхъ угловъ неслись къ нему привѣтствія, бабы переставали ссориться, а пьяныхъ мужиковъ выталкивали въ другую берлогу, несмотря на его протесты. И наступала умиленная тишина, въ которой громко раздавался его голосъ, приносившій отраду этимъ оборванцамъ, валявшимся на грудѣ хлама.

Горделивое чувство удовлетворенія охватывало Звѣрева, когда онъ, неожиданно кинувъ взглядъ на лицо какого-нибудь отпѣтаго горемыки, вдругъ, по глазамъ его, замѣчалъ мгновенное, неожиданное потрясеніе. Оборванецъ, лежавшій иногда въ нарочито неприличной позѣ молчаливаго протеста, послѣ нѣсколькихъ фразъ, ударившихъ его по сердцу, вдругъ приподнимался и слушалъ дальше, жадно вбирая въ себя слова, широко открывая для нихъ свою неискупленную душу.

Съ легкой дрожью наслажденія Звѣревъ отрывался отъ этого преображеннаго на мгновеніе лица бродяги и обращалъ вниманіе на какую-нибудь отпѣтую, пропащую женщину, глубоко погрязшую въ развратѣ, которая теперь смотрѣла на него кроткими лучистыми глазами, украдкой стирая кулакомъ льющіяся слезы... И она отдавала ему въ эту минуту все чистое, что еще у нея оставалось. Эти чувства были точно рѣдкіе, чудесные цвѣты, выросшіе на тучной почвѣ навоза, и Звѣревъ, съ осторожнымъ восхищеніемъ любителя, подстерегалъ, возбуждалъ и старался продлить эти радости, возникавшія неожиданно въ сердцахъ его аудиторіи и такъ же неожиданно исчезавшія.

Такъ быстро пролеталъ короткій петербургскій день. Когда въ комнатахъ, скудно освѣщенныхъ маленькими окошками съ зеленоватыми пузырчатыми стеклами, темнѣло, Владиміръ Алексѣевичъ уходилъ, а въ корридорѣ часто поджидалъ майоръ Папенкинъ, провожавшій его до улицы.

Звѣревъ обѣдалъ у Эвы Борисовны и спѣшилъ къ ней всегда съ такой радостью! Еще бы, тамъ свѣтло, изящно, уютно, тамъ онъ увидитъ свою мать, которой теперь живется такъ спокойно: ласковая заботливость Эвы доставила старушкѣ маленькій заработокъ, благодаря которому она могла чувствовать себя самостоятельной.

Сегодня Владиміръ Алексѣевичъ запоздалъ немного, потому что на улицѣ валилъ снѣгъ, который тутъ же таялъ, образуя лужи. Съ водосточныхъ трубъ лилась вода на узкіе тротуары, гдѣ шныряли дворники съ метлами, мѣшая движенію прохожихъ. Масса оборванцевъ толпилась подъ воротами и у подъѣздовъ грязныхъ трактировъ, которые заражали воздухъ чадомъ приготовляемой провизіи. Рѣдкія точки газовыхъ фонарей метались, точно заточенные въ своихъ стеклянныхъ тюрьмахъ, расплываясь блѣдными точками въ свинцовой мглѣ сумерокъ.

Когда Звѣревъ явился къ Каргановымъ, маленькое семейство уже сидѣло за столомъ и мать Эвы, Софья Андреевна, только-что начала разливать супъ по тарелкамъ, которые ей подавалъ старикъ лакей Финогеичъ. За столомъ сидѣло четверо и среди нихъ Софья Андреевна выдѣлялась своей представительной, хотя давно увядшей, красотою; ея высокая фигура со слегка откинутой головой, на которой лежала масса сѣдыхъ, красиво причесанныхъ волосъ, привлекала къ себѣ прежде всѣхъ. Блѣдная Эва, тоненькая, высокая, совершенно стушевывалась передъ своею матерью.

Противъ нея сидѣла Анна Семеновна, фарфоровая старушка съ чистенькимъ лицомъ, блѣдными голубыми глазками, съ пушистыми волосиками, прикрытыми бѣлымъ чепчикомъ, выпуклая поверхность котораго ясно обрисовывала сзади крошечный узелъ туго заплетенной косички. Руки ея, покрытыя въ суставахъ ревматическими шишками, были закутаны въ самодѣльныя шерстяныя митенки.

Рядомъ съ старушкой сидѣлъ высокій широкоплечій человѣкъ среднихъ лѣтъ съ простымъ русскимъ лицомъ, освѣщеннымъ парой добрыхъ застѣнчивыхъ глазъ. Это былъ врачъ Антонъ Михайловичъ Наврозовъ, у котораго квартировалъ Звѣревъ.

За стуломъ Софьи Андреевны, съ салфеткой черезъ плечо и ворчливо-дѣловитымъ видомъ, стоялъ Финогеичъ, ея молочный братъ и единственный слуга въ домѣ.

Анна Семеновна взглянула на вошедшаго сына своими свѣтлыми, привыкшими къ слезамъ, глазами и сказала:

— Отчего ты, Володенька, такъ поздно? Мы тебя четверть часа прождали.

— О, пустяки,—возразила Софья Андреевна привѣтливо,—мы просто заговорились, а вовсе не ждали Владиміра Алексѣевича.

— Простите,—отвѣчалъ Звѣревъ,—но такая отвратительная погода, а мнѣ еще и нездоровится къ тому же.

— А вы бы по конкѣ пріѣхали,—замѣтилъ Наврозовъ.

— Никогда!—съ комическимъ паѳосомъ воскликнулъ Звѣревъ.—Эва Борисовна не позволяетъ себѣ такой роскоши, а я стану разъѣзжать?

Всѣ засмѣялись.

— Если бы я была богата, Эвочка-бы въ каретѣ ѣздила,—сказала, вздыхая, Анна Семеновна,—а то, изъ-за насъ всѣхъ, изъ-за меня... она должна во всемъ себѣ отказывать.

— Полно, мама,—пробормоталъ, вспыхивая, Владиміръ Алексѣевичъ.

— Я всегда хожу пѣшкомъ,—сказала Эва съ улыбкой.

Анна Семеновна молча покачала головой, но ея блѣдные глаза получили еще болѣе печальное выраженіе.

— Насчетъ богатства вы ошибаетесь, Анна Семеновна,—сказалъ шутливо Наврозовъ,—вотъ я считаюсь другомъ Эвы Борисовны и очень богатъ, а, между тѣмъ, она все-таки всегда ходитъ пѣшкомъ во всѣ свои трущобы.

— То вы, а то я,—возразила старушка,—отъ меня бы она все взяла... Эхъ, кабы я была богата!..

— Это все только издали такъ хорошо кажется,—возразилъ Антонъ Михайловичъ,—конечно, я не стану отрицать пріятныхъ сторонъ богатства; но за то, оно лишаетъ насъ многаго хорошаго, чѣмъ красится бѣдность, а главное—энергіи.

— Да, конечно, бѣдность имѣетъ свои розы,—согласилась старушка,—не будь я въ крайности, развѣ я бы имѣла счастіе узнать свою Эвочку? Вѣдь я и познакомилась съ ней только потому, что пошла продавать самоваръ на толкучку.

— Вотъ видите,—подхватилъ Антонъ Михайловичъ,—я вѣдь самъ не настолько привыкъ къ деньгамъ, чтобы уже потерять способность критически относиться къ ихъ воздѣйствію на человѣка. Я выросъ вовсе не богачемъ.

— Неужели?—удивилась Софья Андреевна.

— Я получилъ наслѣдство отъ дяди уже послѣ окончанія гимназіи и чисто случайно: у моего дяди былъ единственный сынъ, котораго онъ обожалъ... и вотъ этотъ самый Андрюша погибъ

во время одной изъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ! Дядю сразилъ ударъ, когда онъ узналъ объ этомъ и черезъ девять дней онъ также умеръ. И вотъ, вдругъ я оказался единственнымъ наслѣдникомъ.

— Какъ это странно,—сказала Эва.

— Это даже теперь кажется странно; а можете себѣ представить какъ тогда поразила меня эта неожиданность! Я только что поступилъ въ медицинскую академію, какъ вдругъ очутился обладателемъ шести сотъ тысячъ... Помню, ночью, я иногда просыпался, потому что во снѣ вдругъ спрашивалъ себя: „да правда ли это“.

— Такое чувство, дѣйствительно, не всякому приходится переживать.

— Но, знаете, скоро, очень скоро привыкъ я къ этому чуду... даже удивительно какъ скоро! И не могу сказать чтобы я чувствовалъ себя особенно хорошо въ новой роли богача.

— Что вы!—запротестовала Анна Семеновна.

— Увѣряю васъ...

— Но почему же?

— Пошли, прежде всего, какія-то рефлексіи. Раньше я и не задумывался, почему именно я пошелъ въ доктора? Просто, надо было работать, чтобы жить, вотъ и все! Нѣтъ ни къ чему другому особеннаго призванія, другіе такъ дѣлаютъ, сдѣлалъ и я; но потомъ вдругъ начались размышленія, стоитъ ли быть докторомъ? И вдругъ вообразилъ я, что у меня призваніе къ живописи... только потому, что въ гимназіи случалось рисовать на учителей каррикатуры. Бросилъ я академію со второго курса.

— Это нехорошо—сказала Софья Андреевна, качая своей красивой сѣдой головой.

— Кто же скажетъ, что это хорошо? Конечно, изъ моей мазни ничего не вышло, а только получилась первая язва оскорбленнаго самолюбія, осадокъ на душѣ, начало сомнѣній... Положимъ, потомъ, изъ чувства гордости и самоуваженія, я приготовился сразу и выдержалъ на врача, но это уже было не то! Что-то ненужное, экзотическое, болѣе причуда, чѣмъ необходимость. Не было цѣльности юношескихъ впечатлѣній, не было курсовыхъ товарищей, которые остаются друзьями на всю жизнь. Все пошло какъ то по волѣ случая... и сдѣлался я добродѣтельнымъ, шляющимся россійскимъ интеллигентомъ навѣки.

— Это все случилось потому,—сказала Софья Андреевна,—что возлѣ васъ не оказалось близкаго человѣка, который сумѣлъ бы васъ направить.

— Нѣтъ, это не то! Деньги какъ-то иначе пріучаютъ смотрѣть на профессіи. Вотъ я держалъ свой экзаменъ только изъ

гордости и до сихъ поръ вовсе не пользовался своими знаніями.

— Могу васъ увѣрить,—сказалъ, смѣясь, Звѣревъ,—вы будете снова имѣть своего паціента! Майоръ опять просится на вспрыскиванья.

— Вотъ именно! Это такой же паціентъ, какой я докторъ... О, деньги, деньги! Они сдѣлали мою жизнь пустою, мое существованіе безплоднымъ. А со сколькими людьми они меня разсорили! Я мечталъ міръ облагодѣтельствовать, когда получилъ свои сотни тысячъ, а вмѣсто того устроилъ вокругъ себя пустыню.

— Полно-те, вы преувеличиваете—сказала Эва.

— Гм... Преувеличиваю!—Наврозовъ усмѣхнулся.—Надо, чтобы умные люди научно разработали теорію благодѣяній и читали объ этомъ лекціи добродѣтельнымъ богачамъ. Иной изъ нихъ захочетъ благотворить, да такъ начнетъ, что только всѣмъ тошно станетъ. Я—какъ и всѣ. Началъ практиковать въ обширныхъ размѣрахъ частную помощь, и Боже! Сколько я огорченія получилъ и причинилъ „за свои деньги". Иной нищій столько не услышитъ брани, стоя подъ чужимъ окошкомъ, сколько я слышалъ ее отъ людей, стоявшихъ у меня подъ дверями.

— Безсовѣстные!—воскликнула Анна Семеновна,—брать помощь и ругаться... развѣ такъ можно?

— Никто не виноватъ! Прошелъ слухъ, что „здѣсь даютъ", а развѣ легко удержаться и не просить? Съ утра до ночи осаждали мою квартиру, не вѣрили, когда меня не бывало дома, стучали, обрывали звонки... И съ интеллигентными было не лучше! Одному стипендіату, который на каждомъ курсѣ сидѣлъ по два года, я пригрозилъ, что отниму стипендію... ой, ой, какимъ онъ мнѣ ругательнымъ письмомъ отвѣтилъ! И правъ! Конечно, не мое дѣло вмѣшиваться въ его дѣла только потому, что я даю ему деньги. И я скоро прекратилъ свою благотворительность, потому что деньги необыкновенно быстро таяли, а ничего не выходило.

— Конечно,—замѣтила Софья Андреевна,—это только для насъ, людей средняго класса, шестьсотъ тысячъ кажется очень большой суммой, а въ сущности эти деньги можно очень скоро растратить.

Анна Семеновна, незамѣтно вздохнувъ, сказала:

— А все-таки нехорошо, что перестали помогать! Если всѣ богатые начнутъ такъ скоро утомляться отъ бѣдняковъ, то...

Она не кончила и вздохнула еше разъ, но уже погромче.

— Конечно, я вовсе не отрицаю личную помощь,—возразилъ взволнованно Антонъ Михайловичъ,—только, по моему, не деньги играютъ въ ней главную роль... И я вовсе не сталъ скупой, милая Анна Семеновна,—прибавилъ онъ съ улыбкой,—

я по прежнему раздаю много денегъ, но только уже не по мелочамъ и не отдѣльнымъ личностямъ. Вотъ два года тому назадъ я познакомился съ компаніей мечтателей, которые пожелали „сѣсть на землю“. Я купилъ участокъ земли въ пятьсотъ десятинъ и „сѣлъ“ тамъ съ ними вмѣстѣ. Это какъ разъ та земля, Эва Борисовна, на которую я предлагаю вамъ перевести часть вашей городской колоніи для бѣдныхъ.

— Я говорила объ этомъ съ княгиней Арташевой,—отвѣтила Эва,—но она какъ-то ужъ очень изумилась, говоритъ, что такъ широко въ Россіи благотворительныхъ дѣлъ не ставятъ; но что, впрочемъ, она можетъ доложить объ этомъ совѣту.

— И за то спасибо!—сказалъ, улыбнувшись, Наврозовъ.

— Вы долго прожили въ деревнѣ? — спросилъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— О, нѣтъ, я скоро оттуда сбѣжалъ... Стыдно такъ говорить, но что же дѣлать? Не сладился я съ ними, хотя все хорошіе ребята, но ужъ какъ-то больно у нихъ прѣсно.

— Ахъ, что вы, — воскликнула Анна Семеновна, — хорошо жить въ деревнѣ, я бы ни за что оттуда не уѣхала.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—сказалъ Антонъ Михайловичъ.— Поѣзжайте къ намъ, если хотите.

— Что вы, что вы, кому нуженъ тамъ такой хламъ,—воскликнула старушка, но щеки ея вспыхнули нѣжнымъ румянцемъ.

— Я серьезно вамъ предлагаю, развѣ мало тамъ найдется для васъ работы, если не захотите сидѣть праздно? Тамъ у насъ теперь заводятъ сыроварни, потомъ думаютъ разводить свиней; а, наконецъ, когда Эва Борисовна начнетъ переводить туда часть своихъ кліентокъ, мы сдѣлаемъ васъ надзирательницей и жалованье вамъ положимъ.

— Куда мнѣ, съ больными-то ногами да руками,—слабо возражала старушка, но ея блѣдные глаза, обведенные краснымъ ободочкомъ, весело засверкали.

— Ноги поправятся, ревматизмъ пройдетъ, и Владиміръ Алексѣевичъ будетъ навѣщать васъ лѣтомъ,—продолжалъ Наврозовъ, — вѣдь не уѣдетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Африку миссіонеромъ.

По лицу Звѣрева промелькнула принужденная улыбка, а старушка весело отвѣчала:

— Ахъ, вы, шутникъ! Чего тамъ загадывать! На дворѣ только конецъ сентября,—цѣлая зима впереди! Если доживу до весны, снаряжайте меня, старуху.

— А вы сами туда поѣдете въ этомъ году?—спросила Эва.

— Къ веснѣ меня требуютъ непремѣнно: тамъ будутъ ставить новыя избы и имъ кажется, что безъ меня никакъ не обой-

тись; но долго я тамъ не останусь... Скучно! Все ищу чего-то. Тянетъ меня куда-то, хочется большого дѣла, и оттого что хочется большого—малое не спорится. Энергія уходитъ, потому что нѣтъ точки сопротивленія.

— Да, — сказалъ Звѣревъ со скрытымъ торжествомъ, — деньги—это не тотъ рычагъ, которымъ переворачиваютъ міръ.

— Кто его знаетъ, какимъ рычагомъ можно перевернуть міръ,—шутливо отвѣтилъ Наврозовъ.

— Я знаю,—съ необычной рѣзкостью прозвучалъ обыкновенно немного глуховатый голосъ Владиміра Алексѣевича и онъ закашлялся.

Всѣ на него невольно взглянули. Онъ смущенно улыбнулся и прибавилъ уже потише:

— Этотъ рычагъ—слово...

Разговоръ оборвался, потому что всѣ думали не о томъ, что сейчасъ сказалъ Звѣревъ, а о его блѣдномъ лицѣ и лихорадочно горѣвшихъ глазахъ.

— Ты, вѣроятно, нездоровъ, Володенька? — тревожно спросила Анна Семеновна.

— Да, я должно быть немножко простудился,—отвѣчалъ ей сынъ и снова обратился къ Наврозову,—хотите, Антонъ Михайловичъ, опять найти въ жизни точку сопротивленія?

Тотъ, улыбнувшись, кивнулъ головою.

— Въ такомъ случаѣ, отдайте всѣ свои деньги на какое-нибудь дѣло, а сами беритесь за работу.

— Что ты, Володенька,—воскликнулъ Анна Семеновна.

— Чудесно!—сказала Эва, смѣясь.—Постройте образцовый ночлежный домъ... Или нѣтъ, лучше больницу, которой бы не боялись больные... Или безплатную библіотеку... Ахъ, право не знаю, что всего лучше?

— Чего вы распоряжаетесь чужими капиталами?—замѣтила Софья Андреевна.

— Нѣтъ, всѣ ваши предложенія мнѣ не нравятся,—возразилъ Антонъ Михайловичъ,—на все это мнѣ было бы жалко отдать свои деньги. Вотъ, если бы я жилъ въ Англіи, я бы придумалъ что-нибудь такое грандіозно-полезное, широкое и тогда бы ничего не пожалѣлъ.

— Ну, что, напримѣръ?—спросилъ Звѣревъ.

— А я и самъ не знаю,—отвѣчалъ Антонъ Михайловичъ, смѣясь,—хочется, вѣдь, обнять необъятное.

— А рисовой каши еще не хотите? — спросила Софья Андреевна.

— Нѣтъ, благодарю.

II.

Обѣдъ былъ конченъ; но маленькое общество еще оставалось въ столовой, гдѣ Финогеичъ убиралъ посуду и приготовлялъ приборъ для чая.

Въ это время раздался звонокъ и въ комнатѣ черезъ секунду появилась очень красивая молодая дѣвушка.

Ея лицо было мокро отъ снѣга и красно отъ вѣтра, на длинныхъ черныхъ рѣсницахъ блестѣли крошечныя хрустальныя капельки; такими же бриліантами были усыпаны взбитыя на лбу кудри волосъ, затянутыхъ пышнымъ узломъ на затылкѣ. Въ большихъ темносѣрыхъ глазахъ ея сверкалъ задорный огонекъ, углы прекрасно очерченнаго рта постоянно вздрагивали отъ улыбки.

— Ахъ, тетя, милая, у васъ чай,—сказала она, цѣлуя руку Софьи Андреевны и кланяясь остальнымъ,—я такъ устала! Дайте мнѣ, пожалуйста, чашечку, я такъ прозябла, пока къ вамъ добралась. Вѣтеръ и снѣгъ хлестали меня, точно папенька и маменька свою непокорную дочку. Здравствуй, Эва, какъ поживаютъ твои калѣки?.. О, Господи, я, кажется, разстроила вашу мирную бесѣду? Всѣ были такіе оживленные, а теперь вдругъ носы повѣсили. О чемъ же вы до меня говорили?

— Вотъ, Зоя, Антонъ Михайловичъ жалуется на то, что не знаетъ, куда дѣвать свои деньги,—сказала Софья Андреевна.

— Чудеса!—воскликнула дѣвушка.—Подарите мнѣ, потому что я очень скучаю безъ денегъ.

— Нѣтъ, не подарю,—отвѣчалъ Наврозовъ,—потому что вы не сумѣете ихъ употребить съ пользой.

Зоя взяла чашку изъ рукъ тетки и, болтая ложечкой чай, продолжала съ прехорошенькой улыбкой:

— Ну, вотъ, всѣ опять замолчали! Вѣрно тутъ происходили разные добродѣтельные разговоры, а я пришла, да помѣшала.

Дѣйствительно, дружелюбное настроеніе маленькаго общества было нарушено приходомъ Зои. Лицо Эвы слегка затуманилось; Антонъ Михайловичъ почувствовалъ маленькую неловкость, Звѣревъ ежился, все сильнѣе чувствуя свое нездоровье; а старушка мать его бросала на пришедшую дѣвушку недружелюбные взгляды. Одна только Софья Андреевна сидѣла за самоваромъ спокойная, красивая, съ величественной граціей протягивая гостямъ налитые стаканы чая.

— Ахъ тетя, — сказала Зоя, — какая вы еще до сихъ поръ эффектная! Право, мы съ Эвой васъ не стоимъ, хотя и молодыя.

— Твоя мать была красивѣе меня,—отвѣчала тетка,—но и тебѣ нечего скромничать. Моя Эва, конечно, не изъ красавицъ; но ты за себя постоишь.

— Это вѣрно,—подтвердила Эва,—ты, Зоя, все хорошѣешь.

Зоя съ улыбкой посмотрѣла на кузину, а потомъ перевела глаза на Анну Семеновну, лицо которой становилось все мрачнѣе.

— Конечно, Анна Семеновна находитъ, что ея Эвочка лучше всѣхъ,—сказала она.

— Что за разговоры!—сердито возразила старушка.—Кто же станетъ отрицать, что вы красивы? Но Эвочка такъ мила, что поспоритъ со всякой красавицей.

Въ тонѣ Анны Семеновны звучало раздраженіе. Съ нѣкотораго времени она стала замѣчать, что Зоя зачастила къ теткѣ, стараясь приходить въ то время, когда у нихъ сидитъ Наврозовъ. Старушка, рѣшившая непремѣнно видѣть его мужемъ Эвы, теперь испугалась соперничества ея красивой кузины, которая, какъ ей казалось, имѣла насчетъ Антона Михайловича самыя серьезныя намѣренія.

Зоя поняла мысли старушки. Она, лукаво усмѣхнувшись, повернулась лицомъ къ мужчинамъ, точно ожидая ихъ рѣшенія. Ея темносѣрые глаза смѣялись, ихъ широкіе зрачки сверкали вспыхивавшими искорками, тонкія брови ярко подчеркивали выпуклыя, бѣлыя надбровныя дуги.

Эва сидѣла, наклонившись надъ стаканомъ, видѣнъ былъ только ея профиль съ тоненькимъ носомъ и продолговатыми ноздрями, которые точно тянули за собою ея слегка приподнятую верхнюю губку, да узелъ пепельныхъ волосъ, лежавшій на узкомъ затылкѣ.

Зоя поочередно смотрѣла на своихъ двухъ судей и насмѣшливо улыбалась.

— Позвольте мнѣ еще чаю,—сказалъ Звѣревъ. Молодая дѣвушка громко расхохоталась.

— Вы тоже, Антонъ Михайловичъ, спросите себѣ чаю?—спросила она.—Вотъ современные молодые люди... Два Париса, а судить отказываются.

— Готовъ признать, что вы также хороши, какъ Елена прекрасная,—сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ, принимая стаканъ изъ рукъ хозяйки.

— Но вы говорите это такъ сухо,—возразила Зоя, стараясь уловить взглядъ Наврозова,—но, впрочемъ, такая ужъ моя судьба. Даже въ институтѣ всѣ находили меня хорошенькой, но всегда хвалили Эву.

— Полно, Зоя—сказала послѣдняя.

— Конечно,—болтала Зоя, комически вздыхая — вотъ два молодыхъ человѣка...

— Зоя,—прервала ее Софья Андреевна.

— Что, тетя?—слегка смутившись, сказала та.

— Ты еще хочешь чаю?

— Нѣтъ, благодарю.

Разговоръ осѣкся.

— Какъ, уже восьмой часъ,—сказалъ Звѣревъ,—намъ пора, Антонъ Михайловичъ.

Гости распрощались. Анна Семеновна, прихрамывая проводила сына, наказывая ему беречь себя и принять мѣры противъ простуды. Затѣмъ она ушла въ свой уголокъ и изъ столовой было слышно, какъ она, кряхтя, укладывалась на кровать.

— Зоя,—сказала Софья Андреевна послѣ нѣкотораго молчанія,—какой у тебя языкъ... Она хотѣла сказать „вульгарный", но прервала себя и сказала:—неосторожный.

Зоя надула губки.

— Нехорошо такъ распускаться, ты столько наболтала, что потомъ, можетъ, станешь и раскаиваться.

Съ уходомъ мужчинъ лицо Зои потеряло значительную часть своей оживленности; она даже подурнѣла.

— Я никогда ни въ чемъ не раскаиваюсь,—возразила она сердито,—стоитъ еще ко всѣмъ непріятностямъ жизни прибавлять отъ себя раскаяніе. Тогда пришлось бы цѣлый день рыдать, да въ грудь себя колотить.

— Но тебѣ можетъ повредить такое поведеніе.

— О, когда повредитъ, а когда и пользу принесетъ,—возразила дѣвушка, улыбаясь,—не всѣ же такіе святоши, какъ эти ваши іисусики... впрочемъ, я не вѣрю въ ихъ святость.

Софья Андреевна молчала. Эва посмотрѣла на часы и вышла въ ту комнату, гдѣ лежала Анна Семеновна: въ это время она всегда массировала ей больныя ноги.

— Вотъ вы, тетя, все мной недовольны,—сердито заговорила Зоя,—а гдѣ мнѣ взять хорошихъ манеръ? Вы сами знаете, въ какую я обстановку попала, выйдя изъ института? Хорошо Эвѣ щеголять своей избранностью, да добродѣтелью, когда она ни въ чемъ не нуждается, а вы на нее чуть не молитесь; а поди-ка я въ свой домъ съ такой элегантностью... Поневолѣ вспомнилась пословица: „хорошо ширью, да высью! А ну-ка рыломъ въ землю".

— Что, отецъ все пьетъ?—спросила тетка.

— Пьетъ... Право, не знаю, откуда у него силы берутся! Пьетъ прямо изъ горлышка бутылки, пока не закашляется, потомъ ходитъ изъ угла въ уголъ, пока не заснетъ, а встанетъ—начинаетъ мучиться раскаяніемъ; потомъ опять посылаетъ за водкой. И все хуже, все хуже у насъ, съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать.

— Это ужасно!..—прошептала Софья Андреевна.—Не даромъ нашу Лелю отговаривали выходить за него замужъ; но онъ былъ такъ красивъ, такъ хорошо воспитанъ, и она его безумно любила.

— Но, вѣдь, онъ не пилъ раньше? Онъ началъ пить только послѣ ея смерти, съ тѣхъ поръ, какъ поселилась у насъ эта сестрица его...

— Да, Вѣра Петровна не имѣетъ на него никакого вліянія.

— Имѣетъ, но только вредное!—воскликнула Зоя.—Мнѣ кажется, что онъ отъ одного вида этой старой дѣвы начинаетъ пить...

— Полно, Зоя, все-таки, она тебѣ тетка.

— Какая она мнѣ тетка! О, я ее съ дѣтства не терплю, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ однажды, вмѣсто лица матери, которое было такъ на васъ, тетя, похоже, у моей кровати появилось лицо этой особы. Я сразу ее не взлюбила и нелюбовь эту вымещала на ея собаченкѣ, Жулькѣ. Помню, я все старалась наступить этой Жулькѣ на хвостъ и мнѣ все казалось, что собаченка собирается доносить на меня своей хозяйкѣ.

Зоя уже смѣялась.

Изъ сосѣдней комнаты вернулась Эва и начала вытирать чайную посуду, вымытую матерью. Финогеичъ принималъ изъ ея рукъ на подносъ чистыя блюдца, чашки, стаканы и ставилъ ихъ въ буфетъ. Среди наступившей тишины слышно было, какъ мокрый снѣгъ, бросаемый вѣтромъ точно пригоршнями, сѣчетъ оконныя стекла.

— О, этотъ Петербургъ,—сказала Зоя уныло,—я не видала ничего, кромѣ Петербурга; но говорятъ, что въ другихъ мѣстахъ въ сентябрѣ бываетъ тепло и весело, что деревья тамъ растутъ хорошіе... а здѣсь солнце рѣдко видишь, и не знаешь, есть ли на небѣ луна, звѣзды... Все вокругъ мгла какая-то, безпросвѣтная, унылая слякоть. Сейчасъ шла къ вамъ, полныя калоши набрала воды: снѣгъ мокрый, такъ и сѣчетъ лицо. Вотъ, я несчастная.

— Не ропщи,—строго сказала тетка, принимаясь за какую-то работу,—ты шла сюда для развлеченія, а сколько тысячъ людей бѣгаютъ по этой грязи изъ-за куска хлѣба.

— И тоже клянутъ свою жизнь!

— И тоже нехорошо дѣлаютъ.

— Да, тетя, вамъ легко проповѣдывать, вы въ теплѣ и въ холѣ, ваша Эва не ходитъ въ ломбардъ работать по шести часовъ въ день за сорокъ рублей въ мѣсяцъ.

— Вѣдь ты такъ мечтала получить это мѣсто, а теперь уже недовольна,—сказала Эва, окончившая перетирать посуду и также взявшая въ руки работу.

— Когда ходишь оборванная, то будешь мечтать и не о такой службѣ... А вы думаете, мнѣ весело работать? Сидишь на высокомъ табуретѣ, смотришь на тряпье, которое нагромождено за рѣшеткой и знаешь, что вотъ, черезъ нѣсколько часовъ, надо

отправляться въ родимый домъ; а тамъ папаша пьяный, а тетенька ходитъ по комнатѣ неслышными шагами съ безконечнымъ вязаньемъ въ рукахъ, или же ласково шипитъ на оборванную Агафью.

— Ты сегодня что-то много жалуешься, — замѣтила Софья Андреевна,—ужъ не случилось ли у васъ что-нибудь особенное?

— О, ничего особеннаго, — отвѣчала Зоя съ язвительной улыбкой на губахъ и со слезами въ голосѣ, — только отцу не хватило вчера денегъ и онъ продалъ татарину мою золотую брошку; а я, чтобы купить ее, откладывала почти два мѣсяца свое жалованье...

— Ахъ, несчастный старикъ,—сказала тетка,—до чего онъ палъ! И можно ли повѣрить, что это тотъ самый блестящій Борисъ Петровичъ, который ухаживалъ за Лелей... И какъ онъ любилъ ее!.. И они были счастливы, хотя наши родители не хотѣли этого брака.

— Онъ вчера плакалъ, просилъ прощенія, обѣщалъ купить другую брошку,—продолжала жаловаться Зоя,—да что толку въ его раскаяніи. Голосъ ея дрогнулъ. Она быстро опустила глаза, чтобы скрыть набѣжавшія на нихъ слезы.

— Бѣдняжка,—сказала тетка съ полуулыбкой,—я подарю тебѣ свою къ празднику, у меня еще, кажется, есть кое-что.

— Онъ все пропьетъ... О, Господи! И хоть бы еще это былъ дурной человѣкъ,—нѣтъ, онъ хорошій... Я знаю, что это болѣзнь отъ тоски; но что-же изъ этого? Развѣ оттого дома у насъ лучше? Вотъ здѣсь какъ хорошо, какъ уютно! Какія чистенькія комнатки, по стѣнамъ — картины, на этажерочкахъ—бездѣлушки... Вещи все такія оригинальныя... Вотъ хотя бы это.

Она указала на чайникъ изъ коричневой глины съ эмалевой инкрустаціей и высокой ручкой, который только что принесъ изъ кухни Финогеичъ.

— Зачѣмъ хвалить чужую вещь?—проворчалъ старикъ, бережно ставя дрожащими руками чайникъ на этажерку,—развѣ можно хвалить чужое? Неровенъ часъ, сглазишь и разобьется добро.

И онъ вышелъ, бормоча что-то и сердито покачивая круглой, плѣшивой головой.

Всѣ разсмѣялись; но Финогеичъ, точно вспомнивъ что-то, черезъ секунду вернулся.

— Вотъ, вы чайнику позавидовали,—сказалъ онъ торжествующе,—а того не помните, что покойный адмиралъ изъ послѣдняго плаванія привезъ вамъ и чайникъ такой, и молочникъ, и три чашки съ блюдцами.

— Вѣрно, я вспомнила,—сказала Эва.

— Ну, вотъ, а все завидуетъ,— бросилъ Финогеичъ, скрываясь за дверью корридора.

— Онъ правъ, дитя,—сказала Софья Андреевна,—дядя привозилъ тебѣ массу хорошенькихъ вещичекъ изъ Китая и Японіи, гдѣ онѣ?

— Почемъ я знаю? — отвѣчала смущенная Зоя,—у меня долго не было своей комнаты; а папа... онъ, знаете ли, билъ много вещей... конечно, нечаянно, а все-таки у меня ничего нѣтъ.

— Полно сударыня моя!—сказалъ Финогеичъ, неожиданно, просовывая изъ дверей розовую лысину, украшенную по бокамъ сѣдыми кудряшками,—не вали все на отца! Ужъ кто любитъ вещи, тотъ и поберечь ихъ сумѣетъ... ну, въ сундучекъ спрячь, ну, запри...

И голова старика снова скрылась.

Финогеичъ съ младенчества, еще крѣпостнымъ, жилъ вмѣстѣ съ Софьей Андреевной; потомъ онъ плавалъ три раза вмѣстѣ съ ея мужемъ, адмираломъ Каргановымъ; а послѣ его смерти ни разу, даже на день, не разставался съ его семействомъ. Финогеичъ не могъ себя отдѣлить отъ этихъ двухъ, дорогихъ ему женщинъ, у него никогда не было иной семьи, кромѣ семьи адмирала, которая также очень любила стараго чудака. Но Зоя, не имѣвшая никакихъ причинъ терпѣливо выносить нравоученія Финогеича, обиженно поднялась со стула.

— Куда же ты, еще нѣтъ и восьми часовъ,—сказала Софья Андреевна.

— Въ театръ... сегодня очень интересная пьеса.

— Какъ тебѣ не надоѣстъ чуть не каждый вечеръ смотрѣть оперетку или фарсы.

— Да́ вѣдь даромъ! У меня редакціонный билетъ... рецензентъ ходитъ только на первыя представленія, а потомъ отдаетъ его мнѣ... А развѣ дома сидѣть лучше?

Простившись, Зоя вышла въ переднюю, гдѣ надѣла мокрую кофточку, еще не успѣвшую просохнуть послѣ мокраго снѣга и, всунувъ сырыя башмаки въ галоши съ размякшими пятками, обратилась къ Эвѣ.

— Дай мнѣ, душечка, двадцать четыре копѣйки,—сказала она, комически вздыхая,—вѣдь по двумъ конкамъ надо ѣхать туда и обратно! Я тебѣ отдамъ, когда получу жалованье.

Дѣвушка спрятала полученныя деньги, а потомъ, смѣясь, сказала:

— Вѣдь этотъ святоша, кажется, за тобой ухаживаетъ?.. Ну этотъ богачъ... Наврозовъ!

Густой румянецъ разлился по блѣднымъ щекамъ Эвы и въ то же время что-то невыразимо грустное мелькнуло въ ея глазахъ.

— Не шути этимъ,—сказала она тихо, но такъ повелительно, что слова замерли на устахъ Зои, которая только успѣла проговорить.

— Однако, ты ревнива...—и замолчала.

Только простившись и уже сходя по лѣстницѣ она насмѣшливо пробормотала.

— Хочется видно залѣчить старую рану... Эхъ кабы мнѣ...

Она сошла съ лѣстницы и, поднявъ юбки, зашлепала по направленію къ рельсамъ конно-желѣзной дороги.

А Эва продолжала стоять въ передней у столика, не будучи въ силахъ справиться съ охватившимъ ее волненіемъ.

Зоя такъ неожиданно, такъ грубо дотронулась до святая святыхъ ея сердца! Въ сердцѣ этомъ жила рана, которая давно уже, лѣтъ пять, сочилась, болѣла, не заживала... Когда-то у Эвы былъ женихъ, который чуть ли не наканунѣ свадьбы уѣхалъ съ какой-то актрисой и невѣста больше его никогда не видала. Эва пережила эту драму, даже ни разу не пожаловавшись матери на тяжесть своего горя; но съ тѣхъ поръ щеки ея пріобрѣли восковой оттѣнокъ, а рѣчь иногда прерывалась заиканьемъ. Съ тѣхъ поръ глаза ея все чаще останавливались на лицахъ съ отпечаткомъ горя въ чертахъ, и любовь къ обездоленнымъ, проникшая все существо ея, становилась все дѣятельнѣе. Мало, помалу она освоилась съ этой новой жизнью личнаго отреченія, въ награду за что получала мгновенія невыразимаго, безпредѣльнаго счастья. И казалось Эвѣ, что для себя у нея больше нѣтъ желаній... Но вотъ, черезъ пять лѣтъ, снова зазвучали неожиданно въ ея сердцѣ давно затихшія струны... Однако, теперь эти струны часто издавали нестройные аккорды. Воспоминаніе о большой обидѣ воскресло съ новой силой и боялась чего-то Эва, и не довѣряла, и не хотѣла вѣрить новому счастью. Да и какъ вѣрить? Конечно, были у нея теперь прелестныя минуты, но уже воспоминаніе о нихъ отравлено, потому что появилась Зоя.

Съ тѣхъ поръ, какъ Зоя начала кокетничать съ Наврозовымъ, Эва замѣтила, что отношеніе къ ней Антона Михайловича мало-по-малу измѣняется. Зоя намѣтила его себѣ въ мужья, она достигнетъ цѣли, а Эва снова останется одинокой. О, Зоя такъ хитра! И чѣмъ ей не женихъ Наврозовъ? Онъ добръ, уменъ, богатъ,—для Зои это самое главное, и она непремѣнно завоюетъ себѣ Антона Михайловича.

Вдругъ душа Эвы загорѣлась враждою и жаждой соревнованія. Неужели она не съумѣетъ постоять за себя, неужели не охранитъ своего расцвѣтающаго счастья? И почему бы ей не бороться? Она скажетъ Зоѣ, что это возмутительно, она пристыдитъ ее...

Сердце Эвы забилось сильно и злобно, руки сжались, на лбу появилась поперечная складка; но возбужденіе это прошло также быстро, какъ и появилось. Она грустно улыбнулась и прошептала про себя:

— Бѣшеная курица...

Такъ называла ее Зоя, когда онѣ, дѣвочками, ссорились въ институтѣ.

— Пусть будетъ, что будетъ,—сказала она самой себѣ, прикладывая тонкую руку къ заболѣвшему сердцу.

Эва глубоко вздохнула и, постоявъ еще съ секунду у двери, вошла въ столовую.

Софья Андреевна сидѣла на креслѣ, по обыкновенію выпрямившись съ прямо стоящей головою, но руки ея лежали на колѣняхъ, а работа валялась на полу. Эва подошла къ ней и сѣла у ея ногъ на скамеечкѣ.

— Сегодня, дитя, ровно двадцать лѣтъ, какъ твой отецъ вернулся изъ перваго кругосвѣтнаго плаванія,—сказала Софья Андреевна,—Финогеичъ...

Старикъ вошелъ и сталъ у кресла.

— Сегодня двадцать лѣтъ, какъ ты съ Романомъ Васильевичемъ вернулся изъ плаванія,—сказала она ему.

— И то, матушка, и то!—радостно подхватилъ Финогеичъ.— За два дня до Покрова вернулись, это вѣрно... Вы хорошо помните.

— Помню ли я?—съ мечтательной улыбкой повторила Софья Андреевна.—Вѣдь мы чуть ли не черезъ два года послѣ свадьбы разстались. А сколько времени я его ждала! И вотъ, наконецъ, телеграмма, что „Владиміръ Святой“ подъѣзжаетъ къ Кронштадту. Ахъ... мы съ Эвочкой и махнули навстрѣчу.

— Только тогда погода куда лучше нынѣшней была,—вставилъ Финогеичъ.

— Да, да было прохладно, но ясно. Помню, свѣтилъ серпъ молодой луны... Мы не успѣли еще къ рейду подъѣхать, какъ уже во весь опоръ скачетъ намъ навстрѣчу извозчикъ! И, повѣришь ли, Эвочка, отецъ, прямо на всемъ лету выскочилъ изъ экипажа и къ намъ. Ахъ, я думала, что его наша лошадь задавитъ... Плачу, смѣюсь...

— Еще бы ему не выскочить,—воскликнулъ старикъ,—какъ онъ торопился, батюшки! Весь дрожитъ, щеки красныя и все только шепчетъ: „сейчасъ увижу, сейчасъ“. Самъ себя, какъ ребенка малаго, утѣшаетъ.

Софья Андреевна погладила мягкія пепельныя волосы дочери и продолжала съ грустной улыбкой.

— А ты, малютка, его испугалась, заплакала... и ему это было непріятно.

— Ну, сударыня, что съ ребеночка взыскивать, —горячо заступился Финогеичъ, —вѣдь Романъ Васильевичъ ихъ въ колыбелькѣ оставилъ!

Софья Андреевна кивнула головой, продолжая печально улыбаться.

Она постоянно вспоминала годовщину разныхъ событій ея жизни. То это было рожденіе мужа, то его именины, то повышеніе въ чинѣ, то разные эпизоды изъ кругосвѣтныхъ путешествій, которыя она знала такъ хорошо, точно сама его сопровождала, то производство его въ адмиралы, то, наконецъ, незабвенно горькій день его кончины.

— Финогеичъ, вѣдь въ этотъ разъ онъ привезъ намъ эту японскую вазочку?—сказала она наконецъ, указывая на одну изъ красивыхъ вещицъ, стоявшихъ на этажерочкѣ.

— Тогда, сударыня, тогда. Мы купили ее въ Нагассакахъ и сперва хотѣли подарить сестрицѣ вашей Еленѣ Андреевнѣ, да Эвочка такъ ухватила вазочку руками, что нельзя было у нея отнять. Очень мы всѣ тогда смѣялись и вазочку у себя оставили, а Еленѣ Андреевнѣ подарили пузатаго болванчика съ кивающей головой.

— Да, да, я помню. Дай мнѣ въ руки эту вазочку, Эва. Двадцать лѣтъ уже стоитъ она у меня и такая свѣжая, точно сегодня съ корабля, а тотъ кто привезъ... Поставь ее на мѣсто, Финогеичъ.

Старикъ исполнилъ приказаніе и постоялъ немного, ожидая продолженія разговора; но такъ какъ женщины молчали, онъ на цыпочкахъ удалился.

Софья Андреевна снова взялась за работу; Эва продолжала читать ей вслухъ статью изъ новаго журнала.

— Правда ли, что съ тобой начинаютъ обращаться грубо въ Вяземской Лаврѣ?—неожиданно спросила ее мать.

— О, мамочка, нѣтъ,—отвѣчала дѣвушка, вспыхивая,—два-три человѣка есть тамъ такихъ, которые при встрѣчѣ говорятъ мнѣ иногда дерзости... вотъ и все.

— Но, дитя, достаточно одного, чтобы надѣлать тебѣ массу непріятностей. Я положительно начинаю трусить. Мнѣ Владиміръ Алексѣевичъ сказалъ, что къ тебѣ тамъ относятся недоброжелательно.

— Только въ одномъ корпусѣ, увѣряю тебя! А Владиміру Алексѣевичу просто вообразилось и онъ теперь хочетъ меня провожать по всѣмъ закоулкамъ; но я очень противъ этого, потому что мы тогда теряемъ массу времени... Притомъ же меня постоянно сопровождаетъ майоръ Папенкинъ, когда онъ въ своемъ видѣ.

— Но вѣдь онъ постоянно пьянъ.

— Вовсе не постоянно... Но вообще мнѣ никого не нужно, потому что когда я иду по корридору, за мной тянется масса народу.

— Однако тебѣ грозили...

— О, мама, вѣдь это пьяный!

— Тѣмъ хуже.

— Ахъ, нѣтъ, увѣряю тебя... У меня, дѣйствительно, есть враги; но они запрещаютъ мнѣ ходить въ извѣстные корридоры, гдѣ живутъ женщины дурного поведенія; а такъ какъ я все-таки хожу, они и бранятся.

— Такъ ты бы туда не ходила.

— Мама, какъ же мнѣ туда не ходить, когда по моему плану Антонъ Михайловичъ устроилъ для нихъ пріютъ? Должна же я разсказать имъ объ этомъ... Въ томъ корридорѣ, дѣйствительно, приходится иногда выслушивать дерзости, но не отъ женщинъ, а отъ мужчинъ, которые у нихъ въ гостяхъ... Неужели ты думаешь, что ихъ грубые слова могутъ меня оскорбить или испортить?

Она засмѣялась.

— Ну, если тебѣ жаль времени Владиміра Алексѣевича, то попроси Наврозова сопровождать тебя въ эти корридоры.

Эва густо покраснѣла.

— Что ты, мама, развѣ можно затруднять его? Вѣдь онъ знаетъ, въ которомъ часу я бываю въ Лаврѣ и приходитъ туда, когда ему захочется.

Софья Андреевна покачала головой, но больше ничего не возражала. Въ эти нѣсколько лѣтъ она много вынесла огорченій и страховъ за дочь, которая такъ настойчиво исполняла взятую ею на себя миссію. Эва захворала сначала какой-то сыпью, потомъ хроническимъ насморкомъ, который остался невылѣченнымъ; затѣмъ она заболѣла тифомъ и мать долго увѣщевала ее отказаться отъ посѣщенія трущобъ, указывая на другія, не такія опасныя занятія; но Эва безъ противорѣчій выслушивала увѣщанія матери, а продолжала дѣлать свое.

Софья Андреевна, побѣжденная такой настойчивостью, перестала спорить.

III.

Зоя, шлепая по грязи, чтобы сѣсть въ ближайшую конку, все продолжала размышлять о томъ, какъ счастливо живутъ ея тетка и кузина. Какъ всѣ ихъ любятъ, какъ они сами хорошо относятся къ людямъ. Какое счастье имѣть такой хорошій характеръ.

Несмотря на самоувѣренный и веселый видъ Зои, какой-то червякъ постоянно точилъ ея сердце. Иногда угнетала ее тоска по чему-то хорошему, благородному и она мечтала о подвигахъ; иногда, при видѣ пролетѣвшей кареты съ разодѣтыми дамами, она начинала жаждать богатства веселья и ее сосала тоска по блеску, по роскоши, ее тянуло испытать всѣ неизвѣданныя наслажденія столицы. Но всякое чувство сопровождалось тупымъ и постояннымъ ощущеніемъ одиночества, которое напоминало ей о себѣ при ничтожнѣйшемъ поводѣ. Стоило Зоѣ встрѣтить дѣтей, весело бѣгающихъ около матери, сердце ея сжималось и она думала съ завистью:

— Счастливая мать... счастливыя дѣти...

Если мимо нея проходила парочка молодыхъ людей, Зоя смотрѣла имъ вслѣдъ, думая о томъ, какъ они счастливы. Каждый домъ, каждое освѣщенное окно вызывало въ душѣ ея представленіе о живущихъ тамъ счастливыхъ людяхъ. Она не думала о томъ, что эти люди также борются, также страдаютъ и также завидуютъ. Зоя забыла, что у нихъ бываютъ свои горести, отъ которыхъ она, никого не любившая, была предохранена,—ей всегда всякій незнакомый человѣкъ казался счастливымъ.

Сидя въ конкѣ, стиснутая съ обѣихъ сторонъ публикой, Зоя смотрѣла на всѣ лица, придумывая для каждаго изъ нихъ свои радости, и всегда забывая вспоминать о печаляхъ. Это занятіе развлекало дѣвушку во время ея продолжительныхъ путешествій по конкамъ въ театръ. Она не уставала думать о счастьи незнакомыхъ людей до тѣхъ поръ, пока кондукторъ не называлъ улицы, на которой ей надо было выходить изъ вагона.

Зоя поспѣшно перебѣгала небольшое разстояніе до театра и, запыхавшаяся, веселая, входила въ высокую переднюю, гдѣ ее окружали капельдинеры. Поспѣшно сдавала она платье и, съ муфточкой въ рукахъ, скромно потупясь, но обращая на себя общее вниманіе, проходила впередъ, къ креслу рецензента. Тамъ ее сразу охватывала особая атмосфера беззаботности, легкомыслія, богатства. Здѣсь военные тихонько позвякивали шпорами и, стоя спиною къ рампѣ, открыто лорнировали дамъ. Здѣсь же сидѣли старички въ тонкихъ сюртукахъ, съ надушенными лысинами. Здѣсь слышалась французская рѣчь, пестрѣли яркія ткани ловко сшитыхъ женскихъ платьевъ. Здѣсь же мелькали причудливо взбитыя прически одинокихъ дамъ, бросавшихъ на кавалеровъ вызывающіе взгляды. Здѣсь, наконецъ, такъ хорошо была видна сцена, что Зоя подмѣчала каждое движеніе лица артистовъ, малѣйшую черточку грима, ихъ перешептываніе, не относящееся къ исполненію роли.

Сегодня подолъ скромнаго чернаго платья Зои совершенно

вымокъ, что заставило ее проходя по бархатному коврику между двумя рядами креселъ, принять нѣсколько надменный видъ; но какъ только она сѣла на свое мѣсто, ея неловкость исчезла и ее охватила знакомая атмосфера беззаботнаго веселья.

Зоя взглянула вправо, на первый рядъ креселъ и, слегка улыбнувшись, покраснѣла: оттуда, какъ всегда, смотрѣло на нее знакомое лицо господина, съ которымъ она иногда разговаривала; но фамиліи котораго она до сихъ поръ не знала. Господинъ этотъ, блондинъ съ коротко подстриженными волосами и длиннымъ носомъ, жилъ недалеко отъ квартиры Зои и она иногда пользовалась его предложеніемъ подвезти ее къ дому.

Зоя отлично понимала всю неловкость своихъ ночныхъ прогулокъ съ незнакомымъ господиномъ, почему не говорила о нихъ ни съ Софьей Андреевной, ни дома съ теткой. Конечно, это нехорошо; но вѣдь такъ скучно плестись пѣшкомъ изъ театра. Иногда, если поздно кончается, конокъ уже нѣтъ и приходится идти больше часа... Соблазнъ былъ очень великъ, тѣмъ болѣе, что незнакомый господинъ велъ себя всегда такъ корректно, что даже первый никогда руки не протягивалъ при встрѣчѣ. Также прощаясь у воротъ ихъ дома (Зоя жила во второмъ дворѣ) онъ только откланивался чрезвычайно элегантно и спѣшилъ уѣхать. Однако всякій разъ, когда Зоя садилась на извозчика съ незнакомцемъ, она вспоминала Наврозова и думала, что онъ бы измѣнилъ свое отношеніе къ ней, если бы увидалъ ее въ это время.

И все-таки сегодня, входя въ театръ, Зоя хотѣла увидѣть и незнакомца на обычномъ мѣстѣ. Хорошо, если бы онъ подвезъ ее домой сегодня! Вѣдь хуже погоды нельзя себѣ и представить, а часть денегъ Эвы она отдала за храненіе платья капельдинеру. Конечно, будь у нея деньги, она ни за что не принимала бы приглашеній незнакомца; но если денегъ нѣтъ? И развѣ этотъ богатый человѣкъ что-нибудь теряетъ, уступая ей свободную половину пролетки?

Разсуждая такъ, Зоя еще разъ взглянула въ сторону незнакомца, и когда послѣдній поклонился, она отвѣтила ему такой веселой улыбкой, что онъ позволилъ себѣ тоже слегка улыбнуться.

„И потомъ все-таки это уже знакомый,—думала Зоя, какъ бы оправдываясь,—вѣдь такая тоска сидѣть нѣсколько часовъ истуканомъ и выносить на себѣ эти взгляды“.

Дѣйствительно, на красивую дѣвушку глядѣли со всѣхъ сторонъ столько паръ жадныхъ глазъ, что она предпочитала во время антрактовъ скрываться въ дамскую уборную и тамъ отдыхать отъ назойливаго вниманія.

Въ дамской бывало темно и холодно. Только пара свѣчей горѣла въ подсвѣчникахъ высокаго трюмо, куда подходили одна

за другою дамы пудриться изъ общей пудренницы и одной пуховкой, или же завиваться щипчиками, которыя грѣлись тутъ же на спиртовой лампочкѣ. Дамы наскоро вертѣлись передъ зеркаломъ, оглядывая себя сзади и спереди; но, наконецъ, уходили къ ожидавшимъ ихъ въ залѣ кавалерамъ.

Въ комнатѣ оставалась одна Зоя и ей становилось скучно сидѣть здѣсь, въ то время когда всѣ другія весело проводятъ эти антракты. Она смущалась, сидя подъ пристальнымъ и равнодушнымъ взоромъ горничной, которая точно удивлялась одиночеству такой красивой дѣвушки. Зоѣ это казалось оскорбительнымъ... Зоя пускалась даже на хитрости и дѣлала кому-то знаки въ открытую дверь залы, давая этимъ понять прислугѣ, будто ее кто-то тамъ ожидаетъ. Наконецъ, соскучившись, она поспѣшно уходила, точно тотъ, воображаемый кавалеръ, уже начиналъ выражать нетерпѣніе.

Но антракты были такъ долги, такъ томительны!

Зоя выходила на четырехъугольную галлерею въ пять этажей, съ огромнымъ пустымъ пространствомъ посрединѣ, огороженнымъ бахрамой чугунной рѣшетки. По лѣстницамъ, перекинутымъ вверхъ неправильной ажурной сѣтью, она постепенно поднималась съ одного этажа на другой, все выше, выше и оттуда, свѣсившись съ чугунныхъ перилъ, смотрѣла внизъ на правильные ряды вѣшалокъ. У нея кружилась голова, и она оставалась довольна развлеченіемъ. Было что-то необыкновенное въ этомъ огромномъ пустомъ квадратѣ, гдѣ гуляло гулкое эхо, въ этихъ легкихъ и смѣлыхъ изгибахъ лѣстницъ въ воздухѣ, точно кружевомъ, обнесенныхъ чугунной рѣшеткой; но только скоро все огромное пространство наполнялось табачнымъ дымомъ, а сами курильщики становились близко къ молодой дѣвушкѣ и безцеремонно ее разглядывали.

Зоя, въ сердцахъ, возвращалась на свое мѣсто; но въ залѣ еще было пусто, а глаза военныхъ и статскихъ, стоявшихъ спиною къ сценѣ, опираясь на рампу, опять-таки обращались на нее. Дѣвушка сжимала руки въ своей муфточкѣ, не зная куда дѣваться отъ смущенія. Глаза ея метали молніи, которыя пропадали даромъ, потому что она не смѣла поднять вѣки, на щекахъ загорался яркій румянецъ несокрушимаго здоровья, что еще сильнѣе привлекало къ ней общее вниманіе.

Вотъ почему Зоя была очень рада, когда незнакомый господинъ сегодня не только раскланялся, какъ это дѣлалъ всегда, но еще и подошелъ заговорить съ нею. Она охотно поддержала разговоръ и съ удовольствіемъ пошла гулять съ нимъ по залу, который раньше, безъ кавалера, былъ ей совершенно недоступенъ.

По угламъ залы толпились офицеры въ разныхъ формахъ;

лицеисты, съ искусственно выпяченной грудью; ученики коммерческаго училища, желавшіе походить на лицеистовъ; пажи съ касками въ рукахъ; студенты въ мундирахъ и съ офицерской выправкой; штатскіе въ лакированныхъ башмакахъ и съ необыкновенными галстухами.

Съ видомъ знатоковъ стояли по угламъ эти группы, наблюдая гулявшія передъ ними пары и дѣлая громко критическія замѣчанія насчетъ женской красоты.

Одинъ толстый лицеистъ съ землистымъ лицомъ и крутыми женскими бедрами, распахивавшими сзади полы его тугого мундира, наблюдалъ все время за Зоей и, наконецъ, когда она, описавъ чуть ли не въ двадцатый разъ небольшой кругъ по залу, снова очутилась противъ него, громко сказалъ товарищу:

— Великолѣпный экземпляръ!

— Недурна,—снисходительно отвѣчалъ товарищъ.

Зоя до слезъ покраснѣла, но продолжала говорить, дѣлая видъ, что не дослышала дерзкой похвалы.

— Конечно, пьеса эта, вѣроятно, не изъ лучшихъ, но я такъ рѣдко бываю въ театрѣ, что пока мнѣ все нравится.

— Но вамъ гораздо больше понравилось бы во французской комедіи,—замѣтилъ кавалеръ нѣсколько разбитымъ баритономъ,—тамъ такія смѣшныя вещи ставятся и такъ ихъ хорошо разыгрываютъ!

— Да, конечно, но...

Зоя запнулась. Она хотѣла сказать, что здѣсь мѣсто даровое, а тамъ надо платить... Кавалеръ тотчасъ же понялъ эту заминку.

— Если бы вы разрѣшили мнѣ когда-нибудь...—началъ онъ, съ необычайной почтительностью, но былъ тотчасъ же прерванъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ,—сказала Зоя нервно,—я не хожу въ театръ на чужой счетъ... А этотъ билетъ даетъ мнѣ мой знакомый рецензентъ.

Незнакомецъ слегка поклонился и сказалъ, не придавая никакого значенія ея смущенію.

— Во французскомъ театрѣ я имѣю возможность получать даромъ ложи, которыя остаются непроданными, такъ что тамъ мы съ вами будемъ на равныхъ правахъ.

Зоя ничего не успѣла отвѣтить, потому что въ это время пронесся по залу звонъ электрическаго звонка и разговоръ оборвался.

Къ концу пьесы незнакомецъ уже стоялъ передъ Зоей, предлагая ей воспользоваться его извозчикомъ.

— Я вамъ буду очень благодарна,—отвѣчала она, смущенно улыбаясь,—такая отвратительная погода, а мнѣ такъ далеко.

Не успѣли они выйти на улицу, какъ огромныя хлопья мок-

раго снѣга такъ и облѣпили свѣжее личико дѣвушки. Она весело засмѣялась и юркнула подъ спущенный верхъ пролетки. Спутникъ солидно послѣдовалъ за нею.

Экипажъ подвигался не быстро. Комья сбитаго снѣга, огромныя лужи, вѣтеръ, бросавшій въ лицо мокрыми хлопьями, мѣшали извозчику править, а лошади бѣжать рысью. Но Зоѣ было тепло, сухо, весело. Незнакомецъ своимъ монотоннымъ баритономъ разсказывалъ, какъ прекрасно идетъ въ Парижѣ оперетка.

— Знаете, русскій языкъ не способенъ передавать всѣхъ тонкостей остроумія,—пренебрежительно говорилъ онъ,—а русскіе актеры въ сравненіи съ французскими, это то же, что ихъ квасъ передъ шампанскимъ.

— За что это вы насъ такъ обижаете?—смѣясь, возражала Зоя, которую смѣшилъ теперь педантически-важный тонъ ея знакомца.

— Я не обижаю, а хочу только сказать, что русскіе еще мало цивилизованы... Вотъ прошлой зимой въ Folie Bergère давали новую оперетку... Я забылъ ея названіе; но сколько тамъ ума, яда, остроумія! Какая сатира на нравы.

Въ это время пролетка вдругъ рванулась, потомъ подалась назадъ, послышался какой-то трескъ, ругательства и крики. Наконецъ, экипажъ остановился, накренившись на ту сторону, гдѣ сидѣла Зоя.

— Ай-ай!—закричала она.—Мы на рельсахъ и на насъ вагонъ наѣзжаетъ.

Испуганная она просунула голову подъ фартукъ и выскочила на мостовую, прямо въ лужу таявшаго снѣга. Ея галоши наполнились мгновенно водою, а чулки, прюнелевые башмачки и юбки стали совершенно мокры. Она стояла такъ подъ высокимъ электрическимъ фонаремъ, среди огромнаго круга колеблющагося свѣта, въ которомъ дрожали тѣни падающихъ съ неба снѣжинокъ, точно рой встревоженныхъ пчелъ.

— Mademoiselle, войдите, вы простудитесь,—говорилъ солидный, незнакомецъ, которому не хотѣлось покидать теплое мѣстечко,—войдите, иначе на насъ, дѣйствительно, можетъ наѣхать конка.

Но въ это время къ ихъ экипажу уже подходилъ городовой съ бляхой, красиво сверкавшей подъ лучами электрическаго свѣта.

Извозчики уже успѣли развести столкнувшихся лошадей, осаживали ихъ и торопились разъѣхаться.

— Твой номеръ,—сурово и лаконично сказалъ городовой.

— Ваша милость, простите,—заговорилъ извозчикъ, одной рукой придерживая возжи, а другой дотрогиваясь до шапки,—я свернуть хотѣлъ, а онъ претъ навстрѣчь.

— А чего онъ по рельсамъ ѣдетъ!—кричалъ другой, отъѣз-

жая поспѣшно; но городовой настигъ его и схватилъ лошадь подъ узцы.

— Говори и ты свой номеръ!—кричалъ онъ.

— Видно и мнѣ надо вылѣзать,—со вздохомъ произнесъ незнакомецъ, отстегивая фартукъ и осторожно вылѣзая изъ экипажа.

Зоя посмотрѣла на него и разсмѣялась.

— Какъ вы боитесь промочить ноги!—воскликнула она.

— Еще бы,—серьезно отвѣчалъ спутникъ,—развѣ вы не знаете, какія опасныя послѣдствія имѣютъ петербургскіе насморки?

Зоя стояла чуть ли не по щиколдку въ водѣ, дрожала отъ сырости, но продолжала смѣяться.

— Mademoiselle, вы продрогли! Это ужасно!—воскликнулъ незнакомецъ.—И зачѣмъ вы выскочили.

— Да вы, барышня, садитесь, я довезу,—сказалъ извозчикъ, уже покончившій съ городовымъ непріятныя объясненія.

— Пошелъ вонъ, болванъ, если не умѣешь ѣздить!—грубо крикнулъ ему незнакомецъ.

— Снѣгъ, баринъ, глаза слѣпитъ... этака темь...

— Темь!— съ негодованіемъ подхватилъ городовой.—Скажите пожалуста, горитъ электричественное освѣщеніе, а ему темь...

Сѣдоки не дождались конца этихъ препирательствъ. Незнакомецъ что-то сунулъ извозчику въ руку и повелъ свою даму къ панели.

— Вы промокли и озябли,—сказалъ онъ ей,—вамъ необходомо немного обогрѣться.

— Я это сдѣлаю дома,—отвѣчала Зоя, хотя она знала, что дома уже спятъ и что она не рѣшится будить для себя прислугу.

— Вамъ такъ далеко еще ѣхать, вы простудитесь—продолжалъ спутникъ,—хорошо бы зайти сюда, чтобы обогрѣться.

Онъ указалъ на великолѣпный французскій ресторанъ, освѣщавшій часть панели своими огромными зеркальными окнами, откуда вырывались цѣлые снопы свѣта.

— Что вы, что вы!—воскликнула Зоя, съ испугомъ взглянувъ на дверь ресторана, а потомъ на кавалера, который снисходительно посмѣивался надъ ея наивностью.

— Вы очень неосторожны,—замѣтилъ онъ,—здоровье—это такое драгоцѣнное благо, что имъ нельзя рисковать.

— Нѣтъ, я лучше поѣду домой,—прошептала Зоя нерѣшительно,—развѣ можно дѣвушкамъ заходить сюда... и еще съ незнакомымъ...

— Если желаете, я даже не войду съ вами,—поспѣшно проговорилъ незнакомецъ,—я только для вашей пользы... А въ

этомъ ресторанѣ меня всѣ знаютъ, потому что я имѣю дѣла съ хозяиномъ. Я попрошу на часокъ дать вамъ отдѣльный номеръ, а самъ посижу въ столовой.

Молодая дѣвушка начала колебаться. Она вовсе не думала о грозящей простудѣ, ея здоровое тѣло еще не боялось болѣзней; но ей очень хотѣлось увидѣть, каковъ этотъ великолѣпный ресторанъ внутри,—она столько о немъ слышала! Вонъ изъ-за шелковой оконной занавѣски виднѣется часть золоченаго кресла, обитаго малиновымъ бархатомъ, а уголъ чудеснаго лѣпного потолка такъ изященъ! Вонъ красивая мраморная лѣстница, обвитая зеленью, изъ-за которой выглядываютъ бѣлые призраки статуй!.. Отчего не взглянуть на нихъ поближе? Вѣдь, можетъ быть, никогда больше и случая не представится.

— Ну хорошо, я зайду,— сказала Зоя съ замираніемъ сердца,— только на минутку, обогрѣть ноги.

Незнакомецъ уже открывалъ передъ ней одну половинку дверей и, отступая на шагъ, пропускалъ ее впередъ; а дальше раскрывалъ вторыя двери швейцаръ въ пурпоровой ливреѣ. Зоя, сгорая со стыда, хотѣла вернуться; но важный швейцаръ уже затворилъ за нею двери.

А на первой ступенькѣ лѣстницы съ величавой предупредительностью ихъ ожидалъ уже лакей... а на верхней площадкѣ стоялъ не менѣе важный господинъ, готовый всецѣло посвятить имъ все свое вниманіе. Зоя не смѣла взглянуть на нихъ. Она быстро шла впередъ, какъ бы стараясь закрыть приподнятыми плечами свою низко опущенную голову.

— Кабинетъ пятый свободенъ?—бросилъ незнакомецъ.

— Пожалуйте-съ,— отвѣтилъ верхній лакей и, подождавъ пока гости поднимутся на мраморную площадку, повелъ ихъ впередъ по высокому корридору.

Наконецъ, онъ открылъ одну изъ дверей и Зоя вошла въ темную комнату, освѣщенную только свѣтомъ уличныхъ фонарей, да огнемъ дровъ, трещавшихъ въ каминѣ. Но вотъ лакей подошелъ къ стѣнѣ, нажалъ кнопку и вся комната освѣтилась. Огонь ярко загорѣлся внутри хрустальной люстры и живыя искорки его переливались брилліантовой игрой въ блестящемъ кружевѣ подвѣсокъ.

— Побольше дровъ въ каминъ и горничную,—сказалъ незнакомецъ лакею. Затѣмъ онъ приподнялъ шляпу, подержалъ ее мгновеніе въ слегка откинутой рукѣ и удалился.

Лакей также вышелъ, притворивъ за собою двери.

Зоя стояла, какъ очарованная.

Стѣны высокой комнаты были обиты зеленовато-голубымъ штофомъ, вставленнаго въ раму темнаго бархата съ серебрян-

нымъ бордюромъ. Между глубокими лѣпными арабесками потолка на блѣдномъ фонѣ облаковъ летали амуры. Посрединѣ его, сплетясь руками, кружились нимфы въ вакханическомъ танцѣ, точно цвѣточнымъ вѣнкомъ окружая хрустальную люстру. На пушистомъ коврѣ была разбросана зеленая мебель съ серебрянной рѣзьбою, изъ-подъ бархатныхъ портьеръ съ кистями и бахромою, виднѣлось тонкое кружево оконныхъ занавѣсокъ.

Посреди комнаты стоялъ столъ, накрытый скатертью снѣжной бѣлизны. Тутъ уже были приготовлены для кого-то тарелки съ широкою золотою каймой и вензелями, серебряные ножи, вилки, хрустальные бокалы, въ которыхъ дрожали и переливались огни электричества.

— Que desire mademoiselle?—раздался сзади громкій голосъ.

Оглянувшись, Зоя увидала прекрасно одѣтую и причесанную по модѣ особу въ гофрированномъ передникѣ, одѣтомъ съ изысканнымъ кокетствомъ.

— Я очень промокла,—сказала молодая дѣвушка, чрезвычайно сконфузившись,— у меня башмаки полны воды... Нашъ извозчикъ...

Дальше Зоя не продолжала, потому-что француженка нисколько не поинтересовалась узнать, что случилось съ ихъ извозчикомъ. Она жестомъ пригласила дѣвушку присѣсть на диванъ и поспѣшно нагнулась къ ея ногамъ, чтобы стянуть ботинки.

Но тутъ сердце Зои вдругъ перестало биться, она похолодѣла и почувствовала, какъ вся мебель ходуномъ заходила передъ ея глазами: она только сейчасъ вспомнила, что калоши ея изношены, что прюнелевые башмачки съ изъяномъ, да и чулки также не могутъ похвастаться особенной безукоризненностью.

— Ахъ, нѣтъ! Ни за что, Боже сохрани!—крикнула она, поджимая въ отчаяніи подъ себя мокрыя ноги.—Я ужъ лучше дома! Я у камина обогрѣюсь и уйду.

— Пусть mademoiselle позволитъ снять башмакъ,—настойчиво и строго сказала француженка, снова наклоняясь.

Зоя не смѣла ослушаться. Глубоко вздохнувъ, она опустила внизъ ноги, но лицо, мокрое и красное, крѣпко прикрыла ладонями.

Ловкимъ движеніемъ руки горничная сразу совлекла съ нея всю ветошь, слившуюся въ одну мокрую грязную массу.

— Ну, тутъ никто ничего не разберетъ,—подумала Зоя, наблюдавшая за этой операціей изъ-за разставленныхъ пальцевъ руки,—но только, какъ я это все потомъ надѣну?

Француженка вытерла полотенцемъ ноги Зои, придвинула къ камину кресло, указала ей на него и вышла, проговоривъ:

— Я сейчасъ...

Босыми ногами, ощущая прикосновеніе мягкаго ковра на подошвахъ, Зоя перебѣжала небольшое разстояніе, отдѣлявшее диванъ отъ кресла, и, усѣвшись передъ огнемъ, весело засмѣялась.

„Какъ здѣсь тепло, мягко! Какъ уютно! Хорошо бы теперь покушать конфектъ, выпить шеколаду и хорошенько поболтать... А что сказалъ бы на это Наврововъ“?

Зоя смутилась, и это смущеніе доказало ей, что не все благополучно въ этомъ веселомъ приключечіи.

— Ахъ, какая тоска! — пробормотала она. — Такіе святоши, какъ Эва, да Звѣревъ, да Антонъ Михайловичъ, конечно, найдутъ мое поведеніе нехорошимъ; но если разсказать обыкновеннымъ людямъ...

Она задумалась.

А гдѣ ихъ взять, этихъ обыкновенныхъ людей? Отецъ, тетка?. Но они, навѣрно, также будутъ охать, ужасаться. Дѣвицы изъ ломбарда? Ого, эти такого наговорятъ, хотя въ душѣ и позавидуютъ... А мужчины изъ сослуживцевъ? Тѣмъ и говорить нельзя такихъ вещей, они станутъ очень нахальны.

Изъ всѣхъ разсужденій выходило, что настоящее приключеніе слѣдуетъ никому не разсказывать и поскорѣе покончить.

Но, въ сущности, теперь еще вовсе не поздно, около двѣнадцати... Можно сейчасъ уѣхать и никто, никогда, ничего не узнаетъ.

Въ дверь осторожно постучали.

— Entrez,—сказала Зоя, поспѣшно подбирая подъ юбки согрѣтыя ножки.

Въ комнату вошелъ лакей съ подносомъ, на которомъ стояли икра, омары, семга, устрицы и полбутылки вина.

— Я ничего не хочу,—замѣтила, краснѣя, Зоя.

— Приказано оставить,—отвѣчалъ лакей и вышелъ, притворивъ дверь.

Зоя пожала плечами, засмѣялась и подбѣжала къ столу.

Какъ все вкусно пахнетъ!

Сперва кончикамъ мизинца дотронулась она до жидкой икры, отливавшей темнымъ перламутромъ, облизала его, отошла отъ стола и, расхохотавшись, начала ѣсть.

— Совсѣмъ, какъ Людмила!—прошептала она, вынимая изъ вазочки икру щедрыми порціями.

Она затѣмъ посмотрѣла на устрицы; ей хотѣлось попробовать ихъ, но было противно. Вѣдь ихъ не жуютъ, а прямо глотаютъ, фи! Но какъ-же проглотить сразу такую гадость. Говорятъ, они въ горлѣ пищатъ...

Въ дверь снова постучались. Зоя побѣжала на прежнее мѣсто, солидно на немъ усѣлась и тогда только сказала:

— Entrez.

Вошла француженка, держа въ рукахъ новые высокіе ботинки и великолѣпные черные шелковые чулки.

Зоя начинала думать, что она грезитъ.

— Ваши башмаки, mademoiselle, никуда не годятся,—сказала горничная,—они испортились отъ грязи. Мы посылали въ магазинъ за новой обувью.

— Хорошо,—небрежно отвѣтила Зоя,—дайте счетъ и адресъ магазина, папà заплатитъ... Чорта съ два,—прибавила она про себя,—придется, вѣроятно, отдать за это половину мѣсячнаго жалованья.

Француженка отвѣтила:

— Хорошо-съ,—и ловко обула ножку Зои.

— Какъ вы все хорошо дѣлаете,—сказала Зоя.

— О, здѣсь, mademoiselle, всему научишься, — равнодушно отвѣтила горничная.

— Какъ хорошо сидятъ ботинки,—продолжала Зоя,—гдѣ вы ихъ такъ поздно купили?

— Въ нашемъ домѣ, у Пьера Грассе. Къ нему ночью можно зайти съ чернаго хода.

— Ахъ, какъ непріятно, обо мнѣ папа будетъ безпокоиться,—сказала Зоя француженкѣ, стараясь оправдать себя въ ея глазахъ; но послѣдняя не нуждалась ни въ какихъ объясненіяхъ. Она привыкла ко всякимъ приключеніямъ и въ нихъ вовсе не интересовалась подробностями, которыя, въ общемъ, почти всегда походили одна на другую.

Сдѣлавъ все, что слѣдуетъ, француженка удалилась съ поклономъ.

Зоя нашла, что пора уже оставить эту гостепріимную комнату. Она позвонила и сказала вошедшему лакею:

— Передайте господину, который со мной пріѣхалъ, что я уже готова.

Черезъ минуту незнакомецъ явился.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ онъ изысканно вѣжливо.

— Благодарю васъ,—церемонно отвѣчала Зоя,—мы можемъ ѣхать. Только, пожалуйста, возьмите счетъ за чулки и башмаки, которыя мнѣ здѣсь дали. Завтра мой отецъ пришлетъ деньги.

— Сію минуту,—сказалъ незнакомецъ, выходя.

Зоя смотрѣла ему вслѣдъ и думала:

„Придется просить впередъ жалованье“.

— Счетъ сейчасъ подадутъ, — сказалъ незнакомецъ, возвращаясь,—а пока присядьте.

Зоя сѣла.

*

— Отчего вы не выпили глотокъ вина?—продолжалъ онъ— это укрѣпляетъ.

Онъ налилъ рюмку желтаго, тягучаго, ароматнаго токайскаго и подалъ Зоѣ.

— Я ничего не пью,—отвѣчала дѣвушка, но такъ какъ господинъ продолжалъ держать передъ ней руку съ рюмкой, ей было неловко не принять ее и не отпить немножко.

— Какъ это вкусно!—сказала она съ удивленіемъ.

— Это тѣмъ хорошо,—солидно пояснилъ господинъ, что это легкое вино, отъ котораго не пьянѣютъ.

Зоя отпила еще, потомъ еще, чувствуя, какъ теплота, веселость и блаженство вливаются въ ея душу вмѣстѣ съ золотымъ нектаромъ.

— Какъ, вы не кушали устрицъ! — воскликнулъ незнакомецъ.—Ну, простите, я задержу васъ на минутку — не могу удержаться отъ соблазна. Уже часъ, а я еще не ужиналъ.

— Уже часъ!—съ испугомъ повторила Зоя.

— Чего вы боитесь? — покровительственно спросилъ незнакомецъ.—Вѣдь теперь только и начинается настоящая жизнь... Днемъ всѣ трудятся, а ночью живутъ.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, за стѣною раздалась веселая трель шансонетки.

Зоя испугалась еще больше; но въ то же время съ любопытствомъ прислушивалась къ тому, что происходитъ въ сосѣдней комнатѣ. Между тѣмъ, собесѣдникъ ея не на шутку занялся уничтоженіемъ устрицъ, ловко посылая ихъ въ ротъ одну за другою.

— Неужели это вкусно?— спросила Зоя съ прехорошенькой гримасой.

— Прежде всего, это полезно,—догматически замѣтилъ незнакомецъ,—не хотите ли попробовать?

— Противно... Они, говорятъ, пищатъ въ горлѣ.

— Противно? Люди высшаго круга всѣ ѣдятъ устрицы... Попробуйте! Сперва возьмите вотъ такъ, а потомъ такъ... Ну, теперь откройте ротъ и сразу, да сразу же глотайте!

Зоя поперхнулась, проглотила, закашлялась и заявила, что не находитъ въ устрицахъ никакого вкуса.

— Вы еще попробуйте,—говорилъ господинъ убѣжденнымъ голосомъ,—полейте лимономъ, вотъ такъ .. увидите, будетъ вкусно.

Вторая устрица, дѣйствительно, показалась Зоѣ уже гораздо вкуснѣе.

— Но лучше всего запивать ихъ шампанскимъ, — сказалъ солидно незнакомецъ и надавилъ пуговку электрическаго звонка.

— Sillеri Sec, замороженнаго,—бросилъ онъ вошедшему лакею.

— Ахъ, какъ поздно,—сказала Зоя,—обо мнѣ безпокоится папа...

„Очень ему нужно", подумала она въ то же время.

— Мы сейчасъ поѣдемъ,—сказалъ незнакомецъ.

Черезъ минуту на столѣ уже стояла бутылка силлери въ серебряной вазѣ.

Зоя держала бокалъ, на хрустальныхъ стѣнкахъ котораго искрились мелкія капли, и чувствовала, какъ ее подмываетъ волна неизвѣданнаго веселья.

За стѣной стройный хоръ вдругъ запѣлъ грустную пѣсню; а когда среди женскихъ голосовъ прозвучали струны гитары, сладкая тоска влилась въ сердце Зои... Такъ вотъ они, эти рестораны, гдѣ льется рѣкой шампанское, гдѣ ѣдятъ устрицъ, ананасы и всякую роскошь. Хоть разъ попить да поѣсть такъ, какъ всегда ѣдятъ эти счастливцы! Хоть будетъ о чемъ вспоминать на своемъ высокомъ стулѣ въ конторѣ ломбарда. И не стоитъ ни о чемъ думать, очень нужно ей общественное мнѣніе! Да и что тутъ дурного поѣсть устрицъ и выпить шампанскаго? Вѣдь самъ святоша Наврозовъ разсказывалъ, сколько онъ денегъ разсорилъ по ресторанамъ... Быть можетъ, онъ и не полюбитъ ее, и не женится, а она уже начинаетъ его бояться...

— Ваше здоровье! — сказала Зоя, прищуривая вспыхнувшіе глаза. И она высоко подняла бокалъ, гдѣ, въ матовыхъ отъ мороза стѣнкахъ хрусталя, искрилось шампанское.

— Place aux dames, за ваше,—вѣжливо возразилъ кавалеръ.

— Кто это такъ поетъ, кто это поетъ? — прошептала Зоя, готовая заплакать,—о, Боже, Боже какъ хорошо...

— Это цыгане,—небрежно отвѣчалъ незнакомецъ.

— Ахъ, цыгане, ахъ...

Но ей вдругъ стало стыдно своего восторга. Она поставила допитый бокалъ на столъ и сказала, пристально вглядываясь въ лицо собесѣдника:

— Однако, я даже не знаю еще, какъ васъ зовутъ, а уже такъ долго пользуюсь вашимъ... гостепріимствомъ.

— Вы не будете раскаиваться въ своей довѣрчивости, — важно отвѣчалъ незнакомецъ,—передъ вами вполнѣ порядочный человѣкъ. И онъ снова до краевъ наполнилъ ея бокалъ шампанскимъ.

— О, я не сомнѣваюсь; но все-таки... какъ же ваша фамилія.

— Моя фамилія Гершъ... Артуръ Гершъ.

— Артуръ Гершъ и компанія?—повторила Зоя. Неожиданно для самой себя она громко расхохоталась и протянула слегка дрожащую руку къ бокалу. Ей вдругъ вспомнилась большая бан-

кирская контора на Невскомъ, съ чугуннымъ литымъ навѣсомъ подъѣзда, съ зеркальными окнами, за которыми виднѣлись зеленыя шелковыя занавѣски на тоненькихъ бронзовыхъ прутьяхъ.

— Это ваша контора на Невскомъ?—спросила она.

— Да, моя,—со спокойной гордостью отвѣчалъ онъ.

„Неужели онъ еврей?“ думала Зоя, вглядываясь въ собесѣдника: но въ его лицѣ не было ничего, свойственнаго лицамъ семитическаго типа. Это было обыкновенное правильное, выхоленное лицо сорокалѣтняго мужчины съ подстриженными свѣтлыми волосами и чуть замѣтной лысиной.

— Странно,—пробормотала Зоя, вы не... иностранецъ?

— Я нѣмецъ,—подчеркнулъ Гершъ.

— Нѣмецъ, — слегка разочаровавшись повторила Зоя, — но вѣдь фирма Артуръ Гершъ существуетъ такъ давно! А вы все-таки еще не старый... Или, можетъ быть, вы сами не Артуръ Гершъ, а только компанія?

— Нѣтъ, я самъ Артуръ Гершъ, а компанія моя—Шмитъ и Розенцвейгъ.

— Ну, держу пари, что эти ужъ евреи.

— Шмитъ нѣмецъ, а Розенцвейгъ, дѣйствительно еврей, но я одинъ настоящій представитель фирмы. Какъ вы сейчасъ изволили замѣтить, это старая, почтенная фирма; но не я имѣлъ счастье основать ее. Мой отецъ, который также былъ Артуръ, задумалъ это предпріятіе и послѣ своей смерти передалъ его мнѣ. У насъ въ роду рѣшено называть старшаго сына Артуромъ, чтобы фирма оставалась неизмѣнно подъ однимъ именемъ.

— Точно какая-нибудь династія,—сказала Зоя.

— Да, какъ династія,—серьезно подтвердилъ Гершъ и чокнулся съ дѣвушкой.

— За здоровье династіи Гершей!—насмѣшливо воскликнула та, выпивая бокалъ до дна.

Гершъ поспѣшилъ его снова наполнить.

Зоя и не замѣчала, что на столѣ стояла уже новая бутылка,

— Благодарю васъ, — съ достоинствомъ сказалъ обладатель банкирской конторы,—за себя и за наслѣдника своего, маленькаго Артура, который современемъ приметъ на себя завѣдываніе дѣломъ.

— Какъ, вы женаты?—вырвалось у Зои.

Гершъ поднялъ свои опущенные глаза, блеснулъ ими въ лицо растерявшейся дѣвушки и значительно сказалъ:

— Это ничего не значитъ.

Зоя вспыхнула отъ гнѣва.

— Вы много позволяете себѣ, милостивый государь!—воскликнула она, не понимая ясно причины своего гнѣва.

Нетвердой рукой поставила она на столъ недопитый бокалъ и хотѣла встать; но, вмѣсто этого оглядѣла самодовольную фигуру своего собесѣдника и неудержимо расхохоталась.

Вслѣдъ за ней началъ вдругъ смѣяться и солидный Гершъ; но смѣялся онъ какъ-то ужъ очень громко, непринужденно и даже, какъ казалось Зоѣ, вовсе неумѣстно, но сердиться больше она не могла.

— Ахъ, какой вы смѣшной, — сказала она, продолжая хохотать, — такъ вы нѣмецъ? Вотъ почему вы такъ боитесь простудиться, кушаете устрицы для здоровья и презираете русскую оперетку? А вы думаете, нѣмцы граціознѣе русскихъ, напримѣръ, въ „Прекрасной Еленѣ“?

— Вы трогаете святая святыхъ души... — началъ, хмурясь, Гершъ, но его перебилъ громкій взрывъ хохота Зои.

— Какъ, „Прекрасная Елена“ это ваша святая святыхъ? —хохотала дѣвушка.

— О, не то...—бормоталъ Гершъ и также началъ смѣяться

— Вотъ, ни за что не повѣрила бы, что вы Гершъ, Гершъ и компанія,—болтала Зоя,—ха! ха! Я думала, что вы князь или графъ...

— У банкировъ больше денегъ.

— Ахъ, какой вы смѣшной!

— А вы — красавица, — отвѣчалъ, хмурясь, Гершъ, точно отвѣчая оскорбленіемъ на оскорбленіе.

Онъ подсѣлъ поближе къ Зоѣ и налилъ ей еще шампанскаго.

— Вы похожи на нашего институтскаго учителя нѣмецкаго языка, — дурачилась Зоя, — онъ былъ лысый и всегда смотрѣлъ бокомъ... Мы его прозвали: „кудрявый гусь“.

— А вы похожи на ангела,—отпарировалъ Гершъ и положилъ свою выхоленную руку съ отточенными ногтями на теплую ручку Зои.

На пухлой выпуклой мякоти руки Герша, возлѣ большого пальца, дѣвушка замѣтила прекрасно выгравированный темный якорь.

— Что это?—воскликнула она съ удивленіемъ.

— Это? Это я былъ влюбленъ когда-то,—отвѣчалъ смущенно Гершъ,—она была Надежда... Я такъ любилъ ее, что татуировался.

— Боже, какъ трогательно! Неужели вы способны такъ влюбиться?

— Любовь—это мой кумиръ, ей я поклоняюсь.

— Вы сейчасъ сказали, что кумиръ вашъ Надежда.

— Теперь кумиръ мой—Зоя, и вся любовь...

— Вы, кажется, сказали: „любофъ“?... Ха! ха!

— Я сказалъ, что вся любовь моя теперь принадлежитъ вамъ,—торжественно произнесъ Гершъ и прижалъ къ сердцу руку дѣвушки.

Но Зоя уже ничего не помнила и ничего не понимала. Она была пьяна первый разъ въ жизни и находила, что это очень весело.

— Какъ обо мнѣ безпокоятся дома,—бормотала она, готовая уснуть.

Юлія Безродная.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Гамбетта и его мѣсто въ исторіи третьей французской республики.

I.

«Изъ всѣхъ режимовъ,—иронически говаривалъ Гранье де Кассаньякъ:—самый счастливый, безспорно, республиканскій: ну, какому бы другому режиму забыли и простили, если бы онъ на самой зарѣ своей жизни вздумалъ разстрѣлять и сослать въ каторгу тридцать тысячъ человѣкъ? А третья республика сдѣлала это,—и ей простили».

Старый бонапартистъ преувеличилъ въ значительной мѣрѣ цифру погибшихъ коммунаровъ, и вся иронія его, разумѣется, чисто партійнаго происхожденія, но самый фактъ указанъ правильно: республиканскій режимъ во Франціи оказался болѣе устойчивымъ, нежели всякій иной со временъ паденія старой бурбонской монархіи. Много было тому причинъ,—и причинъ чрезвычайно существенныхъ, коренившихся и въ общеевропейскихъ, и въ спеціально-французскихъ обстоятельствахъ. Но что является здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, выдающейся, бросающейся въ глаза чертою—это, конечно, то обстоятельство, которое, кажется, никогда и нигдѣ въ исторіи въ такой яркости и цѣльности не повторялось: консолидація третьей республики была обусловлена именно ея *происхожденіемъ*, событіями, при которыхъ она возникла. Нѣмецкая война и коммуна бросили свою тѣнь на много десятилѣтій впередъ, и вся внутренняя и внѣшняя жизнь страны отъ 1870 года до настоящаго времени въ самыхъ важныхъ своихъ чертахъ была лишь естественнымъ, дальнѣйшимъ развитіемъ того, что Франція пережила за триста дней—отъ объявленія войны прусскому королю до усмиренія коммуны войсками Тьера и Галлифэ. Эти триста дней необыкновенно ускорили, ненормально и до уродливости быстро сконцентрировали уже и безъ нихъ начинавшую слагаться эволюцію общественныхъ соотношеній, политическихъ идей, дипломатическихъ тенденцій во Франціи и въ Европѣ и, несомнѣнно, безъ нихъ соціальное и международное положеніе европейскихъ націй не достигло бы въ какихъ нибудь 30 лѣтъ такой ясности и отчетливости и такой своеобразной простоты, какія характеризуютъ его въ концѣ XIX и началѣ XX вв.

Однимъ изъ чрезвычайно знаменательныхъ признаковъ періода 1870—1900 гг. является—въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ харак-

теромъ эпохи—быстрое и коренное измѣненіе въ программахъ, настроеніи и содержаніи политическихъ партій; однѣ изъ нихъ сохранили все таки—хоть въ самомъ общемъ смыслѣ—прежнее свое значеніе, отъ другихъ остались только ярлыки. До 1870 года въ Европѣ существовалъ политическій радикализмъ, отдѣлявшій себя, съ одной стороны, отъ соціалистическихъ партій, съ другой стороны—еще болѣе настойчиво—отъ партій либеральныхъ. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ его программы было требованіе установленія республиканскаго режима вмѣсто монархическаго, хобя бы и сильно ограниченнаго конституціонными учрежденіями; повсюду, въ томъ числѣ и во Франціи, республиканцы считались одною изъ самыхъ крайнихъ партій. Четвертое сентября 1870 года отдало Францію въ руки республиканцевъ,—уже это обстоятельство должно было кореннымъ образомъ измѣнить въ партіи весьма многое; когда же республикѣ исполнилось тридцать лѣтъ,—партія эта стала почти неузнаваемою. Въ общей эволюціи, пережитой европейскимъ политическимъ радикализмомъ,—сыграли весьма большую роль тѣ измѣненія, сквозь которыя прошла французская республиканская партія.

Главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ измѣненіяхъ названной партіи былъ человѣкъ большого ума, неукротимой энергіи, весьма большого ораторскаго таланта; если же вспомнить, что въ то же время этотъ человѣкъ явился піонеромъ въ дѣлѣ созданія совершенно новыхъ дипломатическихъ комбинацій, если вспомнить, что еще до полнаго военнаго возрожденія Франціи онъ умудрился играть значительную роль на европейской политической сценѣ, то можно не удивляться атмосферѣ удивленія и всеобщаго вниманія, которая окружала эту исключительную фигуру. Возможны, разумѣется, самыя разнохарактерныя оцѣнки позднѣйшихъ идеаловъ этого человѣка,—но врядъ ли когда-нибудь его дѣятельность утратитъ свой историческій интересъ. «Оппортюнизмъ» царитъ почти безпредѣльно отъ консервативнаго до радикальнаго полюса европейскаго общества, въ иныхъ партіяхъ называя себя открыто по имени, въ другихъ—болѣе или менѣе удачно маскируясь: естественно заинтересоваться первымъ его послѣдовательнымъ теоритекомъ. Съ другой стороны, франко-русскій союзъ есть центральный фактъ политическаго настоящаго, фактъ, около котораго часто теряютъ свои размѣры и кажутся незначительными даже весьма важныя событія международной жизни; вполнѣ умѣстно, поэтому, вспомнить о человѣкѣ, мечтавшемъ объ этомъ союзѣ въ тѣ годы, когда императоръ Александръ III былъ еще наслѣдникомъ престола, а Карно не начиналъ своего политическаго поприща. Теперь, когда пишутся эти строки, французское правительство переноситъ останки покойнаго дѣятеля въ Пантеонъ: уже это показываетъ, что обстоятельства не даютъ забыть о немъ. Мало того: перенесеніе останковъ, какъ всѣ знаютъ напередъ, будетъ по желанію правительства имѣть демонстративный,—антикле-

рикальный характеръ; значитъ, уже занявъ опредѣленное мѣсто *въ исторіи*, не совсѣмъ все таки ушелъ этотъ человѣкъ *изъ настоящаго*, если даже трупомъ его пользуются, какъ боевымъ оружіемъ, если даже изъ могилы онъ можетъ собрать вокругъ себя толпы и грозить своимъ вѣчнымъ врагамъ...

Мы не беремъ на себя задачи ни «обвинять», ни «оправдывать» его въ чемъ бы то ни было; излагая и пытаясь объяснить то, что сдѣлалъ онъ за семнадцать лѣтъ своей политической жизни, мы воздерживаемся отъ оцѣнокъ, которыя всегда субъективны и, именно поэтому, не всегда интересны для читающаго общества. Нынѣшній французскій министръ-президентъ Вальдекъ-Руссо полагаетъ, что учитель его достоинъ Пантеона; начальникъ могущественной парижской конгрегаціи іезуитъ Дюлакъ держится того мнѣнія, что онъ былъ однимъ изъ орудій сатаны; консерваторы второй имперіи совѣтовали употребить съ нимъ мѣры быстрыя и рѣшительныя, вплоть до перемѣщенія его подъ другую широту и долготу; консерваторъ Катковъ относился къ нему съ полнымъ одобреніемъ; коммунаръ Пеллетанъ отзывался о немъ очень мягко; другіе коммунары не находили словъ для его порицанія; прусскій генералъ фонъ Роонъ считалъ его самолюбивымъ адвокатомъ; другой прусскій генералъ фонъ-деръ-Гольцъ называлъ его великимъ патріотомъ и проницательнымъ стратегомъ...

При такомъ богатомъ разнообразіи въ мнѣніяхъ, скромная работа, стремящаяся дать только историческую характеристику, уже и тогда достигнетъ своей цѣли, если хоть какъ-нибудь *объяснитъ* эти разнообразныя сужденія, если дастъ достаточно матеріала для ихъ оцѣнки и выбора между ними.

II.

Въ самомъ концѣ 50-хъ гг., въ наиболѣе посѣщаемыхъ молодежью Латинскаго квартала кафэ, пивныхъ и ресторанахъ сталъ обращать на себя всеобщее вниманіе студентъ (а съ 1859 года кандидатъ) юридическаго факультета, котораго знали вначалѣ, только какъ уроженца юга и обладателя оглушительно-громкаго голоса: и то, и другое дѣлалось извѣстно всякому, кто только попадалъ въ одинъ и тотъ же ресторанъ съ этимъ юристомъ, всегда кричавшимъ, жестикулировавшимъ и въ каждомъ словѣ обличавшимъ свое «провансальское» происхожденіе. Понемногу, онъ сильно заинтересовалъ юную и впечатлительную кліентеллу вышеупомянутыхъ учрежденій латинскаго квартала, и были наведены точныя справки. Вотъ что оказалось: юриста зовутъ Леономъ Гамбеттою, онъ сынъ не особенно богатаго купца изъ города Кагора, живетъ въ Парижѣ у своей тетки, средства у него есть, но очень маленькія, отъ роду ему двадцать—двадцать одинъ годъ (родился въ 1838 году). Весьма скоро молодой южанинъ сдѣлался однимъ изъ

любимѣйшихъ ораторовъ латинскаго квартала. Любопытный типъ тогдашней парижской жизни представляли собою эти ораторы «лѣваго берега» Сены. Первый, самый острый и удушливо-тяжелый періодъ гнета второй имперіи уже окончился, на смѣну ему шелъ другой періодъ, начавшійся войною за освобожденіе Италіи и окончившійся крахомъ мексиканской экспедиціи. Оппозиціонное теченіе въ обществѣ и прессѣ начинало нѣсколько замѣтнѣе проявляться, нѣсколько выше поднимать голову; гипнозъ страха, раболѣпія и унынія, овладѣвшій оппозиціею послѣ 2-го декабря, понемногу уже уходилъ въ прошлое. Но, съ другой стороны, правительство было еще слишкомъ могущественно и твердо, чтобы считаться со своими врагами, воскресавшими послѣ летаргическаго сна: трибуна влачила фиктивное существованіе, печать была въ полномъ порабощеніи. Авторъ «Былого и думъ», посѣтившій Парижъ какъ разъ въ это время, разсказываетъ, что ни на улицѣ, ни въ кофейнѣ не было возможности обмѣняться съ знакомымъ парою словъ, касающихся чего бы то ни было «политическаго»; что тяжело было читать передовицы французскихъ газетъ,— такъ онѣ были прѣсны и безсодержательны, такъ далеки отъ истинныхъ интересовъ и волненій текущей минуты. «Вечеромъ по редакціямъ сновали какіе-то люди», которые давали инструкціи и императивные совѣты—о чемъ писать и о чемъ не писать; вообще, это было время необычайнаго количества загадочныхъ личностей, отличавшихся въ одинаковой мѣрѣ интенсивностью своей любознательности и неопредѣленностью соціальнаго положенія. Но при все еще продолжавшемся отсутствіи сильной оппозиціи, при твердомъ пока состояніи правительственной власти, въ извѣстныхъ кругахъ общества нѣкоторое раздраженіе начинало все болѣе и болѣе выясняться. Быть можетъ, этимъ и можно объяснить, что Наполеонъ III съ конца пятидесятыхъ годовъ смотрѣлъ сквозь пальцы на частыя и шумныя сборища учащейся молодежи и литературной богемы въ кофейняхъ и ресторанахъ Латинскаго квартала: ссылать людей изъ-за пустяковъ, изъ-за разговоровъ въ дружеской компаніи, отправлять ихъ въ Нука-Иву и Кайенну—можно было невозбранно тотчасъ послѣ 2-го декабря, теперь же становилось нѣсколько неудобно. Только «Le petit caporal» и тому подобные ультра-имперіалистскіе органы время отъ времени обращали полное свое вниманіе на молодыхъ ораторовъ и совѣтовали полиціи пресѣчь зло. Впрочемъ, на этихъ дружескихъ сходкахъ какъ-то само собою выработалось своего рода reservatio mentalis, умѣнье не договаривать, «оставлять», какъ совѣтуетъ старый уставъ Игнатія Лойолы, «у себя въ головѣ», то, что опасно высказать, но дѣлать это такъ, чтобы слушатели восполняли по догадкѣ не договоренное. Чаще всего рѣчь велась о литературѣ, театрѣ, искусствѣ, иностранной политикѣ, сенсаціонныхъ процессахъ, и тому подобныхъ съ внѣшней стороны нейтральныхъ сюжетахъ, но нерѣдко также, особенно съ появленія Гамбетты на гори-

зонтѣ Латинскаго квартала, имперская внутренняя политика дѣлалась, въ свою очередь, предметомъ оживленныхъ бесѣдъ.

Въ 1861 году Гамбетта съ теткою своею рѣшилъ окончательно поселиться въ Парижѣ и попытаться сдѣлать адвокатскую карьеру не въ родномъ захолустьи Кагорѣ, а въ столицѣ. Справедливость требуетъ замѣтить, что во время прохожденія университетскаго курса Гамбетта не особенно изнурялъ себя лекціями и научными работами, но нѣкоторые его панегиристы почему-то изо всѣхъ силъ стараются доказать, что онъ былъ человѣкомъ, обширно и всесторонне образованнымъ. Дѣло въ томъ, что онъ обладалъ необычайной даже для француза развязностью въ сужденіяхъ и ничуть не затруднялся говорить, смотря по случаю, обо всемъ познаваемомъ и не познаваемомъ. «Онъ легко переходилъ,—съ восторгомъ восклицаетъ одинъ изъ его панегиристовъ, отъ Коро́ къ Герберту Спенсеру, отъ картинъ, выставленныхъ въ Салонѣ или въ Луврѣ—къ книгамъ по философіи, антропологіи или юриспруденціи». Охотно отдавая дань «легкости» этого перехода, мы позволяемъ себѣ сильно усомниться въ точности и основательности подобныхъ универсальныхъ познаній и недоумѣваемъ только относительно жара, съ которымъ Нэкастель и другіе біографы силятся доказать, что уже къ 22 годамъ своей жизни Гамбетта былъ «erudit», именно потому, что обо всемъ могъ поговорить съ кѣмъ угодно.—При всѣхъ дарахъ природы, которыми былъ осыпанъ этотъ человѣкъ,—не хватало у него той способности, которую называютъ «талантомъ неталантливыхъ»,—способности скромной, основанной на выдержкѣ и умѣніи управлять собою и отличающей вовсе не только бездарностей, а чрезвычайно часто и очень одаренныхъ людей: усидчивости у Гамбетты не было и въ поминѣ. Онъ цѣлыми днями потрясалъ своимъ громовымъ голосомъ стѣны кофеенъ, громко говорилъ и жестикулировалъ, проходя съ пріятелями по улицамъ, а вечеромъ опять являлся въ кофейни, причемъ устраивалъ такого рода спортъ: «Когда въ Одеонѣ,—расказываетъ знавшій его человѣкъ,—давались первыя представленія новыхъ пьесъ, Гамбетта съ вечера усаживался въ сосѣднемъ кафэ и завербовывалъ въ свою компанію рецензентовъ, спѣшившихъ по профессіональной обязанности въ театръ. Онъ привлекалъ ихъ къ себѣ и мѣшалъ имъ войти въ залъ театра, обѣщая имъ иногда разсказать такіе анекдоты и исторійки, которые будутъ неизмѣримо занимательнѣе новой пьесы. Онъ обнаруживалъ такой даръ увлекательности, что удерживалъ при себѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, и они не жалѣли вовсе, что не присутствовали на представленіи пьесы, поддавшись обаянію его остроумія и ума».—Несомнѣнно, такой образъ жизни весьма мало могъ способствовать выработкѣ въ этомъ человѣкѣ «эрудита», но столь же несомнѣнно, что ораторскій талантъ, огненная живость темперамента, избытокъ энергіи, остроуміе и быстрота мыслительной работы,—все это уже успѣло проявиться въ будущемъ пре-

зидентѣ палаты депутатовъ, когда онъ былъ еще только знаменитостью Латинскаго квартала.«Онъ уже тогда былъ тѣмъ человѣкомъ, котораго мы теперь знаемъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Альфонсъ Додэ, онъ оглушалъ себя самого раскатами своего голоса, стекла звенѣли отъ его громового краснорѣчія и чаще всего кончались его рѣчи шумными взрывами хохота». Полиція придиралась къ кофейнямъ Латинскаго квартала несравненно меньше, нежели къ другимъ мѣстамъ публичныхъ собраній, гдѣ, какъ уже сказано, царилъ надзоръ во всѣхъ видахъ: правительство въ этомъ второмъ періодѣ своего существованія, избѣгало слишкомъ ужъ раздражать учащуюся и литературную молодежь. Въ началѣ 60-хъ годовъ, впрочемъ, уже и на правомъ берегу стали обозначаться такіе счастливые оазисы, гдѣ разговоръ на общественныя темы не влекъ за собою какихъ бы то ни было географическихъ перемѣщеній для его участниковъ. Кафэ Ришъ посѣщалось консерваторами, бонапартистами и, вообще, лицами, которыя въ первое десятилѣтіе имперіи обладали монополіей свободной рѣчи; быть можетъ, именно, по этой причинѣ, оно находилось внѣ сферы особенно пристальныхъ наблюденій. Сюда-то и сталъ все чаще и чаще навѣдываться Гамбетта; для его діалектическихъ способностей требовались не одобряющіе друзья, какихъ онъ видѣлъ предъ собою въ Латинскомъ кварталѣ, но враждебно-настроенные оппоненты. Въ кафэ Ришъ собирались разнороднѣйшіе элементы правительственныхъ партій всевозможныхъ оттѣнковъ. Бывалъ тамъ, напримѣръ, Вильмессанъ, редакторъ газеты «Фигаро». Его бойкая и юркая фигурка принадлежитъ къ числу наиболѣе «эмблематическихъ» порожденій второй имперіи. «Важно не *правду* сказать, а *первымъ* сказать», таковъ былъ одинъ изъ лозунговъ этого дѣятеля. Газета его пользовалась неслыханнымъ успѣхомъ и скоро сдѣлала его богачемъ; онъ умѣлъ какъ-то сдѣлаться вхожимъ во многія вліятельныя канцеляріи, узнавалъ тамъ раньше другихъ о правительственныхъ намѣреніяхъ, игралъ соотвѣтствующимъ образомъ на биржѣ и ужъ потомъ печаталъ узнанную новинку. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вильмессанъ умѣлъ всегда во время прикинуться либераломъ, сказать двѣ-три рѣзкости вліятельнымъ лицамъ (такимъ, о близкомъ паденіи которыхъ онъ заблаговременно успѣлъ провѣдать), и въ глазахъ большой буржуазной массы (особенно, въ провинціи) его органъ слылъ правдивымъ, смѣлымъ и откровеннымъ. Въ своихъ небезынтересныхъ мемуарахъ онъ искренно недоумѣваетъ, какъ собственно началась его непопулярность? Почему его имя стало браннымъ эпитетомъ? По какой причинѣ онъ, веселый и юркій Вильмессанъ, вдругъ оказался не ко двору среди того самаго общества, которое его обогатило и двадцать лѣтъ не переставало читать? Недоумѣнія его законны, ибо не его мелкому и тривіальному, маленькому и хитрому уму было догадаться объ основной причинѣ всѣхъ этихъ злоключеній, постигшихъ его уже при третьей республикѣ. Онъ-то оставался всю свою жизнь Вильмессаномъ, готовымъ

въ любой моментъ продать себя кому угодно — консерваторамъ или соціалистамъ, клерикаламъ или атеистамъ—смотря по тому, кто больше предложитъ; но общество вокругъ него измѣнялось, хотя и медленно, однако все въ одномъ и томъ же направленіи. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди. Вильмессанъ бывалъ въ кафэ Ришъ; посѣтители другихъ кафэ, менѣе сановные, слишкомъ смутились бы, еслибъ при ихъ бесѣдѣ появился такой ассистентъ. Гамбетта, приглядываясь къ новому и чуждому міру, разумѣется, не остановилъ особаго вниманія на Вильмессанѣ, который былъ слишкомъ понятенъ, тривіаленъ и лишенъ внутренняго содержанія. Но познакомился онъ тамъ и съ людьми иного разбора. Былъ, напримѣръ, въ тогдашнихъ консервативныхъ кругахъ замѣтною величиною нѣкто Обріе, и съ нимъ-то Гамбетта и любилъ, по преимуществу, диспутировать.

Честный и талантливый человѣкъ, Обріе отличался удивительнымъ упорствомъ въ разъ усвоенныхъ сужденіяхъ и столь же удивительнымъ діалектическимъ мастерствомъ въ ихъ отстаиваніи. Конечно, они другъ друга, какъ водится, ни въ чемъ не убѣдили и не разубѣдили, но кричали оба цѣлыми часами въ полномъ упоеніи, и въ часъ закрытія кафэ Ришъ расходились по домамъ, вполнѣ довольные собою и каждый своимъ оппонентомъ.

Годы шли; адвокатскою практикою Гамбетта (окончившій курсъ, какъ сказано въ 1861 году) занимался мало и разсѣянно. Эти, повидимому, безплодные политическіе дебаты въ кофейняхъ гораздо больше его интересовали, потому что давали извѣстное удовлетвореніе его кипучему общественному темпераменту. Чѣмъ больше имперія шаталась и клонилась къ упадку, тѣмъ смѣлѣе становились рѣчи его враговъ въ законодательномъ корпусѣ, единственномъ учрежденіи, гдѣ оппозиція могла высказываться безпрепятственно; но, конечно, Гамбетта, при своей чисто-кружковой условной извѣстности не могъ разсчитывать на то, чтобы попасть въ это представительное собраніе, которое хотя и было конституціонной фикціей, не имѣвшей никакой реальной власти, но, по крайней мѣрѣ, гарантировало свободу слова своимъ членамъ. Уже приближался къ тридцатилѣтнему возрасту трибунъ латинскаго квартала и діалектикъ кафэ Ришъ, и все еще приходилось ему довольствоваться филиппиками противъ имперіи въ кругу немногочисленной сборной публики. Такъ обстояли дѣла, когда въ началѣ ноября 1868 года молодой адвокатъ получилъ приглашеніе отъ редактора газеты «Réveil» Делеклюза защищать его въ процессѣ, возбужденномъ противъ Делеклюза обвинительною властью. Ни мгновенія не колеблясь, Гамбетта принялъ приглашеніе.

II.

Изъ всѣхъ кровавыхъ воспоминаній, въ которыхъ никогда не ощущалъ недостатка Наполеонъ III, было одно, обладавшее особенною

способностью мучить и раздражать его, по крайней мѣрѣ, всегда вызывавшее въ немъ особенное безпокойство, преувеличенную нервность: убійство Бодэна всегда ставили ему въ тяжелый укоръ и онъ, неизвѣстно почему, всегда такъ или иначе на эти укоры реагировалъ. Говоримъ: «неизвѣстно почему», ибо Наполеонъ III много и широко пожилъ и могъ бы вспомнить эпизоды, несравненно болѣе яркіе. Дѣло въ томъ, что 3-го декабря 1851 года, когда государственный переворотъ сталъ уже вполнѣ совершившимся фактомъ, группа республиканцевъ, во главѣ съ депутатомъ-республиканцемъ, докторомъ Бодэномъ сдѣлала одну изъ немногихъ въ эти дни попытокъ отразить силу — силою. Они пришли на улицу св. Маргариты и принялись тамъ сооружать баррикаду. Въ сторонѣ стояли рабочіе, которые со времени страшнаго іюньскаго усмиренія ихъ въ 1848 г. генераломъ Кавеньякомъ, ненавидѣли палату депутатовъ и всю вторую республику всѣми силами своей души. Теперь они холодно и съ злорадною усмѣшкою смотрѣли на отчаянное положеніе своихъ іюньскихъ усмирителей, подвергшихся внезапному нападенію со стороны Бонапарта. Помочь республиканскимъ депутатамъ строить баррикаду они не захотѣли. «Зачѣмъ мы пойдемъ подъ пули, чтобы сохранить вамъ ваши двадцать пять франковъ?»—язвительно отвѣтилъ одинъ старый рабочій умолявшему о помощи Бодэну, намекая на суточное депутатское жалованье. Въ это мгновеніе уже подходилъ батальонъ пѣхоты. Рабочіе спокойно повернулись и, съ любопытствомъ оглядываясь, пошли подальше отъ опаснаго мѣста. Захотѣлось ли Бодэну своимъ поведеніемъ отвѣтить на слова рабочаго, или по другимъ причинамъ, но онъ остался на баррикадѣ; послѣ нѣсколькихъ минутъ тревоги и случайнаго выстрѣла со стороны депутатовъ, солдаты дали залпъ,—и три пули почти совсѣмъ снесли Бодэну черепъ. Товарищи его бѣжали. Убійство депутата прошло было не особенно замѣченнымъ въ тѣ дни, когда внезапность переворота ошеломила всѣхъ—и большинство, обрадованное 2-мъ декабря, и меньшинство, возмущенное имъ. Затѣмъ, потянулись первые, мертвенно-молчаливые годы второй имперіи, когда о событіяхъ 2—4-го декабря не позволяли ни писать, ни говорить иначе, какъ въ самомъ панегирическомъ духѣ и тонѣ; во второмъ періодѣ имперіи въ 1859—1867 гг., о кровавыхъ происшествіяхъ coup d'état стали вспоминать все чаще и чаще: происхожденіе владычества Наполеона III всегда казалось врагамъ его болѣе позорнымъ и доступнымъ для нападеній, нежели текущая политика имперіи. Въ день поминовенія мертвыхъ, 2-го ноября 1868 года, республиканцы, въ небольшомъ, впрочемъ, количествѣ, отправились на кладбище Монмартра и тамъ произнесли нѣсколько рѣчей на могилѣ Бодэна. Съ того же дня редакторъ газеты «Le Réveil» Делеклюзъ и редакторы еще двухъ органовъ радикально-республиканскаго направленія объявили, что въ конторахъ ихъ газетъ открыта подписка для сооруженія памятника жертвѣ государственнаго

переворота Бодэну. Парижскій прокуроръ тотчасъ же возбудилъ противъ редакторовъ уголовное преслѣдованіе, обвиняя ихъ въ подстрекательствѣ гражданъ противъ правительства; вотъ тогда-то Гамбетта и получилъ отъ Делеклюза приглашеніе защищать его на судѣ. Для того. чтобы дальнѣйшее было вполнѣ понятно, необходимо твердо помнить слѣдующій несомнѣнный и часто упускаемый изъ виду фактъ: Франція конца шестидесятыхъ годовъ (т.-е. начиная, даже, приблизительно съ 1866 года) была *внѣ всякаго сравненія* наиболѣе свободною страною изъ всѣхъ континентальныхъ державъ, такъ что всѣ вопли враговъ второй имперіи о деспотизмѣ и пр., необходимо понимать въ чрезвычайно условномъ и спеціальномъ смыслѣ. Эти нападенія вполнѣ понятны единственно съ одной лишь французской точки зрѣнія; мы не говоримъ, конечно, что учрежденія и политическіе нравы конца 2-й имперіи были идеальны, но просто для пониманія событій необходимо разъ навсегда имѣть въ виду чрезвычайно—по сравненію съ остальнымъ континентомъ—высокій уровень требованій, которыя предъявлялись оппозиціею французскому правительству. Напримѣръ, ни манифестація на могилѣ Бодэна, ни подписка въ его пользу на столбцахъ газетъ, ни гласный судъ, ни запальчивыя рѣчи защитниковъ Делеклюза и другихъ обвиняемыхъ были бы совершенно немыслимы въ тѣ времена ни въ Пруссіи, ни въ Австріи, ни даже въ Италіи, ни въ одной странѣ Европы, кромѣ Англіи (гдѣ, впрочемъ, и убійство Бодэна было бы немыслимо). Владычество Наполеона III не было продуктомъ старыхъ, прочныхъ историческихъ условій и традицій: оно явилось лишь во-время къ услугамъ буржуазіи и крестьянства, нуждавшихся въ охранѣ противъ рабочаго пролетаріата, и осуществило желанную консервативными слоями «твердую власть», причемъ успѣло внушить мысль о нераздѣльности твердой власти и императорской короны. Конечно, противъ соціальной революціи, противъ новыхъ попытокъ городского пролетаріата измѣнить господствующій строй имперія была всегда сильна и осталась сильна, и если бы ей нужно было считаться *только* съ рабочими массами и ихъ представителями, то она бы показала еще и Бисмарку, и Францу-Іосифу, какъ нужно поддерживать «политическую дисциплину». Имперія не боялась рабочихъ, во-первыхъ, потому, что сами по себѣ они не образовывали мало-мальски сильной *боевой* организаціи (даже «интернаціональю» правительство Наполеона III меньше пугало буржуазію, чѣмъ впослѣдствіи Тьеръ) и, во-вторыхъ, потому что въ спеціально-рабочемъ вопросѣ оно чувствовало за собою самую рѣшительную поддержку большинства. Все крестьянство, вся буржуазія, все духовенство, наконецъ, весьма многіе рабочіе, увлекавшіеся тогда преимущественно англійскимъ трэдъ-юніонизмомъ — всѣ эти силы были за имперію въ вопросѣ о соціальной революціи. Но слабость второй имперіи коренилась въ другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ: для нея, несмотря на всѣ усилія, становилось все труднѣе

и хлопотливѣе поддерживать убѣжденіе, что эта, столь желаемая большинствомъ твердая власть, *на самомъ дѣлѣ* неразлучна съ бонапартизмомъ и не можетъ проявиться иначе, какъ въ императорской порфирѣ и коронѣ. Конечно, не логическая или діалектическая слабость этого тезиса о совпаденіи понятій твердой власти и имперіи смущала Руэра, Оливье или Наполеона III; подобныя «литературныя» соображенія слишкомъ мало ихъ интересовали всегда, и до, и во время, и послѣ ночи 2-го декабря. Но безпокоило ихъ возроставшее вліяніе республиканской партіи въ средѣ той буржуазіи, которая все еще за 10—15 лѣтъ до того съ гнѣвомъ отрекалась отъ республиканскихъ теоретиковъ, вышедшихъ изъ ея рядовъ. И здѣсь еще опасности, вполнѣ реальной, не было, но распространеніе мысли о республиканской формѣ правленія, какъ о твердомъ режимѣ, настойчивое и рѣзкое отдѣленіе понятій «республики» и «анархія» въ партійныхъ заявленіяхъ и радикальной прессѣ все это было слишкомъ невыгодно для Наполеона III. Цѣльность буржуазнаго, дружественнаго ему лагеря разстраивалась; оттого-то въ концѣ имперіи правительство избѣгало слишкомъ ужъ раздражать этотъ подозрительный для него буржуазный элементъ, чтобы не усилить еще больше республиканское теченіе, которое, сливая въ себѣ и соціалистовъ, и крайнихъ якобинцевъ, и радикаловъ, пріобрѣтало довольно внушительный видъ. Манифестація предъ могилою Бодэна была устроена лицами изъ буржуазіи и изъ рабочаго класса; самъ Бодэнъ не снискалъ репутаціи анархиста или разрушителя: его застрѣлили за то, что онъ пытался поддержать законный, установленный порядокъ вещей противъ насильственнаго переворота. Съ момента смерти его прошло семнадцать лѣтъ, лѣвое крыло буржуазіи успѣло отрѣшиться отъ прежнихъ сужденій относительно пользы, необходимости и пр. этого насильственнаго переворота 2-го декабря, и фактъ выросъ во всемъ его внутреннемъ значеніи: по всѣмъ правиламъ терминологіи въ декабрьскіе дни 1851 года революціонеромъ, борющимся противъ законнаго государственнаго порядка, былъ Наполеонъ, а консерваторомъ, охраняющимъ этотъ порядокъ, являлся убитый Бодэнъ.

Какъ мы видѣли, манифестація 2-го ноября 1868 года на его могилѣ прошла безпрепятственно, а за открытіе подписки ему на памятникъ—редакторы были привлечены къ суду. Почему на одной недѣлѣ правительство по одному и тому же вопросу обнаружило два противуположныхъ взгляда? Почему преслѣдовать манифестантовъ показалось безтактнымъ, а редакторовъ—тактичнымъ? Здѣсь опять необходимо одно отступленіе (впрочемъ, прямо идущее къ дѣлу). Наполеонъ III въ послѣдніе годы своего владычества изображалъ собою человѣка, уже потерявшаго компасъ, но еще пока удерживающаго руль. Въ его душу входили и какъ-то гармонически тамъ уживались элементы самаго грубаго, примитивнаго эгоизма и некоординованнаго политическаго фантазерства, причемъ все-таки эгоизмъ первенствовалъ и давалъ тонъ

даже и этому фантазерству. Можно было, напримѣръ, особенно въ его молодости, констатировать у него наличность какой-то сентиментальной путаницы идей относительно рабочаго вопроса и соціализма, и изъ этого соціализма въ концѣ концовъ, получилось самое суровое отстаиваніе правительствомъ предпринимательскихъ интересовъ; бродила у него книжная, вычитанная мысль о союзѣ и объединеніи всѣхъ націй латинской расы, и выдумалъ онъ нежданно-негаданно для всего міра мексиканскую экспедицію, съ варварскимъ разстрѣливаніемъ плѣнныхъ республиканцевъ, съ тратою денегъ и людей, съ явною конечною тенденціею создать для себя вассальную имперію... «Императоръ Наполеонъ стоитъ за свободу; вѣдь кому неизвѣстно, что Тюльерійскій дворецъ есть наиболѣе подходящее мѣсто для пропаганды свободы, и, вообще, благородныхъ мечтаній?»—съострилъ при громкомъ смѣхѣ палаты лордовъ старый, пьяный, но ядовитый лордъ Гардвикъ въ 1859 г., когда французскіе офиціозы изо всѣхъ силъ доказывали благородство побужденій императора, идущаго воевать съ Австріей за свободу Италіи. Въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ обладалъ несчастнымъ для себя свойствомъ слишкомъ ужъ твердо надѣяться на чужую близорукость и наивность; двумя - тремя фразами онъ всегда разсчитывалъ плѣнить французское и европейское общественное мнѣніе.

Постоянная и часто грубая лесть придворныхъ, министровъ, генераловъ, дипломатовъ, ежедневно оказывая свое дѣйствіе на императора, притупила въ немъ анализирующія способности ума: онъ былъ, напримѣръ, чрезвычайно непріятно удивленъ, когда въ Европѣ послѣ 1859 года на него стали смотрѣть не какъ на освободителя Италіи, а какъ на похитителя Ниццы, и выражалъ даже свое недоумѣніе по этому поводу. Къ концу 60-хъ гг. подъ вліяніемъ дипломатическихъ неудачъ въ борьбѣ съ возроставшимъ значеніемъ Пруссіи, подъ вліяніемъ начавшагося оживленія оппозиціи и постояннаго безпокойства за судьбу своей династіи, одна старая и завѣтная фантазія (какъ и всегда у него, подчиненная прямымъ эгоистическимъ расчетамъ) стала особенно ясно сказываться въ наполеоновской политикѣ: эта фантазія состояла въ томъ, что такъ зло осмѣялъ лордъ Гардвикъ,— въ желаніи внушить всему міру мысль о собственномъ либерализмѣ и свободолюбіи. Всѣ колебанія правительственной политики, противорѣчивыя мѣропріятія, — все это вытекало въ послѣдніе годы второй имперіи изъ страстнаго (по прежнему) желанія удержать за собою власть, деньги, вліяніе, вообще, тѣ блага, для которыхъ въ 51-мъ году понадобился государственный переворотъ, и, съ другой стороны, изъ стремленія добыть себѣ репутацію просвѣщеннаго и гуманнаго правительства... Впрочемъ, чѣмъ больше оживлялась оппозиція, тѣмъ больше либерализмъ начиналъ казаться Наполеону III, Руэру и др. лучшимъ средствомъ упрочить династію. Вотъ почему была позволена и манифестація на могилѣ Бодэна. Когда же послѣ манифестаціи Де-

*

леклюзъ и его товарищи стали ежедневно въ печати призывать къ пожертвованіямъ на національный памятникъ убитому врагу Наполеона III, правительство смутилось и, какъ упомянуто, рѣшило преслѣдовать ихъ судомъ; наконецъ, послѣ этого суроваго рѣшенія, опять возникло стремленіе добыть себѣ либеральную популярность, и процессъ рѣшено было вести при открытыхъ дверяхъ.

Всѣ эти колебанія и привели къ тому, къ чему они должны были привести—къ тяжелому моральному пораженію имперіи въ день суда надъ Делеклюзомъ. Оставаясь самимъ собою, удерживая въ рукахъ неправильно добытую 2-го декабря власть, — Наполеонъ думалъ примирить съ собою оппозицію, давая ей возможность публично говорить противъ имперіи. Но чѣмъ наклоннѣе къ уступкамъ онъ себя показывалъ, тѣмъ болѣе колебалось основанное имъ политическое зданіе; императоръ не зналъ зловѣщихъ и правдивыхъ словъ Токвиля: «Самый опасный моментъ для плохого правительства есть тотъ, когда оно начинаетъ улучшаться».

III.

Переполненная публикою зала суда, затаивъ дыханіе, слушала 14 ноября 1868 года неизвѣстнаго ей коренастаго молодого брюнета, который сразу привлекъ вниманіе построеніемъ рѣчи: онъ не защищалъ Делеклюза, но обвинялъ Наполеона III и дѣлалъ это съ такою запальчивостью и рѣшимостью, какія слушавшая публика привыкла встрѣчать лишь въ запрещенныхъ памфлетахъ Виктора Гюго и заграничныхъ изданіяхъ. Громовой голосъ, раздававшійся среди замершей отъ волненія и изумленія залы, производилъ гнетуще-сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ, что не преступленіе собирать деньги на памятникъ благородному человѣку, что есть другія преступленія, что въ этомъ самомъ Парижѣ совершены дѣла, которымъ нѣтъ забвенія и прощенія. «Да, 2-го декабря вокругъ претендента сгруппировались люди, которыхъ Франція до сей поры не знала, которые не имѣли ни чести, ни сана, ни таланта, ни положенія, — люди, которые во всѣ времена играютъ роль прислужниковъ силы, — о которыхъ можно повторить то, что Салюстій говоритъ о толпѣ, окружавшей Катилину,— то, что самъ Цезарь говоритъ, рисуя портретъ своихъ сообщниковъ, этихъ вѣчныхъ отбросовъ порядочнаго общества: «подавленные бременемъ долговъ и пороковъ». «Шайка людей, погибшихъ отъ долговъ и преступленій», какъ переводилъ Корнель. «Этотъ-то персоналъ сообщниковъ испоконъ вѣковъ помогаетъ рубить въ куски всѣ установленія и законы, и человѣческая совѣсть не въ состояніи воспротивиться, несмотря на величественный рядъ Сократовъ, Тразей, Цицероновъ, Катоновъ, мыслителей и мучениковъ, которые протестуютъ во имя оскорбленной религіи, поруганной нравственности, наконецъ

права, раздавленнаго солдатскимъ сапогомъ». «Но здѣсь такъ дѣло обстоять не можетъ; когда мы являемся предъ вами, судьи, и говоримъ вамъ эти вещи—вы обязаны оказать намъ помощь и покровительство. Эти люди имѣли претензію называть себя спасителями Франціи. Существуетъ одно рѣшительное средство узнать, правда ли это, или ложь. Когда страна, дѣйствительно, переживаетъ опасный кризисъ, когда она чувствуетъ, что рушится все, вплоть до основанія общества,—знаете ли вы, что тогда происходитъ? Тѣ, которыхъ нація привыкла считать во главѣ ея, которые прославились своими талантами и нравственными качествами, спѣшатъ помочь бѣдѣ. Какъ ни сталъ бы я считать, разсматривать, анализировать качества людей, претендующихъ, что они спасли отечество 2-го декабря, я не встрѣчаю среди нихъ ничего достославнаго, тогда какъ, съ другой стороны, я вижу приходящими на помощь странѣ Мишеля де Буржа, - Шарраса,—Ледрю-Ролленъ былъ уже въ ссылкѣ,—вижу столько другихъ людей, избранниковъ разныхъ партій: напримѣръ, нашъ Берье, славный Берье, вчера еще, наканунѣ своей смерти, прислалъ намъ письмо о настоящемъ дѣлѣ, полное негодованія, которое показываетъ, что всѣ партіи жаждутъ отмщенія за попранную нравственность. Гдѣ были 2-го декабря Каваньякъ, Ламорисьеръ, Шангарнье, Лефло, Бедо и другіе полководцы, слава и гордость нашей арміи? Гдѣ были Тьеръ, Ремюза, признанные представители орлеанистовъ, легитимистовъ, республиканцевъ? Въ Мазасской тюрьмѣ, въ Венсеннѣ — вотъ гдѣ были люди, защищавшіе законъ! На пути въ Кайенну, въ Ламбессу были эти жертвы бѣшеныхъ честолюбцевъ! Вотъ, господа, какъ спасаютъ Францію! Заключайте же отсюда, что всякій заносящій руку надъ страною, единственно вслѣдствіе этого имѣетъ право кричать о спасеніи общества. На чьей сторонѣ находились умъ, честность, благородство? Все было растоптано этимъ покушеніемъ!» Гамбетта уже не обращалъ вниманія на замѣчанія предсѣдателя, на негодующіе взгляды и жесты прокурора: напряженное вниманіе и волненіе публики, повидимому, только усиливало желчность, горечь и гнѣвъ его рѣчи. «Писали и говорили послѣ 2-го декабря, что Парижъ смирился. Неправда это! Его разстрѣляли изъ ружей и митральезъ! Вѣдь, въ вашихъ рукахъ семнадцать лѣтъ уже находится полная власть, почему же вы, при всемъ вашемъ произволѣ, не посмѣли ни разу, ни одного разу праздновать годовщину 2-го декабря, какъ всякое правительство празднуетъ годовщину своего установленія? Ну, такъ мы себѣ беремъ эту годовщину!»

Рѣчь Гамбетты произвела необыкновенную сенсацію своею смѣлостью, энергіей и искреннимъ тономъ. Этотъ первый политическій дебютъ уже вполнѣ опредѣлилъ коренныя свойства молодого оратора. Гамбетта не сыпалъ шумихою фразъ, которыя часто такъ нравятся французамъ и такъ смѣшатъ иностранцевъ; не было у него и обыч-

ныхъ во французскомъ краснорѣчіи многозначительныхъ по формѣ и ничтожныхъ по содержанію метафоръ, намековъ и антитезъ во вкусѣ Виктора Гюго и Шэ д'Эстанжа. Начиналъ онъ всегда просто, безпорядочно, необработанно—и все это давало иллюзію искренности, даже когда ея на самомъ дѣлѣ не было; чѣмъ больше развивалась его рѣчь, тѣмъ болѣе впечатлѣніе искренности наростало, потому что раскаты и крики страсти, слышавшіеся въ голосѣ, уже никогда у Гамбетты выдѣланы и приготовлены не были: онъ такъ художественно усваивалъ себѣ страсть, что если даже ея не было въ его сердцѣ въ началѣ рѣчи, она понемногу становилась уже реально-существующей къ концу. Впрочемъ, легко воспламенялся Гамбетта, типичнымъ былъ онъ сангвиникомъ, вполнѣ южно-французскій темпераментъ въ немъ сказывался,—и въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ былъ вполнѣ и несомнѣнно искрененъ. Рѣчь въ защиту Делеклюза вдобавокъ была первою его политическою исповѣдью предъ большою публикою, и самая тема ея обладала всѣми свойствами волнующей злобы дня. Эффектъ получился чрезвычайный, и всѣ мемуаристы той эпохи въ одинъ голосъ утверждаютъ, что имя Гамбетты, еще утромъ 14 ноября 1868 года никому неизвѣстное, къ вечеру было у всѣхъ на устахъ. Съ этого дня началось историческое поприще Гамбетты.

Его рѣчь была однимъ изъ такихъ рѣзкихъ диссонансовъ съ окружающими политическими условіями и реальностями, что она произвела необыкновенно сильное дѣйствіе и, вмѣстѣ съ поминками по Бодэну и другими аналогичными фактами, сильно пріободрила республиканскую партію. Особенно ярко сказалось это въ мірѣ журнальныхъ и газетныхъ работниковъ, тяготѣвшихъ къ оппозиціи. Нужно замѣтить, что долголѣтнее владычество бонапартистскаго режима, кажущаяся его непоколебимость, видимая безнадежность всякихъ покушеній противъ него—все это весьма замѣтно и болѣзненно отозвалось на лицахъ, вынужденныхъ обстоятельствами писать изо-дня-въ день, или вообще, наклонныхъ къ публицистикѣ. Развился среди людей, искренно настроенныхъ въ республиканскомъ духѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма правдивыхъ и порядочныхъ, особый видъ какого-то страннаго празднословія на нейтральныя темы,—празднословія, ни до, ни послѣ 2-й имперіи во Франціи не возникавшаго. Намъ приходилось перерывать горы французскихъ республиканскихъ органовъ 50-хъ и 60-хъ гг. и безпрерывно наталкиваться на огромныя статьи такого содержанія: «Ружья Шасспо̀ и ихъ значеніе для пѣхоты въ случаѣ столкновенія съ англичанами въ Индо-Китаѣ». Или: «Значеніе Мексики для будущихъ судебъ латинской расы». Или: «Благородная инициатива императора французовъ» и т. д., и т. д. Напримѣръ, въ первой статьѣ пространно толкуется о всѣхъ тонкостяхъ системы Шасспо̀ и о всякихъ комбинаціяхъ въ случаѣ столкновенія французской инфантеріи съ англійскими сипаями; толкуется объ этомъ съ тою странною смѣсью

глубокомыслія и азарта, которая уже сама по себѣ давала понять, что всѣ эти техническія и иныя свѣдѣнія только наканунѣ пріобрѣтены изъ энциклопедическихъ словарей. Во второй изъ названныхъ статей съ жаромъ развиваются, обставляются историческими справками, обосновываются на логическомъ фундаментѣ—всѣ эти туманныя предначертанія и мечты Наполеона III касательно федераціи латинскихъ государствъ сначала въ Америкѣ, потомъ въ Европѣ и т. д. Въ третьей статьѣ превозносится до небесъ политика императора въ польско-русскихъ дѣлахъ 1863—1864 гг., когда Наполеонъ III далъ образецъ безчестнаго и двуличнаго поведенія и съ точки зрѣнія поляковъ, и съ точки зрѣнія русскаго правительства, и со всякой иной точки зрѣнія. Долго читали и перечитывали мы и эти три статьи, и десятки имъ подобныхъ,—все рѣшая вопросъ: есть ли въ подобныхъ литературныхъ произведеніяхъ республиканской прессы хоть что-нибудь раболѣпное, хоть одна черта сознательнаго подслуживанья; но нѣтъ,—и тѣни лукавства, лжи, подслуживанья въ нихъ нѣтъ и быть не можетъ, да и авторы ихъ и до, и послѣ писанія этихъ статей слишкомъ неопровержимо обнаружили стойкость своихъ убѣжденій. Тутъ было нѣчто другое, болѣе тонкое и не столь уловимое, помимо уже того чисто внѣшняго обстоятельства, что о нейтральныхъ вопросахъ можно было говорить безпрепятственно; тутъ было своего рода стремленіе заявить какъ-нибудь передъ собою и своими читателями свое не «утопическое», но «объективное», научное, широкое отношеніе къ текущей жизни. Подобное, можетъ быть, не всегда сознательное стремленіе такъ или иначе присосѣдиться къ дѣйствительности Шопенгауэръ приписываетъ столь сильной въ людяхъ «волѣ къ жизни».

Повторяемъ, упомянутыя статьи писались, конечно, безъ всякихъ заднихъ мыслей и низменныхъ разсчетовъ, но авторы ихъ сильно ошибались, считая себя объективными, научными и широкими. Съ объективной и «научной» точки зрѣнія, мексиканская экспедиція, напримѣръ, могла быть объяснена только развѣ, какъ одинъ изъ случайныхъ и характерныхъ плодовъ установленія во Франціи личнаго произвола,—а уже самое установленіе этого произвола, въ свою очередь, могло быть логически выведено изъ цѣлаго ряда соціальныхъ условій французской исторіи. Когда же авторы тщились придать этой авантюрѣ глубокомысленное значеніе необходимаго звена въ длинной, выходящей изъ сѣдой древности, цѣпи историческихъ судебъ латинской расы,—тогда они меньше всего были объективны и научны. Статскіе писатели, горячившіеся изъ за ружей Шасспо, убѣжденные космополиты, посвящавшіе огромныя географико-политическія и разныя иныя статьи размышленіямъ о желательномъ будущемъ французской націи и латинской расы въ новомъ свѣтѣ, республиканцы, восторгавшіеся многочисленными гуманными (и всегда словесными) проектами Наполеона III, —всѣ эти литературные дѣятели послѣ рѣчи Гамбетты въ защиту Делеклюза

какъ бы очнулись отъ забытья, въ которое было начали погружаться. На нихъ эта рѣчь подѣйствовала больше, нежели общее оживленіе конспиративныхъ круговъ или заграничная памфлетная литература, пышно процвѣтавшая въ концѣ 60-хъ гг.; о рѣчи Гамбетты можно было говорить, на ней не лежало цензурное табу...

Впрочемъ, рядомъ съ этими литературными работниками, нуждавшимися въ поощреніи и ободреніи, уже выступала на сцену новая генерація, не видѣвшая своими глазами ужасовъ іюньскихъ дней 1848 года, не жившая сознательною жизнью въ эпоху декабрьскаго переворота,—и, поэтому, менѣе придавленная побѣдою второй имперіи. Это молодое поколѣніе единодушно и горячо привѣтствовало Гамбетту, хотя оно далеко не было однородно по своему составу. Здѣсь были и радикалы-республиканцы (наиболѣе близко подходившіе къ Гамбеттѣ),—и демагоги-якобинцы à la Маратъ, вродѣ желчнаго и изступленно-пылкаго студента Рауля Риго, разстрѣляннаго впослѣдствіи при усмиреніи коммуны, и соціалисты, и члены рабочей интернаціонали. Всѣ они объединялись ненавистью къ наполеоновскому режиму, объединялись до поры, до времени, и именно до времени паденія второй имперіи. Эта молодая компанія восторгалась не столько смѣлостью Гамбетты,—сколько ораторскимъ его талантомъ, даромъ изложенія своихъ мыслей, умѣньемъ вызвать живое чувство, живое впечатлѣніе у слушателей и читателей.

Эта молодежь плѣнялась въ Гамбеттѣ именно тѣмъ, чего у нея самой часто не хватало: ораторскимъ и литературнымъ тактомъ. И кромѣ Гамбетты, многіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ способны были на сильную страсть, почти всѣ они были искренни, наконецъ, не мало людей изъ нихъ отличалось краснорѣчіемъ и литературными способностями,—но отсутствіе выдержки часто портило все. Напримѣръ, существовало у многихъ изъ нихъ въ тѣ годы несчастное пристрастіе уснащать свои рѣчи и произведенія мелодраматическими эффектами, а также цитатами изъ Св. Писанія; и вотъ, все впечатлѣніе отъ превосходной рѣчи—внезапно портилось заключительнымъ образомъ «богини свободы, рвущей цѣпи», или «Франціи, подымающей свѣтильникъ предъ Европою», и т. д.; впечатлѣніе отъ не менѣе превосходной статьи блѣднѣло и стушевывалось отъ какого-нибудь финальнаго восклицанія некстати: «любите ближняго, какъ самого себя», или «ты побѣдилъ, Галилеянинъ», или: «не сотворите себѣ кумира» и т. д. И цитаты былисами по себѣ глубоки и сильны, и образы иногда недурны—но все это, будучи вставлено въ рѣчь или статью,—почти всегда уменьшало общее впечатлѣніе, на которое разсчитывалъ ораторъ или писатель. Литературнаго такта у Гамбетты оказалось весьма много, и, тоже, съ этой же его рѣчи въ защиту Делеклюза стала быстро развиваться особая публицистическая манера которая раньше не была замѣтна и не имѣла, кромѣ Прудона, ни одного выдающагося пред-

ставителя. Залпъ мѣткихъ полемическихъ выстрѣловъ, нападенія не на лица, а на систему, отсутствіе велерѣчивости—все это поражало и привлекало въ новомъ ораторѣ.

Въ тѣсномъ смыслѣ—процессъ былъ проигранъ Гамбеттою, такъ какъ его кліентъ Делеклюзъ подвергся осужденію на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму,—но ни адвокатъ, ни осужденный и не заботились объ оправданіи, а стремились лишь произвести демонстрацію. Почти мгновенно вслѣдъ за процессомъ, въ разгарѣ успѣха и новой, внезапной славы, Гамбетта подвергся «искушенію» со стороны правительственныхъ сферъ. Съ наивностью людей, судящихъ весь свѣтъ на основаніи своего маленькаго, внутренняго самоанализа,—тогдашніе французскіе правители не усомнились, что молодой и бѣдный человѣкъ не отвергнетъ почестей и богатства, если предложить ихъ взамѣнъ перехода въ другой лагерь: впрочемъ, не въ первый разъ имъ было дѣлать подобныя предложенія, — и слишкомъ часто съ самымъ благополучнымъ исходомъ. Но Гамбетту купить оказалось невозможнымъ. При всѣхъ своихъ моральныхъ недостаткахъ (а онъ былъ ими также богато одаренъ, какъ и достоинствами), Гамбетта отличался честностью и не поддавался соблазну. Онъ всю жизнь былъ и умеръ республиканцемъ, служа своему дѣлу самыми разнообразными путями, но не измѣняя основнымъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Своею рѣчью въ защиту Делеклюза онъ создалъ себѣ такую репутацію, что и безъ всякой оффиціальной поддержки, въ качествѣ врага, а не друга правительства, онъ могъ надѣяться на крупную политическую роль. Дѣйствительно, всего черезъ 5—6 мѣсяцевъ послѣ его перваго судебно-политическаго дебюта онъ былъ избранъ депутатомъ въ законодательный корпусъ 21.000 голосовъ.

IV.

Законодательный корпусъ временъ имперіи былъ единственнымъ учрежденіемъ, разсчитаннымъ на то, чтобы замаскировать личный произволъ императора. Онъ, по мысли Наполеона III, долженъ былъ состоять изъ 260 депутатовъ, избираемыхъ всеобщею подачею голосовъ, и заниматься «вотированьемъ законовъ и налоговъ». Депутаты были формально и рѣшительно лишены права законодательной иниціативы, отчетъ объ ихъ засѣданіяхъ могъ печататься газетами лишь въ формѣ редактированныхъ правительственными лицами сообщеній, безъ всякихъ добавленій со стороны той или иной газеты,—наконецъ, депутаты не имѣли права, даже, вносить какія бы то ни было поправки въ предлагавшіеся правительствомъ законы. Во все время своего существованія кромѣ полутора послѣднихъ лѣтъ (1869—1870 гг.), законодательный корпусъ не игралъ въ политической жизни страны ровно никакой роли; оффиціальные кандидаты въ подавляющемъ большинствѣ

регулярно являлись послѣ каждыхъ выборовъ и безпрекословно освящали все, что предлагалось правительствомъ. Впрочемъ, правительство слишкомъ часто по весьма важнымъ вопросамъ даже и забывало обратиться во время къ депутатамъ; но и это обстоятельство само по себѣ никого не тревожило. Собственно, такія спеціально-маскирующія учрежденія, обыкновенно не достигали своей цѣли и никого не обманывали, — но все же давали возможность оффиціознымъ учебникамъ государственнаго права указать на просвѣщенный характеръ строя.

Тѣмъ не менѣе, выборы 1869 года, происшедшіе при оживленіи оппозиціоннаго духа, приведшіе республиканца Гамбетту, стараго заговорщика Распайля, «якобинца» Банселя въ законодательный корпусъ, показали, что и это декоративное учрежденіе можетъ причинить правительству извѣстное безпокойство. Три съ половиною милліона голосовъ было подано за разнообразныя группы противниковъ имперіи и четыре съ половиною милліоновъ за бонапартистовъ. Подъ вліяніемъ выборовъ 1869 года Наполеонъ III сталъ обнаруживать еще большую склонность къ либерализму, нежели раньше. Тревога за судьбы династіи одолѣвала этого человѣка. Собственно, въ случаѣ открытой, откровенной борьбы, въ случаѣ уличной революціи, схватки вооруженныхъ силъ, онъ побѣдилъ бы враговъ (однихъ республиканцевъ, такъ какъ другія фракціи на революціонную борьбу ни зачто не пошли бы). Это сознаніе силы заставляло его въ теченіе критическихъ 1869 и 1870 гг. часто рваться на бой и отваживаться на весьма рѣзкіе поступки; съ другой стороны, онъ все-таки боялся все возроставшаго оппозиціоннаго духа въ Парижѣ и, отчасти, въ провинціи и питалъ фантастическія надежды какъ-то примирить оппозицію со своею особою, удовлетворить всѣхъ «либеральною имперіею». Распайль, Гамбетта, Рошфоръ заговорили въ законодательномъ корпусѣ необыкновенно смѣлымъ языкомъ, и уже это тревожило императора; но еще больше тревожила его замѣтно развившаяся раздражительность и нетерпѣливость публики въ самыхъ, повидимому, нейтральныхъ вопросахъ дня; обнаруживалось временами какое-то недовѣріе къ правительству въ широкихъ кругахъ буржуазіи, обыкновенно мирной и далекой отъ политики. Напримѣръ, не мало непріятностей надѣлалъ тогда такой (теперь давно забытый) случай. Лѣтомъ 1869 года совершенно случайно въ Пантэнскомъ кварталѣ въ Парижѣ были обнаружены закопанные въ землю восемь труповъ—одной дамы и семи дѣтей. Общество страшно взволновалось этимъ происшествіемъ, полиція приступила къ розыскамъ о личности найденныхъ зарѣзанныхъ людей. Обнаружилось, что это—вся семья нѣкоего Кинка, купца изъ Рубэ, кромѣ самого главы семейства, тоже куда-то исчезнувшаго за нѣсколько недѣль. Тайная полиція рѣшила, что исчезнувшій Кинкъ зачѣмъ-то зарѣзалъ свою семью, и стали искать Кинка. Мѣсяцъ шелъ за мѣсяцемъ, и никого не находили. Въ публикѣ громко говорили, что пра-

вительство умѣетъ себя оберегать гораздо лучше отъ смѣлыхъ рѣчей и статей, нежели беззащитныхъ гражданъ отъ гнусныхъ убійцъ; что если бы надо было розыскать какого-нибудь студента, слишкомъ громко поговорившаго въ Латинскомъ кварталѣ, или журналиста, затронувшаго самолюбіе того или иного министра, тогда виновный мгновенно нашелся бы, а когда нужно поймать негодяя, зарѣзавшаго дѣтей,— полиція оказывается вялою и неумѣлою. Толки эти приводили въ негодующее возбужденіе даже такіе круги, которые прежде и не думали никогда и ни въ чемъ обвинять правительство. Полиція металась и бросалась всюду, тысячи сыщиковъ сновали въ разныхъ направленіяхъ, выспрашивая, подслушивая, ища убійцу. Однажды вечеромъ, въ одной элегантной кофейнѣ въ Гаврѣ изящно одѣтый молодой человѣкъ, разговаривая съ случайнымъ собесѣдникомъ, спрашивалъ его, какія формальности необходимы для полученія заграничнаго паспорта. Этотъ разговоръ услышалъ сидѣвшій за сосѣднимъ столикомъ переодѣтый жандармъ. Онъ подошелъ къ бесѣдующимъ и любезно сообщилъ все, касающееся формальностей, о которыхъ шла рѣчь. «Да вотъ, лучше всего, покажите мнѣ ваши бумаги, я вамъ скажу, что нужно сдѣлать». Молодой человѣкъ сказалъ, что ему совѣстно затруднять и пр. Жандармъ повторилъ приглашеніе и, получивъ опять отказъ, неожиданно попросилъ молодого человѣка слѣдовать за собою въ участокъ. Въ участкѣ бумаги были разсмотрѣны, онѣ оказались принадлежащими Кинку и какому-то Тропману. Но возрастъ не позволялъ предположить, что молодой человѣкъ есть Кинкъ. Послѣ упорнаго запирательства и систематической лжи арестованный заявилъ, что его фамилія—Тропманъ, что онъ сначала убилъ Кинка и закопалъ его ночью въ лѣсу, а потомъ заманилъ въ Парижъ всю семью его (жену и семь дѣтей), подъ предлогомъ прогулки завелъ ихъ въ глухое мѣсто за Пантэономъ и тутъ всѣхъ ихъ, несмотря на мольбы, зарѣзалъ и закопалъ; сдѣлалъ онъ это съ цѣлью воспользоваться имуществомъ семьи. Черезъ четыре мѣсяца послѣ ареста Тропманъ былъ обезглавленъ на Рокеттской площади въ Парижѣ (его послѣднія минуты описаны очевидцемъ казни—Тургеневымъ). Даже поимка убійцы не особенно пошла на пользу правительству, такъ какъ ее признавали лишь счастливымъ случаемъ, не болѣе, а вовсе не плодомъ хорошей организаціи уголовнаго надзора. «Правительство умѣетъ защищать не своихъ подданныхъ, а только себя», говорили въ оппозиціонной прессѣ, сильно посмѣивѣвшей.

Но Тропманъ былъ злодѣемъ необыкновеннымъ только лишь по обдуманности и варварству; самый характеръ его преступленія не допускалъ двухъ отношеній къ нему,—и вмѣстѣ съ его казнью окончились и всякіе разговоры объ этомъ чудовищѣ. Гораздо болѣе переполоха надѣлало другое преступленіе, происшедшее какъ разъ, когда о Тропманѣ переставали уже говорить. 10-го января принцъ Пьеръ Бо-

напартъ, двоюродный братъ императора, убилъ Виктора Нуара, явившагося къ нему въ качествѣ секунданта отъ Паскаля Груссэ (изъ за не имѣющей интереса газетной полемики). Убійство было ничѣмъ не вызвано, а просто совершено принцемъ вслѣдствіе его твердой увѣренности въ невозможности какой бы то ни было уголовной репрессіи противъ него. Принцъ Пьеръ, опустившійся, немолодой уже кутила, смотрѣлъ на вещи,—быть можетъ, вслѣдствіе феноменальной свой ограниченности, гораздо проще и прямолинейнѣе, нежели окружавшіе его приживальщики и придворные. Онъ искренно убѣжденъ былъ, что имѣетъ полное право убивать, потому что онъ императорскій кузенъ; атмосфера произвола воспитала въ немъ эту увѣренность. Никакіе декорумы, никакіе законодательные корпусы и суды присяжныхъ, никакія внѣшнія изъявленія почтенія къ законности,—ничто не могло пошатнуть въ принцѣ его вѣру въ силу произвола. Не то, что бы онъ умомъ дошелъ до отрицанія значенія этихъ внѣшнихъ маскировокъ и декорумовъ: непосредственное чувство говорило ему, что его, принца Пьера не тронутъ чтобы онъ ни сдѣлалъ, потому что онъ принцъ. И дѣйствительно, его оправдали въ судѣ (который все-же для спасенія приличій былъ надъ нимъ наряженъ). Страшную бурю негодованія возбудило противъ правительства убійство Виктора Нуара. 12 января 1870 года были его похороны, которыя чуть не окончились революціоннымъ взрывомъ; но тутъ-то и сказалось, до какой степени правительству нужна была вооруженная схватка и до чего она казалась опасною всѣмъ почти вождямъ оппозиціи. Рошфоръ, Делеклюзъ и другіе, видя страшное возбужденіе двухсотъ тысячъ человѣкъ, провожавшихъ гробъ Виктора Нуара, сами испугались вызваннаго ими сборища и употребили всѣ усилія, чтобы не довести дѣла до кровопролитія, при которомъ побѣда осталась бы, конечно, на сторонѣ сотенъ пушекъ и огромныхъ военныхъ массъ. Правительству, несмотря на всѣ старанія весьма многихъ сновавшихъ въ толпѣ двусмысленныхъ революціонеровъ, не удалось помѣряться силами съ противниками; сборище разошлось по домамъ.

Но нервное состояніе администраціи, все еще жаждавшей напугать общество призракомъ революціи, продолжало сказываться; легкая и вѣрная побѣда надъ оппозиціонными элементами въ открытой схваткѣ не только подтвердила бы матеріальный перевѣсъ правительственныхъ силъ, но снова и крѣпко привязала бы къ правительству промышленные и финансовые круги, мелкое купечество и другіе слои населенія, всегда служившіе оплотомъ имперіи и теперь начавшіе обнаруживать наклонность къ фрондерству и будированію. Черезъ пять дней послѣ похоронъ Виктора Нуара прокуратура сенскаго департамента обратилась (согласно конституціи) къ законодательному корпусу за разрѣшеніемъ преслѣдовать судомъ Анри Рошфора за подстрекательство «къ междоусобной войнѣ» (хотя Рошфоръ 12-го января именно и удержи-

валъ массы отъ эксцессовъ). Корпусъ подавляющимъ большинствомъ (222 голосами изъ 256) разрѣшилъ преслѣдовать своего члена Рошфора. Гамбетта сначала довольно запальчиво возсталъ противъ разрѣшенія; по этому поводу онъ язвительно упрекнулъ въ ренегатствѣ Эмиля Оливье, республиканца, превратившагося въ бонапартиста. Въ преніяхъ по этому поводу выяснилась очень характерная черта Гамбетты: будущій вождь оппортюнизма уже тогда, въ 1870 году, опирался въ своихъ заявленіяхъ не на общіе принципы, но на чисто партійныя соображенія и на юридическіе pro и contra. Онъ доказывалъ, что Рошфоръ къ возстанію не призывалъ, и что, поэтому, все обвиненіе не имѣетъ фактическаго фундамента. Впрочемъ, какъ всегда и при всѣхъ «проигрышныхъ» случаяхъ, Гамбетта не особенно много жару потратилъ въ преніяхъ по поводу отдачи подъ судъ Рошфора. Онъ ясно видѣлъ, что законодательный корпусъ перепуганъ всѣмъ этимъ инцидентомъ, и что Рошфора не спасти, а Гамбетта былъ прежде всего человѣкомъ успѣха, которому атмосфера успѣха была почти такъ же необходима, какъ рыбѣ вода, и который безъ этой атмосферы разомъ терялъ свободу и силу своихъ пріемовъ. Конечно, мы говоримъ не объ успѣхѣ юридическомъ: дѣло Делеклюза тоже было напередъ осуждено,—обвинительный приговоръ былъ несомнѣненъ, но Гамбетта въ залѣ суда видѣлъ сочувственную политическую аудиторію, а законодательный корпусъ (кромѣ ограниченнаго меньшинства) былъ ему враждебенъ. Его рѣчи въ этомъ собраніи пріобрѣтали блескъ и энергію лишь тогда, когда ужъ очень раздражали его шаги правительства.

И за такими случаями дѣло не стояло. Въ своемъ нетерпѣніи довести оппозицію до неосторожныхъ выходокъ министры Наполеона III по всевозможнымъ поводамъ прибѣгали къ откровеннымъ угрозамъ и вызовамъ. Въ послѣдніе дни декабря 1869 года до свѣдѣнія военнаго министра генерала Лебефа дошло, что двое солдатъ присутствовало на одномъ хотя и легальномъ, но республиканскомъ собраніи. Министръ приказалъ немедленно сослать ихъ въ дальніе африканскіе батальоны; всѣмъ было извѣстно, что продѣлывается въ Африкѣ надъ посылаемыми туда провинившимися солдатами, и въ оппозиціонныхъ кругахъ объ этомъ случаѣ много говорили. 10-го января 1870 года *) Гамбетта сдѣлалъ въ законодательномъ корпусѣ запросъ относительно мѣры, принятой генераломъ Лебефомъ. Послѣдній, съ полною готовностью человѣка, желающаго раздражить, заявилъ, что онъ имѣлъ законное право такъ поступить съ этими солдатами, и, мало того, если республиканская партія осмѣлится начать уличное волненіе, онъ, генералъ Лебефъ, этихъ провинившихся солдатъ поставить въ первые ряды усмиряющаго отряда. Гамбетта мгновенно воспользовался вызовомъ, чтобы покончить съ подобнаго рода выгодными правительству и весьма

*) Cp. Neucastel, «Gambetta», 49.

опасными для оппозиціи приглашеніями помѣряться силами въ открытой схваткѣ: «Кто уполномочиваетъ васъ говорить, что мы хотимъ бунта? Когда мы являемся сюда съ разоблаченіями беззаконій, когда мы указываемъ на жертвъ произвола, вы не имѣете права отвѣчать, что мы подготовляемъ возстаніе и что съ нами необходимо бороться. Не вы первые, не вы послѣдніе, пользуясь благовидными предлогами, желаете прибѣгнуть къ грубой силѣ. Всѣ предшествовавшія вамъ правительства за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ говорили, какъ и вы, обращаясь къ оппозиціи: «Выйдите на улицу—и вы испытаете нашу силу!» Всѣ они—пали,—кто въ грязь, кто подъ бременемъ презрѣнія, за исключеніемъ лишь республиканскаго правительства, которое погибло подъ ударами узурпаціи и насилія». Когда другой министръ Оливье, успокаивая Гамбетту, сталъ увѣрять его, что правительство не сомнѣвается въ лойяльности оппозиціи, что между правительствомъ и оппозиціей есть лишь разногласіе въ мелочахъ, Гамбетта вскричалъ, что это—ложь, что оппозиція принципіально непримирима съ имперіей, ибо желаетъ установленія республики.

Въ сущности, тяжелое время переживала оппозиція въ эти послѣдніе мѣсяцы предъ крушеніемъ имперіи. Энтузіастки, вродѣ Луизы Мишель (см. ея «Histoire de la commune»), да и болѣе осторожные историки склонны весьма часто изображать это время (1869—1870 гг.), какъ фазисъ рѣшительной борьбы съ имперію, который окончился бы все равно низверженіемъ Наполеона III, даже не будь войны. Мы хорошо помнимъ, напримѣръ, одну статью покойнаго Е. Утина, въ которой авторъ, посѣтивъ Францію послѣ войны, съ грустью замѣчаетъ, что такой выигрышъ, какъ избавленіе отъ имперіи, все равно былъ бы достигнутъ путемъ небольшой и рѣшительной революціи, а пришлось за него расплатиться прусскимъ погромомъ и ужаснымъ кровопролитіемъ. Этотъ взглядъ (о легкости, неизбѣжности и близости паденія имперіи) кажется намъ безусловно ошибочнымъ. Не даромъ оппозиція изо всѣхъ силъ старалась не отвѣчать на вызывающія дѣйствія правительства; не даромъ правительство такъ жаждало рѣшительной схватки; не даромъ Гамбетта всячески, и въ избирательныхъ манифестахъ, и въ политическихъ рѣчахъ, отклонялъ отъ своей партіи названіе «революціонной»; не даромъ, наконецъ, въ первые годы существованія третьей республики за крики «vive—la république» кричавшіе попадали въ полицію. Самый переворотъ случился вовсе не такъ, какъ его потомъ изображали, а ужъ все предшествовавшее ему необыкновеннно скоро покрылось фантастическою дымкою и стало рисоваться въ видѣ могучаго и однороднаго потока, неизбѣжно мчавшаго Францію къ республикѣ. Но эти построенія, созданныя post factum, не должны мѣшать реальному анализу истиннаго положенія дѣлъ *до* крушенія имперіи; реальный же анализъ можетъ дать лишь одинъ отвѣтъ: *во внутреннихъ отношеніяхъ французскаго общества, во взаимодѣйствіи соці-*

альныхъ силъ въ концѣ 60-хъ г. XIX столѣтія не было такихъ условій, которыя позволяли бы считать неизбѣжною гибель имперіи, въ предѣлахъ историческаго предвидѣнія.

V.

Политическія формы государственнаго быта далеко не всегда и далеко не безъ труда могутъ быть введены въ цѣпь исторической закономѣрности. Утверждать, что имперія около 1870 года «должна» была смѣниться республикою, значитъ искусственно подгонять и насиловать факты. 8-го мая 1870 года Наполеонъ III устроилъ плебисцитъ, общенародное голосованіе, которое и показало, какъ нельзя лучше, истинное положеніе дѣлъ: за имперію подали голосъ 7½ милліоновъ голосовъ, противъ имперіи—1½ милліона. Значитъ, не только соціальная сила продолжала находиться въ рукахъ общественныхъ слоевъ, создавшихъ имперію, но эти слои все еще по прежнему смотрѣли на имперію, какъ на единственный оплотъ противъ демагогіи, революціи, соціализма и т. д. Другими словами: не только твердая власть продолжала быть въ глазахъ огромнаго большинства націи главнымъ жизненнымъ благомъ, но по прежнему эта твердая власть для большинства являлась непремѣнно въ образѣ императорской порфиры.

8-ое мая 1870 года успокоило Наполеона III и сильно разочаровало оппозицію, которая ожидала, что за нее выскажется, по крайней мѣрѣ, половина націи. Значитъ, правительство, съ своей точки зрѣнія, было право, когда безпокойно и нетерпѣливо вызывало оппозицію на улицу, помѣряться силами; значитъ, оживленіе общества было, такъ сказать, больше журнальное, словесное, нежели реальное; таковы были радостныя съ одной, печальныя съ другой стороны умозаключенія послѣ 8-го мая. Ни во Франціи, ни въ Европѣ, ни среди друзей, ни среди враговъ Наполеона III, ни Гюго, ни Гамбетта, ни Евгенія, ни Луиза Мишель—никто въ цѣломъ мірѣ не предвидѣлъ, что послѣ этого торжества—имперіи остается существовать всего-на-всего 120 дней; одни готовились къ долговременному господству, къ спокойной, династической передачѣ власти, когда наступитъ смертный часъ, другіе раздраженно бранили собственныхъ слишкомъ увлекающихся пылкихъ единомышленниковъ, говорили о «трудной, но благородной» задачѣ постепеннаго подготовленія націи къ принятію республиканскихъ принциповъ и т. д. Но стоило свершиться тому, что совершилось черезъ стодвадцать сутокъ, и цѣлый сонмъ историковъ, соціологовъ и публицистовъ, не уставая, доказывалъ потомъ въ теченіе тридцати лѣтъ, что имперія не могла не пасть, и что это ясно, какъ день. Повторяемъ: смѣна политическихъ формъ слишкомъ часто не поддается введенію въ цѣпь исторической закономѣрности. Послѣ 4-го августа 1870 года (и вплоть до настоящаго времени) продолжали и продолжаютъ въ экономико-соціаль-

номъ отношеніи господствовать тѣ же общественные слои, которые 8-го мая 1870 года высказались за имперію; республика въ первые годы всѣми силами и совершенно открыто старалась по возможности меньше походить на республику, и даже въ настоящее время во многихъ отношеніяхъ больше напоминаетъ вторую имперію, нежели, напримѣръ, республику Соединенныхъ Штатовъ. Перемѣна, происшедшая 4-го сентября, обусловилась *исключительно* внѣшнею, германскою войною; внутреннія французскія отношенія отъ республики были несравненно дальше, нежели отъ имперіи, и, даже, чѣмъ отъ всякой иной монархической формы правленія: первыя годы 3-ей республики показали это достаточно ясно. Весьма важная со всякой иной точки зрѣнія, перемѣна 4-го сентября соціологически неуслѣдима и *несущественна*, ибо она не знаменовала собою ни малѣйшихъ измѣненій или перемѣщеній соціальныхъ силъ. Оппозиція не оказалась (и не могла оказаться) подготовленною къ побѣдѣ (т.-е. къ переходу безъ всякой борьбы власти въ ея руки); люди, говорившіе о своихъ республиканскихъ принципахъ, сами должны были поспѣшно начать увѣрять въ томъ, что все останется по прежнему; преданные и искренніе республиканцы, чтобы только удержать внезапно свалившуюся на Францію форму правленія, въ первый разъ за всю исторію республиканскихъ ученій, возвели въ теорію приспособленіе и примѣненіе къ обстоятельствамъ, т. е. къ нуждамъ и желаніямъ своихъ сильныхъ враговъ. Оппортюнизмъ въ республиканской партіи родился въ одинъ день съ третьей республикою; человѣкомъ, воспринимавшимъ его отъ колыбели и давшимъ ему самый тщательный уходъ въ первые годы, былъ Гамбетта.

VI.

«Je dis que les temps héroiques du parti républicain sont clos», говорилъ Гамбетта на одномъ большомъ политическомъ обѣдѣ около времени плебесцита 8-го мая. Тогда же онъ и высказалъ, что должно придти на смѣну оконченнымъ «героическимъ временамъ» республиканской партіи: «...le champ reste ouvert á la discussion, á la controverse, au proselytisme, á la propagande». Споры, пріобрѣтеніе прозелитовъ, пропаганда—все это должно совершенно замѣнить попытки открытой борьбы, которая, по словамъ Гамбетты, можетъ быть пущена въ ходъ, лишь какъ отвѣтъ на насиліе. Послѣдняя оговорка не совсѣмъ ясна, ибо самъ же Гамбетта неоднократно признавалъ насиліемъ всѣ дѣйствія Наполеона III съ ночи на 2-е декабря 1851 года и весь фактъ его царствованія, взятый какъ цѣлое. Впрочемъ, эта неясность ничуть не вредила общему характеру указанной рѣчи: Гамбетта болѣе чѣмъ когда-либо боялся революціи и не вѣрилъ въ ея счастливый исходъ, болѣе чѣмъ когда-либо призывалъ къ мирной «культурной пропагандѣ»... Все это происходило за четыре мѣсяца до паденія имперіи.

«Война необходима, чтобы это дитя царствовало», наивно говорила императрица Евгенія въ послѣднія минуты колебаній Наполеона III предъ грознымъ рѣшеніемъ, указывая ему на ихъ маленькаго сына. Безграничная придворная лесть, вѣчныя въ тѣ времена во Франціи казенныя подтасовки мнимыхъ пламенныхъ подданическихъ чувствъ, глубокая, безнадежная моральная порча всего двора, отсутствіе хотя бы одного искренняго, отрезвляющаго слова—все это, въ концѣ концовъ, и дало Евгеніи вѣру въ наивнѣйшій оптическій обманъ, вѣру въ полную законность самаго дикаго и грубаго эгоизма, даже ничѣмъ не прикрытаго, никакими фразами о благѣ отечества и т. д. Она, пріѣзжая испанка, знавшая исторію Франціи по краткимъ католическимъ учебникамъ, вполнѣ добросовѣстно предполагала, что французы будутъ (и должныбыть) счастливы и готовы проливать свою кровь, разъ это необходимо для будущаго воцаренія маленькаго принца Loulou. Придворныя дамы, министры, пажи, государственный совѣтъ, генералы—все окружавшее съ упоеніемъ поддакивало желанію императрицы, потому что это поддакиванье благопріятствовало карьерѣ и личнымъ интересамъ каждаго изъ перечисленныхъ сановниковъ и придворныхъ. Больной, желтый, сгорбленный старикъ—императоръ колебался и томился больше другихъ; но дружное давленіе двора, желаніе отомстить ненавистной Пруссіи за ея успѣхи, за ловкую политику Бисмарка, роковая увѣренность въ своихъ силахъ, наконецъ, стремленіе къ «внутренней побѣдѣ» (плебесциту 8-го мая) присоединить побѣду внѣшнюю и этимъ упрочить династію—все это превозмогло колебанія. Онъ ухватился за инцидентъ съ предложеніемъ испанской короны принцу Гогенцоллерну и натолкнулся на несомнѣнное желаніе войны со стороны постояннаго противника своего—Бисмарка. Всѣ дипломатичеческія обстоятельства, сопровождавшія объявленіе войны, слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было ихъ описывать; для нашей темы они особаго значенія не имѣютъ. Гораздо важнѣе отмѣтить, что большія массы народа отнеслись къ идеѣ войны съ Пруссіей очень сочувственно. Если въ Парижѣ далеко не все рабочее населеніе принимало участіе въ денно и нощно гремѣвшихъ крикахъ: «à Berlin!»—то въ департаментахъ, въ сельскихъ округахъ шовинистическій энтузіамъ былъ самый полный. Въ департаментѣ Дордони даже сожгли живьемъ на кострѣ одного крестьянина за одну только фразу, что воевать не слѣдуетъ. Гдѣ патріотическія чувства не достигли такой температуры, тамъ царило равнодушіе; на войну съ Пруссіей смотрѣли, какъ на прежнія войны съ Россіей, Австріей, Мексикой, представляли ее себѣ прогулкою въ чужіе края вплоть до Берлина, и тревожиться тѣмъ, что нѣмецкіе посѣвы будутъ вытоптаны французской кавалеріей, находили излишнимъ. Въ законодательномъ корпусѣ только лишь одинъ Тьеръ рѣзко протестовалъ противъ войны во имя страшной опасности для Франціи, но противъ него такъ кричали, такъ свистали и потрясали кулаками, что ни ма-

лѣйшаго впечатлѣнія эта маленькая, полная отчаянія рѣчь не произвела. Всего десять человѣкъ вотировало противъ кредитовъ на войну, а 245 за кредиты. Гамбетта вотировалъ съ большинствомъ *за кредиты*. Прозорливости Тьера у него не хватило, шовинистическій пылъ застлалъ зрѣніе, слишкомъ много вѣры было въ силу имперіи, столь сильной предъ лицомъ республиканцевъ, истинно французское, колоссальное невѣжество относительно «заграницы» не позволяло оцѣнить прусскую мощь,--все это заставило республиканца-Гамбетту голосовать за войну. У него не нашлось даже настолько оппозиціонной стойкости, какъ у Греви или Жюля Фавра, голосовавшихъ вмѣстѣ съ Тьеромъ и еще семью товарищами противъ войны. Можно смѣло сказать, что если имперія разсчитывала на умиротвореніе оппозиціи будущими военными лаврами, то относительно Гамбетты она врядъ ли ошиблась бы. Но горячечная быстрота событій черезъ сорокъ пять дней послѣ начала войны упразднила и имперію, и оппозицію противъ нея, и надежду на лавры. Гамбеттѣ, голосовавшему за войну, которая была затѣяна, «чтобы дитя царствовало», пришлось оканчивать ее въ качествѣ члена правительства, когда императоръ, императрица и принцъ Loulou сдѣлались частными людьми. Можетъ быть, за всю карьеру свою Гамбетта не выказалъ себя такимъ истиннымъ человѣкомъ толпы, какъ въ эту роковую эпоху объявленія войны. У суроваго, желчнаго старика Тьера хватило гражданскаго мужества наперекоръ всѣмъ и всему произнести запальчивую и язвительную рѣчь противъ войны, а Гамбетта стушевался за разными неопредѣленными заявленіями, что благо Франціи для него выше партій и т. д. Другими словами: онъ повѣрилъ хвастливымъ словамъ министра Оливье, говорившаго, что «на прусскую армію довольно разъ дунуть», лживой и веселой похвальбѣ министра Лебефа, что во французскомъ войскѣ «все готово вплоть до пуговицъ»,—онъ увлекся вмѣстѣ съ шовинистическимъ большинствомъ барабанно-патріотическими восторгами, надеждою разгромить Пруссію и рѣшилъ «не противиться злу». Всѣ это какъ-то легко всегда уживалось у многихъ французовъ съ разнообразнѣйшими ихъ политическими убѣжденіями. На жизнь и смерть другихъ народовъ и государствъ слишкомъ многіе французскіе дѣятели въ XIX вѣкѣ обнаруживали склонность смотрѣть съ какой-то небрежно-юмористической точки зрѣнія. Рекомендуемъ глубоко любопытное въ этомъ отношеніи мѣсто изъ «Mémoires d'outre-tombe» гдѣ Шатобріанъ приводитъ услышанную имъ на ломанномъ французскомъ языкѣ фразу одного франкфурца, описывавшаго подвиги французскаго нашествія: «генералъ Удино сжегъ наши дома, разорилъ поля и наложилъ контрибуцію». Приведя эту фразу, Шатобріанъ юмористически восклицаетъ: «c'est pourquoi on nous aime!» Онъ искренно и безповортно убѣжденъ, что дѣйствительно и этотъ франкфуртецъ, и другіе обиженные и униженные наглыми завоевателями любятъ ихъ, и только кокетливо изумляется предъ читателемъ (c'est pourquoi on nous

aime!) Но увы! ни Шатобріанъ, ни Викторъ Гюго, также посвятившій много трескучей словесности французскимъ военнымъ прогулкамъ, ни Гамбетта, боявшійся мѣшать имперіи пожинать лавры, никто изъ нихъ и имъ подобныхъ не зналъ, сколько болѣзненной и лютой ненависти противъ французовъ таится по ту сторону Рейна, какія жгучія и кровавыя воспоминанія живутъ тамъ, сколько свирѣпой мести ждетъ своего часа.

Въ теченіе послѣднихъ десяти дней іюля и всего августа Гамбетта пребывалъ въ полномъ спокойствіи, ожидая событій. Французское правительство объявило войну 15-го іюля; 4-го августа корпусъ Дуэ столкнулся у Виссамбурга съ прусскимъ кронпринцемъ и былъ разбитъ; 6-го августа Макъ-Магонъ бѣжалъ съ Вертскаго поля послѣ кроваваго пораженія; въ тотъ же день армія Штейнметца ворвалась въ Лотарингію... Въ законодательномъ корпусѣ Жюль Фавръ и нѣкоторые другіе республиканцы настойчиво и яростно требовали, чтобы императрица-регентша смѣнила министерство (Лебефа, Оливье). Евгенія, начавшая понимать весь ужасъ положенія, согласилась и назначила (10-го августа) первымъ министромъ графа Паликао. Гамбетта оставался безмолвенъ; впрочемъ, дѣйствительно, реальные интересы сосредоточивались въ арміи, на востокѣ,—и все равно было для даннаго момента, какіе именно новые карьеристы сядутъ на министерскую скамью вмѣсто прежнихъ. А на востокѣ кровавыя бойни слѣдовали одна за другою. «Французы (по выраженію одного члена оппозиціи) сражались, какъ львы, предводимые ослами». Эта гнѣвная фраза, по крайней мѣрѣ, въ первой своей части совершенно справедлива. Тысячи и тысячи французскихъ и прусскихъ труповъ устилали цѣлыя версты въ восточныхъ провинціяхъ. Но общій результатъ уже былъ ясенъ для Европы; неясенъ былъ онъ лишь для Франціи, для Парижа, гдѣ распространялась самая беззастѣнчивая ложь посредствомъ оффиціальныхъ бюллетеней. Поздно ночью 2-го сентября въ Парижѣ, какъ молнія, разнесся слухъ, что императрица получила какія-то чрезвычайно важныя извѣстія съ театра войны. Одинъ молодой человѣкъ сказалъ, что произошло съ арміей какое-то страшное несчастіе; полицейскіе агенты, ничуть не потерявшіе отъ тяжелыхъ временъ свою рѣшительность, отвели молодого человѣка въ полицейскій постъ, гдѣ и убили его. Но все равно уже скрыть происшедшаго было нельзя. На другой день графъ Паликао въ осторожныхъ и притворно-бодрыхъ выраженіяхъ извѣстилъ парижанъ, что Седанъ взятъ пруссаками, что императоръ и вся громадная армія, бывшая съ нимъ, капитулировали, и что Мольтке двигается на Парижъ, который долженъ думать о защитѣ. Негодованіе противъ Наполеона III охватило прежде всего тѣ шовинистическія массы, которыя за $1^1/_2$ мѣсяца кричали «à Berlin!» Въ рабочихъ кругахъ, въ слояхъ, тронутыхъ республиканскою пропагандою, имперія никогда популярна и не была. За имперію не всталъ

рѣшительно никто; всѣ друзья ея были подавлены случившимся. Войскъ въ городѣ совершенно не было, и имперія пала безъ всякаго сопротивленія, волею парижской народной массы. Это случилось 4-го сентября, которое и осталось днемъ безкровной революціи. Собственно, чувство гнѣва не было особенно замѣтно, и Евгенія врядъ ли имѣла основанія такъ поспѣшно убѣжать въ Англію; преобладали страхъ, растерянность, сознаніе непоправимаго, грознаго бѣдствія, обрушившагося и продолжающаго рушиться на страну. Никто и не подумалъ защищать имперію, никто и не боялся, съ другой стороны, наткнуться на сопротивленіе, все сдѣлалось быстро и какъ бы между дѣломъ: умственные взоры всѣхъ были обращены только на востокъ, откуда безостановочно двигались прусскія полчища. Тѣ члены законодательнаго корпуса, которые сами себя назначили временнымъ правительствомъ, и тотчасъ же распустили всѣ учрежденія имперіи, не могли обойтись безъ широко извѣстнаго имени республиканца Гамбетты: онъ получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ.

Костомаровъ объяснялъ всѣ судорожныя движенія Польши съ конца XVIII вѣка тѣмъ, что эта страна погибла какъ разъ тогда, когда уже начала поправляться и измѣняться. Можно, перефразируя это, утверждать, что всѣ колебанія Гамбетты и всѣ особенности въ поведеніи республиканской партіи послѣ 4 го сентября объясняются тѣмъ, что республиканцы получили власть какъ разъ тогда, когда они наименѣе походили на республиканцевъ и больше всего были близки къ господствовавшему режиму (павшему 4-го сентября). Еще за 22 дня Гамбетта сказалъ во всеуслышаніе въ законодательномъ корпусѣ главѣ императорскаго кабинета генералу Паликао, который утверждалъ, что противъ непріятеля въ самомъ скоромъ времени будутъ выставлены 70.000 новыхъ солдатъ: «генералъ, я васъ благодарю; ваше увѣреніе распространится и будетъ принято во Франціи съ чувствомъ удовлетворенія Вамъ предстоитъ снискать себѣ славу: очистить территорію Оставляя въ сторонѣ всякія политическія мнѣнія, я питаю надежду, что вы окажетесь на высотѣ положенія». 4-го сентября имперія пала безъ сопротивленія и при почти общей апатіи (смѣшанной съ ужасомъ отъ нашествія) водворилось временное правительство, и Гамбетта сталъ человѣкомъ власти. Русское, австрійское, англійское, итальянское правительства, а также менѣе значительныя державы сразу признали новый порядокъ вещей и ихъ послы сдѣлали тотчасъ же визитъ Жюлю Фавру, министру иностранныхъ дѣлъ. Но это дѣлу не помогло, конечно; оказать вооруженную помощь никто не хотѣлъ. Съ чрезвычайной энергіей правительство національной обороны принялось за непосредственную свою задачу—борьбу съ наступавшими пруссаками. Замѣчательно, что хотя три члена временнаго правительства были командированы въ провинцію, но и громадное большинство писавшихъ

журналистовъ, и само правительство, и почти всѣ военные дѣятели выражали полную увѣренность, что Парижъ сданъ не будетъ, и что его осада можетъ спасти страну. Одинъ только Гамбетта не переставалъ надѣяться на провинцію. 16-го сентября прусскіе аванпосты показались вплотную у Парижа — и началась осада. Громадная армія Базена была заперта въ Мецѣ; разбитые остатки другихъ корпусовъ бродили въ полномъ хаосѣ и безпорядкѣ по странѣ; временное правительство было поглощено заботами о провіантѣ для осажденнаго Парижа; ни одна европейская держава не обнаруживала ни малѣйшаго желанія вмѣшаться въ войну... При такихъ-то отчаянныхъ обстоятельствахъ Гамбетта и рѣшилъ вырваться какъ-нибудь изъ Парижа и попысаться нарушить то состояніе паники и оцѣпенѣнія, въ которое была погружена Франція, безпомощно, со страхомъ, надеждою и привычной довѣрчивостью смотрѣвшая на Парижъ. Проскользнуть изъ осажденнаго города возможно было только на воздушномъ шарѣ, и 7-го октября Гамбетта съ двумя попутчиками и съ большимъ грузомъ писемъ вылетѣлъ на большомъ аэростатѣ изъ города. Почти тотчасъ же пруссаки замѣтили воздушный шаръ; грянулъ выстрѣлъ, но на огромной высотѣ шаръ былъ вполнѣ безопасенъ. Впрочемъ, въ пути случилось нѣсколько весьма тревожныхъ опусканій шара въ весьма неудобные моменты (напримѣръ, недалеко отъ рыскавшей кругомъ виртембергской кавалеріи); только вблизи отъ Мондидье аэронавты оказались внѣ линіи непріятельскихъ войскъ. Тутъ они опустились, встрѣтились съ однимъ мѣстнымъ помѣщикомъ, который и облегчилъ дальнѣйшее путешествіе; 9-го декабря Гамбетта былъ уже въ Турѣ. Изъ Тура онъ обратился къ странѣ съ слѣдующей прокламаціею, дѣйствуя уже въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и военнаго: «Французы, ваше положеніе налагаетъ на васъ великія обязанности. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, чтобы не отвлекаться ничѣмъ отъ войны и ничѣмъ кромѣ войны не заниматься...

Нужно пустить въ ходъ всѣ наши рессурсы, которые неистощимы, и начать народную войну. Нѣтъ, невозможно, чтобы геній Франціи скрылся навсегда, чтобы великая нація позволила отнять у себя свое мѣсто въ мірѣ какому-нибудь нашествію пятисотъ тысячъ человѣкъ». «Le combat à outrance» вотъ чего требовалъ Гамбетта отъ французовъ. Въ настоящемъ очеркѣ имѣющемъ цѣлью опредѣленіе роли Гамбетты въ политической (а не военной) исторіи Франціи, не можетъ быть допущено подробное описаніе всѣхъ его дѣйствій во время войны. Его дѣятельность въ эти три мѣсяца и три недѣли (отъ 7 октября 1870 до февраля 1871 года) отличалась энергіей необыкновенною. Безъ картъ, безъ элементарнѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній, безъ всякихъ средствъ, безъ помощниковъ этотъ человѣкъ какъ изъ подъ земли выставлялъ все новые и новые батальоны противъ пруссаковъ; за все это время онъ, въ среднемъ, спалъ по одному часу за

ночь. Вотъ что пишетъ о немъ прусскій генералъ фонъ-деръ-Гольцъ: «Когда Гамбетта прибылъ въ Туръ, онъ былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ. Единственными его помощниками были его голова и руки. Отнынѣ—всякіе раздоры должны были прекратиться предъ лицомъ великой задачи освобожденія родины. Исполнить эту задачу было нелегко. Однако, онъ въ короткое время примирилъ всѣ партіи, оживилъ энергію всѣхъ, придалъ правительству силу и заставилъ его уважать. Все это сдѣлась безъ помощи крайнихъ или жестокихъ мѣръ. Мало того, этотъ человѣкъ, который изучалъ только лишь юриспруденцію и политику,—выставилъ новыя идеи относительно организаціи арміи, войны и веденія войны. Онъ желалъ поддержать національную борьбу съ помощью гражданскаго, а не военнаго элемента. Вся нація по его мысли должна была стать его арміею. Немногіе поддерживали его искренно, ибо никто не вѣрилъ въ успѣхъ... И несмотря на это, ему удалось все, чего онъ хотѣлъ. Колоссальная армія, которую онъ выставилъ,—краснорѣчивое доказательство его генія. Онъ выполнилъ эту работу гиганта въ меньшій срокъ, нежели какой бы то ни было организаторъ до него»... Говоря дальше о томъ, что Гамбетта удивительно всегда понималъ, гдѣ слабый пунктъ у врага, фонъ-деръ-Гольцъ заключаетъ: «однимъ словомъ, какъ военный министръ,—онъ былъ великъ». Гамбетту его противники язвительно сравнивали съ Карно дѣятелемъ военной обороны Франціи во времена революціи. Фонъ-деръ-Гольцъ поэтому поводу вполнѣ серьезно замѣчаетъ: «Да онъ и былъ на самомъ дѣлѣ Карно. То, что онъ сдѣлалъ,—немногіе сдѣлали до него и немногіе сдѣлаютъ послѣ него». Мнѣнія суроваго непріятельскаго генерала основываются, главнымъ образомъ, на томъ, что, когда, казалось, все уже погибло и дальнѣйшая борьба немыслима, Гамбетта выставилъ въ полѣ больше 1.100.000 человѣкъ и почти четыре мѣсяца поддерживалъ сопротивленіе. Когда Базенъ 27 октября сдалъ свою армію, Гамбетта въ печатной прокламаціи назвалъ этотъ поступокъ преступленіемъ, за которое нѣтъ достаточнаго наказанія. Новые и новые наборы и записи добровольцевъ создавали одну армію за другою; Гамбетта отрѣшалъ и генераловъ и назначалъ новыхъ, заключилъ своею властью заемъ въ Англіи, организовалъ не существовавшую провіантскую часть и заставилъ побѣдителей бороться съ совершенно непредвидѣнными затрудненіями.

26 января капитулировалъ, наконецъ, Парижъ, и тотчасъ же было заключено перемиріе для созыва національнаго собранія. Узнавъ объ этомъ, Гамбетта немедленно особымъ декретомъ лишилъ права принимать участіе въ выборахъ всѣхъ офиціальныхъ депутатовъ временъ имперіи и нѣкоторыхъ другихъ монархистовъ. Тьеръ, давно уже считавшій Гамбетту за «un fou furieux» (по поводу ожесточеннаго и безрезультатнаго сопротивленія пруссакамъ), настоялъ на посылкѣ въ Туръ Жюля Симона, который бы отъ имени правительства отмѣнилъ

этотъ декретъ и объявилъ о томъ Гамбеттѣ. Турскій диктаторъ еще 27 января написалъ Жюлю Фавру письмо, въ которомъ онъ съ раздраженіемъ настаивалъ, что правительство можетъ, если ему угодно сдать городъ Парижъ, но что городъ Парижъ не есть еще Франція. Это письмо было получено Жюлемъ Фавромъ только 2 февраля, когда уже заключили перемиріе. Гамбетта сдѣлалъ еще одно, послѣднее усиліе воспрепятствовать уступкѣ Эльзаса и Лотарингіи; онъ, уже получивъ извѣстіе о созывѣ собранія, все еще писалъ прокламаціи, кончавшіяся призывомъ къ оружію (aux armes, aux armes! Vive la France! Vive la république une et indivisible!) 6-го февраля пріѣхали къ Гамбеттѣ уполномоченныя лица отъ правительства, которыя заявили ему, что его декретъ о недопущеніи явныхъ бонапартистовъ къ выборамъ—уничтоженъ. Тотчасъ же Гамбетта (въ 3 ч. того же 6-го февраля) опубликовалъ свой послѣдній циркуляръ префектамъ департаментовъ: «Моя совѣсть обязываетъ меня отказаться отъ моихъ обязанностей члена того правительства, съ которымъ у меня нѣтъ уже ни общихъ идей, ни общихъ надеждъ. Честь имѣю васъ увѣдомить, что съ сегодняшняго дня я подаю въ отставку». Онъ былъ выбранъ разомъ въ восьми департаментахъ, но Тьеръ былъ выбранъ въ двадцати шести департаментахъ, и это ясно говорило за то, что Франція дальнѣйшей войны не желаетъ. Уже во время выборовъ обнаружилось, что столица и провинція болѣе чѣмъ когда-либо враждебно другъ противъ друга настроены; первыя засѣданія національнаго собранія показали это какъ нельзя лучше.

Евг. Тарле.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТРИ ЖЕНСКИХЪ ХАРАКТЕРА.

РОМАНЪ БРУНО СПЕРАНИ.

Съ итальянскаго, переводъ **В. А. Москалевой**.

(*Продолженіе*) *).

Глава V.

На работѣ.

Для деревенскихъ жителей самый трудовой мѣсяцъ въ году, іюнь, принесъ съ собою невыносимую жару. Солнце съ утра до вечера бросало свои палящіе лучи на всю равнину и ни малѣйшаго дождя не выпадало, чтобы освѣжить воздухъ.

Женщины работали въ полѣ, однѣ окапывали кукурузу, другія, стоя по колѣна въ водѣ, пололи рисъ, для этого онѣ нагибались и, погрузивъ, руки въ воду, ловили сонную траву, выроставшую между ростками риса, или ворочали сѣно, или закапывали очутившіеся наружу корни кукурузы.

При содѣйствіи дона Джорджіо, Сандро Рамполди пристроился въ Кашинѣ Гранде. Братья раздѣлились, несмотря на всѣ жалобы и упреки Піетро и Вирджиніи. И теперь, такъ какъ Піетро не могъ исполнять всю работу одинъ и хотѣлъ какъ можно меньше тратить на наемъ рабочихъ, прекрасная баловница не могла уже больше оставаться дома и разыгрывать барыню, но должна была взяться за мотыку, подобно другимъ бабамъ.

Всѣ говорили объ этой неудачѣ прелестной женщины, которой раньше завидовали. Кто старался ее утѣшить, кто поддразнивалъ ее; и всѣ,—равнодушные и злорадствующіе,—всѣ наводили ее на разговоръ о невѣсткѣ изъ желанія послушать, какъ она будетъ бранить ее.

Въ одну субботу, въ самый жаркій часъ дня, когда воздухъ казался раскаленнымъ, уже измученная работой за цѣлую недѣлю, она бросила мотыку и вытирая потъ съ лица, вскричала сквозь слезы:

— Это скотская жизнь!.. Я больше не въ силахъ, не въ силахъ...

---

*) См. «Міръ Божій» № 9, сентябрь 1901 г.

Семь или восемь бабъ, работавшихъ въ сосѣднемъ полѣ, и не менѣе ея палимыхъ зноемъ, подняли головы, нѣкоторыя насмѣшливо улыбнулись.

— Конечно, лучше сидѣть въ тѣни, чѣмъ работать мотыкой!—проворчала еще больше похудѣвшая и пожелтѣвшая старуха Мерони, поспѣшно пользуясь единственнымъ средствомъ освѣжиться, что, впрочемъ, дѣлали всѣ, то-есть поставить голыя, обожженныя солнцемъ, ноги на сырую и прохладную глыбу только что перевернутой земли.

Кругомъ засмѣялись, всѣ поняли насмѣшку. Только одна Лючія, блѣдная дѣвушка съ пухлыми щеками, работавшая ближе другихъ къ полю Вирджиніи, съ участіемъ обратилась къ ней и спросила:

— Вы очень устали?..

— Я больше не въ силахъ!.. Мнѣ кажется, я умираю!—со вздохомъ произнесла несчастная и бросилась на землю между еще довольно низкими стеблями кукурузы, ища хоть подобія тѣни.

Копальщицы, привычныя къ работѣ, пренебрежительно пожали плечами; и семь или восемь мотыкъ поднялись съ новымъ рвеніемъ и упали на сухую земляную кору, энергично разбивая ее.

— Кристина!—закричала Мерони, постоянно находившая предлогъ чему-нибуть учить Скарамелли.—Если вы будете запускать мотыку такъ глубоко въ землю, прощай кукуруза, вы подрѣжете всѣ ростки! Посмотрите, вы подрѣзали корень!..

— Не большая бѣда! Пусть бы все погибло у этого пса...

Она вдругъ замолчала. Остальныя работницы, еще недавно смѣявшіяся, повернулись въ другую сторону и мотыки заработали съ прежнимъ рвеніемъ, но съ большею осторожностью. И снова голыя, загорѣлыя, утомленныя ноги искали освѣженія на взрытыхъ комьяхъ земли.

Хозяинъ поля подошелъ сзади, замѣтилъ растеніе, подрѣзанное Кристиной, и слышалъ ея слова. Онъ закричалъ сердито:

— Скарамелли, оставь мотыку! И сейчасъ-же убирайся вонъ!.. У тебя въ головѣ вовсе не работа!..

Кристина быстро выпрямилась. Ея фигура античной дріады красиво выдѣлялась на яркомъ фонѣ. Ея сверкавшіе синіе глаза на минуту остановились на загорѣломъ, еще не старомъ и довольно красивомъ лицѣ хозяина и сильныя, крѣпкія и вмѣстѣ изящныя руки приподняли мотыку, собираясь бросить ее въ голову этому человѣку.

— Матерь Божія! Она убьетъ его!.. Убьетъ!..

Вирджинія вскочила съ мѣста и съ скрытымъ, вѣроломнымъ торжествомъ слѣдила за ужасной сценой. Никто не осмѣлился вступиться. Но хозяинъ не шевельнулся, невозмутимо относясь къ угрозѣ и продолжалъ поддразнивать дѣвушку, не спуская съ нея гнѣвнаго и вмѣстѣ сладострастнаго взгляда.

Къ счастью, Кристина опомнилась и лучшее чувство взяло верхъ

Она конвульсивно засмѣялась, но этотъ смѣхъ былъ скорѣе похожъ на рыданіе. Опустивъ руку, она выронила мотыку, спокойно повернулась и пошла медленными мѣрными шагами.

Когда хозяинъ ушелъ, Вирджинія закричала со своего поля:

— Дрянь этакая! Дрянь!.. Она отправилась къ своему попу. Думаетъ, онъ защититъ ее. Дрянь этакая!.. О! я хорошо знаю, что такое эти проклятыя Скарамелли!..

Но бабы были еще слишкомъ напуганы и ни одна не поддержала ея брани, а та, которая работала ближе другихъ, принялась усердно разрыхлять землю, повернувшись къ Вирджиніи спиной, и Вирджиніи еще разъ пришлось убѣдиться, что ей не найти расположенія у бабъ, которыя относились къ ней не съ состраданіемъ, а, напротивъ того, радовались, что ей приходится работать въ полѣ, и смѣялись надъ ней.

Не прибавивъ больше ни слова и соединивъ всѣхъ въ одномъ нѣмомъ проклятіи, она подняла мотыку, брошенную на бороздѣ и принялась за свою ненавистную работу, торопясь кое-какъ ее докончить.

— Послѣ того, какъ вьючный оселъ сбросилъ узду и убѣжалъ, поле Рамполди не принесетъ въ этомъ году такого урожая, какъ въ прежніе годы,--проговорила старая Мерони, ея сосѣдки громко и зло разсмѣялись.

Глава VI.

Побѣжденъ.

Кристина сначала была страшно разсержена и оскорблена нанесенной ей обидою, но чѣмъ дальше она шла по полямъ и лугамъ по направленію къ Джелу, тѣмъ больше она овладѣвала собою и становилась веселѣе.

Перейдя въ бродъ почти совсѣмъ высохшую Вергонцу, она вышла на большую дорогу, гдѣ ей навстрѣчу попался докторъ въ своей маленькой тележкѣ, ѣхавшій изъ Казората къ больной женѣ арендатора Валь-Мишіи. Онъ придержалъ лошадь.

-- Эй, Скарамелли, вода не высока?

— Не высока, господинъ докторъ...

— Ты больна?

— Нѣтъ... Здорова...—она слегка вспыхнула.

— А, такъ значитъ любовь!..

И отпустивъ грубую шутку, онъ пытался ущипнуть красивую упругую руку крестьянки. Она вырвалась.

— Извини, пожалуйста, я забылъ, что съ тобой нельзя шутить. Я видѣлъ твою сестру въ Кашина Гранде; на себя не похожа. Ты ее давно не видала?

— Съ мѣсяцъ пожалуй...

— Навѣсти ее, увидишь, какъ она пополнѣла; въ декабрѣ ты будешь тетушкой!..

Разговаривая, онъ бросилъ окурокъ сигары и закуривалъ другую, показывая свои бѣлые зубы и свою худощавую, продолговатую руку барина. Онъ былъ красивый молодой человѣкъ, только начиналъ свою карьеру и смертельно скучалъ въ этомъ захолустьи.

— Вамъ угодно еще что-нибудь?—сухо спросила Кристина.

— Нѣтъ... Тебѣ непріятно постоять со мной минутку... Проклятое мѣсто. Всѣ женщины такія некрасивыя, а тѣ, которыя красивы, тѣ непривѣтливы!.. Ты въ Джелъ идешь?

Она поблѣднѣла. Она, дѣйствительно, шла въ Джелъ, но дѣлала это безсознательно, и вся содрогнулась, услыхавъ это отъ посторонняго.

— Идешь въ священническій домъ... Хитрые эти попы, все себѣ забрали!—проворчалъ докторъ, жуя свою виргинію; затѣмъ проговорилъ громче. — Сдѣлай мнѣ удовольствіе, Кристина, зайди къ дону Джорджіо и передай ему, что нѣкоторыя книги я доставлю ему на будущей недѣлѣ.

— Хорошо, сударь! Будетъ исполнено.

Она поспѣшно удалилась, преслѣдуемая насмѣшливымъ взглядомъ молодого врача, совершенно напрасно подозрѣвавшаго бѣдную Кристину.

Когда телѣжка тронулась дальше, Кристина остановилась и принялась размышлять. Шла ли она къ курату?.. Конечно; у нея не могло быть другой цѣли. А если онъ прогонитъ ее? Съ Пасхи онъ велъ себя чрезвычайно сдержанно, ограничиваясь тѣмъ, что иногда смотрѣлъ на нее, но избѣгалъ разговаривать. Если онъ разлюбилъ ее?.. Нѣтъ, это невозможно. Во всякомъ случаѣ, ей слѣдуетъ убѣдиться, и если онъ ее отвергнетъ, если не захочетъ совсѣмъ знать ее... тогда,—агентъ эмигрирующихъ еще ждетъ ея отвѣта!.. Она уѣдетъ... уѣдетъ въ ту далекую страну, до которой чтобы добраться нужны цѣлые мѣсяцы; тамъ она умретъ отъ тоски, и тамъ останется навѣки.

Порѣшивъ такимъ образомъ, она отправилась дальше, безсознательно ускоряя шагъ, будто подгоняемая непреодолимымъ ужасомъ. Она пришла въ священническій домъ вся запыхавшись; глаза ея блестѣли отъ внутренняго возбужденія, лицо горѣло яркимъ румянцемъ. Потянувъ за веревку, висѣвшую въ скважинѣ замка, она вошла въ домъ, по обыкновенію спрашивая громко:

— Можно войти?

Отвѣта не послѣдовало. Въ домѣ было пусто; донъ Джорджіо работалъ въ огородѣ и отправилъ старика въ Казоратъ продавать шелковичные коконы. Кристина прошла въ кухню и оглядѣлась. Въ печкѣ, въ кастрюлѣ что-то кипѣло, но кругомъ царилъ ужасный безпорядокъ. Вездѣ были разбросаны грязныя тарелки; у стѣнъ и по срединѣ валялся мусоръ; съ потолка на длинныхъ паутинахъ спускались пауки и раскачивались въ воздухѣ.

Она печально покачала головою. Старикъ только и думалъ какъ бы напиться!.. Донъ Джорджіо не хотѣлъ за ней посылать; а сама она не рѣшалась придти... И столько уже дней!.. Бѣдный домъ!.. Но теперь... Страстная дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ. Ясная, свѣтлая мысль промелькнула въ ея головѣ: съ этой минуты она будетъ здѣсь хозяйничать и будетъ думать о томъ, какъ содержать все въ порядкѣ, и если старикъ не захочетъ повиноваться, тѣмъ хуже для него!

И она вышла изъ кухни, чтобы отыскать курата. Ей показалось, что она видѣла его въ огородѣ. Дѣйствительно, онъ былъ тамъ. Его длинный кафтанъ, то-есть ряса, висѣлъ на вѣтвяхъ ивы, бросая печальную тѣнь среди веселаго сіянія зеленѣющаго и цвѣтущаго огорода. За то, наоборотъ, ничего печальнаго не представляла мужественная фигура молодого человѣка. Тонкая бѣлая полотняная рубашка была раскрыта на груди; рукава были засучены и длинные черные штаны стянуты у пояса; у него былъ смѣлый и вызывающій видъ, нисколько не напоминавшій священника. Въ эту минуту онъ оставилъ мотыку въ сторонѣ и выпалывалъ кое-какую сорную траву, повернувшись спиною къ дому. Его темноволосая голова гордо поднималась на широкихъ плечахъ, и вся его фигура говорила объ удовлетворенности физической силы, нашедшей себѣ выходъ.

Только работая на открытомъ воздухѣ, донъ Джоржіо забывалъ свой санъ священника и чувствовалъ, что возрождается. Мозгъ, отдыхая подъ вліяніемъ мускульной дѣятельности, переставалъ мучить его. Сердце его, свободное, спокойное, раскрывалось для благотворныхъ чувствованій; жизнь казалась ему легкой и пріятной; любовь, высшее благо, не сопровождалась ни упреками совѣсти, ни опасеніями, и ужасная проблема, которую его плоть неумолимо ставила его духу, разрѣшалась вѣчной Природой.

Кристина видѣла его въ профиль и не могла достаточно налюбоваться имъ. Какъ онъ не похожъ на того, какимъ она видѣла его въ церкви! Тамъ, въ священническомъ облаченіи, окруженный облаками ѳиміама, онъ казался ей существомъ высшимъ, чудеснымъ, полубогомъ; она обожала его, преклоняясь передъ нимъ и никогда не осмѣлилась бы сказать ему прямо, что любитъ его. Иногда ей казалось, что она вмѣстѣ съ нимъ поднимается, но минуту спустя чувствовала, что какая-то непреодолимая сила толкаетъ ее внизъ и бросаетъ ее въ прахъ—жалкое созданіе, осмѣлившееся поднять глаза въ чувствѣ святотатственной любви.

Но когда ей случалось видѣть его, безъ черной рясы, во всемъ блескѣ его мужественной красоты, всѣ ея страхи исчезали. Это былъ уже не полубогъ, а человѣкъ, настоящій человѣкъ, не имѣвшій ничего необыкновеннаго, не подавлявшій ее своимъ значительнымъ превосходствомъ. Онъ былъ красивъ, силенъ, и подобно ей обрабатывалъ землю. Но и въ такія минуты, какъ мало онъ былъ похожъ на другихъ! Она

чувствовала, что никто не можетъ стать выше его, и глубокое чувство уваженія, которое онъ ей всегда внушалъ, смѣшалось съ невыразимою нѣжностью.

Время проходило, пока она стояла такимъ образомъ и мечтала. Она пришла въ себя, вспомнивъ, что старый пьяница, ея отецъ, могъ съ минуты на минуту вернуться и что потерянныя теперь удобныя минуты могутъ никогда не встрѣтиться... Въ другой разъ у нея, пожалуй, не хватитъ храбрости... Она поспѣшно рѣшилась и потихоньку спустилась въ огородъ. Мелкими легкими шагами она прокралась по тропинкѣ и пройдя сзади молодого человѣка схватила брошенную имъ мотыку и принялась разрыхлять землю.

Донъ Джорджіо услыхалъ стукъ желѣза, разбивающаго земляные комья, и подумалъ:

— Этотъ болванъ Марко желаетъ надуть меня; когда я стану ему говорить, что онъ поздно вернулся, онъ мнѣ отвѣтитъ: «О, господинъ куратъ, я уже больше часу работаю въ огородѣ! Вы по своему обыкновенію задумались и не слыхали, какъ я пришелъ!» Но съ какою силою онъ разрыхляетъ землю!.. Гдѣ могъ этотъ мошенникъ набраться столько силы?

Онъ быстро повернулся, увидалъ Кристину и остолбенѣлъ.

— Кристина!..—проговорилъ онъ, спустя нѣсколько минутъ; голосъ его дрожалъ отъ сильнаго волненія.—Кристина!..

Она выпрямилась и взглянула на своего повелителя съ невыразимою и боязливою нѣжностью.

Донъ Джорджіо понялъ, что роковая минута, которой онъ такъ опасался и такъ безумно желалъ, наконецъ, наступила, и что теперь не въ его власти избѣжать или отдалить ее. Съ этой минуты онъ отказался отъ всякой мысли о сопротивленіи, подъ вліяніемъ убѣжденія въ неизбѣжности, которое иногда дѣйствуетъ будто гипнотизированіе собственнымъ *я* самого собою и не менѣе, чѣмъ самая безумная страсть, увлекаетъ и подчиняетъ впечатлительныя натуры.

— Будь что будетъ,—подумалъ онъ, внутренно радуясь.—Я не звалъ ее; сама судьба привела ее сюда!..

Онъ не спускалъ съ нея глазъ, никогда еще она не казалась ему такъ хороша.

— Какими судьбами вы здѣсь, Кристина? Развѣ вы не работали въ полѣ арендатора Валь-Мишіи? Мнѣ кажется, сегодня утромъ я видѣлъ васъ съ мотыкой на плечѣ, какъ вы шли съ остальными бабами...

Она подумала, что если онъ ее видѣлъ, значитъ онъ искалъ случая увидать ее незамѣтнымъ образомъ, дѣлая видъ, что избѣгаетъ ее; неожиданная радость придала ей мужества.

— Совершенно вѣрно, я была тамъ, но этотъ негодяй меня выгналъ!

— Выгналъ?!

— Да. За то, что я испортила одинъ стебель кукурузы, слишкомъ сильно разрыхляя землю!

— Только за это?.. Вы говорили, что онъ за вами ухаживаетъ...

Кристина вспыхнула, будто ей нанесли оскорбленіе.

— Ухаживаетъ?!.. О!.. Онъ хотѣлъ поступить со мною такъ же, какъ и со многими другими... а такъ какъ я не согласилась, то онъ принялся меня преслѣдовать... Подлецъ этотъ!..

Донъ Джорджіо вздрогнулъ. Спустя минуту онъ продолжалъ шутливымъ голосомъ.

— Влюбился, бѣдняга!.. Онъ тебѣ не нравится?.. Право, онъ красивый мужчина... богатый...—Говоря это, онъ пристально смотрѣлъ на нее.

— О! Донъ Джорджіо!.. Вы меня считаете такой, вы!.. Думаете...

Она не въ силахъ была продолжать. Слишкомъ долго сдерживаемое волненіе разразилось рыданіями. Она задыхалась отъ горя и отъ мучительнаго раскаянія. Ей казалось, что донъ Джорджіо ее больше не любитъ и знать ее не хочетъ... А она почти навязывалась ему!.. Какой стыдъ!..

А онъ, наоборотъ, съ тайнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ея слезы. Онѣ падали на его сердце и нѣжно успокаивали томившій его жаръ.

Конецъ борьбѣ! Онъ добивался невозможнаго. Теперь онъ побѣжденъ... побѣжденъ и счастливъ. Подойдя къ ней, онъ взялъ ее за руку и привлекъ къ себѣ.

— Не плачь, Кристина!.. Я не хотѣлъ тебя обидѣть... Я люблю тебя! Да, это скверно... но я люблю тебя... Уже давно во мнѣ кипитъ кровь... Я вижу тебя во снѣ... все о тебѣ думаю... Ты вѣдь тоже любишь меня... я знаю это, знаю!..

Онъ говорилъ прерывисто, задыхаясь. Грудь его быстро и сильно поднималась и опускалась.

— Кристина! Не знаю, какая судьба, добрая или вѣроломная, сегодня привела тебя сюда; но разъ ты пришла, разъ Господь допустилъ это, ты не уйдешь отсюда. Ты будешь моей, моей на всю жизнь, что бы тамъ ни случилось!..

Онъ увлекалъ ее къ дому; сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, прижимая къ своей широкой груди, на которой она растерянная, застѣнчиво спрятала свое лицо.

— Идемъ домой,—шепталъ онъ,—въ нашъ домъ... въ наши комнаты...

Но она не въ силахъ была сдѣлать шагу, силы оставили ее, она чувствовала, что сейчасъ упадетъ.

— Такъ я понесу тебя... хочешь, съ торжествомъ понесу... моя... моя.

Приподнявъ ее своими сильными руками, онъ понесъ ее съ почти материнскою нѣжностью... Солнце опускалось къ западу; но огородъ былъ еще залитъ свѣтомъ, и на вѣтвяхъ ивы чернѣлъ трусливый символъ рабства, лжи, смерти, забытый черный кафтанъ, бросая погребальную тѣнь. А на дорожкѣ, по ту сторону ограды, стоялъ арендаторъ, выгнавшій Кристину, злобно глядѣлъ на это черное платье и съ проклятіемъ и насмѣшкой указывалъ на завѣшанныя окна дома.

Глава VII.

Въ Кашина Гранде.

Наступили радостные дни осенней жатвы, тѣмъ болѣе радостные, что урожай кукурузы былъ обильный.

Вечеромъ, послѣ ужина, мужики и бабы большимъ кругомъ садились вокругъ тока, передъ каждымъ изъ нихъ лежала куча кукурузныхъ метелокъ, а въ рукахъ у каждаго находился желѣзный крючокъ, чтобы отдѣлять изъ початковъ зерна кукурузы.

Марія Скарамелли сидѣла у входа подлѣ фонаря, повѣшеннаго на гвоздь и служившаго единственнымъ освѣщеніемъ для всѣхъ, и работала крючкомъ съ такою быстротою и ловкостью, что очищенное зерно будто чудомъ собиралось съ ея лѣвой стороны, и скоро ей пришлось руками и ногами отбрасывать дальше пустые початки.

— Ни одна изъ насъ не можетъ съ вами сравниться, Марія,— говорили остальныя бабы, впрочемъ безъ всякой зависти,—вы самая ловкая изъ насъ и никогда не устаете, не смотря даже на ваше положеніе!

Она покачала головою съ пріятнымъ чувствомъ удовлетворенности, но ничего не отвѣтила. Ей было непріятно говорить о своей великой надеждѣ, вполнѣ отвѣчавшей ея тайнымъ желаніямъ. Она до такой степени привыкла къ гоненіямъ судьбы, что не была больше способна кому-нибудь довѣряться, — что такъ поддерживаетъ и въ счастьи, и въ несчастьи. Она только не переставала бояться. Послѣ столькихъ страданій и мученій, окружавшій ее покой и ясный горизонтъ, открывавшійся передъ нею, дѣлали ее застѣнчивой, суевѣрной. Ей казалось невозможнымъ, чтобы такъ могло долго продолжаться,—она столько наплакалась! И теперь она по прежнему все въ себѣ скрывала, ревниво охраняя свое счастье, какъ когда-то охраняла горе. Никогда она не жаловалась ни на какую непріятность, скрывая ее, насколько возможно, даже отъ самой себя.

Если ея мужъ оставался внѣ дома дольше, чѣмъ это слѣдовало, если онъ являлся выпивши,—онъ, который въ прежніе годы никогда не заглядывалъ въ кабакъ,—она дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ и никогда не спрашивала его, ни гдѣ онъ былъ, ни что дѣлалъ. Она страшно боялась, чтобы этотъ лобъ не нахмурился, эти глаза,

теперь такіе добрые и веселые, снова не сдѣлались холодными, суровыми, какъ прежде. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ она стала надѣяться быть матерью, она даже не замѣчала, опаздывалъ ли мужъ или нѣтъ; она была такъ занята, нужно было приготовить столько маленькихъ вещей.

И въ этотъ вечеръ Сандро тоже не былъ дома. Онъ взялъ лошадь, вскочилъ на нее и поспѣшно уѣхалъ; по порученію хозяина, сказалъ онъ. Но онъ долженъ былъ скоро вернуться. Она тѣмъ временемъ работала,—работала и напѣвала. Изящная поэзія ея души, и безсознательная жажда откровенности и нѣжности, о которыхъ въ сущности она не имѣла понятія, выливалась въ простой деревенской пѣснѣ.

Ея нѣжный голосъ, запечатлѣнный грустью, пріятно разносился въ мягкомъ воздухѣ осенняго вечера. Крестьяне съ минуту слушали ее молча, съ глубокимъ вниманіемъ; затѣмъ, при первомъ припѣвѣ, увлекшіяся женщины подхватили его, и, послѣ нѣсколькихъ тактовъ, вдругъ, съ какою-то дикостью, прорвались сильные и звучные голоса мужчинъ. Составился хоръ, довольно первобытный, безъ всякихъ знаній, безъ разнообразія тоновъ, но сильный своей грустной монотонностью и, несомнѣнно, не лишенный извѣстной простоты и торжественной прелести. По временамъ, казалось, эти простыя сердца, эти головы, не способныя ни на какую связную мысль, ведущую къ общимъ выводамъ, вдругъ прониклись глубокимъ чувствомъ невыносимаго горя—сознавая весь ужасъ черезчуръ долго продолжавшейся несправедливости. Слышались будто взрывы тоски, крики возмущенія, отчаянія. Остальные работники, молотившіе цѣпомъ по уже очищеннымъ початкамъ, отбивали тактъ съ возвышающеюся силой, образуя странный, чудовищный аккомпаниментъ. Казалось, будто лѣсъ реветъ и трещитъ, изгибаясь подъ могучими порывами вѣтра.

Прошло нѣсколько минутъ, утомленныя руки молотильщиковъ опустились и хоръ понемногу вернулся къ обыкновенной грустной пѣснѣ. Спокойныя лица, рабочія руки не выражали больше необычнаго волненія.

Что же такое случилось? Ничего. Вырвалась наружу небольшая искра подземнаго костра. Инстинктивный взрывъ попраннаго человѣческаго чувства. Но воспламеняющійся матеріалъ еще не былъ готовъ. И несчастные поселяне, придавленные тяжестью невѣжества и нищеты, не въ состояніи были понять таинственный призывъ.

Ясное и прозрачное небо предвѣщало восхожденіе луны. Отодвинувъ въ сторону кучи кукурузныхъ кочерыжекъ, которыя должны были еще подвергнуться дѣйствію цѣповъ, чтобы выдѣлить изъ нихъ послѣднія, крѣпко сидящія въ гнѣздахъ зерна, работники граблями разсыпали зерно по току или развѣшивали кукурузные картузы,—хорошо вычищенные и высушенные они служатъ для набивки сѣнниковъ и вмѣсто соломы идутъ на подстилку скоту.

Марія внимательно прислушивалась къ стуку колесъ приближавшейся телѣжки. Это долженъ быть Сандро. Но прежде чѣмъ телѣжка подъѣхала, во дворъ вошелъ хромой старикъ, въ одеждѣ на половину крестьянской, на половину церковнаго сторожа, и сильно жестикулируя и что-то болтая, обратился къ молодой женщинѣ. Это былъ ея отецъ, Марко Скарамелли. Она почувствовала, словно ударъ въ сердце. О! Что-нибудь скверное случилось въ Джелѣ, въ церковномъ домѣ. Кристина!. Но она не имѣла времени спросить.

— Меня выгнали!—кричалъ Марко.—Меня выгнали, оба, дряни, оба... несмотря на его санъ, оба свиньи!..

Любопытные крестьяне, всегда готовые позлословить, окружили пьяницу, который оралъ, словно бѣшеный. Всѣ знали, о комъ идетъ рѣчь; связь молодого курата съ красавицей Кристиной служила предметомъ разговора не на одну милю въ окрестности.

Марія вся похолодѣла.

— Замолчи; умоляю тебя, замолчи!—пробовала она сказать отцу.

Но тотъ не слушалъ ее.

— Выгнали! Выбросили на улицу вмѣстѣ со всѣми моими пожитками!—и онъ указалъ на узелъ, висѣвшій на его лѣвой рукѣ и котораго Марія сначала не замѣтила.

— Васъ выгнали потому, что вы не хотѣли перестать пьянствовать,—замѣтилъ нѣкій Бернардо, человѣкъ серьезный, не занимавшійся сплетнями.—Господинъ куратъ вполнѣ правъ, вы сами во всемъ виноваты.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, всѣ перешли на сторону Бернардо и Марко почувствовалъ, что надъ нимъ смѣются. Но онъ все же не признавалъ себя побѣжденнымъ.

— Ложь! Все клевета... Все выдумки. Будь это за пьянство, уже давно онъ прогналъ бы меня!.. Въ прошломъ году я не переставалъ пить! Боже! Что я только пилъ! Чудо, если я не выпилъ у него всего погреба. Но онъ меня не прогналъ тогда, потому что, покамѣсть я тамъ былъ, иногда заходила Кристина!.. Тогда я могъ напиваться!..

Присутствовавшія бабы разразились хохотомъ. Онъ становился все храбрѣе и продолжалъ кричать:

— Ну да! Теперь господинъ куратъ его выгоняетъ; только теперь онъ замѣтилъ, что онъ, Марко, пьяница, ну да, теперь, когда милая у него въ домѣ и онъ не желаетъ имѣть свидѣтелей! А она, эта... хуже его! Она оставляетъ своего отца на улицѣ, вмѣсто того, чтобы обезпечить его на всю жизнь, разъ ужъ занялась этимъ прекраснымъ ремесломъ, эта!..

Слушатели кто смѣялся, кто бранилъ его, но всѣ слушали, находясь подъ очарованіемъ какого-то нездороваго любопытства. А онъ былъ страшенъ и смѣшонъ. Худой, какъ мумія, съ трясущимися ногами, съ багровымъ отъ пьянства лицомъ и ввалившимися глазами мертвой

рыбы; одежда едва на немъ держалась. Онъ внушалъ ужасъ и отвращеніе. Марія и не пыталась больше заставить его молчать,—она поняла, что это невозможно. Наконецъ, вернулся Сандро, она ожила и поспѣшила въ короткихъ словахъ разсказать ему все.

Сандро по прежнему былъ красивъ, ловокъ и глядѣлъ съ высока; подойдя къ старику и взглянувъ ему прямо въ лицо, онъ сказалъ ему сухо, но спокойно:

— Мы идемъ спать; весь день мы работали и устали; я долженъ сейчасъ запирать ворота и потому извините, но уходите!.. Приходите въ другой разъ и въ болѣе удобное время...

Говоря это, онъ старался вытолкать старика вонъ со двора.

— Ха, ха, ха!—захохоталъ Марко, напавъ на зятя и съ такой силой оттолкнувъ его на середину двора, какой нельзя было ожидать отъ старика, едва державшагося на ногахъ.—Я хочу здѣсь остаться!—закричалъ онъ.—Здѣсь. Ты долженъ содержать меня. У меня никого нѣтъ больше.

Въ первую минуту Сандро растерялся отъ неожиданнаго нападенія, но опомнившись, онъ сразу выпрямился и сильнымъ толчкомъ отбросилъ буяна къ воротамъ. Между ними завязалась драка. Присутствующіе пытались разнять ихъ, Марія со слезами умоляла ихъ перестать, но все было напрасно.

Остальныя бабы, по обыкновенію, кричали отъ страха.

Старикъ, наконецъ, ослабѣлъ, но въ послѣднюю минуту, чувствуя, что вынужденъ будетъ обратиться въ бѣгство, онъ изо всей силы закричалъ:

— Ладно! Ты гонишь меня. А я пойду къ твоему брату и разскажу, что я видѣлъ тебя съ его женой и разскажу, какъ и когда!..

Взбѣшенный конюхъ нанесъ тестю такой пинокъ ногою, что тотъ кубаремъ вылетѣлъ за ворота.

Глава VII.

Новая борьба.

Донъ Джорджіо Кастеллани бродилъ по полямъ будто грѣшная душа, блѣдный, нахмуренный, съ измученными глазами. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и произносилъ только самыя необходимыя слова. Дома, оставаясь одинъ съ Кристиной, онъ старался казаться покойнымъ; училъ ее читать и писать, чтобы чѣмъ-нибудь занять ее и себя, а затѣмъ подъ предлогомъ нужной работы запирался въ своемъ кабинетѣ. Въ его душѣ шла страшная борьба.

Послѣ того перваго безумнаго дня, когда человѣческая природа взяла верхъ надъ намѣреніями и убѣжденіями духовнаго лица, онъ сталъ размышлять о своемъ поступкѣ, мучимый сомнѣніями и тоской. Такимъ образомъ, въ то время, когда поселяне обвиняли его, что онъ

выгналъ Марко, чтобы чувствовать себя свободнѣе со своей возлюбленной, онъ готовъ былъ растворить всѣ входы и выходы и показать всю свою жизнь пытливымъ глазамъ публики.

Онъ былъ не изъ тѣхъ, что готовы вступать въ сдѣлки съ обычаями и религіей. Пылкій, увлекающійся, сильный и простодушный, онъ не умѣлъ выбраться изъ затрудненія съ обычными увертками слабыхъ и лицемѣровъ. Для него былъ возможенъ только одинъ прямой и роковой выходъ—что-нибудь безумное, но никогда не подлость. Онъ не создавалъ теорій, онъ только чувствовалъ, весьма возможно не отдавая даже себѣ въ этомъ отчета. Это была энергичная натура, подстрекаемая мистицизмомъ, пріобрѣтеннымъ подъ вліяніемъ первоначальнаго воспитанія. Въ то же время онъ былъ щепетиленъ до крайности и могъ назваться честнымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Высшее начальство знало его и глубоко его уважало и, несмотря на это, держалось того мнѣнія, что онъ никогда не сдѣлаетъ карьеры и что его слѣдуетъ держать въ деревнѣ.

Одинъ изъ его старыхъ друзей, служившій въ епископской канцеляріи въ Павіи, говорилъ: «Кастеллани не знаетъ цѣны словамъ, а потому карьеры не сдѣлаетъ».

А Кастеллани былъ человѣкъ рѣшительный. Если бы съ кѣмъ-нибудь завязалась отечественная война, онъ сталъ бы подъ ружье; онъ говорилъ это и никакъ не могъ понять, почему его обязанности священника должны были исключать его обязанности гражданина.

Такъ же здраво смотрѣлъ онъ и на свои обязанности относительно Кристины. Несмотря на всю свою страстную любовь, если бы Кристина не оказалась тѣмъ, чѣмъ она была, то-есть вполнѣ ему преданнымъ и чистымъ существомъ, онъ съ силою вырвалъ бы изъ сердца эту привязанность и пожертвовалъ бы любовью своимъ обязанностямъ священника. Послѣ перваго взрыва страсти, онъ изнывалъ отъ тяжести раскаянія. Но онъ не столько каялся въ совершенномъ грѣхѣ,—онъ зналъ, что Господь проститъ; его мучило жестокое сомнѣніе, какъ правильнѣе поступить, бросить ли на произволъ судьбы любимую женщину, или же продолжать нарушать обѣщаніе, данное передъ Богомъ и людьми. Онъ прекрасно зналъ, что многіе изъ его товарищей, находившіеся въ подобномъ положеніи, легко изъ него выпутывались.

Что въ томъ, что это будетъ еще одна лишняя жертва въ мірѣ—дѣвушка, брошенная на позоръ, въ нищету, доведенная до отчаянія; но зато человѣкъ, носящій его санъ, былъ бы спасенъ. Господь проститъ!

Какой злой духъ внушилъ ему мысль, что божеское прощеніе не въ силахъ исправить дѣйствительное зло, нанесенное кому-нибудь изъ себѣ подобныхъ? Кто ее внушилъ ему? Была ли это чрезвычайная совѣстливость честнаго человѣка, или особая преданность свѣтской чести?.. Или страсть его прикрывалась такими мыслями?.. Или, нако-

нецъ, это было болѣе правильное пониманіе религіи и налагаемыхъ ею обязанностей?..

Въ первые дни послѣ своего пораженія, когда голова его еще кружилась, онъ вообразилъ себѣ жизнь во спасеніе, полную мученій, но сіяющую красотой и поэзіей.

Дѣвушка, полюбившая его, была одна на свѣтѣ, кромѣ него у нея никого не было; онъ, слѣдовательно, отвѣчалъ за эту душу, за эту жизнь; совѣсть не позволяла ему уменьшать софизмами эту отвѣтственность; слѣдовательно, какъ онъ это уже раньше говорилъ, она должна оставаться у него, въ его домѣ, единственномъ для нея убѣжищѣ. Въ этомъ отношеніи измѣнять нечего. Но... развѣ эта совмѣстная жизнь не можетъ быть безгрѣшной, святой, вполнѣ идеальной? Развѣ они не могли, уже вкусивъ изъ чаши упоенія, сорвавъ божественный цвѣтокъ любви, жить рядомъ и оставаться друзьями, связанными братскою любовью, быть мучениками идеи?!. Чудная мечта!.. Онъ лелѣялъ эту мечту, стремился создать изъ нея дѣйствительность. Предположить, что эта деревенская дѣвушка, невѣжественная, невоспитанная, только отличавшаяся идеальной красотой, съ увлеченіемъ проникнется мистической поэзіей самопожертвованія...

Прошло четыре мѣсяца, и донъ Джорджіо не нарушилъ своихъ обѣщаній, но пересталъ вѣрить въ возможность сдерживать ихъ вѣчно. Страшная тоска овладѣла имъ. Онъ понялъ, что былъ слишкомъ самонадѣянъ,—что онъ отчасти лицемѣрилъ, отчасти былъ іезуитомъ.

Ужасная дилемма все яснѣе и яснѣе развертывалась передъ его глазами, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Кристина изгнала неисправимаго старика, своего отца, который напивался, таскалъ что ни попало и пьяный оскорблялъ ее.

Малодушно покинуть Кристину, послѣ того, какъ онъ ее обезчестилъ; отдать ее во власть ея враговъ, нищеты, отчаянія, или же сбросить эту одежду, разорвать свои клятвы,—однимъ словомъ, сбросить санъ священника и жениться на Кристинѣ. Другого выхода изъ этой путаницы онъ не видѣлъ. Что за мученіе! Ему нужно было рѣшаться скорѣе. Эти колебанія раздражали его самого, но все же у него не хватало силъ.

Онъ зналъ многихъ священниковъ, вернувшихся къ свѣтской жизни. По большей части все это были талантливые люди; они спасли свою совѣсть, но нельзя сказать, чтобы они были счастливы. Съ другой стороны тѣ, которыхъ онъ зналъ были все ученые позитивисты, вѣра у нихъ мало-по-малу исчезла подъ ножомъ изслѣдователя. Они спокойно сбросили священническую одежду. Для нихъ подобный поступокъ не представлялъ никакой трудности. Но для него, глубоко вѣрующаго, полнаго религіознаго мистицизма, философствующаго только благодаря привычкѣ наблюдать и мыслить, но мало знакомаго съ этой наукой, для него, бѣднаго деревенскаго священника, разорвать съ прошлымъ представляло неимовѣрныя затрудненія.

Склонившись у подножія алтаря онъ горячо и со слезами молился, чтобы Господь послалъ ему внушеніе, пролилъ бы лучъ свѣта, который могъ бы ему указать истинный путь. Въ сущности о чемъ онъ молился? О томъ, чтобы имѣть возможность жить честно, не лицемѣря, не стѣсняясь, со спокойною совѣстью, не терзаясь мучительными сомнѣніями. Но Господь не внималъ ему и гнѣвно отвратилъ отъ него свое лицо.

Мало-по-малу сердце его застывало, совѣсть умолкала; даже молитва теряла смыслъ; церковь пустѣла, вѣчно присущее въ ней божество удалялось. Его слабѣющая вѣра обращалась въ миражъ, въ призракъ. Въ такія минуты онъ могъ отъ нея отречься. Хотя подобное состояніе души приносило ему желательный покой, ясность сужденія, проявленіе убѣжденія, онъ все-же страдалъ отъ него, терялъ силы и дѣлался какимъ-то безжизненнымъ. И затѣмъ изъ мрачной глубины страдающаго сердца поднимался смутный страхъ. Страхъ вещественный, предметный, подлый, гнетующій, холодящій.

Разорвать съ прошлымъ; отречься отъ всего послѣ столькихъ лѣтъ; нарушить клятву, подвергнуться осужденію самыхъ дорогихъ друзей и выйти одному, безъ поддержки, въ совершенно новое для него общество, недовѣрчивое, безстыдное, враждебное. А затѣмъ что ему дѣлать?.. Какому труду посвятить свои силы?.. Чѣмъ добывать пропитаніе для себя и для Кристины?

Гдѣ? Въ деревнѣ?.. Въ городѣ?.. Выдти изъ духовнаго званія, значитъ имѣть мужество сознаться: «Я ошибся, принципы, проповѣдуемые вами, меня больше не удовлетворяютъ», или сказать: «Превосходство, приписываемое мнѣ, выдуманы, я—слабый человѣкъ».

Конечно тѣ, кто его пойметъ, будутъ ему сочувствовать и протянутъ руку. Истинно великія души существуютъ въ мірѣ; ему случалось читать много книгъ, наполненныхъ возвышенными мыслями, написанныхъ дѣйствительно свободомыслящими людьми. Но какъ явиться къ этимъ людямъ?.. Какъ искать ихъ въ толчеѣ обыденной жизни?.. А если онъ ошибется?.. Если человѣкъ, по виду либеральный и развитой, къ которому онъ обратится, окажется полонъ предразсудковъ или почувствуетъ къ нему какую-то непреодолимую, наслѣдственную непріязнь, позволяющую даже разумному человѣку говорить: попъ всегда останется попомъ, сколько онъ ни отрекается отъ своего сана...

О, будь прокляты тѣ, которые отдали его, ничего не понимавшаго ребенка въ семинарію, заставивъ его заплатить дорогою цѣною за воображаемыя выгоды. Будь они прокляты, когда исказивъ его юношескій энтузіазмъ и стыдливую нѣжность его страстной души, они обманули его и, запятнавъ вѣчную истину лживымъ наименованіемъ призванія, воспользовались первыми откровеніями юной души, инстинктивно стремившейся къ небу. Будь они прокляты! Прокляты!

Оставаясь одинъ въ полусумракѣ маленькой церкви, лежа на ступеняхъ алтаря лицомъ въ землю, онъ плакалъ и проклиналъ.

Какъ-то утромъ довѣренный человѣкъ принесъ ему письмо изъ епископской консисторіи. Онъ давно уже ждалъ этого письма и теперь, держа его въ рукахъ, онъ получилъ будто электрическій толчокъ. Онъ узналъ почеркъ своего стараго друга, служащаго въ консисторіи.

— Вотъ оно!—подумалъ онъ съ нѣкоторою злобною радостью и вдругъ прибавилъ, будто подъ вліяніемъ внезапнаго предчувствія—и вотъ оно, разрѣшеніе вопроса!

Въ пакетѣ заключался вызовъ его епископомъ для словесныхъ переговоровъ, Ad audiendum verbum,—съ глазу на глазъ, и секретное письмо его друга. Добрякъ, съ большимъ жизненнымъ опытомъ, привыкшій къ подобнымъ дѣламъ, предупреждалъ юношу, что нѣкоторыя, черезчуръ смѣлыя вещи достигли ушей его старшихъ. Было даже произнесено слово «скандалъ». Его и не обвиняютъ особенно, Боже мой! Молодой священникъ, и притомъ эта страшная деревенская скука!.. Его прекрасно понимаютъ, сочувствуютъ ему... Но монсиньоръ недоволенъ скандаломъ. Въ настоящія времена невѣрія, когда у церкви столько враговъ, все можетъ вредить, и внѣшность получаетъ чрезвычайную важность. Онъ можетъ выпутаться съ честью,—говоря ему по дружбѣ, по той старой дружбѣ, такъ хорошо ему извѣстной,—даже при нѣкоторой ловкости, можетъ воспользоваться случаемъ и улучшить свое положеніе, прося о переводѣ въ болѣе богатую мѣстность; въ этомъ ему навѣрно не откажутъ; но для этого ему нужно какъ можно скорѣе явиться, принести покаяніе и выразить сожалѣніе, для чего нужно разстаться съ дѣвчонкой. Уничтоживъ причину скандала ему не трудно будетъ вполнѣ оправдаться. Многое можно будетъ свалить на страсть народа къ сплетнямъ и на недостатокъ религіозности, существующій въ городахъ и деревняхъ.

Весьма понятно, что этому другу и въ голову не приходила мысль о томъ, что донъ Джорджіо можетъ выказать сопротивленіе, и потому онъ ограничился только этимъ увѣщаніемъ, повторивъ нѣсколько разъ о необходимости удалить прелестную грѣшницу, какихъ бы это ни стоило жертвъ. Все сказанное онъ скрѣпилъ весьма изящнымъ латинскимъ изреченіемъ, свидѣтельствовавшимъ, что почтенный отецъ былъ ученымъ поклонникомъ изящной литературы и въ прошломъ питалъ снисходительную дружбу ко многимъ прекраснымъ грѣшницамъ.

Пока донъ Джорджіо читалъ это любопытное посланіе, въ душѣ его все болѣе и болѣе прояснялось. Спалъ послѣдній покровъ и послѣднее сомнѣніе было побѣждено. Довольная улыбка пробѣжала по его губамъ и широкая грудь выпрямилась отъ прилива мужества. Побѣжденъ! Но на этотъ разъ онъ побѣдилъ. Онъ шелъ на встрѣчу будущему, высоко поднявъ голову и съ сверкающими глазами, не сомнѣваясь въ своихъ обязанностяхъ, увѣренный въ самомъ себѣ.

Глава IX.

Кристина.

По деревнѣ ходилъ слухъ, что Марко Скарамелли исчезъ. Умеръ. Несомнѣнно умеръ. Но какъ? Когда? Въ точности никто не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Послѣ той сцены въ Кашина Гранде его видѣли въ окрестностяхъ то здѣсь, то тамъ, онъ просилъ милостыню. На третій день утромъ его видѣли въ Валь-Мишіи, близъ дома Піетро Рамполди. Онъ пришелъ, чтобы привести въ исполненіе угрозу, сдѣланную имъ своему зятю. Всѣ это знали. Но Піетро не былъ дома, а Вирджинія должно быть хорошо приняла врага; многіе даже увѣряли, что, вѣроятно, догадавшись по его лицу о его злобномъ намѣреніи, она заставила его дорого заплатить за все и за дочку вмѣстѣ,—и прибавляли, что видѣли этого пьяницу совсѣмъ притихшаго и едва двигавшагося. Но куда онъ затѣмъ отправился?.. Никто этого не зналъ!.. Какой-то мальчишка изъ Джела утверждалъ, что видѣлъ его на дорогѣ въ Казоратъ, съ плетеной корзинкой подъ мышкой. Но бабы замѣтили:

— Въ Казоратъ, въ пятницу, ходилъ новый конюхъ изъ Валь-Мишіи и булочникъ; они должны были-бы тоже замѣтить его!

Такимъ образомъ прошло девять дней. Въ Кашина Гранде жена Сандро родила мертвую дѣвочку двумя мѣсяцами раньше срока и сама чуть не умерла.

— Во всемъ виновата эта негодяйка ея сестра,—говорилъ арендаторъ Валь-Мишіи въ кругу своихъ рабочихъ. Онъ пробовалъ возбудить крестьянъ противъ молодой дѣвушки, разсчитывая на то, что куратъ испугается скандала и прогонитъ ее; мстить такъ пріятно.

Нунціата Мерони, стремившаяся пріобрѣсти благосклонность хозяина, произнесла своимъ льстивымъ голосомъ:

— Да, Кристина поступила дурно, очень дурно! Все можно простить,—но выгнать отца, выбросить его на улицу,—это нѣтъ. Стыдъ, позоръ! Не говоря уже о томъ, что присутствіе старика въ домѣ охраняло ее отъ людскихъ сплетенъ. Но разъ она стала дурной уже до того, что презираетъ мнѣніями людей!..

Старухи важно, кивкомъ головы, согласились, а молодыя, менѣе красивыя, чѣмъ Кристина, улыбнулись. Даже многіе молодые люди, которые еще такъ недавно пожертвовали бы жизнью ради Кристины, теперь позволяли себѣ поносить ее. Одинъ только старикъ Мелика, попрежнему любившій обѣихъ самыхъ близкихъ подругъ своей несчастной Джуліи, упрекнулъ старуху въ злословіи. Но вѣдь Мелика былъ не въ своемъ умѣ и потому его замѣчанія считались ни во что!

Кристина не смѣла выйти изъ дома; если ей случалось спуститься въ огородъ, то мальчишки, игравшіе на улицѣ, бросали въ нее ка-

меньями. И какими они словами ругали ее! Она про себя возмущалась. Трусы! Всѣ противъ одной женщины. Будто она первая согрѣшила. Отчего они ничего не замѣчаютъ ни за своими матерями, ни за своими сестрами, которыя дѣлаютъ вещи похуже? О, трусы!.. Она готова была бы выбѣжать на улицу и надавать пощечинъ этимъ нахаламъ! Но она очень хорошо понимала, что скандалъ упадетъ на голову священника, что тутъ пострадаетъ его достоинство, его репутація, и она старалась сдержать себя.

Утромъ на девятый день послѣ исчезновенія Марко, изъ Кашина Гранде пришла женщина съ порученіемъ къ Скарамелли.

— Меня послала ваша сестра... О, не пугайтесь! Она дѣйствительно больна, и еще очень больна, но, какъ видно, докторъ спасъ ее отъ опасности. Дѣло идетъ не о ней, а о васъ. Вы не знаете?.. Тамъ внизу въ канавѣ нашли трупъ вашего отца. Должно быть, искалъ лягушекъ и свалился въ ровъ; вѣрно былъ пьянъ. Но тамъ разсказываютъ, что онъ бросился въ воду въ отчаяніи, и обвиняютъ васъ. Они собираются придти сюда и дать вамъ урокъ. Нужно ихъ теперь видѣть,—точно дьяволъ въ нихъ вселился. Поэтому ваша сестра послала меня и совѣтуетъ вамъ не выходить изъ дома... и нигдѣ не показываться.

Кристина была ошеломлена, будто получила ударъ по головѣ, у нея было только одно ясное сознаніе, давшее ей силы перенести его,— Марія подумала о ней, несмотря на свою болѣзнь и горе, слѣдовательно Марія ее по прежнему любитъ! Собравшись съ силами, она сказала:

— Благодарю, благодарю. Скажите моей сестрѣ, что я ей очень благодарна. Я не выйду изъ дома, исполню всѣ ея желанія; пусть она за меня не боится, а бережетъ свое здоровье. Я именно хотѣла сходить къ ней, но... Вотъ еще, отнесите ей эти свѣжія яйца, немного масла и бѣлый хлѣбъ... Бѣдная Марія, пусть она побережется!.. А это вамъ...

Она ходила по кухнѣ, собирала различные продукты и укладывала ихъ въ корзину. Она сильно раскраснѣлась, волновалась и была очень нервна. Крестьянка тѣмъ временемъ думала:

— Сколько хлѣба, сколько яицъ!.. Можетъ въ волю ѣсть, вотъ счастье-то!

— Что касается старика,—заговорила Кристина, голосъ ея дрожалъ,—я просила прогнать его, или лучше сказать я прогнала его за то, что онъ понемногу ограбилъ весь погребъ курата, на все отвѣчалъ ему грубостями и требовалъ еще, чтобы я за него заступалась!.. Выгоните его или выгоните меня,—сказала я курату; еслибы онъ еще былъ живъ, я бы поправила то, что сдѣлала.

— Ради Бога не говорите этого!—просила крестьянка.—Послушали бы вы ихъ тамъ. Они всѣ стоятъ за него. Въ ихъ глазахъ онъ умеръ, какъ святой. И всѣ они противъ васъ!

— Утопился!—проговорила Кристина, пожимая плечами.

Бросивъ работы за часъ до солнечнаго захода, сильно возбужденная толпа мужчинъ и женщинъ направилась въ Джелъ, чтобы повидать Скарамелли и отдѣлать ее по заслугамъ. Они шли съ крикомъ и гамомъ, подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ обитателей Валь-Мишіи.

Тѣмъ временемъ власти и докторъ со всѣми подробностями осматривали трупъ и не найдя насильственныхъ знаковъ, констатировали смерть добровольную или случайную, и исполнивъ всѣ нужныя формальности, приказали отнести его въ Джелъ и немедленно похоронить въ виду уже начавшагося гніенія.

Болѣе мирно настроенные поселяне ожидали возможности проводить тѣло на кладбище, но буяны не хотѣли ждать. Тѣмъ болѣе, что шествіе могли сопровождать и полицейскіе, прибывшіе съ судебнымъ слѣдователемъ, а буянамъ вовсе не улыбалось имѣть ихъ подлѣ себя.

Дорогой толпа увеличилась и, подойдя къ бѣлому священническому домику съ наглухо закрытыми окнами и дверями, дала о себѣ знать криками и свистомъ.

Донъ Джорджіо и Кристина находились въ небольшой гостиной, находившейся въ серединѣ дома между четырьмя комнатками, по двѣ съ каждой стороны, а зъ глубинѣ выходившей на лѣстницу. Онъ казался спокоенъ, веселъ, а она трепетала отъ гнѣва.

— Скарамелли сюда!—кричала взбѣсившаяся толпа.—Подайте сюда ту, которая убила своего отца!

— Выходи!—пищали бабы.—Покажи намъ свое мерзкое красивое личико...

Онѣ хотѣли ее высѣчь, а если она не выйдетъ, онѣ сами поднимутся и вытащатъ ее, чтобы дать ей хорошій урокъ.

— Выходи! Выходи! Выходи!—кричали всѣ.

Женщины находились впереди всѣхъ и больше всѣхъ горячились, хуже всѣхъ ругалась Вирджинія Рамполди.

Сжавъ кулаки, стиснувъ зубы, Кристина стояла у закрытаго ставней окна, глаза ея метали молніи. Нервы ея были сильно напряжены. Проклятіе вырывалось изъ ея красныхъ, будто налитыхъ кровью, губъ. Послышался стукъ камня, другого!..

Она не въ силахъ была больше сдерживаться. Она хотѣла встрѣтить своихъ враговъ лицомъ къ лицу.

— Донъ Джорджіо, выпустите меня! Они уже ломаютъ двери, несправедливо, чтобы вы за меня пострадали!.. Они меня требуютъ!.. Пустите меня!.. Пустите!..

И она съ силою вырывалась изъ его крѣпкихъ рукъ. Но онъ удержалъ ее будто очарованную, а по его лицу пробѣгала улыбка жалости и снисхожденія. Казалось онъ забылъ всѣ непріятности этой тяжелой минуты, будто его душа, переполненная любовью и свѣтомъ, не могла воспринять ни одной мрачной мысли. Онъ съ волненіемъ повторялъ ей своимъ глубокимъ голосомъ, исходившимъ будто изъ сердца.

— Мужайся! Не падай духомъ. Не поддавайся гнѣву, который есть слабость. Вѣдь эти люди—несчастные, обманутые, погрязшіе въ невѣжествѣ; они увѣрены, что защищаютъ правду, увѣрены, что поступаютъ хорошо.

— Но не Вирджинія, не Мерони, и—многія другія. Это все негодяйки!..

— Пусть себѣ кричатъ; что тебѣ до нихъ?.. Онѣ, какъ женщины, завистливы. Неужели ты не хочешь пожалѣть ихъ, ты, такая красавица и такъ много любимая?

Это были первыя слова любви, услышанныя отъ него за всѣ четыре мѣсяца, что они жили въ одномъ домѣ,—первыя съ того дня. Они произвели на нее сильное впечатлѣніе.

Тронутая и трепещущая подъ вліяніемъ ласки этого голоса, проникавшаго ей въ сердце, она не находила словъ въ отвѣтъ. Она молчала и задумалась. Воспоминанія тѣснили ее. Въ первый разъ за весь день она подумала о трупѣ своего отца, найденномъ на днѣ канавы, вздувшемся отъ воды, отчасти истлѣвшемъ. Гнѣвъ ея проходилъ; проходило и гордое чувство вызова, не покидавшее ее до этой минуты, и поддерживавшее ея возбужденіе. Она почувствовала страшный упадокъ силъ и изъ глубины ея души вырвалось наружу глухое, необъяснимое страданіе, усиливавшееся съ минуты на минуту.

Этотъ самоубійца, пьяница, этотъ ужасный человѣкъ, выгнанный ею за то, что грабилъ и грязнилъ домъ священника своею собственною грязью, этотъ несчастный человѣкъ былъ ея отецъ!..

Его справедливо выгнали, и Сандро Рамполди былъ правъ, что не захотѣлъ его принять. Но это нисколько не измѣняло ужасной дѣйствительности,—этотъ человѣкъ былъ ея отецъ и его нашли въ канавѣ начавшаго гнить, подобно какой-нибудь падали... Кто знаетъ сколько времени онъ можетъ быть мучился!.. И это ея отецъ!

Эти мысли причиняли ей чисто физическую боль, которая наконецъ стала невыносимою. Камень, брошенный съ чрезвычайною силою, ударился въ ставень совсѣмъ близко отъ того мѣста, гдѣ она стояла; она крикнула и страшныя рыданія вырвались изъ ея груди. Новые страшные образы встали передъ нею. Ея бѣдная сестра, и такъ уже достаточно несчастная, теряетъ свое единственное утѣшеніе, свое созданіе умершее раньше, чѣмъ явилось на свѣтъ!..

А донъ Джорджіо! донъ Джорджіо, по ея винѣ доведенный до позора, до разоренія! Страданія одолѣвали ее и боль все усиливалась и свалила ее. Она стала задыхаться, ей казалось, что, подобно своему отцу, она все глубже и глубже погружается въ холодную и тинистую воду.

А тѣ безумные все еще продолжали кричать и кидать каменья.

У нея явилась новая мысль. Не лучше ли пренебречь опасностью, рискнуть жизнью... Покончить? Распахнуть окно?.. Дать себя побить каменьями?.. Покончить, покончить!

Вынести больше она была не въ силахъ и въ отчаяніи попробовала отворить окно, но Кастелани, который видѣлъ, какъ она страдала, стонала, металась, содрагалась, будто виноградная лоза на огнѣ, отвелъ ее вглубь комнаты, подальше отъ окна, усадилъ подлѣ себя и тихимъ голосомъ заговорилъ о томъ безмѣрномъ горѣ, котораго она не умѣла высказать.

Толпа продолжала шумѣть, но донъ Джорджіо не замѣчалъ ее; по большей части тамъ оставались все бабы и подростки, долго продолжаться это не могло, и дѣйствительно, поломанная въ нижнемъ этажѣ ставня испугала наиболѣе трусливыхъ. Бернардо, крестьянинъ изъ Кашина - Гранде, подоспѣвшій какъ разъ въ это время, заговорилъ о благоразуміи, нѣкоторые не хотѣли его слушать и нѣсколько камней полетѣло еще, но они были плохо направлены и слабо брошены.

Кристина ничего не слышала, кромѣ голоса своего повелителя и мало-по-малу ея угнетенное состояніе успокоилось, слезы полились изъ ея воспаленныхъ глазъ, она опустила голову на грудь молодому человѣку и они оба заплакали. Ночь почти уже наступила. Шумъ прекращался. Бенардо удалось-таки убѣдить самыхъ буйныхъ, сообщивъ имъ о скоромъ появленія карабинеровъ, и при этомъ прибавивъ: «Неужели вы хотите за такую глупость попасть въ тюрьму!..»

Донъ Джорджіо прошелся по потемнѣвшей уже гостиной, подошелъ къ окну и отворилъ его. Буяны разошлись уже, осталось только нѣсколько любопытныхъ. По улицѣ взадъ и впередъ прогуливались два карабинера. Вдали, на большой дорогѣ, виднѣлось похоронное шествіе, освѣщаемое двумя смоляными факелами, отражавшимися въ блестящихъ пуговицахъ полицейскихъ солдатъ; четыре крестьянина несли носилки, на которыхъ лежала какая-то длинная безформенная масса.

Донъ Джорджіо подумалъ, что ему слѣдуетъ отправиться въ церковь. Онъ прошелъ въ свою комнату, надѣлъ священническую рясу, взялъ свой беретъ и вернулся въ гостиную. Похоронное шествіе находилось еще довольно далеко и онъ могъ не спѣшить. Подойдя къ Кристинѣ, все еще продолжавшей плакать, онъ сказалъ ей нѣжнымъ и глубокимъ голосомъ, такъ хорошо на нее вліявшимъ:

— Не плачь. Твой отецъ успокоился теперь. Господь простилъ ему.—Помолчавъ минуту, онъ продолжалъ:—Господь и намъ простилъ! Не плачь, говорю тебѣ. Взгляни на меня. Ты въ послѣдній разъ видишь меня въ этой одеждѣ. Отпѣваніе твоего отца будетъ послѣднимъ исполненіемъ обязанностей, налагаемыхъ на меня моимъ саномъ.

Дѣвушка, поднявшая голову и вытиравшая слезы, вздрогнула и вскричала:

— Что вы хотите сказать?!.

— Пріятную и серьезную вещь. Съ завтрашняго дня я уже болѣе не священникъ, а завтра вечеромъ мы уѣдемъ вмѣстѣ...

— О донъ Джорджіо?!. Возможно ли?..—вскричала она, пристально на него глядя, будто желая убѣдиться, что онъ въ своемъ умѣ.

— Я говорю вполнѣ въ здравомъ умѣ. Это рѣшеніе я могъ бы принять уже достаточно времени тому назадъ, но не такъ легко разрывать съ прошлымъ. Притомъ мнѣ нужно было убѣдиться, что я правильно поступаю. Два дня тому назадъ Господь помиловалъ меня.

— Помиловалъ?!

— Да; ниспославъ мнѣ ясность ума и твердость духа, въ которыхъ я нуждался. Мое высшее начальство требовало, чтобы я тебя покинулъ; цѣною этого мнѣ прощался скандалъ и мнѣ даже обѣщали способствовать повышенію... Не бойся, дорогая моя. Такую нравственность я не въ состояніи признавать. Поступокъ, который считается сквернымъ для всякаго человѣка, не можетъ обратиться въ похвальный для священника. Все уже сдѣлано и подготовлено; завтра я буду имѣть право не надѣвать этой власяницы. Еще нѣсколько недѣль, и ты станешь моей женой передъ Богомъ и передъ людьми... Успокойся теперь, моя дорогая!

Не произнеся ни слова, Кристина инстинктивно подняла къ небу соединенныя руки и полные слезъ глаза, творя нѣмую и горячую молитву.

Глава X.

Судьба.

Крестьяне по опыту знали, что послѣ нѣсколькихъ урожайныхъ лѣтъ, всегда наступаетъ годъ неурожайный; можно подумать, что земля чувствуетъ необходимость отдохнуть. Нѣтъ ни особенныхъ болѣзней, ни чрезвычайныхъ неурядицъ въ природѣ; безъ всякой видимой причины посѣвы растутъ скверно, даютъ мало и крестьяне начинаютъ тревожиться. Весьма часто сюда присоединяются и другія неудачи,—шелковичные черви гибнутъ отъ какой-нибудь непредвидѣнной причины, вдругъ имъ повредившей; несвоевременный холодъ губитъ нѣжные ростки винограда, страдающаго еще отъ различныхъ болѣзней въ родѣ мильдіу или филоксеры. И крестьяне, не слушающіе ученыхъ разсужденій, съ рѣдкою прозорливостью предсказываютъ неминуемыя послѣдствія подобныхъ случайностей. Эти послѣдствія бѣдность и голодъ!

Въ этотъ годъ голодъ посѣтилъ всю низменную ломбардскую долину. Черви болѣли, частью потому, что поздній холодъ весною побилъ листья на шелковичныхъ деревьяхъ, а частью потому, что неожиданные и ранніе жары лишили червей силы какъ разъ въ то время, когда они готовились вить коконы.

— Столько труда!.. Столько расходовъ!—плакались бѣдныя бабы.

— Дурной годъ, — говорили арендаторы, — онъ пройдетъ. Нужно только имѣть терпѣніе.—Но крестьяне только покачивали головами.

Господь наказалъ ихъ! Еще десять мѣсяцевъ тому назадъ, куратъ

поступившій послѣ отъѣзда дона Джорджіо Кастеллани вмѣстѣ съ Кристиной, человѣкъ строгій, ограниченный, обладавшій огромнымъ запасомъ разныхъ страховъ и ужасовъ проповѣдывалъ съ каѳедры близость божеской кары.

Не смѣя затрагивать своего предшественника, любовный романъ котораго наполнялъ его ужасомъ, онъ напустился на общую испорченность нравовъ, на отсутствіе религіи у помѣщиковъ,—слѣдуетъ понимать у арендаторовъ, потому что изъ настоящихъ помѣщиковъ мало кто жилъ въ этой мѣстности,—на пороки крестьянъ. Его громовой голосъ, грубая реторика, не лишенная нѣкотораго краснорѣчія, ошеломили этихъ несчастныхъ, невѣжественныхъ людей, привыкшихъ къ мягкости Кастеллани.

При такихъ обстоятельствахъ, въ виду кукурузы, ростъ которой остановился и заболѣваній риса, видя передъ собою ужасы нищеты и печальную зиму безъ денегъ и безъ провизіи, самые невѣрующіе были потрясены и церковь стала наполняться. Піетро Рамполди, которому нужда грозила больше всѣхъ, первый подалъ примѣръ обитателямъ Валь-Мишіи. Большой участокъ земли, арендованный имъ, давалъ семьѣ довольство, пока братья жили вмѣстѣ, и обратился въ тяжелое бремя, когда его пришлось обрабатывать одному. Но онъ упорствовалъ и старался удержать его за собою; ничто не могло навести такого ужаса на его крестьянское сердце, какъ мысль, что хозяинъ участка можетъ отказать ему. Поэтому онъ работалъ, не покладая рукъ, тратилъ свои небольшія сбереженія; допускалъ Вирджинію губить свое здоровье на непосильной работѣ и наконецъ, сталъ подговариваться къ брату, пытаясь привлечь его обѣщаніями и ласками.

Сандро, снова подпавшій подъ чары своей невѣстки, разрывался на части, стараясь угодить своему брату и его женѣ. Въ сущности у него еще хватало достаточно совѣсти, чтобы испытывать упреки, тяжесть которыхъ тѣмъ скорѣе облегчалась, чѣмъ больше ему удавалось быть полезнымъ брату, которому онъ измѣнялъ. Его грубая честность говорила ему, что весь его трудъ, конечно даровой, служилъ какъ-бы уплатой за измѣну. Конечно, ему не приходило на мысль, что Піетро, который только и думалъ о томъ, какъ бы извлечь изъ него наибольшую пользу и отдалить его отъ дома, для чего и дурно отзывался о бѣдной Маріи, не заслуживалъ такого вниманія.

Между тѣмъ, сильныя жары ухудшили санитарныя условія. Похлебка, едва приправленная льнянымъ масломъ, состояла изъ испорченнаго риса, а проросшія зерна кукурузы не одинъ разъ доставляли муку для поленты. Появились лихорадки, поговаривали о тифозныхъ и другихъ заболѣваніяхъ. Въ Кашина-Гранде Марія Рамполди не могла оправиться послѣ той катастрофы, которая лишила ее надежды быть матерью.

— Этотъ годъ такой скверный,—говорили кумушки.

— Ты потому не поправляешься, что не хочешь выздоровѣть!— бранился докторъ.

И это было правда. Въ двадцать четыре года Марія чувствовала, что жизнь ея кончена. Она знала, что, несмотря на выговоры своего хозяина, Сандро постоянно ходилъ въ Валь-Мишіа помогать своему брату, терялъ такимъ образомъ много рабочихъ дней, придумывалъ предлоги, которые не всегда принимались. Она дѣлала видъ, что ничего не знаетъ. Напрасно всѣ бабы разсказывали ей, что Сандро все дѣлаетъ для Вирджиніи, что они постоянно вмѣстѣ, будто мужъ и жена. Или твердили ей, что арендатору Кашина-Гранде все это надоѣло и что онъ только ждетъ случая, чтобы поймать Сандро на мѣстѣ преступленія и тогда выгнать его. Были и такія, которыя утверждали что его держатъ еще только ради нея; потому что всѣ ей сочувствуютъ, всѣ ее, бѣдную, несчастную жалѣютъ; и еще потому, что господинъ докторъ просилъ за нее.

Она сидѣла, опустивъ голову, скрестивъ руки и едва слышно произносила:

— Что же мнѣ дѣлать?.. Сандро меня не послушаетъ.

И больше не заботилась объ этомъ. Любовь ея, происшедшая изъ ревности въ минуты нравственныхъ мученій, понемногу зачахла, подобно нѣжному цвѣтку, охваченному холодомъ. Она столько выстрадала изъ-за этого человѣка, что не въ силахъ была страдать больше. Съ другой стороны, ея мертворожденный ребенокъ отнялъ у нея навсегда надежду быть снова матерью, слѣдовательно... теперь все кончено.

— Она хотѣла, чтобы я вѣчно о ней думала!—говорила эта бѣдная крестьянка съ тѣмъ чувствомъ глубокой поэзіи, которое всегда ее отличало.

Она хотѣла бы умерѣть, потому что ее грызла мысль, что она не въ силахъ больше такъ работать, какъ прежде и не можетъ быть полезной. Она чувствовала себя старухой, несмотря на то, что еще никогда не была такъ хороша. Болѣзнь, отнявъ у нея возможность исполнять тяжелыя работы, не изуродовала ее физически, напротивъ, помолодила ее. Ея кожа, сожженая солнцемъ, снова побѣлѣла. Ея правильныя черты, исчезавшія подъ нѣсколько грубою полнотою, признакомъ здоровья, которымъ отличаются иногда молодыя крестьянки, утончились и приняли новое, болѣе проникновеное выраженіе. Худоба еще не повредила совершенной гармоніи ея будто скульптированныхъ формъ, которыя казались такими изящными въ гладко-прилегавшей одеждѣ.

Сандро, погруженный въ слѣпую страсть къ своей невѣсткѣ, не замѣчалъ, какъ прежде, такъ и теперь, красоты жены. Ему хотѣлось видѣть ее по прежнему сильной и дѣятельной, особенно теперь, когда она была такъ ему нужна. Онъ сердился на доктора, который, по его мнѣнію, слишкомъ долго лѣчилъ ее. Онъ становился жестокимъ, вол-

новался. Поэтому въ тѣ вечера, когда онъ, окончивъ работу, не возвращался домой ужинать, а направлялся въ Валь-Мишіа, чтобы при лунномъ освѣщеніи работать въ полѣ брата, она не испытывала никакой досады, а скорѣе смутное облегченіе.

Она занималась шитьемъ, пряла, нянчила больныхъ дѣтей тѣхъ матерей, которыя не могли оставаться дома; ея ласковая улыбка, ея доброта и особенная потребность жертвовать собою для блага другихъ, привлекли къ ней всѣ сердца. Она сдѣлалась утѣшительницей всѣхъ страждущихъ.

Какъ-то вечеромъ она встрѣтила во дворѣ старуху, появлявшуюся по временамъ въ той мѣстности и продававшую гадательные орѣхи съ *судьбой* внутри. Она остановилась противъ Маріи и спокойно проговорила:

— Вы, замужняя женщина, идете навстрѣчу несчастью и счастью. Несчастье коснется всей страны. Счастье, если вы не сумѣете захватить его, уйдетъ отъ васъ.

— О, что касается до этого,—воскликнула одна молодая дѣвушка, слушавшая ее,—ей не стоитъ предсказывать, она никогда не сумѣетъ захватить счастье!

— А несчастье?—спросила Марія, улыбаясь.

— Несчастье,—продолжала раздавательница *судьбы*,—можетъ также обратиться въ счастье для васъ!.. Его можно поторопить, разсказавъ Піетро все, что происходитъ... Найдутся люди, которые это сдѣлаютъ за небольшую плату...

Марія заглушила крикъ и съ негодованіемъ и тоской убѣжала. Старуха ушла весьма недовольная, что ошиблась въ разсчетахъ.

Глава XI.

Докторъ.

Докторъ Карло Кіари, который особенно внимательно лечилъ Марію, былъ ни слѣпъ, ни несправедливъ, ни нечувствителенъ, такъ какъ не страдалъ разнузданной страстью подобно Сандро.

Жизнь этого молодого человѣка, образованнаго и честолюбиваго, осужденнаго бѣдностью начинать карьеру въ такомъ несчастномъ захолустьи, давала ему мало радостей, но много хлопотъ. Работа и скука его одолѣвали. И если вѣчно бодрствующее честолюбіе его не позволяло ему терять будущее изъ вида, то оно нисколько не уменьшало настоятельность требованій настоящаго. Молодость подзадоривала его, а грубыя удовольствія, бывшія у него подъ рукою, его не удовлетворяли. Полное предразсудковъ провинціальное общество въ Павіи, въ которомъ онъ изрѣдка появлялся, наскучило ему. Притомъ онъ не хотѣлъ связывать себя отношеніями того рода, которыя впослѣдствіи

такъ тяжело ложатся на жизнь молодого человѣка. Онъ даже не хотѣлъ жениться, подобно многимъ изъ своихъ товарищей, проповѣдывавшихъ ему покорность судьбѣ. Невѣсты, которыхъ ему хвалили и потихоньку предлагали лица, любящія составлять чужое счастье, ничего не говорили его сердцу, даже не внушали ему необходимой симпатіи, а знаменитыя приданыя оказывались весьма незначительны, не болѣе двадцати тысячъ лиръ *). Онъ съ презрѣніемъ улыбался. Съ спокойнымъ хладнокровіемъ человѣка, сознающаго свое собственное достоинство и не боящагося соперниковъ, онъ стремился занять высокое положеніе въ обществѣ. Но покамѣсть искалъ чего-нибудь, что бы помогло ему легче пережить эти проклятые годы.

Сначала онъ разсчитывалъ на приключенія. Еще студентомъ онъ много наслышался отъ молодыхъ врачей о чрезвычайной любезности знатныхъ и капризныхъ барынь, особенно скучавшихъ отъ бездѣлія въ деревнѣ или на дачѣ. Но прошелъ годъ, другой, и эти надежды умерли и были похоронены. Красивыя, изящныя, капризныя дамы, какихъ онъ себѣ воображалъ, нигдѣ не попадались. Жены арендаторовъ поглядывали на него весьма любезно, и онъ не заставилъ бы себя просить; но игра не стоила свѣчъ; нужно было черезчуръ много жертвовать своей особой,—ухаживать за мужемъ, за свекромъ или тестемъ и за другими родственниками, за старыми дядями и тетками, рискуя тѣмъ, что они могутъ догадаться и кончить дѣло скандаломъ. Однимъ словомъ, обычная путаница любовныхъ связей. Послѣднее время онъ мечталъ о томъ, какъ-бы завести небольшую связь, не лишенную поэзіи, но которая, спустя нѣкоторое время, оставила бы его вполнѣ свободнымъ. Если бы онъ не былъ такъ стѣсненъ въ деньгахъ, онъ бы уже что-нибудь устроилъ.

— Можно взбѣситься отъ этой жизни!—повторялъ онъ иногда своимъ женатымъ пріятелямъ, сопровождая эти слова раскатистымъ смѣхомъ, звучавшимъ, какъ колокольчикъ, и придававшимъ оттѣнокъ даже глупости; бѣлые зубы его при этомъ сверкали изъ-подъ черныхъ усовъ, красиво закрученныхъ.

— По временамъ приходится куда-нибудь удирать, чтобы спастись отъ сумашествія,—прибавлялъ онъ съ холоднымъ видомъ циника.

Онъ отправлялся въ Миланъ и погружался въ оргію, но вѣчный недостатокъ въ деньгахъ обрѣзалъ крылья его фантазіи и притомъ больные оставляли ему мало свободнаго времени, приходилось скоро возвращаться. Нищета страшно губила этихъ несчастныхъ! Кромѣ того, оргіи возбуждали въ немъ отвращеніе, нервы не успокаивались, а сильнѣе раздражались и дѣлали его неспособнымъ къ какой бы то ни было работѣ, а вѣдь онъ вовсе не этого добивался.

Одно время Кристина показалась ему спасеніемъ. Этотъ прекрас-

*) Лира—приблизительно 40 коп.

ный плодъ можно было спокойно сорвать, безъ страха, безъ упрековъ совѣсти. Прошелъ капризъ, она не стала бы ему докучать, она была слишкомъ для этого горда. Но донъ Джорджіо отнялъ у него предполагаемое удовольствіе, проклятый попъ!.. Прошло нѣкоторое время, влюбленные исчезли и скоро стало извѣстно, что они поженились, гнѣвъ доктора прошелъ. Жениться на ней!..

О, нѣтъ! Если таковы были требованія, лучше ничего. Подобное сумасбродство можетъ сдѣлать только какой-нибудь деревенскій куратъ. Отказаться отъ сана священника, чтобы жениться! Отказаться отъ главныхъ выгодъ профессіи! И встрѣчаясь въ кофейнѣ или въ какомъ-нибудь ресторанѣ съ арендаторомъ Валь-Мишія, онъ вмѣстѣ съ нимъ подшучивалъ надъ этой любовью и этой свадьбой.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и все было забыто. Докторъ пересталъ думать о Кристинѣ, и когда съ нимъ объ ней заговаривали, онъ отзывался объ ней хорошо. Страсть прошла и естественное добродушіе человѣка, не имѣющаго предразсудковъ, взяло верхъ.

Дѣло въ томъ, что навѣщая Марію, онъ познакомился съ ней ближе и проникся, самъ того не замѣчая, ея положительной и вмѣстѣ идеальной красотою. Въ дѣйствительности, никто лучше врача не могъ понять эту красоту, развѣ только художникъ. Вначалѣ, изслѣдуя ее, какъ врачъ, онъ кончилъ тѣмъ, что не могъ не любоваться чуднымъ соотвѣтствіемъ всѣхъ частей тѣла, съ такой предусмотрительностью созданнаго природою. Не одинъ разъ, когда бѣдная больная чуть не умирала отъ стыда, онъ со смѣхомъ говорилъ ей:

— Ты напрасно стыдишься... Ты очень хороша! Не шутя. Я никогда не воображалъ, чтобы ты была такое совершенство. Ты красавица. Это говорю тебѣ я, а я въ этомъ достаточно понимаю.

Въ одно утро, только что вернувшись изъ своей поѣздки въ Миланъ, онъ пришелъ къ ней и, не долго думая, сказалъ:

— Не хочешь ли въ слѣдующій разъ прокатиться со мной въ Миланъ?.. Я тебя свезу къ скульптору Гранди, ему нужна натурщица. Лучше тебя онъ, конечно, не найдетъ... О!.. Что у тебя за лицо?.. Конечно, не даромъ, тебѣ за это заплатятъ, будь спокойна.

Она инстинктивно разсердилась, и онъ посмѣялся надъ ней. Однако, въ глубинѣ души онъ почувствовалъ нѣкотораго рода волненіе и во весь этотъ день образъ его молодой больной не выходилъ у него изъ головы, возбуждая въ немъ чувство смутнаго неудовольствія, чуть ли не упрека совѣсти. Съ этого дня докторъ не осмѣливался больше такъ грубо шутить съ Маріей. Она внушала ему уваженіе. Поистинѣ онъ вовсе не желалъ относиться къ ней съ уваженіемъ, это ему казалось скучно и глупо. Но это дѣлалось противъ его воли. Мало подготовленный, онъ былъ вынужденъ сознаться, что это вовсе не была «вздорная матерія», какъ онъ не одинъ разъ выражался, разговаривая съ

кѣмъ-нибудь изъ своихъ товарищей. Какая-то искра оживляла эту блѣдную бронзу такой чудной формы.

Желаніе пробудилось въ немъ совершенно неожиданно. И съ той минуты онъ не имѣлъ покоя. Онъ сдѣлался остороженъ, почти застѣнчивъ. Онъ боялся, что она догадается и не захочетъ больше у него лѣчиться. А онъ во что бы то ни стало желалъ вылѣчить ее и принялся изучать ея болѣзнь съ неутомимою ревностью. Ему казалось, что разъ онъ ее вылѣчитъ, чувство благодарности побудитъ ее полюбить его.

Подъ вліяніемъ подобнаго циническаго эпикуреизма, составлявшаго характеристическую черту его натуры, онъ строилъ множество практическихъ и эгоистическихъ плановъ.

Менѣе соблазнительная и не настолько бросавшаяся въ глаза, какъ Кристина, Марія казалась ему нѣжнѣе, покорнѣе, слѣдовательно предпочтительнѣе. Несомнѣнно, она не надоѣстъ и не причинитъ ему никакихъ хлопотъ, но не изъ гордости, а благодаря кротости которая составляла сущность ея души. Она была именно такая женщина, какая ему была нужна на эти три, четыре, самое большое шесть лѣтъ жизни въ неизвѣстности, на какую онъ можетъ быть осужденъ, если поворотъ счастія не измѣнитъ его положенія неожиданно. По прошествіи нѣкотораго времени онъ уѣдетъ, а она останется, крестьянки не расходятся съ мужьями. Между тѣмъ, эти нѣсколько лѣтъ могутъ пройти очень счастливо. Почему ей не полюбить его, имѣя такого мужа, который смотритъ на нее, какъ на домашнюю утварь. Нужно уже быть слишкомъ глупой, чтобы сопротивляться, а она не глупа.

Проходили мѣсяцы, а, между тѣмъ его прекрасные планы не осуществлялись. Непонятная вещь, болѣзнь упорствовала, будто смѣясь надъ усиліями врача. День за день разговаривая съ Маріей, искусно заставляя ее высказываться, докторъ все болѣе и болѣе убѣждался, что ея добродѣтель была не менѣе жестока, не менѣе упорна, чѣмъ ея болѣзнь. Въ виду этого, онъ тоже становился упорнѣе, поступая въ сущности весьма неблагоразумно. Однако по временамъ онъ терялъ терпѣніе и уходилъ прочь ворча про себя:—Тѣмъ хуже для тебя, дура!

Въ половинѣ лѣта, когда солнце и міазмы истребляли самыхъ бѣдныхъ изъ крестьянъ, докторъ, выведенный изъ терпѣнія, нашелъ предлогъ, чтобы на нѣсколько дней уѣхать; вернувшись, онъ нашелъ столько дѣла въ Джелѣ и Валь-Мишіи, что не имѣлъ времени заглянуть въ Кашина, гдѣ болѣзни не такъ свирѣпствовали.

Въ числѣ больныхъ была также и Вирджинія, умиравшая отъ чахотки, давно уже въ ней гнѣздившейся.

Докторъ былъ молодъ, силенъ и не лѣнивъ, но и у него не хватало силъ, чтобы посѣтить всѣхъ больныхъ; случалось, что въ отдаленныхъ мызахъ многіе бѣдные крестьяне умирали прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ явиться на помощь. Въ одинъ прекрасный день его пригла-

сили въ Кашина-Гранде къ тифозному больному. Онъ немедленно туда отправился, желая посмотрѣть, что дѣлаетъ Марія.

Въѣхавъ во дворъ, докторъ соскочилъ со своей телѣжки и отправился къ больному, къ которому его повела, уже ждавшая его, старая крестьянка.

На огромномъ дворѣ Кашина-Гранде было выстроено шесть зданій. Два очень красивыхъ,—домъ самого арендатора, большой, удобный, снабженный большимъ навѣсомъ, гдѣ складывалась кукуруза, если сборъ ея производился во время дождя; другое зданіе былъ хлѣвъ для скота, и четыре некрасивыхъ, грязныхъ, скверно содержимыхъ, помѣщеній для рабочихъ. Больной тифомъ жилъ въ послѣднемъ домикѣ, почти спрятанномъ за хлѣвомъ, среди навозныхъ испареній. Не въ далекомъ разстояніи, но значительно лучше было помѣщеніе Сандро и Маріи. Они занимали двѣ комнаты, рядомъ съ сѣноваломъ.

Осмотрѣвъ больного по всѣмъ правиламъ, докторъ прошелъ къ Маріи, надѣясь увидать ее. Но ея не было дома. Какая-то худенькая дѣвочка, ткавшая въ какомъ-то помѣщеніи, весьма похожемъ на погребъ, и производившая страшный шумъ своимъ старымъ ручнымъ ткацкимъ станкомъ, замѣтила доктора и, пріостановивъ на минуту свою работу, закричала ему въ оконце.

— Жена конюха прядетъ тамъ, подъ шелковичными деревьями.

Онъ ее нашелъ скоро. Она сидѣла въ тѣни шелковичнаго дерева на опрокинутой телѣжкѣ и пряла. Онъ незамѣтно ускорилъ шаги. Она встала и пошла ему навстрѣчу.

— Ну, Марія, какъ твое здоровье?

— Хорошо, господинъ докторъ.

— Хорошо?.. Не думаю. Ты блѣдна, подъ глазами синяки. Ступай скорѣе домой, я посмотрю тебя. Скорѣе, я тороплюсь.

— О, не нужно...

— Почему не нужно?

Онъ нахмурилъ брови, готовый разсердиться.

— Прошу васъ, не сердитесь!..

— Ну, такъ иди домой.

— Нѣтъ... больше не нужно.

— Что ты тамъ болтаешь?

— Да... Это безполезно.

— Ты мнѣ не довѣряешь больше? — спросилъ онъ, страшно поблѣднѣвъ.

— О! Господинъ докторъ!

— Хочешь обратиться къ другому врачу?

— Никогда! Лучше умереть.

Возраженіе было такъ выразительно, что докторъ вздрогнулъ и внимательно посмотрѣлъ на молодую женщину.

Она не поднимала глазъ отъ нитки, которую сучили ея искусные

*

пальцы; но легкая дрожь задерживала работу. Они были почти одни на огромномъ дворѣ. Старуха, ожидавшая врача, осталась подлѣ своего больного сына; молодая ткачиха изъ своей норы не могла ихъ видѣть, всѣ же остальные, мужчины, женщины, подростки были на работѣ. Только двое ребятишекъ съ золотистыми головками молча бѣгали изъ двери въ дверь; а подъ навѣсомъ по близости хлѣва, гдѣ помѣщались какъ попало различныя тачки, телѣги и тележки, плуги и всевозможныя земледѣльческія орудія, какой-то старикъ, изнуренный пеллагрой, приготовлялъ кормъ для скота. Немножко дальше стояла лошадь доктора, доброе и терпѣливое животное, и спокойно пощипывала пожелтѣвшую траву, которою дворъ былъ покрытъ.

Отъ бѣлесоватыхъ облаковъ, закрывавшихъ еще довольно высоко стоявшее солнце, падалъ какой-то невыносимый свинцовый свѣтъ, ослѣплявшій зрѣніе. Докторъ вынулъ изъ кармана тонкій батистовый платокъ, насквозь продушенный крѣпкими духами, дававшими ему возможность переносить тяжелый воздухъ крестьянскихъ жилищъ и отбивавшихъ запахъ карболовый кислоты, употреблять которую заставляла его профессія, и вытеръ влажный лобъ.

Онъ испытывалъ какое-то безпокойство, какую-то тоску, что-то необъяснимое, странное. Грубыя желанія, мучившія его за послѣднее время, почти совсѣмъ прошли. Совсѣмъ другого рода было то, что онъ испытывалъ теперь, это тоска, сжимавшая ему сердце; совсѣмъ другого рода была острая печаль, проникавшая его душу, разбивавшая всѣ его небольшіе, эгоистичные планы веселящагося кутилы, такъ долго лелѣянные, и придававшая вкусъ горечи безсознательно вызываемымъ пріятнымъ видѣніямъ.

— Послушай,—проговорилъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія,— я долженъ сказать тебѣ одну вещь, которая можетъ тебя заставить перемѣнить твое рѣшеніе. Твоя невѣстка умираетъ...

Она бросила работать и удивленными глазами смотрѣла на доктора.

— Э! Милая моя,—продолжалъ онъ, снова улыбаясь своей красивой циничной улыбкой, — тутъ нечему удивляться. Куда повадилась кошка блудить, тамъ ей голову сложить. Она и тѣломъ, и душою погрязла въ своемъ грѣхѣ. Совсѣмъ на тебя не похожа. По справедливости, ей пора умереть,—она тебѣ много зла сдѣлала.

— О, если только изъ-за меня,—проговорила жена Сандро, потихоньку выдергивая пучекъ пряжи,—для меня такъ должно быть, какъ оно есть. Я никому не желаю смерти.

— Понимаю. Но Сандро вѣдь еще достаточно молодъ и красивъ. Разъ она умретъ, онъ къ тебѣ вернется, вы будете счастливы... у васъ могутъ быть еще дѣти... если ты совсѣмъ поправишься. Слѣдовательно, необходимо, чтобы ты позволила вылѣчить себя.

Она нѣсколько разъ покачала головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Сама выздоровлю. Притомъ мнѣ это рѣ-

шительно все равно. Когда какая-нибудь вещь кончена... А куратъ говоритъ, что душа моей бѣдной дѣвочки должна находиться въ лимбѣ *), и что она будетъ мучиться отъ ревности, если у меня будутъ другія дѣти. Зачѣмъ же дѣлать ее несчастною.

Она слегка улыбнулась, инстинктивно угадывая, что докторъ долженъ смѣяться надъ ея суевѣріемъ.

Онъ былъ сильно взволнованъ. Онъ хотѣлъ сказать ей, что любитъ ее, сильно любитъ, что она могла бы сдѣлать его счастливымъ. Но давящее сознаніе безполезности подобнаго признанія отнимало у него языкъ. Даже если бы ему удалось тронуть ее и покорить, что ему теперь казалось совсѣмъ невозможнымъ, не окажется ли это вполнѣ безполезно?.. Даже если бы она его любила... Безполезно! Безполезно!.. Это жестокое слово звучало въ его душѣ и ему казалось, что вся жизнь его была имъ отравлена. Нечего и говорить, что горе его будетъ непродолжительно, но въ данную минуту ему было очень тяжело.

Онъ встряхнулся, будто сбрасывалъ съ себя какую-то тяжесть.

— До свиданія! Надѣюсь, въ слѣдующій мой пріѣздъ ты будешь разумнѣе.

Марія поклонилась и тихонько попросила извиненія. Она сильно покраснѣла, въ голосѣ ея слышались слезы. У него явилось безумное желаніе обнять ее и прижать къ сердцу, но онъ удержался и ушелъ.

Неподвижно, держа прялку подъ мышкой, а нитку между пальцами и прижавъ веретено къ груди, Марія внимательно слѣдила за телѣжкой, катившейся по свѣтлой и пустынной улицѣ, поднимая облака пыли.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) *Лимбъ*, латинское *limbus*, кругъ, по римско-католическому ученію одно изъ мѣстъ пребыванія въ аду душъ умершихъ. Этотъ кругъ распадается на двѣ части на «limbus patrum», иначе называемое «лоно Авраамово», и «limbus infantum», гдѣ находятся души дѣтей, умершихъ некрещеными, или мертворожденныхъ. *Пр. пер.*

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе* *).

I.

Сисмонди.

Жанъ Шарль Леонардъ Симондъ де Сисмонди (1773—1842) родился въ Женевѣ, въ семьѣ протестантскаго пастора. Революціонныя бури заставили его на нѣкоторое время покинуть Швейцарію и поселиться въ Англіи. Большую часть жизни онъ провелъ въ деревнѣ въ окрестностяхъ Женевы, гдѣ у него было небольшое имѣніе. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ научныхъ тружениковъ, причемъ его изслѣдованія охватывали не только политическую экономію, но и общую исторію. По объему, историческіе труды Сисмонди далеко превосходятъ его экономическія сочиненія (его «Исторія французовъ» заключаетъ въ себѣ 31 томъ), но для потомства швейцарскій ученый остается, главнымъ образомъ, экономистомъ—и однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ первой половины XIX вѣка. Безкорыстная преданность Сисмонди наукѣ ярко обнаружилась въ его добровольномъ отказѣ отъ профессуры (ему дважды предлагали каѳедру—сначала въ Виленскомъ университетѣ, затѣмъ въ Парижѣ въ Сорбоннѣ, но онъ предпочелъ уединенную научную работу въ деревнѣ болѣе блестящей и шумной, но оставляющей менѣе времени для самостоятельнаго труда, дѣятельности профессора). Такимъ образомъ, въ лицѣ Сисмонди мы имѣемъ передъ собой лучшій типъ ученаго, не гоняющагося за внѣшнимъ успѣхомъ и находящаго удовлетвореніе въ самомъ научномъ трудѣ. Его жизненныя впечатлѣнія были весьма своеобразны и доставили ему богатый матеріалъ для выработки оригинальнаго общественнаго міровоззрѣнія. Получивъ воспитаніе и проведя большую часть жизни въ деревенской обстановкѣ, въ странѣ, гдѣ господствовало мелкое хозяйство и крестьяне обладали значительной зажиточностью, полюбивъ этотъ міръ и проникнувшись симпатіей къ патріархальному строю жизни и старинному экономическому укладу, Сисмонди близко озна-

*) См. «Міръ Божій», августъ.

комился съ новыми хозяйственными отношеніями въ Англіи, въ ту эпоху, когда еще юный, необуздываемый ни государственной властью, ни рабочими организаціями капитализмъ развернулъ во всю мощь свою сокрушительную силу въ странѣ Аркрайта и Уатта. Мы привыкли въ настоящее время къ промышленнымъ кризисамъ и они никого не поражаютъ. Но для Сисмонди, бывшаго въ Англіи во время жестокаго кризиса 1817 г., когда всѣ большіе города Англіи были полны безработными, буквально умиравшими съ голода, когда повсюду проповѣдовалось возстаніе, и пламя гражданской войны, казалось, готово было вспыхнуть, чтобы поглотить твердыню капиталистическаго міра, для Сисмонди промышленный кризисъ не могъ не показаться самымъ безпощаднымъ осужденіемъ новаго хозяйственнаго строя, какое только можно себѣ представить. Этотъ кризисъ (сыгравшій рѣшающую роль въ выработкѣ міровозрѣнія и Оуэна) заставилъ Сисмонди порвать съ его прежними экономическими взглядами, сводившимися къ признанію системы Смита вѣнцомъ человѣческой мудрости, и выступить съ новымъ экономическимъ ученіемъ.

Ученіе это было изложено швейцарскимъ мыслителемъ въ двухтомной работѣ «Nouveaux Principes d'économie politique (1819) и въ значительно болѣе позднемъ собраніи отдѣльныхъ очерковъ и статей Etudes sur l'économie politique (1837). Въ предисловіи ко второму изданію своихъ «Новыхъ началъ политической экономіи» Сисмонди ярко и сжато формулируетъ различіе между своими воззрѣніями и господствовавшей въ то время школой политической экономіи. «Я разошелся,— говоритъ онъ—съ друзьями, политическія воззрѣнія которыхъ раздѣляю, я обратилъ вниманіе на опасность тѣхъ нововведеній, которыя они рекомендуютъ; я указалъ, что нѣкоторыя учрежденія, на которыя они долго нападали, какъ на злоупотребленія, имѣли благодѣтельныя послѣдствія; я призывалъ, наконецъ, во многихъ случаяхъ вмѣшательство общественной власти для регулированія роста богатства, вмѣсто того, чтобы свести политическую экономію къ принципу болѣе простому и съ виду болѣе либеральному—laisser faire... Изученіе Англіи укрѣпило меня въ моихъ новыхъ началахъ. Я видѣлъ, какъ въ этой изумительной странѣ, переживающей грандіозное испытаніе, словно для поученія всего остальнаго міра, производство увеличивалось, а количество наслажденій уменьшалось. И масса населенія и мыслители этой страны забываютъ, кажется, что увеличеніе богатства не есть цѣль политической экономіи, а только средство для доставленія счастья всѣмъ... Ни въ одной странѣ банкротства не такъ часты, нигдѣ колоссальныя состоянія, которыхъ хватило бы на то, чтобы покрыть государственный заемъ, поддержать имперію или республику, не разрушались съ такой быстротой. Всѣ жалуются, что дѣла рѣдки, трудны и мало прибыльны. Два ужасныхъ кризиса, съ промежуткомъ всего въ нѣсколько лѣтъ, разорили часть банкировъ и привели въ отчаяніе

всѣхъ англійскихъ фабрикантовъ... Послужило ли національное богатство, успѣхи котораго бросаются въ глаза всякому, на пользу бѣдному? Ничуть не бывало! Народъ въ Англіи лишенъ довольства настоящимъ и увѣренности въ будущемъ. Въ деревняхъ нѣтъ болѣе крестьянъ: ихъ заставили уступить мѣсто поденщикамъ; въ городахъ нѣтъ болѣе ремесленниковъ или независимыхъ хозяевъ маленькихъ мастерскихъ—есть только фабриканты. Фабричный рабочій не знаетъ, что значитъ обезпеченное положеніе; онъ получаетъ только заработную плату, а такъ какъ эта плата не можетъ быть достаточной для него во всѣ времена года, то онъ почти каждый годъ принужденъ просить милостыни у государства.

«Англійская нація нашла выгоднымъ оставить хлѣбопашество, требующее много ручного труда, и потому изгнала половину хлѣбопашцевъ, жившихъ на ея поляхъ; она нашла выгоднымъ замѣнить фабричныхъ рабочихъ паровыми машинами, и вотъ ткачи, уступившіе мѣсто паровымъ станкамъ, умираютъ теперь съ голода; она нашла выгоднымъ довести рабочую плату до самого низкаго уровня, при которомъ только рабочіе въ состояніи существовать, и рабочіе, ставъ не чѣмъ инымъ, какъ пролетаріями, уже не боятся погружаться въ еще большую нужду... Каковы же результаты накопленія этихъ несмѣтныхъ богатствъ? Не пожертвовала ли Англія цѣлью ради средства, забывая людей ради вещей?»

Эти краснорѣчивыя строки достаточно выясняютъ отношеніе нашего автора къ новому соціальному міру, образчикъ котораго онъ увидѣлъ въ Англіи. Сисмонди не ослѣпленъ успѣхами промышленности и ростомъ національнаго богатства, вызванными развитіемъ капиталистическаго способа производства. Успѣхи эти не отрицаетъ Сисмонди, но онъ пробуетъ оцѣнить новый хозяйственный строй не съ той точки зрѣнія, съ какой оцѣниваетъ капитализмъ школы Смита—съ точки зрѣнія роста общей суммы національнаго богатства—а съ точки зрѣнія благополучія большинства населенія. Результаты оцѣнки оказываются крайне неблагопріятными для капитализма. Критика Сисмонди имѣетъ то преимущество передъ болѣе рѣзкой критикой капитализма Оуэна или Фурье, что она несравненно болѣе документальна, фактически обоснована. Сисмонди приводитъ массу фактовъ, ярко рисующихъ губительное вліяніе промышленной революціи на благосостояніе большинства англійскаго народа. Какъ историкъ промышленной революціи, Сисмонди не потерялъ своего значенія и понынѣ.

Новый хозяйственный строй, получившій наиболѣе полное развитіе въ Англіи, страдаетъ, по мнѣнію Сисмонди, двумя органическими болѣзнями: 1) отсутствіемъ равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ и 2) отсутствіемъ равновѣсія между ростомъ національнаго дохода и ростомъ населенія. Оба эти недостатка присущи капиталистической организаціи хозяйства, какъ таковой; ими объясняются

кризисы и бѣдность массы населенія, эти истинные бичи англійской народной жизни.

Первая изъ названныхъ болѣзней капиталистическаго строя составляетъ, по мнѣнію нашего автора, основную причину промышленныхъ кризисовъ. Теорія кризисовъ Сисмонди въ высшей степени замѣчательна; до настоящаго времени большинство экономистовъ, изслѣдовавшихъ кризисы, повторяютъ сознательно или безсознательно идеи этого автора.

Главная ошибка Рикардо и Сэ, говоритъ Сисмонди, заключается въ томъ, что они совершенно игнорируютъ дѣйствительную цѣль всякаго хозяйства. Изъ ихъ ученія выходитъ, будто цѣль хозяйственной дѣятельности заключается въ накопленіи богатствъ. Но богатство есть не цѣль въ себѣ, а только средство для удовлетворенія нашихъ потребностей. Конечная цѣль хозяйства заключается въ потребленіи. «Сэ и Рикардо пришли къ выводу, что потребленіе не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ производства; на самомъ же дѣлѣ потребленіе ограничено доходомъ... Самое удивительное явленіе, поражающее насъ въ революціи, переживаемой нынѣ хозяйствомъ, заключается въ чрезмѣрномъ ростѣ производительныхъ силъ, не соотвѣтствующемъ потребностямъ рынка—въ избыткѣ предложенія товаровъ и бѣдности тѣхъ, кто путемъ своей работы создалъ слишкомъ много богатства. Констатированіе этого явленія, повидимому, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Богатство состоитъ изъ продуктовъ труда. Какъ же можетъ быть увеличеніе богатства—причиной бѣдности?»

Чтобы понять этотъ парадоксъ современной хозяйственной жизни, нужно разсмотрѣть хозяйственный процессъ въ его простѣйшей формѣ. Богатство каждаго отдѣльнаго лица, очевидно, измѣряется его доходомъ. Величина дохода опредѣляетъ высшую границу потребленія, допустимаго для даннаго лица; потребленіе не можетъ перейти этой границы безъ разрушенія капитала—потребительнаго фонда. Но «націи сла га ются изъ отдѣльныхъ лицъ; то, что вѣрно относительно отдѣльнаго лица, должно быть вѣрно и относительно ихъ совокупности. Національное потребленіе—по крайней мѣрѣ, такое потребленіе, которое можетъ идти непрерывно изъ года въ годъ, безъ сокращенія національнаго богатства,—есть не что иное, какъ потребленіе всѣхъ входящихъ въ составъ общества лицъ, въ предѣлахъ, полагаемыхъ доходами этихъ лицъ... Ежегодный доходъ націи предназначенъ для обмѣна на ежегодное національное производство, путемъ этого обмѣна каждый обезпечиваетъ свое потребленіе, возстановляетъ израсходованный капиталъ, предъявляетъ спросъ на товары и дѣлаетъ возможнымъ потребленіе другихъ лицъ. Но если ежегодный доходъ общества не расходуется на покупку всего количества ежегодно производимыхъ продуктовъ, то часть общественнаго продукта останется непроданной, капиталы будутъ парализованы и національное производство встрѣтитъ задержку».

Между тѣмъ, современная организація народнаго хозяйства направлена къ уменьшенію національнаго дохода. Ожесточенная конкуренція принуждаетъ предпринимателей выискивать всѣвозможные способы для пониженія издержекъ производства и удешевленія товаровъ. Съ этой цѣлью хозяева замѣняютъ ручной трудъ машиннымъ и лишаютъ заработка тысячи рабочихъ. Это приводитъ не только къ сокращенію числа занятыхъ рабочихъ, но и къ пониженію заработной платы. Въ то же время сокращаются и доходы мелкихъ самостоятельныхъ предпринимателей, благодаря конкуренціи крупныхъ фабрикантовъ, грозящей совсѣмъ уничтожить мелкую промышленность. Точно также разоряется и сельское населеніе—крестьяне. Такимъ образомъ сокращаются доходы низшихъ классовъ народа, т.-е. огромнаго большинства. Что касается до доходовъ высшихъ классовъ Общества, то эти доходы могутъ абсолютно расти, но все же не въ той пропорціи, въ которой растетъ производство, ибо та же конкуренція побуждаетъ предпринимателей довольствоваться все меньшимъ и меньшимъ процентомъ прибыли.

«Внутренній рынокъ сокращается благодаря концентраціи собственности въ рукахъ небольшаго числа владѣльцевъ и промышленность приходитъ въ необходимость все больше и больше опираться на внѣшній рынокъ». Дѣйствительно, какимъ образомъ можетъ быстро растущая масса товаровъ найти сбытъ на внутреннемъ рынкѣ, когда покупательная сила общества падаетъ благодаря паденію доходовъ? По этой причинѣ всѣ страны съ развивающейся промышленностью стремятся овладѣть внѣшними рынками, найти за границей сбытъ для товаровъ, для которыхъ нѣтъ мѣста въ самой странѣ. «Нація, первая примѣнившая техническія изобрѣтенія, можетъ многіе годы расширять свои внѣшніе рынки... Но долженъ же наступить моментъ, когда весь цивилизованный міръ образуетъ одинъ рынокъ и никакая страна не будетъ въ силахъ находить новыхъ покупателей. Спросъ всего мірового рынка образуетъ тогда покупательную силу опредѣленной величины, и всѣ промышленныя націи будутъ бороться изъ-за этого рынка. Увеличеніе сбыта товаровъ одной страны должно покупаться въ этомъ случаѣ уменьшеніемъ сбыта товаровъ остальныхъ странъ».

Такимъ образомъ, естественный механизмъ спроса и предложенія въ свободномъ, нерегулируемомъ общественной властью, товарномъ хозяйствѣ неизбѣжно приводитъ, по мнѣнію Сисмонди, къ общему перепроизводству товаровъ, превышенію общаго предложенія ихъ сравнительно со спросомъ, въ чемъ и заключается сущность промышленнаго кризиса. Совершенно неправильно признавать кризисы непредвидимымъ бѣдствіемъ, не связаннымъ органически съ господствующимъ строемъ хозяйства, и искать причины ихъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ, вродѣ войнъ, неурожаевъ, перемѣнахъ торгово-промышленной политики государствъ и тому подобныхъ случайныхъ событіяхъ, какъ это дѣлаютъ экономисты школы Рикардо. Промышленный кризисъ про-

истекаетъ не изъ нарушенія свободы конкуренціи въ сферѣ товарнаго обмѣна, а именно изъ этой самой свободы конкуренціи. Общее перепроизводство товаровъ есть закономѣрный результатъ свободной игры экономическихъ силъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ.

Такова теорія кризисовъ Сисмонди—теорія, оказавшая огромное вліяніе на развитіе экономической мысли. До настоящаго времени она можетъ считаться господствующей; наиболѣе замѣчательные экономисты примыкаютъ въ области объясненія кризисовъ къ Сисмонди. Теорія кризисовъ Родбертуса есть не что иное, какъ одинъ изъ варіантовъ теоріи Сисмонди; изъ числа современныхъ экономистовъ Геркнеръ, Дюрингъ, Гобсонъ и многіе другіе (изъ русскихъ—гг. Исаевъ, В. В.) могутъ считаться, какъ теоретики кризисовъ, послѣдователями Сисмонди. Даже Марксъ не избѣгъ вліянія швейцарскаго ученаго, хотя взгляды Маркса на причины кризисовъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ противорѣчивы и не допускаютъ сведенія въ одну стройную систему.

Несмотря на всю эту сумму авторитета въ пользу теоріи Сисмонди, мы считаемъ ее въ ея основаніяхъ совершенно ложною. Общая характеристика тенденцій капиталистическаго развитія и внѣшнихъ проявленій промышленнаго кризиса, данная Сисмонди, во многихъ отношеніяхъ удачна и даже блестяща, но теоретическое объясненіе этихъ явленій несостоятельно. Теоретическимъ центромъ всѣхъ разсужденій Сисмонди о кризисахъ можно считать его положеніе, что общественный спросъ на продукты опредѣляется общественнымъ потребленіемъ, которое, въ свою очередь, регулируется общественнымъ доходомъ. Отсюда нашъ авторъ заключаетъ, что при существующихъ условіяхъ хозяйственной жизни, благодаря недостаточному потребленію народныхъ массъ, долженъ образовываться избыточный продуктъ, который не можетъ быть реализованъ на товарномъ рынкѣ. Это исходное положеніе Сисмонди, по нашему мнѣнію, есть теоретическая ошибка—общественный спросъ на продукты *не регулируется общественнымъ доходомъ.* Мы не можемъ вдаваться въ подробный анализъ законовъ реализаціи товаровъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Интересующагося читателя отсылаемъ къ нашимъ работамъ: «Промышленные кризисы» и «Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England». Въ этихъ работахъ читатель найдетъ доказательство тезиса, который можетъ казаться парадоксомъ, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ не потребленіе управляетъ производствомъ, а производство управляетъ потребленіемъ, и что общественное производство, при пропорціональномъ распредѣленіи его, *само себѣ создаетъ спросъ.*

Не нужно забывать, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ руководителями предпріятія являются не рабочіе, изготовляющіе продукты, а лица, стоящія внѣ производства—капиталисты. Съ точки зрѣнія капиталиста, потребленіе рабочаго есть такая же затрата капитала, какъ

и расходы на прокормленіе скота или отопленіе машины. Съ точки зрѣнія капиталиста, рабочій такое же орудіе производства, какъ инструментъ въ рукахъ этого рабочаго, или какъ машина, одушевленнымъ придаткомъ которой является рабочій. И рабочій, и машина—въ равной мѣрѣ капиталъ. Допустимъ, что по техническимъ условіямъ выгодно замѣнить часть рабочихъ машинами. Пусть въ извѣстной отрасли промышленности въ первый годъ находило занятіе 100.000 рабочихъ, во второй годъ, благодаря вытѣсненію ручного труда машиннымъ, число рабочихъ спускается до 90.000, въ третій годъ до 80.000 и т. д. Если заработная плата одного рабочаго равняется 200 р., то въ первый годъ доходъ всѣхъ рабочихъ равняется 20 милліонамъ р., во второй годъ 18 мил., въ третій 16 мил. и т. д. Общая сумма національнаго дохода сокращается и вмѣстѣ сокращается народное потребленіе. Но уменьшается ли при этомъ общественный спросъ на товары? Нисколько—ибо капиталисты, уменьшая расходы на заработную плату, увеличиваютъ расходы на покупку машинъ, на топливо для машинъ и пр. Весь капиталъ, которымъ располагаютъ капиталисты, будетъ ими израсходованъ какъ и раньше, съ тѣмъ лишь различіемъ, что раньше капиталъ превращался въ предметы потребленія рабочаго, а теперь онъ частью превращается въ машины и прочія средства производства. Общая сумма спроса на товарномъ рынкѣ не измѣнилась, но характеръ спроса сталъ иной: средства производства, въ извѣстныхъ размѣрахъ, вытѣснили на товарномъ рынкѣ предметы человѣческаго потребленія.

Отсюда видно, что общественный спросъ на товары отнюдь не опредѣляется высотой общественнаго дохода. Общественный доходъ можетъ сокращаться, а требованіе рынка на товары можетъ оставаться неизмѣннымъ или даже возрастать. Общая сумма продуктовъ, требуемыхъ рынкомъ, можетъ увеличиваться въ то время, какъ народное потребленіе сокращается. Этотъ парадоксъ капиталистическаго хозяйства объясняется тѣмъ, что капиталистическое хозяйство отнюдь не имѣетъ своей цѣлью повышенія благосостоянія населенія или увеличенія народнаго потребленія. Капиталистическимъ хозяйствомъ руководитъ капиталистъ, стремящійся не къ общему, а лишь къ своему индивидуальному благосостоянію, и интересы его благосостоянія могутъ требовать сокращенія народнаго дохода, что имѣетъ мѣсто при замѣщеніи рабочихъ машинами.

Если же доходъ рабочихъ сокращается потому, что капиталистъ понижаетъ заработную плату, тогда дѣло еще проще. Доходъ капиталиста возростаетъ въ этомъ случаѣ на столько же, на сколько падаетъ доходъ рабочихъ, и потребленіе капиталиста можетъ замѣнить на рынкѣ потребленіе рабочаго. Въ случаѣ же, если капиталистъ не пожелаетъ затрачивать на свое личное потребленіе свой возросшій доходъ и капитализируетъ свою добавочную прибыль, т.-е , затратитъ ее на расширеніе производства, тогда усиленный спросъ на средства производства замѣнитъ на

товарномъ рынкѣ сократившійся спросъ на предметы потребленія рабочихъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ паденіе доходовъ рабочихъ не вызоветъ, въ противность теоріи Сисмонди, образованія избыточнаго продукта.

Капиталистическое хозяйство, дѣйствительно, приводитъ къ общему перепроизводству товаровъ, но не вслѣдствіе недостаточности потребленія народной массы, а вслѣдствіе невозможности достигнуть при неорганизованности національнаго производства пропорціональнаго распредѣленія его. Что касается до народной бѣдности, то она, дѣйствительно, способствуетъ кризисамъ, но лишь постольку, поскольку она препятствуетъ тому, чтобы національное производство распредѣлялось пропорціонально. Если бы производство было организовано планомѣрно если бы рынокъ обладалъ полнымъ *знаніемъ* спроса и *властью* пропорціональнаго распредѣленія производства, свободнаго передвиженія труда и капитала изъ одной отрасли промышленности въ другую, то какъ бы низко ни было народное потребленіе, предложеніе товаровъ не могло бы превысить спроса. Но накопленіе капитала, при полной неорганизованности національнаго производства, при анархіи, господствующей въ немъ, неизбѣжно приводитъ къ кризисамъ.

Сисмонди упрекаетъ школу Сэ-Рикардо въ томъ, что она забыла истинную цѣль хозяйства—повышеніе благосостоянія населенія—и превратила науку о народномъ хозяйствѣ—политическую экономію—въ науку о накопленіи богатства—«хрематистику». Это замѣчаніе Сисмонди такъ же остроумно, какъ и всѣ его разсужденія о кризисахъ, и содержитъ въ себѣ значительную долю правды. Чтобы быть вполнѣ вѣрнымъ, оно должно быть измѣнено слѣдующимъ образомъ: не Рикардо и Сэ, а весь современный строй народнаго хозяйства—капитализмъ—пренебрегаетъ истинной цѣлью хозяйственной дѣятельности—удовлетвореніемъ потребностей человѣка—и превращаетъ народное хозяйство въ колоссальный механизмъ накопленія капитала.

Другой основной болѣзнью капиталистическаго хозяйства Сисмонди признаетъ отсутствіе равновѣсія между ростомъ дохода и ростомъ населенія. Нашъ авторъ раздѣляетъ взглядъ Мальтуса, что чрезмѣрное размноженіе населенія есть одна изъ причинъ бѣдности населенія. Но, въ противность Мальтусу, Сисмонди ставитъ въ связь способность человѣчества къ размноженію съ особенностями соціальнаго устройства. Въ капиталистической организаціи хозяйства нашъ авторъ усматриваетъ моменты, нарушающіе равновѣсіе между ростомъ общественнаго дохода и ростомъ населенія. Въ капиталистическомъ обществѣ большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ—людей, живущихъ изо дня въ день наемной работой. Наемные рабочіе легко обзаводятся большими семьями, что можно наблюдать во всѣхъ крупныхъ фабричныхъ центрахъ. Объясняется это тѣмъ, что рабочему терять нечего—онъ не имѣетъ собственности—и въ то же время онъ не видитъ ника-

кой связи между численностью своей семьи и легкостью прінсканія для нея заработка. Никто не знаетъ, какъ великъ будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ спросъ на рабочія руки, и рабочій, по своей привычной безпечности, легко преувеличиваетъ шансы нахожденія заработка для своихъ дѣтей и не боится большой семьи. Это приводитъ къ чрезмѣрному размноженію рабочаго класса, паденію заработной платы и обѣднѣнію рабочей массы. Причины всего этого коренятся, слѣдовательно, не въ природѣ человѣка, а въ господствующей организаціи хозяйства, убивающей въ рабочемъ всякую предусмотрительность и дѣлающей его безпечнымъ и не заботящимся объ участи своихъ дѣтей.

Итакъ, бѣдность рабочаго класса и промышленные кризисы—естественные спутники капиталистическаго хозяйства. Но Сисмонди не принадлежитъ къ числу соціальныхъ пессимистовъ и не приходитъ къ тому выводу, что большинство населенія навсегда осуждено на нищету и страданія ради блага немногихъ. Для англійскаго землевладѣльца Мальтуса и биржевика Рикардо не существовало иного общественнаго строя, кромѣ капиталистическаго. Сисмонди выросъ въ другой обстановкѣ; въ своей родной странѣ онъ видѣлъ зажиточное крестьянское населеніе, среди котораго было мало богачей, но не было и совершенныхъ бѣдняковъ. Промышленность развивалась медленно и не дѣлала такихъ колоссальныхъ успѣховъ, какъ въ Англіи, но зато она была избавлена и отъ кризисовъ, приводившихъ въ разстройство англійскую промышленность. Ростъ богатства не могъ идти въ сравненіе съ англійскимъ, но зато не возрасталъ и пауперизмъ. И вотъ Сисмонди приходитъ къ мысли, что капиталистическая организація хозяйства, несмотря на блестящіе успѣхи промышленности, связанные съ этимъ способомъ производства, не должна считаться неизбѣжнымъ и желательнымъ строемъ хозяйства для всякой страны. Напротивъ, примѣръ Англіи долженъ служить для другихъ странъ урокомъ, къ какимъ бѣдствіямъ приводитъ неограниченная и никѣмъ не регулируемая свобода конкуренціи.

Всѣ симпатіи Сисмонди на сторонѣ того хозяйственнаго строя, который онъ называетъ патріархальнымъ и который господствовалъ на его родинѣ. Не нужно забывать, что литературная дѣятельность швейцарскаго ученаго принадлежитъ къ той эпохѣ, когда во всей западной Европѣ (кромѣ Англіи) царила жестокая реакція и всякаго рода романтическія попытки воскресенія стараго и отжившаго были весьма обыкновенны. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Сисмонди былъ умѣреннымъ либераломъ съ весьма сильными, однако, аристократическими симпатіями. Онъ былъ врагомъ всеобщаго избирательнаго права и въ борьбѣ аристократіи и демократіи въ Женевѣ былъ на сторонѣ первой. Онъ находилъ, что цензура для періодическихъ изданій необходима для большинства странъ Европы и что свободой народныхъ собраній могутъ пользоваться лишь немногіе наиболѣе просвѣщенные народы. Такимъ образомъ, политическія воззрѣнія

Сисмонди предрасполагали его къ сочувствію исторически сложившимся старинньшмъ формамъ общественной жизни и хозяйства.

Въ противность англійскимъ экономистамъ, для которыхъ народное хозяйство выражалось, главнымъ образомъ, міромъ промышленности и торговли, нашъ авторъ сосредоточиваетъ свое главное вниманіе на земледѣліи. Изъ различныхъ формъ землепользованія и землевладѣнія онъ особенно сочувствуетъ крестьянскому хозяйству. «Ни одна общественная организація, — говоритъ онъ, — не гарантируетъ больше счастья, больше добродѣтелей самому многочисленному классу населенія, ни одна не обезпечиваетъ за нимъ большаго достатка и не содѣйствуетъ въ большей мѣрѣ прочности общественнаго порядка». Послѣдній доводъ въ пользу крестьянскаго хозяйства не лишенъ интереса въ смыслѣ характеристики политическихъ взглядовъ Сисмонди. Преимущества «патріархальной системы землепользованія» съ чисто технической стороны сводятся, по мнѣнію автора «Новыхъ началъ», къ тому, что только крестьянское хозяйство способно къ наиболѣе интенсивному использованію силъ земли. «Въ странѣ, гдѣ сами собственники воздѣлываютъ свою землю, гдѣ плоды безраздѣльно принадлежатъ тѣмъ самымъ людямъ, которые совершили всѣ работы, въ странѣ, гдѣ существуетъ такъ называемая патріархальная система обработки земли, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ признаки той привязанности, которую земледѣлецъ питаетъ къ своей избѣ и землѣ. Онъ не задается вопросомъ, сколько дней труда будетъ стоить пробиваемая имъ тропинка, устраиваемый колодезь, бесѣдка или цвѣтникъ, которые онъ украшаетъ цвѣтами: самъ трудъ доставляетъ ему удовольствіе и, благодаря довольству, онъ находитъ и время, и силы, чтобы совершить его. За деньги онъ не совершилъ бы того, что, благодаря его привязанности къ собственности, кажется ему легкимъ... Проѣзжая по Швейцаріи и нѣкоторымъ провинціямъ Франціи, Италіи и Германіи, нѣтъ надобности спрашивать, глядя на участки земли, воздѣлываются ли они собственниками или арендаторами. Внимательный уходъ ясно указываетъ на то, что участки эти принадлежатъ не арендаторамъ, а мелкимъ собственникамъ...

Арендная система обработки земли, естественно, не пользуется симпатіями Сисмонди, причемъ наихудшей земледѣльческой системой онъ признаетъ крупную аренду. «Батраки, совершающіе всѣ земледѣльческія работы по распоряженію богатыхъ арендаторовъ, находятся не только въ болѣе зависимомъ положеніи, чѣмъ половники, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже въ худшемъ, чѣмъ крѣпостные, платящіе оброкъ или отбывающіе барщину. Каковы бы ни были притѣсненія, переносимыя крѣпостными, у нихъ, по крайней мѣрѣ, были надежды, была собственность... Батраки же не имѣютъ никакой собственности».

Что касается до обрабатывающей промышленности, то сравнивая положеніе фабричныхъ рабочихъ съ положеніемъ ремесленниковъ въ

періодъ господства цехового строя, Сисмонди отдаетъ рѣшительное предпочтеніе ремеслу. Положеніе мелкихъ самостоятельныхъ производителей-ремесленниковъ было во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ положеніе фабричныхъ пролетаріевъ нашего времени; ремесленники имѣли прочный и вѣрный заработокъ, жили въ извѣстномъ довольствѣ, пользовались свободой и независимостью. Всего этого лишены фабричные рабочіе. Ученики и подмастерья могли съ увѣренностью разсчитывать на то, что въ свое время и они будутъ самостоятельными мастерами. Благодаря этому хозяева и рабочіе не образовывали двухъ особыхъ, ненавидящихъ другъ друга общественныхъ классовъ, какъ это мы видимъ теперь.

Итакъ, Сисмонди рѣшительный врагъ капиталистическаго хозяйства какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности. Но ничего не можетъ быть ошибочнѣе сближенія швейцарскаго ученаго съ соціалистами. Правда, соціалисты подвергали капиталистическую организацію хозяйства не менѣе рѣзкой критикѣ, чѣмъ авторъ «Новыхъ началъ политической экономіи». Но идеалъ, изъ котораго они исходили, не имѣлъ ничего общаго съ идеаломъ Сисмонди. «Назадъ! къ патріархальному крестьянскому хозяйству!» говоритъ Сисмонди, въ то время, какъ соціалисты зовутъ впередъ, къ строю будущаго. И Сисмонди вполнѣ сознавалъ свое отличіе отъ соціалистовъ. «Мы сходимся съ ними,—говорилъ онъ,—лишь въ одномъ пунктѣ, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ между нами нѣтъ ничего общаго. Я также, какъ и они, желалъ бы, чтобы между тѣми, кто трудится надъ созданіемъ одного и того же продукта, существовала извѣстная связь, вмѣсто того, чтобы интересы ихъ были противоположны другъ другу. Но предлагаемыя ими средства кажутся мнѣ непригодными для достиженія этой цѣли. Я желаю, чтобы фабричная, какъ и земледѣльческая промышленность, была раздѣлена на большое количество самостоятельныхъ мастерскихъ, а не сосредоточена въ рукахъ одного предпринимателя, управляющаго сотнями или тысячами рабочихъ. Я желаю, чтобы промышленные капиталы были раздѣлены между большимъ количествомъ среднихъ капиталистовъ, а не сосредоточивались въ рукахъ одного человѣка, обладающаго милліонами».

Итакъ, вотъ каковъ идеалъ Сисмонди. Сисмонди не только не врагъ собственности, но, наоборотъ, желаетъ, чтобы по возможности бо́льшая часть населенія стала собственниками, ибо мелкіе собственники, по справедливому мнѣнію Сисмонди, лучшая опора существующаго порядка. Главная вина капитализма, въ глазахъ нашего ученаго, заключается въ томъ, что капитализмъ разрушилъ патріархальный экономическій укладъ, поддержать и возстановить который хотѣлъ бы нашъ поклонникъ старины.

Но благодаря отличающему его практическому смыслу и живому чувству дѣйствительности, Сисмонди прекрасно понимаетъ невозможность возстановленія стараго порядка въ его первоначальномъ видѣ. Капи-

талистическое хозяйство вызвало къ жизни такія огромныя производительныя силы, что нечего и мечтать о ликвидаціи новаго хозяйственнаго строя. Остается путь компромисса: сохраняя новыя формы хозяйства, попытаться путемъ цѣлаго ряда соціальныхъ реформъ ослабить вредныя стороны капитализма. И Сисмонди развертываетъ въ высшей степени интересную програму этихъ реформъ.

Кореннымъ зломъ капиталистическаго строя является, по мнѣнію нашего автора, то, что капитализмъ приводитъ къ разъединенію трехъ факторовъ производства—земли, капитала и труда, каждый изъ которыхъ дѣлается исключительнымъ достояніемъ одного общественнаго класса. Тенденціи капиталистическаго развитія неизбѣжно приводятъ къ отдѣленію производителя отъ средствъ производства, къ пролетаризаціи крестьянъ и ремесленниковъ. Таковъ естественный результатъ свободной игры экономическихъ силъ въ нерегулируемомъ товарномъ хозяйствѣ. Но пролетаризація населенія равносильна неисчислимымъ страданіямъ народа. И если свобода конкуренціи приводитъ къ этимъ страданіямъ, значитъ нужно отказаться отъ свободы. Принципъ lassez faire долженъ быть отвергнутъ, какъ оказавшійся несостоятельнымъ на практикѣ и на мѣсто его должно быть провозглашено новое начало государственной политики—*государственнаго вмѣшательства*, сознательнаго регулированія государственною властью народохозяйственнаго процесса.

Задача государственнаго вмѣшательства опредѣляется тѣмъ зломъ, съ которымъ оно должно бороться. Этимъ зломъ является, какъ сказано, экспропріація мелкаго производителя и пролетаризація населенія. Государственная власть должна, поэтому, поставить себѣ цѣлью сохраненіе мелкаго производителя и поднятіе положенія пролетарія.

Въ области аграрнаго законодательства Сисмонди предлагаетъ систему мѣръ, направленныхъ къ раздробленію крупнаго землевладѣнія. Государство должно всячески поощрять крестьянское землевладѣніе и пріобрѣтеніе крестьянами земли у крупныхъ владѣльцевъ. Маіораты и разнаго рода юридическія препятствія ликвидаціи крупнаго землевладѣнія не должны существовать. Тамъ же, гдѣ крупное землевладѣніе настолько укоренилось, что масса сельскаго населенія состоитъ изъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, законодательство должно ограждать интересы рабочихъ путемъ тѣхъ же мѣропріятій, которыя, какъ увидимъ ниже, должны примѣняться къ промышленнымъ рабочимъ. Въ то же время путемъ раздѣленія между сельскохозяйственными рабочими государственныхъ и общественныхъ земель, государство можетъ значительную часть рабочихъ превратить въ крестьянъ.

Что касается до промышленнаго законодательства, то и тутъ существуетъ обширное поле для государственнаго вмѣшательства. Средневѣковые ремесленные цехи были корпоративными организаціями въ интересахъ трудящихся. Теперь рабочіе лишены такихъ организацій;

законодательство должно облегчить возстановленіе ихъ. Иными словами, Сисмонди рекомендуетъ государству поддержку рабочихъ союзовъ. Затѣмъ, законодательная власть должна охранять воскресный отдыхъ, ограничивать дѣтскій трудъ и продолжительность рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно стремиться къ тому, чтобы фабричный рабочій получилъ нѣкоторую обезпеченность заработка и былъ избавленъ отъ лишеній, угрожающихъ ему теперь въ случаѣ потери работоспособности. Для этого слѣдуетъ возложить на фабрикантовъ обязанность заботиться о своихъ рабочихъ въ случаѣ ихъ болѣзни, старости, несчастныхъ случаевъ или безработицы. Фабриканты могли бы быть соединены въ особыя корпораціи, обязанные путемъ взносовъ образовать фондъ для покрытія расходовъ на указанныя цѣли. Такая организація была бы не чѣмъ инымъ, какъ принудительнымъ страхованіемъ рабочихъ изъ средствъ самихъ предпринимателей.

Но конечной цѣлью, къ которой должно стремиться промышленное законодательство, какъ и аграрное, должно быть постепенное превращеніе наемныхъ рабочихъ въ собственниковъ. Переходной мѣрой для этого можетъ служить участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія. Такимъ путемъ рабочій вступитъ въ болѣе тѣсную связь съ предпріятіемъ, въ которомъ участвуетъ своимъ трудомъ.

Въ области финансовой политики государство тоже должно ограждать интересы бѣднѣйшей части населенія. Доходы ниже извѣстнаго уровня должны быть изъяты изъ обложенія—доходы болѣе крупные обложены пропорціонально больше. Система косвенныхъ налоговъ, тяжелѣе всего ложащаяся на бѣднѣйшихъ, должна имѣть только ограниченное примѣненіе.

Такова въ общихъ чертахъ программа соціальныхъ реформъ, рекомендуемая Сисмонди. Если вспомнить, что она была предложена авторомъ «Новыхъ началъ» во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка, когда школа свободной торговли неограниченно царила въ наукѣ, то нельзя не признать ее весьма замѣчательной. Въ этой программѣ можно различить двѣ части, оцѣнка которыхъ можетъ быть весьма различна. Одной частью своей программы Сисмонди выступаетъ въ защиту падающаго мелкаго самостоятельнаго производства; въ этой части Сисмонди является романтикомъ—его идеалы не впереди, а позади. Напротивъ, другой частью своей программы швейцарскій ученый намѣчаетъ рядъ мѣръ для поднятія положенія наемнаго рабочаго на почвѣ того же крупнаго производства, какъ, напримѣръ, ограниченіе рабочаго дня, страхованіе рабочихъ и проч. Онъ является, такимъ образомъ, однимъ изъ піонеровъ соціальнаго законодательства по охранѣ труда,—законодательства, получившаго впослѣдствіи огромное развитіе и въ полезности и цѣлесообразности котораго теперь почти никто не сомнѣвается. Въ этой области Сисмонди былъ новаторомъ, значительно опередившимъ свое время.

Вліяніе Сисмонди на современниковъ было не велико, онъ почти не встрѣтилъ отклика и не помѣшалъ успѣху школы laisser faire. Но теперь, черезъ много лѣтъ послѣ смерти автора «Новыхъ началъ политической экономіи», интересъ къ нему не только не исчезъ, а значительно усилился. Его идеи живутъ и понынѣ. Самые вліятельные представители университетской политической экономіи — нѣмецкіе катедеръ-соціалисты—признаютъ себя послѣдователями швейцарскаго ученаго. И дѣйствительно, Сисмонди можетъ считаться родоначальникомъ того направленія въ экономической наукѣ, на знамени котораго написано: «соціальныя реформы!» и которое занимаетъ промежуточное положеніе между соціализмомъ и школой свободной конкуренціи.

Но не только по своей соціальной программѣ Сисмонди былъ предшественникомъ новѣйшихъ германскихъ экономистовъ—и по своему методу онъ указалъ имъ дорогу. Въ противоположность другимъ экономистамъ начала XIX вѣка, Сисмонди изучалъ экономическія явленія съ *исторической точки зрѣнія*. Экономисты школы Смита были совершенно чужды историческаго духа и самый замѣчательный изъ нихъ—Рикардо—даже и не задавался вопросомъ, возможенъ ли иной общественный и экономическій строй, кромѣ капиталистическаго. Что касается до утопистовъ, то они пытались поставить свою критику капиталистическаго хозяйства на историческую почву, но не будучи историками по спеціальности и недостаточно зная историческіе факты, должны были замѣнять болѣе или менѣе остроумными—иногда прямо геніальными, какъ у Сенъ-Симона и Фурье—догадками фактическое изученіе современнаго хозяйственнаго строя съ исторической точки зрѣнія. Напротивъ, Сисмонди, не отличавшійся особой философской глубиной или смѣлостью и силой мысли, былъ превосходнымъ знатокомъ историческихъ фактовъ. Въ этомъ опять его сходство съ современными экономистами такъ называемой исторической школы. Послѣдніе также не блещутъ широкими обобщеніями или глубокомысленными историко-экономическими теоріями; подобно Сисмонди они стремятся осторожнымъ сопоставленіемъ фактовъ прошлаго хозяйственнаго быта съ фактами современности достигнуть безпристрастнаго и объективнаго пониманія послѣдней. Это имъ не всегда удается, но нельзя отрицать ихъ заслугъ, какъ усердныхъ собирателей научныхъ фактовъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ учителемъ ихъ долженъ быть признанъ Сисмонди.

Для насъ, русскихъ, произведенія знаменитаго автора «Новыхъ началъ» особенно интересны потому, что нигдѣ идеализація мелкаго производства и крестьянскаго хозяйства, ведущая свое начало отъ Сисмонди, не получила такого широкаго распространенія въ образованныхъ кругахъ общества, какъ у насъ. Сисмонди жадно читался и усваивался небольшой кучкой образованныхъ русскихъ читателей еще въ двадцатыхъ годахъ закончившагося вѣка. Затѣмъ, онъ былъ у насъ

*

забытъ, но его идеи, пройдя черезъ много рукъ, нашли для себя благопріятную почву въ Россіи и мало-по-малу завоевали умы большей части нашей прогрессивной интеллигенціи. Такъ называемое народничество представляетъ собой не что иное, какъ перенесенное въ русскія условія ученіе Сисмонди. Правда, мало кто изъ публицистовъ и экономистовъ народническаго лагеря читалъ «Новыя начала политической экономіи» и большинство изъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергло бы заимствованіе ихъ идей у столь далекаго отъ насъ швейцарскаго историка и экономиста. Но фактъ все же считается фактомъ. Сисмонди былъ однимъ изъ вдохновителей нѣмца Гакстгаузена, познакомившаго русское общество съ русской земельной общиной; Гакстгаузенъ повліялъ на Чернышевскаго—духовнаго отца гг. В. В. и Николая —она. И такимъ образомъ, экономистъ-народникъ, быть можетъ, никогда не читавшій ни строки «Новыхъ началъ», развиваетъ невѣдомо для себя взгляды давно умершаго швейцарскаго ученаго.

II.

Экономическіе и соціальные успѣхи рабочаго класса во второй половинѣ XIX вѣка.

Мы знаемъ, какъ повліяла промышленная революція на положеніе рабочаго класса и какъ далека была дѣйствительность отъ осуществленія тѣхъ розовыхъ мечтаній относительно будущаго, которымъ предавались мыслители XVIII вѣка. Успѣхи свободной конкуренціи и принципа laissez faire сопровождались, правда, огромнымъ ростомъ производства, но не менѣе быстро росъ и пауперизмъ. Положеніе рабочихъ классовъ прогрессивно ухудшалось въ теченіе всей первой половины XIX вѣка. Обнищаніе англійскихъ рабочихъ дошло до апогея въ 40-хъ годахъ. На почвѣ этого обнищанія возникло грозное революціонное движеніе въ Англіи—чартизмъ—которое угрожало сокрушить весь исторически сложившійся политическій и соціальный строй этой страны.

Соціальной революціи, однако, не произошло, и чартизмъ оказался не болѣе, какъ кратковременной вспышкой революціоннаго огня, который быстро погасъ за недостаткомъ матеріала. Со второй половины вѣка явственно намѣчаются во всѣхъ передовыхъ капиталистическихъ странахъ новые пути соціальнаго развитія. Въ то время, какъ первые шаги капитализма повели къ значительному ухудшенію положенія рабочаго класса, дальнѣйшіе успѣхи капиталистической промышленности пошли на пользу рабочихъ. Безнадежный взглядъ на судьбу рабочаго класса при капиталистическомъ строѣ хозяйства былъ рѣшительно разбитъ жизнью. «Желѣзный законъ заработной платы», столь правдоподобный въ эпоху Рикардо и Мальтуса, оказался научнымъ заблужденіемъ.

Въ области соціальнаго и экономическаго законодательства Англіи первой половины XIX вѣка явственно замѣчаются два теченія, прямо противоположныя по своимъ отправнымъ пунктамъ и по своему идеологическому смыслу. Съ одной стороны, это было время успѣховъ свободной торговли. То, что казалось Смиту утопіей, черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти стало дѣйствительностью. Свобода рабочаго договора была достигнута всего скорѣе—уже въ 1814 г. законы объ ученичествѣ были отмѣнены. Затѣмъ, началась упорная борьба изъ-за свободы торговли въ международномъ обмѣнѣ. Борьба эта велась, главнымъ образомъ, между двумя господствующими классами—землевладѣльцами и торгово-промышленными капиталистами. Англійская промышленность не боялась иностраннаго соперничества и потому англійскіе фабриканты могли безъ всякаго самопожертвованія отказаться отъ покровительственныхъ пошлинъ. Напротивъ, англійскіе землевладѣльцы съ полнымъ основаніемъ усматривали въ хлѣбныхъ пошлинахъ необходимое условіе поддержанія земельной ренты на высокомъ уровнѣ, установившемся во время войны съ Наполеономъ. Фабриканты, въ свою очередь, съ не меньшимъ основаніемъ считали хлѣбныя пошлины, удорожавшія предметы потребленія внутри страны и сокращавшія международный обмѣнъ, чистымъ убыткомъ для себя. Между капиталомъ и землевладѣніемъ началась упорная борьба, закончившаяся полной побѣдой капитала: въ 1846 г. хлѣбные законы были отмѣнены. Пошлины на фабрикаты были еще раньше значительно понижены. Къ 60-мъ годамъ международная торговля въ Англіи стала совсѣмъ свободна, покровительственныя пошлины въ англійскомъ тарифѣ совершенно исчезли.

Итакъ, свобода конкуренціи восторжествовала. Но торжество это было неполное. Существовала чрезвычайно важная область соціальныхъ отношеній, въ которой наблюдалось не расширеніе, а систематическое ограниченіе свободы. Этой областью былъ рабочій договоръ. Неограниченная свобода рабочаго договора, установившаяся въ Англіи со времени отмѣны законовъ объ ученичествѣ, продолжалась очень недолго.

Правда, наука въ лицѣ экономистовъ всей силой своего авторитета сопротивлялась вторженію государственной власти въ отношеніи предпринимателей къ рабочимъ. Но тѣмъ не менѣе ужасы эксплуатаціи дѣтскаго труда на фабрикахъ были такъ велики, что незаинтересованныя лица не могли не почувствовать необходимости положить конецъ такому порядку вещей, при которомъ маленькія дѣти заработывались на смерть и все фабричное населеніе быстро шло къ полному физическому и моральному вырожденію.

Оппозиція фабричнымъ законамъ со стороны политико-экономовъ повела лишь къ дискредитированію науки въ глазахъ рабочихъ и ихъ друзей. Одинъ изъ вождей движенія въ пользу фабричныхъ законовъ,

Садлеръ, въ такихъ выраженіяхъ отзывался о почтенныхъ служителяхъ экономической науки своего времени: «Политико-экономы—настоящая общественная чума и гонители бѣдныхъ людей—надѣюсь безъ злого умысла. Но съ умысломъ или нѣтъ—это не касается судьбы ихъ несчастныхъ жертвъ. Всѣ ихъ научные принципы и практическія положенія прямо ведутъ къ униженію и неминуемой гибели рабочихъ».

Общественное движеніе, принудившее парламентъ выступить въ защиту интересовъ рабочихъ и ограничить свободу рабочаго договора, сложилось изъ слѣдующихъ элементовъ. Во-первыхъ, люди не заинтересованные въ эксплуатаціи фабричнаго труда и обладавшіе чуткимъ и воспріимчивымъ сердцемъ, естественно не могли равнодушно относиться къ истязаніямъ, которымъ десятки тысячъ дѣтей ежедневно подвергались на фабрикахъ. Религіозное чувство протестовало противъ этихъ жестокостей и потому въ рядахъ вождей движенія мы встрѣчаемъ много религіозныхъ и гуманныхъ людей, отличавшихся консервативными воззрѣніями и выступившихъ въ защиту фабричныхъ законовъ по побужденіямъ исключительно моральнаго свойства. Самый выдающійся и вліятельный руководитель агитаціи въ пользу десятичасоваго рабочаго дня—Ричардъ Остлеръ *) признавалъ себя старымъ тори, защитникомъ трона и алтаря. Этотъ благородный человѣкъ, отдавшій десятки лѣтъ своей жизни на борьбу со зломъ, котораго онъ сталъ случайнымъ свидѣтелемъ, одержавшій, наконецъ, побѣду и умершій въ крайней бѣдности, всѣми забытый, является типомъ безкорыстнѣйшаго общественнаго дѣятеля, дѣйствующаго подъ вліяніемъ самаго высокаго и чистаго альтруизма. Живое и горячее чувство состраданія, а не какая-либо теорія или интересъ какого-либо общественнаго плана, толкнуло Остлера на борьбу. То же слѣдуетъ сказать и о великомъ соціалистѣ Оуэнѣ, который самъ былъ фабрикантомъ, но отдалъ себя дѣлу рабочихъ. Такимъ же безкорыстнымъ другомъ людей былъ и другой рабочій вождь 30-хъ годовъ—методистскій пасторъ Стефенсъ, называвшій себя подобно Остлеру тори.

Отъ этихъ и другихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ рабочему классу, исходила инициатива движенія въ пользу законодательнаго регулированія фабричнаго труда. Рабочіе далеко не сразу поддержали эту инициативу; нѣкоторое время они оставались глухи къ голосу благородныхъ людей, призывавшихъ ихъ на защиту ихъ собственныхъ интересовъ. Но мало-по-малу рабочая масса была вовлечена въ движеніе—и тогда оно стало непреодолимымъ. Когда же участіе рабочихъ доказало общественному мнѣнію неизбѣжность широкаго фабричнаго законодательства, тогда и въ парламентѣ образовалась могущественная партія, сочувствовавшая этому законодательству. Партія эта сложилась, главнымъ образомъ, изъ консерваторовъ — представителей

*) См. статью Л. Давыдовой «Ричардъ Остлеръ, король фабричныхъ дѣтей». «Міръ Божій». Мартъ, 1895 г. *Прим. редакціи.*

землевладѣльцевъ, не заинтересованныхъ въ эксплуатаціи фабричнаго труда и усмотрѣвшихъ въ фабричныхъ законахъ отличное оружіе для борьбы съ фабрикантами, настоявшими на отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ.

Итакъ, гуманные люди, рабочіе, землевладѣльцы—вотъ изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ сложилось движеніе, достигнувшее въ 1847 г. ограниченія труда женщинъ и несовершеннолѣтнихъ на англійскихъ фабрикахъ 10 часами въ сутки. Дѣтскій трудъ былъ ограниченъ еще раньше. Билль о 10-часовомъ рабочемъ днѣ имѣлъ огромное историческое значеніе. Онъ нанесъ смертельный ударъ принципу государственнаго невмѣшательства въ отношенія труда и капитала и открылъ государству новый путь соціальныхъ реформъ.

Противники этого билля,—къ числу которыхъ принадлежали почти всѣ вліятельные представители экономической науки—предсказывали всевозможные ужасы отъ сокращенія рабочаго дня. Принудительное ограниченіе времени работы объявлялось ими святотатственнымъ нарушеніемъ священнѣйшихъ принциповъ политической экономіи, кощунственнымъ покушеніемъ на главнаго политико-экономическаго идола—свободу конкуренціи. Экономисты пытались—но тщетно — убѣдить рабочихъ, что отъ вмѣшательства государства въ условія рабочаго договора жестоко пострадаютъ сами рабочіе, свобода которыхъ разрушается въ корнѣ. Въ тоже время они старались запугать общественное мнѣніе гибельными послѣдствіями фабричнаго законодательства для промышленныхъ интересовъ системы. По знаменитому вычисленію Нассау Сэніора, вся прибыль ланкаширскихъ фабрикантовъ покоилась на одиннадцатомъ часѣ рабочаго дня; ограниченіе времени работы десятью часами въ сутки объявлялось равносильнымъ такому сокращенію выработки продукта, при которомъ продолженіе производства становится невозможнымъ безъ убытка для фабриканта. Десятичасовой билль долженъ нанести смертельный ударъ всей фабричной промышленности страны—вопіяли фабриканты и ихъ друзья—ученые экономисты.

Однако, парламентъ имѣлъ мужество не испугаться всѣхъ этихъ воплей и зловѣщихъ пророчествъ, и принять десятичасовой билль. Какъ же вынесла англійская промышленность этотъ тяжелый ударъ?

Къ общему изумленію, сокращеніе рабочаго дня не только не помѣшало успѣхамъ фабричнаго производства Англіи, но сопровождалось необычнымъ подъемомъ послѣдняго. 50-е и 60-е годы, послѣдовавшіе за проведеніемъ въ жизнь новыхъ фабричныхъ законовъ, были для англійскихъ промышленниковъ эпохой неслыханнаго благополучія. Это было время, когда, по выраженію Гладстона, національное богатство страны росло «прыжками и скачками». Сокращеніе рабочаго дня было болѣе чѣмъ компенсировано увеличеніемъ интенсивности труда и введеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ машинъ, благодаря чему производительность труда значительно возросла, и рабочій сталъ

выдѣлывать въ десять часовъ больше продукта, чѣмъ раньше онъ выдѣлывалъ въ одиннадцать или двѣнадцать часовъ. Соотвѣтственно этому возросла и реальная заработная плата, при одновременномъ повышеніи доходовъ капиталиста.

Опытъ принудительнаго ограниченія времени работы оказался настолько удачнымъ, что оппозиція фабричнымъ законамъ скоро замолкла. Прошло немного лѣтъ, и тотъ же Нассау Сэніоръ, рисовавшій раньше такія мрачныя картины будущаго отъ проведенія 10-тичасоваго билля, выступилъ горячимъ сторонникомъ распространенія фабричныхъ законовъ и на тѣ отрасли промышленности, которыя еще оставались имъ не подчинены. Начало государственнаго вмѣшательства побѣдило.

Фабричные законы, возникшіе въ Англіи вопреки доводамъ политико-экономовъ и находившіеся въ полномъ противорѣчіи съ духомъ школы Смита, не замедлили распространиться и въ другихъ странахъ съ капиталистической промышленностью. Въ настоящее время они повсемѣстно составляютъ важнѣйшую часть болѣе или менѣе широко развитаго въ разныхъ странахъ законодательства по охранѣ труда. Они регулируютъ не только продолжительность рабочаго дня, но и многія другія существенныя условія рабочаго договора.

Вліяніе фабричныхъ законовъ на положеніе рабочаго класса было во всѣхъ отношеніяхъ громадно. Запрещеніе дѣтскаго труда и ограниченіе труда взрослыхъ избавило рабочій классъ отъ непомѣрнаго труда, разрушавшаго организмъ рабочаго. Огромное значеніе имѣло уже само по себѣ увеличеніе досуга, такъ какъ только въ часы отдыха рабочій можетъ пополнять свое образованіе, находить время для исполненія своихъ общественныхъ и политическихъ обязанностей и вообще жить жизнью, достойной человѣка. Переутомленный рабочій прежняго времени не могъ пользоваться благами современной культуры и принимать энергичнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. И только благодаря досугу, созданному сокращеніемъ рабочаго дня, сталъ возможенъ тотъ необычайный интеллектуальный подъемъ рабочаго класса, который характеризуетъ вторую половину истекшаго вѣка.

Не менѣе существенно другое, косвенное вліяніе фабричныхъ законовъ. Заработная плата регулируется спросомъ и предложеніемъ труда. Все, что уменьшаетъ предложеніе труда, или увеличиваетъ спросъ, должно повышать цѣну труда. Фабричные законы воспретили работу дѣтей ниже извѣстнаго возраста; этимъ самымъ они уменьшили число конкурентовъ на рабочемъ рынкѣ. Сокративъ рабочій день взрослыхъ рабочихъ, они увеличили спросъ на рабочія руки, такъ какъ при болѣе короткомъ рабочемъ днѣ требуется болѣе рабочихъ для исполненія опредѣленной работы, чѣмъ при рабочемъ днѣ большей продолжительности. Подъ вліяніемъ всего этого заработная плата должна была возрасти.

Предъявляя фабрикантамъ опредѣленныя санитарныя и гигіеническія требованія, съ соблюденіемъ которыхъ должна совершаться работа въ рабочихъ помѣщеніяхъ, фабричные законы непосредственно охраняютъ здоровье рабочаго. Въ то же время фабричное законодательство могущественно повліяло на поднятіе и усовершенствованіе техники производства, такъ какъ фабриканты только этимъ путемъ могли бороться съ неблагопріятнымъ вліяніемъ сокращенія рабочаго дня на выработку рабочаго. Однимъ изъ важныхъ благотворныхъ дѣйствій фабричныхъ законовъ было также вытѣсненіе мелкихъ предпріятій крупными, такъ какъ крупныя предпріятія, обладающія бо́льшими капиталами, и имѣющія бо́льшую возможность повысить технику производства, съ гораздо большей легкостью приспособляются къ требованіямъ закона, чѣмъ мелкія. На крупныхъ фабрикахъ положеніе рабочихъ, въ то же время, какъ общее правило, гораздо лучше, чѣмъ на мелкихъ.

Въ итогѣ, фабричное законодательство благотворно дѣйствуетъ не только на рабочихъ, которыхъ оно охраняетъ отъ злоупотребленій капиталистической эксплуатаціи, но и на самую капиталистическую промышленность, побуждая ее къ техническому прогрессу и повышенію производительности труда. Въ настоящее время почти никѣмъ не оспаривается необходимость фабричнаго законодательства, представляющаго собой новое начало принудительнаго регулированія государственной властью хозяйственнаго процесса въ сферѣ отношеній труда и капитала. Принципъ laissez faire былъ разбитъ жизнью.

Въ томъ же направленіи, хотя и съ другого конца, дѣйствуетъ и другое могущественное соціальное теченіе новаго времени. Путемъ фабричныхъ законовъ, свобода конкуренціи была ограничена государствомъ; рабочіе союзы достигаютъ того же самаго путемъ организованнаго воздѣйствія самихъ рабочихъ на предпринимателей. И въ этой области новымъ формамъ соціальнаго регулированія хозяйственнаго процесса пришлось преодолѣть упорное сопротивленіе экономистовъ стараго толка—поклонниковъ laissez faire. Тысячи разъ ученые экономисты доказывали рабочимъ безуміе и нелѣпость ихъ стремленія регулировать высоту заработной платы, продолжительность рабочаго дня и вообще условія рабочаго договора. Какъ уничтожающій аргументъ противъ рабочихъ союзовъ выдвигалось знаменитое ученіе о фондѣ заработной платы, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Согласно этому ученію, размѣръ заработной платы опредѣляется двумя условіями: величиной всего національнаго капитала, предназначеннаго для содержанія рабочихъ, и ихъ числомъ въ странѣ. Отсюда дѣлался выводъ, что такъ какъ фондъ заработной платы не можетъ быть увеличенъ рабочими союзами, а число рабочаго населенія страны не можетъ быть ими уменьшено, то, значитъ, союзы рабочихъ не въ силахъ поднять заработной платы.

Ученіе это было почти общепринятымъ среди экономистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Теоретическая несостоятельность его такъ очевидна, что удивляешься, какъ могло оно держаться столько времени. Въ основаніи его лежитъ совершенно невѣрная посылка, будто капиталъ для содержанія рабочихъ страны есть въ каждый данный моментъ опредѣленная величина, не способная къ возрастанію. На самомъ же дѣлѣ не фондъ заработной платы опредѣляетъ высоту платы каждаго отдѣльнаго рабочаго, а высота платы отдѣльныхъ рабочихъ устанавливаетъ размѣръ суммы ихъ—фонда заработной платы. Не ясно ли, что этотъ фондъ можетъ возрастать на счетъ прибыли? Если рабочіе потребуютъ большую плату, то капиталистъ имѣетъ средство удовлетворить ихъ требованію сокративъ долю продукта, поступающую въ его собственное пользованіе—прибыль. Иными словами, рабочіе могутъ увеличивать фондъ заработной платы путемъ уменьшенія прибыли капиталистовъ. А если такъ, то ученіе о фондѣ заработной платы превращается въ невиннѣйшую тавтологію, столь же несомнѣнную, сколь и безплодную: слагаемыя (заработныя платы отдѣльныхъ рабочихъ) равны суммѣ ихъ (фонду заработной платы).

Однако, несмотря на свою слабость, ученіе о фондѣ заработной платы долгое время провозглашалось незыблимымъ закономъ науки. Рабочіе были плохими теоретиками, да имъ было и не до теоретическихъ споровъ, когда дѣло шло объ ихъ собственномъ желудкѣ. Доводамъ экономистовъ они противоставили молчаливый, но достаточно убѣдительный аргументъ — факты. Не смущаясь «законами» науки, дерзкіе невѣжды неутомимо развивали свою классовую организацію. Въ 1824 г. парламентъ отмѣнилъ запретительные законы относительно соглашеній рабочихъ и рабочіе союзы получили возможность существовать открыто. Тѣмъ не менѣе, они еще долгое время должны были бороться съ разнаго рода легальными препятствіями и только въ 1869 г. трэдъ-юніоны получили въ Англіи права юридической личности—получили возможность пріобрѣтать имущество на свое имя. Но уже значительно ранѣе рабочіе союзы въ руководящихъ отрасляхъ англійской промышленности пріобрѣли возможность весьма дѣйствительнымъ образомъ регулировать условія рабочаго договора. Правда, даже въ настоящее время трэдъ-юніонамъ принадлежитъ лишь незначительное меньшинство рабочаго класса (въ настоящее время трэдъ-юніоны охватываютъ собой болѣе $^1/_5$ всѣхъ взрослыхъ промышленныхъ рабочихъ Соединеннаго Королевства). Но о значеніи трэдъ-юніоновъ въ жизни рабочаго класса Англіи отнюдь нельзя судить по сравнительной малочисленности членовъ союзовъ. Во-первыхъ, трэдъ-юніоны имѣютъ всего болѣе членовъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ страны. Въ наиболѣе промышленныхъ графствахъ Англіи трэдъ-юніонисты достигаютъ 50% и болѣе мѣстнаго взрослаго рабочаго населенія. Если же мы обратимся къ отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, то увидимъ, что

въ самыхъ важныхъ изъ нихъ трэдъ-юніоны играютъ роль еще большую. Такъ, по словамъ лучшихъ знатоковъ трэдъ-юніонизма, Сидней и Беатрисъ Веббъ, почти всѣ бумагопрядильщики въ Ланкаширѣ принадлежатъ къ рабочимъ союзамъ; то же слѣдуетъ сказать и о кораблестроителяхъ въ крупнѣйшихъ гаваняхъ Англіи. Около 80% углекоповъ участвуютъ въ трэдъ-юніонахъ. Существуетъ много другихъ важныхъ отраслей производства, въ которыхъ почти всѣ рабочіе — трэдъ-юніонисты. Трэдъ-юніонисты занимаютъ самыя важныя позиціи въ промышленномъ мірѣ. По словамъ Веббъ, «нравственное и интеллектуальное вліяніе, оказываемое трэдъ-юніонистами на рабочую массу, находится внѣ всякой пропорціи къ ихъ относительной численности. Въ ихъ ряды входятъ руководители общественнаго мнѣнія рабочаго міра. Они поставляютъ директоровъ потребительныхъ обществъ, рабочихъ клубовъ, кассъ взаимопомощи, изъ числа ихъ выходятъ рабочіе представители въ школьныхъ и общественныхъ совѣтахъ... Трэдъ-юніонамъ принадлежатъ и всѣ безъ исключенія политическіе дѣятели среди рабочихъ». Вообще, въ составъ трэдъ юніонистовъ входятъ болѣе искусные и интеллигентные рабочіе—умственная аристократія рабочаго класса.

Чтобы оцѣнить значеніе рабочихъ союзовъ, мы должны нѣсколько познакомиться съ ихъ функціями. Рабочими союзами или трэдъ-юніонами называются организованныя сообщества рабочихъ, имѣющія своей главной цѣлью регулированіе условій рабочаго договора. Союзы стремятся поднять заработную плату или противодѣйствовать ея пониженію, сдѣлать ее болѣе устойчивой во времени. Съ этой цѣлью союзы вырабатываютъ таксы нормальныхъ расцѣнокъ рабочей силы и настаиваютъ на принятіи ихъ предпринимателями. Затѣмъ, союзы стремятся къ ограниченію рабочаго дня нормальнымъ временемъ работы, требуютъ соблюденія предпринимателями извѣстныхъ мѣръ предосторожности при работахъ, устройства здоровыхъ мастерскихъ и пр., и пр. Наилучше организованные союзы стремятся (и вполнѣ успѣшно) превратить рабочій договоръ изъ индивидуальнаго соглашенія хозяина съ отдѣльнымъ рабочимъ въ коллективный договоръ хозяина со всѣми рабочими въ лицѣ ихъ представителя—союза, причемъ такого рода договоры имѣютъ силу иногда не только для одного предпріятія, но для всѣхъ предпріятій того же рода въ данномъ районѣ. Благодаря такимъ коллективнымъ соглашеніямъ, устанавливающимъ высоту заработной платы, способы расцѣнки ея, продолжительность рабочаго дня и пр., и пр., рабочій договоръ совершенно утрачиваетъ свой индивидуальный характеръ—какъ отдѣльный рабочій, такъ и отдѣльный капиталистъ исчезаютъ, въ качествѣ самостоятельныхъ контрагентовъ, и мѣсто ихъ заступаютъ организованныя сообщества представителей труда и капитала.

Значеніе рабочихъ союзовъ, въ дѣлѣ регулированія условій рабочаго договора, простирается не только на членовъ союзовъ. Выраб-

танныя ими нормы договора быстро дѣлаются общепринятыми въ данной отрасли промышленности для всѣхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ союзамъ. «Коллективные сдѣлки охватываютъ значительно бо́льшую часть промышленности, чѣмъ трэдъ-юніоны. Точной статистики по этому предмету не существуетъ, но наше впечатлѣніе—говорятъ С. и Б. Веббъ—таково, что во всѣхъ областяхъ промышленности, которыя даютъ занятія квалифицированнымъ рабочимъ, работающимъ совмѣстно въ помѣщеніи предпринимателей, у 90% рабочихъ высота заработной платы, длина рабочаго дня и многія другія условія предопредѣляются коллективными сдѣлками. Лично эти рабочіе не принимали никакого участія въ такихъ сдѣлкахъ, но интересы ихъ защищены представителями ихъ класса».

Рабочіе союзы достигаютъ своихъ цѣлей путемъ образованія, при посредствѣ сборовъ со всѣхъ членовъ, денежныхъ фондовъ, которые облегчаютъ стачку, коллективный отказъ отъ работы, чѣмъ союзъ угрожаетъ предпринимателямъ, не соглашающимся подчиниться требованіямъ союза. Обыкновенно, до стачки дѣло не доходитъ, и стачка фигурируетъ только какъ угроза, къ осуществленію которой союзъ переходитъ лишь въ крайнемъ случаѣ. Правильная и прочная организація рабочихъ въ союзы скорѣе уменьшила, чѣмъ увеличила число стачекъ, такъ какъ, при отсутствіи союзовъ, рабочіе каждаго отдѣльнаго предпріятія могутъ по своей иниціативѣ устроить стачку и бросить работы, между тѣмъ какъ при существованіи вліятельныхъ союзовъ, число членовъ которыхъ иногда считаетъ десятками и даже сотнями тысячъ, стачка на отдѣльной фабрикѣ возможна лишь въ случаѣ рѣшенія правленія союза, выбираемаго всѣми членами рабочаго союза, большинство которыхъ прямо заинтересовано въ томъ, чтобы стачки, тяжело ложащіяся на кассу союза, не предпринимались безъ достаточнаго повода.

Денежные фонды, собираемые рабочими союзами, служатъ не только для стачекъ, но и для разнообразныхъ операцій взаимопомощи, которыя обыкновенно исполняются союзами. Такъ, англійскіе трэдъ-юніоны практикуютъ обыкновенно въ широкихъ размѣрахъ помощь своимъ безработнымъ членамъ, оказываютъ имъ поддержку во время болѣзни, при несчастныхъ случаяхъ, при переселеніи, выдаютъ пособія вдовамъ и пр.

Въ настоящее время число членовъ трэдъ-юніоновъ въ Великобританіи должно считаться около 2 милліоновъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ число организованныхъ рабочихъ превышаетъ 1 милл. Въ Германіи до 700.000 членовъ рабочихъ союзовъ, во Франціи — болѣе 400 тысячъ. Во всемъ капиталистическомъ мірѣ можно считать до 5 милліоновъ организованныхъ рабочихъ.

Блестящіе успѣхи трэдъ-юніонизма лучше всего доказываютъ цѣлесообразность рабочихъ организацій. Теперь уже нельзя сомнѣваться,

что, въ спорѣ рабочихъ съ экономической наукой первой половины истекшаго вѣка, истина была на сторонѣ рабочихъ. Факты вполнѣ доказали, что путемъ организаціи рабочіе могутъ значительно улучшить въ свою пользу условія рабочаго договора. Пока рабочіе были разъединены и конкурировали другъ съ другомъ въ предложеніи рабочей силы, цѣна послѣдней спускалась до уровня голаго существованія. Каждый отдѣльный рабочій несравненно слабѣе капиталиста; и потому пока трудъ не сплотился, при каждомъ столкновеніи его съ капиталомъ побѣдителемъ выходилъ капиталъ. Проповѣдуемая экономистами свобода конкуренціи была гибельна для рабочихъ и превращалась на практикѣ въ самый суровый деспотизмъ нужды. Замѣнивъ эту мнимую свободу коллективной организаціей и отказавшись отъ индивидуальнаго участія въ выработкѣ рабочаго договора, рабочіе чрезвычайно усилили свою экономическую и соціальную мощь и этимъ расширили свою дѣйствительную свободу.

Вліяніе трэдъ-юніоновъ на установленіе болѣе благопріятныхъ для рабочихъ условій рабочаго договора видно изъ того, что англійскимъ рабочимъ удалось, благодаря союзамъ, достигнуть огромнаго сокращенія рабочаго дня (при повышеніи недѣльной платы рабочаго) даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя совершенно не регулируются фабричнымъ законодательствомъ. Англійскіе законы, какъ извѣстно, нормируютъ работу лишь женщинъ и дѣтей; продолжительность труда взрослыхъ мужчинъ не подлежитъ государственному регулированію. Поэтому въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ женщины и дѣти совсѣмъ не работаютъ, законъ не препятствуетъ любому удлиненію рабочаго дня. Тѣмъ не менѣе, именно въ этихъ отрасляхъ промышленности наблюдается наиболѣе короткій рабочій день. Такъ, въ добычѣ угля уже давно господствуетъ 8-ми часовой и даже болѣе короткій рабочій день, достигнутый исключительно благодаря вліянію на предпринимателей рабочихъ союзовъ. Сила послѣднихъ въ Англіи такъ велика, что среди англійскаго рабочаго класса наблюдается даже весьма неразумное равнодушіе къ законодательной охранѣ рабочихъ интересовъ, благодаря увѣренности рабочихъ въ возможности охранить свои интересы при посредствѣ собственныхъ организацій. Союзы идутъ впереди законодательства, которому остается только закрѣплять результаты, уже достигнутые коллективной иниціативой рабочихъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и третій могущественный факторъ подъема рабочаго класса въ новѣйшее время—кооперативное движеніе, зерно котораго было брошено великимъ Оуэномъ. Трэдъюніоны организовали рабочихъ, какъ продавцевъ рабочей силы, потребительныя общества достигли того же самаго по отношенію къ рабочимъ, какъ потребителямъ. По объему, англійское кооперативное движеніе, охватывающее болѣе полутора милліона рабочихъ, также

выдѣляется среди кооперативнаго движенія всего міра, какъ и англійскіе трэдъ-юніоны среди рабочихъ союзовъ другихъ странъ. Но по совершенству организаціи самой замѣчательной слѣдуетъ признать, по нашему мнѣнію, бельгійскую кооперацію. Преимуществомъ бельгійскаго кооперативнаго движенія передъ всѣми другими является тѣсная связь движенія съ политической организаціей рабочихъ—бельгійской рабочей партіей. Въ то время какъ въ Англіи кооперація стоитъ совершенно особнякомъ отъ политической жизни страны, въ Бельгіи и то, и другое составляетъ одно недѣлимое цѣлое.

Бельгійскія потребительныя общества не ограничиваются покупкой продаваемыхъ ими товаровъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ широкихъ размѣрахъ производятъ товары отъ себя. Особенное значеніе имѣютъ кооперативныя булочныя, дающія самые крупные доходы бельгійскимъ кооперативамъ. Но значеніе послѣднихъ не только экономическое. Такія учрежденія, какъ «Народный Домъ» въ Брюсселѣ—самое крупное потребительное общество Бельгіи, насчитывающее 18.000 членовъ — играютъ огромную роль во всей общественной и интеллектуальной жизни рабочихъ. Объ экономическомъ значеніи «Народнаго дома» можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Обороты «Дома» за 1899 г. превышали 2 милліона фр. Чистой прибыли было получено 241 тыс. фр., причемъ кооперативная булочная (крупнѣйшая въ странѣ) дала 196 тыс. фр. При «Домѣ» имѣются отдѣленія по продажѣ готоваго платья, угля, мяса, мелочныхъ товаровъ, мануфактурныхъ, галантерейныхъ и др. Къ «Народному Дому» примыкаетъ цѣлый рядъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью оказывать помощь рабочимъ въ случаѣ болѣзни или несчастія. «Народный Домъ» имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый медицинскій персоналъ изъ нѣсколькихъ десятковъ врачей, акушерокъ и фармацевтовъ.

Благодаря этому могущественному кооперативному обществу, цѣна печенаго хлѣба въ Брюсселѣ понизилась за послѣдніе годы на 30—40%. При «Домѣ» имѣются хоры, оркестры и часто устраиваются общедоступные спектакли съ самой ничтожной платой за входъ; играютъ сами рабочіе. Многіе университетскіе профессора, симпатизирующіе рабочей партіи, читаютъ въ «Домѣ» лекціи по разнымъ вопросамъ общественной жизни и естествознанія.

Въ 1899 г. было сооружено новое зданіе «Народнаго Дома», стоившее около 1 милліона фр. На торжество открытія собрались представители всѣхъ важнѣйшихъ рабочихъ организацій Бельгіи. Вотъ какъ описываетъ новый «Народный Домъ» одинъ русскій писатель.

«На углу улицы Chapelle и улицы Stevens открывается большое зданіе оригинальной архитектуры. Весь фасадъ въ 76 метровъ изъ 4-хъ этажей состоитъ изъ стекла; только присматриваясь, замѣчаешь желѣзо и кое-гдѣ красный кирпичъ... Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются магазины готоваго платья, мясная лавка, ресторанъ; выше — всевоз-

можныя бюро, большая часть которыхъ принадлежитъ рабочимъ союзамъ, такъ какъ 67 союзовъ съ 7 тысячами членовъ группируются вокругъ «Народнаго Дома»; еще выше — библіотека, зала собранія, отдѣленія изящныхъ искусствъ и просвѣщенія и, наконецъ, большая праздничная зала, свободно вмѣщающая 5.000 человѣкъ: мягкіе бархатные диваны, вѣнскіе стулья, кресла на галлереѣ къ услугамъ публики... Надъ всѣмъ этимъ, надъ моремъ крышъ возвышается терраса съ широкимъ горизонтомъ, подобно палубѣ могущественнаго корабля, стремящагося на всѣхъ парахъ къ берегамъ новаго міра... Вечеромъ все зданіе залито электричествомъ».

Учрежденія подобнаго рода составляютъ главную опору бельгійской рабочей партіи. Общее число членовъ кооперативныхъ учрежденій въ Бельгіи превышаетъ 260 тысячъ. Въ Германіи, въ потребительныхъ обществахъ участвуетъ около 800 тысячъ членовъ, во Франціи — 469 тысячъ, въ Италіи — около 200 тысячъ. Эти цифры даютъ представленіе о могуществѣ кооперативнаго движенія, охватывающаго во всемъ капиталистическомъ мірѣ, какъ и рабочіе союзы, также около 5 милліоновъ лицъ, преимущественно рабочаго класса.

Эти факторы — законодательство по охранѣ труда, рабочіе союзы, кооперативное движеніе, — вызвали въ послѣднее время несомнѣнный подъемъ соціальнаго могущества и благосостоянія рабочаго класса. Безнадежный взглядъ на будущность рабочаго класса при капиталистическомъ строѣ хозяйствъ не раздѣляется въ настоящее время, можно сказать, никѣмъ. Фридрихъ Энгельсъ, нарисовавшій полвѣка назадъ въ знаменитой книгѣ «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» мрачную картину экономическаго быта англійскихъ рабочихъ въ началѣ 40-хъ годовъ истекшаго вѣка, признаетъ во второмъ изданіи своей книги, что теперь положеніе значительно измѣнилось къ лучшему. Германская соціалъ-демократическая партія, много лѣтъ остававшаяся подъ обаяніемъ могучей личности Лассаля, долго считала формулированный имъ знаменитый «желѣзный законъ заработной платы» послѣднимъ словомъ экономической мудрости. Но и она должна была признать, что мнимый «законъ» не согласуется съ новѣйшими фактами и въ 1890 г., на конгрессѣ въ Галле вычеркнула его изъ своей экономической программы.

Поднятіе благосостоянія рабочаго класса въ Западной Европѣ и Америкѣ за вторую половину XIX вѣка признается всѣми. Денежная заработная плата въ Англіи возросла со времени 40-хъ годовъ, вѣроятно, въ среднемъ, болѣе, чѣмъ на 50%. Реальная заработная плата поднялась не такъ значительно благодаря растущей, несмотря на паденіе цѣнъ многихъ предметовъ потребленія рабочаго класса, дороговизнѣ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочій день сократился. Подобныя же измѣненія имѣли мѣсто и въ другихъ капиталистиче-

скихъ странахъ. Такимъ образомъ, современный рабочій, работая меньше часовъ, получаетъ больше рабочаго прежняго времени.

«Желѣзный законъ заработной платы» долженъ быть замѣненъ теперь инымъ обобщеніемъ, гласящимъ, что «техническій прогрессъ, благодаря возрастанію производительности труда, приводитъ къ постоянному пониженію задѣльной платы, связанному съ возрастаніемъ недѣльнаго заработка рабочаго и съ сокращеніемъ рабочаго времени» (Шульце-Геверницъ). Техническій прогрессъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ соціальный.

М. Туганъ-Барановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛКОВНИКЪ СТАРБОТЛЪ.

РАЗСКАЗЪ БРЕТЪ-ГАРТА.

Это былъ день тріумфовъ для полковника Старботла. Во-первыхъ, для его личности, такъ какъ очень трудно было отдѣлить личность полковника отъ его дѣятельности; во-вторыхъ, для его ораторскаго таланта, который онъ проявилъ въ качествѣ симпатичнаго защитника; и въ-третьихъ, для него, какъ главнаго адвоката Компаніи Эврикскаго Канала въ ея тяжбѣ противъ штата Калифорнія. Собственно, объ его успѣхѣ на чисто-юридической почвѣ я предпочитаю здѣсь не говорить; нѣкоторые даже отрицали его, хотя присяжные и согласились съ его доводами въ присутствіи судьи, который самъ относился къ дѣлу несерьезно и нѣсколько цинично. Впродолженіи часа присяжные то смѣялись вмѣстѣ съ полковникомъ, то плакали вмѣстѣ съ нимъ, то заражались его негодованіемъ, то приходили въ патріотическую экзальтацію отъ его возвышенной, пылкой рѣчи,—развѣ послѣ всего этого они могли отказать ему въ своемъ рѣшеніи? Хотя нѣкоторые и утверждали, что американскій орелъ, Томасъ Джефферсонъ и революція 98-го года не имѣютъ никакого отношенія къ тяжбѣ Эврикской компаніи, основанной на неясно выраженныхъ законодательныхъ документахъ; что массовыя злоупотребленія прокурора штата и его политическіе интересы не имѣютъ ни малѣйшей связи съ разбиравшимся юридическимъ вопросомъ,—тѣмъ не менѣе всѣ были согласны въ томъ, что проигравшая сторона была бы въ восторгѣ, если бы могла переманить полковника на свою сторону. И полковникъ Старботлъ зналъ это, когда вспотѣвшій, но свѣжій и румяный, онъ гордо выходилъ изъ залы суда при громкихъ восклицаніяхъ и рукопожатіяхъ своихъ друзей, застегивая на ходу пуговицы своего темно-синяго фрака, который было разстегнулся въ пылу ораторскаго увлеченія, и поправляя брыжжи своей старомодной, бѣлоснѣжной сорочки.

Но здѣсь случилось нѣчто совершенно безпримѣрное. Полковникъ рѣшительно отказался пойти въ салонъ Пальметто освѣжиться спиртными напитками и объявилъ свое намѣреніе отправиться прямо въ свою контору, которая находилась въ сосѣднемъ скверѣ. Со всѣмъ тѣмъ

полковникъ покинулъ судъ одинъ и, повидимому, невооруженный, если не считать его вѣрной, съ золотымъ набалдашникомъ, трости, которую онъ по обыкновенію держалъ въ рукѣ. Толпа смотрѣла ему вслѣдъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ при этомъ новомъ доказательствѣ его смѣлости. Нѣкоторые при этомъ вспомнили, что когда онъ заканчивалъ свою рѣчь, ему передали таинственное письмо—очевидно вызовъ отъ прокурора штата. Было вполнѣ естественно предположить, что полковникъ—опытный дуэлистъ—поспѣшилъ домой, чтобы отвѣтить на вызовъ.

Но предположеніе было ошибочное. Письмо было написано женской рукой и содержало только просьбу къ полковнику о назначеніи свиданія пишущей въ конторѣ полковника немедленно же по окончаніи засѣданія. Полковникъ, преданный прекрасному полу не менѣе, чѣмъ «своду законовъ», поспѣшилъ согласиться на просьбу. Подходя къ своей конторѣ, онъ носовымъ платкомъ стряхнулъ пыль съ своихъ бѣлоснѣжныхъ панталонъ и лакированныхъ сапогъ и оправилъ свой черный галстухъ и Байроновскій воротникъ.

Однако, онъ былъ удивленъ, когда, открывъ дверь своей конторы, онъ увидѣлъ, что посѣтительница уже ждала его, но онъ былъ еще непріятнѣе удивленъ, увидѣвъ особу старше среднихъ лѣтъ и очень скромно одѣтую. Но полковникъ былъ воспитанъ въ школѣ южной вѣжливости, которая уже становится античной въ республикѣ, и его низкій, учтивый поклонъ принадлежалъ той же эпохѣ, что и брыжжи его сорочки и штрипки на его панталонахъ. Въ его обращеніи никто бы не могъ замѣтить испытаннаго имъ разочарованія, хотя фразы его были коротки и обрывисты. Но разговорная рѣчь полковника часто представляла собой безсвязные отрывки его ораторскихъ упражненій.

— Тысячу извиненій... э... что... э... заставилъ ждать лэди! Но... э... поздравленія друзей и... э... учтивость къ нимъ... э... замедлила.. хотя можетъ быть, только увеличила, вслѣдствіи этого... удовольствіе... а!

И полконникъ докончилъ фразу галантнымъ движеніемъ своей пухлой, бѣлой, выхоленной руки.

— Да! Я пришла къ вамъ именно вслѣдствіе вашей рѣчи. Я была въ судѣ. Когда я увидѣла, какъ ловко вы огорошили ею присяжныхъ, я сказала себѣ: вотъ такого-то адвоката мнѣ и надо, такого краснорѣчиваго и убѣдительнаго! Какъ разъ такой и нуженъ, чтобы взяться за наше дѣло.

— А! Значитъ рѣчь идетъ о дѣлахъ,—сказалъ полковникъ, повидимому беззаботно, но съ большимъ внутреннимъ облегченіемъ.—И... э... могу ли я спросить, какого рода это дѣло?

— Да, нарушеніе обѣщанія жениться, — сказала спокойно посѣтительница.

Если полковникъ и раньше былъ удивленъ, то теперь онъ былъ буквально пораженъ и его ужаса не могла скрыть даже его вѣжли-

вость. Къ дѣламъ о «нарушенiи обѣщанiя» онъ питалъ особенное отвращенiе. Онъ всегда думалъ, что такого рода иски можно было бы предупреждать, убивъ оскорбителя мужского пола и тогда бы онъ съ большимъ удовольствiемъ сталъ защищать убiйцу. Но искъ о взысканiи убытковъ! — *убытковъ!* — съ чтенiемъ любовныхъ писемъ передъ улыбающимися присяжными и судомъ! Противъ этого возставала вся его натура. Его рыцарскiя чувства были оскорблены, а юмора у него было мало и впродолженiи своей карьеры онъ потерялъ два или три важныхъ дѣла, благодаря именно той неожиданной веселости, которая при такого рода дѣлахъ неудержимо овладѣвала присяжными.

Посѣтительница, повидимому, замѣтила его нерѣшительность, но истолковала ее невѣрно.

— Это дѣло касается не меня, но моей дочери,—сказала она.

Находчивость полковника вернулась къ нему.

— О! Я очень радъ, дорогая лэди! Я бы съ трудомъ могъ понять человѣка, настолько невѣжественнаго, чтобы...э...э...отвернуться отъ такого очевиднаго счастья, или настолько низкаго, чтобы обмануть довѣрiе женщины, возникшее и окрѣпнувшее, только благодаря рыцарству нашего пола, а!

Дама мрачно улыбнулась.

— Да! Это касается моей дочери, Зеди Гукеръ, такъ что вы можете приберечь для *нея* одну изъ вашихъ красивыхъ рѣчей передъ присяжными.

Полковникъ слегка нахмурился въ виду этой сомнительной перспективы, но сейчасъ же улыбнулся.

— А! Да! Конечно, передъ присяжными. Но...э...моя дорогая лэди, развѣ намъ необходимо заходить такъ далеко? Развѣ дѣло не можетъ быть улажено безъ...э...суда? Развѣ нельзя этого...э...субъекта заставить дать удовлетворенiе—личное удовлетворенiе—за его низкое поведенiе—кому-нибудь изъ родныхъ, или хотя бы одному изъ друзей? Необходимыя для этого хлопоты я бы съ удовольствiемъ взялъ на себя.

Онъ былъ вполнѣ искрененъ; въ самомъ дѣлѣ, его маленькiе черные глаза блестѣли тѣмъ огнемъ, который можетъ быть только зажженъ или красивой женщиной, или «дѣломъ чести». Посѣтительница разсѣянно смотрѣла на него, пока онъ говорилъ, и затѣмъ медленно сказала:

— Ну, и что же хорошее можетъ изъ этого выйти для *насъ?*

— Мы принудимъ его...э...исполнить свое обѣщанiе, — сказалъ полковникъ, откидываясь на спинку кресла.

— Заставить его сдѣлать это!—воскликнула женщина презрительно.—Нѣтъ, намъ этого вовсе не нужно. Мы должны заставить его *заплатить* убытки—и больше ничего.

Полковникъ закусилъ губы.

— Я полагаю,—сказалъ онъ мрачно, — у васъ имѣются документальныя доказательства—письменное обѣщанiе и объясненiе въ любви и...э...э...любовныя письма?

*

— Ни даже одного письма! Видите, вотъ потому-то именно здѣсь и нужны *вы*. Вамъ надо будетъ самому убѣдить присяжныхъ; вамъ надо будетъ самому показать, въ чемъ дѣло—разсказать всю исторію по своему. Господи! Такому человѣку, какъ вы, это ничего не стоитъ!

Такое предложеніе всякаго другого адвоката могло бы только испугать, но Старботлъ почувствовалъ облегченіе. Отсутствіе какой бы то ни было возбуждающей веселье корреспонденціи и воззваніе единственно къ его дару убѣждать, положительно ему понравилось. Онъ сдѣлалъ движеніе своей бѣлой рукой, какъ бы желая отклонить комплиментъ.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ полковникъ увѣренно,—вы имѣете неопровержимыя, строго провѣренныя доказательства? Можетъ быть, вы дадите мнѣ...э...краткій очеркъ дѣла?

— Зеди, я думаю, можетъ сдѣлать это лучше, — сказала женщина,—но я бы хотѣла раньше знать, можете ли вы взять это дѣло?

Полковникъ больше не колебался; его любопытство было возбуждено.

— Да, я, конечно, могу. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что ваша дочь сообщитъ мнѣ достаточно фактовъ и подробностей, чтобы составить то, что мы называемъ краткимъ изложеніемъ дѣла.

— Она можетъ кратко и достаточно пространно излагать это дѣло,—сказала женщина, поднимаясь.

Полковникъ улыбнулся на эту предполагаемую остроту.

— А когда же я могу имѣть удовольствіе видѣть ее? — спросилъ онъ учтиво.

— Да какъ только я успѣю выйти и позвать ее. Она здѣсь недалеко, ждетъ на улицѣ, знаете, она немного стѣсняется сначала.

Она направилась къ двери. Изумленіе полковника все росло, тѣмъ не менѣе онъ галантно проводилъ свою посѣтительницу до дверей; она вышла на средину улицы и пронзительно крикнула: «Эй, Зеди!» Молодая дѣвушка сейчасъ же показалась изъ-за ствола дерева, гдѣ она прилежно читала старую избирательную афишу и направилась къ дверямъ конторы. Какъ и ея мать, она была очень просто одѣта, но лицо ея было блѣдное, тонкое съ застѣнчивымъ ртомъ и опущенными внизъ глазами. Это было все, что полковникъ могъ разсмотрѣть, когда, пропуская ее въ дверь, онъ отвѣшивалъ ей низкій поклонъ, ибо на его привѣтствіе она отвѣтила, не поднимая головы. Онъ галантно предложилъ ей стулъ, на который она сѣла бокомъ и немного церемонно, устремивъ глаза на кончикъ своего зонтика, которымъ сейчасъ же принялась чертить узоръ ковра. Второй стулъ полковникъ предложилъ матери, но она отказалась.

— Я полагаю, васъ лучше оставить однихъ, чтобы вы съ Зеди могли поговорить,—сказала она и, обратившись къ дочери, прибавила: смотри же, скажи ему все Зеди!—и прежде чѣмъ полковникъ успѣлъ снова подняться, она исчезла изъ комнаты.

Несмотря на свой профессіональный опытъ, Старботлъ въ первый моментъ былъ въ замѣшательствѣ. Но молодая дѣвушка прервала молчаніе, не поднимая глазъ.

— Адонирамъ Гочкисъ,—начала она монотонно, какъ будто обращаясь къ публикѣ съ заученной рѣчью,—сталъ впервые обращать на меня вниманіе годъ тому назадъ. Затѣмъ дальше—больше...

— Одинъ моментъ,—прервалъ ее пораженный полковникъ,—вы имѣете въ виду Гочкиса—предсѣдателя Компаніи Канала? Онъ узналъ имя одного изъ выдающихся городскихъ гражданъ—строгаго аскета, молчаливаго среднихъ лѣтъ человѣка, бывшаго церковнымъ старшиной и больше того—главой компаніи, которую онъ только что защищалъ.

— Да, его,—продолжала она, по прежнему не поднимая глазъ отъ своего зонтика и не измѣняя своего тона,—и съ тѣхъ поръ, дальше—больше. Чаще всего въ баптистской церкви Свободной Воли—на утреннихъ богослуженіяхъ, на молитвенныхъ собраніяхъ и тому подобныхъ. Также дома... около... на улицѣ.

— И этотъ самый джентльменъ—мистеръ Адонирамъ Гочкисъ—далъ вамъ... э... обѣщаніе жениться?—запинаясь проговорилъ полковникъ.

— Да.

Полковникъ безпокойно заерзалъ на своемъ креслѣ.—Необыкновеннѣйшій случай, потому что, видите ли, моя дорогая юная лэди, это становится... э... очень щекотливымъ дѣломъ.

— Да, это именно мама говорила,—просто отвѣтила молодая дѣвушка и слабая улыбка заиграла вокругъ ея застѣнчиваго рта и на опущенныхъ щекахъ.

— Я хочу сказать,—продолжалъ полковникъ съ принужденной, но все еще вѣжливой улыбкой,—что этотъ джентльменъ... э... принадлежитъ... э... къ числу моихъ кліентовъ.

— Да, это мама тоже говорила и, конечно, ваше знакомство съ нимъ облегчитъ вамъ дѣло,—сказала молодая дѣвушка.

Щеки полковника слегка покраснѣли и онъ быстро и нѣсколько сухо отвѣтилъ:

— Наоборотъ... э... это можетъ побудить меня отказаться отъ дѣла совсѣмъ.

Дѣвушка подняла глаза. Когда ея длинныя рѣсницы поднялись въ уровень съ лицомъ полковника, дыханіе его замерло. Даже равнодушный наблюдатель замѣтилъ бы, что это внезапное поднятіе ея глазъ волшебнымъ образомъ измѣнило ея лицо! Это были большіе темные бархатные глаза, полные при этомъ какой-то необыкновенной проницательности и проникновенія въ тайны души собесѣдника. Это были глаза опытной тридцатилѣтней женщины на лицѣ ребенка. Что еще полковникъ увидѣлъ въ нихъ, знаетъ одинъ Богъ! Онъ почувствовалъ, что открыты самыя сокровенныя его тайны, что вся душа

его обнажена, что его воинственность, тщеславіе, мужество—даже его средневѣковое рыцарство—угаданы и ярко блестятъ въ одномъ этомъ взглядѣ. И когда рѣсницы снова опустились, онъ почувствовалъ, что онѣ увлекли за собой значительную часть его собственнаго сердца.

— Прошу извинить меня,—сказалъ онъ поспѣшно.—Я хотѣлъ сказать, что это дѣло можно уладить... э... полюбовно. Наши общіе съ нимъ интересы—и, какъ вы это мудро замѣтили, мое... э... знаніе моего кліента... э... мистера Гочкиса, могутъ способствовать устройству... э.. соглашенія.

— И *взысканію убытковъ*,—сказала молодая дѣвушка, снова возвращаясь къ своему зонтику, какъ будто она и не поднимала глазъ.

Полковникъ нахмурился.—И... э... *вознагражденія*, несомнѣнно, если вы не будете настаивать на исполненіи обѣщанія. Но можетъ быть,—прибавилъ онъ, пытаясь взять свой прежній галантный тонъ, что ему, однако, при воспоминаніи о ея глазахъ, было очень трудно, можетъ быть, здѣсь замѣшанъ вопросъ о... э... чувствѣ?

— О какомъ?—спросила мягко его прекрасная кліентка.

— Можетъ быть, вы еще любите его?—объяснилъ полковникъ, совсѣмъ покраснѣвъ.

Зеди опять подняла глаза, опять у полковника сперлось дыханіе, когда онъ увидѣлъ, что эти глаза выражали не только полнѣйшее пониманіе того, что онъ *сказалъ*, но и того, о чемъ онъ думалъ и даже тонкій намекъ на то, о чемъ онъ могъ бы думать.

— Объ этомъ не стоитъ говорить,—сказала она, снова опуская свои рѣсницы. Полковникъ, неизвѣстно почему, разсмѣялся. Но чувствуя, что его поведеніе становится все болѣе глупымъ, онъ попробовалъ, хотя безуспѣшно принять серьезный тонъ.

— Простите, я знаю, что нѣтъ писемъ, но могу ли я узнать, какимъ образомъ онъ излагалъ свои признанія и обѣщанія?

— Въ книгѣ гимновъ,—коротко сказала дѣвушка.

— Виноватъ...—сказалъ полковникъ, не понявъ.

— Въ книгѣ гимновъ—онъ отмѣчалъ слова карандашемъ—и передавалъ мнѣ,—повторила Зеди.—Такія слова, какъ *любовь*, *дорогая*, *драгоцѣнная*, *милая*, *благословенная*,—прибавила она, постукивая при каждомъ словѣ, зонтикомъ по ковру.—Иногда цѣлыя строчки изъ Пѣсенъ Соломона и подобныхъ, вы знаете.

— Я знаю,—сказалъ полковникъ гордо,—что реченія священныхъ псалмовъ поддаются выраженію чувствъ. Но что касается опредѣленнаго обѣщанія жениться развѣ не было... э... *другихъ* выраженій?

— Брачное богослуженіе въ молитвенникѣ, строчки и слова изъ него всѣ подчеркнуты,—отвѣтила Зеди. Полковникъ непринужденно и одобрительно кивалъ головой.

— Очень хорошо. Кто-нибудь еще знаетъ объ этомъ? Не было ли какихъ-нибудь свидѣтелей?

— Конечно, нѣтъ,—сказала дѣвушка.—Только онъ и я. Это бывало обыкновенно во время церковныхъ службъ и на молитвенныхъ собраніяхъ. Однажды, передавая мнѣ тарелку для сбора, онъ положилъ на нее одну изъ тѣхъ мятныхъ лепешекъ, на которыхъ отпечатаны слова «я люблю васъ», и подвинулъ ее ко мнѣ, чтобы я ее взяла.

Полковникъ слегка кашлянулъ.

— И у васъ есть эта лепешка?

— Нѣтъ, я съѣла ее,—сказала дѣвушка просто.

— А!—сказалъ полковникъ и послѣ паузы деликатно прибавилъ:

— Но эти знаки вниманія были... э... оказываемы исключительно въ... э... священныхъ обителяхъ? Не встрѣчали ли вы его въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ?

— Онъ обыкновенно проходилъ мимо нашего дома,—отвѣтила дѣвушка, снова возвращаясь къ своему монотонному изложенію,—и обыкновенно давалъ сигналы.

— А, сигналы!—повторилъ полковникъ одобрительно.

— Да! Онъ говорилъ «Кирроу», а я отвѣчала. «Кирри»! Понимаете, перекликались, какъ птички.

Въ самомъ дѣлѣ, когда она возвысила голосъ, подражая зову, полковникъ нашелъ, что это выходитъ очень мило и совершенно по-птичьи. По крайней мѣрѣ, какъ *она* подражала. Но вспомнивъ угрюмую фигуру церковнаго старшины, онъ усомнился въ мелодичности *его* подражанія. Онъ съ серьезной важностью заставилъ ее повторить еще разъ.

— И что же послѣ этого сигнала?—спросилъ онъ,

— Онъ проходилъ дальше,—отвѣтила дѣвушка.

Полковникъ слегка кашлянулъ и постучалъ объ столъ ручкой пера.

— Были ли какія-нибудь другія проявленія нѣжности или... э... ласки... э... напримѣръ не бралъ ли онъ васъ за руку... э... не обнималъ ли за талію?—спрашивалъ онъ любезно и почтительно, покачивая, при этомъ головой и слегка помахивая своей бѣлой рукой.—Э не пожималъ ли ваши пальцы во время танцевъ, я хочу сказать,—поправился онъ смущенно кашлянувъ,—передавая вамъ тарелку для сбора?

— Нѣтъ, онъ не былъ, какъ вы бы сказали, *сумасброднымъ*,—отвѣтила дѣвушка.

— А! Адониромъ Гочкисъ не былъ *сумасброднымъ* въ обыкновенномъ значеніи этого слова,—сказалъ полковникъ съ профессіональной серьезностью.

Она подняла свои смущающіе глаза и опять заставила затрепетать его сердце.

Она сказала «да», хотя ея глаза съ ихъ таинственнымъ угадываніемъ всѣхъ его мыслей, совершенно уничтожали необходимость отвѣта. Онъ неопредѣленно улыбнулся. Наступила длинная пауза; затѣмъ она медленно отняла свой зонтикъ отъ узора ковра и встала.

— Я полагаю, что все,—сказала она.

— Э... да... только еще одинъ моментъ,—сказалъ полковникъ неопредѣленно. Ему хотѣлось задержать ее подольше, но при ея странномъ угадываніи его мыслей, онъ чувствовалъ себя не въ силахъ ни задержать ее, ни объяснить ей причину задержанія. Онъ инстинктивно зналъ, что она сказала ему все, его профессіональный опытъ подсказывалъ ему, что болѣе безнадежнаго дѣла ему еще не приходилось встрѣчать. Но онъ нисколько не былъ обезкураженъ и только находился въ нѣкоторомъ затрудненіи.—Не важно, впрочемъ,—сказалъ онъ неопредѣленно. Безъ сомнѣнія, намъ придется еще имѣть совѣщаніе.

Ея глаза опять отвѣтили, что и она думала, что придется, но спросила только—когда?

— Черезъ день, или два,—сказалъ поспѣшно полковникъ.—Я извѣщу васъ. Она повернулась, чтобы уходить. Стремительно бросившись отворять ей дверь, онъ опрокинулъ свой стулъ, а въ узкой передней онъ, своими неловкими, какъ у смущеннаго юноши, движеніями, почти мѣшалъ ей самой двигаться и, наконецъ, съ послѣднимъ галантнымъ поклономъ, выронилъ изъ рукъ свою широкополую панамскую шляпу. Когда она проходила мимо него со своимъ красивымъ, юнымъ личикомъ, обрамленнымъ простой соломенной Лекгорновской шляпой, завязанной голубыми лентами подъ ея круглымъ подбородкомъ, она выглядѣла ребенкомъ больше, чѣмъ когда бы то ни было.

Полковникъ провелъ все послѣобѣденное время въ дипломатическихъ развѣдкахъ. Онъ узналъ, что его молодая кліентка была дочерью вдовы, владѣющей небольшой фермой неподалеку отъ новой баптистской церкви Свободной Воли, гдѣ и разыгрывалась эта пастораль. Онѣ вели уединенную жизнь; молодую дѣвушку мало знали въ городѣ и ея красота и обаяніе не были еще извѣстны. Полковнику это обстоятельство доставило пріятное облегченіе и вообще удовлетвореніе, въ причинѣ котораго онъ не отдавалъ себѣ отчета! Его немногія справки о мистерѣ Гочкисѣ только подтвердили его собственныя впечатлѣнія о предполагаемомъ влюбленномъ; это былъ серьезный, практичный и сухой человѣкъ, сторонящійся общества молодежи и, повидимому, меньше всѣхъ способный какъ къ легкомысленнымъ увлеченіямъ, такъ и къ серьезному ухаживанію. Полковникъ былъ заинтригованъ, но твердо рѣшилъ не отступать.

На слѣдующій день онъ былъ въ своей конторѣ въ обычный часъ. Онъ былъ одинъ, какъ обыкновенно. Контора полковника была, собственно, одной изъ комнатъ его частной квартиры и непосредственно примыкала къ остальнымъ комнатамъ. У полковника не было клерка; его вѣрный слуга и бывшій невольникъ Джимъ относилъ всѣ бумаги и письма другой фирмѣ, которая исполняла конторскую работу полковника со времени смерти майора Страйкера, его единственнаго компаніона, который былъ убитъ на дуэли нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Онъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ сохранялъ имя своего компаніона на вывѣскѣ и его успѣхи, какъ это увѣряли суевѣрные, отчасти объяснялись покровительствомъ *манъ*—духа усопшаго человѣка, котораго онъ оплакивалъ и немного боялся.

Полковникъ посмотрѣлъ на свои часы, тяжелая золотая крышка которыхъ носила еще слѣды вмѣшательства Провидѣнія: на ней виднѣлся отпечатокъ пули, которая была предназначена для него самого. Онъ положилъ ихъ обратно въ карманъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. Въ этотъ же моментъ онъ услышалъ шаги въ передней и дверь открылась, пропуская Адонирама Гочкиса.

Вошедшій поклонился съ ожидающимъ и вопросительнымъ взглядомъ дѣлового человѣка. Какъ только его ноги переступили священный порогъ, полковникъ сталъ сама любезность; онъ пододвинулъ стулъ своему посѣтителю и взялъ шляпу изъ его рукъ, которыя съ неохотой ее отдавали. Затѣмъ, онъ открылъ шкапъ и взялъ оттуда бутылку виски и два стакана.

— Э... легкое подкрѣпленіе, мистеръ Гочкисъ,—почтительно предложилъ полковникъ.

— Я никогда не пью,—отвѣтилъ Гочкисъ съ суровымъ видомъ полной воздержанности.

— А... э... даже самой лучшей Бурбонской виски, спеціально для меня выбранной моимъ другомъ въ Кентуки? Нѣтъ? Простите. Тогда сигару—превосходнѣйшая гаванна.

— Я не употребляю ни табакъ, ни алкоголь ни въ какихъ видахъ,—повторилъ Гочкисъ строго.—У меня нѣтъ глупыхъ слабостей.

Влажные и блестящіе, какъ стеклянныя бусы, глаза полковника скользнули взглядомъ по желтому лицу его кліента. Онъ комфортабельно откинулся на спинку кресла и, полузакрывъ глаза, какъ бы мечтательно вспоминая, медленно сказалъ:

— Вашъ отвѣтъ, мистеръ Гочкисъ, напоминаетъ мнѣ... э... удивительное событіе, которое... э... произошло въ дѣйствительности въ отелѣ Ст.-Шарль, въ Нью-Орлеанѣ. Пинки Горнблауэръ—одинъ изъ моихъ личныхъ друзей—пригласилъ сенатора Дулитла распить съ нимъ стаканъ виски. И, какъ странно, онъ получилъ въ отвѣтъ точь-въ-точь то самое, что вы сказали мнѣ. «Вы не пьете и не курите,—сказалъ Пинки.—О, сэръ, въ такомъ случаѣ вы должны быть необыкновенно пріятны дамамъ» Ха!—Полковникъ сдѣлалъ длинную паузу и когда слабый румянецъ совсѣмъ сошелъ съ лица Гочкиса, онъ продолжалъ, полузакрывъ глаза.—Я никому не позволю, сэръ, обсуждать мои личныя привычки, сказалъ Дулитлъ изъ-за воротничковъ своей сорочки.—Въ такомъ случаѣ, я полагаю, стрѣльба тоже входитъ въ число этихъ привычекъ, сказалъ Пинки холодно. На слѣдующее утро они встрѣтились на Шелской дорогѣ, что позади кладбища. Пинки, на разстояніи двѣнадцати шаговъ, всадилъ пулю въ

Дулитла. Бѣдный Ду ужъ не говорилъ больше никогда. Онъ оставилъ трехъ женъ и семерыхъ дѣтей—говорятъ, двухъ изъ нихъ черныхъ.

— Я получилъ отъ васъ приглашеніе сегодня утромъ,—сказалъ Гочкисъ съ плохо скрытымъ нетерпѣніемъ.—Я полагаю оно относится къ нашему дѣлу. Я надѣюсь, вы уже получили постановленіе суда?

Полковникъ, не отвѣчая, медленно наливалъ въ стаканъ воду и виски. Одинъ моментъ онъ держалъ наполненный стаканъ передъ собою, какъ будто еще погруженный въ пріятныя воспоминанія, вызванныя этимъ движеніемъ. Затѣмъ онъ быстро опрокинулъ его въ ротъ и, вытеревъ губы большимъ бѣлымъ носовымъ платкомъ, комфортабельно откинулся на спинку кресла и сказалъ, помахивая рукой:

— Свиданіе, которое я у васъ просилъ, мистеръ Гочкисъ, касается предмета, который, смѣю сказать... э... э... въ настоящее время, *не* имѣетъ публичнаго или дѣлового характера, хотя *впослѣдствіи* онъ можетъ пріобрѣсть... э... э... тотъ и другой. Это дѣло... э... нѣсколько деликатное.

Полковникъ замолчалъ. Мистеръ Гочкисъ смотрѣлъ на него съ возростающимъ нетерпѣніемъ; тѣмъ не менѣе полковникъ продолжалъ съ неизмѣнной медлительностью:

— Это касается... э... э... одной молодой лэди, прекраснаго благороднаго созданія, сэръ, которая, помимо ея личной обаятельности... э... э... принадлежитъ, смѣю сказать, къ одной изъ лучшихъ семей въ Миссури и съ которой одинъ изъ друзей моей юности состоитъ не въ дальнемъ родствѣ.

Послѣднее, я долженъ съ огорченіемъ сказать, было чистѣйшей выдумкой полковника—ораторское добавленіе къ тѣмъ жалкимъ свѣдѣніямъ, которыя онъ собралъ наканунѣ.

— Молодая лэди,—продолжалъ онъ любезно,—обладаетъ, кромѣ того, еще тѣмъ преимуществомъ, что служитъ предметомъ особаго вниманія съ вашей стороны, вслѣдствіе чего наше свиданіе должно бы остаться чисто конфиденціальнымъ... э... э... какъ между друзьями и... э... э... извѣстнымъ только родственникамъ... э... э... настоящимъ и будущимъ. Конечно, лишнее прибавлять, что лэди, о которой я говорю, есть миссъ Зеди-Джюно Гукеръ, единственная дочь Альмиры-Анны Гукеръ, вдовы Джефферсона-Брауна Гукеръ, жившаго прежде въ Бунскомъ графствѣ, въ Кентуки, а затѣмъ въ... э... Пикскалъ графствѣ въ Миссури.

Желтый, аскетическій цвѣтъ лица мистера Гочкиса прошелъ послѣдовательно синевато-багровый и зеленоватый оттѣнки и сталъ, наконецъ, ярко-краснымъ.

— Къ чему ведутъ всѣ эти рѣчи?—спросилъ онъ грубо.

Въ глазахъ полковника заигралъ воинственный огонекъ, но изысканная вѣжливость его осталась неизмѣнной.

— Я полагаю,—сказалъ онъ учтиво,—что я былъ настолько ясенъ, насколько это необходимо между... э... джентльменами, хотя, можетъ

быть, не настолько ясенъ, насколько я былъ бы передъ... э... присяжными.

Мистеръ Гочкисъ былъ, повидимому, непрiятно пораженъ многозначительнымъ тономъ, которымъ были сказаны эти слова.

— Я не знаю,—сказалъ онъ уже значительно тише и осторожнѣе,— что вы подразумѣваете подъ моимъ, какъ вы выражаетесь, «вниманiемъ» къ кому бы то ни было и какимъ образомъ это касается васъ. Я не обмѣнялся полудюжиной словъ съ особой, о которой вы говорите, не написалъ ей ни одной строчки и ни разу не былъ въ ея домѣ.

Онъ всталъ съ напускной непринужденностью, обдернулъ жилетъ, застегнулъ сюртукъ и взялъ шляпу. Полковникъ не двигался.

— Я полагаю, что я уже указалъ, что подразумѣваю подъ «вниманiемъ съ вашей стороны»,—сказалъ полковникъ вѣжливо,—и показалъ мое отношенiе,—предлагая говорить... э... подружески. Что же касается *вашего* объясненiя вашихъ отношенiй къ миссъ Гукеръ, то могу вамъ объявить, что оно было вполнѣ подтверждено самой молодой лэди вчера, въ этомъ самомъ мѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ, что значатъ всѣ эти нелѣпости? Зачѣмъ я приглашенъ сюда?—закричалъ Гочкисъ въ бѣшенствѣ.

— Затѣмъ,—сказалъ полковникъ съ ударенiемъ на каждомъ словѣ,— что ваше объясненiе безчестно, да, сэръ, оно позоритъ васъ!

Мистера Гочкиса вдругъ охватилъ припадокъ того безсильнаго и безпричиннаго бѣшенства, которому подвержены люди, обыкновенно робкiе и осторожные. Онъ схватилъ трость полковника, которая лежала на столѣ. Но въ тотъ же моментъ полковникъ, безъ всякаго видимаго усилiя, поймалъ ее за ручку. Къ изумленiю мистера Гочкиса, трость раздѣлилась на двѣ части и въ рукѣ полковника осталась ручка и фута два узкой, блестящей стали. Сразу остывшiй Гочкисъ выпустилъ изъ рукъ безполезный футляръ. Полковникъ поднялъ его, вложилъ въ него блестящiй клинокъ, защелкнулъ пружину и затѣмъ поднялся. Лицо его, хотя по прежнему вѣжливое, выражало также искреннее страданiе и даже въ голосѣ его слышалась легкая дрожь, когда онъ торжественно сказалъ:

— Мистеръ Гочкисъ, я приношу вамъ тысячу извиненiй за то, что...э...мною было вынуто оружiе изъ ноженъ,—хотя и по собственной вашей неловкости, — подъ священнымъ покровительствомъ моего крова и противъ безоружнаго человѣка. Я прошу у васъ извиненiя, сэръ, и даже беру назадъ выраженiя, которыя вызвали эту...э...неловкость. Однако, это извиненiе не лишаетъ васъ права считать меня отвѣтственнымъ—лично отвѣтственнымъ *во всякомъ другомъ мѣстѣ* за нескромность, совершенную мною въ защиту дамы—моей...э...клiентки.

— Вашей клiентки? Вы хотите сказать, что вы взяли ея дѣло? Вы, защитникъ Компанiи Канала?—сказалъ мистеръ Гочкисъ, дрожа отъ негодованiя.

— Выигравъ *вашъ* процессъ, сэръ,—сказалъ полковникъ холодно,— обычаи ..э...адвокатуры не запрещаютъ мнѣ взять на себя защиту слабыхъ и оскорбленныхъ.

— Мы это еще посмотримъ, сэръ,—сказалъ Гочкисъ, отворяя дверь и пятясь въ переднюю. Есть другіе адвокаты, которые...

— Позвольте мнѣ попросить васъ выйти, — перебилъ его полковникъ, вѣжливо поднимаясь.

— Сумѣютъ защитить меня отъ попытокъ шантажа,—продолжалъ Гочкисъ, проходя переднюю.

— Въ такомъ случаѣ, я предлагаю вамъ повторить мнѣ ваше замѣчаніе *на улицѣ*, — продолжалъ полковникъ, кланяясь и настойчиво провожая своего посѣтителя до дверей. Но здѣсь мистеръ Гочкисъ быстро захлопнулъ за собою дверь и поспѣшно ушелъ. Полковникъ вернулся въ свою контору, сѣлъ за столъ и, взявъ листъ почтовой бумаги, въ заголовкѣ которой было отпечатано «Старботлъ и Страйкеръ, стряпчіе и адвокаты», написалъ слѣдующія строки:

«Дѣло Гукеръ противъ Гочкиса.

«Милостивая Государыня! Мы только что имѣли свиданіе съ отвѣтчикомъ въ вышеуказанномъ дѣлѣ и просимъ васъ не отказать намъ въ удовольствіи имѣть свиданіе съ вами завтра, въ два часа по полудни.

«Ваши покорнѣйшіе слуги
«Старботлъ и Страйкеръ».

Онъ запечаталъ это письмо и отослалъ его съ своимъ вѣрнымъ слугой Джимомъ и затѣмъ посвятилъ нѣсколько минутъ размышленію. Полковникъ имѣлъ это обыкновеніе — сначала дѣйствовать, а затѣмъ оправдывать свои дѣйствія доводами.

Онъ зналъ, что Гочкисъ немедленно передастъ дѣло адвокату сопернику. Онъ зналъ, что они увѣдомятъ его, что у миссъ Гукеръ «нѣтъ дѣла», что ей откажутъ въ искѣ на основаніи ея собственныхъ показаній, но онъ зналъ также, что онъ не долженъ идти на компромиссы, а быть готовымъ предстать передъ судомъ. Онъ, однако, думалъ, что Гочкисъ побоится скандала и хотя вначалѣ его собственные инстинкты были противъ такого способа разрѣшенія дѣла, — теперь же они были за него. Онъ вспомнилъ о своей власти надъ присяжными; его рыцарство и тщеславіе какъ будто одобряли этотъ героическій путь; онъ не былъ въ такихъ случаяхъ связанъ прозаическими фактами—онъ создавалъ собственную теорію дѣла, которой никакія свидѣтельскія показанія не могли противустоять. Слова миссиссъ Гукеръ, что «онъ можетъ разсказать исторію по своему», показались ему, въ самомъ дѣлѣ, внушеніемъ и пророчествомъ.

Можетъ быть, здѣсь было что-нибудь другое; возможно, что своимъ настроеніемъ онъ былъ обязанъ удивительнымъ глазамъ молодой лэди, о которыхъ онъ очень много думалъ. Его влекла къ ней не ея про-

стота; наоборотъ, онъ былъ побѣжденъ ея видимой проницательностью, съ которой она угадала характеръ своего трусливаго обожателя и его собственный!

Изъ всѣхъ прежнихъ «легкихъ» и «серьезныхъ» любовныхъ увлеченій полковника, ни одно никогда не льстило ему такъ сильно. И это обстоятельство вмѣстѣ съ уваженіемъ, съ которымъ онъ относился къ ихъ взаимнымъ профессіональнымъ отношеніямъ, мѣшало ему узнать болѣе коротко его кліентку, посредствомъ серьезныхъ ли вопросовъ или игривой галантности. Я не увѣренъ, что его не привлекало особенное удовольствіе имѣть кліенткой деревенскую *femme incomprise*.

Словомъ, ничто не могло превзойти почтенія, съ которымъ онъ встрѣтилъ ее на слѣдующій день, когда она вошла въ его контору. Онъ даже сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, что она надѣла свое лучшее платье, но онъ не сомнѣвался, что въ такомъ именно видѣ она привлекла въ первый разъ вниманіе перезрѣлаго, но невѣрнаго церковнаго старшины. Дѣвственно бѣлое кисейное платье было перехвачено голубой лентой у ея гибкой таліи и изъ такихъ же лентъ, спускавшихся съ ея Лекгорновской шляпы, былъ завязанъ бантъ подъ ея подбородкомъ. Ея узкія, какъ у южныхъ дѣвушекъ, ноги были обуты въ бѣлые чулки и кожаные туфли и когда она сѣла на стулъ, она жеманно ихъ скрестила и оперлась рукой на свой вѣрный зонтикъ. Отъ нея пріятно пахло божьимъ деревомъ и, странное дѣло, этотъ запахъ возбудилъ въ полковникѣ далекія воспоминанія о южной школѣ подъ тѣнью соcенъ, въ холмистой части Георгіи и о его первой любви—десятилѣтней дѣвочкѣ въ короткомъ накрахмаленномъ платьицѣ. Возможно, что это воспоминаніе воскресило въ немъ и нѣкоторое чувство неловкости, которое онъ чувствовалъ тогда. Онъ неопредѣленно улыбнулся и садясь въ свое кресло, слегка кашлянулъ и сложилъ вмѣстѣ кончики пальцевъ.

— Я имѣлъ... э... свиданіе съ мистеромъ Гочкисомъ и... э... къ сожалѣнію, долженъ сказать, что, кажется, не предвидится возможности... э... соглашенія.

Онъ умолкъ, но къ его удивленію ея равнодушное лицо вдругъ освѣтилось очаровательной улыбкой.

— О, конечно! Его поймать надо!—сказала она.—Что, онъ очень сердился, когда вы ему сказали?

Она приняла болѣе удобную позу и подалась впередъ, ожидая отвѣта.

Но у полковника никакими силами невозможно было бы вырвать ни одного слова относительно бѣшенства Гочкиса.

— Онъ выразилъ намѣреніе взять адвоката и защищаться противъ иска,—отвѣтилъ полковникъ, наслаждаясь ея привѣтливой улыбкой. Она подвинула свой стулъ ближе къ его письменному столу.

— Значитъ, вы будете биться съ нимъ не на жизнь, а на смерть?— спросила она горячо; вы покажете, каковъ онъ? Вы разскажете всю исторію по своему? Вы ему зададите? И вы заставите его раскошелиться? Не правда ли?—спросила она однимъ залпомъ, не переводя дыханія.

— Я... э... сдѣлаю,—сказалъ полковникъ почти также задыхаясь.

Она схватила его пухлую руку, которая лежала на столѣ и поднесла ее къ губамъ.

Онъ ощутилъ прикосновеніе ея мягкихъ пальчиковъ даже сквозь нитяныя, вязанныя перчатки и теплую влажность ея губъ. Онъ почувствовалъ, что краснѣетъ, но былъ не въ состояніи прервать молчаніе или перемѣнить позу. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ она быстро отодвинулась назадъ со своимъ стуломъ на прежнее мѣсто.

— Я... э... конечно, постараюсь сдѣлать все, что могу,—бормоталъ полковникъ, стараясь вернуть себѣ свое прежнее достоинство и спокойствіе.

— Этого для меня достаточно! Вы это *сдѣлаете*,—сказала дѣвушка съ энтузіазмомъ.—Господи! Вы только говорите *за меня* такъ, какъ вы говорили *за ею* старую Компанію Канала и вамъ не трудно будетъ добиться полнаго успѣха. Знаете, когда вы заставили присяжныхъ насторожить уши, говоря объ американскомъ флагѣ, одинаково развѣвающемся и надъ правами всѣхъ честныхъ гражданъ, соединяющихся вмѣстѣ для мирныхъ коммерческихъ цѣлей, и надъ крѣпостью оффиціальной гарх...

— Олигархіи,—почтительно подсказалъ полковникъ.

— Олигархіи,—повторила дѣвушка быстро,—дыханіе у меня совсѣмъ замерло.—Я сказала себѣ «ну развѣ же онъ не милый!» Клянусь Богородицей! И когда вы кончили вашу рѣчь, не запнувшись ни на одномъ словѣ (вамъ даже не нужно было смотрѣть въ вашу записную книжку, потому что всѣ слова у васъ были готовы, на языкѣ) и вышли изъ залы... О! Я съ роду не знала ни васъ ни Компаніи Канала, но я была способна побѣжать за вами и поцѣловать васъ передъ всѣмъ судомъ!

Она засмѣялась; лицо ея разгорѣлось, но ея странные глаза были опущены внизъ.

Увы! лицо полковника тоже пылало и его маленькіе бусовидные глазки были устремлены на его письменный столъ.

Всякой другой женщинѣ онъ отвѣтилъ бы какой-нибудь галантной банальностью, вродѣ того, что онъ постарается заслужить эту награду теперь, но въ данномъ случаѣ ни одного слова ни сошло съ его губъ. Онъ засмѣялся, сконфуженно кашлянулъ и когда снова посмотрѣлъ на нее, то она уже сидѣла въ той же самой позѣ, что и въ первое посѣщеніе, и опиралась зонтикомъ въ полъ.

— Я попрошу васъ... э... направить ваши воспоминанія къ...э...дру-

гому пункту: къ нарушенію... э... э...э... обѣщанія жениться. Далъ ли онъ... э... какое-нибудь объясненіе этого? Или указалъ ли причину?

— Нѣтъ, онъ никогда ничего не говорилъ,—отвѣтила дѣвушка.

— Ни даже своимъ обычнымъ способомъ?.. э... какіе-нибудь намеки въ книгѣ гимновъ или въ священномъ Писаніи?

— Нѣтъ, онъ просто *бросилъ*.

— Э... пересталъ оказывать вниманіе,—сказалъ полковникъ серьезно. И, разумѣется, вы... э... не предполагаете причины, побудившей его такъ поступить?

Дѣвушка, ничего не отвѣчая, подняла на него свои удивительные глаза такъ внезапно и съ такой проницательностью, что полковникъ могъ только поспѣшно сказать:

— Я вижу! Нѣтъ, конечно!

Когда она встала, онъ тоже поднялся.

— Мы начнемъ дѣло немедленно. Я, однако, долженъ васъ предупредить, чтобы вы не отвѣчали ни на какіе вопросы и вообще не говорили никому что-либо, касающееся этого дѣла, до суда.

Она на его просьбу отвѣтила другимъ умнымъ взглядомъ и наклоненіемъ головы. Онъ проводилъ ее до дверей. Когда она подала ему руку, онъ съ старомодной галантностью поднесъ ея пальцы въ нитяныхъ перчаткахъ къ своимъ губамъ. И странно, это движеніе какъ будто отпустило ему всѣ его погрѣшности и неловкости, потому что онъ снова сталъ самимъ собой и, съ своей обычной скороходной манерностью застегнулъ сюртукъ, поправилъ воротничекъ сорочки и поспѣшно вернулся къ своему письменному столу.

Спустя день или два, въ городѣ пронесся слухъ, что Зеди Гукеръ ведетъ тяжбу противъ Адонирама Гочкиса за нарушеніе обѣщанія жениться и что взыскиваемые убытки равняются пяти тысячамъ долларовъ. Такъ какъ въ тѣ буколическіе дни западная пресса находилась подъ надежнымъ цензорствомъ револьвера, то преобладалъ осторожный тонъ критики и сплетня ограничивалась перешептываніемъ, да и то не безъ риска для сплетника. Какъ бы то ни было, дѣло вызвало усиленное любопытство. Полковнику надоѣдали съ вопросами до тѣхъ поръ, пока онъ не объявилъ, что на всякую попытку проникнуть въ его профессіональныя тайны онъ будетъ смотрѣть, какъ на личное оскорбленіе, и этимъ заявленіемъ положилъ предѣлъ дальнѣйшимъ приставаніямъ. Такимъ образомъ, обществу пришлось удовольствоваться хвастливыми заявленіями адвокатовъ противной стороны, господъ Китчама и Бильзера, что дѣло «смѣшно» и «гнило», что истицѣ будетъ отказано въ искѣ и что огнедышащій Старботлъ получитъ урокъ и узнаетъ, что закону нельзя «пускать пыль въ глаза», и затѣмъ были какіе-то намеки на шантажъ. Намекали даже, что «дѣло» было нелѣпымъ мщеніемъ Гочкису за то, что онъ отказался заплатить Старботлу чрезмѣрный гонораръ за послѣднія услуги,

оказанныя имъ Компаніи Канала. Лишнее говорить, что послѣднее не было донесено полковнику. Было, однако, одно несчастливое обстоятельство, которое мѣшало спокойному и безпристрастному сужденію о дѣлѣ, это то, что церковь приняла сторону Гочкиса; благодаря этому, на сторону Старботла и истины перешла значительная часть публики, не посѣщавшей церковь и которая была въ восторгѣ отъ перспективы присутствовать при публичномъ посрамленіи религіознаго ханжества.

— Я уже давно подозрѣвалъ, что въ этой евангельской лавочкѣ творится что-то неладное, — говорилъ одинъ критикъ, — а то бы церковный старшина Гочкисъ не посѣщалъ бы эти митинги такъ усердно, только ради пѣнія псалмовъ.

— Затѣмъ, онъ обыкновенно старался улизнуть до конца представленія,—прибавилъ другой,—я думаю, что у нихъ это именно и называется религіозностью.

Такимъ образомъ, ничего не было удивительнаго въ томъ, что три недѣли спустя зала суда была биткомъ набита возбужденной толпой любопытныхъ и сочувствующихъ. Прекрасная истица пришла съ своей матерью рано и, по совѣту полковника, явилась въ томъ же самомъ скромномъ платьѣ, въ которомъ первый разъ посѣтила его контору. Этотъ костюмъ и ея скромная, потупленная манера держать себя, вначалѣ разочаровали публику, которая ожидала увидѣть образцовую красавицу—въ нѣкоторомъ родѣ Цирцею мрачнаго аскета—отвѣтчика, который сидѣлъ рядомъ съ своимъ адвокатомъ. Но въ настоящій моментъ всѣ взоры были обращены на полковника, который своей внѣшностью заставилъ забыть всѣ недостатки своей прекрасной кліентки. Его представительная фигура была облечена въ темносиній сюртукъ съ бронзовыми пуговицами, въ открытый жилетъ, надъ которымъ подымалась твердая манишка его сорочки, въ черный шелковый галстукъ, завязанный бантомъ подъ дѣтскимъ отложнымъ воротникомъ, окружавшимъ его полную шею и въ бѣлоснѣжные тиковые панталоны со штрипками, которые были надѣты поверхъ лакированныхъ сапогъ. Шопотъ пробѣжалъ по залѣ.

«Старый «Лично Отвѣтственъ» надѣлъ свои боевые доспѣхи, «Старая боевая лошадь почуяла порохъ», были замѣчанія, которыя передавались шепотомъ. Но, кромѣ этого, наименѣе почтительная часть публики смутно видѣла въ этой странной фигурѣ нѣчто, напоминавшее ей героическую исторію ея страны и возможно, что даже чувствовала очарованіе старыхъ подвиговъ и именъ, которые когда-то заставляли сильнѣе биться ихъ дѣтскія сердца.

Новый окружной судья отдалъ полковнику формальный поклонъ. Полковника сопровождалъ его слуга — негръ, который несъ связку книгъ гимновъ и Библій, изъ которыхъ одну онъ съ почтительной вѣжливостью, перенятой, повидимому, у своего хозяина, положилъ передъ защитникомъ противной стороны. Тотъ сначала бросилъ на нее

любопытный взглядъ, но затѣмъ гордо отодвинулъ ее въ сторону. Но когда Джимъ, подойдя къ скамьямъ присяжныхъ, съ той же вѣжливостью началъ раскладывать передъ ними остальныя книги, защитникъ вскочилъ на ноги.

— Обращаю вниманіе суда на это безпримѣрное заигрываніе съ присяжными, посредствомъ даровой раздачи этихъ неумѣстныхъ и не относящихся къ дѣлу предметовъ.

Судья бросилъ вопросительный взглядъ на полковника Старботла.

— Да соблаговолитъ судъ обратить вниманіе, — отвѣтилъ полковникъ съ достоинствомъ, игнорируя своего противника,—что защитникъ отвѣтчика также получилъ экземпляръ книги, которую, я долженъ сказать съ сожалѣніемъ, онъ третируетъ въ присутствіи суда и своего кліента, церковнаго старосты съ... э... большой надменностью. Я долженъ заявить вашей чести, что книги, о которыхъ идетъ рѣчь, суть книги гимновъ и Библіи, и что онѣ предназначены присяжнымъ для справокъ, за которыми я буду отсылать ихъ во время моей вступительной рѣчи. Я думаю, что я дѣйствую въ предѣлахъ предоставленныхъ мнѣ правъ.

— Случай, дѣйствительно, не имѣетъ прецедента,—сказалъ судья сухо,—но если защитникъ истца не намѣренъ заставлять присяжныхъ *пѣть гимны* изъ этихъ книгъ, то введеніе ихъ не предосудительно и я не могу принять протестъ, высказанный защитникомъ отвѣтчика. Такъ какъ защитники отвѣтчика также имѣютъ экземпляры этихъ книгъ, то они не могутъ ссылаться на «неожиданность», т.-е. на введеніе новыхъ обстоятельствъ, вродѣ, напримѣръ, ссылокъ на эти книги, а такъ какъ защитникъ истца, очевидно, надѣется на особое вниманіе присяжныхъ къ его вступительной рѣчи, то, конечно, онъ самъ не станетъ отвлекать это вниманіе въ сторону.

Затѣмъ, послѣ паузы, онъ прибавилъ, обращаясь къ полковнику, который продолжалъ стоять:

— Судъ согласенъ съ вами, сэръ; начинайте.

Но полковникъ стоялъ неподвижно, какъ статуя, скрестивъ руки.

— Я отклонилъ протестъ вашего противника,—повторилъ судья,—вы можете начинать.

— Я жду, ваша честь, чтобы... э... защитникъ отвѣтчика взялъ назадъ слова: «заигрываніе», относящееся ко мнѣ лично и «неумѣстныя», относящіяся къ священнымъ книгамъ.

— Желаніе вполнѣ основательное,—отвѣтилъ судья спокойно,— и я не сомнѣваюсь, что оно будетъ исполнено.

Защитникъ отвѣтчика всталъ, пробормоталъ нѣсколько словъ въ извиненіе и инцидентъ закончился.

Но у всѣхъ осталось впечатлѣніе, что полковникъ не даромъ «придрался», и если цѣлью его было возбудить усиленное любопытство къ книгамъ, то онъ вполнѣ въ этомъ успѣлъ.

Но равнодушный къ своей побѣдѣ, онъ выпятилъ грудь, заложилъ правую руку за бортъ своего застегнутаго сюртука и началъ говорить. Его обыкновенно яркій цвѣтъ лица слегка поблѣднѣлъ, но зрачки его маленькихъ выпуклыхъ глазъ засверкали, какъ сталь. Молодая дѣвушка подалась впередъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ такой живой симпатіей и съ такимъ, повидимому, безыскусственнымъ и безсознательнымъ обожаніемъ, что въ тотъ же моментъ вниманіе всего собранія раздѣлилось между нею и ораторомъ.

Было очень жарко; зала суда была переполнена до удушливости; даже открытыя окна были снаружи заполнены публикой, которая съ жадностью ловила каждое слово полковника.

Онъ началъ съ того, что напомнилъ присяжнымъ, что только нѣсколько недѣль тому назадъ онъ присутствовалъ здѣсь, какъ адвокатъ могущественной компаніи, представителемъ которой являлся отвѣтчикъ по настоящему дѣлу. Онъ говорилъ тогда, какъ поборникъ строгой справедливости противъ юридическаго притѣсненія: сегодня же онъ точно также будетъ бороться за дѣло слабыхъ и сравнительно беззащитныхъ,—если не считать защитой высшую силу, которой обладаютъ красота и невинность; Да, онъ говоритъ это, даже не смотря на то, что вчерашній кліентъ его является его противникомъ сегодня. Когда онъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, приближался къ зданію суда и, поднявъ глаза, увидѣлъ звѣздчатый флагъ, развѣвающійся на его куполѣ, онъ подумалъ, что это славное знамя есть символъ полнѣйшаго равенства передъ конституціей богатаго и бѣднаго, сильнаго и слабаго—равенства, которое скромнаго гражданина, взятаго въ полѣ изъ-за плуга или изъ-за прилавка въ какомъ-нибудь рудокопномъ городкѣ и поставленнаго въ число присяжныхъ, дѣлаетъ такимъ же участникомъ правосуія, какимъ является то высочайшее юридическое свѣтило, которое сегодня всѣ съ гордостью привѣтствуютъ въ этой залѣ. Полковникъ сдѣлалъ паузу и величаво поклонился въ сторону равнодушнаго судьи. Это сознаніе, продолжалъ онъ, заставило радостно забиться его сердце, когда онъ приближался къ зданію. Но... онъ вошелъ въ него невѣрными—онъ можетъ почти сказать—робкими шагами. Почему? Онъ зналъ, джентльмены, что ему предстоитъ взять на себя глубокую—да! священную отвѣтственность. Тѣ книги гимновъ и Библіи, которыя были переданы присяжнымъ, не имѣютъ цѣлью—какъ это предположилъ его честь—дать присяжнымъ... э... первоначальный урокъ хорового пѣнія! Онъ можетъ даже сказать: «увы, нѣтъ!» Въ нихъ заключаются неопровержимыя доказательства преступнаго лицемѣрія отвѣтчика. И онѣ послужатъ ему такимъ же грознымъ предостереженіемъ, какое имѣли роковыя слова на стѣнѣ для Валтасара. Эти слова вызвали большую сенсацію. Гочкисъ сталъ желто-зеленымъ. Его защитники изобразили на своихъ лицахъ беззаботную улыбку. Полковникъ продолжалъ.

Онъ считаетъ своей обязанностью сказать имъ, что передъ ними

не одно изъ обыкновенныхъ дѣлъ о «нарушеніи обѣщанія», которыя часто являются поводомъ для безсердечнаго веселья и неблагопристойнаго легкомыслія въ залѣ суда. Въ данномъ случаѣ, присяжные ничего этого не найдутъ. Здѣсь нѣтъ любовныхъ писемъ съ нѣжными эпитетами и таинственными крестиками и цифрами, которые, какъ ему сообщали изъ вѣрнаго источника, цѣломудренно скрываютъ взаимныя ласки, извѣстныя подъ именемъ «поцѣлуевъ». Здѣсь нѣтъ грубаго срыванія покрывала съ священныхъ интимностей человѣческой привязанности,—здѣсь нѣтъ обнаруживанія передъ судомъ тѣхъ страстныхъ признаній, которыя предназначаются только для *одной*. Но здѣсь есть—онъ съ возмущеніемъ долженъ сказать—другого рода святотатство. Слабый пискъ Купидона былъ примѣшанъ къ хору святыхъ—святость храма, извѣстнаго подъ именемъ «дома для митинговъ», была осквернена поступками, болѣе приличествующими храму Венеры,—и самыя слова Откровенія послужили любовнымъ изліяніямъ и непристойному ухаживанію со стороны отвѣтчика во время исполненія имъ священныхъ обязанностей церковнаго старосты.

Полковникъ сдѣлалъ артистическую паузу послѣ этого громоноснаго обвиненія. Присяжные нетерпѣливо начали перелистывать книги, но взгляды большинства остались устремленными на оратора и на молодую дѣвушку, которая восторженно слѣдила за его рѣчью. Помолчавъ нѣкоторое время, полковникъ продолжалъ тихимъ и печальнымъ голосомъ:

— Можетъ быть, джентльмены, немногіе изъ насъ, присутствующихъ здѣсь, за исключеніемъ отвѣтчика, могутъ присвоить себѣ титулъ регулярныхъ посѣтителей церкви; немногимъ изъ насъ эти скромныя занятія на молитвенныхъ собраніяхъ, въ воскресныхъ школахъ и въ библейскихъ классахъ были бы знакомы и привычны. Но,—скажу болѣе торжественно,—въ глубинѣ нашихъ сердецъ лежитъ убѣжденіе въ нашей грѣховности и скоропреходимости и существуетъ похвальное желаніе, чтобы другіе, по крайней мѣрѣ, могли воспользоваться ученіемъ, къ которому мы не радѣемъ. Можетъ быть,—продолжалъ онъ, мечтательно закрывъ глаза,—здѣсь не найдется ни одного человѣка, который бы не вспомнилъ счастливые дни своего дѣтства, простую деревенскую школу, уроки, которые онъ училъ вмѣстѣ съ какой-нибудь простодушной деревенской дѣвочкой, съ которой потомъ бродилъ въ лѣсу рука объ руку и съ ихъ губъ срывалась безыскусственная пѣсенка: «Сдѣлайте себѣ разъ навсегда правиломъ—никогда не опаздывать въ субботнюю школу». Каждый изъ насъ вспомнитъ желанный ежегодный пикникъ съ угощеніями земляникою, съ запахомъ инбирныхъ бисквитъ и патаки. Что же должны всѣ мы почувствовать, видя, какъ всѣ эти священныя воспоминанія навсегда оскверняются въ нашей памяти разбираемымъ фактомъ: подумать только что отвѣтчикъ оказался способнымъ пользоваться этими невинными увеселеніями, чтобы заводить интрижки со старшими ученицами и съ учительницами въ то время,

какъ ихъ простодушные товарищи предавались—беззаботнымъ дѣтскимъ играмъ.

Легкая улыбка заиграла на лицахъ слушающей толпы, и полковникъ слегка нахмурился. Но онъ сейчасъ же оправился и продолжалъ:

— Моя кліентка,—единственная дочь своей матери-вдовы, которая долго боролась противъ всевозможныхъ невзгодъ, посылаемыхъ ей судьбой на западной окраинѣ этого города—стоитъ теперь передъ вами во всей красѣ своей невинности. Она не облечена въ... э... богатые дары ея невѣрнаго обожателя и не украшена ни драгоцѣнностями, ни кольцами, ни какими-нибудь другими сувенирами, которые обожатели любятъ навѣшивать на алтарь своей любви; ей не выпало на долю того великолѣпія, съ которымъ Соломонъ украшалъ царицу Савскую, хотя отвѣтчикъ, какъ я это покажу ниже, и расточалъ передъ ней дешево ему стоившіе цвѣты царской поэзіи. Нѣтъ, джентльмены! Отвѣтчикъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ умѣренность въ... э... денежныхъ издержкахъ, умѣренность, которая, я охотно соглашаюсь, считается, вѣроятно, очень похвальной въ томъ классѣ общества, къ которому онъ принадлежитъ. Его единственный подарокъ очень характеренъ какъ для его экономности, такъ и для его нравовъ. Существуетъ нѣкоторая немаловажная подробность въ религіозныхъ отправленіяхъ, извѣстная подъ именемъ «сбора подаяній». Отвѣтчикъ въ такихъ случаяхъ, безмолвно подставляя вѣрующимъ оловянную тарелку, покрытую байкой, собираетъ съ нихъ денежную контрибуцію.

Но однажды, приблизившись къ истицѣ, онъ самъ положилъ на тарелку монету любви и пододвинулъ ее къ ней. Этой монетой любви была лепешка—маленькій кружокъ, сдѣланный—я имѣю основаніе думать—изъ мятной эссенціи и сахару,—кружокъ, на обратной сторонѣ котораго были простыя слова «я люблю васъ». Я съ тѣхъ поръ удостовѣрился, что такія лепешки можно купить за пять центовъ дюжину, т.-е. приблизительно за полцента одну лепешку. Да, джентльмены, слова «я люблю васъ»,—самая старинная легенда; припѣвъ «когда утреннія звѣзды вмѣстѣ запоютъ» былъ преподнесенъ истицѣ черезъ посредство такого ничтожества, что въ республикѣ, къ счастью, не найдется достаточно мелкой монеты, чтобы оцѣнить его стоимость. Я докажу вамъ, джентльмены присяжные, — сказалъ полковникъ, торжественно вынимая Библію изъ задняго кармана своего сюртука,— что отвѣтчикъ въ послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ велъ любовную корреспонденцію посредствомъ подчеркнутыхъ словъ въ священномъ писаніи и церковномъ псалтырѣ, такихъ, напримѣръ, какъ *любимая, дорогая, драгоцѣннѣйшая*, и иногда же прихватывалъ цѣлыя фразы, если онѣ казались ему удачно выражающими его нѣжныя чувства. Я обращу ваше вниманіе на одну изъ нихъ. Отвѣтчикъ, исповѣдуя полное воздержаніе и—какъ я это достовѣрно знаю—отказываясь отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ, какъ позорной слабости тѣла, съ безстыднымъ лицемѣріемъ подчеркиваетъ карандашемъ слѣдующее мѣсто

и передаетъ книгу истицѣ. Господа присяжные найдутъ его въ «Пѣсняхъ Соломона», на страницѣ 548, глава II, стихъ 5.—Послѣ паузы, во время которой слышалось быстрое перелистываніе книгъ на скамьяхъ присяжныхъ, полковникъ Старботлъ началъ громко декламировать: «Окружи меня флягами, утѣшь меня яблоками, ибо я боленъ любовью».

— Да, джентльмены, поднимите глаза отъ этихъ обвинительныхъ строчекъ и посмотрите на двуличнаго отвѣтчика. Онъ желаетъ... э... быть «окруженнымъ флягами».

— Я не знаю, какого рода напитки разносятъ на этихъ митингахъ и къ которому изъ нихъ отвѣтчикъ такъ сильно приверженъ; но я буду считать своимъ долгомъ узнать объ этомъ прежде, чѣмъ окончится этотъ процессъ, хотя бы мнѣ для этого пришлось вызвать со всего округа торговцевъ спиртными напитками.

Пока же я только обращаю ваше вниманіе на *количество*. Отвѣтчикъ проситъ не какой-нибудь глотокъ или стаканъ легкаго, благороднаго вина, чтобы раздѣлить его съ предметомъ своей любви,—но много флягъ или сосудовъ, изъ которыхъ каждый вмѣстимостью можетъ быть въ пинту—и это *для него одного!*

Улыбка слушателей превратилась въ хохотъ. Судья строго поднялъ глаза, но его взоръ уловилъ то обстоятельство, что полковникъ опять нахмурился при этомъ взрывѣ веселья. Взглядъ судьи смягчился.

Защитникъ Гочкиса, хотя притворно, но тоже присоединился къ общему смѣху, но самъ Гочкисъ сидѣлъ сѣро-блѣдный. На скамьяхъ присяжныхъ также замѣчалось волненіе,—тамъ шумно переворачивали листы книгъ и слышался возбужденный споръ.

— Господа присяжные, — сказалъ судья съ оффиціальной важностью,—не нарушайте пожалуйста порядка и слушайте рѣчь защитника. Какія бы то ни было пренія *здѣсь* незаконны и преждевременны, и ихъ должно приберечь къ тому времени, когда вы будете въ комнатѣ присяжныхъ.

Старшина присяжныхъ вскочилъ на ноги. Это былъ могучій человѣкъ съ добродушнымъ лицомъ и, не смотря на свое несчастливое прозвище «Костолома», имѣлъ простой, мягкій, но нѣсколько вспыльчивый характеръ. Въ данную минуту казалось, что имъ двигало съ трудомъ сдерживаемое негодованіе.

— Можемъ ли мы предлагать вопросы, г. судья?—спросилъ онъ почтительно, хотя въ головѣ его слышался характерный западно-американскій тонъ человѣка, привыкшаго обращаться только къ равнымъ себѣ.

— Да!—сказалъ судья добродушно.

— Мы нашли въ этой книгѣ, изъ которой только что цитировалъ полковникъ, такія выраженія, которыя я и мои товарищи считаемъ неприличными для прочтенія передъ молодой лэди въ судѣ,—и мы хотѣли бы узнать отъ васъ, какъ отъ образованнаго и безпристрастнаго человѣка, такія ли книги обыкновенно раздаются дѣвушкамъ и дѣтямъ на молитвенныхъ собраніяхъ?

— Прошу присяжныхъ слѣдить за рѣчью защитника безъ всякихъ комментаріевъ,—коротко отвѣтилъ судья, не сомнѣваясь въ томъ, что сейчасъ же вскочитъ защитникъ отвѣтчика, что тотъ дѣйствительно и сдѣлалъ. — Да позволитъ намъ судъ объяснить джентльменамъ, что выраженія, противъ которыхъ они, повидимому, возражаютъ, по мнѣнію самыхъ прославленныхъ теологовъ послѣдняго тысячелѣтія имѣютъ особый, сокровенный смыслъ. Какъ я потомъ объясню—это только символы церкви.

— Чего?—перебилъ его старшина присяжныхъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ.

— Церкви!

— Мы не предлагали вопросы *вамъ* и не желаемъ отъ *васъ* никакихъ отвѣтовъ,—рѣзко сказалъ старшина присяжныхъ и быстро опустился на мѣсто.

— Я принужденъ потребовать,—сказалъ судья строго,—чтобы защитнику истца дали возможность продолжать безъ перерывовъ. Вы (къ защитнику отвѣтчика) будете имѣть возможность отвѣтить послѣ.

Защитникъ опустился на свое мѣсто съ горькимъ убѣжденіемъ, что присяжные явно противъ него и что дѣло почти проиграно. Но его лицо было только чуть-чуть разстроено сравнительно съ лицомъ его кліента, который въ большомъ волненіи началъ ему что-то доказывать, и повидимому, особенно настаивалъ на чемъ-то, противъ чего защитникъ запальчиво возражалъ. Полковникъ продолжалъ по прежнему стоять, заложивъ руку за бортъ сюртука и темные глаза его блестѣли.

— Я покажу вамъ, джентльмены, если защитникъ противной стороны воздержится отъ дальнѣйшихъ перерывовъ и ограничится своей отвѣтной рѣчью, что моя несчастливая кліентка не можетъ предъявить на законномъ основаніи иска о взысканіи убытковъ, потому что отвѣтчикамъ не было сказано словъ любви. Но, джентльмены, это *вамъ* придется опредѣлить, что можетъ и что не можетъ считаться членораздѣльнымъ выраженіемъ любви. Мы всѣ знаемъ, что животныя, къ которымъ вы, можетъ быть, будете вынуждены причислить и отвѣтчика, прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ сигналамъ, болѣе или менѣе гармоничнымъ, смотря потому, къ какому отдѣлу животнаго царства они принадлежатъ. Оселъ реветъ, лошадь ржетъ, овца блеетъ, пернатые обитатели рощъ призываютъ своихъ подругъ болѣе музыкальными руладами. Это факты извѣстные, джентльмены, и вы сами ихъ хорошо знаете, живя на лонѣ природы въ этой прекрасной странѣ. Это факты, которые никто не можетъ отрицать, и мы были бы плохого мнѣнія объ ослѣ, который... э... въ такой высокій моментъ попробовалъ бы доказывать, что его зовъ не имѣетъ никакого особеннаго значенія. Но, джентльмены, я сейчасъ покажу вамъ, что именно такимъ нелѣпымъ образомъ поступилъ отвѣтчикъ и этимъ самъ себя осудилъ. Съ большой неохотой и... э... съ величайшимъ трудомъ добился я отъ моей прекрасной и дѣвственно-скромной кліентки невиннаго признанія въ томъ,

что отвѣтчикъ склонилъ ее переговариваться съ нимъ такимъ именно образомъ. Вообразите себѣ, джентльмены, пустынную, залитую луннымъ свѣтомъ дорогу передъ скромнымъ коттэджемъ вдовы. Эта чудная ночь предназначена для любви, и невинная дѣвушка сидитъ у открытаго окна. И вотъ на дорогѣ появляется крадущаяся фигура,—отвѣтчикъ идетъ въ церковь. Вѣрная полученнымъ отъ него наставленіямъ, дѣвушка ракрываетъ губы, и изъ ея устъ вылетаютъ музыкальные звуки (полковникъ для болѣе точнаго подражанія голосу своей прекрасной кліентки, поднялъ голосъ до нѣжнаго фальцета): «Кирри»! Въ тотъ же моментъ ночь оглашается страстнымъ отвѣтомъ (полковникъ понижаетъ голосъ до трубоподобныхъ тоновъ): «Кирроу»! Опять въ то время, какъ онъ проходитъ мимо нея, слышится мягкое «Кирри», и опять, уже когда его фигура теряется вдали, доносится въ отвѣтъ глубокое «Кирроу».

Взрывъ хохота, громкаго, продолжительнаго, неудержимаго, потрясъ всю залу суда, и прежде чѣмъ судьѣ удалось сдѣлать опять спокойное лицо и отнять носовой платокъ отъ рта, робкое «Кирри» вылетѣло неизвѣстно изъ какого темнаго угла залы и сейчасъ же получило въ отвѣтъ громкое «Кирроу»съ противуположнаго угла.

— Шерифъ, очистить залу суда,—сказалъ судья строго; но увы! въ то время, какъ смущенные и шокированные блюстители порядка бросались по залѣ туда и сюда, мягкое «Кирри» раздалось изъ оконъ *извнѣ* зданія и тотчасъ же получило въ отвѣтъ громкій хоръ «Кирроу» изъ протуположныхъ оконъ, наполненныхъ зрителями. Опять громкій смѣхъ раздался отовсюду, и даже сама прекрасная истица, закрывъ носовымъ платкомъ ротъ, конвульсивно корчилась отъ смѣха.

Одно только лицо полковника Старботла оставалось по прежнему строгимъ и блѣднымъ. И когда судья посмотрѣлъ на него, онъ увидѣлъ то, что, кромѣ него, никто въ судѣ не видѣлъ: что полковникъ былъ искренно серьезенъ. И судья понялъ, что то, что ему казалось искуснымъ комедіантствомъ и глубокой ироніей, было на самомъ дѣлѣ серьезнымъ *убѣжденіемъ* человѣка, не имѣвшаго ни малѣйшаго чувства юмора. И въ голосѣ судьи слышалось невольное уваженіе, когда онъ мягко сказалъ ему:

— Вы можете продолжать, полковникъ Старботлъ.

— Благодарю васъ, ваша честь,—сказалъ полковникъ медленно, за то, что вы сдѣлали все, что было въ вашей власти, чтобы помѣшать перерывамъ, которымъ я еще, въ продолженіи моей тридцатилѣтней практики никогда не подвергался, не призывая виновниковъ затѣмъ къ отвѣтственности—*личной* отвѣтственности. Возможно, что я сдѣлалъ ораторскій промахъ, желая представить господамъ присяжнымъ всю силу и значеніе голосовыхъ сигналовъ отвѣтчика. Я прекрасно знаю, что мой голосъ совершенно не поддается воспроизведенію какъ мягкихъ тоновъ голоса моей прекрасной кліентки, такъ и страстной силѣ отклика отвѣтчика. Я попробую еще разъ,—продол-

жалъ полковникъ, какъ будто не замѣчая сдвинувшихся бровей судьи и его предупреждающаго взгляда.—Звукъ, произносимый моей кліенткой (повышая голосъ до высочайшаго фальцета), былъ «Кирри», отвѣтъ былъ «Кирроуоуоу», и отъ голоса полковника задрожалъ даже куполъ зданія.

Опять взрывъ смѣха послѣдовалъ за этимъ смѣлымъ повтореніемъ, но былъ прерванъ. Отвѣтчикъ рѣзко всталъ, и, вырвавшись изъ рукъ своего защитника, который его удерживалъ и уговаривалъ, и выбѣжалъ изъ залы. Его появленіе на улицѣ было встрѣчено продолжительнымъ «Кирроу» со стороны стоящихъ тамъ зрителей, которое опять и опять слѣдовало за нимъ въ отдаленіи. Въ моментально наступившей затѣмъ тишинѣ послышался голосъ полковника, который сказалъ:

— Мы остановимся на этомъ, ваша честь,—и онъ сѣлъ. Не менѣе блѣдно, но болѣе взволнованно было лицо защитника отвѣтчика, который сейчасъ же поднялся.

— Вслѣдствіе необъяснимыхъ причинъ, ваша честь, мой кліентъ желаетъ прекращенія дальнѣйшихъ преній съ цѣлью начать мирные переговоры съ истицей. Такъ какъ онъ человѣкъ богатый и занимаетъ хорошее положеніе, то онъ можетъ щедро заплатить за эту привилегію. Хотя я, его защитникъ, еще вполнѣ убѣжденъ въ его юридической невиновности, но такъ какъ онъ предпочелъ публично отказаться отъ своихъ преимуществъ, то я могу только просить вашу честь прекратить дальнѣйшую процедуру, пока я буду совѣщаться съ полковникомъ Старботломъ.

— Насколько я пока могу судить,—сказалъ судья многозначительно, — дѣло опирается на чрезвычайно гладкія основанія; вслѣдствіе этого я безусловно одобряю рѣшеніе отвѣтчика и, въ то же время, настойчиво совѣтую истицѣ принять предложеніе.

Полковникъ Старботлъ наклонился къ своей прекрасной кліенткѣ и затѣмъ всталъ съ своей неизмѣнной манерой.

— Я покоряюсь, ваша честь, желанію моей кліентки и... э... лэди. Мы принимаемъ.

Въ тотъ же день, прежде чѣмъ судъ окончилъ свои занятія, въ городѣ знали, что Адонирамъ Гочкисъ заплатилъ по иску 4.000 долларовъ и судебныя издержки.

Полковникъ Старботлъ уже вполнѣ пришелъ въ себя, когда, гордо шагая, онъ весело приближался къ своей конторѣ, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться со своей прекрасной кліенткой. Однако, онъ былъ удивленъ, когда нашелъ ее уже тамъ и въ обществѣ какого-то застѣнчиваго молодого человѣка — незнакомаго. Но если полковникъ и былъ разочарованъ, встрѣтивъ при свиданіи третье лицо, то его старосвѣтская любезность не позволила ему показать это. Онъ граціозно поклонился и учтиво предложилъ имъ стулья.

— Я полагала, что мнѣ можно привести Гирама съ собой,—сказала молодая лэди послѣ нѣкоторой паузы, поднимая на полковника

свои проницательные глаза,—хотя онъ ужасно стѣснялся идти и говорилъ, что вы его не знали и, даже, не подозрѣвали о его существованіи. Но я сказала, вотъ въ этомъ какъ разъ вы и ошибаетесь, Гирамъ; такой могущественный человѣкъ, какъ полковникъ, знаетъ все, это я видѣла по его глазамъ.

— Господи!—продолжала она со смѣхомъ, наклоняясь впередъ и заглядывая опять въ глаза полковника,—вы помните, когда вы спросили меня, люблю ли я этого стараго Гочкиса, я сказала вамъ «объ этомъ не стоитъ говорить», и вы посмотрѣли на меня. Господи! Я *тогда* знала, что вы угадали, что тамъ *гдѣ-нибудь* есть Гирамъ—такъ же хорошо, какъ если бы я сказала вамъ. А теперь встаньте, Гирамъ, и хорошенько пожмите руку полковнику. Потому что благодаря *ему* и его проницательности и поразительной силѣ его языка, я получила четыре тысячи долларовъ отъ этого вѣтренаго дурака Гочкиса, которыхъ достаточно, чтобы купить ферму и чтобы мы могли пожениться. Этимъ вы обязаны *ему*. Не стойте же, какъ дуракъ, и не смотрите такъ на него. Онъ васъ не съѣстъ, хотя онъ убилъ многихъ людей получше васъ. Ну же, неужели я одна должна благодарить!

Полковникъ поклонился такъ учтиво и такъ низко, что ему удалось не только избѣжать протянутой руки робкаго Гирама, но даже только чуть-чуть прикоснуться къ болѣе живымъ пальчикамъ миловидной Зеди.

— Я... э... приношу мои искреннѣйшія поздравленія, хотя я думаю, что вы... э... нѣсколько преувеличиваете силу... э... моей проницательности. Къ сожалѣнію, весьма спѣшное дѣло, вынуждающее меня покинуть городъ сегодня же вечеромъ, мѣшаетъ мнѣ сказать больше. Я...э...поручилъ...э...денежные переговоры по этому дѣлу повѣренному, который исполняетъ мою конторскую работу и который окажетъ вамъ всяческое вниманіе. А теперь позвольте мнѣ пожелать вамъ добраго дня.

Однако, несмотря на свое заявленіе, полковникъ прошелъ въ свою комнату, и наступили уже сумерки, когда вѣрный Джимъ вошелъ къ нему и увидѣлъ его задумчиво сидящимъ передъ письменнымъ столомъ.

— А, клянусь Богомъ, полковникъ, я думаю, что никто не плачетъ изъ-за этого дѣла, а вы выглядите чертовски серьезно. Я не видѣлъ васъ такимъ, полковникъ, съ того дня, какъ бѣднаго маіора Страйкера принесли домой съ прострѣленной головой.

— Передайте мнѣ оттуда виски, Джимъ, — сказалъ полковникъ, медленно поднимаясь. Негръ радостно бросился къ буфету и принесъ оттуда бутылку виски. Полковникъ налилъ въ стаканъ напитокъ и выпилъ его съ своей обычной рѣшительностью.

— Вы совершенно правы, Джимъ, — сказалъ онъ, поставивъ стаканъ.—Но я... э... становлюсь старъ, и отсутствіе бѣднаго Страйкера даетъ-таки себя чувствовать!

М. А—ва.

КЪ ВОПРОСУ О МОРАЛИ.

Появившаяся не такъ давно въ русскомъ переводѣ книга Анри Лихтенберже о Нитцше *) представляетъ несомнѣнно наилучшій обзоръ философіи и наиболѣе изящную характеристику личности знаменитаго автора Заратустры. Русскій переводъ этой книги снабженъ интереснымъ и живо написаннымъ предисловіемъ М. Невѣдомскаго, автора, мало выступавшаго въ литературѣ, но сразу явившагося въ ней съ самобытною физіономіей, съ тѣмъ по истинѣ «необщимъ выраженіемъ», которое отмѣчалъ у самого себя одинъ изъ лучшихъ русскихъ лириковъ.

Предисловіе Невѣдомскаго—убѣжденная апологія Нитцше, какъ моралиста. Эта апологія покоится у автора на міровоззрѣніи, повидимому, одинаково враждебномъ и позитивизму, и всякой метафизикѣ. Жаль, что авторъ—олицетворенная безсистемность и что, обладая значительными мыслями, не вычитанными изъ книгъ, а глубоко продуманными, выношенными въ душѣ, онъ небрежно бросаетъ ихъ и, что еще хуже, пересыпаетъ мелочными и подчасъ даже не идущими къ дѣлу замѣчаніями и остротами. У автора есть тотъ Ernst, безъ котораго писательство является простымъ нанизываніемъ словъ и выписываніемъ строчекъ, но онъ, какъ писатель, слишкомъ невнимательно относится къ своимъ серьезнымъ думамъ. Впрочемъ, быть можетъ, онъ и не хочетъ быть писателемъ?

Нитцше привлекаетъ къ себѣ нашего автора тѣмъ, что̀, по мнѣнію Невѣдомскаго, образуетъ во всѣхъ писаніяхъ великаго философа - художника «высшее и дѣйствительное единство», «ту основную ноту, которая объединяетъ все, что̀ онъ когда-либо мыслилъ, чувствовалъ, говорилъ». Это—противопоставленіе въ искусствѣ Діониса, какъ носителя стихійнаго, безсознательнаго, инстинктивнаго начала, начала естественности, органической связи и общности съ природой, Аполлону—началу обособленія или отграниченія человѣка отъ природы, на-

---

*) А. Лихтенберже, профессоръ университета въ Нанси: «Философія Нитцше», перев. съ французскаго подъ редакціей и со вступительной статьей М. Невѣдомскаго. Спб. 1901 г., стр. CLXIV+242.

чалу планомѣрнаго, сознательнаго, специфически человѣческаго творчества. Аполлоновскому началу въ искусствѣ—въ жизни соотвѣтствуетъ начало Сократовское. Поэтому вмѣсто Аполлона можно подставить Сократа и сказать: «Діонисъ и Сократъ—это два противоположныхъ полюса той оси, вокругъ которой всю жизнь вращается мысльНитцше». Онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ вѣрное служеніе Богу инстинкта Діонису, вѣчно «въ надеждѣ на его чудеса» боролся со всѣми его врагами и, въ особенности, съ самымъ важнымъ изъ этихъ враговъ— съ Сократомъ. Сократъ—это главный отрицательный герой, «злодѣй» всѣхъ романовъ Нитцше: «по винѣ Сократа создалась та внутренняя стѣна, на которую вѣчно наталкиваются инстинкты человѣка, стѣна, можетъ быть, не менѣе страшная, чѣмъ внѣшняя стѣна объективной дѣйствительности, чѣмъ греческая «Мойра» (Судьба), губившая героевъ трагедіи. Она, можетъ быть, потому особенно страшна, эта вторая стѣна, что она субъективная, лежитъ внутри насъ, что отъ нея нельзя уйти, уйти некуда... Мы сами, хотя и не по своей винѣ, воздвигаемъ ее внутри себя и всю жизнь носимъ ее въ себѣ,— всю же жизнь проводя въ борьбѣ съ ней» (стр. LIII). «Объясняя происхожденіе того, что мы называемъ моралью, чисто утилитарно-общественными потребностями, т. е. расчетомъ и выгодой общества— съ одной стороны, и приспособленіемъ индивида къ его требованіямъ— съ другой, Нитцше всю эту мораль считаетъ проявленіемъ сократовскаго духа. Образъ Сократа постепенно растетъ и расширяется въ умѣ Нитцше и въ послѣднихъ его вещахъ...... уже вмѣщаетъ въ себя и Платона съ его идеализмомъ, и христіанство (которое является, въ глазахъ Нитцше, простымъ «платонизмомъ для народа») и..... всѣ вообще «нисходящіе типы жизни», все, что противоположно инстинкту «восходящей жизни», самоопредѣляющемуся, свободному Діонису (стр. LIV). Внутренняя стѣна это—запасъ тѣхъ разумныхъ, ясныхъ, сознательныхъ моральныхъ нормъ и правилъ поведенія, которыя внѣдряются воспитаніемъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ во всякаго представителя культурнаго общества: все это входитъ въ индивидъ извнѣ, изъ окружающей среды, изъ ненавистнаго Нитцше «стада», все это нужно стаду, служитъ его расчетамъ и видамъ, и все это ненужно и противно Нитцше (стр. LV). «Нитцше не хотѣлъ подчинять своего Діониса никакимъ санкціямъ, писаннымъ вѣрованіямъ и кодексамъ, и бился за своего Бога въ надеждѣ на его чудеса»: во имя «верховнаго индивида, самому себѣ лишь равнаго, отъ нравственности нравовъ освобожденнаго, автономнаго и сверхнравственнаго»,—онъ сталъ отрицать общество, и прежде всего современное общество со всей его общественной моралью, окутывающей человѣческую личность тысячью путъ и цѣпей. Онъ отрицалъ все, что существуя внѣ нашего «я», заявляетъ претензію на это «я», на опредѣленіе его содержанія, на ограниченіе и урѣзываніе его самоопредѣляющагося бы-

тія. «Онъ отрицалъ всякія мистическія сущности, отрицалъ абсолютность истины, абсолютность и общеобязательность принциповъ морали, онъ старался камень за камнемъ разрушить внутреннюю, тѣснящую наше «я», стѣну кодексовъ и правилъ морали; хотѣлъ, какъ траву, выкосить все вокругъ нашего «я», вокругъ нашей личности, чтобы дать ей полный просторъ и свободу, чтобы сдѣлать ее центромъ всей жизни и жизненныхъ задачъ. Этотъ безусловный индивидуализмъ Нитцше, этотъ страстный его антропоцентризмъ, красною нитью проходящій черезъ все его мышленіе, сказывающійся въ выборѣ, постановкѣ и рѣшеніи всѣхъ практическихъ или этико-философскихъ проблемъ—и представляетъ собою основную и самую цѣнную особенность его міросозерцанія: именно благодаря этой особенности онъ и является такимъ чуткимъ и внимательнымъ «адвокатомъ» личности въ ея процессѣ съ обществомъ, именно — благодаря ей, умѣетъ онъ такъ пристально прослѣживать и отмѣчать въ своемъ «искѣ» къ обществу каждый ущербъ, каждую самомалѣйшую обиду, нанесенную личности» (LVI—LVII).

Идеалъ, который указываетъ намъ Нитцше и къ которому всей душой присоединяется Невѣдомскій, это—вполнѣ автономное, само себѣ служащее закономъ, все изъ себя творящее *я* (LXXX). Нитцше признавалъ неограниченное *я* «единственной нормой нашего поведенія». Установивъ это основное начало этики Нитцше, Невѣдомскій спрашиваетъ: «Наше я, какъ единственная моральная норма... развѣ это не равносильно прямому отрицанію моральныхъ нормъ?» и отвѣчаетъ: «Норма есть нѣчто постоянное, само себѣ равное, поставленное нами надъ собою, выше насъ и регулирующее наши хотѣнія. Наше я—это лишь извѣстная сумма хотѣній, имѣющихся въ насъ налицо въ данный моментъ. Хотѣнія не могутъ регулировать сами себя, уже не говоря о томъ, что наше *я* можетъ быть не тождественнымъ въ два различныхъ момента, и, стало быть, лишено и перваго признака нормы—постоянства. Какую же можетъ оно изъ себя являть норму? Мы признаемъ всѣ эти возраженія справедливыми» (LXX—LXXI).

Тѣмъ не менѣе, Невѣдомскій находитъ, что Нитцше правъ. «Одно изъ двухъ,—говоритъ нашъ авторъ,—или какъ ставитъ его (вопросъ) Кантъ и даже послѣдовательнѣе и «жесточе»...—сказать, что чѣмъ больше и сильнѣе элементъ принужденія, чѣмъ больше усиліе, затрачиваемое на подавленіе «природы» «ради высшаго велѣнія», тѣмъ богаче данный актъ моральнымъ содержаніемъ, тѣмъ выше въ нравственномъ смыслѣ»...

«Или надо сказать, какъ говоритъ Нитцше: идеалъ—это «верховный индивидуумъ, себѣ лишь равный, освободившійся отъ нравственности нравовъ, автономный, сверхнравственный». Если нѣтъ силы, то и ничего нѣтъ. Хорошо только то, что сильно; сильнымъ же можетъ быть лишь то, что самопроизвольно, свободно, что является результа-

томъ свободной дѣятельности, инстинктовъ и потребностей» (ХС). «Мораль, опредѣляемая, какъ совмѣщающая необходимымъ образомъ два составныхъ элемента—начало свободы, самоопредѣленія и начало принужденія, вытекающаго изъ автономно нами признанной, стоящей надъ нами нормы,—такая мораль содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: употребляя безбоязненно-энергичное выраженіе Н. К. Михайловскаго, мы скажемъ, что эта мораль проповѣдуетъ одновременно и большую свободу, и болѣе тугую узду. Можетъ быть, такое рѣшеніе вопроса о «добрѣ» практично, пригодно для жизни, можетъ быть, оно практически въ извѣстной средѣ даже необходимо; но намъ одно представляется очевиднымъ, что нигдѣ такъ не нужна принципіальная чистота, ясность и цѣльность, какъ въ постановкѣ такого рокового и святого вопроса... Тутъ надо выяснить съ полною опредѣленностью тотъ идеалъ, ту цѣль, къ которой мы признаемъ нужнымъ итти. Какъ двигаться впередъ, не зная точно своей цѣли или имѣя передъ собою двѣ цѣли, ведущія въ разныя стороны. Тутъ надо выбирать: либо расчетливый Сократъ съ уродливымъ тѣломъ, искусно задрапированнымъ въ складки бѣлаго хитона и съ уздой Н. К. Михайловскаго въ рукѣ, либо не только уздой, но и одеждой тяготящійся божественно нагой, божественно свободный «расточитель» Діонисъ» (XCII).

Авторъ, чурающійся метафизики и «абсолютизма» въ мышленіи, въ своей апологіи нитцшеанской морали и въ своемъ отрицаніи морали долга, морали, какъ сверхъ индивидуальной нормы, впалъ въ своего рода абсолютизмъ. Aut Caesar, aut nihil! Долгъ отрицается имъ, потому что долгомъ урѣзывается «свобода». Двойственность морали, признающей въ одно и то же время и долгъ, и свободу, или автономость, кажется ему неискренней и невыносимой. Но эта двойственность составляетъ, съ одной стороны, и существо нравственности, какъ психическаго явленія, и ея тайну. Мы совершенно раздѣляемъ точку зрѣнія, высказанную авторомъ предисловія къ книгѣ Бердяева «субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи»: «и прежде дѣлались, и теперь повторяются попытки изгнать идею долга изъ морали. Попытки эти основаны на недоразумѣніи относительно самаго существа нравственности. Съ упраздненіемъ понятія долга упраздняется и самая нравственность, какъ особое психическое явленіе. Упраздненіе это можетъ произойти въ двоякомъ направленіи: и назадъ, и впередъ. Либо человѣкъ станетъ совершенно естественно, т.-е. безъ всякой борьбы съ другими мотивами, изъ полновластной склонности къ добру творить его, либо онъ забудетъ о добрѣ. Строгое Кантово разграниченіе склонности и долга сохранитъ навсегда свое значеніе для опредѣленія нравственности, какъ психическаго явленія, хотя бы самое это явленіе даже перестало существовать. Какъ психическое явленіе, нравственность основана на реальномъ несовпаденіи по содержанію хотѣнія и долженствованія. До тѣхъ поръ, пока для человѣка предложенія: «я хочу» и «я

долженъ» будутъ расходиться по своему содержанію, останется и нравственность, останется и долгъ. Нравственность предполагаетъ извѣстную раздвоенность «я» на законодательствующее и подчиняющееся. Эта раздвоенность и есть расхожденіе между хотѣніемъ и долженствованіемъ» (LXIX—LXX).

Невѣдомскій, по примѣру Нитцше *) и многихъ другихъ, стремится упразднить проблему морали путемъ погашенія идеи долга. Въ этомъ стремленіи, какъ и во всей философіи Нитцше, сказывается старая и жгучая потребность устранить противоположность между природой, инстинктомъ, влеченіемъ съ одной стороны и разумомъ, нормой, цѣлесообразностью,—съ другой стороны. Въ сущности, это—вѣчное противоборство сознательнаго и безсознательнаго начала въ міровомъ порядкѣ, непримиримое въ области опыта и управляемое опытомъ дѣйствительности. Но, что всего важнѣе, эта противоположность слишкомъ отвлеченна и слишкомъ широка для конкретныхъ явленій дѣйствительности и не въ силахъ ихъ уловить. Ставить нравственной дѣйствительности требованіе: «или—или», или свобода, или долгъ, какъ это дѣлаетъ Невѣдомскій, значитъ насиловать эту дѣйствительность своимъ абсолютизмомъ. Въ нравственной дѣйствительности свободно сочетаются и свобода, и долгъ, и воля личности и велѣніе закона. Въ этомъ тайна ея, нравственной дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ намъ только забыть о томъ, что личность окружена со всѣхъ сторонъ другими личностями, что она рождается, живетъ и умираетъ въ сѣтяхъ и цѣпяхъ обычаевъ, традицій, учрежденій, и представить себѣ, что она со своимъ внутреннимъ содержаніемъ одна противостоитъ всему богатству міра внѣшняго, какъ тотъ же вопросъ о свободѣ и долгѣ возстанетъ передъ нами въ своемъ чистомъ видѣ. Личность и безъ всякаго внѣшняго міра, безъ всякаго «общества» неизбѣжно раздвоится и, вообще, раздѣлится въ себѣ и изъ этого раздѣленія въ концѣ концовъ одинъ только выходъ въ призваніи или признаніи нравственнаго закона. Мнѣ кажется, стремленіе во что бы то ни стало изгнать идею долга изъ нравственности у такихъ рѣшительныхъ противниковъ морали счастья или эвдемонизма, какъ Нитцше и его послѣдователи, является безсознательнымъ наслѣдіемъ или пережиткомъ эвдемонизма. Въ немъ сказывается желаніе отнять у нравственной дѣятельности, у моральнаго творчества жесткій характеръ борьбы, внутренней борьбы за созиданіе добра, внести въ этотъ процессъ ту абсолютную гармонію, которая можетъ быть лишь его завершеніемъ, недоступнымъ нашему ограниченному зрѣнію. Упразднить внутреннія страданія и борьбу, примирить раздѣляю-

---

*) Та точка зрѣнія, которая излагается Невѣдомскимъ, какъ мораль Нитцше, въ основѣ своей упраздняется идеей сверхчеловѣка. Въ образѣ сверхчеловѣка Нитцше ввелъ идею долга въ свою мораль.

щееся въ себѣ *я*—такова мечта этой послѣдней, самой тонкой формы эвдемонизма, трудно уловимой, какъ таковой.

Есть явленія, которыхъ существо, реальный смыслъ и эстетическая прелесть заключаются въ своеобразномъ и таинственномъ сожительствѣ противоположныхъ началъ. Такъ, идеалъ, къ которому мы стремимся, не можетъ быть для насъ вполнѣ необходимъ. Если онъ будетъ сплошь окрашенъ въ цвѣтъ необходимости, то для его осуществленія не нужны наши стремленія, какъ не нужны они для движенія небесныхъ свѣтилъ и для отложенія морскихъ береговъ. Но, съ другой стороны, мы будемъ чувствовать себя страшно слабыми, если на сторонѣ нашего идеала будетъ только одна сила, — наше желаніе осуществить его. Мы всегда сознательно ищемъ или безсознательно примышляемъ для этой силы мощнаго союзника—силу вещей. И мы будемъ тѣмъ увѣреннѣе въ конечномъ наступленіи идеала, чѣмъ больше работы возьметъ на себя безсознательная стихійная сила вещей. Наше свободное дѣяніе никогда не можетъ исчезнуть вполнѣ изъ представленія объ идеалѣ, ибо иначе онъ распадется, какъ таковой, превратившись изъ человѣческаго творчества въ естественное теченіе вещей, но чѣмъ больше это послѣднее будетъ работать съ нами и для насъ, тѣмъ бодрѣе будемъ мы взирать на будущее. Для существованія идеала, какъ таковаго, нужно участіе нашего свободнаго дѣянія. Но для крѣпости этого идеала, какъ объективнаго факта, для реальнаго его воплощенія въ жизни, нужно какъ можно бо̀льшее участіе въ его созиданіи силы вещей. А такъ какъ все человѣческое безъ остатка слагается изъ этихъ двухъ величинъ, то, очевидно, что возрастаніе одной означаетъ умаленіе другой. Умаленіе это, однако, носитъ совершенно своеобразный характеръ въ нашемъ случаѣ: оно не есть вовсе уменьшеніе ни внутренней силы, ни моральной цѣнности свободнаго дѣянія. Умаляясь въ сравненіи съ объективнымъ факторомъ, свободное дѣяніе объективно крѣпнетъ отъ этого умаленія и въ то же время совершенно не поступается своею внутреннею цѣнностью. Свободное дѣяніе теряетъ смыслъ тамъ, гдѣ вся территорія захватывается силой вещей, но психологически оно можетъ занимать очень много мѣста и значить очень много бы хотя въ реалистически-обоснованномъ образѣ будущаго ему и пришлось объективно совершенно отступить на задній планъ передъ силою вещей.

Соотношеніе между необходимостью и свободнымъ дѣяніемъ въ общественномъ и иномъ моральномъ идеалѣ, или вѣрнѣе въ томъ образѣ будущаго, который мыслится нами, какъ такой идеалъ, представляетъ нѣкоторое подобіе соотношенія между такъ называемой свободой и долгомъ въ нравственномъ дѣйствованіи. Это и понятно, такъ какъ то, что мы часто называемъ свободой въ нравственномъ дѣйствованіи, въ своемъ наиболѣе полномъ и крайнемъ выраженіи совпадаетъ съ творчествомъ, совершающимся вполнѣ естественно, безъ всякаго помыш-

ленія о возможности или желательности иного образа дѣйствія, безъ всякой внутренней борьбы. Свобода въ этомъ смыслѣ—это полновластіе одной какой-нибудь силы, одного содержанія, одного настроенія въ нашей душѣ. Психологическая игра, «діалектика», какъ сказалъ бы гегеліанецъ или марксистъ, этого понятія свободы состоитъ въ томъ, что оно не только соприкасается съ полной противоположностью того, что мы тоже очень часто зовемъ свободой, но и прямо составляетъ такую противоположность.

Полновластное господство въ душѣ одного какого-нибудь содержанія противоположно борьбѣ въ ней различныхъ содержаній, той борьбѣ, которая дѣлаетъ необходимымъ выборъ между ними и ставитъ, такимъ образомъ, эти различныя содержанія на судъ какъ бы третьяго лица—свободнаго «*я*». Діалектика тутъ, какъ и всегда, состоитъ въ томъ, что различныя вещи обозначаются одними и тѣми же именами и, вопреки логикѣ, имена заступаютъ мѣсто понятій. Въ одномъ случаѣ мы подъ названіемъ «я» разумѣемъ душевное с о д е р ж а н і е; въ другомъ случаѣ—формальное понятіе «я» или личности, независимо отъ того, что она въ себѣ содержитъ. Если одна какая-нибудь сила одно содержаніе, направленіе, настроеніе цѣликомъ и исключительно владѣетъ формою нашего «я», ее наполняетъ, съ нимъ вполнѣ сростается и сливается, то это содержаніе, не имѣя рядомъ съ собою и противъ себя никакого другого, съ нимъ соперничающаго, его ограничивающаго, оказывается вполнѣ независимымъ, т.-е. свободнымъ.

Содержаніе (опредѣленное) «я» тѣмъ независимѣе и тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе ему подчинено, чѣмъ покорнѣе, т.-е. менѣе свободно «я», какъ форма. Поэтому, свобода «я», какъ опредѣленнаго содержанія духа, означаетъ несвободу «я», какъ формы духа. Отсюда понятно, почему необходимость въ образѣ идеальнаго будущаго, предносящемся нашему дѣйственному сознанію, играетъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ такую же роль и занимаетъ такое же мѣсто, какое въ нравственномъ дѣйствованіи занимаетъ свобода. Мы уже опредѣлили выше природу нравственности. Чѣмъ больше «я» будетъ творить добро въ силу естественнаго влеченія, охваченное полновластной склонностью къ добру, ею наполняемое, тѣмъ лучше; тѣмъ полнѣе и ярче будетъ добро осуществляться. Но когда долгъ будетъ совершенно поглощенъ свободой, нравственность исчезнетъ такъ же, какъ исчезъ бы идеалъ, въ которомъ свободное дѣяніе было бы вполнѣ поглощено необходимостью или силою вещей. Мѣсто нравственности заняла бы святость, т.-е. такое состояніе духа, въ которомъ нѣтъ внутренняго противоборства содержаній, нѣтъ состязанія между добромъ и зломъ. Для существованія нравственности нужно внутреннее принужденіе обязанности, нужно подчиненіе долгу; но для крѣпости нравственности необходимо какъ можно менѣе моральнаго дѣянія изъ обязанности, какъ можно

меньше принужденія и подчиненія, хотя бы и внутренняго, какъ можно больше свободы и, пожалуй, даже безсознательности въ созиданіи добра.

Возражая противъ морали долга, Невѣдомскій говоритъ, что, какъ бы ни было велико мѣсто, отводимое ею элементу свободы и автономности, «очевидно, что количественно незначительный элементъ принужденія, принципіально говоря, занимаетъ огромное мѣсто, и именно потому, что онъ вводится по свободному признанію, принципіально, т.-е. путемъ признанія его именно моральнымъ элементомъ... Всякій согласится съ нами, что количественная сторона дѣла здѣсь вопросъ не первостепенной важности...» (XLII).

Нашъ взглядъ послѣ сказаннаго вполнѣ ясенъ: для насъ важна тоже не количественная сторона вопроса. Съ нашей точки зрѣнія понятіе нравственности неразрывно связано съ понятіемъ долга.

Не признавая важности элемента или идеи долга въ морали, Невѣдомскій остается совершенно чуждымъ идеѣ нравственнаго порядка, который личность находитъ въ себѣ и въ то же время не можетъ не признавать объективнымъ и стоящимъ выше личнаго произвола. Въ сознательномъ и свободномъ подчиненіи этому нравственному порядку и состоитъ долгъ. Невѣдомскій думаетъ, что свободное подчиненіе долгу противорѣчиво въ себѣ и что поэтому никакое принужденіе или подчиненіе не можетъ быть моральнымъ. Я согласенъ, что употребленіе этихъ грубыхъ терминовъ вводитъ нѣкоторыя ложныя представленія и оттѣнки мысли, главнымъ образомъ, потому, что, примѣняя эти слова, мы забываемъ столь важное различеніе между «я», какъ содержаніемъ, и «я», какъ формой, и часто подмѣниваемъ одно понятіе другимъ. «Я», какъ форма, всегда логически едино, и многообразіе «я» опредѣляется всегда его содержаніемъ. Единство этого содержанія есть чрезвычайно рѣдкое и даже исключительное явленіе. Мысленно оно устанавливается обыкновенно лишь слѣдующимъ, совершенно искусственнымъ и мнимымъ, пріемомъ: по тѣмъ или другимъ соображеніямъ выхватываются нѣкоторыя отдѣльныя стороны, или направленія «я» (какъ содержанія) и эти стороны возводятся въ рангъ подлиннаго «я», «я» по преимуществу; имъ присваивается то единство, которое составляетъ необходимый логическій признакъ «я», какъ формальнаго понятія.

Благодаря такому сочетанію двухъ различныхъ понятій, опредѣленному душевному содержанію или, общѣе и точнѣе, строю передается, такъ сказать, законная власть надъ всѣми другими сторонами или направленіями души. Вопросъ только въ томъ, есть ли это законная власть или тираннія. Почему инстинктъ, природа, Діонисъ это—подлинное «я», законная власть, а разумъ, долгъ, Сократъ—какіе-то пришельцы-насильники, вторгшіеся въ «я», тираны, которыхъ необходимо свергнуть. Отрицательное отношеніе къ долгу поддерживается именно этимъ представленіемъ о немъ, какъ о чемъ-то внѣшнемъ, насильни-

чающемъ надъ нашимъ «я». А такое представленіе создано нами самими, оно возникаетъ вслѣдствіе того, что мы только извѣстныя содержанія и направленія духа признаемъ подлиннымъ выраженіемъ нашего «я», прочія же разсматриваемъ, какъ нѣчто ему чуждое и внѣшнее. Какъ ни стараются отрицатели долга мыслить себѣ его въ личности, онъ всегда чудится имъ, какъ нѣчто постороннее личности, наступающее на нее и ограничивающее ее. Но нравственный законъ есть нѣчто столь же внутреннее, какъ и та личность, которая ему подчиняется. Единственное, въ чемъ правы отрицатели долга, это—въ томъ, что дѣйствіе идеи долга знаменуетъ собою раздвоеніе личности или «я», какъ содержанія, и что погашеніе этой идеи устраняетъ такое раздвоеніе. Но, повторяемъ, это раздвоеніе составляетъ существо нравственности, какъ психическаго явленія.

Находя въ себѣ идею долга и притомъ не какъ пустое, безсодержательное долженствованіе, но наполненную извѣстнымъ содержаніемъ, личность или «я», какъ форма, видитъ въ ней нѣчто прочное и независимое отъ смѣны хотѣній и настроеній, твердую точку, на которой она, переживающая всѣ эти смѣняющіяся, другъ друга перегоняющія и перебивающія настроенія и хотѣнія, можетъ укрѣпиться. Нравственный законъ, который духъ открываетъ въ себѣ, есть его подлинная собственность.

Я уже намекнулъ на то, что слова: «подчиненіе долгу» и «принужденіе обязанности» могутъ влечь за собой ложныя представленія и оттѣнки мысли. Нравственный долгъ, если онъ есть дѣйствительно живущій въ душѣ и ею въ себѣ открываемый законъ, всегда творится свободно въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ свобода понимается отрицателями долга. Но нравственная работа духа происходитъ не на пустомъ, а на занятомъ самыми разнообразными движеніями души мѣстѣ. Всякая моральная дѣятельность должна производить росчисти въ душѣ, многое подсѣкать и вырывать съ корнемъ. Словомъ, это есть борьба, театромъ которой является душа, борьба не личности съ внѣшними силами, а борьба личности, раздвоившейся раздѣлившейся, въ себѣ. Какъ бы нравственное дѣяніе ни было свободно, если оно есть сознательная творческая дѣятельность, въ немъ всегда много страданій, горечи и скорби, неразрывно связанныхъ съ борьбой. Но когда эта борьба закончена, побѣдитель распоряжается не только властной, но и свободной рукой или, вѣрнѣе, душой. Побѣдитель не только пригнулъ, онъ смелъ и отмелъ своихъ супротивниковъ: ихъ нѣтъ больше въ душѣ, они уничтожены или скрылись. До тѣхъ поръ, пока долгъ не овладѣлъ настолько душой, нравственная работа еще не закончена, нравственная задача еще не разрѣшена. Въ этомъ смыслѣ «**кто кладетъ руку на плугъ и самъ озирается вспять, тотъ не пахарь**». Душа свободно творитъ долгъ, но она прочно хранитъ память о той борьбѣ, которая велась ею и въ ней, и хорошо чувствуетъ

все глубокое отличіе этой борьбы за нравственность, завершающейся свободнымъ дѣяніемъ отъ того, что дается безъ всякой борьбы, само собой, въ полномъ душевномъ мирѣ. Суровое дыханіе душевной борьбы налагаетъ свою печать на все то, что выросло и созрѣло въ ея атмосферѣ. И если стать на эстетическую точку зрѣнія въ дѣлѣ выбора морали, то еще вопросъ: что красивѣе, безсознательное и не сѣющее въ душѣ вражды и войны, созиданіе добра, или тяжелая борьба за добро? Недаромъ поэтъ говорилъ «о бурь душевныхъ красотѣ»; недаромъ великій художникъ-мыслитель, который сказалъ, что лучшее средство быть счастливымъ—это не искать счастья, писалъ: «Dans la bataille de la vie la lutte vaut mieux que le prix de la lutte»; недаромъ великій нѣмецкій критикъ признался, что если бы Богъ держалъ передъ нимъ въ одной рукѣ истину, въ другой—стремленіе къ истинѣ, то онъ выбралъ бы не истину самое, а вѣчную потребность ея исканія. Такова общая доля и неизмѣнный законъ всякаго конечнаго бытія: находить высшее удовлетвореніе не въ своихъ конечныхъ созданіяхъ, но въ исканіи безконечнаго, въ созиданіи абсолютнаго. Исканіе и созиданіе же есть борьба, и прежде всего съ самимъ собою Никто иной, впрочемъ, не воспѣлъ такого гимна борьбѣ человѣка съ самимъ собой, никто не проповѣдывалъ ее такъ страстно и не исповѣдывалъ въ такой мѣрѣ всей своей духовной жизнью, какъ Нитцше *).

*) «...по мнѣнію Нитцше, мудрый долженъ быть твердымъ, суровымъ и къ себѣ, и къ другимъ. Онъ долженъ отказаться отъ всякаго личнаго благополучія отъ всего, что приноситъ спокойствіе и миръ. Ему вѣдь извѣстно, что нѣтъ такой опредѣленной, напередъ установленной цѣли, къ которой направлялось бы въ своемъ развитіи человѣчество; что, напротивъ, все находится въ процессѣ непрестаннаго образованія (Werden), что жизнь есть нѣчто такое, что «постоянно должно себя превосходить»; и онъ понимаетъ, что человѣкъ никогда не долженъ хвалиться, что достигъ уже пристани,—что всякій миръ долженъ быть лишь подготовкой, лишь «средствомъ къ новой войнѣ», а все существованіе—рядомъ подвиговъ и приключеній, одно другого опаснѣе. Не счастья ищетъ онъ для себя, а развѣ волненій игрока; и если ему удалось счастливо бросить кости, онъ тотчасъ задается вопросомъ: не фальшивыя ли то кости, которыми онъ игралъ? Онъ знаетъ, что радость и горе постоянно ходятъ вмѣстѣ. Человѣкъ можетъ достичь того, что проживетъ жизнь, не извѣдавши ни большой скорби, ни большой радости, въ состояніи безразличія и равнодушія, но не иначе, какъ цѣною пониженія до минимума своей жизненной силы. Кто хочетъ знать, что такое великая радость, тотъ роковымъ образомъ долженъ узнать и великую скорбь: каждое отклоненіе въ одну сторону оплачивается отклоненіемъ въ сторону противоположную. «Созидатель цѣнностей», вѣрующій въ жизнь, желающій, чтобы она шла съ возможно большей интенсивностью и силой, тѣмъ самымъ желаетъ и наиболѣе сильныхъ колебаній, наиболѣе рѣзкихъ отклоненій отъ равновѣсія: онъ хочетъ извѣдать высочайшія вершины какъ счастья, такъ и горя, упоеніе самой блестящей побѣдой и ужасъ самаго полнаго пораженія; онъ «заразъ идетъ навстрѣчу и высшему своему страданью, и самой высокой своей надеждѣ», какъ бы одновременно идетъ и къ торжеству, и къ гибели. Заратустра умираетъ въ моментъ, когда достигъ высшей точки своего существованія. Сверхчеловѣкъ—это будетъ и высшее торжество, и конецъ человѣка» (Лихтенберже, стр. 192—193).

Поэтому нѣтъ лучшаго свидѣтеля противъ Нитцше, чѣмъ самъ Нитцше. Отрицатель долга, онъ кончилъ утвержденіемъ его въ самой мистической формѣ (долгъ—служить мостомъ къ сверхчеловѣку); врагъ метафизики, онъ далъ одно изъ самыхъ смѣлыхъ и потрясающихъ метафизическихъ построеній (ученіе о вѣчномъ возвращеніи всего сущаго); врагъ религіи, отвергшій, «похоронившій» Бога, онъ всю жизнь думалъ только о религіи и искалъ только Бога; проповѣдуя подчиненное инстинкту, гармоническое въ себѣ «я», онъ все время разрушалъ и вновь созидалъ содержаніе этого «я».

Странно, что Невѣдомскій ничего не говоритъ о томъ что Нитцше въ послѣднюю свою эпоху отпалъ отъ морали, отрицающей долгъ. Идею долга онъ воплотилъ въ образѣ сверхчеловѣка. Эта эволюція Нитцше оказавшаяся окончательной, въ высшей степени поучительна. Она показываетъ неистребимую силу идеи долга, коренящейся въ самой сущности морали. Съ другой, стороны то естественное возмущеніе, которое вызываетъ въ насъ взглядъ на человѣческую личность, какъ на орудіе, какъ на мостъ, или переходъ хотя бы и къ «сверхчеловѣку», невозможность признать такой взглядъ за руководящее начало морали, принять и исполнять такой отрицающій человѣка долгъ, указываетъ единственный выходъ изъ борьбы между личностью и долгомъ, единственное рѣшеніе этой великой тяжбы.

Это рѣшеніе давно найдено и заключается оно въ признаніи безусловнаго достоинства или цѣнности за человѣческою личностью, какъ таковой. Идея абсолютной цѣнности человѣческой личности, какъ этическое начало съ полною ясностью раскрыто впервые Кантомъ, но свой метафизическій, или, если угодно, религіозный корень оно имѣетъ въ утвержденіи человѣческаго духа, какъ вѣчной и самоопредѣляющейся субстанціи, составляющемъ одну изъ главныхъ метафизическихъ идей христіанства. Это этическое начало далеко отъ того, чтобы быть отвлеченнымъ и безплоднымъ. Для того, кто принялъ его въ свою душу, оно становится точнымъ и строгимъ правиломъ, на судъ котораго должны предстать всѣ человѣческія дѣла, событія, отношенія и установленія.

Важный результатъ, къ которому, на мой взглядъ, приводятъ современное человѣчество честныя моральныя исканія Нитцше, заключается вовсе не въ той морали, на которой остановился самъ великій художникъ - философъ. Этотъ результатъ можно формулировать такъ: обѣ основныя идеи морали: высшее благо и человѣческая личность по существу не враждебны, а наоборотъ, требуютъ одна другой. Въ ихъ жизненномъ примиреніи, сближеніи и взаимопроникновеніи и состоитъ моральное творчество человѣчества, созиданіе абсолютнаго въ безусловно цѣнной формѣ человѣческой личности. Такъ примиряется универсализмъ и индивидуализмъ въ морали, идеализмъ и скептицизмъ, смѣлая вѣра въ Абсолютное и честное сомнѣніе въ отдѣльныхъ ста-

діяхъ и результатахъ исканія его человѣчествомъ. Такая мораль чревата практическими выводами. Она дѣйственна и въ то же время терпима къ чужой мысли и чужому исканію.

Невѣдомскій очень хорошо отмѣчаетъ одну важную черту въ этической проповѣди Нитцше — у Нитцше была именно проповѣдь, а не система—и по справедливости высоко оцѣниваетъ значеніе этой черты. Въ столь ославленномъ и подчасъ дѣйствительно циничномъ, «эготизмѣ» Нитцше выразилось прежде всего «стремленіе къ принципу равноправности человѣческой личности вообще». Нитцше «нужна была равноцѣнность и только равноцѣнность я и ты, которую склонны игнорировать проповѣдники «морали, начинающейся тамъ, гдѣ начинается узда», проповѣдники альтруистическаго и «эвдемонистическаго» самопожертвованія,—словомъ, говоря молотобойнымъ языкомъ Нитцше» — «христіане, демократы, рабы». «Борецъ со своимъ временемъ», страстный защитникъ нашего «я» естественно долженъ былъ биться съ этими рабами за умаленіе нашего «я», какъ онъ бился съ ними за ихъ Uebermass (чрезмѣрность) состраданія; но, ополчаясь лишь противъ умаленія «я», онъ по обычаю, ни въ чемъ не зная ни середины, ни мѣры, ни края, превращался въ проповѣдника эготизма, жестокости и тиранніи, въ апологета Наполеоновъ, преступниковъ... Въ очищенномъ отъ эксцессовъ существѣ своемъ эготизмъ Нитцше сводится къ реабилитаціи правъ нашего «я», умаляемыхъ или попираемыхъ изъ альтруистическаго усердія нашими моралистами. Нитцше какъ бы указывалъ для морали вторую область, вторую половину, ничуть не менѣе важную, чѣмъ первая половина, но оставленную почему-то въ забвеніи, — указывалъ, что эта мораль должна подумать и о нашемъ «я», доказывалъ, что собственное наше «я» должно быть вполнѣ равноцѣнно въ моральномъ отношеніи, съ ты, съ чужимъ я... Это ты вѣдь дѣйствительно «старше, чѣмъ я»; объ его святости говорятъ намъ всѣ моралисты съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ мораль. Для ты полагалась мораль, а для я—«узда». Нитцше находилъ, что это несправедливо...» (CXXX—CXXXII).

Эта черта въ морали Нитцше, въ самомъ дѣлѣ, ставитъ чрезвычайно важную этическую проблему. Однако удовлетворительное разрѣшеніе этой проблемы недоступно не только этикѣ «альтруизма», но и «эготизму». Оно требуетъ внесенія въ этику третьяго, болѣе высокаго начала. Это начало дается понятіемъ личности.

П. И.

ПЕССИМИЗМЪ ИБСЕНА.

Очеркъ Анри Лихтенберже.

Переводъ съ французскаго Е. П. Раковской.

Въ недавно произнесенной рѣчи Ибсенъ возражалъ противъ распространеннаго предразсудка, по которому литературная слава считается самымъ завиднымъ счастьемъ, а «человѣкъ, сдѣлавшійся избранникомъ судьбы въ этомъ смыслѣ и со славой принятый всѣмъ свѣтомъ, считается безусловно счастливымъ». Меланхолія этого полупризнанія можетъ показаться странной у поэта, шестьдесятъ вторую годовщину рожденія котораго въ эту минуту праздновала вся Европа. Но она не удивитъ тѣхъ, кто слѣдилъ за послѣдней фазой эволюціи его мысли и замѣтилъ возраставшее пессимистическое настроеніе, о которомъ свидѣтельствуютъ его послѣднія драмы. Тогда какъ, напримѣръ Вагнеръ съ возрастомъ дѣлается яснѣе и свѣтлѣе и послѣ мрачнаго пессимизма «Тристана» заканчиваетъ свѣтлымъ примиреніемъ «Парсифаля», Ибсенъ, несмотря на блистательную славу, освѣтившую его старость, въ драмахъ, появившихся послѣ «Росмерсгольма», и особенно въ трехъ послѣднихъ пьесахъ: Строитель Сольнесъ», «Гансъ-Габріель Боркманъ» и «Когда мы возстанемъ изъ мертвыхъ», повидимому, идетъ въ сторону все болѣе и болѣе трагическаго пониманія жизни, смотритъ все болѣе и болѣе безнадежнымъ взглядомъ на свою художественную карьеру, на настоящую жизнь и на будущее человѣчество.

Я хочу попытаться отмѣтить въ этомъ очеркѣ отличительныя черты и границы этого пессимизма.

Я думаю, что можно отличать двѣ главныя формы пессимизма, которыя въ дѣйствительности часто проявляются болѣе или менѣе смѣшанными, но которыя легко выдѣлить анализомъ: я назову одну изъ этихъ формъ пессимизмомъ мистическимъ, а другую—реалистическимъ пессимизмомъ.

Первый пессимизмъ беретъ свое начало въ чувствѣ, въ интенсивной жалости къ неизбѣжнымъ мукамъ человѣчества, въ религіи человѣческаго страданія. Доведенный до своихъ послѣднихъ выводовъ

этотъ пессимизмъ обусловливаетъ изчезновеніе охоты къ жизни, мистическое стремленіе къ благодѣтельной смерти, къ буддистской нирваннѣ, къ покою могилы. Этотъ пессимизмъ внушилъ Шопенгауеру его дивныя страницы объ умираніи житейскихъ желаній у освобожденнаго отъ міровой иллюзіи аскета. Этотъ же пессимизмъ выливается волнами мелодіи въ развязкѣ «Тристана» и поетъ возвышенные напѣвы «Парсифаля». Это тотъ пессимизмъ, наконецъ, на излишество и опасность котораго указалъ Нитцше съ своей ужасающей проницательностью. Конечно, жалость—одно изъ самыхъ благородныхъ чувствъ, способныхъ наполнять человѣческую душу, но она не должна доводить насъ до страха передъ всякимъ страданіемъ, такъ какъ добровольно принятое страданіе, страданіе, составляющее даже предметъ стремленій, имѣетъ тоже свое благородство, свое величіе, свою красоту. Мы не имѣемъ права считать его само по себѣ зломъ, «чѣмъ - то такимъ, что должно быть уничтожено»; мы сами должны умѣть страдать, поэтому мы должны также умѣть переносить страданія другихъ окружающихъ. Однимъ словомъ, жалости нельзя приносить въ жертву героизмъ съ его суровыми добродѣтелями и ужасными послѣдствіями, которыя онъ обусловливаетъ. И, наконецъ, развѣ это уничтоженіе охоты къ жизни, это мистическое сладострастіе смерти не должны почти всегда быть истолкованы, какъ признакъ вырожденія, усталости, какъ показатель уменьшенной жизненности, короче сказать, какъ болѣзненный и внушающій извѣстное безпокойство симптомъ? Именно такъ и думаетъ Нитцше. Любовь къ жизни, доброе и радостное принятіе на себя ея борьбы и ея трудовъ являются доказательствомъ нравственнаго здоровья и физіологическаго равновѣсія. Вездѣ, гдѣ проявляется аскетическій или мистическій пессимизмъ, мы въ правѣ спросить себя: не близко ли къ нарушенію это равновѣсіе, и не начинается ли физіологическое вырожденіе?

Но я именно къ тому и велъ, что мистическій пессимизмъ почти совершенно отсутствуетъ въ произведеніяхъ Ибсена. И, конечно, дѣло не въ томъ, что у него нѣтъ дара волноваться человѣческими страданіями, что онъ лишенъ чувства жалости: мнѣ не нужно иныхъ доказательствъ, кромѣ захватывающихъ сценъ, въ которыхъ онъ разсказываетъ намъ объ ужасномъ моральномъ мученичествѣ Бранда и Агнесы, и которыя, можетъ быть, принадлежатъ къ самымъ трогательнымъ сценамъ современной драмы. Но, съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы благородство героизма съ его самыми безжалостными добродѣтелями было непонятно Ибсену. Именно *Брандъ* представляетъ поэму героической воли, полную энтузіазма апологію твердаго и сильнаго человѣка, умѣющаго страдать за свою вѣру, и, что еще ужаснѣе, видѣть страданія, заставлять страдать и даже умирать въ страданіяхъ тѣхъ, кого онъ больше всего любитъ: свою жену, своего маленькаго ребенка. Однако, вы не найдете у норвежскаго драма-

турга и апологіи отреченія, страстнаго стремленія къ вѣчному покою смерти. Его самые любимые герои, тѣ, въ которыхъ лучше всего воплощается его идеалъ, какъ, напримѣръ Гансъ и Росмеръ—не аскеты, не герои отреченія. Росмеръ—проповѣдникъ красоты и благородства; его девизъ: «счастье для всѣхъ, создаваемое всѣми»! Ибсенъ не требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ разрушилъ въ себѣ естественный и законный инстинктъ, который влечетъ его къ исканію счастья: онъ мечтаетъ о высшемъ идеалѣ, синтезѣ христіанскаго аскетизма и языческой жизнерадостности, благодаря которому человѣчество однимъ и тѣмъ же порывомъ стремилось бы и къ добру, и къ наслажденію. Поэтому-то мы не находимъ у Ибсена той мистической жажды мира, того громаднаго желанія пантеистическаго поглощенія индивидуальнаго существа въ великомъ цѣломъ, какое встрѣчается у нѣкоторыхъ героевъ Вагнера. Тѣ герои, которыхъ онъ создаетъ, болѣе склонны бороться, менѣе содержательны. Если они оказываются побѣжденными, то смерть можетъ явиться имъ послѣднимъ убѣжищемъ, необходимостью, которой они подчиняются безъ возмущенія, на которую они даже рѣшаются по собственному побужденію, но не положительнымъ благомъ, не состояніемъ блаженства, не возвращеніемъ души къ своей настоящей родинѣ. Однимъ словомъ, мистическій пессимизмъ почти совершенно отсутствуетъ въ творчествѣ Ибсена.

Пессимизмъ реалистическій сильно отличается отъ пессимизма мистическаго. Первый, по существу, интеллектуаленъ, тогда какъ второй—главнымъ образомъ связанъ съ чувствомъ. Опредѣляющей причиной одного является созерцаніе дѣйствительности; началомъ другому служитъ извѣстное состояніе души. Мистическій пессимизмъ противоположенъ языческой жизнерадостности; реалистическій пессимизмъ противоположенъ идеалистическому оптимизму. Оптимистъ видитъ міръ въ прикрашенномъ видѣ, его болѣе поражаетъ то, что въ человѣкѣ есть великаго, благороднаго, великодушнаго, чѣмъ человѣческое безобразіе и убожество; онъ вѣритъ во внутреннюю правду вещей, которая обезпечиваетъ торжество добра надъ зломъ, и наказаніе зла какъ въ индивидуальной, такъ и въ общественной жизни, и въ исторической эволюціи. Пессимистъ считаетъ такое оптимистическое представленіе о мірѣ или невольной иллюзіей лишеннаго проницательности идеалиста или добровольнымъ ослѣпленіемъ, другими словами,—ложью сытаго, который хочетъ увѣрить всѣхъ, что все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, или труса, который боится взглянуть правдѣ въ глаза. Реалистъ видитъ, или думаетъ, что видитъ, дѣйствительность такою, какова она есть, то есть пошлой и печальной и описываетъ ее такою, какою видитъ, ничего не скрашивая и не смягчая. Человѣкъ кажется ему безобразнымъ, а главное мелкимъ. Онъ пораженъ не только основною душевною пошлостью людей толпы, «стада», но даже и въ самыхъ высшихъ индивидуумахъ онъ различаетъ недостатки, которые

обезображиваютъ или унижаютъ ихъ. Если вѣрить пессимисту,—то общество—глубоко испорчено, основано на несправедливости, безжалостно къ слабымъ, которыхъ давитъ съ отвратительной суровостью; оно держится на лживыхъ условностяхъ, съ помощью которыхъ счастливцы дня лицемѣрно стараются обмануть другихъ или скрыть отъ самихъ себя серьезность положенія.

Впрочемъ, реалистическій пессимизмъ можетъ вести къ самымъ противоположнымъ заключеніямъ, давая самые разнообразные результаты въ хорошую или въ дурную сторону, и рѣшить: полезенъ онъ или вреденъ вообще—невозможно. Такъ какъ онъ склоняетъ человѣка къ недовольству даннымъ своимъ положеніемъ, то онъ является пружиною всякаго прогресса; всѣ великіе революціонеры въ большей или меньшей степени—реалистическіе пессимисты;—въ то-же время онъ является началомъ того глухого недовольства, которое разъѣдаетъ устарѣвшія общества и бываетъ прелюдіей разложенія ихъ; онъ дѣйствительная причина самыхъ благодѣтельныхъ реформъ и самыхъ безплодныхъ сотрясеній, онъ—прицинъ дѣятельности или смерти.—Въ своей крайней формѣ—это абсолютный нигилизмъ какого-нибудь Нитцше, который видитъ во вселенной продуктъ слѣпой и въ высшей степени безразличной необходимости и читаетъ исторію кровавою и грубой безсмыслицей, который подвергаетъ сомнѣнію такія наиболѣе общепризнанныя «цѣнности», какъ истина и добро, и провозглашаетъ «смерть Бога», абсолютную тщетность всякой надежды на что нибудь по ту сторону могилы, всякой вѣры въ сверхъ-индивидуальный идеалъ.

Ибсенъ, несомнѣнно, долженъ быть отнесенъ въ категорію реалистическихъ пессимистовъ. Съ эпохи появленія первыхъ его бытовыхъ пьесъ онъ обнаруживается передъ нами, какъ неумолимый аналитикъ, холодно отмѣчающій недостатки современнаго человѣка и общественнаго организма. Онъ не щадитъ ни одного общественнаго класса. Онъ открыто обличаетъ испорченность «столповъ общества», вродѣ консула Берника, который идетъ почти на преступленіе, чтобы увеличить свои барыши и потушить скандалъ, или вродѣ камергера Альвинга, пьяницы и порочнаго человѣка, превращающаго свой домъ въ притонъ постыднаго разврата. Онъ немилосердно бичуетъ смѣшныя стороны и душевную низость представителей церкви, которыхъ онъ рисуетъ то интриганами, подъ покровомъ религіи скрывающими самое свѣтское честолюбіе, то лицемѣрами, снисходительно относящимися къ пороку, который нарушаетъ общественныя условности и вызываетъ скандалъ. Ибсенъ точно также не щадитъ и политиковъ—эгоистическихъ и ограниченныхъ консерваторовъ, и честолюбивыхъ и горячихъ радикаловъ, выставляя и тѣхъ и другихъ съ ихъ отсутствіемъ убѣжденій и добросовѣстности, съ ихъ исключительнымъ стремленіемъ къ вліянію и власти.

Онъ не чувствуетъ никакого уваженія къ представителямъ бур-

жуазіи,—крупной и мелкой, процвѣтающей или разоренной, но и народъ не импонируетъ ему; никто злѣе Ибсена, въ его пьесѣ: «Врагъ народа» не изобразилъ тупости «сплоченнаго большинства», которое неспособно отличить своихъ истинныхъ друзей, руководствуется только близорукимъ эгоизмомъ и побиваетъ камнями честнаго Штокмана, чтобы отучить его ставить благо города выше его непосредственныхъ матеріальныхъ интересовъ.

Неумолимый реалистъ не складываетъ оружія даже передъ тѣми лицами, которыя ему всего симпатичнѣе: онъ увѣренною рукою отмѣчаетъ слабости ихъ характера, маленькія несовершенства ихъ натуры. Поэтъ Фалькъ въ «Комедіи любви» представленъ намъ, какъ піонеръ идеала среди мелкихъ филистеровъ; но это не мѣшаетъ Ибсену изображать его нѣсколько сумасброднымъ мечтателемъ, чѣмъ то вродѣ бумажнаго змѣя, неспособнаго летать самостоятельно, нуждающагося въ вѣтрѣ, который бы несъ его, и въ бичевкѣ, которая бы имъ управляла. Брандъ, возвышенный проповѣдникъ съ девизомъ «все, или ничего» одаренъ слишкомъ твердою душою, которая недоступна для жалости, для любви и которая, несмотря на свой героизмъ, идетъ ложнымъ путемъ въ жизни, такъ какъ забываетъ, что Богъ—прежде всего «Богъ милосердія». Самъ Гансъ Росмеръ, самый благородный и самый чистый образъ драматическаго творчества Ибсена, въ сущности, мечтатель, парализованный неизлѣчимой меланхоліей, мучимый духомъ безпокойства, который «облагораживаетъ, но убиваетъ счастье», преслѣдуемый призраками, парализующими его дѣятельность, таинственными «сѣдыми волосами», появляющимися въ Росмерсгольмѣ всякій разъ какъ смерть хочетъ избрать тамъ новую жертву. Такимъ образомъ жизнь, какою намъ ее изображаютъ уже первыя драмы Ибсена, есть мрачная трагедія, въ которой эгоистическія и скудныя существа алчно оспариваютъ другъ у друга крохи безплоднаго, призрачнаго счастья, трагедія, въ которой даже лучшіе люди заражаются окружающей порчей и не могутъ избѣжать рокового дѣйствія наслѣдственности, гдѣ самъ идеализмъ приходитъ къ банкротству или потому, что теряется на ложныхъ путяхъ, или по недостатку необходимой для осуществленія его идеи нравственной крѣпости.

Послѣднія драмы Ибсена съ все болѣе и болѣе болѣзненной настойчивостью повѣствуютъ намъ объ этихъ повторяющихся пораженіяхъ идеализма. Умъ Ибсена особенно много работалъ надъ двумя проблемами: надъ проблемою честолюбія и проблемою искусства. Человѣкъ можетъ подняться надъ посредственностью и надъ низменнымъ эгоизмомъ или пускаясь въ грандіозныя предпріятія, могущія обезпечить не только благосостояніе единичной личности, но и счастье и богатство совокупности людей—города, народа; или творя красоту. Можетъ ли онъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ путей достичь счастья для себя и для другихъ, осуществить благо? На этотъ вопросъ Ибсенъ отвѣча-

етъ тремя самыми пессимистическими своими драмами: въ драмѣ «Гансъ-Гавріилъ Боркманъ» онъ рисуетъ намъ банкротство честолюбія; въ «Строителѣ Сольнессѣ» и въ драмѣ «Когда мы возстанемъ изъ мертвыхъ» онъ изображаетъ банкротство художника и, можетъ быть, самого искусства.

Гансъ Боркманъ—больше, нежели простой эгоистъ: онъ по своему идеалистъ, ясновидящій, галлюцинатъ. Онъ сынъ рудокопа и ему случалось спускаться вмѣстѣ съ отцомъ въ наполненныя мракомъ галлереи, гдѣ спятъ сокровища, скрывающіяся въ нѣдрахъ земли. Тамъ онъ слышалъ пѣсню о «Спящихъ духахъ золота», о плѣнныхъ милліонахъ, которые лежатъ, невѣдомые, въ самомъ сердцѣ скалъ, въ груди горъ, и ему казалось, что извилистыя, изгибающіяся и двоящіяся жилы, какъ живые призраки, протягивали къ нему руки, умоляя объ освобожденіи. Одинъ только Боркманъ понималъ ихъ зовъ и говорилъ имъ: «Я люблю васъ, васъ, погруженныхъ въ бездну и въ мракъ, въ мнимую смерть! Я васъ люблю, о богатства, просящія жизни, и я люблю вашу свиту власти и почестей. Я люблю васъ, я люблю васъ, я люблю васъ!» Очарованный, загипнотизированный этимъ ослѣпительнымъ видѣніемъ, съ этихъ поръ онъ мечтаетъ овладѣть всѣмъ, что даетъ власть, подчинить своему закону землю и море, поля и лѣса, и сдѣлать изъ нихъ источникъ благосостоянія для тысячъ человѣческихъ существъ. И этому желанію могущества онъ жертвуетъ всѣмъ, что у него есть самаго дорогаго. Чтобы получить мѣсто директора банка, онъ отказывается отъ руки молодой дѣвушки, которую любитъ и которая платитъ ему взаимностью, отказывается въ пользу вліятельнаго покровителя. Онъ уже почти у пристани—у цѣли. Онъ сдѣлался владѣльцемъ рудниковъ, каменоломенъ, водопадовъ, безчисленныхъ предпріятій, порожденныхъ его геніемъ; онъ уже готовился открыть для торговли новые пути, какъ вдругъ внезапная катастрофа разрушила всѣ его надежды. Чтобы осуществить свои обширные планы, Боркманъ, долженъ былъ наложить руку на довѣренные ему вклады. Еще нѣсколько дней—и смѣлый спекуляторъ достигъ бы цѣли, которую намѣтила его преступная дерзость: всѣ вклады могли быть возмѣщены, всѣ заложенныя цѣнности возвращены на мѣсто, всѣ большія компаніи, о которыхъ онъ мечталъ, были бы организованы! И какъ разъ въ эту минуту доносъ коварнаго друга разрушаетъ все зданіе его благополучія. Въ результатѣ—банкротство и позоръ осужденія, пятнающаго честь. Втеченіе пяти лѣтъ одиночнаго заключенія и потомъ втеченіе восьми лѣтъ абсолютнаго уединенія Боркманъ оставался лицомъ къ лицу съ самимъ собою, разлученный со всѣми близкими, изолированный отъ всего міра; онъ безпрестанно думалъ о своемъ несчастіи. Онъ побѣжденъ, но онъ еще надѣется на отмщеніе. Совѣсть оправдываетъ его въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя его осудило близорукое человѣческое правосудіе; онъ вѣритъ въ свою звѣзду, и, по крайней мѣрѣ, онъ утверждаетъ это,—онъ вѣ-

ритъ и въ то, что планы его были превосходны; его возбужденное долгимъ одиночествомъ воображеніе рисуетъ ему съ полной ясностью тотъ день, когда его враги увидятъ, что безъ него нельзя обойтись, станутъ ползать у его ногъ, умолять его, чтобы онъ снова взялся за кормило и всталъ во главѣ новаго банка, который они организовали, но которымъ не способны управлять... Онъ сравниваетъ себя съ Наполеономъ, котораго изувѣчила пуля въ первомъ же его сраженіи!..

Но не дадимся въ обманъ этимъ красивымъ фразамъ. Боркманъ—поддѣльный Наполеонъ, и Ибсенъ съ ужасающей вѣрностью наблюденія вскрываетъ передъ нами всѣ его маленькіе скрытые недостатки. Двигателемъ его честолюбія никогда не было стремленіе къ благу человѣчества, какъ онъ старается себя увѣрить, а только самый необузданный эгоизмъ. «Ты никогда не любилъ никого, кромѣ самого себя... вотъ основа всего!»—грубо бросаетъ ему въ лицо его жена и она права. Этому неизмѣримому эгоизму онъ пожертвовалъ всѣмъ: своей репутаціей, честнымъ именемъ своей семьи, счастьемъ, которое онъ могъ бы найти въ любви, жизнью женщины, которая любила его. И въ то время, какъ онъ приносилъ всѣ эти жертвы, была ли у него, по крайней мѣрѣ, та вѣра въ свою звѣзду, о которой онъ безпрестанно говорилъ и которая могла бы до извѣстной степени оправдать его? Нѣтъ: Боркманъ даже не честолюбецъ высшаго порядка—въ глубинѣ души онъ не увѣренъ въ успѣхѣ. «Люди ужъ такъ устроены,—сказалъ онъ разъ,—одно и то же является предметомъ ихъ вѣры и сомнѣнія». Въ то время, какъ въ качествѣ директора банка онъ налагалъ руку на довѣренные ему вклады, онъ сомнѣвался, такъ какъ въ этотъ самый моментъ онъ оставилъ неприкосновеннымъ бывшее также въ его распоряженіи состояніе его прежней невѣсты, которую онъ продалъ сопернику, въ то же время глубоко любя ее. Точно также у него нѣтъ *настоящей* вѣры и тогда, когда побѣжденный и разоренный онъ ждетъ часа отмщенія. Онъ друженъ съ однимъ бѣднякомъ, старымъ Фольдалемъ, который считаетъ себя великимъ поэтомъ, также какъ Боркманъ считаетъ себя геніемъ. И оба эти человѣка, потерпѣвшіе крушеніе въ жизни, взаимно поддерживаютъ другъ въ другѣ свои иллюзіи. Значитъ, Боркману нужно одобреніе со стороны, чтобы утвердить его въ его мнѣніи о самомъ себѣ. Онъ играетъ комедію передъ самимъ собою; втеченіе долгихъ часовъ одиночества, онъ повторяетъ тотъ жестъ, которымъ онъ встрѣтитъ своихъ враговъ, когда они придутъ умолять его. Въ сущности онъ просто убогій комедіантъ, этотъ псевдо-сверхчеловѣкъ безъ искренняго убѣжденія, безъ генія, разыгрывающій изъ себя Наполеона, разсѣвающій вокругъ себя разореніе и отчаяніе, несмотря на всѣ свои великолѣпные планы. Его уже не было въ живыхъ задолго до той темной зимней ночи, въ которую смертельныя объятія холоднаго вѣтра остановили біеніе его сердца. Самъ онъ говоритъ, что умеръ въ тотъ день, когда разсѣя-

лись его честолюбивыя мечты о богатствѣ и могуществѣ. Онъ ошибается: онъ умеръ въ тотъ день, когда продалъ свою невѣсту. Можетъ быть, даже, онъ никогда не жилъ!

Однако, не будемъ слишкомъ строги къ Боркману. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ сказать, вполнѣ ли онъ ошибается въ своемъ понятіи о самомъ себѣ, и вполнѣ ли правъ его противникъ, составивъ себѣ о немъ противоположное понятіе? Я не увѣренъ, что Ибсенъ считаетъ *единственно* вѣрнымъ одно изъ этихъ двухъ понятій. Я скорѣе склоненъ думать, что онъ считаетъ оба эти понятія отчасти вѣрными. Въ сущности очень возможно, что въ глазахъ Ибсена нѣтъ очень значительной разницы между Боркманомъ и «настоящимъ» великимъ человѣкомъ. Я только что сказалъ, что Боркманъ былъ ложнымъ Наполеономъ, но я не увѣренъ, что для Ибсена, Наполеонъ, «историческій герой», «глава народовъ»—нѣчто много большее, чѣмъ счастливый Боркманъ, Боркманъ, которому удалось бы протянуть двѣ недѣли, необходимыя для успѣшнаго окончанія его операціи. Въ такомъ случаѣ драма Ибсена, очевидно, повѣствуетъ намъ не только о печальномъ банкротствѣ ложнаго великаго человѣка, но разбиваетъ въ нашихъ глазахъ само честолюбіе, вскрывая всю слабость и нравственную нищету, которая живетъ въ душѣ вершителей судебъ человѣчества.

Проблема искусства занимала умъ Ибсена еще сильнѣе, чѣмъ проблема честолюбія.

Если есть на свѣтѣ, а въ особенности въ германской или скандинавской странѣ, психическая «цѣнность», признанная всѣми и утвержденная на прочномъ основаніи, то это, конечно, цѣнность искусства, красоты. Съ того времени, какъ Гёте и Шиллеръ мечтали объ эстетическомъ воспитаніи человѣческаго рода, какъ Фихте считалъ высшей цѣлью человѣчества замѣну «вѣка науки» «вѣкомъ искусства», какъ Шеллингъ провозглашалъ, что искусство открываетъ тожество реальнаго и идеальнаго и даетъ ключъ къ міровой тайнѣ — и вплоть до близкой къ намъ эпохѣ, когда Вагнеръ заявлялъ, что «художественное произведеніе есть живое представленіе религіи» и что современный артистъ—преемникъ жреца, уже больше не сомнѣвались въ томъ, что «*истинный* поэтъ, *настоящій* художникъ—піонеръ идеала, пророкъ высшаго міра, вдохновенный проводникъ человѣчества на пути къ прогрессу». У Ибсена эта вѣра рано оказалась въ значительной степени расшатанной. Еще въ молодости онъ сдѣлалъ поэта героемъ своей «Комедіи любви». Правда, онъ воплощаетъ въ Фалькѣ идеалиста-энтузіаста, который, въ концѣ концовъ, становится во главѣ молодежи, чтобы проповѣдывать крестовый походъ противъ общественной лжи и общественнаго лицемѣрія; но въ началѣ пьесы авторъ изобразилъ намъ его, какъ непостоянное и легкомысленное существо; болѣе того, въ развязкѣ онъ показываетъ намъ своего героя вынужденнымъ отказаться отъ руки Свангильды,—которую онъ, однако, любитъ всѣмъ сердцемъ,

отказаться потому, что онъ не можетъ по совѣсти поклясться ей, что будетъ любить ее *всегда*: такъ что, въ концѣ концовъ, несмотря ни на что, является сомнѣніе въ глубинѣ этой натуры и невольно спрашиваешь себя, будетъ ли этотъ «боецъ за идеалъ» очень твердо стоять на своемъ посту. И сомнѣнія Ибсена относительно высшей «миссіи» художника все возрастаютъ. Какъ кажется, именно въ годы его старости его особенно преслѣдовала эта проблема цѣнности искусства. Въ своихъ послѣднихъ драмахъ онъ постоянно создаетъ новые варіанты типа художника; эти типы: то скульптора Лингстранда въ «Морской женщинѣ»; то геніальнаго богемы Эйлерта Левборга въ «Геддѣ Габлеръ», то мечтателя Альфреда Алльмерса въ «Маленькомъ Эйольфѣ»; то стараго Фольдаля, въ «Гансѣ Боркманъ». Но самые законченные портреты онъ далъ въ «Строителѣ Сольнессѣ» и въ Арнольдѣ Рубекѣ, изъ драмы: «Когда мы возстанемъ изъ мертвыхъ». И у того, и у другого Ибсенъ выпукло выставляетъ на видъ весь безсознательный эгоизмъ, живущій въ душѣ этихъ жрецовъ идеала.

Возьмемъ сначала Сольнесса. Архитекторъ Гальвардъ Сольнессъ, дитя своихъ твореній, выдвинувшійся какъ благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, такъ и благодаря таинственному, внушающему почти страхъ вмѣшательству счастливаго случая,—одаренъ дерзновеннымъ умомъ и является могучимъ творческимъ геніемъ. Онъ освободился отъ завѣщанныхъ прошлымъ вѣрованій, отказался отъ традиціонной вѣры, отрекся отъ религіи смиренія и самопожертвованія. Онъ рѣшился не строить больше церквей для Бога, а строить только очаги для людей, «свѣтлыя жилища, гдѣ такъ хорошо себя чувствуешь, гдѣ отрадно жить, гдѣ отецъ, мать, дѣти проводятъ свое существованіе въ радостной увѣренности, что дѣйствительно хорошо жить на свѣтѣ, а въ особенности принадлежать другъ другу... и въ маломъ, и въ большомъ». Но онъ не довольствуется постройкой обыкновенныхъ домовъ, смиренныхъ жилищъ, въ которыхъ люди находили бы пріютъ для своей скудной мечты о пошломъ низменномъ благополучіи: онъ хочетъ построить возлѣ этихъ людскихъ очаговъ башню, высокую башню, символъ безконечнаго стремленія человѣчества къ все болѣе и болѣе высокому идеалу, къ все болѣе прекрасному и благородному существованію. Онъ, какъ Гансъ Росмеръ, хочетъ видѣть человѣчество и дѣятельнымъ, и счастливымъ, стремящимся и къ красотѣ, и къ наслажденію, и къ истинѣ, и къ счастью.

Но Сольнессъ не обладаетъ ни сверхчеловѣческимъ геніемъ, ни, главное, благороднымъ самоотреченіемъ, которые необходимы для осуществленія этого идеала. Освободившись отъ узъ положительной религіи, онъ сдѣлался плѣнникомъ своей собственной индивидуальности, своего властнаго темперамента, своего эгоизма художника и творца. Онъ сдѣлалъ изъ своего я центръ вселенной. Чтобы обезпечить за собою художественное господство, онъ старается задушить нарождаю-

щіеся таланты, эксплуатировать ихъ въ свою пользу; онъ отказывается дать молодымъ художникамъ случай проявить свои способности. Поощряемый своей поклонницей Гильдой, онъ взрощаетъ эту роковую гордость до степени безумія. Сольнессъ показался молодой энтузіасткѣ великолѣпнымъ воплощеніемъ побѣдоноснаго генія, всемогущимъ сверхчеловѣкомъ, не знающимъ ни страха, ни зависти, способнымъ осуществить самыя дерзновенныя свои мечты. И онъ во что бы то ни стало хочетъ быть подобенъ идеальному образу, зародившемуся въ пылкомъ, лихорадочномъ мозгу Гильды: въ тотъ возрастъ, когда простые смертные мудро умѣряютъ свое честолюбіе и охотно соглашаются дать мѣсто возлѣ себя подростающей молодежи, Сольнессъ стремится быть Богомъ, превзойти гигантскимъ усиліемъ все, что онъ создалъ съ этого момента. Теперь ему мало строить жилища съ башнями: изъ любви къ Гильдѣ, онъ хочетъ воздвигнуть фантастическій замокъ, гордо вознесенный на высокую гору, надъ которымъ возвышалась бы головокружительная башня, откуда свободно и широко открывался бы видъ во всѣ стороны, и можно было бы смотрѣть сверху внизъ на тѣхъ, кто строитъ церкви, и на тѣхъ, кто строитъ жилища для людей. Онъ бросается на предпріятія, превосходящія человѣческія силы, и во всякомъ случаѣ далеко превосходящія его силу и власть. Для того, чтобы сдѣлать угодное Гильдѣ, онъ пытается «выполнить невозможное»: онъ, который подверженъ головокруженію, хочетъ на ея глазахъ взобраться на лѣса своего новаго дома и прикрѣпить вѣнокъ на вершинѣ башни, но головокруженіе овладѣваетъ имъ: онъ падаетъ и разбивается о землю. И это паденіе является до извѣстной степени видимымъ символомъ его нравственнаго разрушенія, его глубокаго внутренняго упадка. Овладѣвшій имъ духъ гордости и эгоизма какъ бы изсушилъ и обезплодилъ его геній. Его поиски фантастическаго, необыкновеннаго, «невозможнаго» являются болѣзненнымъ симптомомъ. Въ глубинѣ своей души Сольнессъ сомнѣвается въ самомъ себѣ. Онъ боится «молодежи, которая здѣсь готова постучаться въ его дверь... и покончить съ великимъ строителемъ Сольнессомъ»; онъ боится быть «выкинутымъ за бортъ», быть въ свою очередь «разрушеннымъ» новымъ поколѣніемъ, какъ онъ когда-то «разрушилъ» своего учителя, стараго Бровика. Въ сущности у него есть смутное предчувствіе, что онъ начинаетъ опускаться по наклонной плоскости. Итакъ, смерть была къ нему милосердна: внезапная катастрофа, разбившая его о землю, избавила его отъ страданій неизбѣжнаго паденія, съ которымъ не могло помириться его «желаніе могущества».

Не менѣе меланхолической является участь скульптора Арнольда Рубека. И у него, какъ у Сольнесса, были блистательныя мечты о славѣ и красотѣ. Онъ хотѣлъ создать дивную статую, которая изображала бы *день воскресенія изъ мертвыхъ* въ чертахъ молодой женщины, пробуждающейся отъ сна смерти, идеальной дѣвственницы, воплощаю-

щей въ себѣ все благородство, всю гордость, всю чистоту, какія есть на землѣ. Онъ находитъ для этой работы помощь, на которую не могъ и надѣяться. Молодая дѣвушка, Ирена, влюбляется въ него и въ его искусство, бросаетъ свою семью, свой домъ для того, чтобы слѣдовать за нимъ и служить ему образцомъ. Она посвящаетъ себя Рубеку съ радостнымъ ликованіемъ, съ беззавѣтною преданностью; она служитъ ему «всею кровью своей трепещущей юности», какъ она сама говоритъ. И скульпторъ, всецѣло отдавшись своей миссіи, принимаетъ эту преданность исключительно какъ художникъ: онъ остается холоденъ, онъ владѣетъ собою передъ этой женщиной, которая отдавалась ему тѣломъ и душою, которая, вся трепеща любовью, открывала для него сокровища своей дѣвственной наготы. Онъ обожаетъ ея чудную красоту, но не позволяетъ человѣческой любви пробиться въ своемъ сердцѣ, онъ отталкиваетъ эту любовь, онъ запрещаетъ ее себѣ, какъ грѣховное искушеніе: ему кажется, что малѣйшее плотское желаніе, которое онъ можетъ почувствовать къ своей натурщицѣ, осквернитъ его душу и помѣшаетъ ему достигнуть цѣли, о которой онъ мечталъ. Между тѣмъ статуя «Воскресенія»,—«наше дитя», какъ называетъ ее Ирена, подходитъ къ концу. И тогда молодая дѣвушка, чувствуя, что роль ея кончена, что она сдѣлается ненужной скульптору, что она была въ его жизни только «прекраснымъ эпизодомъ», внезапно скрывается, уязвленная до самой глубины своего существа. Она безъ счета расточала Рубеку не только цвѣтъ своей красоты, не только четыре года своей молодости: «Я дала тебѣ,—говоритъ она ему,—мою молодую, живую душу. И я осталась съ большою пустотою внутри... безъ души». Она чувствуетъ, что отнынѣ жизнь ея разбита, что она живая сошла къ мертвецамъ.

Но и самъ Рубекъ тоже пересталъ жить. Ирена была для него чѣмъ-то гораздо бо́льшимъ, чѣмъ натурщица: это возвышенное созданіе, все изъ страсти и преданности, возбудило въ холодной и сухой душѣ художника еще неопредѣленное и несознанное чувство, которое было почти любовью. Ирена была его вдохновительницей. Одно только ея присутствіе поддерживало въ сердцѣ Рубека тотъ священный огонь любви, безъ котораго самое совершенное искусство не можетъ создать ничего ни прекраснаго, ни великаго. Ея исчезновеніе является для скульптора невознаградимой потерей; отнынѣ и онъ тоже—«безъ души». Онъ кое-какъ доканчиваетъ свое «Воскресеніе». Это твореніе, передѣланное и увеличенное, превращается въ обширную композицію, въ которой образъ Ирены является второстепенною фигурой. За то на первомъ планѣ Рубекъ помѣщаетъ теперь человѣка, сидящаго возлѣ источника и подавленнаго тяжестью неискупимаго проступка; онъ погружаетъ въ струящуюся воду свои преступныя руки, чтобы смыть съ нихъ оскверняющее пятно, и мучится увѣренностью, что это ему никогда не удастся. Эта фигура, которой Рубекъ придалъ свои собствен-

ныя черты и которую называетъ «Сожалѣніе о погибшей жизни», символизируетъ для него то раскаяніе, которое онъ въ глубинѣ души испытываетъ; раскаяніе въ томъ, что ставилъ бездушную глину выше жизни, выше счастья, выше любви.

Наконецъ, Рубекъ отдаетъ свое громадное произведеніе на судъ публики. Чего оно стоитъ? Онъ самъ хорошенько не знаетъ. Онъ увѣренъ, что оно *было* шедевромъ; но онъ менѣе увѣренъ въ томъ, что оно—шедевръ теперь, въ его окончательной формѣ. Толпа превозноситъ до небесъ и твореніе, и художника. Но несмотря на славу и богатство, которыя сразу къ нему явились, Рубекъ несчастливъ. Ему кажется, что его призваніе художника и его работа сдѣлались незначительными и безплодными. «Вотъ здѣсь у меня,—говоритъ онъ,—есть драгоцѣнная шкатулка, въ которой сохраняются всѣ мои видѣнія, все, что было моимъ идеаломъ художника. Съ того дня, какъ Ирена исчезла, эта шкатулка заперта. Она унесла ключъ». Теперь онъ, при всемъ его талантѣ, чеканитъ монету; онъ дѣлаетъ на заказъ бюсты буржуа, которыхъ онъ презираетъ. Онъ разбогатѣлъ. Онъ сдѣлался профессоромъ въ одной нѣмецкой академіи. Онъ купилъ себѣ дворецъ въ столицѣ, виллу на озерѣ Тауницъ; онъ даже позволилъ себѣ роскошь женитьбы на маленькой женщинѣ, правда немного глупенькой, но за то такой хорошенькой и граціозной! И, между тѣмъ, его пожираетъ неизлѣчимая меланхолія: онъ—мизантропъ, нервенъ, безпокоенъ...

Наконецъ, онъ однажды встрѣчаетъ Ирену. Онъ заговариваетъ съ ней съ необычайнымъ волненіемъ, они взаимно разсказываютъ другъ другу о себѣ; онъ повѣряетъ ей свою печаль и свое раскаяніе; она, въ свою очередь, разсказываетъ ему о тяжести мрачной и безнадежной жизни, которую она вела послѣ того, какъ съ нимъ разсталась. Она разсказываетъ ему, какъ ужасная безнадежность овладѣла ею, и довела ее до послѣдней грани, за которою начинается безуміе. И въ обоихъ поднимается жгучее сожалѣніе о той полной любви жизни, которую они упустили. Ихъ настоящее «я», это любящее и живое я, которое они похоронили въ тотъ день, какъ разстались, возрождается изъ праха; они чувствуютъ, что воскресаютъ изъ мертвыхъ. Они хотятъ избавиться отъ того мелкаго существованія, въ которомъ оба задыхаются. Они стремятся къ широкимъ горизонтамъ, къ чистому воздуху вершинъ. Они покидаютъ сырой и мрачный морской берегъ, гдѣ встрѣтились, и изъ затиснутаго между скалами фіорда поднимаются въ горы, къ ледяному фіельду, вершины котораго сверкаютъ на солнцѣ. Они хотѣли бы начать новую жизнь. Но неизгладимое прошлое тяготѣетъ надъ ними и давитъ ихъ; у нихъ обоихъ есть воспоминанія, которыхъ ничто не можетъ уничтожить. «Любовь,—говоритъ Ирена,—любовь—плодъ земной жизни, любовь, созданная изъ красоты, изъ чудесъ,—изъ таинственнаго,—эта любовь совершенно умерла для насъ... Желаніе жить умерло во мнѣ, Арнольдъ. Вотъ я воскресла. Я ищу

тебя. Я тебя нахожу... и я вижу, что и ты, и жизнь—мертвецы въ могилѣ, какъ была и я сама». Для нихъ остается только одинъ выходъ: они пробуютъ сдѣлать то, что предлагаетъ Рубекъ: «сразу прожить жизнь до дна... прежде чѣмъ опять сойти въ свои могилы!» И рука объ руку, не обращая вниманія на сгущающійся вокругъ нихъ туманъ, на бушующую бурю, они поднимаются къ блистающему великолѣпію вершинъ, до той минуты, когда лавина покрываетъ бѣлымъ саваномъ изъ снѣга обоихъ любовниковъ, соединившихся, наконецъ, въ вѣчномъ покоѣ смерти.

Вспомнимъ, однако, что драма «Когда мы возстанемъ изъ мертвыхъ»—не есть индивидуальная исторія *одного* даннаго художника, но—трагедія искусства—*вообще*. Ибсенъ не ограничивается описаніемъ моральнаго банкротства одного индивидуума; совершенно подобно Нитцше онъ нападаетъ на одну изъ наиболѣе общепризнанныхъ «цѣнностей». Онъ объявляетъ искусство чисто созерцательное, искусство, которое боготворитъ только прекрасную форму,—вредною силой. Рубекъ, также такъ и Боркманъ, совершилъ неискупимое преступленіе, убивъ жизнь любви въ самомъ себѣ и въ любимой женщинѣ; онъ легкомысленно и беззаботно взялъ своими руками это «тѣло, трепещущее молодостью и жизнью, и вынулъ изъ него душу, чтобы лучше воспользоваться имъ, создавая свое произведеніе искусства». И однако, поступая такимъ образомъ, онъ только добросовѣстно выполнилъ миссію, для которой чувствовалъ себя рожденнымъ; и онъ не безъ гордости можетъ отвѣчать на упреки своей возлюбленной: «Я—художникъ, Ирена. И я не краснѣю за тѣ слабости, отъ которыхъ, можетъ быть, никогда не избавлюсь. Потому что, видишь ли, я родился художникомъ. И какъ бы я ни старался, я никогда не буду ничѣмъ инымъ, кромѣ художника». Въ концѣ концовъ, онъ просто повиновался внутреннему закону своей натуры. Ирена понимаетъ его и прощаетъ ему, бросая ему въ лицо кротко презрительное названіе «поэта». «Въ этомъ словѣ, другъ мой,—прибавляетъ она,—заключается извиненіе, отпущеніе, набрасывающее покровъ на всѣ слабости». Итакъ, Рубекъ не виноватъ, или, во всякомъ случаѣ, не одинъ онъ виноватъ. Ирена теперь обвиняетъ самое себя въ непростительной ошибкѣ. «Я была человѣческимъ существомъ!—говоритъ она.—Мнѣ тоже предстояло прожить жизнь, выполнить назначеніе. Смотри: я все бросила, я отказалась отъ всего, чтобы подчиниться тебѣ... Ахъ, это было самоубійство, преступленіе противъ самой себя... Я должна была производить на свѣтъ дѣтей... много дѣтей... настоящихъ дѣтей, а не тѣхъ мраморныхъ дѣтей, которыхъ кладутъ на гробницы. Въ этомъ было мое призваніе. Я никогда не должна была служить тебѣ, поэтъ!»

Мысль Ибсена ясна. Чистое искусство губительно для жизни. Художникъ—высшій эгоистъ, и эгоистъ тѣмъ болѣе опасный, что у него нѣтъ сознанія своего собственнаго эгоизма; онъ считаетъ его

безкорыстнымъ инстинктомъ, возвышеннымъ стремленіемъ къ идеалу. Искусство и любовь—двѣ соперничествующія силы, исключающія другъ друга.

Но развѣ эта антиномія неразрѣшима? Можно ли представить себѣ Сольнесса безъ его алчнаго, стремленія къ власти и къ наслажденію? Можно ли представить себѣ Рубека, который не отдавался бы безплодному обожанію формы? Впрочемъ, для Ибсена, повидимому, синтезъ жизни и искусства не кажется невозможнымъ по самому существу. Онъ очень ясно указываетъ намъ, что Рубекъ никогда не былъ болѣе великимъ художникомъ, чѣмъ въ тѣ счастливые дни, когда онъ смутно любилъ Ирену, и что конепъ его любви отмѣчаетъ также начало его ходожественнаго упадка. Итакъ, высшаго принципа искусства нужно искать въ любви, а не въ одной только красотѣ формы. Но осуществимъ ли для человѣчества этотъ идеалъ? Ибсенъ далеко не ручается за это: онъ показываетъ намъ, что фактически могучій творецъ, вродѣ Сольнесса, влюбленный въ свое искусство скульпторъ, вродѣ Рубека, самыми сильными своими инстинктами уносятся далеко отъ жизни любви—въ ледяныя области эгоизма.

Итакъ, въ концѣ концовъ, послѣднія драмы Ибсена оставляютъ чрезвычайно мрачное и угнетающее впечатлѣніе. Земля кажется ему мрачнымъ и безнадежнымъ царствомъ грѣха и смерти, чѣмъ-то вродѣ долины Іосафата, населенной призраками и обманчивыми тѣнями. Человѣкъ живетъ постолько, посколько его живитъ и согрѣваетъ внутреннее пламя любви. Но это пламя почти у всѣхъ угасло подъ вліяніемъ холоднаго дуновенія эгоизма. Мы вездѣ встрѣчаемъ существа, которыя считаютъ себя живыми и которыя, въ сущности, просто, движущіеся трупы, мертвецы, еще не положенные въ могилу, но распространяющіе уже запахъ разложенія.

Эти мертвецы иногда сталкиваются въ дикихъ схваткахъ, съ остервенѣніемъ оспариваютъ другъ у друга воображаемыя блага, отчаянно борятся другъ съ другомъ, или бродятъ мрачные и тоскующіе, со смутнымъ чувствомъ, что они уже не отъ міра сего, что живая теплота покинула ихъ оледенѣлое сердце. Вся жизнь представляется Иренѣ, когда она приходитъ въ сознаніе, когда она воскресаетъ изъ мертвыхъ,—какимъ-то мертвецомъ, выложенномъ на парадномъ ложѣ. И временами кажется, что и для самого Ибсена смерть является настоящей царицею земли, верховной избавительницей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ миръ могилы не представляется самымъ желательнымъ благомъ для этихъ живыхъ труповъ, обезцвѣченное существованіе которыхъ является ужасающимъ кошмаромъ, или для этихъ воскресшихъ, раскрывшіеся глаза которыхъ съ ужасомъ смотрятъ на развернувшійся передъ ними громадный склепъ? Въ «Маленькомъ

*

Эйольфѣ» Ибсенъ нарисовалъ таинственную фигуру, вызывающую ощущеніе безпокойства: это—образъ «женщины съ крысами», которая ходитъ отъ двери къ двери, изъ дома въ домъ, спрашивая, нѣтъ ли «грызущихъ животныхъ», отъ которыхъ она могла бы избавить домъ. Она любитъ «этихъ бѣдныхъ маленькихъ крошекъ», которыхъ люди ненавидятъ и преслѣдуютъ; она любитъ ихъ, и потому, что она ихъ любитъ, она убиваетъ ихъ. Она садится въ лодку и заманиваетъ ихъ вслѣдъ за собою на глубину, гдѣ послѣ короткой агоніи онѣ находятъ, по ея словамъ, славный отдыхъ, тихую ночь, «и спятъ такимъ долгимъ и такимъ спокойнымъ сномъ, эти бѣдныя животныя, которыхъ всегда такъ ненавидѣли и такъ преслѣдовали люди!» Ибсенъ иногда какъ бы представляетъ нѣкоторую аналогію съ этимъ загадочнымъ лицомъ. Подъ его безстрастіемъ объективнаго реалиста угадываешь, что онъ въ сущности любитъ и жалѣетъ этихъ уже похолодѣвшихъ, или на половину похолодѣвшихъ мертвецовъ, безсвязные поступки которыхъ намъ изображаетъ. И, какъ женщина съ крысами, онъ сострадательно направляетъ всю эту мрачную процессію несчастныхъ и страдающихъ созданій къ высшему конечному пріюту мира, къ благодѣтельной смерти. Честолюбивый Боркманъ, «поэтъ» Рубекъ и героическій Брандъ, надменный Сольнессъ, и благородный Гансъ Росмеръ, одинъ за другимъ, ложатся въ могилу; одни погребены подъ ледяною лавиной, другой разбился на своихъ подмосткахъ, третьяго поглотила черная вода потока, а если случайно Ибсенъ щадитъ кого-нибудь изъ своихъ героевъ, какъ, напримѣръ, Алльмерса и Риту въ «Маленькомъ Эйольфѣ», то чуть ли не приходится спросить себя, не осудилъ ли онъ ихъ на жизнь, и не была ли бы для нихъ желательнѣе смерть, нежели то существованіе, которое остается на ихъ долю.

И, однако, какъ ни далеко погрузился Ибсенъ въ мракъ пессимизма, ничто не можетъ быть ошибочнѣе, какъ считать его отчаявшимся, нигилистомъ. Дѣйствительно, его реалистическому пессимизму является положительнымъ противовѣсомъ его пламенная идеалистическая вѣра. Всѣ его созданія проникаетъ вѣяніе громаднаго энтузіазма, религіознаго лиризма, тѣмъ болѣе волнующаго, чѣмъ болѣе онъ сдержанъ. Въ этомъ и заключается одна изъ главныхъ причинъ того дѣйствія, которое его произведенія оказываютъ на нашихъ современниковъ... Ибсенъ уже провозгласилъ верховный принципъ этого идеализма въ *Брандѣ*, гдѣ заглушая грохотъ лавины, обрушивающейся на героическаго апостола абсолютной воли, голосъ сверху вѣщаетъ: «Богъ есть милосердіе... *Est Deus caritatis*».

Милосердіе, любовь,—конечно не любовь въ смыслѣ эгоистической страсти, которая хочетъ обладать своимъ предметомъ и господствовать надъ нимъ, но дѣятельная любовь, которая отдается безъ разсчета, жертвуетъ собою для любимаго существа,—вотъ въ чемъ въ глазахъ Ибсена единственный источникъ настоящей жизни и счастья. Такая

любовь вдохновляетъ благородныя души, стремящіяся къ общественной справедливости: такая любовь вдохновляетъ и Штокмана, который съ помощью своей дочери предпринимаетъ дѣло образованія и просвѣщенія своихъ согражданъ, и Ганса Росмера, который хочетъ спуститься въ ряды народа, неся ему свое евангеліе согласія, благородства и радости, и Альмерса, который вмѣстѣ со своей женой Ритой въ память маленькаго Эйольфа посвящаетъ себя трудной задачѣ воспитывать и учить бѣдныхъ дѣтей. Но чтобы жить истинной жизнью нѣтъ необходимости возвышаться до любви ко всему человѣчеству. Всякая искренняя и безкорыстная въ самомъ существѣ своемъ любовь чиста и хороша въ глазахъ Ибсена. Онъ одобряетъ мужественнаго «прокладывателя дорогъ» инженера Борлейма, который предлагаетъ свою руку Астѣ, прося ее раздѣлить его судьбу, такъ какъ нужно быть вдвоемъ, и не для того, чтобы переносить страданія, а для того, чтобы наслаждаться радостями жизни. Искра этого священнаго огня блеститъ, можетъ быть, даже въ смиренной и преданной женщинѣ, бѣдной Алинѣ, которая по словамъ Сольнесса,—тоже своего рода архитекторъ, такъ какъ ея призваніе—«строить маленькія дѣтскія души, дѣтскія души, сильныя благородныя, и прекрасныя, которыя могутъ сдѣлаться прямыми и возвышенными человѣческими душами». И эта религія любви не только не затемняется въ послѣднихъ пьесахъ Ибсена, но наоборотъ блеститъ все болѣе яркимъ блескомъ по мѣрѣ того, какъ великій поэтъ болѣе и болѣе вдается въ пессимизмъ. Развѣ не любовь является скрытою пружиною его послѣдней драмы: «Когда мы возстанемъ изъ мертвыхъ?» Развѣ не потому Рубекъ и Ирена погружаются одинъ въ меланхолію, а другая въ безуміе, что они согрѣшили противъ закона любви? И когда, въ развязкѣ, они идутъ навстрѣчу смерти, поднявъ глаза къ небу, радуясь, что могутъ, цѣною всего, что еще могла бы имъ дать жизнь, купить нѣсколько мгновеній полной и чистой любви, радуясь что могутъ разъ, одинъ только разъ, прежде чѣмъ лечь въ могилу, омочить губы въ этомъ божественномъ напиткѣ,—развѣ это не самый поразительный актъ вѣры, не самое краснорѣчивое выраженіе благоговѣнія передъ той религіей милосердія, страстно-убѣжденнымъ приверженцемъ которой Ибсенъ оставался всю свою жизнь? Жизнь, украшенная любовью, любовью, созданной изъ радости и самоотреченія—это царствіе небесное на землѣ—вотъ положительный выводъ, къ которому приходитъ философія Ибсена, и этой границы его пессимизмъ не переступаетъ.

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ художниковъ Германіи, Максъ Клингеръ, изобразилъ на знаменитой гравюрѣ среди темной и обнаженной равнины человѣка, одиноко стоящаго съ поднятыми къ небу руками; глаза его обращены на свѣтъ, разгорающійся вдали, на горизонтѣ. Названіемъ картинѣ служатъ два слова: «*Und doch*... а все-таки!» Идея художника понятна: онъ хотѣлъ передать протестъ идеалиста

противъ торжества смерти. Онъ знаетъ, этотъ человѣкъ съ энергическими и страдальческими чертами лица, онъ знаетъ, что скоро упадетъ на дорогѣ, и что мрачная пустыня похоронитъ его въ своемъ песчаномъ саванѣ. Но передъ лицомъ этой враждебной природы, охватывающей его со всѣхъ сторонъ, среди страшнаго одиночества, которое его окружаетъ, подъ угрозою неизбѣжной смерти, онъ идетъ, устремивъ глаза на неопредѣленный свѣтъ, окрашивающій небо, на зарю наступающаго новаго дня, который будетъ свѣтить не для него. И его страстный жестъ выражаетъ одновременно и вызовъ, и обожаніе: онъ бросаетъ вызовъ смерти, которая торжествуетъ вокругъ него, такъ какъ сквозь міръ мрака, въ которомъ онъ идетъ, онъ провидитъ царство свѣта, сердце его исполнено надежды, и онъ боготворитъ могущество жизни, увѣренный въ томъ, что въ будущемъ оно побѣдитъ и смерть, и зло.

Именно таково положеніе ибсеновскаго идеализма передъ лицомъ вѣчной тайны существованія. Глубокій пессимистъ, онъ съ неумолимой проницательностью видитъ всю печаль, всю скудость, все безобразіе и всю пошлость настоящей жизни въ этомъ осужденномъ на зло и на смерть мірѣ. Оптимистъ—несмотря ни на что, онъ сохраняетъ непобѣдимую вѣру въ высшій міръ справедливости и милосердія и, можетъ быть,—кто знаетъ,—неопредѣленную надежду, что человѣчеству блеснутъ лучшіе дни. И я думаю, что въ этомъ своемъ убѣжденіи писатель проявляетъ и нравственное величіе и благородство.

ИЗЪ ЦИКЛА „РАЗДУМЬЕ".

К. Тетмайера.

Переводъ съ польскаго.

I.

Сегодня никого нѣтъ, никого со мною.
И пустота въ душѣ, и пустота вокругъ.
Иду забытою, печальною тропою
Безъ цѣли: вѣдь ничей меня не манитъ звукъ.
Мнѣ кажется, я шелъ когда-то здѣсь усталый
Окутанъ сумракомъ. И также вкругъ поля
Пустыя покрывалъ снѣгъ потемнѣвшій, талый;
Чернѣли кое-гдѣ уныло тополя.
Вдали темнѣетъ лѣсъ, какъ въ думу погруженный.
Угрюмы небеса. Изъ-за нависшихъ тучъ,
Черезъ воздушную пустыню, полусонный
На землю тянется, едва сверкая, лучъ.
Молчитъ все. Я иду и тонетъ взоръ въ безбрежной,
Сырой, холодной мглѣ, что залегла вокругъ.
Кой-гдѣ, у тополей, покровъ синѣетъ снѣжный.
Иду безъ цѣли я: ничей не манитъ звукъ.

II.

О, лучезарная, прекрасная, прощай!
Ты пышный цвѣтъ весны, ея благоуханье,
Въ погожій день зари лучистое сіянье.
Волшебница всесильная прощай!
Прощай, я говорю тебѣ, что шлешь на бой,
Туда—въ жаръ пламени, въ бушующія волны,
Гдѣ блѣдный страхъ живетъ, гдѣ мукъ страданья полны,
И гдѣ зараза смерть приноситъ за собою.
Улыбки съ своего лица не совлекай
И кровь не ледени намъ ужасомъ могилы.
Принять ударъ судьбы даешь ты людямъ силы,
Забвенье неудачъ—свой лучшій даръ—имъ дай!
Прощай! Со всѣми ты являешься на свѣтъ.
Пришла ты и со мной... Но вотъ тебя отняли...
Прощай, о, вѣра въ жизнь! Прощай! Мечты увяли.
Нѣтъ жизни безъ тебя, тебѣ-жъ возврата нѣтъ!

А. К.

ДОЖДАЛСЯ.

РАЗСКАЗЪ

I.

Валерій Николаевичъ Неволинъ, молодой брюнетъ небольшого роста, исхудалый, съ впалой грудью и съ блестящими глазами,— двѣ недѣли ежедневно приходилъ на станцію маленькаго Кларана—встрѣчать курьерскій поѣздъ изъ Лозаны.

Онъ не сомнѣвался, что сегодня жена пріѣдетъ.

И въ это утро Неволинъ особенно заботливо пріодѣлся въ обновку—пару изъ бѣлой съ синими полосками фланели, повязалъ бѣлый галстухъ, надушился, еще разъ занялся подстриженной кудрявой бородкой и особенно внимательно разглядывалъ въ зеркалѣ свое смуглое землистое лицо, осунувшееся, съ заострившимся носомъ и мертвенно-блѣднымъ лбомъ.

Возбужденный ожиданіемъ, онъ чувствовалъ себя бодрѣе и сильнѣе и, радостно взволнованный, вышелъ изъ пансіона, предваривъ горничную Берту, что съ поѣздомъ пріѣдетъ жена.

Короткое разстояніе до станціи Валерій Николаевичъ прошелъ, не задыхаясь, хотя сентябрьское утро было жаркое.

Только подъемъ на небольшую лѣстницу, ведущую на станцію, очень утомилъ его. Онъ порывисто дышалъ, жадно вдыхая воздухъ, и въ груди что-то хрипѣло.

Неволинъ передохнулъ у лѣстницы, вышелъ на платформу и присѣлъ на скамейку.

До прихода поѣзда оставалось пять минутъ.

— Извините... Не опоздаетъ?—спросилъ Неволинъ глухимъ, слегка заискивающимъ голосомъ проходившаго начальника станціи, приподнимая бѣлую полотняную шляпу.

Шефъ пріостановился.

— Добраго утра, г. Неволинъ... Ни минуты опозданія!—привѣтливо отвѣтилъ старый, сухощавый и крѣпкій швейцарецъ.

И съ ласковой, подбадривающей увѣренностью прибавилъ:

— Надѣюсь сегодня дождетесь.

— О, разумѣется!

— Получили телеграмму?

— Жена не любитъ телеграммъ!—внезапно сочинилъ Неволинъ и смутился.

Эти пять минутъ казались ему безконечными. Онъ предвкушалъ радость встрѣчи и волновался еще болѣе. Ему казалось, что съ поѣздомъ что-нибудь случилось, и Неволинъ безпрестанно вынималъ часы.

Наконецъ раздался протяжный свистокъ.

Неволинъ сорвался со скамейки и приблизился къ краю платформы. Онъ, видимо, бодрился и старался крѣпче стоять на ногахъ.

Еще нѣсколько секундъ, и небольшой поѣздъ, окутанный чернымъ дымомъ, вылетѣлъ изъ тунеля и на всемъ ходу сразу остановился на станціи.

— Три минуты остановки!—прокричалъ кондукторъ.

Неволинъ жадно взглядывалъ на окна, на двери вагоновъ. Вышло нѣсколько пассажировъ съ ручнымъ багажемъ. Неволину бросилась въ глаза пріѣхавшая прелестная дѣвочка, тоненькая, хрупкая, блѣдная, какъ смерть, съ букетомъ розъ. Она весело улыбалась. И сопровождавшіе ея мужчина и дама старались улыбнуться дѣвочкѣ-подростку и, казалось, ихъ печальныя, серьезныя лица просвѣтлѣли надеждой.

„Привезли умирать“! подумалъ Неволинъ.

И не думавшій, что и на него смотрятъ, какъ на приговореннаго, онъ не терялъ еще надежды найти замѣшкавшуюся жену и сталъ обходить всѣ вагоны, заглядывая въ окна, и видѣлъ чужія лица, внезапно становившіяся серьезными при видѣ взволнованнаго, растеряннаго и страшно исхудалаго чахоточнаго.

— En voitures!

Поѣздъ помчался дальше.

Неволинъ проводилъ его тоскливыми глазами и вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ, сиротливымъ и несчастнымъ.

И голубое озеро, и савойскія горы, и высокое бирюзовое небо съ ослѣпительно-жгучимъ солнцемъ, и тополи, и платаны, все, все, казалось, потеряло въ глазахъ Неволина красоту и прелесть.

Неволинъ ушелъ со станціи, избѣгая встрѣтить начальника станціи и сторожей. И, опустивъ голову, еще медленнѣе пошелъ домой.

II.

Порывъ безнадежнаго отчаянія скоро прошелъ.

Онъ подумалъ о женѣ, вспомнилъ ея письма и ему стало стыдно за такое малодушіе. Снова ожившій и воспрянувшій духомъ, онъ поднялъ голову и увѣренно и вызывающе прошепталъ:

— Завтра пріѣдетъ!

Ни въ одно мгновеніе онъ не упрекнулъ, даже мысленно, жены за то, что она все откладываетъ отъѣздъ.

Еще бы!

Не такой же онъ больной, чтобы Леля бросила срочную работу, оставила серьезно заболѣвшую мать и полетѣла бы къ нему, точно къ умирающему.

Не даромъ же Неволинъ въ своихъ частыхъ, длинныхъ и влюбленныхъ письмахъ постоянно повторялъ, что здоровье улучшается, и докторъ Вернэ, необыкновенно внимательный и добросовѣстный старикъ, не сомнѣвается въ выздоровленіи больного. По словамъ доктора, коховскихъ палочекъ не найдено. И чахотки нѣтъ. Упорный катаръ легкихъ, изъ-за него и слабость по временамъ. Но все пройдетъ. Слѣдуетъ только хорошо питаться, бояться простуды и держать строгій режимъ.

Неволинъ вѣрилъ, ждалъ выздоровленія съ такою же вѣрой, съ какой ждалъ пріѣзда жены, и старался пунктуально исполнять всѣ предписанія доктора.

Только, при всемъ желаніи, не могъ, какъ предписывалъ врачъ, не волноваться, не скучать и не худѣть.

И онъ деликатно умалчивалъ въ письмахъ, что скучаетъ одинъ до одури и очень волнуется, если отъ жены долго нѣтъ письма.

Уставшій поднялся Валерій Николаевичъ въ первый этажъ пансіона.

— Опять возвратились одинъ, дорогой monsieur Névoline? Что случилось?—съ порывистымъ, горячимъ и, видимо, притворнымъ участіемъ спросила откуда-то появившаяся въ корридорѣ хозяйка, говорившая на многихъ языкахъ и на всѣхъ довольно скверно.

Это была пожилая, величественнаго роста дама, надушенная, напудренная, затянутая въ корсетъ, съ рыхлымъ, красноватымъ лицомъ, когда-то, казалось, не лишеннымъ нѣсколько грубоватой красоты, всегда пріятно улыбавшаяся жильцамъ, всегда предупредительная и не безъ достоинства поддерживавшая репутацію и своего пансіона, и своего образцоваго административно-хозяйственнаго умѣнія.

Она, по обыкновенію, была въ черномъ шелковомъ платьѣ, безукоризненно причесанная, съ подвитыми прядками рыжеватыхъ волосъ, съ кольцами на толстыхъ, короткихъ пальцахъ, съ браслетомъ на рукѣ, съ брошкой и съ длинной золотой цѣпочкой отъ часовъ, тихо колыхавшейся на внушительномъ бюстѣ.

— Ничего не случилось, г-жа Шварцъ... Жена пріѣдетъ завтра!—слегка смущаясь, проговорилъ Неволинъ.

— Ну и слава Богу!.. Вы перестанете скучать...

И, впадая въ идиллическій тонъ, хозяйка вздохнула и проговорила:

— Ничего нѣтъ тяжелѣе одиночества... Быть въ разлукѣ съ любимымъ другомъ—это ужасно! Я понимаю... Я сама испытала это, когда Шварцъ работалъ въ Интерлакинѣ, а я шесть мѣсяцевъ оставалась здѣсь... И Шварцъ тосковалъ... О, какъ тосковалъ!.. Тогда мы оба были молоды...

Хотя Неволинъ аккуратно платилъ по счетамъ, и госпожа Шварцъ называла его милымъ и любезнымъ жильцомъ, тѣмъ не менѣе она съ удовольствіемъ сплавила бы „милаго жильца", который, того и гляди,—умретъ въ пансіонѣ, что произведетъ тяжелое впечатлѣніе на пансіонеровъ, еще не приговоренныхъ, и они могутъ сбѣжать.

Да и отдать комнату, изъ которой только что вынесли ночью покойника, не такъ-то легко. Пріѣзжіе больные съ глупыми предразсудками. А комната изъ лучшихъ: на солнечной сторонѣ и съ „видомъ". Балконъ на озеро и горы.

Начинается сезонъ, а русскій и не догадывается уѣхать поскорѣй въ Петербургъ, чтобы увидать, по крайней мѣрѣ, жену передъ смертью. Эта дама что-то подозрительно не ѣдетъ. А на рѣдкость, простофиля-мужъ каждый день встрѣчаетъ и не можетъ ее встрѣтить.

Такія соображенія пробѣжали въ головѣ госпожи Шварцъ, и она еще съ бо́льшею задушевностью продолжала:

— Завтра вы будете счастливымъ человѣкомъ. Но я боюсь, что вы захотите показать женѣ Швейцарію или Ломбардскія озера. Тамъ прелестно. Мой пансіонъ лишится такого покойнаго и милаго жильца... Но, по крайней мѣрѣ, я рада, что вы здѣсь поправились и, смѣю думать, довольны пансіономъ... Не правда ли?

„Провались ты къ чорту со своими разговорами!" подумалъ Неволинъ и слегка раздражительнымъ тономъ проговорилъ:

— Еще мы не рѣшили съ женой! Можетъ быть, останемся мѣсяцъ... Здѣсь хорошо... Я чувствую, что поправляюсь и мнѣ нравится вашъ пансіонъ, г-жа Шварцъ!

И съ этими словами Неволинъ вошелъ въ свою большую, полутемную отъ спущенныхъ жалюзи комнату, прохладную и пропитанную острымъ запахомъ креозота и іода, съ довольно приличной обстановкой для пансіона въ восемь франковъ въ сутки.

На небольшомъ письменномъ столѣ—„секретарѣ"—бросались въ глаза три изящныя рамки съ фотографическими портретами молодой женщины съ милымъ красивымъ лицомъ, выраженіе котораго напоминало мадоннъ. Особенно были хороши глаза, большіе, спокойно-вдумчивые и ласковые.

Причесана она была по старой модѣ. Проборъ посрединѣ.

гладкіе начесы, прикрывающіе уши, и на темени тяжелыя косы, собранные въ видѣ коронки. Видимо, эта прическа шла къ молодой женщинѣ. На одномъ портретѣ, особенно хорошей работы, она была во весь ростъ. Фигура маленькая и стройная. Не худа и не полна. Руки узкія, съ длинными пальцами. На безымянномъ пальцѣ обручальное кольцо; на мизинцѣ—нѣсколько колецъ.

Въ общемъ привлекательная женщина.

Большой букетъ свѣжихъ розъ красовался въ вазѣ на японскомъ столикѣ около качалки. Тутъ же бонбоньерка съ конфектами изъ Монтре.

Валерій Николаевичъ открылъ ключикомъ шагреневую шкатулку, въ которой аккуратно были сложены перенумерованныя письма жены и взялъ верхнее, полученное наканунѣ.

Голова слегка кружилась. Во всемъ исхудаломъ тѣлѣ чувствовалась слабость.

III.

Неволинъ прилегъ на кушетку, и съ горѣвшими изъ глубокихъ впадинъ глазами, снова сталъ перечитывать четыре маленькіе листка, исписанные крупнымъ разгонистымъ почеркомъ.

Словно бы чувствуя себя въ чемъ-то виноватой, жена снова повторяла, почему не могла раньше пріѣхать. Теперь мамѣ лучше, переводъ романа окончень, сданъ въ редакцію, гонораръ полученъ, и она, не вводя мужа въ новые долги, можетъ выѣхать на слѣдующій день и скоро будетъ ухаживать за больнымъ. Валерій совсѣмъ поправится. Петербургскій докторъ, отправившій Валерія въ Швейцарію, говоритъ то же, что и кларанскій. Разумѣется, ничего опаснаго нѣтъ. Надо только беречься и не торопиться на сѣверъ.

Вслѣдъ за этими, казалось, спокойными и ласковыми строками, шли тревожно-нѣжныя, но почеркъ какъ будто былъ болѣе нервный и неровный. И Неволинъ жадно глоталъ:

„Я знаю, ты сердишься, мой добрый Валерій, что принуждена была откладывать до сихъ поръ поѣздку. Мнѣ тяжело, что поневолѣ обманывала твои ожиданія... Подчасъ это невыносимо... О, какъ сожалѣю, что не поѣхала съ тобой. Теперь до скораго свиданья... Непремѣнно завтра поѣду, и на курьерскомъ...

Письмо, по обыкновенію, было подписано: „Твоя Леля".

„Вѣрно осталась на день въ Берлинѣ и пришлетъ телеграмму, что завтра!"

— И какая она хорошая!—вырвался восторженный шепотъ.

И переполненный чувствомъ, благодарный и умиленный, со слезами на глазахъ, онъ прильнулъ горячими и сухими губами къ почтовому листу.

„О, какъ онъ боготворитъ ее!“ подумалъ Неволинъ и гордился, что такъ благоговѣйно и глубоко любитъ это „золотое сердце“. По настоящему любитъ, а не такъ, какъ многіе его знакомые мужчины...

Онъ спряталъ письмо въ карманъ. Въ ту же минуту представилъ себѣ, что завтра будетъ здѣсь, около него красивая, любимая, молодая женщина, и умиленіе къ „золотому сердцу“ исчезло. Вмѣсто него было нетерпѣливое, почти озлобленное желаніе влюбленнаго и, по праву, властнаго мужа.

Какая она цвѣтущая, красивая...

А онъ?

Неволинъ сравнилъ себя.

И съ какимъ чувствомъ тоски, ожесточенія и брезгливости посмотрѣлъ онъ на свои исхудалыя, костлявыя руки, безсильныя и безкровныя, съ желтыми ногтями,—точно у мертвеца.

Онъ ощупалъ грудь—одни выдающіяся ребра. Ноги—тонки, какъ у ребенка, и только кости.

Какъ ни хотѣлось ему увѣрить себя, что поправляется и что худоба не такъ ужъ ужасна, но онъ не могъ не замѣтить, что страшно худѣетъ и ослабѣлъ въ послѣднія двѣ недѣли.

И все-таки еще не почувствовалъ и не созналъ близости смерти. И не думалъ о ней.

Онъ такъ жадно хотѣлъ жить, такъ любилъ себя и всѣ блага, которыя вмѣстѣ съ большинствомъ считалъ счастьемъ и, слѣдовательно смысломъ и цѣлью жизни, что упорно хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ доктору, который скоротечную чахотку называлъ для успокоенія больного катарромъ легкихъ.

И чѣмъ безпощаднѣе и быстрѣе недугъ разрушалъ еще недавно здоровое, сильное тѣло, тѣмъ упорнѣе надѣялся Неволинъ сохранить его и пользоваться наслажденіями жизни и тѣмъ себялюбивѣе становился, занятый исключительно только собой и своей женой, которая давала ему счастье. А ко всему на свѣтѣ сталъ равнодушенъ.

Валерій Николаевичъ раньше, когда былъ здоровъ, хотя и не отличался склонностью къ вопросамъ непрактическаго характера, альтруизмомъ и цивическими добродѣтелями, все-таки, помимо заботъ о своемъ благополучіи, интересовался кое-чѣмъ и отвлеченнымъ, читалъ умныя книги, и людскіе невзгоды были не чужды его сердцу. Родные, близкіе и знакомые не казались не безразличны. А теперь, цѣпляясь за жизнь, человѣкъ сло́вно бы обнажился во всей наготѣ животнаго эгоизма. Всѣ помыслы вѣнца творенія сосредоточивались на упорномъ самосохраненіи.

И Неволинъ строилъ планы будущаго.

Онъ мечталъ, какъ о чемъ-то несомнѣнно сбыточномъ, что

быстро поправится, когда около будетъ обворожительная жена. И онъ ужъ не станетъ волноваться и скучать въ одиночествѣ. Они съѣздятъ въ Женеву, побываютъ въ горахъ, прокатятся на пароходѣ по Женевскому озеру. Конечно, покажетъ Шильонъ. Поднимутся по желѣзной дорогѣ въ Гліонъ. Въ октябрѣ поѣдутъ въ Италію, побываютъ въ Венеціи, въ Миланѣ, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ... И всегда вмѣстѣ... А зимой вернутся въ Петербургъ, въ маленькую, уютную квартирку, настоящее гнѣздо, свитое умѣлой женской рукой.

Онъ думалъ о томъ, какъ, здоровый, сильный и пополнѣвшій, придетъ въ министерство, и директоръ департамента, обрадованный, что Неволинъ снова будетъ литературно писать записки и доклады безразлично о чемъ,—намекнетъ, что мѣсто начальника отдѣленія скоро очистится, что самъ министръ знаетъ о даровитомъ и усердномъ молодомъ человѣкѣ-чиновникѣ и приказалъ выдать ему къ новому году пятьсотъ рублей въ возмѣщеніе расходовъ на излѣченіе болѣзни... Въ шесть часовъ его встрѣтитъ Леля, ласковая и умная, ровная и сдержанная, умѣлая хозяйка и очаровательная маленькая женщина, цѣломудренно-скромно не понимающая чаръ своихъ ласкъ...

Онъ думалъ, какъ взысканъ судьбой, что встрѣтилъ Лелю три года тому назадъ въ Крыму и понялъ, что нашелъ ту... настоящую, единственную...

Мечты оборвались. Неволинъ заснулъ.

Колоколъ къ обѣду разбудилъ его.

Онъ нехотя поднялся. Освѣжилъ лицо водой, поправилъ галстухъ, пригладилъ бородку и спустился.

Слабый, онъ старался казаться молодцомъ на людяхъ, когда вошелъ въ столовую, гдѣ всѣ жильцы пансіона уже сѣли за столъ.

IV.

Въ пансіонѣ, кромѣ Неволина, былъ только одинъ русскій.

Всѣ знали, что Неволинъ каждый день встрѣчалъ жену и что сегодня она не пріѣхала.

— Едва ли бѣдный русскій дождется жены и завтра!—успѣла уже сообщить хозяйка многимъ жильцамъ, прибавивъ не безъ соболѣзнованія о напрасной тратѣ Неволина на букетъ въ десять франковъ и на бонбоньерку съ конфектами въ двадцать.

Всѣ съ сочувствіемъ и въ то же время не безъ любопытнаго сдержаннаго удивленія, взглянули на безнадежно больного русскаго, не имѣвшаго серьезно-убитаго вида несчастнаго мужа, къ которому не ѣдетъ жена. Особенно привѣтливо отвѣтивъ на общій поклонъ Неволина, продолжали прилично-безшумно ѣсть супъ.

На двухъ, трехъ лицахъ типичныхъ южанъ-французовъ мелькнули сдержанно-насмѣшливыя улыбки надъ упорствомъ заблужденія русскаго относительно женщинъ. Глупость довѣрчиваго мужа казалось, возмущала ихъ еще больше, чѣмъ непріѣздъ жены, о красотѣ которой давно всѣмъ разсказала госпожа Шварцъ, не разъ любовавшаяся портретами молодой русской дамы на столѣ Неволина во время его отсутствія.

Дамы, напротивъ, были исключительно возмущены женой и порицали ее, когда не безъ удовольствія говорили объ ожиданіи несчастнаго русскаго. Оно являлось событіемъ въ пансіонѣ, давая интересную и пикантную тему для осторожно тихихъ разговоровъ и предположеній въ комнатахъ и на прогулкахъ.

Больной старый пасторъ шведъ еще съ большей, казалось, гордостью смотрѣлъ за обѣдомъ на хорошенькую свою молодую жену съ льняными волосами и большими голубыми, словно бы недоумѣвающими глазами, которая ухаживала за нимъ съ добросовѣстностью сестры милосердія, благоговѣйно внимала каждому его слову и нерѣдко при публикѣ цѣловала его большую бѣлую и волосатую руку, словно бы въ доказательство любви, вѣрности и покорности образцовой жены.

Два англичанина, которые не безъ хладнокровнаго презрѣнія отнеслись къ этой „исторіи“ русскихъ супруговъ, все-таки воспользовались случаемъ, чтобы подержать пари на пятьдесятъ фунтовъ.

Пріѣдетъ ли русская лэди до конца недѣли или не пріѣдетъ?

Пари должно считаться несостоявшимся, если жена явится только къ похоронамъ джентльмена.

— Прибавлю десять фунтовъ!..—процѣдилъ старый, плотный заводчикъ изъ Бирмингама съ румянымъ, добродушнымъ лицомъ, обращаясь къ сосѣду, какъ только что Неволинъ вошелъ въ столовую.

— All rigt!—невозмутимо отвѣтилъ молодой человѣкъ, совсѣмъ еще юноша, въ смокингѣ и цвѣтномъ жилетѣ, съ подозрительными красными пятнами на своемъ красивомъ, нѣжномъ и бѣломъ безбородомъ лицѣ, не поворачивая шеи, которую подпирали высокіе и туго накрахмаленные воротники.

— Шансы на моей сторонѣ, милордъ!

— Еще пять дней!—упорно прошепталъ юноша.

— Боюсь только какъ бы пари не состоялось.

Красавецъ юноша промолвилъ себѣ подъ носъ:

— Держу двадцать пять, что состоится. Онъ пять дней продержится. Молодчина!

— Идетъ...

Чопорная, строгая, полная англичанка лѣтъ подъ сорокъ, съ ослѣпительно бѣлыми „лошадиными“ зубами выдающейся челю-

сти, затянутая до того, что грудь казалось, разорветъ ажурную ткань лифа,—съ взбитыми кудряшками, прикрывающими лобъ, и съ выхоленными крупными руками, унизанными блестящими кольцами, корректно подавила громкій вздохъ при видѣ Неволина.

— Не воспитанная и неприличная женщина!—безапелляціонно чуть слышно промолвила англичанка.

Ея сосѣдка, молоденькая, рыжеволосая миссъ, съ изящно-тонкими красивыми чертами блѣднаго лица, невольно чарующая своей простотой и спокойной независимостью, мягко и совсѣмъ тихо сказала:

— Вы несправедливы, тетя. Вѣрно, есть уважительныя причины, если лэди не ѣдетъ.

— Не можетъ быть причинъ, Мабъ. Англичанки ихъ не знаютъ, когда надо исполнять свой долгъ, Мабъ!

— Лучше послѣ обѣда поспоримъ. Не правда-ли, тетя?

И рыжеволосая дѣвушка бросила взглядъ на русскаго, чтобъ убѣдиться, не могъ ли онъ догадаться о томъ, что говорятъ.

Неволинъ не разслышалъ словъ и не могъ бы ихъ понять. Разумѣется, онъ и не подозрѣвалъ, что о пріѣздѣ жены и объ его близкой смерти держатъ пари.

Онъ сѣлъ на концѣ стола, ближе къ выходу, около единственнаго соотечественника въ пансіонѣ, писателя Ракитина, пожилого, виднаго блондина въ хорошо сшитомъ темносинемъ вестонѣ, ловко сидѣвшемъ на его барской, слегка располнѣвшей фигурѣ, съ кудреватыми свѣтло-русыми волосами, красиво-небрежно зачесанными назадъ, и съ подстриженной небольшой бородкой, подернутой сѣдиной.

Неволинъ нерѣдко разсказывалъ Ракитину о своей болѣзни, о скоромъ пріѣздѣ жены о своихъ свѣтлыхъ надеждахъ, но чаще всего долженъ былъ лишь подавать реплики, слушая новаго своего знакомаго.

V.

Ракитинъ любилъ говорить и любилъ, чтобъ ему благоговѣйно внимали—и особенно женщины, не старѣе сорока лѣтъ и не оскорбляющія его эстетическаго, довольно изощреннаго вкуса—и чтобы не забывали—и еще лучше, если показывали ему—что онъ умный и талантливый писатель Ракитинъ, и очень интересный еще мужчина, не смотря на его пятьдесятъ два года, для удобства, впрочемъ, сокращенные имъ до сорока восьми, тѣмъ болѣе, что моложавость его не давала повода къ сомнѣніямъ.

Всѣ въ пансіонѣ Шварцъ знали, что Ракитинъ „знаменитый" русскій писатель и что пріѣхалъ въ Кларанъ оканчивать новый романъ.

О своемъ писательствѣ Ракитинъ объявилъ г-жѣ Шварцъ въ день пріѣзда, когда объяснилъ ей, зачѣмъ проситъ поставить въ его комнату письменный столъ побольше, и освѣдомился: нѣтъ ли по сосѣдству больныхъ.

Вѣроятно, ради бо̀льшей чести для пансіона, хозяйка произвела новаго жильца въ „знаменитаго“, о чемъ и сказала пансіонерамъ.

Неволинъ испытывалъ передъ Ракитинымъ невольное чувство неловкости и даже виноватости за то, что жена, о послѣднемъ письмѣ которой онъ обрадованно сообщилъ ему, не пріѣхала!

Стараясь скрыть это, онъ слабо пожалъ слабыми худыми руками полную, мясистую руку Ракитина и не безъ тайной зависти взглянулъ на его красивое, нѣсколько самоувѣренное и заносчивое лицо съ умными, слегка насмѣшливыми, лукавыми темными глазами и сталъ ѣсть супъ, преодолѣвая отвращеніе къ пищѣ. И наконецъ, словно бы недовольный, что Ракитинъ молчитъ, проговорилъ преувеличенно спокойнымъ тономъ:

— Васъ удивляетъ, что жена не пріѣхала, Василій Андреичъ?..

— Вѣрно что-нибудь задержало, Валерій Николаичъ!

— Въ Берлинѣ отдыхаетъ. Завтра и пріѣдетъ.

— Получили телеграмму?

— Еще не получилъ... Получу.

„И вѣдь все еще упорно вѣритъ!“—подумалъ Ракитинъ.

Эта маленькая, красивая женщина съ ангельскими глазами, судя по портретамъ, о которой такъ часто и восторженно говорилъ Неволинъ, возбуждала въ Ракитинѣ и любопытство писателя и завзятаго любителя интересныхъ женщинъ.

„Навѣрное втюрилась. Снова что-нибудь солжетъ въ телеграммѣ или въ письмѣ, и этотъ, до идіотства ослѣпленный мужъ, опять повѣритъ, будетъ ждать, волноваться и ходить на вокзалъ. Свинство, что не ѣдетъ... Могла бы пріѣхать и скрыть отъ умирающаго, что не любитъ его. На это женщины виртуозки и умѣютъ искренно пожалѣть тѣхъ, кого обманываютъ. Откуда такое безсердечіе у этой женщины?“ спрашивалъ себя Ракитинъ.

— А если Елена Александровна завтра не пріѣдетъ,—осторожно проговорилъ Ракитинъ, чтобы заранѣе подготовить Неволина къ возможному разочарованію.

— Не пріѣдетъ? Почему вы предполагаете, что жена не пріѣдетъ?—спросилъ Неволинъ.

Въ его взволнованномъ глухомъ голосѣ были и смущеніе, и испугъ, и мольба.

Онъ зналъ, какъ „подло“ смотритъ Ракитинъ на женщинъ и съ какой циничной простотой относится къ нимъ. Это чувствуется

и въ его разговорахъ, и въ тѣхъ его писаніяхъ, которыя Неволинъ читалъ.

И въ голову чахоточнаго, полнаго вѣры въ любимую женщину, закралась мысль, благодаря Ракитину:

„Что можетъ подумать Ракитинъ... Почему она не ѣдетъ?"

— Предполагаю самую обыкновенную вещь. Что-нибудь можетъ задержать отъѣздъ на два, три дня!—отвѣтилъ Ракитинъ самымъ, казалось, искреннимъ тономъ.

— Но вѣдь я читалъ вамъ вчерашнее письмо жены?—съ тономъ упрека промолвилъ Неволинъ.

— Да развѣ мало непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, Валерій Николаевичъ!

Глаза Ракитина, казалось, улыбались.

Сердце Неволина заколотилось сильнѣе, когда съ тревожной пытливостью заглядывая въ глаза Ракитина, уже не улыбающіеся, медленно и, казалось, съ трудомъ спросилъ:

— Напримѣръ?

— Хоть бы рецидивъ болѣзни матери Елены Александровны...

Отъ сердца больного отлегло. Дышать стало свободнѣе.

И, просвѣтлѣвшій, онъ проговорилъ:

— Развѣ что это...

И черезъ минуту прибавилъ:

— Но пока этого нѣтъ, вы завтра убѣдитесь, что ваши пессимистическіе взгляды на женщинъ не подтвердятся... По крайней мѣрѣ на женѣ!—проговорилъ съ внезапнымъ возбужденіемъ Неволинъ.

— Да вы что на меня клеплете, голубчикъ? Развѣ я обобщаю свои наблюденія... Развѣ не знавалъ я прелестныхъ, правдивыхъ женщинъ?—сказалъ Ракитинъ успокаивающимъ ласковымъ тономъ своего мягкаго, бархатнаго голоса, которымъ владѣлъ по временамъ съ мастерствомъ прирожденнаго актера... Да вотъ вамъ на лицо примѣръ прелестнаго созданія... Взгляните на эту рыжеволосую миссъ... За то остальныя... Напримѣръ какъ ея тетка съ лошадинымъ лицомъ... Предложи на выборъ—жениться или въ Якутскую область... Конечно, послѣднее... Или такія лицемѣрныя тихони, какъ пасторша, цѣлующая на людяхъ не особенно чистоплотную руку своего пастора преклонныхъ лѣтъ и поневолѣ аскетическаго настроенія... А зрѣлая дѣва изъ Гамбурга?.. А какой фруктъ сама хозяйка? Этотъ маленькій Меттернихъ, вѣчно улыбающаяся монументальная отставная красавица Августа Шварцъ... Какая шельма, какая выдержка и какая репутація!.. Говорила она вамъ, какъ любитъ своего плюгаваго Шварца-повара?

— Говорила.

— А вчера, рано утромъ, я слышалъ, какъ она его любитъ, когда всѣ пансіонеры спали, и „идиллія" еще не одѣвалась...

Ракитинъ бросилъ зубоскальство и сталъ прислушиваться къ тихимъ разговорамъ пансіонеровъ.

Не нравилась ему эта чинная, накрахмаленная, буржуазно-самодовольная публика. Особенно возмутили его два англичанина, когда услыхалъ, на что они держали пари. Съ какимъ удовольствіемъ оборвалъ бы онъ ихъ, умѣй говорить по англійски!

Но онъ говорилъ по французски довольно бойко, не стѣснялся ошибками и вступилъ въ разговоръ съ французами.

VI.

Не прошло и пяти минутъ, какъ Ракитинъ уже заспорилъ съ горбоносымъ, темно-бронзовымъ болтливымъ, энергичнымъ и рѣшительнымъ старикомъ, съ сѣдой, коротко остриженной головой, съ сѣдыми, поднятыми кверху усами и эспаньолкой. Онъ только что сообщилъ, что онъ рантье съ тридцатью тысячами дохода, заработаннаго своимъ горбомъ, когда былъ механикомъ и пайщикомъ на заводѣ въ Марселѣ, что теперь путешествуетъ для своего удовольствія, видѣлъ много странъ, но, по совѣсти говоря, лучше Франціи съ ея культурой, свободой, цивилизаціей и благосостояніемъ онъ не видалъ...

— Еслибъ только наше правительство было построже и не поощряло мильерановскихъ бредней, о тогда...

Авторитетная самодовольная бравада типичнаго буржуа и вызвала Ракитина, уже раньше познакомившагося съ французами, на споръ. Впрочемъ, споръ скоро обратился въ лекцію Ракитина.

И онъ не лишилъ себя тщеславнаго удовольствія щегольнуть, хотя бы и передъ „буржуями", своими смѣлыми взглядами, высокомѣрно „раздѣлывая" общественный строй съ его торжествомъ хищника капитала, терпѣніемъ рабочихъ классовъ, предразсудками, привилегіями и государственными людьми, служащими интересамъ того-же капитала.

Пансіонеры видимо были шокированы и дерзкой смѣлостью русскаго, и, главное, его совсѣмъ неприличнымъ, казалось всѣмъ, тономъ, вызывающимъ, нервнымъ, нѣсколько повышеннымъ. Словно бы Ракитинъ поучалъ идіотовъ.

Ракитинъ сіялъ. Онъ чувствовалъ, что въ ударѣ и даже на чужомъ языкѣ говоритъ хорошо.

И, возбужденный, онъ самъ съ удовольствіемъ слушалъ свои закругленные, красивые и эффектные періоды, полные неожиданныхъ блестковъ остроумія и злыхъ сарказмовъ, и не сомнѣвался, что они во всякомъ случаѣ произведутъ и на „идіотовъ" впечатлѣніе, и что въ столовой —ни звука.

А между тѣмъ онъ взглянулъ на пансіонеровъ... и что же?

Никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на его слова. Ему казалось, будто всѣ нарочно перекидывались между собою словами и будто смѣялись на его счетъ.

Дамы хоть бы взглянули на него. Ни прелестная миссъ, ни хорошенькая пасторша съ недоумѣвающими глазами. Ни двѣ волоокія румынки проблематическихъ лѣтъ. Ни поблекшая дѣвица изъ Гамбурга, худая какъ спичка, мечтательная, краснѣющая и уписывающая всѣ блюда съ такимъ добросовѣстнымъ аппетитомъ, будто ей было предписано: войти въ тѣло.

Только одна мадамъ Шварцъ вытаращила на него свои подведенные глаза и бросала то умоляющіе, то угрожающіе, то злые, то испуганные, то, наконецъ, многообѣщающіе взгляды, очевидно дающіе понять „знаменитому" писателю—не позорить пансіона и не разорить бѣдную женщину.

Два англичанина—и старый и юный,—были высокомѣрно-равнодушны. А юный—Ракитинъ зналъ—говорилъ по французски правильно и съ собачьимъ акцентомъ.

И даже старый французъ, котораго, главнымъ образомъ выбралъ жертвой Ракитинъ, и тотъ хоть по временамъ поднималъ отъ тарелки глаза, загоравшіеся блескомъ, и слушалъ, сдерживая раздраженіе, но при этомъ оскорбительно насмѣшливо улыбался.

„Такъ я вамъ, остолопы, покажу!"—по-русски подумалъ Ракитинъ, больно задѣтый въ своемъ самолюбіи.

И словно бы рѣшившій огорошить этихъ „идіотовъ", уже достаточно взвинченный, Ракитинъ съ вызывающей увѣренностью и спокойной развязностью сказалъ, повторяя слова Нитцше, что всѣ наши ходячія мнѣнія требуютъ переоцѣнки и прибавилъ:

— Возьмите хоть бракъ. Это одно изъ нелѣпыхъ учрежденій. Въ будущемъ форма его измѣнится. По крайней мѣрѣ не будутъ обязывать супруговъ любить по гробъ жизни и быть каторжниками. Родители поймутъ, какъ портятъ они своихъ дѣтей...

Слова Ракитина произвели на пансіонеровъ ошеломляющее впечатлѣніе.

Чопорно-строгая англичанка не ахнула отъ негодованія только потому, что ахать неприлично. Но она закрыла уши руками. Глаза ея стали неподвижно злыми. Губы что-то шептали и, казалось, призывали кары на святотатца.

— Въ какомъ мы обществѣ, Мабъ!

Старый высокій шведъ-пасторъ повелъ на Ракитина неумолимо-скорбный и въ то же время безнадежно-суровый тяжелый взглядъ.

— Эльза! Не слушай безбожной нелѣпости! — строго шепнулъ онъ.

— Не буду, Аксель!—покорно отвѣтила хорошенькая „фру".

И опустивъ свои голубые, словно бы еще болѣе недоумѣваю-

щіе глаза на тарелку, не спѣша и строго-добросовѣстно ѣла рейнскую лососину подъ голландскимъ соусомъ, и сдѣлалась и задумчива, быть можетъ, оттого, что не исполнила обѣщанія и слушала хоть и безбожныя, но интересныя предсказанія о бракѣ.

И остальныя возмущенныя дамы, старавшіяся казаться черезчуръ оскорбленнными профанаціей брака, стыдливо не поднимали глазъ, но все-таки жадно слушали.

И словно бы въ оправданіе такого любопытства, пожилая дѣвица изъ Гамбурга смущенно промолвила:

— До чего дойдетъ этотъ наглый господинъ... Онъ забылъ, что здѣсь и дѣвицы!

Только рыжеволосая миссъ Мабъ имѣла доблесть слушать серьезно и спокойно, не оскорбленная, казалось, рѣчами русскаго.

Старый джентльменъ изъ Бирмингана, любитель пари, спросилъ сосѣда:

— О чемъ можетъ говорить этотъ русскій?

Молодой человѣкъ объяснилъ.

— Держу пари, что онъ изъ Вэдлама!—процѣдилъ сквозь зубы заводчикъ.

— Онъ просто не джентльменъ. Говорить за обѣдомъ неприлично громко свои глупости!—презрительно спокойно отвѣтилъ юный лордъ.

Рантье уже нѣсколько остылъ и, воспользовавшись паузой, любезно сказалъ Ракитину:

— Я не умѣю такъ увлекательно и убѣдительно спорить, какъ вы и потому не смѣю продолжать. Но хоть мы не сходимся въ мнѣніяхъ, это не мѣшаетъ мнѣ уважать и любить русскихъ. Франція и Россія—обѣ великодушныя и благородныя великія націи!

И онъ поднялъ стаканъ, отпилъ глотокъ краснаго вина и прибавилъ съ едва слышной иронической ноткой въ голосѣ:

— Вы, конечно, проводите такіе же смѣлые взгляды и въ вашихъ, вѣроятно, интересныхъ книгахъ, которыя, къ сожалѣнію, не могу прочесть.

Польщенный комплиментомъ, Ракитинъ вспыхнулъ и, казалось, не замѣтилъ насмѣшки.

И, понижая голосъ, отвѣтилъ уже безъ заносчивости:

— Не совсѣмъ!

Тогда рантье-французъ съ еще большей любезностью спросилъ:

— Но, вѣроятно, вы такъ же смѣло и остроумно указываете на... на несовершенства русской жизни, какъ сейчасъ указывали на банкротство нашего строя?.. И не сомнѣваюсь, что вашимъ общественнымъ дѣятелямъ такъ же достается, какъ достается отъ нашихъ журналистовъ нашимъ министрамъ?

Ракитинъ нервно воскликнулъ:

— Мы въ другихъ условіяхъ...

И благоразумно не продолжалъ.

Старый французъ, повидимому, вполнѣ удовлетворился отвѣтомъ и тотчасъ же заговорилъ со своимъ сосѣдомъ о превосходной рыбѣ и попросилъ подать ее еще.

Окинувъ взглядомъ общество, Ракитинъ могъ убѣдиться, что пансіонеры достаточно „огорошены" и достаточно непріязненны.

— Небойсь *они* остались довольны... Не правда ли?—обратился торжествующе къ Неволину Ракитинъ.

Неволинъ равнодушно, отвѣтилъ:

— Охота была вамъ, Василій Андреевичъ, кипятиться.

VII.

На слѣдующее утро хозяйка постучала въ комнату Ракитина. Она вошла торжественно и серьезная въ полномъ своемъ обычномъ „парадѣ" и, послѣ изысканныхъ извиненій, что осмѣлилась помѣшать его вдохновенію, „позволила себѣ" замѣтить, что несомнѣнно возвышенныя мнѣнія г. Ракитина которыя такъ понравились ей самой, къ сожалѣнію, взволновали и испугали пансіоонеровъ и вредно подѣйствовали на больныхъ...

— Да вы присаживайтесь, госпожа Шварцъ...

И Ракитинъ пододвинулъ кресло хозяйкѣ...

— О не безпокойтесь, monsieur... Я на одну минуту.

Однако хозяйка присѣла и продолжала:

— И многіе выразили мнѣ неудовольствіе на громкіе споры за столомъ. А мой принципъ: полное спокойствіе жильцовъ, которые дѣлаютъ честь пансіону. Вы, какъ необыкновенно умный человѣкъ, конечно, согласитесь съ этимъ принципомъ?—любезно и твердо прибавила хозяйка.

— А не то, госпожа Шварцъ, вы захотите лишиться такого необыкновенно умнаго человѣка?—отвѣтилъ, улыбаясь, Ракитинъ.

— Къ сожалѣнію, я поставлена въ тяжелое положеніе...

— А комната здѣсь отличная... Не жарко...

— И какой видъ съ балкона...

— И видъ... И работается хорошо... И кормите порядочно...

— Я стараюсь!—вставила госпожа Шварцъ.

— Вы образцовая хозяйка и—примите вполнѣ заслуженную дань—такая интересная женщина что присутствіе ваше за столомъ можетъ только доставлять эстетическое удовольствіе... Однимъ словомъ, пансіонъ мнѣ нравится.

И съ серьезнымъ видомъ прибавилъ:

— Простите нескромный вопросъ, милая хозяйка: вамъ лѣтъ—тридцать?.. Или нѣтъ еще?

— Что вы?.. Вы смѣетесь?.. Я старуха... Мнѣ сорокъ два! — скромно промолвила госпожа Шварцъ, внезапно оживляясь, словно старый парадеръ, заслышавшій трубу.

— Неужели?.. А какой же у васъ, значитъ, живительный воздухъ... Моложавитъ... Безъ шутокъ говорю!—воскликнулъ Ракитинъ, который по привычкѣ стараго юбочника говорилъ до дерзости невозможные комплименты, самодовольно увѣренный, что хоть долю изъ вранья женщина приметъ за правду.

— Я когда-то была не дурна, а теперь...

И госпожа Шварцъ вздохнула и то же по старой привычкѣ сверкнула когда-то многообѣщающими глазами.

— Такъ вы извините, что я вынуждена была передать вамъ неудовольствіе пансіонеровъ...

— Какія извиненія!.. Можете быть спокойны, что больше я не поставлю васъ въ непріятное положеніе и вашихъ пансіонеровъ не огорчу спорами.

— Какъ пріятно имѣть дѣло съ такимъ умнымъ человѣкомъ! — Нѣтъ словъ благодарить васъ...

Госпожа Шварцъ не уходила.

И, принимая серьезно-грустный видъ, съ искусственно-печальной торжественностью произнесла:

— Считаю своимъ долгомъ сказать, что вашъ соотечественникъ очень плохъ.

— Бѣдняга! Еще вчера вечеромъ я сидѣлъ у него, и онъ бодрился.

— Милый нашъ докторъ только что былъ у Неволина...

— И что же сказалъ?

— Онъ предупредилъ меня, что бѣдный молодой человѣкъ болѣе недѣли не протянетъ.

— Неволинъ и не догадывается?

— Почти всѣ чахоточные не догадываются. А кажется, такъ легко догадаться... Я сейчасъ навѣщала Неволина... Онъ не всталъ сегодня съ постели и навѣрно ужъ не встанетъ... И какъ слабъ, какъ взволнованъ!..

— Отчего взволнованъ?

— Рано утромъ получилъ телеграмму... О, какъ жестока его хорошенькая жена! Какъ жестока! Бываютъ безсердечныя женщины, но такія, какъ она, рѣдки. Неправда ли? Вы, какъ писатель, знаете насъ. А Неволинъ не знаетъ. Онъ все еще надѣется... А я, признаюсь, думаю, что эта дама совсѣмъ не пріѣдетъ... Къ чему ей умирающій мужъ? Она вѣрно забыла священный долгъ жены... А онъ такъ ждетъ, такъ любитъ! — И госпожа Шварцъ поднесла къ глазамъ носовой платокъ.—Мнѣ такъ жаль молодого человѣка, который такъ хочетъ увидѣть жену и умираетъ одинъ,

на чужбинѣ, что я посовѣтовала ему сейчасъ же ѣхать въ Петербургъ...

— Умирающему?—воскликнулъ Ракитинъ.

„И какая же ты стервоза!“—подумалъ онъ.

— Докторъ находитъ, что больной доѣдетъ... Уже ожиданіе видѣть черезъ два дня жену поддержало бы его... Такъ бы хорошо было для него умереть около любимаго человѣка... И когда я сказала о Петербургѣ и думала, что поѣздка его обрадуетъ, Неволинъ—вообразите—взволновался и разсердился...

— Не оцѣнилъ вашей доброты, госпожа Шварцъ?

Хозяйка сдѣлала видъ, что не услышала злой ироніи въ голосѣ Ракитина и не замѣтила его насмѣшливыхъ глазъ.

— Я желала Неволину добра... Развѣ не ужасно умереть одному, безъ близкихъ??..

— Но все-таки дайте ему умереть въ пансіонѣ...

— Да развѣ я не хочу держать умирающаго въ пансіонѣ?? О, не говорите такъ, monsieur! Я не заслуживаю обиднаго подозрѣнія. Я христіанка!—патетическимъ тономъ оскорбленной добродѣтели воскликнула хозяйка.—И я такъ люблю бѣднаго Неволина. Онъ всегда былъ такъ добръ и деликатенъ со мной... Такъ предупредительно платилъ впередъ. И—спросите у него—какъ я заботилась о немъ! Повѣрьте, что я постараюсь, чтобы его послѣдніе дни въ моемъ пансіонѣ были по возможности покойны... Сегодня же позову сидѣлку, хотя бы на мой счетъ, если Неволинъ не вспомнитъ передъ смертью заплатить ей...

И словно бы въ доказательство ея христіанской любви къ ближнему, она прибавила:

— Вы знаете, съ какими предразсудками пріѣзжіе? Я понесу большіе убытки, если не скоро сдамъ комнату—вѣдь комната превосходная?—послѣ покойника... А для бѣдной женщины это чувствительно, но я и не подумаю мысленно упрекнуть память молодого человѣка... Тревожитъ меня только одно...

— Что такое?—спросилъ Ракитинъ.

— Я не знаю, какъ быть, если жена не пріѣдетъ, и Неволинъ умретъ... Кого извѣстить, кромѣ жены, другихъ близкихъ въ Петербургѣ... Гдѣ захотятъ похоронить его... И вообще...

— Объ этомъ не безпокойтесь... Я все сдѣлаю... И заплачу по счету...

— О, пустяки... Объ этомъ не стоитъ и говорить... Значитъ, вы примете на себя всѣ заботы... Я такъ и думала... Да и кому же позаботиться, какъ не соотечественнику, да еще такому великодушному, какъ вы...

Съ этими словами она поднялась, еще разъ извинилась, что помѣшала вдохновенію и величественно удалилась, довольная своимъ визитомъ къ Ракитину.

„Свои „нелѣпости“ говорить за обѣдомъ не будетъ и пансіонеровъ не напугаетъ. Послѣдній счетъ за Неволина и сидѣлкѣ уплатитъ, и весьма вѣроятно, что послѣ смерти Неволина перейдетъ въ его комнату. Такой нахальный господинъ не можетъ имѣть предразсудковъ. Да и вполнѣ здоровый человѣкъ!“—подумала госпожа Шварцъ.

И хоть она считала Ракитина не очень-то повадливымъ пансіонеромъ, требующимъ отъ горничной основательной и своевременной уборки и добросовѣстной чистоты сапогъ и платья, тѣмъ не менѣе нашла, что онъ мужчина не безъ вкуса, когда вспомнила его комплименты, и рѣшила, что онъ будетъ менѣе требователенъ, если, вмѣсто Шарлоты, назначить горничной въ его номеръ хорошенькую молодую Клару.

VIII.

Кровать была подвинута къ открытому окну, и Неволину казалось, что именно это и было нужно, чтобы ему было покойнѣе лежать въ постелѣ и дышать легче.

Съ высоко приподнятой головой на подушкахъ и съ закрытыми глазами онъ походилъ на мертвеца. Но когда открывалъ глаза, они блестѣли, сосредоточенно возбужденные и серьезные, словно бы какая-то мысль волновала его и требовала разрѣшенія.

Онъ повернулъ глаза къ окну; голубое небо, и горы, и блескъ чуднаго утра обратили на себя особенное, проникновенное вниманіе Неволина, и онъ съ новымъ, доселѣ неиспытаннымъ чувствомъ восхищенія взглядывалъ въ окно.

„А онъ такой одинокій, такой слабый, и жена не ѣдетъ!“—подумалъ Неволинъ.

И жалость къ себѣ охватила его. Крупныя слезы катились на щеки.

Онъ снова думалъ о женѣ и снова пробовалъ успокоить мучительность думъ. Онъ самъ виноватъ, что Леля не торопится. Она не знаетъ, что катарръ такъ обезсилилъ его. Зачѣмъ онъ не писалъ, что худѣетъ и по ночамъ мокрый отъ пота? О, давно была бы она здѣсь, и онъ поправлялся бы... Не было бы этого мучительнаго волненія...

Изъ-за него и стало хуже. Докторъ только что былъ и не нашелъ ничего особенно серьезнаго... Временное обостреніе. Новое лѣкарство поможетъ... Но какъ долго тянется болѣзнь...

„И отчего Леля опять не могла выѣхать, какъ обѣщала!“

Эта мысль не могла отвязаться съ той минуты, какъ Неволинъ получилъ, полчаса тому назадъ, телеграмму...

И онъ протянулъ руку къ ночному столику за телеграммой

и снова прочиталъ эти строки, которыя заставляли сердце его биться сильнѣе.

„Прости. Раньше трехъ дней не могу выѣхать. Не тревожься. Телеграфируй, какъ здоровье. До свиданья“.

Опять отложила. А Леля такъ нужна теперь, когда могла бы ходить за нимъ. Развѣ она не знаетъ, что онъ одинъ... одинъ...

— Да что это значитъ?—мысленно спрашивалъ себя Неволинъ.

И снова упорно дѣлаетъ всевозможныя предположенія о причинахъ непріѣзда жены. Но теперь ни одно предположеніе не успокоиваетъ его... И увѣренность Ракитина, что жена не пріѣдетъ сегодня, и его разговоры о лживости женщинъ невольно припоминаются Неволину...

И какая-то мысль словно бы вдругъ озарила голову Неволина. Онъ, казалось, все понялъ, и ужасъ исказилъ черты его мертвеннаго лица.

— Не можетъ быть. Такая подлость!

Неволинъ гналъ отъ себя прочь внезапную мысль, точно что-то ужасное и страшное. Но она, напротивъ, все болѣе и болѣе овладѣвала имъ. Онъ вспомнилъ слова жены о нездоровьѣ ея по вечерамъ передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, ея совѣты поскорѣй уѣхать въ Швейцарію, ея внезапное смущеніе, когда онъ цѣловалъ ее въ губы, все это являлось въ новомъ, казалось все объяснявшемъ овѣщеніи. И Неволинъ съ какою-то поразительной ясностью галлюцинаціи увидалъ передъ собой свою маленькую, изящную жену съ вздумчивыми ангельскими глазами, рядомъ съ молодымъ, румянымъ красавцемъ барономъ Лахти, его пріятелемъ и сослуживцемъ.

„А она еще такъ суха была съ барономъ. Находила, что онъ самодовольный болванъ... А этотъ болванъ“...

И, пораженный открытіемъ, внезапно охваченный ожесточенной обидой ревности и злобой, онъ вдругъ почувствовалъ приливъ силы, порывисто поднялся, присѣлъ на кровати и, задыхаясь, грозя въ пространство костлявой рукой, почти что крикнулъ:

— Подлая! Я выздоровѣю и тогда... Я...

Неволинъ не могъ продолжать. Онъ закашлялся. Кровь показалась изъ горла.

Съ ужасомъ страха и тоски въ расширенныхъ глазахъ смотрѣлъ онъ на смоченный кровью носовой платокъ. Неволинъ сразу ослабѣлъ, и голова его упала на подушки.

Прошло нѣсколько секундъ обморока.

Неволинъ открылъ глаза и паническій страхъ прошелъ—кровь остановилась. Ему дышалось легче.

„Вѣрно какой-нибудь маленькій сосудъ лопнулъ“, подумалъ Неволинъ.

И теперь онъ еще съ бо́льшей увѣренностью думалъ, и не безъ злорадства думалъ, что новое лѣкарство поможетъ. Онъ начнетъ поправляться и уже не будетъ такимъ довѣрчивымъ мужемъ. Не пойдетъ встрѣчать поѣзда.

Передъ инстинктомъ самосохраненія и жаждой жизни бѣшеный взрывъ прошелъ и острота обиды оскорбленнаго человѣка смягчалась. Эгоизмъ безнадежно больного невольно старался увѣрить его въ несправедливости подозрѣнія, что онъ обманутъ и такъ нагло и безсовѣстно. И—главное—теперь, когда ему хуже, встрѣча съ женой уже не представлялась, какъ влюбленному. Онъ ждалъ сидѣлку, которая сумѣетъ ходить за нимъ. Вѣдь онъ боленъ!

И Неволинъ думалъ:

„Она обязана быть около. Не смѣетъ не пріѣхать къ больному мужу. Не смѣетъ!“ настаивалъ Неволинъ, подбадривая себя. „Леля не лживая. Она три года любила и ни съ кѣмъ даже не кокетничала... Почти всегда были вмѣстѣ... Не могла бы писать такія письма и въ то же время обманывать. Она честная женщина. Всегда говорила, что долгъ обязываетъ. И къ чему ей лгать? Она могла бы написать, что полюбила другого. Вѣдь они передъ женитьбой дали другъ другу слово сказать, если кто изъ нихъ разлюбитъ. И какъ онъ съ ней былъ откровененъ. Какъ довѣрчивъ. Какъ старался исполнить малѣйшія ея желанія. Ничего не жалѣлъ. Работалъ, какъ волъ, для нея. Сколько тратилъ на нее! Напрасно онъ взволновался... Изъ-за этого и пошла кровь. Надо беречься. Еще пять дней, Леля пріѣдетъ, и онъ убѣдится, что подозрѣнія нелѣпы... Они призраки больного“...

И Неволинъ безпокойно подумалъ, что новое лѣкарство еще не принесли. Шварцъ сказала, что черезъ четверть часа принесутъ.

— Свиньи!—внезапно раздражаясь, прошепталъ Неволинъ, взглянувъ на часы, и позвонилъ.

Прошла минута.

Ему казалось, что его всѣ забыли. Нарочно никто не идетъ. А вѣдь, кажется, хорошо платитъ Бертѣ.

Неволинъ снова звонилъ.

Берта, только что оторвавшаяся отъ уборки сосѣдней комнаты, торопливо вошла и, привѣтливо улыбаясь при входѣ къ жильцу, спросила:

— Что угодно?..

— Лѣкарство!—раздраженно спросилъ Неволинъ и злыми глазами смотрѣлъ на молодую, румяную и сильную горничную съ вспотѣвшимъ озабоченнымъ лицомъ.

— Сейчасъ пойду.

— Не могли сходить... Это что же?..

— Но, monsieur, я не виновата. Аптекарь сказалъ, что лѣкарство можетъ быть готово черезъ двадцать минутъ... А двадцати не прошло...

— Это безсовѣстно со стороны аптекаря... Не правда ли?.. Прошу васъ сію минуту идите... Только подайте платокъ... О, Господи!..

И Неволинъ сердился на Берту и за то, что она здорова, и и за то, что она, казалось, безучастна къ нему и улыбается, какъ и госпожа Шварцъ, лицемѣрно.

„И вообще люди большіе эгоисты и думаютъ только о себѣ. Онъ не такой эгоистъ!" съ наивной увѣренностью подумалъ Неволинъ и вспомнилъ, какъ онъ заботился о Лелѣ, какъ сидѣлъ цѣлую ночь, когда она захворала.

Обозленный, онъ уже мысленно упрекалъ теперь жену и словно забылъ, что она „золотое сердце" и какъ ухаживала за нимъ, когда онъ заболѣлъ.

И внезапно проговорилъ:

— Это подло!

Ему хотѣлось плакать и отъ обиды, и отъ нетерпѣнія поправиться, и отъ новаго злого чувства къ женщинѣ, которую такъ особенно сильно любилъ, какъ это казалось.

Черезъ нѣсколько минутъ Берта, обливавшаяся потомъ, принесла лѣкарство и сказала, улыбаясь добрыми круглыми глазами:

— Бѣжала... Теперь примите и вамъ будетъ лучше!

Онъ поблагодарилъ Берту и заискивающе попросилъ скорѣй развести одинъ порошокъ въ рюмкѣ съ водой. Онъ нетерпѣливо смотрѣлъ, какъ она это дѣлала. Одинъ видъ новаго лѣкарства словно бы гипнотизировалъ его и внушалъ увѣренность, что порошокъ поможетъ.

И какъ только онъ выпилъ до послѣдней капли полрюмки, ему стало сразу легче. Мокрота не душила. Дышать было свободнѣе. Свистъ изъ груди не вылеталъ.

— О, благодарю васъ, Берта! Идите... Мнѣ ничего не нужно!

Берта ушла, скрывая подъ обычной привѣтливой улыбкой жалость къ этому несчастному умирающему господину.

Неволинъ смягчился. Берта уже не казалась такой безучастной къ нему. И Леля, разумѣется, не такъ виновата и онъ напрасно ее подозрѣваетъ. Черезъ пять дней она пріѣдетъ и будетъ сидѣть безотлучно при немъ.

„О, теперь я поправлюсь!" увѣренно подумалъ Неволинъ.

И, закрывая глаза, охваченный радостнымъ чувствомъ какой-то необыкновенно счастливой сонной грезы, заснулъ, широко раскрывъ ротъ.

Сонный порошокъ подѣйствовалъ быстро.

IX.

Извѣстіе хозяйки о томъ, что Неволину, по словамъ врача, не протянуть и недѣли и что жена прислала телеграмму о новой отсрочкѣ, вызвало въ Ракитинѣ быстрое рѣшеніе: вызвать жену къ умирающему мужу.

Пусть хоть умретъ вѣрующимъ въ нее „влюбленнымъ дуракомъ"!

Ракитинъ жалѣлъ „дурака" и обижался за него, какъ мужчина, который не дался бы въ такой обманъ. Жена Неволина возмущала Ракитина. Но въ то же время ему хотѣлось познакомиться при исключительныхъ условіяхъ съ этой хорошенькой, „проблематической барынькой", какъ поспѣшно уже зарисовалъ ее Ракитинъ въ своемъ представленіи.

Онъ изучитъ „интересный типъ". Не даромъ онъ быстро отгадываетъ женщинъ и до сихъ поръ пользуется успѣхомъ у нихъ. А теперь сердце его кстати было свободно.

Ракитинъ помнилъ адресъ. Неволинъ не разъ о немъ говорилъ Ракитину, когда приглашалъ его навѣстить ихъ зимой.

И подписавъ „срочная", Ракитинъ составилъ слѣдующую телеграмму:

„Если хотите застать мужа въ живыхъ и облегчить послѣднія его минуты, немедленно выѣзжайте. Соблаговолите срочно телеграфировать больному о выѣздѣ".

„Небойсь прикатитъ послѣ такой телеграммы, и бѣдняга дождется, наконецъ, свою мадонну!" мысленно проговорилъ Ракитинъ и вышелъ.

Съ телеграфной станціи Ракитинъ ушелъ довольный. Послѣдніе дни около бѣдняги Неволина будетъ любимая жена. И, разумѣется, не хотѣлъ бы себѣ сознаться, что очень доволенъ своимъ добрымъ дѣломъ и потому, что увидитъ эту возмущающую его безсердечную женщину, будетъ часто съ нею вмѣстѣ въ комнатѣ умирающаго и провожать на прогулкахъ.

Эта программа уже пробѣгала въ головѣ Ракитина, когда онъ возвращался въ пансіонъ, взглядывая на проходящихъ молодыхъ женщенъ съ любопытствомъ.

У рѣшетки сада пансіона, Ракитина остановилъ молодой красавецъ англичанинъ въ свѣтлой фланели и, приподнимая фетръ, обмотанный кисеей, любезно спросилъ:

— Какъ здоровье вашего соотечественника?

— Плохъ!—съ умышленной рѣзкостью отвѣтилъ Ракитинъ.

— О-о-о! Но надѣюсь еще протянетъ?

— Пяти дней не проживетъ!—рѣзко и насмѣшливо отвѣтилъ Ракитинъ.

Молодой человѣкъ, казалось, не считалъ нужнымъ замѣтить рѣзкій и явно насмѣшливый тонъ Ракитина.

Онъ снова значительно протянулъ свое: „ооо!“ и съ спокойной и вѣжливой настойчивостью прибавилъ:

— Извините, что задерживаю. Позвольте одинъ вопросъ?

— Позволяю.

— Жена вашего бѣднаго друга пріѣдетъ?

Ракитина взорвало.

Онъ въ упоръ взглянулъ въ свѣтлые, добродушно-спокойные глаза англичанина.

„Экая увѣренная молодая скотина!“ подумалъ Ракитинъ и съ дерзкой насмѣшкой сказалъ:

— Не пріѣдетъ!

— Ооо!

— Вы пари проиграете!

— Благодарю васъ. Очень жаль!—невозмутимо-вѣжливо промолвилъ молодой человѣкъ.

И, приподнявъ фетръ, вышелъ на улицу, повидимому нѣсколько недоумѣвающій такой рѣзкостью русскаго писателя.

А Ракитинъ, обрадованный, что оборвалъ высокомѣрнаго англичанина, торопливо направился въ пансіонъ.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ Берту.

— Больной все еще спитъ?

— Только что проснулся.

— Въ постели?

— Приподняться хотѣлъ и не могъ...

— Сидѣлки еще нѣтъ?

— Нѣтъ...

— О сейчасъ придетъ... сейчасъ придетъ!—проговорила откуда-то появившаяся хозяйка.—Я ужъ была у одной особы... Но только дорого спрашиваетъ... Десять франковъ въ сутки на всемъ готовомъ... Это будетъ стоить пять франковъ у меня... Самая дешевая цѣна. Угодно переговорить съ особой... Вѣрно и предупредите бѣднаго Неволина?

Ракитинъ не спорилъ о цѣнѣ, хотя и понималъ, что хозяйка дѣлаетъ свой гешефтъ. Да и неловко казалось ему было торговаться.

„Ну и чортъ съ тобой!“ мысленно промолвилъ Ракитинъ и, улыбаясь лукавыми своими глазами, сказалъ:

— Надѣюсь только, что ваша особа не наведетъ на больного унынія?

— Простите... Я не совсѣмъ понимаю... Чѣмъ можетъ навести уныніе сидѣлка, которую я рекомендую?—не безъ достоинства проговорила госпожа Шварцъ и приготовилась обидѣться въ качествѣ „слабой женщины“.

— Развѣ не понимаете, милая госпожа Шварцъ, чѣмъ сестры милосердія удручаютъ?..

Ракитинъ разсмѣялся и продолжалъ:

— Да своимъ торжественно-участливымъ видомъ, точно хочетъ сказать: мнѣ жаль умирающаго. Или—что, пожалуй, еще хуже—обладаетъ такой наружностью, что больной будетъ волноваться отъ раздраженія.

О, она поняла. Она и не могла подумать, что такой знаменитый писатель могъ считать госпожу Шварцъ совсѣмъ глупой. Она, слава Богу, понимаетъ какъ важно для больного видѣть около себя успокаивающее пріятное лицо. Это важно не только для больныхъ, но—осмѣлится выразить свое мнѣніе—и для здоровыхъ. И она не держитъ въ своемъ пансіонѣ уродовъ горничныхъ.

— Это мое правило!—не безъ гордости прибавила хозяйка.

— Не дурное правило, госпожа Шварцъ Но сидѣлка?..

— Будьте спокойны за вашего соотечественника... Послѣдніе его дни не будутъ омрачены... Особа очень милая женщина... лицо самое располагающее и внушающее довѣріе... Правда, она не первой молодости, ей за тридцать, но моложавая, сильная и симпатичной наружности вполнѣ приличная дама... Какъ разъ лучшій возрастъ для своей тяжелой обязанности... Вѣдь для тяжкаго больного и не нужна молодая сидѣлка... Только могла бы стѣснить... не правда ли?

Ракитинъ, конечно, согласился.

— О, бѣдный Неволинъ будетъ доволенъ своей сидѣлкой. Она любитъ свое дѣло милосердія... понимаетъ, что больные капризны и раздражительны, и ни лицомъ, ни манерами, ни разговоромъ не раздражитъ, а, напротивъ успокоитъ больного...

И хозяйка значительно прибавила:

— Я тоже наблюдала больныхъ... Приходилось!.. Такъ я буду ждать вашего приказанія...

И, любезно поклонившись, хозяйка величественно направилась въ одну изъ комнатъ, слегка повиливая своими широкими бедрами.

Когда Ракитинъ вошелъ въ комнату Неволина, пропитанную запахомъ лѣкарствъ и увидѣлъ неподвижную черную голову, землисто-блѣдное лицо и лежавшую на одѣялѣ длинную исхудалую руку, Ракитинъ точно увидѣлъ покойника.

Онъ невольно поморщился, вдругъ сталъ серьезенъ и, тихо подходя къ кровати, какъ-то съежился, опустилъ голову и будто сталъ меньше ростомъ, словно стараясь скрыть передъ Неволинымъ, какъ онъ высокъ, плотенъ, крѣпокъ и цвѣтущъ.

И, смягчая свой крикливый голосъ, тихо, безъ обычной подбадривающей веселости, ласково проговорилъ:

— Ну какъ дѣла, Валерій Николаичъ?

Осторожно, тая брезгливое чувство, слегка пожалъ руку Неволина и присѣлъ на стулъ около кровати.

— Спасибо, что навѣстили Василій Андреичъ!—обрадованно отвѣтилъ Неволинъ.—Верне прописалъ новое лѣкарство и я чувствую себя гораздо лучше... Только слабость... Завтра встану...

И внезапно показывая раздраженіе болѣе, чѣмъ его было, прибавилъ:

— А эта свинья хозяйка... вообразите, Василій Андреичъ.

— А что?

— Предлагала ѣхать въ Петербургъ... Точно сбыть меня хочетъ... Будто я могу умереть въ ея пансіонѣ. Но я еще не собираюсь, кажется, умереть. Катарръ не туберкулезъ. Верне не вретъ! Да я самъ знаю! — вызывающе и возбужденно говорилъ Неволинъ.

— Хозяйка и не думаетъ.

— Зачѣмъ же предлагала ѣхать въ Петербургъ?

— Вы получили телеграмму... Хозяйка, вѣрно, подумала, что Елена Александровна не можетъ скоро пріѣхать. Ну и подумала: вы къ ней поѣдете.

— Развѣ... Но зачѣмъ я поѣду?.. Это глупо... Дѣйствительно вы предугадали вчера, Валерій Николаевичъ... Сегодня жена не пріѣдетъ... Невозможно было... Сама прихворнула... ничего особеннаго,—сочинялъ Неволинъ.—Но черезъ пять дней можно выѣхать... Непремѣнно пріѣдетъ!

— А, быть можетъ, и раньше выѣдетъ. И мнѣ кажется, что такъ и будетъ. Прихворнула... испугалась и добросовѣстно предупредила... А увидитъ, что пустяки, и прикатитъ...

— Вы предполагаете?..

— Увѣренъ. Женщины мнительны...

— Да... да... Леля мнительна,—обрадованно повторилъ Неволинъ.

Онъ помолчалъ и возбужденно прибавилъ:

— И знаете что?..

— Что?

— Я радъ, что вы увидите жену...

— Надѣюсь на-дняхъ.

— И тогда... Вы мало наблюдали хорошихъ женщинъ...

— Вѣрно легче описывать отрицательные, чѣмъ положительные типы.

— А познакомитесь съ женой... и опишите положительный типъ... Непремѣнно... Не думайте, что говоритъ ослѣпленный глупый мужъ... Сегодня и я подло усомнился въ ней и знаете почему?

— Почему?

— Нашло омраченіе... Во мнѣ какой-то злой звѣрь заговорилъ и мнѣ показалось, что Леля меня обманываетъ...

— Просто галлюцинаціи больного...

— Разумѣется... галлюцинаціи... Развѣ я имѣю основаніе не вѣрить... Выслушайте, Василій Андреичъ, и вы поймете, что не имѣю никакихъ основаній. Ни малѣйшихъ!

Неволинъ проговорилъ эти слова взволнованно, съ порывистымъ, страстнымъ и тоскливымъ возбужденіемъ трусливаго человѣка, въ которомъ еще тлѣло подозрѣніе. Онъ желалъ, чтобы его не было и не могло быть, и чтобы Ракитинъ, писатель, скептикъ и циникъ, смѣясь разсказывавшій, что давно разошелся съ женой для общаго ихъ удовольствія и, повидимому, большой ухаживатель, — убѣдился, что онъ не обманутый мужъ и, главное, убѣдилъ въ этомъ того, который такъ горячо, казалось, говорилъ о томъ, что нѣтъ никакихъ основаній для постыднаго подозрѣнія.

Тогда онъ не будетъ напрасно волноваться въ ожиданіи пріѣзда... Или... по крайней мѣрѣ, провѣритъ словами Ракитина свои подозрѣнія.

И, тая про себя лукавство, съ особенной ласковостью просилъ:

— Не откажите въ просьбѣ скучающаго больного, Василій Андреичъ! Мнѣ такъ хочется поговорить о женѣ именно съ вами. Вы такой умный человѣкъ. Такъ много видѣли, испытали, наблюдали... Что для такого, какъ я, обыкновеннаго средняго человѣка многое, быть можетъ, темно... для васъ — ясно...

„Ишь лукавитъ! Прозрѣлъ, наконецъ. Усомнился въ своей хорошенькой мадоннѣ и ищетъ эксперта. Такъ я и отравлю послѣдніе его дни!“ съ чувствомъ негодованія подумалъ Ракитинъ.

И забывая, что онъ собирается на глазахъ умирающаго мужа „изучать проблематическую барыньку“, Ракитинъ даже почувствовалъ удовлетворенность порядочнаго человѣка. Вѣдь, благодаря ему, Неволинъ умретъ на рукахъ любимой жены вѣрующимъ, что она любитъ.

— Только много говорить, пожалуй, и вредно... А, Валерій Николаичъ?.. Того и гляди, еще взволнуетесь... А вамъ надо скорѣй поправиться... А то жена пріѣдетъ, а вы валяетесь, — проговорилъ Ракитинъ.

— Мнѣ не вредно говорить... Ей-Богу не вредно... Верне позволяетъ. Онъ и курить позволяетъ... И ѣсть все позволилъ... И я чувствую себя отлично... И отчего волноваться... Или вамъ некогда?.. Писать хотите... Или надоѣло со мной сидѣть?..

— Писать еще успѣю... И ничуть не надоѣло... Я съ удовольствіемъ послушаю васъ, только смотрите, устанете... отдыхайте!.. — сказалъ Ракитинъ.

„Вѣдь теперь ему все можно! Пусть разсказываетъ!—подумалъ Ракитинъ и сталъ смотрѣть въ блестящіе оживившіеся глаза Неволина.

И Неволинъ началъ:

— Да... Я человѣкъ и порядочный... И такъ подло заподозрить. И кого?.. Вы увидите скоро жену, Василій Андреичъ... Знаете ли неловко хвалить жену?.. Но у меня нѣтъ прилагательныхъ словъ... Я такъ счастливъ... Три года ни тѣни облачка... И не иллюзіи... сейчасъ узнаете... И вдругъ было подозрѣніе. Положимъ одно мгновеніе... Вы сказали: галлюцинаціи. Хорошо. Но вѣдь и мгновеніе... жестокость. Вы писатель, сердцевѣдъ... Развѣ возможно порядочной правдивой женщинѣ писать нѣжныя письма и... обманывать?

„Конечно возможно... Или ты даже не слыхалъ“, подумалъ Ракитинъ.

И увѣренно проговорилъ:

— Разумѣется, невозможно.

— И главное, когда можно и не обманывать... Вѣдь вы не поступите такъ съ любящей васъ женщиной...

— Однако допросъ?—промелькнуло въ головѣ Ракитина.

И смѣясь промолвилъ:

— Вѣрнѣе: не поступалъ, Валерій Николаичъ... Да такъ и лучше! Нѣтъ, осложненій!

— Именно лучше... И жена такой человѣкъ, который никогда не лжетъ... Знаете ли, Василій Андреичъ, вѣдь меня судьба взыскала... И я часто спрашивалъ: за что? Леля прелестна, умна, талантлива... И какой голосъ!.. Я встрѣтился съ нею въ Симферополѣ. Она жила съ вдовой-матерью. На маленькую пенсію жили... Прежде я и ухаживалъ, и влюблялся... Но въ Лелю я влюбился особенно... до сумасшествія, сразу... да... Я точно нашелъ ту самую, единственную на свѣтѣ, о которой мечталъ еще въ университетѣ... Ну что-жъ, я не скрываю!—застѣнчиво прибавилъ Неволинъ.

— Да и что скрывать... Вы счастливый человѣкъ, Валерій Николаичъ.

— Еще бы! — И черезъ два мѣсяца сдѣлалъ предложеніе... Не испугался, что только полторы тысячи жалованья да тысяча отъ матери...

— И Елена Александровна сейчасъ же согласилась...

— Леля сдержанная, серьезнаго характера... Черезъ недѣлю дала согласіе.

„Она шла замужъ не по любви!..“ рѣшилъ Ракитинъ...

А Неволинъ возбужденнѣе и тороплпвѣе говорилъ:

— И чѣмъ болѣе меня узнавала, чѣмъ сильнѣе чувствовала,

какъ я ее люблю, тѣмъ болѣе привязывалась ко мнѣ... Говорятъ: одинъ любитъ, другой позволяетъ любить... Можетъ быть. Я боготворилъ ее, и она позволяла... Обыкновенно жены не жалѣютъ мужей, а она жалѣла. Останавливала, когда дарилъ кольца, покупалъ платья... „Ты точно няньчишься какъ съ куклой—не надо!“ И ее мучило, что я день сидѣлъ въ министерствѣ и по вечерамъ иногда частную работу бралъ... У нея были свои взгляды... Тихая, сдержанная, съ характеромъ... Достала себѣ переводы... и голубушка по цѣлымъ утрамъ просиживала... А по вечерамъ читала... И всѣмъ интересуется... жизнью, литературой... И меня заставляла читать... „Не все же думать о своемъ благополучіи!“— А мнѣ, признаться, и некогда было. Надо о благополучіи заботиться... Когда любишь жену и любишь свое гнѣздо, о нихъ невольно думаешь. Положимъ, многое у насъ скверно... такъ говори не говори, а все равно ничего не сдѣлаешь... Да и ужъ не такъ скверно для насъ, интеллигентныхъ людей... И, наконецъ я думаю, что идеалъ человѣка личное счастье... Вы вотъ писатели... горячитесь... волнуетесь. А я, знаете ли, не понимаю, къ чему такъ волноваться...

— Вотъ вы волнуетесь теперь, Валерій Николаичъ... Отдохните.

— О, нѣтъ... я не усталъ... У меня выносливая натура... До весны не зналъ болѣзни... И весной простудился... Воспаленіе легкихъ... И какъ же Леля ухаживала!.. Докторъ одинъ молодой два раза въ день ходилъ... Выхаживали... Бѣдная Леля, какъ устала... И никуда... Не отходила отъ меня... И... я смѣлъ подумать!?—вдругъ раздражительно прибавилъ Неволинъ.

Ракитинъ мягко просилъ его отдохнуть...

— Нѣтъ... ничего... Проклятый катарръ... И меня врачи отправили... А Лелѣ нельзя было ѣхать... со мной... Хотѣла... Но я... я... непозволилъ... Къ чему... тревожить... И ей хотѣлось окончить работу и пріѣхать... Собиралась въ началѣ августа... Но вы знаете сперва мать хворала... работа задержала... И я скрывалъ, что сильно похудѣлъ... Такъ вы поняли... поняли, что ни малѣйшей тѣни основанія... И по совѣсти скажите ваше мнѣніе... Не бойтесь... Я не испугаюсь, если вы, какъ скептикъ, могли бы предположить: Осталась одна... Мужъ больной былъ послѣднее время... раздражительный... возбуждалъ брезгливость и... влюбилась...

И не давая, возражать Ракитину, почти со злобой, продолжалъ:

— Вѣдь вы это въ душѣ полагаете?.. Вѣдъ это?.. Не правда ли?.. А мнѣ, какъ больному, хотите только отвести глаза... И развѣ это невозможно?.. Развѣ даже такой чудный человѣкъ, какъ жена, не можетъ искать счастья... Не имѣетъ права наслаждаться жизнью?.. Сердце развѣ не вольно разлюбить?.. А вотъ возьметъ и совсѣмъ не пріѣдетъ!.. А вы—скептикъ и бракъ считаете не-

*

лѣпостью, а со мною виляете... Такъ я вѣдь не умирающій, Василій Андреичъ. И не такой дуракъ, какъ вы думаете!.. Не дуракъ!

Ракитинъ смутился на секунду и отвелъ взглядъ отъ лихорадочно блестящихъ глазъ чахоточнаго.

— Вы вздоръ говорите!..—спокойно сказалъ Ракитинъ. Съ какого черта вилять передъ вами... Развѣ я воображаю, что катарръ вашъ такъ опасенъ... Я вотъ возьму да Еленѣ Александровнѣ нажалуюсь, что вы додумались отъ тоски, до того, что она не пріѣдетъ... А она возьметъ да и пріѣдетъ послѣзавтра, чтобъ васъ пристыдить...

— Это она васъ пристыдитъ!..

— Меня не за что, Валерій Николаичъ. А я, знаете, что придумалъ?

— Что?

— Сейчасъ добыть вамъ сидѣлку.

— Зачѣмъ?.. Не нужно!

— Нужно, Валерій Николаичъ! Не капризничайте. Бертѣ не разорваться, и она неумѣлая... А вамъ нужно отлеживаться день, другой, чтобы молодцомъ встрѣтить Елену Александровну!—весело, почти повелительнымъ тономъ проговорилъ Ракитинъ, быстро поднимаясь со стула и, видимо, торопясь уйти.

Больной покорно согласился на приглашеніе сидѣлки.

— А вы, Василій Андреичъ, не сердитесь на меня!—смягченно, почти виновато, прерывисто проговорилъ Неволинъ, жадно глотая воздухъ, и смотрѣлъ на Ракитина просительными страдающими глазами. И спасибо, что посидѣли... И навѣщайте... Я, вѣдь, одинъ... пока...

И неожиданно прибавилъ:

— А я сейчасъ шутилъ... Я вѣдь не сомнѣваюсь... Леля пріѣдетъ. Пріѣдетъ...

— Еще бы!.. А сердиться не за что, Валерій Николаичъ... Поспорили и завтра опять поспоримъ... Не надо ли чего?..

— Спасибо... Прикройте, пожалуйста, пледомъ...

И когда Ракитинъ прикрылъ пледомъ. Неволинъ промолвилъ:

— А то знобитъ... И дышать трудно... Не слѣдовало много говорить...

Ракитинъ обѣщалъ зайти вечеромъ.

Очутившись за дверями, онъ облегченно и радостно вздохнулъ. И оттого, что освободился отъ Неволина, и оттого, что самъ онъ не умирающій, а здоровый, цвѣтущій человѣкъ и пойдетъ, куда угодно.

„Бѣдняга. Что-жъ всѣмъ надо умирать!“ подумалъ Ракитинъ.

И даже почувствовалъ къ „бѣднягѣ“ непріязнь. Придется все таки заходить къ нему, врать объ его поправленіи и испытывать непріятныя впечатлѣнія при видѣ этого разлагающагося человѣка.

— И вѣдь воображаетъ, что поправится!—не безъ удивленія мысленно проговорилъ Ракитинъ.

XI.

Ракитинъ нашелъ хозяйку въ столовой.

Онъ попросилъ ее немедленно послать за сидѣлкой.

И вдругъ вспомнилъ, что обѣщалъ сдѣлать визитъ одной дамѣ, съ которой встрѣчался въ Петербургѣ и недавно встрѣтился въ Монтре. И онъ рѣшилъ сейчасъ же ѣхать. По крайней мѣрѣ, развлечется.

— Я не буду обѣдать сегодня, госпожа Шварцъ!—объявилъ Ракитинъ.

И нашелъ нужнымъ прибавить:

— Обѣдаю въ Веве... Съ одной знакомой.

— О, monsieur!—шутливо-строго сказала хозяйка и погрозила пальцемъ.

— Вы что же думаете?—смѣясь спросилъ Ракитинъ.

— Вы, вѣдь, опасный человѣкъ...

Ракитинъ отъ удовольствія вспыхнулъ. Онъ какъ-то особенно побѣдоносно затеребилъ бородку и съ преувеличенной напускной скромностью проговорилъ:

— Увы! И старъ, и толстъ, и ужъ никому не опасенъ! До свиданія. И пожалуйста сидѣлку.

— Сію минуту!—И хозяйка надавила кнопку.—Видно, какой вы старый!.. Bonne chance! — значительно промолвила госпожа Шварцъ съ веселой поощряющей улыбкой.

И, сразу переходя въ дѣловой тонъ и дѣлаясь любезно-серіезной, прибавила:

— Вы знаете условія пансіона?

— Какія?

— Если не обѣдаете дома, плата за обѣдъ не исключается... Я обязана предупредить... Извините...

— Знаю! Знаю!

И приподнявъ шляпу, Ракитинъ ушелъ и сѣлъ на трамвай.

Жена тайнаго совѣтника, лѣтъ за тридцать, не оскорбляющая эстетическихъ чувствъ Ракитина, элегантная брюнетка пріѣхавшая въ Швейцарію съ десятилѣтнимъ мальчикомъ ради его слабой груди, уже порядочно соскучившаяся по Петербургу, обрадовалась приходу Ракитина.

Она съ интересомъ прослушала о проблематической барынѣ, не пріѣзжающей къ влюбленному умирающему мужу, пожалѣла мужа, возмутилась женой, но впрочемъ старалась найти смягчающія обстоятельства, сказавъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ

о женахъ, которыя выходятъ замужъ, не подумавъ, безъ настоящей любви.

Такъ какъ Ракитинъ зналъ, что и Наталья Ивановна Бриксъ не подумала передъ замужествомъ, такъ какъ господину Бриксу за шестьдесятъ, то Ракитинъ не безъ большого оживленія и торопливо сталъ разсказывать о нелѣпыхъ предразсудкахъ брака и вообще о любви и смѣшилъ молодую женщину своей веселой остроумной и дерзкой болтовней. Она смѣялась недвусмысленнымъ разсказамъ стараго ухаживателя и знатока женщинъ, улыбалась его будто бы нечаянно срывавшимся комплиментамъ и, въ свою очередь, не оставалась въ долгу, разсказывая, какъ пріятно болтать съ такимъ умнымъ, талантливымъ писателемъ.

Они проболтали цѣлый день. Обѣдали вмѣстѣ въ пансіонѣ. Гуляли. И оба кокетничали другъ съ другомъ, довольные, что не скучали.

Разставаясь, элегантная брюнетка съ вкрадчивой обаятельностью просила не забывать ее и „посмѣяться вмѣстѣ", какъ сегодня. И Ракитинъ, конечно, обѣщалъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея душистую руку.

Онъ вернулся домой въ десятомъ часу, очень довольный проведеннымъ днемъ.

„Пожалуй и досмѣемся до маленькаго романа! Мужу за шестьдесятъ, а она съ темпераментомъ и, кажется, не настолько глупа, чтобы заинтересоваться здѣсь какимъ-нибудь чахоточнымъ молодымъ человѣкомъ!" думалъ Ракитинъ и весело усмѣхался, увѣренный, что произвелъ на скучающую барыньку впечатлѣніе.

А тайная совѣтница въ то же время, между прочимъ, писала одной пріятельницѣ въ Петербургѣ:

„Думала, что Ракитинъ умнѣе. Онъ воображаетъ себя неотразимымъ и съ перваго же визита принялъ аллюры ухаживателя, не понимая, что онъ немножко смѣшонъ со своимъ самомнѣніемъ, брюшкомъ, мѣшками подъ глазами и разговорами о любви... Вѣроятно, думаетъ за мной ухаживать, разсчитывая на романъ. Конечно, я съ нимъ кокетничаю отъ скуки и ты догадаешься, какъ не трудно влюбить этого „молодого человѣка подъ пятьдесятъ". Но даже и это не интересно... Эти пятидесятилѣтніе господа не въ моемъ романѣ. Довольно и своего супруга, который, по крайней мѣрѣ, влюбленъ издалека и не будетъ знать, что мой вѣрный рыцарь пріѣдетъ на недѣлю въ Женеву, и мы проведемъ съ нимъ прелестные дни. Право, молчаливые двадцатипятилѣтніе рыцари куда интереснѣе самыхъ умныхъ стариковъ, какъ мой влюбленный, подозрительный и требовательный благовѣрный, вѣчно говорящій о святости долга... О, какая свинья!"

Ракитинъ вошелъ въ комнату и присѣлъ на балконѣ. Онъ

забылъ объ обѣщаніи навѣстить вечеромъ Неволина и былъ въ мечтательномъ настроеніи самоувѣреннаго женолюба, какъ въ комнату постучали.

Мечтательное настроеніе сразу исчезло, когда вошла Берта и сказала, что больной уже три раза посылалъ за нимъ.

— Очень просилъ зайти.

— Ему хуже?

— Нѣтъ... Какъ будто бодрѣе.

— Сидѣлка тамъ?

— Какъ только вы ушли, она пришла.

— Скажите, что приду сію минуту!

Онъ докуривалъ папиросу, чтобы оттянуть минуту посѣщенія. Но, внезапно почувствовавши стыдъ за свое равнодушіе къ умирающему, швырнулъ недокуренную папироску, порывисто поднялся съ лонгъ-шеза и вышелъ изъ комнаты.

Комната Неволина, слабо освѣщеная лампой подъ темнымъ абажуромъ, казалась еще мрачнѣй. Запахъ лѣкарствъ и спертый воздухъ казались невыносимыми. И самый больной въ полутьмѣ казался еще непріятнѣе и страшнѣе съ его мертвеннымъ лицомъ и блестящими глазами.

Сидѣлка съ располагающимъ лицомъ спокойная, безъ фальшивой подбадривающей улыбки но и не мрачная, сидѣвшая въ креслѣ, въ отдаленіи отъ кровати, и коротавшая вечеръ за книгой, слегка поклонилась въ отвѣтъ на поклонъ Ракитина и мягкимъ, пріятнымъ голосомъ, низковатый тембръ котораго словно бы успокаивалъ, проговорила, обращаясь къ Неволину:

— Вотъ и пришелъ monsieur Ракитинъ. А вы такъ волновались... Вѣрно раньше нельзя было...

И плотная, моложавая женщина взглянула на Ракитина— показалось ему—особенно серьезно, словно съ упрекомъ.

— Простите, Валерій Николаичъ... Раньше не могъ... Встрѣтилъ одного издателя и понимаете...

Но Неволинъ, казалось, не слушалъ Ракитина.

И перебивая его, счастливымъ торжествующимъ и взволнованнымъ голосомъ, проговорилъ:

— Послѣзавтра пріѣдетъ... Выѣхала... Прочтите телеграмму... Срочная!

Ракитинъ подошелъ къ столику, взялъ телеграмму и прочелъ:

„Телеграфирую съ вокзала. Завтра буду около тебя и скоро поправишься“:

Неволинъ не спускалъ глазъ съ Ракитина.

— Ну вотъ видите, Валерій Николаичъ... Можете спать отлично,—весело проговорилъ Ракитинъ.—И сразу глядите лучше, чѣмъ утромъ.

— Еще бы... Теперь я быстро стану поправляться...

Неволинъ не интересовался уже болѣе—зачѣмъ Ракитинъ такъ долго не приходилъ и какого издателя онъ встрѣтилъ.

Неволинъ началъ было разсказывать что онъ ѣлъ и съ какимъ аппетитомъ ѣлъ бифштексъ...

Но сидѣлка мягко остановила Неволина:

— Не говорите много... А то спать будете хуже...

— О конечно... конечно!—весело подтвердилъ Ракитинъ.

— Не буду... Слушаю васъ, добрая мадамъ Дюфуръ... О, какъ вы терпѣливы съ такимъ капризнымъ больнымъ... И какъ все хорошо дѣлаете...

— Привыкла!—просто отвѣтила сидѣлка.

Ракитинъ сейчасъ же ушелъ.

На другой день Неволинъ получилъ телеграмму изъ Берлина. Прошелъ день, и телеграмма изъ Базеля. „Сегодня въ полдень буду".

Но Неволинъ уже не могъ подняться съ постели, и уже не такъ волновался, какъ раньше. Къ пріѣзду жены, казалось, былъ равнодушнѣе.

Онъ весь былъ полонъ мыслями о себѣ, о своемъ выздоровленіи, въ которое упорно вѣрилъ, и какой-нибудь бульонъ или чай съ вареньемъ, который вдругъ требовалъ его капризный вкусъ, занималъ Неволина гораздо болѣе, чѣмъ ожиданіе любимой женщины.

Онъ уже былъ въ томъ предсмертномъ эгоизмѣ, когда вѣнецъ творенія больше всего обнаруживаетъ въ немъ жалкаго цѣпляющагося за жизнь съ тѣмъ ея счастьемъ, которое такъ примитивно и такъ мало отличается отъ счастья животнаго.

Сидѣлка была образцовая, и отъ нея больной былъ въ восторгѣ.

И онъ подумалъ еще утромъ, что жена едва ли съумѣетъ за нимъ такъ же ухаживать. Она не такая сильная, умѣлая, казалось, угадывающая его желанія. И передъ женой все-таки нельзя такъ раздражаться, какъ передъ сидѣлкой.

Неволинъ особенно заботливо расчесалъ свою бороду, вычистилъ ногти, попросилъ вспрыснуть себя духами; сидѣлка перемѣнила ему рубашку и надушила носовой платокъ.

Берта рано убрала комнату, поставила кровать для жены на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде кровать Неволина, и къ девяти часамъ на столикѣ у кушетки уже стоялъ роскошный букетъ.

Эти заботы нѣсколько развлекли больного. Онъ на нѣсколько минутъ оживился и снова захотѣлъ встать.

Но сидѣлка уговорила его не вставать.

Онъ не протестовалъ. Онъ слушался сидѣлку и, казалось ему, что съ такимъ уходомъ, какъ ея, онъ скорѣе окрѣпнетъ и вста-

нетъ. Она какъ-то незамѣтно поддерживала его увѣренность въ этомъ, и онъ разсказывалъ ей, какъ онъ пойдетъ съ женой до Шильона, а потомъ они будутъ гулять пѣшкомъ.

— А пока я не встану... Вѣдь это не долго... не правда ли... Дня два, три?

— Верне говорилъ, что дня черезъ три...

— Такъ ужъ вы останьтесь... День сидите здѣсь, а ночью, если понадобится, жена мнѣ поможетъ.

— Не утомитъ ли это вашу жену? Она, пожалуй, не заснетъ ночь. Если хотите, я буду сидѣть ночью въ корридорѣ... И если вамъ нужно, вы только позвоните.

Неволинъ благодарилъ.

— А то бѣдная жена, въ самомъ дѣлѣ, изведется...

Около полудня Ракитинъ, прифранченный съ подстриженными волосами и бородкой, зашелъ къ Неволину и спросилъ:

— Прикажете встрѣтить Елену Александровну, Валерій Николаичъ?

— Хотѣлъ просить объ этомъ... Вотъ не пускаетъ меня добрая сидѣлка... встрѣтить жену... Надѣюсь узнаете ее по портретамъ...

— Полагаю.

— Такъ вы предупредите ее, что я похудѣлъ... чтобы не взволновалась... Должно быть, она цвѣтущая красавица... а я...

Неволинъ закашлялся и, когда припадокъ кашля прошелъ, раздражительно сказалъ сидѣлкѣ:

— Я просилъ васъ шоколада... Мнѣ хочется чашку шоколада... А мнѣ не даютъ... Дайте же мнѣ поскорѣе!

XII.

Еще бы не узнать по портретамъ этой необыкновенно привлекательной маленькой женщины, съ большими усталыми глазами и роскошными, отливавшими золотомъ волосами подъ соломенной шляпой.

Дѣйствительно, въ этомъ строгомъ, тоскливомъ и красивомъ лицѣ было что-то, напоминающее мадонну.

Какъ только ея стройная, красивая фигура въ свѣтлой юбкѣ и темной жакеткѣ, открывавшую блузку и регатъ поверхъ свѣжаго воротника,—торопливо вышла изъ вагона, какъ къ ней подошелъ Ракитинъ и изысканно-почтительно проговорилъ:

— Ракитинъ!

Въ одной рукѣ молодой женщины былъ небольшой чемоданчикъ, въ другой—зонтикъ.

Она сдержанно и серьезно наклонила голову и спросила:

— Мужъ живъ?

— Еще живъ.

— Кажется, пансіонъ близко?

— Да. Позвольте вамъ показать дорогу...

— Пожалуйста.

— Дайте мнѣ квитанцію отъ багажа.

— Не безпокойтесь.

И молодая женщина отдала квитанцію сторожу и попросила его принести багажъ въ пансіонъ Шварца и пошла рядомъ съ Ракитинымъ.

И ни полслова. Только „живъ ли?“

„Что это за женщина?“ думалъ Ракитинъ, украдкой любуясь ею. И серьезно сказалъ:

— Мужъ о моей телеграммѣ не знаетъ... Онъ такъ волновался, такъ нетерпѣливо ждалъ васъ, что я рѣшился извѣстить васъ о положеніи мужа.

— Благодарю за телеграмму. Я знала объ его положеніи.

И опять продолжала идти молча.

— Валерій Николаичъ просилъ предупредить васъ, что онъ очень похудѣлъ. Онъ хотѣлъ подняться съ постели, чтобы встрѣтить васъ, и не могъ... И все-таки вѣритъ, что будетъ жить.

Выраженіе чего-то мучительно-скорбнаго залегло въ глазахъ молодой женщины. Лицо ея стало строже и, казалось, непроницаемѣе.

Неволина опять молчала. И только пошла скорѣе.

Ракитинъ догадался не мучить женщину своими сообщеніями.

Онъ обиженно замолчалъ. И, стараясь скрыть отдышку отъ скорой ходьбы, едва поспѣвалъ за молодой женщиной.

„Не спѣшила къ мужу изъ Петербурга, а теперъ торопится!“ думалъ Ракитинъ недовольный что программа его изученія интересной женщины съ перваго же начала не исполняется. „И знаетъ ли эта барыня, что я писатель. Читала ли меня?“ спрашивалъ себя Ракитинъ, раздраженный этой почти рѣзкой сдержанностью молодой женщины съ нимъ.

— Вотъ сюда, въ садъ, Елена Александровна!—проговорилъ онъ довольно сдержанно.

Въ саду было много пансіонеровъ. Всѣ знали, конечно, что пріѣхала жена умирающаго. И многія дамы взглянули на молодую женщину, еще болѣе возмущенныя ея красотой, изяществомъ и видомъ далеко не приниженной кающейся женщины.

Пожилая толстая англичанка, безцеремонно разсматривавшая Елену Александровну въ лорнетъ, пришла въ ужасъ. Худая дѣвица изъ Гамбурга шепнула хорошенькой пасторшѣ съ недоумѣвающими глазами, что русская дама просто нахалка.

— Но все-таки, надо сказать, Богъ ее наградилъ красотой! Не правда ли, фру?—проговорилъ пасторъ, обращаясь къ женѣ.

— Я съ тобою согласна, мой другъ.

— Но тѣмъ не менѣе, она не можетъ быть хорошей. Такъ долго не ѣхать къ мужу... Не такъ ли, фру?

— О, конечно! Какъ можно оставлять мужа, да еще больного.

— Ты хорошая женщина, фру. О ты великолѣпная женщина, фру! И ты гораздо красивѣе этой дамы, фру! Я правду говорю?

— Ты слишкомъ добръ ко мнѣ, Аксель!

Французовъ русская дама обворожила. Съ загорѣвшимися глазами они жадно ее разсматривали и потомъ зашептали, что она сложена восхитительно и что такая женщина не можетъ не имѣть любовника.

А молодой англичанинъ замеръ отъ восторженнаго удивленія и краснѣя, какъ піонъ, могъ только протянуть:

— О-о-о!

И въ то же мгновеніе подумалъ, что долженъ быть представленъ русской леди.

Послѣ смерти ея мужа онъ объявитъ, что съ перваго мгновенія, какъ увидалъ ее, рѣшилъ ей предложить быть женой англичанина и лорда. Чекъ на двадцать тысячъ фунтовъ немедленно послѣ согласія и послѣ брака такая же сумма по договору въ ея распоряженіи.

Эта внезапная мысль овладѣла молодымъ красавцемъ англичаниномъ. Онъ, не спускалъ восторженныхъ глазъ съ проходившей молодой женщины и далъ себѣ слово добиться ея согласія, если не здѣсь, то въ Петербургѣ, куда онъ немедленно поѣдетъ вслѣдъ за ней... И будетъ ждать хоть три, четыре года.

Фабрикантъ изъ Бирмингама отдалъ банковые билеты проиграннаго пари и проговорилъ:

— Не правда ли, милордъ, настоящая леди?

— Королева, сэръ!—строго отвѣтилъ молодой англичанинъ.

И прибавилъ:

— Породистая!

Госпожа Шварцъ встрѣтила Елену Александровну въ прихожей, и грустно-торжественная повела ее наверхъ.

— О, какъ бѣдный вашъ мужъ будетъ обрадованъ. О, несчастный страдалецъ! Какъ онъ ждалъ васъ, госпожа Неволина!.. Двѣ недѣли ходилъ каждый день на поѣздъ встрѣчать васъ... Но force majeur помѣшала вамъ пріѣхать... Мужъ зналъ это и не роптал... Вы сами страдали... о, я понимаю... И вы не знали, какъ мужъ плохъ... Онъ скрывалъ отъ васъ... Боялся встревожить... О, тяжелая доля облегчить послѣднія минуты любимаго человѣка... И какъ его не любить... Какой онъ добрый, деликатный!.. О, простите мнѣ, невольный крикъ души!

Госпожа Шварцъ не забыла, что еслибъ не Ракитинъ, то она

могла бы понести убытки, и потому не лишила себя удовольствія подпустить яду въ свои трогательныя изліянія, оглядывая и оцѣнивая скромный, хотя и элегантный, костюмъ этой хорошенькой и черезчуръ мало печальной для жены умирающаго мужа.

И такъ какъ „жена умирающаго" ни однимъ словомъ не откликнулась на „крикъ души" хозяйки, то госпожа Шварцъ, останавливаясь въ корридорѣ, прибавила пониженнымъ до трагическаго шопота голосомъ:

— Вы позволите предупредить бѣднаго мужа, что вы уже здѣсь... А то радость внезапнаго свиданія можетъ потрясти больного... Утромъ онъ былъ бодръ, насколько возможно для него... Но всякія потрясенія... Какъ вы думаете, monsieur Raquitine?..

Ракитинъ считалъ миссію свою оконченной. Онъ уже поклонился Еленѣ Александровнѣ, сказавъ, что онъ въ ея распоряженіи въ эти тяжелые дни, и хотѣлъ пройти въ комнату, какъ вопросъ хозяйки заставилъ остановиться его и сказать ей:

— Вѣдь больной знаетъ по часамъ, что госпожа Неволина пріѣхала. Къ чему еще предупрежденія... Напрасно вы такъ тревожитесь и тревожите госпожу Неволину!—насмѣшливо прибавилъ Ракитинъ.

— О, въ такомъ случаѣ я умываю руки!—обиженно сказала хозяйка и удалилась.

— А вещи прикажите послать въ комнату...

И обращаясь къ Неволиной, Ракитинъ прибавилъ по-русски:

— Эта дама шельма и большая охотница до представленій!.. Постучите, Елена Александровна, въ восемнадцатый номеръ... Тамъ сидѣлка...

Словно бы услыхавшая простое нелицемѣрное и неоскорбительно-обвиняющее слово, Неволина подняла на Ракитина глаза, въ которыхъ мелькнуло благодарное чувство измученнаго человѣка, и торопливо прошла къ восемнадцатому номеру.

Маленькая блѣдная рука вздрагивала, когда тихо постучала въ дверь.

XIII.

Сидѣлка открыла двери и чуть слышно, ласково шепнула:

— Онъ ждетъ васъ... Постарайтесь скрыть отъ него, что онъ такъ плохъ... Если нужно, позвоните.

И пропустивъ Неволину, вышла за двери и направилась внизъ.

Какъ ни готова была молодая женщина къ свиданію съ мужемъ и какимъ худымъ ни представляла его себѣ, но когда увидала голову мертвеца, она едва могла скрыть жалость, тоску и ужасъ, охватившія ее. И опустивъ голову, чтобы мужъ

не видалъ ея лица, съ рыданіемъ въ голосѣ, стараясь удержать слезы, проговорила, подходя къ нему:

— Вотъ и пріѣхала... И ты прости, что не могла раньше, Валерій.

И она поцѣловала его и припала къ его исхудалой рукѣ.

Въ первое мгновеніе Неволинъ не могъ говорить отъ волненія и только прерывисто и тяжело дышалъ.

— Какъ ты меня нашла... Очень измѣнился, Леля?—наконецъ, проговорилъ онъ.

— Измѣнился... Но не очень...

— Ну... Похудѣлъ... сильно... Но теперь кризисъ... Я поправляться начну...

— Еще бы...

И опять оба смолкли, точно оба не находили именно тѣхъ словъ, какія нужны и какъ нарочно не приходятъ.

Неволину казалось, что онъ счастливъ, но все-таки не такъ безконечно счастливъ, какъ долженъ быть и какъ слѣдовало, и потому онъ съ бóльшимъ чувствомъ, чѣмъ его было въ сердцѣ, проговорилъ, преувеличивая и радость, и умиленіе:

— Милая... родная Леля... Какъ я счастливъ... Ты около... Какъ я люблю тебя... Какъ я ждалъ тебя...

И словно забывая, что поцѣлуи его потрескавшихся, почернѣвшихъ губъ не могутъ доставить удовольствія даже любящему человѣку, онъ желалъ именно показать, какъ любитъ жену, и потому привлекъ ея лицо къ своему и цѣловалъ и ея лицо, и ея руку, хотя это его и стѣсняло, такъ какъ дышать ему было тяжелѣе и мучительнѣе.

И молодая здоровая женщина съ ужасомъ чувствовала, отвращеніе отъ этихъ поцѣлуевъ не смотря на жалость и невольную вину передъ умирающимъ человѣкомъ.

Въ эти мгновенія она вспомнила все... все... И любовь безъ страсти къ мужу... И ея привязанность безъ дружбы и ласки... И какъ онъ любитъ... любитъ ее и не понимаетъ запросовъ ея души и ума... И развѣ виновата она, что когда онъ заболѣлъ, его ласки были нестерпимы... Развѣ виновата она, что послѣ отъѣзда мужа встрѣтила отзывчиваго, умнаго, сильнаго духомъ и полюбила, почувствовала страсть... Настоящую, незнакомую ей раньше. И не смѣла ѣхать къ мужу... Жалѣла его... Развѣ можно было скрыть... Развѣ успокоишь больного знаніемъ, что не принадлежишь тому, кому хочешь... Пусть умретъ безъ разочарованія влюбленнаго... Пусть всѣ ее считаютъ безсердечной. Она знала, что онъ одинъ, больной и не ѣхала. И теперь ужасъ отвращенія, муки поздняго раскаянія—именно когда любитъ. Зачѣмъ, не любя выходила замужъ...

Неволинъ отвелъ губы. И жена облегченно вздохнула. Снова жалость охватила ее и слезы лились изъ ея глазъ.

— Да ты что же... плачешь?.. Садись, милая, лучше въ кресло... Дышать трудно... А я посмотрю на тебя...

Она торопливо сѣла въ кресло и, улыбаясь сквозь слезы, проговорила:

— Плачу... отъ волненія... встрѣчи...

— Милая!.. Не тревожься... Не бойся... я поправлюсь!.. И какая ты красавица, Леля! Разсказывай о себѣ, что дѣлала, кого видѣла... А мнѣ не позволяй говорить много... Это очень вредно...

— Такъ не позволяю!—попробовала пошутить молодая женщина.

— Ты не умѣешь Леля... Я тебя не слушаюсь... И мнѣ лѣкарство пора.

Въ голосѣ Неволина уже слышалось раздраженіе.

— Я тебѣ дамъ.

— Ты не знаешь...

— Такъ позвать сидѣлку?

— Да... Она знаетъ! А ты разсказывай!..

Черезъ минуту пришла сидѣлка, подала лѣкарство, поправила постель и подушки... подняла голову больного, и онъ удовлетворенно сказалъ:

— Леля... Она умѣетъ... Ну, разсказывай!

Молодая женщина стала разсказывать. Но, видимо, Неволинъ не особенно интересовался и часто закрывалъ глаза.

Тогда передъ Еленой Александровной былъ мертвецъ... И она смолкала...

— Разсказывай... Разсказывай...

Она опять говорила... И скоро мужъ заснулъ... Дыханіе было тяжелое. Изъ груди вырывался свистъ.

Молодая женщина отвела глаза и задумалась.

— Господи! — вдругъ вырвалось у нея, когда она поймала себя на мысли о томъ, что смерть мужа, счастье новой ея жизни, что теперь она только знаетъ, что значитъ любить и думаетъ о любимомъ человѣкѣ...

— Ты, Леля, о чемъ разсказывала!—вдругъ сонно промолвилъ Неволинъ, вдругъ открывая глаза...

— О... мамѣ!—отвѣчала Елена Александровна и густо покраснѣла...

— Да... Она здорова?..

— Здорова...

— А ты не позволяй мнѣ говорить, Леля...

И снова заснулъ.

XIV.

Елена Александровна притаилась въ креслѣ и часто взглядывала на мужа.

Опять передъ ней проносилось недавнее прошлое. И опять замужество ея представлялось ошибкой, ужасной ошибкой...

„Не ошибка... хуже. Поруганіе чувства... Поруганіе тѣла. Ложь... Сознательный обманъ довѣрчиваго влюбленнаго человѣка, чтобы пристроиться!“—говорила возмущенная совѣсть молодой женщины.

Она не гнала совѣсти. Не старалась скрыть отъ себя правды. Но обманывала себя оправданіями.

Напротивъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ полюбила, она точно прозрѣла всю ложь прошлой жизни и, мучительно преувеличивая свою вину, считала себя безмѣрно виноватой не за то, что любитъ другого, а за то, что вышла замужъ...

Ее не успокаивали примѣры. Вѣдь многія такъ же выходятъ замужъ и послѣ обманываютъ... живутъ и съ мужьями, и съ любовниками.

„Такъ что же. Чѣмъ она была лучше продажной женщины? Она продавалась за обезпеченную жизнь только одному—вотъ и вся разница“.

Она знала, что дѣлала. Не глупая. Въ двадцать пять понимала, что не любовь диктовала отвѣтъ на предложеніе. Не уваженіе къ чужому чувству влюбленнаго, а эгоизмъ заставилъ ввести человѣка въ заблужденіе и продолжать его... Она чувствовала, что не любитъ по настоящему, а только терпѣла и жалѣла. И женщина въ ней тогда не оскорблялась. Мужъ могъ заблуждаться, что жена его любитъ. Вѣдь онъ такъ влюбленъ въ нее. Такъ старался, чтобъ ей было лучше и дѣлалъ все, чтобъ только доставить ей удовольствіе... Онъ былъ добрый, внимательный и счастливый... А она не могла не благодарить за такую привязанность. Она не лгала, когда говорила, что привязана къ нему, но лгала, что не прибавляла, что это не любовь... Не говорила, что по временамъ тосковала, что ей хотѣлось иной жизни... иного друга съ иными запросами. И не было воли. Да и не было сильнаго желанія искать иной жизни... иной среды. Не полюби она, развѣ давно не была бы она около него?.. Или она должна была пріѣхать и лгать уже позорно...

Все существо протестовало противъ такой жертвы.

И къ чему? Къ чему?

Но что-то говорила въ ней: „должна была“!..

Молодая женщина взглянула на мертвенное лицо Неволина.

И оно, казалось, ей говорило:

„Должна была!“

Къ вечеру Неволину стало хуже. Онъ стоналъ и метался и по временамъ впадалъ въ забытье и бредилъ о томъ, что завтра встанетъ и пойдетъ гулять...

Настала ночь, чудная звѣздная ночь.

И Неволина, и сидѣлка не отходили отъ умирающаго. Казалось, ужъ онъ находился въ агоніи... Глаза безумно горѣли... Онъ громко вскрикивалъ и весь горѣлъ. Никого не узнавалъ.

И жена, и сидѣлка измучились, удерживая больного и ежеминутно вливая ему въ ротъ воду съ ложечки. Обѣ онѣ желали, чтобы Неволинъ скорѣй умеръ, и обѣ не смѣли признаться въ этомъ истинно добромъ желаніи.

Ракитинъ приносилъ Еленѣ Александровнѣ ѣсть, приносилъ чай, но она отказывалась. Отказывалась и отдохнуть.

Теперь, когда она была увѣрена, что мужъ умретъ, казалось, ей нужно было оставаться при немъ.

На разсвѣтѣ Неволинъ успокоился и дремалъ...

Задремала и Елена Александровна.

И вдругъ ея разбудилъ голосъ мужа.

— Леля!

И жена, и сидѣлка вскочили и увидѣли Неволина сидящимъ на постелѣ, лицомъ къ окну, изъ котораго врывались снопы свѣта поднимавшагося солнца...

Жена подошла къ Неволину.

— А мнѣ совсѣмъ хорошо... Поправлюсь... Ты рада? Леля?

— А то какъ-же?..

— Вѣдь ты меня любишь?.. Не ѣхала... Нельзя было... Никакъ нельзя?.. А я былъ одинъ... одинъ... И, прости, подумалъ что ты лгала въ письмахъ. Прости... Меня... Прости... Развѣ ты могла бы... Скажи?

Глаза умирающаго впились въ лицо молодой женщины! Казалось ей, что въ нихъ были и страхъ и мольба.

— Валерій... Успокойся... Я люблю тебя!

— Я такъ и зналъ... О теперь мнѣ лучше... Гораздо... Дай мнѣ чаю... Душно...

И Неволинъ тяжело вздохнулъ, рванулся къ воздуху и повалился.

На утро ужъ тѣла Неволина въ пансіонѣ не было.

Черезъ день его похоронили на прелестномъ кларанскомъ кладбищѣ и въ тотъ же день Елена Александровна уѣхала.

Въ томъ же поѣздѣ уѣхалъ и молодой англичанинъ.

К. Станюковичъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

III.

Новая роль общественной критики и перемѣна отношенія къ ней власти.—Начало сознательной общественной жизни, какъ основная черта екатерининской эпохи.— Новое отношеніе власти къ общественному мнѣнію; дифференціація элементовъ націонализма и общественной критики. — Личное отношеніе Екатерины къ критическимъ элементамъ, какъ результатъ промежуточнаго положенія ея поколѣнія между эпохами Людовика XIV и французской революціи. —Философія и политика салоновъ, ея умѣренность.—Характеръ вліянія Вольтера на Екатерину: пессимистическій взглядъ на людей и искусство управлять ими.—Первоначальный оптимизмъ Екатерины по отношенію къ идеямъ и его предѣлы: политика гармоніи «принциповъ» съ «интересами»; исключенія въ главныхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики.—Увѣренность въ личной миссіи—какъ результатъ идей вѣка, положенія и темперамента.—Личный характеръ просвѣтительной дѣятельности.—Отношеніе къ цѣльнымъ міровоззрѣніямъ русскимъ и заграничнымъ.—Беккаріа и устраненіе «разрушительныхъ аксіомъ» изъ Наказа. — Прецеденты законодательной комиссіи Екатерины и отличіе послѣдней. — Дѣйствительность, обнаруженная наказами депутатовъ. — Положеніе провинціи; противорѣчіе между сословными требованіями дворянства и стремленіями императрицы въ крестьянскомъ вопросѣ и въ уголовномъ законодательствѣ. — Роль внѣшней политики въ измѣненіи настроенія Екатерины.—Задачи императрицы и положеніе партій въ комиссіи: интеллигентное дворянство, городскіе депутаты и разночинцы.—Оппозиція дворянства противъ намѣреній императрицы и оппозиція другихъ сословій противъ дворянства приводятъ къ закрытію комиссіи.

Екатерина и Петръ—эти два имени уже современниками сопоставлялись, какъ символъ двухъ послѣдовательныхъ эпохъ русской культурной исторіи. Современники поняли также и то, что екатерининская эпоха не только была *продолженіемъ* петровской, но и составляла съ ней въ то же время рѣзкій *контрастъ*. Чтобы характеризовать этотъ контрастъ, они даже придумали яркую метафору, которая сдѣлалась общимъ мѣстомъ у писателей екатерининскаго времени: «Петръ создалъ русскимъ тѣла, а Екатерина вложила въ нихъ душу».

Разумѣется, это наблюденіе сдѣлано грубо и отражаетъ на себѣ наивную персонификацію соціальныхъ явленій, свойственную тогдашнему міровоззрѣнію. Но въ грубой формѣ здѣсь формулированъ чрезвычайно важный соціологическій фактъ, который, дѣйствительно, соста-

вляетъ главную характерную черту эпохи и уже поэтому не могъ ускользнуть отъ вниманія современниковъ. Эпоха Екатерины является эрой въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія. «Душа» новой русской общественности, дѣйствительно, начинаетъ помнить и сознавать себя съ этого времени. Именно тогда кончается доисторическій, третичный періодъ русской общественной жизни, и она принимаетъ тотъ видъ и тѣ формы, въ которыхъ извѣстна и нашему времени; старыя, допотопныя формы или окончательно вымираютъ, или, обреченныя на вымираніе, эмигрируютъ въ низшіе слои общественной атмосферы.

Мы знаемъ, что такова была въ самомъ дѣлѣ судьба стараго общественнаго самосознанія, сложившагося въ XV—XVII вв. и имѣвшаго по преимуществу націоналистическій характеръ. Отброшенное въ сторону побѣдой новой культуры, оно не сразу было замѣнено соотвѣтствующимъ новымъ сознаніемъ. Новая культура побѣдила, какъ извѣстно, прежде всего, своими техническими преимуществами, сдѣлавшими изъ нея необходимое орудіе новой государственности и неизбѣжное условіе болѣе развитой промышленной жизни. Побѣдивъ, эта культура на первыхъ же порахъ пріобрѣла симпатіи господствующаго класса, которому она дала самый удобный по своей наглядности признакъ, впервые проведшій рѣзкую внѣшнюю черту между «благородствомъ» и «подлостью». Наконецъ, опять-таки съ самаго начала, новая культура расположила въ свою пользу вліятельные классы, какъ источникъ особыхъ, доселѣ невѣдомыхъ наслажденій, матеріальныхъ, эстетическихъ и умственныхъ, начиная съ гастрономическаго обѣда и вольныхъ отношеній къ женщинѣ и кончая картами, музыкой, спектаклемъ и забавной книгой. Все это, однако, не давало еще достаточнаго матеріала для новаго, принципіально, различнаго отъ стараго, общественнаго самосознанія.

Матеріалъ этотъ дала книга, какъ только перестали искать въ ней простой забавы. Первоначально, правда, въ ней искали только правилъ для сознательнаго личнаго поведенія *). Но отъ этого перваго шага — отъ правилъ свѣтскаго обхожденія или предписаній индивидуальной морали — переходъ къ слѣдующему шагу, къ признанію важности общественной теоріи и необходимости сознательнаго общественнаго поведенія, былъ уже нечувствителенъ и совершился незамѣтно. Съ піонерами новыхъ воззрѣній мы уже знакомы. Извѣстно намъ также и то, что съ пятидесятыхъ годовъ вліяніе книжной морали и общественной теоріи перестаетъ ограничиваться отдѣльными личностями и захватываетъ цѣлый общественный кругъ - правда, еще очень ограниченный: кругъ дворянской молодежи, прошедшей высшую

---

*) См. выше, о руководствахъ «свѣтскаго житія», — назовемъ еще, чтобы исчерпать всѣ темы этого рода, книгу Бельгарда, переведенную С. Волчковымъ въ 1762 г.: «Истинный христіанинъ и честный человѣкъ».

школу. Такимъ образомъ, императрицѣ Екатеринѣ посчастливилось взойти на престолъ въ такое время, когда почва была уже расчищена для воспріятія послѣдняго слова современной европейской литературы,— для усвоенія той основной мысли, пропагандировавшейся этой литературой, что общественный строй, въ интересахъ «человѣчества», можетъ и долженъ быть перестроенъ на «разумныхъ» началахъ.

Съ этого момента роль критическихъ идей, содержавшихся въ новой петровской культурѣ, становится совершенно иною, чѣмъ прежде. Въ общемъ широкомъ и мутномъ разливѣ новой культурной жизни отъ Петра до Екатерины слабо выдѣлялись элементы, враждебные между собою въ сущности — новой критики и новой привилегированной общественной традиціи. Не размежевавшись между собою, всѣ стороны новой культуры безъ разбора принимались подъ общее покровительство государственной власти, проводившей реформу. При Екатеринѣ и въ этомъ отношеніи совершается полный переворотъ. Элементы критики выдѣляются и составляютъ основу новаго общественнаго мнѣнія, которое сознательно и рѣзко противополагаетъ себя новой культурности, монополизированной привилегированнымъ классомъ. Новая культура, какъ санкція наличнаго соціальнаго строя, оказывается, такимъ образомъ, въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ новой культурой, какъ основой сознательнаго отношенія къ жизни. Власть нѣкоторое время колеблется между этими двумя враждебными пониманіями новой культуры. Но колебанія продолжаются недолго: волей-неволей власть принимаетъ сторону соціальной силы противъ соціальнаго безсилія.

Тогда и представительство элементовъ критики переходитъ отъ власти къ интеллигентному общественному мнѣнію. Этой дифференціаціей враждебныхъ другъ другу элементовъ новой культуры кончается періодъ «оффиціальнаго торжества критическихъ элементовъ», какъ мы охарактеризовали періодъ отъ Петра до Екатерины. Русская общественная жизнь вступаетъ въ новый, еще и донынѣ не завершившійся фазисъ.

Только что указанный переломъ совершился въ русской жизни въ особенно яркихъ и рельефныхъ формахъ отчасти потому, что онъ произошелъ среди очень еще несложной обстановки, въ сравнительно ограниченномъ кругѣ людей, задѣтыхъ новой культурой; отчасти же и потому, что свое наглядное выраженіе этотъ переломъ нашелъ въ смѣнѣ настроеній самой императрицы. Сама проникнутая вначалѣ критическими идеями, Екатерина на первыхъ же порахъ убѣждается въ ихъ противорѣчіи съ существующимъ общественнымъ строемъ, который она принуждена взять подъ свою защиту. Противорѣчіе это ее не особенно безпокоитъ, потому что критическія идеи заразъ начинаютъ казаться ей и безполезными для практической жизни, и безсильными противъ русской дѣйствительности. Французская революція открываетъ ей глаза и

заставляетъ ее вступить въ борьбу съ мечтами своей юности, какъ дѣйствительно опасными для дальнѣйшаго существованія тѣхъ явленій жизни (прежде всего, крѣпостнаго права), противъ которыхъ протестовала критика. Въ этомъ признаніи критическихъ идей не просто лишними, но опасными для окружавшей дѣйствительности—заключается ихъ гражданское крещеніе. Съ этого момента начинается непрерывная традиція русской общественной критической мысли.

Превратившись изъ союзника въ принципіальнаго противника критическихъ элементовъ, власть, по самому духу времени, уже не могла ограничиться простой матеріальной, физической борьбой противъ этихъ элементовъ. Съ идеей нужно было бороться во имя идеи; нужно было найти принципіальную основу для положительной, а не отрицательной только программы дѣйствій. Эта основа найдена была, какъ скоро увидимъ, въ идеализаціи прошлаго. Считать эту идеализацію простымъ возстановленіемъ связи съ національнымъ самосознаніемъ XVI—XVII в. нѣтъ никакой возможности. Продукты того стараго національнаго самосознанія навсегда отсѣчены были отъ дальнѣйшаго историческаго процесса Никономъ и Петромъ: они кристаллизовались въ расколѣ. Такимъ образомъ, идеализація прошлаго въ екатерининское время оказывается совершенно новымъ явленіемъ, не опирающимся ни на какую традицію прошлаго. Напротивъ, пока жива была эта старая традиція, пока прошлое было слишкомъ близко, никакая идеализація его не была возможна (см. «Міръ Божій, іюнь»). Только *забвеніе* прошлаго могло лечь въ основу его *литературной* реставраціи. Мы увидимъ, что такая реставрація шла въ началѣ рука объ руку съ работой критической мысли и даже служила однимъ изъ ея пріемовъ. Только по мѣрѣ того, какъ критическая мысль отбрасывалась въ оппозицію, литературная идеализація прошлаго начинала служить матеріаломъ для охранительной политической теоріи. Такимъ образомъ, охранительная идеологія, такъ же какъ оппозиціонная, ведетъ свою непрерывную традицію отъ екатерининскаго времени. Для современнаго національзма, какъ для современнаго общественнаго мнѣнія—екатерининская эпоха служитъ эрой, съ которой тотъ и другое считаютъ свое сознательное существованіе.

Уже изъ сказаннаго видно, что, если Екатерина, можетъ быть, и не вложила самолично «души» въ матеріальное тѣло петровской новой культуры, то все же въ исторіи этой души ей принадлежитъ очень большая роль. Екатерина, увлекающаяся критическими идеями, Екатерина охлажденная, Екатерина враждебная имъ—всѣ эти метаморфозы собственнаго настроенія императрицы тѣсно сплетаются съ первыми шагами сознательной общественной жизни въ Россіи. Чтобы разобраться, какъ слѣдуетъ, въ томъ и другомъ, необходимо слѣдить оба теченія параллельно.

Прежде всего, сдѣлаемъ нѣсколько хронологическихъ справокъ.

По своимъ годамъ, Екатерина (р. 1729) заняла въ Россіи среднее положеніе между двумя поколѣніями: елизаветинскимъ, которое родилось во второмъ десятилѣтіи XVIII в. и учебные годы котораго совпали приблизительно съ открытіемъ Шляхетскаго корпуса (1732), и молодымъ поколѣніемъ, родившимся уже при Елизаветѣ и подросшимъ къ собственному воцаренію Екатерины: учебные годы этого послѣдняго поколѣнія совпадаютъ съ открытіемъ Московскаго университета (1755). Оба поколѣнія намъ уже отчасти извѣстны. Первое—насколько оно вообще жило культурной жизнью—жило идеями и вкусами эпохи Людовика XIV; интересы его были по преимуществу литературно-эстетическіе. Второе поколѣніе начало думать и чувствовать какъ разъ тогда, когда въ Европѣ совершился крутой переломъ настроенія, ознаменовавшій переходъ къ революціонной эпохѣ. Поколѣніе Екатерины—среднее между обоими. Оно выростаетъ въ тотъ промежутокъ сравнительно неопредѣленнаго общественнаго настроенія, когда переходъ отъ Людовика XIV къ революціи только назрѣвалъ въ лучшихъ умахъ и даже ими самими не былъ еще вполнѣ сознанъ. Литература и поэзія уже уступили мѣсто «философіи» и политикѣ, но новыя философскія и политическія идеи еще не были доведены до своихъ крайнихъ логическихъ послѣдствій. Руссо и Дидро, Гельвецій и Гольбахъ,—словомъ всѣ тѣ, кто поднялъ выше ноту общественнаго и философскаго протеста, еще не появлялись или не завоевали себѣ вниманія просвѣщенныхъ круговъ. Вольтеръ еще занятъ былъ по премуществу литературой. Въ философіи удовлетворялъ общему настроенію деизмъ, въ политикѣ конституціонализмъ: но достаточно вспомнить что представителями того и другаго были Вольтеръ и Монтескьё, чтобы видѣть, что и эти ученія не представлялись въ формѣ строгой, законченной доктрины. Никакой доктрины и не потерпѣла бы та общественная среда, въ которой распространялись модныя идеи модныхъ философовъ и политиковъ. Мысль проникала въ эту среду—свѣтскихъ аристократическихъ салоновъ—исключительно въ формѣ фривольной шутки, достаточно серьезной, чтобы имѣть видъ теоретической защиты разсѣянной свѣтской жизни отъ «педантизма» всевозможныхъ цѣльныхъ доктринъ и системъ,—и настолько все-таки легкой, чтобы не затруднять ума даже такихъ дамъ, которыя съ печатными книгами были знакомы только по молитвеннику.

Нуженъ былъ громадный литературный талантъ Вольтера и Монтескьё, въ соединеніи съ страстностью перваго и глубокомысліемъ второго, чтобы въ такія тѣсныя рамки втиснуть контрабанду новаго міровоззрѣнія. Но и при этихъ условіяхъ, новые взгляды могли найти благосклонный пріемъ, лишь сильно урѣзанные и, сознательно или безсознательно, искаженные по шаблону той самой соціальной среды, для которой предназначались. Литература позволяла себѣ потрясать лишь тѣ основы, которыя и безъ того были расшатаны въ этой средѣ. Под-

капывая силу однихъ предразсудковъ, уцѣлѣвшихъ отъ прошлаго, модные писатели слишкомъ часто искали себѣ поддержки въ союзѣ съ другими предразсудками, еще болѣе сильными, и такимъ образомъ «кадили Люциферу, чтобы избавиться отъ Вельзевула», по остроумному выраженію Даламбера. Теоретикъ политическихъ формъ (Монтескьё) платонически восхищался «республикой» грековъ и римлянъ, не предвидя возможности встрѣтиться съ нею въ современной ему Европѣ, и такъ же платонически металъ свои стрѣлы противъ «деспотизма», отводя ему мѣсто исключительно въ Азіи. У себя дома онъ былъ доволенъ сословной монархіей, ограниченной привилегіями дворянства. Для того же дворянства, для верхнихъ «двухъ—трехъ тысячъ», оттачивалъ свои сарказмы проповѣдникъ терпимости (Вольтеръ), откровенно предпочитавшій фривольное вольнодумство знати убѣжденному фанатизму буржуазіи и янсенистскому «педантизму» парламентовъ. Человѣчество для него дѣлилось на «чернь» и «порядочныхъ людей», canaille и honnêtes gens,—дѣленіе очень похожее на наши русскіе «подлость» и «благородство». Свою миссію онъ сознательно ограничивалъ «хорошей компаніей». «Довольно съ насъ, если всѣ порядочные люди будутъ презирать суевѣріе». «Народъ всегда останется глупъ и невѣжественъ: это скотъ, которому нужно лишь ярмо, кнутъ да сѣно». Союзникомъ въ борьбѣ противъ духовенства и парламентовъ должна быть королевская власть. Необходимо убѣдить правительство, что «философы»—естественные союзники «королей» и дѣлаютъ съ ними одно и то же дѣло.

Тѣ, кто говоритъ о позднѣйшей «измѣнѣ» Екатерины либеральнымъ взглядамъ ея молодости, не должны забывать, что эти взгляды были впервые усвоены ею въ этой смягченной, ни къ чему не обязывавшей формѣ. «Измѣна» была притомъ же обыкновеннымъ житейскимъ дѣломъ для первыхъ провозвѣстниковъ «философскихъ» идей. Безпрестанно отказывавшійся отъ собственныхъ сочиненій, при каждой ссорѣ съ церковью спѣшившій исповѣдаться и причаститься, льстившій королямъ, папѣ и іезуитамъ, систематически сочинявшій мадригалы королевскимъ любовницамъ, вынудившій, наконецъ, на смертномъ одрѣ у собственнаго секретаря, протестанта и масона, послѣ двадцати-четырехлѣтней совмѣстной жизни, недоумѣнный вопросъ: во что же онъ, наконецъ, вѣритъ,—Вольтеръ не могъ быть особенно строгимъ учителемъ въ вопросахъ совѣсти. Не трудно догадаться даже, что именно это отсутствіе строгости и сдѣлало Екатерину «ученицей» Вольтера въ наукѣ «здраваго смысла» и житейскаго благоразумія. Что наука Вольтера была собственно другая, а здравый смыслъ былъ въ ней только орудіемъ и методомъ,—на это императрица какъ-то не обратила особаго вниманія. Она знала, конечно, что говоря съ Вольтеромъ, надо было почаще упоминать о терпимости и порицать суевѣріе. Но эти лозунги, опасные для ихъ защитниковъ въ странѣ католицизма,—въ петровской Россіи разумѣлись сами собой (ср. выше): здѣсь гораздо труд-

нѣе было бы защищать нетерпимость и традиціонную вѣру. Такимъ образомъ, послѣ пятнадцатилѣтней переписки императрица все еще не совсѣмъ ясно понимала, съ кѣмъ она имѣла дѣло; смерть Вольтера лишила ее только «божества смѣха». Пораженная началомъ французской революціи, Екатерина упорно ставитъ революціонерамъ въ укоръ своего «учителя», такъ мило, такъ весело и беззаботно умѣвшаго шутить съ серьезными вещами въ хорошей компаніи: не безтактно ли было со стороны этихъ «сапожниковъ и башмачниковъ» вынести пикантные разговоры своихъ «лучшихъ писателей» изъ салона на улицу? И только убѣжденная, наконецъ, неумолимой логикой событій въ тожествѣ слова и дѣла, Екатерина велитъ вынести бюстъ своего «учителя» — послѣдній по очереди — изъ галлереи Эрмитажа.

Характеръ письменныхъ сношеній Екатерины съ Вольтеромъ ничѣмъ не предвѣщалъ такого плачевнаго конца. Это были отношенія самыя прочныя и ровныя, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ были основаны на разсчетѣ. У семидесятилѣтняго философа и тридцатипятилѣтней дебютантки оказалось слишкомъ достаточно жизненнаго опыта и разочарованій въ прошломъ, чтобы не питать взаимныхъ иллюзій и съ полуслова понять, что каждому нужно отъ другого. Въ интимной перепискѣ съ Даламберомъ Вольтеръ признавалъ, что «философіи не приходится особенно хвалиться такими ученицами», какъ «прекрасная Като». Но, что дѣлать, покровительство императрицы поднимало его престижъ въ Европѣ, и Вольтеръ безъ зазрѣнія совѣсти возвеличиваетъ Екатерину надъ Солономъ и Ликургомъ, превозноситъ ея душу и умъ, восторгается ея мудрыми законами и блестящими празднествами, даже воспѣваетъ ея ручки и ножки. Съ своей стороны, и Екатерина приходитъ въ страхъ при мысли, что Вольтеръ можетъ поймать ее на словѣ и пріѣхать къ ней въ гости въ Россію; она спѣшитъ увѣрить его, что «Като хороша только издали». Но изъ этого прекраснаго далека она искусно эксплуатируетъ перо Вольтера для оффиціозныхъ сообщеній по адресу Европы. Балансъ выгодъ скорѣе былъ на сторонѣ императрицы, чѣмъ на сторонѣ писателя.

Труднѣе рѣшить, была ли Екатерина *съ самаго начала* своей карьеры такимъ политикомъ въ своихъ отношеніяхъ къ представителямъ критическихъ идей? Косвенный отвѣтъ на это можно, правда, найти въ томъ обстоятельствѣ, что она вообще очень рано сдѣлалась политикомъ. Припомнимъ ея признанія въ «Мемуарахъ», что еще великой княгиней она поставила себѣ за правило за всѣми ухаживать, чтобы въ каждомъ имѣть союзника на случай нужды. Но именно къ Вольтеру ея отношеніе нѣсколько иное, такъ какъ ему она обязана отчасти и самымъ этимъ правиломъ. Прежде чѣмъ ей пришлось искать въ Вольтерѣ союзника, она нашла въ немъ учителя въ искусствѣ нравиться. На этомъ развился и ея интересъ къ серьезному чтенію. Въ Вольтерѣ и Тацитѣ ее увлекли, прежде всего, уроки эмпирической

психологіи, совпадавшей съ ея собственными наблюденіями надъ мотивами человѣческихъ поступковъ. «Я начала видѣть вещи въ болѣе мрачномъ свѣтѣ и научилась искать для всего, что проходило передъ моими глазами, болѣе глубокихъ объясненій въ различіи интересовъ». Такъ резюмируетъ сама императрица практическій итогъ своего серьезнаго чтенія. Изъ ироніи Вольтера и Тацита она, очевидно, вывела мораль Ларошфуко.

Несомнѣнно, Екатерина разумѣла именно это и была совершенно искренна, когда признавала, что Вольтеръ научилъ ее читать и думать и имѣлъ на нее огромное вліяніе въ періодъ, когда формировался ея умъ и характеръ. Вотъ почему въ свои отношенія къ Вольтеру—и только къ нему одному—она внесла на первыхъ порахъ робость и нерѣшительность ученицы и серьезно искала его одобренія. Только получивъ это одобреніе слишкомъ легко и незаслуженно, она поняла ему цѣну. Это былъ для нея первый урокъ презрѣнія къ «философіи» и философамъ. «Учитель» послѣ того пересталъ импонировать; но король европейскаго общественнаго мнѣнія и «забавникъ»—сохранилъ симпатіи императрицы.

Вопросъ о вліяніи на Екатерину самыхъ идей «просвѣтительной» философіи ея времени гораздо сложнѣе вопроса о ея личныхъ отношеніяхъ къ «философамъ». Несомнѣнно, прежде всего, что ранній пессимизмъ по отношенію къ людямъ у нея долгое время совмѣщается съ оптимизмомъ по отношенію къ идеямъ. Почему, извѣрившись въ людей, Екатерина продолжаетъ вѣрить въ идеи,—это намъ предстоитъ объяснить; но фактъ тотъ, что она въ нихъ, дѣйствительно, вѣритъ и готова сообразовать съ ними свое поведеніе. Возражать на это ссылкой на самый ранній примѣръ противорѣчія между «принципами» и поведеніемъ Екатерины,—на ея двусмысленное положеніе между Вольтеромъ и православной религіей, было бы совершенно неосновательно. Въ этомъ случаѣ противорѣчіе «интереса» съ принципами всего легче разрѣшалось самой усвоенной ею философіей. Развѣ не была самая перемѣна вѣры доказательствомъ свободы отъ «суевѣрія», въ которомъ погрязъ старый протестантъ, отецъ Екатерины? И развѣ не утверждалъ съ другой стороны самъ Вольтеръ, что всякій владѣлецъ пяти или шестисотъ крестьянъ долженъ признать необходимость религіи вѣчныхъ мукъ и воздаяній за гробомъ? Очевидно, учитель и ученица вполнѣ сходились въ оцѣнкѣ какъ соціальнаго значенія религіи, такъ и того, что на языкѣ Екатерины называлось «momeries».

Въ дѣлахъ государственнаго управленія было, конечно, не такъ легко привести въ гармонію «принципы» съ «интересами». Историки Екатерины обратили вниманіе на сентенцію въ словарѣ Бейля, которая, по ихъ соображеніямъ, должна была запасть въ душу будущей императрицѣ: «правила государственнаго искусства противоположны строгой честности». Изъ собственныхъ набросковъ Екатерины, когда

она была еще великой княгиней, мы знаемъ, однако, что съ этой сентенціей Екатерина не хотѣла мириться и поставила себѣ прямою цѣлью— примирить честность съ политикой. Средство для этого она нашла въ той идеѣ, что быть честнымъ — всего лучше для собственной выгоды государя. Идея о выгодности хорошихъ принциповъ проходитъ красной нитью въ этихъ интересныхъ замѣткахъ, рисующихъ намъ великую княгиню со всѣми ея сильными и слабыми сторонами, совершенно тѣми же, какія характеризуютъ впослѣдствіи императрицу. Тутъ находимъ въ совершенно отчетливой, сознательной формѣ и всѣ правила будущаго царствованія. Государь долженъ, по мнѣнію Екатерины въ этихъ замѣткахъ, дѣлать благодѣянія и любить истину, такъ какъ это «сдѣлаетъ его пріятнымъ для Бога и людей». Онъ долженъ заботиться о славѣ страны, потому что это его собственная слава. Онъ долженъ сдѣлать вельможъ и приближенныхъ довольными и богатыми, потому что отъ этого зависитъ его собственное величіе. Онъ долженъ открыто заявлять свои цѣли, «если правда и разумъ на его сторонѣ», такъ какъ эти резоны, навѣрное, «возьмутъ верхъ въ глазахъ толпы». Онъ долженъ заранѣе разгласить о законѣ, который собирается издать, и послѣ прислушаться къ общественнымъ толкамъ по этому поводу, чтобы законъ вышелъ удаченъ и не пришлось его отмѣнять. Придворныхъ надо заставить *изъ лести* говорить правду, сдѣлавъ ее выгодной, такъ какъ иначе государь рискуетъ быть обманутымъ: самое унизительное положеніе, какое только можетъ себѣ представить Екатерина.

Нельзя, однако, съ выбранной точки зрѣнія отрицать одного: *возможности*, что «принципы» съ «интересами» разойдутся и понадобится правило Бейля. Тѣ же наброски карандашомъ предвидятъ два такихъ случая, какъ разъ тѣ самые, въ которыхъ Екатерину всего строже осудило потомство. Въ одномъ изъ нихъ, въ главномъ вопросѣ своей внутренней политики, Екатерина уже тогда ясно понимала всю трудность своего положенія, но еще надѣялась на возможность компромисса. «Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать людей (которые всѣ родятся свободными) рабами. Соборъ освободилъ въ Германіи, Франціи, Испаніи и т. д. всѣхъ крестьянъ (прежде бывшихъ крѣпостными). Устроить подобный же крутой переворотъ было бы плохимъ способомъ заслужить любовь землевладѣльцевъ, которые полны упорства и предразсудковъ («къ тому же,—признается Екатерина,—хотя я и освободилась отъ предразсудковъ и обладаю складомъ ума отъ природы философскимъ, но чувствую, однако, сильную склонность уважать древнія фамиліи»). Но вотъ легкое (Екатерина еще мало знакома съ юриспруденціей) средство: постановить, что при всякой продажѣ помѣстья новому владѣльцу рабы объявляются свободными. Въ сто лѣтъ всѣ или бо̀льшая часть земель мѣняютъ владѣльцевъ: вотъ, народъ и свободенъ».

Въ другомъ затруднительномъ случаѣ — изъ области внѣшней политики, Екатерина, очевидно, скорѣе готова склониться въ сторону «интересовъ». «Говорятъ, что во всякомъ дѣлѣ бываетъ два возможныхъ исхода: справедливый или несправедливый; обыкновенно, выгода склоняетъ къ несправедливости. Въ курляндскомъ вопросѣ справедливость требовала отдать дѣтямъ Бирона то, что далъ имъ Богъ и природа. Если же хотѣли соблюсти выгоду, слѣдовало (конечно, несправедливо) оставить Курляндію за собой, отнять ее у Польши и присоединить къ Россіи. Кто бы могъ угадать, что найдется еще третій способъ: сдѣлать несправедливость безъ всякой выгоды? Курляндію отдали саксонскому принцу и тѣмъ усилили короля польскаго... Неужели, спрашивается, могущественный сосѣдъ выгоднѣе для Россіи, чѣмъ счастливая анархія, въ которой находится Польша и благодаря которой мы въ ней хозяйничаемъ, какъ хотимъ?.. Если ужъ хочешь быть несправедливымъ, такъ надо извлечь изъ этого выгоду».

Итакъ, вѣра въ «приложимость» общихъ принциповъ къ жизни основывалась у Екатерины на убѣжденіи, что, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, приложеніе хорошихъ принциповъ—выгодно. Екатерина отдавалась идейному руководству, по ея собственному выраженію въ тѣхъ же набросках, «съ открытыми глазами» и подъ условіемъ, что это идейное руководство не только не противорѣчитъ, а, напротивъ, совпадаетъ съ ея личными «интересами». Не совпадетъ оно—и Екатерина заранѣе высказываетъ готовность отъ него отказаться. Такимъ образомъ, если трезвость въ отношеніяхъ къ идеямъ и измѣняла Екатеринѣ, то, во всякомъ случаѣ, не на этомъ пунктѣ, не въ разсчетѣ выгоды,— а въ вопросѣ объ «осуществимости» идеи, предполагая ее полезной.

Во взглядѣ на осуществимость идеи Екатерина оказывалась дочерью своего времени, фанатикомъ своего положенія и жертвой своего темперамента. Мысль о всемогуществѣ мудраго законодателя была одной изъ основныхъ аксіомъ просвѣтительнаго вѣка. Но у Екатерины эта мысль была не простою данью времени. Она неразрывно связана у ней съ увѣренностью во всемогуществѣ русскаго государя. «Что можетъ противиться безграничной власти абсолютнаго монарха, управляющаго воинственнымъ народомъ», спрашиваетъ она въ тѣхъ же набросках великой княгини. Съ этой идеей Екатерина пріѣхала въ Россію, съ нею она сознательно и терпѣливо пробивала себѣ путь къ престолу. Дойдя до цѣли, она смѣло положила руку на механизмъ, издалека манившій своей громадностью ея славолюбіе и властолюбіе.

Она надѣялась проводить на этомъ мѣстѣ «хорошіе и вѣрные принципы». Чтобы провести ихъ, ей нужно именно *это* мѣсто. Но на такомъ мѣстѣ такіе принципы могла осуществить лишь «натура одаренная отъ природы полезными дарованіями»; другой былъ бы только

«смѣшонъ» тамъ, гдѣ подобная натура могла бы себѣ составить «блестящую карьеру». Мы цитируемъ здѣсь все тѣ же летучіе наброски: Екатерина уже при Елизаветѣ только себя считаетъ достойной носительницей великихъ идей на высокомъ мѣстѣ. Вѣра въ силу идеи и въ безграничное могущество положенія, въ свою очередь, неразрывно связана у пей съ вѣрой въ себя: въ собственной психологіи она почерпнетъ то, чего не хватитъ въ другихъ источникахъ вѣры.

Французскій посланникъ Лопиталь еще при Елизаветѣ находилъ, что у Екатерины «горячая голова». Можно бы было подчеркнуть: именно «голова», а не «сердце», воображеніе, а не чувство. Екатерина, повидимому, и сама была совершенно согласна съ этимъ опредѣленіемъ своей «преобладающей способности». Разъ въ ея присутствіи зашелъ разговоръ, чѣмъ бы могла она быть, если бы была частнымъ человѣкомъ и мужчиной. Дипломаты наперерывъ прочили ее, кто въ министры, кто въ полководцы. Императрица рѣшила: «Всѣ вы ошибаетесь; я знаю свою горячую голову; я бы всѣмъ рискнула для славы и въ чинѣ поручика въ первую же кампанію не снесла бы головы». Вмѣсто всѣхъ достоинствъ, которыми надѣлялъ ее Гриммъ въ 1774 году, Екатерина признала за собой одно, благодаря которому она «чего-нибудь стоитъ»: «умѣнье страшно хотѣть того, чего она хочетъ». «Нужно быть твердой въ своихъ рѣшеніяхъ,—говоритъ она въ другой разъ,—лучше сдѣлать дурно, чѣмъ мѣнять мнѣніе: нерѣшительны бываютъ только дураки».

Нельзя сказать, чтобы Екатерина не сознавала опасности такого темперамента въ правителѣ. «Удача для ума то же, что молодость для темперамента,—замѣчаетъ она въ тѣхъ же набросках:—она приводитъ въ дѣйствіе всѣ страсти. Счастливъ, кто не допуститъ себя увлечься этимъ потокомъ». Въ послѣднихъ словахъ слышится какъ бы опасеніе — весьма основательное, какъ показало время, — что сама Екатерина въ такомъ положеніи не сумѣетъ сдержаться. Но она знаетъ свои слабыя стороны и, какъ политикъ, прежде всего, и изъ нихъ хочетъ извлечь выгоду, разъ невозможно ихъ уничтожить. Увлеченіе неизбѣжно, но увлеченіе есть тоже сила. За недостаткомъ подлинной силы, самоувѣренность можетъ ее до нѣкоторой степени замѣнить. «Могу поздравить себя съ началомъ популярности»,—записываетъ она при Елизаветѣ.—«Я не должна, конечно, ей довѣрять, несмотря на внѣшніе знаки; но это не помѣшаетъ мнѣ дѣйствовать такъ, какъ будто бы я была въ ней увѣрена. Меня хвалятъ лишь тогда и постольку, поскольку недовольны великимъ княземъ; я слишкомъ еще молода, чтобы меня любили; но я должна дѣйствовать такъ, какъ будто бы вѣрила, что меня любятъ». Мы видимъ: тутъ полная програма политики, почерпающей силу изъ внѣшняго вида успѣха.

При такой сложности натуры Екатерины, очевидно, очень трудно различить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ кончается у ней убѣж-

деніе и начинается политика. Всего вѣрнѣе будетъ, можетъ быть, принять, что политика у нея вездѣ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ пружинами ея политики служатъ убѣжденія, которыя она считаетъ вѣрными и выгодными.

Во всякомъ случаѣ, эту политику Екатерина будетъ примѣнять сама, своимъ умомъ и по собственной иниціативѣ. Въ дѣлѣ, которое должно было послужить пьедесталомъ для ея славы, Екатерина не признаетъ предшественниковъ и сотрудниковъ. Она — вторая только послѣ «перваго» Петра; но въ *своемъ* дѣлѣ она первая и единственная. Она пишетъ въ своемъ Наказѣ эти рискованныя слова, такъ усердно цитировавшіяся депутатами коммиссіи: «Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю». Еще ярче это настроеніе Екатерины подчеркивается современной аллегорической гравюрой по поводу изданія Наказа. Въ центрѣ картины, на возвышеніи, стоитъ Екатерина въ спокойной, увѣренной позѣ, совсѣмъ не напоминающей того «курцъ-галопа», которымъ, по шутливому выраженію ея «Записокъ», она должна была выступать въ первые годы царствованія между охлаждающимъ скептицизмомъ Панина и бурными поощреніями Григорія Орлова. Мѣсто обоихъ по сторонамъ Екатерины заняли въ аллегоріи Минерва и юный Марсъ, попирающій пятой закованнаго въ цѣпи врага. Подъ ногами императрицы копошится народъ: море головъ, жаждущихъ взглянуть на Екатерину, смотрящихъ на нее съ выраженіемъ любви и надежды, спѣшащихъ запечатлѣть въ памяти золотыя строки раскрытаго передъ ними Наказа. Въ сторонѣ, надъ тѣмъ же моремъ головъ поднимается пирамида, на которой «блаженство каждаго и всѣхъ» датировано 1766 годомъ и которая увѣнчивается императорской короной *). Въ сравненіи съ этой пирамидой статуя какого-то древняго законодателя, стоящаго на вершинѣ колонны позади пирамиды, кажется совсѣмъ маленькой. Наконецъ, сверху, въ облакахъ дыма, крылатая фигура славы уже спѣшитъ разнести по свѣту благую вѣсть о новой эрѣ «блаженства всѣхъ и каждаго», датированной 1766 годомъ.

Основная идея аллегоріи ясна. Екатеринѣ «посчастливилось найти хорошіе и вѣрные принципы», но эти принципы осуществятся, потому что Екатерина ихъ проводитъ. И если ей придется впослѣдствіи признаться, что принципы остались неосуществленными, она ни минуты не подумаетъ усомниться въ принципахъ или въ собственной силѣ осуществить ихъ. По крайней мѣрѣ, она въ этомъ никогда не признается открыто и сложитъ вину на другихъ. «Мое честолюбіе не было дурно, но, быть можетъ, я слишкомъ много взяла на себя, повѣривъ, что люди могутъ сдѣлаться разумными, справедливыми и счастливыми».

---

*) Эта эмблема изображена была и на жетонахъ, розданныхъ депутатамъ.

Одного только Екатерина не могла допустить: что люди могутъ сдѣлаться разумны, справедливы и счастливы по какой-нибудь другой системѣ, исключая ея собственной, и особенно по такой системѣ, которая допускаетъ возможность для нихъ достигнуть этой цѣли своими собственными средствами. Реформаторская роль Екатерины представлялась ей по существу своему совершенно личной. Это опредѣлило и ея отношеніе ко всѣмъ современнымъ ей системамъ, исходившимъ изъ принципа самодѣятельности. Такихъ системъ было двѣ въ Россіи во время Екатерины. Обѣ онѣ обозначились достаточно ясно уже въ настроеніи молодого поколѣнія, выросшаго ко времени воцаренія императрицы. Одна была извѣстная намъ теорія *естественнаго права*, которая скоро могла справлять полувѣковой юбилей не только существованія, но непрерывнаго академическаго преподаванія въ Россіи. Со времени Гросса, учившаго естественному праву Кантемира въ Академическомъ университетѣ, рядъ поколѣній слушалъ эту науку у Пфлуга въ Шляхетскомъ корпусѣ, у Дильтея и Лангера въ Московскомъ университетѣ. Но человѣкъ изъ «порядочнаго общества» не обязанъ былъ «прочесть всѣ книги и прилежно учиться всему, чему учатъ въ школахъ»: съ него было довольно «природнаго здраваго смысла». Мы сейчасъ увидимъ, какъ отнеслась Екатерина къ теоріи естественнаго права, на примѣрѣ Беккаріа. Отношеніе ея къ другой системѣ принципіальныхъ взглядовъ, явившейся въ Россіи позднѣе, но тоже до нея и независимо отъ нея, къ религіозно-нравственному міросозерцанію *масонства*, было еще болѣе отрицательнымъ и поверхностнымъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Если на первыхъ же порахъ не вышло никакихъ рѣзкихъ столкновеній между императрицей и представителями обоихъ цѣльныхъ воззрѣній, то лишь потому, что сами эти представители въ первомъ поколѣніи оказались не такими яркими и послѣдовательными, какъ того требовалъ смыслъ ихъ теорій. Мы знакомы уже немного съ литературнымъ дебютомъ этой молодежи, перешедшей отъ естественнаго права къ масонству. Скоро мы встрѣтимся съ нею опять и поймемъ, почему она такъ быстро и безслѣдно сошла съ общественной арены.

Мы поймемъ теперь и то, какъ должна была отнестись Екатерина къ знаменитому сопернику Вольтера,—къ Руссо, господствовавшему обновленной имъ системой общественнаго договора въ тогдашней наукѣ естественнаго права. Для любимаго персонажа XVIII вѣка, мудраго законодателя, въ этой системѣ былъ оставленъ слишкомъ тѣсный уголокъ. На личныя сношенія съ несимпатичнымъ философомъ Екатерина не рѣшилась, а отъ приглашенія Григорія Орлова—поселиться въ его помѣстьи, нелюдимый мыслитель отказался. Тѣмъ и кончились отношенія его къ Россіи. За то горячему поклоннику «великаго человѣка, благодѣтельствующаго человѣчеству, которое его гонитъ»,—юристу Беккаріа выпалъ на долю громкій успѣхъ въ Россіи.

На этомъ эпизодѣ надо остановиться нѣсколько подробнѣе. Книжка Беккаріа появилась какъ разъ въ то время, когда Екатерина компилировала свой Наказъ: изъ ея источниковъ это былъ едва ли не единственный, въ которомъ Екатерина могла уловить ноты, совершенно чуждыя салонной корректности его любимыхъ руководителей. Но Беккаріа былъ усерднымъ почитателемъ одного изъ нихъ (Монтескье); онъ нуженъ былъ Екатеринѣ, такъ какъ у него она могла заимствовать характеристику будущаго гуманнаго суда. Тѣмъ любопытнѣе слѣдить, съ какой тщательностью устранены изъ заимствованнаго текста всѣ черты, которыя ставятъ Беккаріа въ ряды поклонниковъ Руссо. Читая Наказъ, никакъ нельзя догадаться, что тутъ не хватаетъ основного нерва всѣхъ разсужденій Беккаріа. По его теоріи общественнаго договора, этимъ договоромъ ограждаетъ себя обыкновенно меньшинство отъ большинства, и нужны вѣка страданій и бѣдствій, чтобы договоръ могъ быть перестроенъ въ пользу обдѣленнаго большинства. Мыслитель, опережая свой вѣкъ, открываетъ этотъ коренной недостатокъ закона, состоящій въ его покровительствѣ привилегированному меньшинству; просвѣщенный государь можетъ услышать голосъ мыслителя, воспользоваться своей силой въ интересахъ большинства и тѣмъ предвосхитить результатъ естественнаго историческаго развитія. «Мы предоставляемъ обыкновенно развитіе важнѣйшихъ постановленій или просто теченію времени, или же благоусмотрѣнію тѣхъ именно лицъ которыя возстаютъ противъ введенія мудрыхъ законовъ. Послѣдніе имѣютъ цѣлью, по самому существу своему, сдѣлать благоденствіе всеобщимъ, тогда какъ меньшинство стремится къ тому, чтобы удержать полное могущество и блаженство за собою, не удѣливъ другимъ ничего, кромѣ безсилія и нищеты. Поэтому, только перейдя черезъ тысячи ошибокъ въ задачахъ, разрѣшающихъ самыя существенныя условія жизни и свободы, послѣ утомительныхъ страданій, порожденныхъ зломъ, дошедшимъ до крайности, мы приступаемъ къ исправленію гнетущихъ насъ безпорядковъ; только тогда начинаемъ мы сознавать тѣ осязательныя истины, которыя, именно по своей простотѣ, ускользаютъ отъ вниманія людей недоразвитыхъ... Откроемъ книгу исторіи, и мы увидимъ, что законы, которые въ сущности составляютъ и должны составлять не что иное, какъ договоръ свободныхъ лицъ, всегда были или орудіемъ страстей немногихъ, или же являлись результатомъ случайной и мимолетной необходимости. Они вовсе не были плодомъ спокойнаго изслѣдованія человѣческой природы, стремящейся къ тому, чтобы мы сознали, что задача нашей жизни есть предоставленіе высшаго благосостоянія наибольшему числу людей. Счастливы тѣ немногія государства, которыя не ожидали, чтобы медленное движеніе взаимныхъ общечеловѣческихъ отношеній и превратностей жизни повлекло за собой сначала господство зла, а потомъ уже и постепенное развитіе добра, но ускоряли мудрыми законами

водвореніе добра; и всеобщаго уваженія заслуживаетъ философъ, имѣвшій дерзость изъ глубины своего незамѣтнаго и даже пренебрегаемаго кабинета бросить въ массу людей первыя сѣмена полезной истины, которыя долго еще будутъ оставаться безплодными».

Оказалось не трудно превратить эту пламенную рѣчь о вѣковыхъ препятствіяхъ къ сознательной общественной жизни въ безобидное «блаженство всѣхъ и каждаго», декретируемое немедленно. Нужно было только отбросить исходныя точки и основные принципы разсужденія Беккаріа, затушевать его конкретныя историческія наблюденія, и мы получимъ исправленный текстъ екатерининскаго Наказа. Вотъ какъ производилось это исправленіе (Екатериной или ея совѣтниками?):

Наказъ.	Беккаріа.
Право давать законы о наказаніяхъ имѣетъ только одинъ законодатель, какъ представляющій въ своей особѣ все общество соединенное и содержащій всю власть въ своихъ рукахъ.	Право установлять эти законы принадлежитъ исключительно законодателю, представляющему собою все общество, связанное взаимнымъ договоромъ.
Беззаконныя предпріятія противу жизни и вольности гражданина суть изъ числа самыхъ великихъ преступленій: и подъ симъ именемъ заключаются не только смертоубійства, учиненныя людьми изъ народа; но и того же рода насилія, сдѣланныя особами, какого бы происшествія и достоинства они ни были.	Къ этому роду преступленій (покушеніе на безопасность и свободу гражданъ) относится не только убійство и кража, совершаемыя простонародьемъ, но также совершаемыя вельможами и судьями, вліяніе которыхъ дѣйствуетъ на большемъ пространствѣ и съ большею силою, разрушая между подданными всѣ понятія о справедливости и долгѣ, и поставляя на ихъ мѣсто право сильнаго...

Нѣтъ свободы тамъ, гдѣ законы дозволяютъ, чтобы человѣкъ переcталъ быть, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, лицомъ и превратился бы въ вещь: въ такомъ случаѣ сильные люди употребили бы все свое пронырство, чтобы изъ множества гражданскихъ отношеній извлечь только тѣ, которыя установлены закономъ въ ихъ пользу. Достигнуть этой цѣли, значитъ открыть волшебный жезлъ, превращающій гражданъ во вьючныхъ скотовъ; въ рукахъ сильнаго этотъ жезлъ есть цѣпь, сковывающая дѣйствія людей слабыхъ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ государствахъ, пользующихся, повидимому, полною свободой, скрывается господство силы, или же она врывается непредвидѣнно въ какой-нибудь забытый законодателемъ уголокъ, гдѣ незамѣтно развивается... Привилегіи дворянъ составляютъ большую часть законовъ въ разныхъ государствахъ. Я здѣсь не буду разбирать, полезно ли для правительства это наслѣдственное раздѣленіе дворянства и народа и необходимо ли оно въ монархіи: правда ли, что дворянство составляетъ среднюю власть, ограничивающую злоупотребленія двухъ крайнихъ (все это мнѣнія Монтескье)... Если даже справедливо, что неравенство неизбѣжно для общества, то справедливо ли, чтобы оно выражалось въ различіи группъ, а не отдѣльныхъ личностей; чтобы оно сосредоточивалось въ одной части государства, а не пронизывало его насквозь, чтобы оно безпрерывно продолжалось, а не рождалось и уничтожалось поминутно *)?

*) Эту точку зрѣнія открыто защищали въ засѣданіяхъ Екатерининской комиссіи нѣкоторые депутаты (особенно городской дерптскій—Урсинусъ).

Можетъ быть, это и были тѣ axiomes à renverser les murailles *), которыя вычеркнуты совѣтниками Екатерины изъ окончательной редакціи Наказа. Наша домашняя теорія естественнаго права уже освоилась съ этими жгучими темами и давала на нихъ болѣе или менѣе невинные отвѣты. Упоминавшееся выше руководство Золотницкаго, напр. совершенно спокойно разсуждало о «домовомъ подданствѣ» «совершенномъ» и «несовершенномъ», легко находя первому «мѣсто въ самомъ натуральномъ состояніи» и колеблясь только относительно второго, которое, какъ будто, «въ натуральномъ состояніи изъ начала простого общества не явствуетъ, по причинѣ всѣмъ свойственнаго общаго равенства». Но и общее равенство не мѣшало выводить изъ «натуральнаго состоянія» происхожденіе сословныхъ привилегій. «Хотя всѣ люди въ натуральномъ состояніи между собой равны, однако, не всѣ достойны равнаго мнѣнія, чести и похвалы. Ибо равными только для того называются, что имѣютъ одни права и обязательства, но не всякъ имѣетъ тѣ совершенства, отъ которыхъ достоинство мнѣнія, чести и похвалы зависитъ».

Въ предполагавшемся собраніи депутатовъ всѣ эти деликатные вопросы, поставленные жизнью, но замалчиваемые политикой и школьной теоріей, должны были выплыть наружу. Но безъ собранія депутатовъ нельзя было обойтись. Екатерина, только что считавшая необходимымъ разглашать «на рынкахъ» проекты законовъ, претендовавшихъ на долговѣчность; Екатерина, читавшая у Беккаріа, что «счастливо было бы человѣчество, если бы съ перваго разу ему были предписаны законы монархами, которыхъ мы теперь видимъ на престолахъ Европы» и что при этомъ «конечно, былъ бы выслушанъ всегда откровенный голосъ народа», заглушаемый второстепенными чиновниками, «болѣе жестокими, потому что менѣе обезпечены» (мысль объ этомъ «средостѣніи» особенно понравилась императрицѣ, см. Наказъ); эта Екатерина не могла остаться позади своихъ предшественниковъ, поддерживавшихъ традицію XVII вѣка: вызывать для составленія Уложенія депутатовъ отъ разныхъ сословій. Безконечныя комиссіи, тщетно рѣшали всю первую половину вѣка эту непосильную задачу. Послѣдняя изъ нихъ (1754), послѣ безплодныхъ усилій—заставить работать на себя канцеляріи присутственныхъ мѣстъ—сама пришла (1761) къ мысли подкрѣпить себя, «по примѣру прежде сочиненнаго въ 1649 году Уложенія», выборными отъ дворянъ и купцовъ. Въ первой половинѣ вѣка всѣ попытки этого рода (1722, 1728, 1720) потерпѣли неудачу: вмѣсто «добрыхъ и знающихъ людей» провинція посылала въ Петербургъ старыхъ и увѣчныхъ,—отчасти потому, что формально относилась къ требованіямъ правительства и смотрѣла на посылку депутатовъ, какъ на досадную повинность, отчасти же потому, что подходящихъ лю-

*) Отзывъ Н. И. Панина о Наказѣ.

дей и не было среди помѣщиковъ, оставшихся жить въ своихъ деревняхъ (см. выше). Въ срединѣ вѣка провинціальное общество все еще не сложилось: оно появилось лишь въ результатѣ сословныхъ успѣховъ въ вѣкъ Екатерины. Но въ провинцію все-таки чаще стали заглядывать офицеры, побывавшіе заграницей (въ Семилѣтнюю войну), поучившіеся въ школѣ. Кромѣ столичныхъ модъ и вольныхъ нравовъ, они завозили съ собой иной разъ и печатную книжку, и темы для «ученыхъ и важныхъ разговоровъ» о поэзіи, о литературѣ, словомъ, о болѣе или менѣе отвлеченныхъ предметахъ. Назначая въ 1761 г. выборы, депутатовъ въ коммиссію 1754 года сенатъ счелъ возможнымъ заговорить съ провинціальными избирателями совершенно необычнымъ до тѣхъ поръ языкомъ: работа надъ уложеніемъ не есть повинность, а общественный долгъ. «Какъ сочиненіе Уложенія для управленія всего государства весьма нужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ; и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать». Сенатъ надѣется, что избранные не только не откажутся, но охотно понесутъ «всѣ затрудненія и убытки», и не для того только, чтобы «получить награжденіе за излишніе труды», но и «чая незабвенную въ будущіе роды о себѣ оставить память». Это—языкъ Екатерининской коммиссіи.

Приглашенные Елизаветой депутаты начали работать уже при Екатеринѣ: къ двумъ составленнымъ канцелярскимъ путемъ (1755) главамъ законопроекта (судебные и уголовные законы: послѣдніе, по преданію, поразили Елизавету своей жестокостью и удержали ее отъ подписанія проекта) они прибавили третью—о правахъ сословій, во многомъ сходную съ депутатскими наказами и съ выработанными Екатерининской коммиссіей законопроектами о сословіяхъ. Теперь, эти депутаты и коммиссія должны были уступить мѣсто Екатерининскимъ.

Такимъ образомъ, и цѣль (кодификація), и средство (участіе выборныхъ), и даже общее направленіе работы (реформа уголовнаго законодательства въ гуманномъ и сословнаго въ дворянскомъ духѣ)—все это Екатерина получила готовымъ отъ своей предшественницы. Если, тѣмъ не менѣе, она говорила и думала, что затѣваетъ нѣчто, совершенно новое и до сихъ поръ небывалое, то это нельзя объяснять *только* какъ сознательный обманъ изъ самолюбія или какъ добросовѣстное заблужденіе по незнанію прецедентовъ, намъ теперь лучше извѣстныхъ. Екатерина могла дѣйствительно утверждать, что открываетъ совершенно новый путь, и не потому, что она провозглашала, «блаженство всѣхъ и каждаго», какъ высшую задачу законодательства: такого рода утвержденія можно, пожалуй, услыхать и отъ власти, собиравшей земскіе соборы XVII вѣка (и тогда выборные отъ всей земли должны были разсказать «всякія ихъ нужды и тѣсноты... и размышляти ко всему добру, чтобы всѣ люди государства жили въ покоѣ и въ радости»); но свое законодательство она впервые хотѣла

основать на сознательной теоріи, на той «истинѣ», которая «свѣтитъ какъ молнія среди продолжительной и мрачной ночи, удручающей людей», по счастливому выраженію Беккаріа. Каковы бы ни были личные мотивы молодой государыни, искала ли она «любви» или «славы» въ «довѣріи народа»,—мы можемъ повѣрить, что ея сердце билось сильнѣе, когда у того же Беккаріа она читала эти строки: «слово мудреца слишкомъ слабо, чтобы противостоять гвалту и крикамъ людей, руководимыхъ слѣпою привычкой... (но) если бы истина могла, несмотря на безконечныя препятствія, которыя удаляютъ ее отъ монарха, даже противъ его воли,—достигнуть до его престола, онъ долженъ понять, что она высказываетъ ему тайныя желанія всего народа; онъ долженъ понять что слава его заглушитъ кровавую славу завоевателей и что справедливое потомство поставитъ его выше миролюбивыхъ Титовъ, Антониновъ и Траяновъ». «Слово мудреца» дошло до престола Екатерины; до него дойдутъ и «тайныя желанія народа». Екатерина была права; это было «не дурное честолюбіе»: поставить пирамиду своего законодательства выше траяновой колонны.

Наказы, привезенные съ собой депутатами изъ провинціи, свели Екатерину съ ея неба на землю. На этой землѣ она все прочнѣе укрѣплялась, по мѣрѣ того, какъ развертывалась передъ ней поставленная ею пьеса. Прошло немного времени, и Наказъ началъ ей представляться «болтовней»; этой болтовнѣ она предпочитала трезвое, дѣловое содержаніе «Учрежденія о губерніяхъ». Какую роль сыграли въ этомъ переворотѣ депутатскіе Наказы и дѣятельность созванной Екатериной коммиссіи?

Перечитывая эти наказы теперь, мы можемъ сами видѣть, что они развернули передъ Екатериной, дѣйствительно, ужасающую картину. Созывая свою Комиссію, она знала людей, но еще не знала Россіи. Россію заслонялъ отъ нея небольшой кругъ молодого дворянства, болѣе или менѣе проникнутаго или способнаго проникнуться тѣми же теоріями и идеями, какими увлеклась императрица. Въ провинціи люди изъ этого интеллигентнаго круга были случайными гостями. Выбравъ своими депутатами тѣхъ изъ нихъ, которые не попали въ число депутатовъ отъ центральныхъ учрежденій, провинція замаскировала нѣсколько свои естественные взгляды и вкусы, но не могла замаскировать ихъ надолго. Въ наказахъ и преніяхъ украшенія постепенно отпали и выступила на первый планъ неприкрашенная дѣйствительность. Было бы нелѣпо утверждать, что съ теоріей эта дѣйствительность ничего общаго не имѣла: при всѣхъ своихъ недостаткахъ, политическая теорія XVIII вѣка была все-таки достаточно тонка и гибка, чтобы не спасовать передъ объясненіемъ русской дѣйствительности. Законодатель-практикъ, прочитавшій всѣ депутатскіе наказы, не могъ бы написать лучшей и болѣе близкой къ жизни страницы, чѣмъ та страница Беккаріа (см. выше), которую, именно, въ виду этой чрезмѣрной близости, при-

шлось выкинуть изъ Наказа. Но серьезное приложеніе *такой* теоріи къ практикѣ, требовало гораздо большей ломки, чѣмъ могла предполагать императрица на основаніи своего знакомства съ придворнымъ кругомъ русскаго дворянства. Съ *этимъ* кругомъ можно было спокойно говорить о самыхъ страшныхъ вещахъ: мы видѣли, что здѣсь сумѣли, не обижая себя, примирить передовыя теоріи естественнаго права съ явленіями русской дѣйствительности. Другое дѣло, когда самая эта дѣйствительность заговорила отъ своего лица. Тутъ уже не было мѣста компромиссу; нужно было рѣшаться на выборъ: и выборъ, по условіямъ времени, не могъ быть сомнителенъ.

Что же сказала и обнаружила эта Комиссія, дѣйствительно, молніей среди ночи, освѣтившая современную дѣйствительность и начавшая собой эру, если не «блаженства всѣхъ и каждаго», то сознательной общественной жизни въ Россіи?

Наказы показали, прежде всего, что всѣ государственные и общественные успѣхи, достигнутые Россіей въ теченіе вѣковъ, ограничиваются поверхностью и что въ своей глубинѣ эта жизнь недалеко ушла отъ той картины, которую мы видѣли въ памфлетѣ Ивашки Пересвѣтова. До деревни не дошелъ еще ни судъ, ни администрація: учрежденныя правительствомъ судебныя и административныя власти въ нее не проникаютъ, и населеніе, безъ различія сословій, остается безъ всякой защиты закона. За отсутствіемъ этой защиты, борьба сильнаго и слабаго ведется здѣсь въ формахъ, свойственныхъ самому примитивному обществу. «Сколько ни предписано законовъ, съ угроженіемъ наижесточайшихъ штрафовъ, но вкоренившаяся междоусобная наглость и самовольство не истребляются, что главнѣйшее зло обществу; ибо сильный безсильнаго, богатый небогатаго, *кто съ кого сможетъ, тотъ того и разоряетъ*». «Слабый сильному всегда лучше уступить, нежели начать продолжительное и для себя разорительное дѣло». Подобныя замѣчанія не разъ попадаются въ наказахъ. Противъ этого «главнѣйшаго зла» и направленъ единодушный вопль, который несется изъ провинціи въ наказахъ. Провинція жаждетъ получить, прежде всего, судъ и управленіе, *близкое* къ населенію и доступное для него. Избиратели хлопочутъ, чтобы имъ дали возможность у себя дома совершать и свидѣтельствовать всяческіе документы гражданскаго права, размежевывать своими, мѣстными геодезистами спорныя земли и находить у себя подъ бокомъ, въ ближайшемъ городѣ, нужныя справки въ правительственныхъ документахъ, хранившихся до сихъ поръ исключительно въ центральномъ вотчинномъ архивѣ. Оно добивается, чтобы мелкія сельскія ссоры о потравахъ, порубкахъ и всевозможныхъ захватахъ можно было рѣшать сокращеннымъ словеснымъ судомъ, съ примѣненіемъ немедленнаго слѣдствія на мѣстѣ, по живымъ слѣдамъ, такъ какъ, по странному юридическому недоразумѣнію, петровская «форма суда» передвинула судебное слѣдствіе къ концу процесса,— послѣ судебнаго разбирательства.

Населеніе хочетъ также у себя дома учиться, лечиться, пользоваться кредитомъ: оно требуетъ устройства провинціальныхъ школъ, банковъ, аптекъ и докторовъ. Потомъ, почти столь же единодушно, но все-таки на второмъ мѣстѣ сравнительно съ главной насущной потребностью въ близкомъ судѣ и власти,—дворянскіе наказы требуютъ, чтобы этотъ судъ и управленіе были устроены на началахъ *дворянскаго выборнаго самоуправленія*. Предлагаемыя дворянствомъ формы расходятся между собой; одни желаютъ товарища воеводы сдѣлать выборнымъ, другіе—возобновить для этого должность петровскаго ландрихтера или создать новую должность «опекуна»; третьи хотятъ сохранить выбраннаго для баллотированія депутатовъ «предводителя»; четвертые предлагаютъ раздѣлить провинцію на земскіе участки и назначить въ каждомъ «земскихъ судей» съ административно-судебными полномочіями. Одинъ наказъ вспоминаетъ даже губныя учрежденія Грознаго. Собранія дворянъ, для выбора и контроля выборныхъ, для содѣйствія уголовному слѣдствію и преслѣдованію, предполагаются сами собою. Въ нѣкоторыхъ наказахъ дальше этого и не идетъ дворянское классовое самосознаніе. Но чаще встрѣчаемъ признаки того, что уже и провинціальное дворянство, вслѣдъ за столичнымъ, начинаетъ сознавать свое привилегированное положеніе и проникаться корпоративнымъ сословнымъ духомъ. Прежде всего родовое дворянство настойчиво стремится замкнуться отъ новаго чиновнаго дворянства петровской табели. Старшая братья не хочетъ признавать дворянства по чину, а лишь по диплому (т.-е монаршему пожалованію); она особенно негодуетъ на то, что новые пришельцы «дѣлаютъ дворянству великій подрывъ въ покупкѣ деревень», и набиваютъ цѣну. Помимо разсчета выгоды, тутъ однако говоритъ и новая въ дворянствѣ чувствительность къ вопросамъ сословной части. Если нѣкоторые избиратели хлопочутъ, по старому обычаю, о денежныхъ штрафахъ за дворянское «безчестье», то другіе уже протестуютъ: «дворянство честь свою съ деньгами равнятъ не могутъ». Дворяне считаютъ унизительнымъ сидѣть въ одной комнатѣ съ «подлыми» и требуютъ отвода особыхъ помѣщеній для себя въ правительственныхъ канцеляріяхъ. Во имя того же чувства они протестуютъ противъ осмотровъ на заставахъ, противъ обысковъ и арестовъ въ собственныхъ усадьбахъ. Въ связи съ тѣмъ же сословнымъ духомъ развивается понятіе о почетности и обязательности общественной службы, особенно выборной. Если одни наказы заранѣе хлопочутъ о казенномъ жалованьѣ для будущихъ выборныхъ судей, то другіе прямо объявляютъ: «какъ предводитель, такъ и судьи должны служить обществу изъ одного любочестія и для общественной пользы»; въ выборную должность избираются дворяне «не въ службу, но потому только, что всякій сынъ отечества должность сію для общей пользы и покоя исполнить не отречется (см. выше указъ сената 1761)». Правда, это пониманіе дѣла, очевидно, внушается сверху: «не

смотря на чинъ и званіе,—повторяетъ одинъ наказъ,—каждый, почитая за необходимость, какъ патріотъ отечества, служить опредѣленное время для общества долженъ,—*такъ какъ въ нынѣшнемъ манифестѣ о выборѣ предводителя и депутата предписано*».

Гораздо охотнѣе дворянство стремится «отличить» себя отъ прочихъ сословій—расширеніемъ старыхъ привилегій и дарованіемъ новыхъ. Не въ примѣръ другимъ, оно требуетъ освобожденія отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій въ передачѣ владѣльческихъ правъ на крестьянъ и земли, которыя еще уцѣлѣли отъ старой московской регламентаціи службы; оно желаетъ получить полную свободу завѣщанія, которое, однако, съ точки зрѣнія тогдашняго естественнаго права, «едва можетъ почитаться натуральнымъ способомъ переношенія своего владѣнія къ другому». Дворяне хотятъ также освободить свою собственность отъ податей и обязательствъ, наложенныхъ новымъ петровскимъ законодательствомъ (ограниченіе правъ на лѣса, минеральныя богатства, винокуреніе; налогъ на бани). Особенно же настойчиво хлопочутъ они о запрещеніи другимъ сословіямъ владѣть крѣпостными и о закрѣпленіи за ними самими ихъ крѣпостныхъ новыми строгими мѣрами. Штрафъ за пріемъ бѣглыхъ долженъ быть увеличенъ съ 10 до 100 или 200 рублей; правительство должно облегчить преслѣдованіе бѣглыхъ или даже взять его на себя; должно зачитать въ рекруты потерянныхъ и сосланныхъ помѣщикомъ крестьянъ.

Мы видѣли, что Екатерина еще великой княгиней готова была пойти на компромиссъ съ рабовладѣльцами въ крестьянскомъ вопросѣ и предвидѣла ихъ сопротивленіе. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ и перепискѣ (съ И. П. Елагинымъ, Д. А. Голицынымъ) она окончательно утвердилась на мысли, что собственность полезна и даже необходима для экономическаго развитія страны, но что дать крестьянамъ свободу и собственность сразу, общимъ закономъ, нельзя—не только на земляхъ помѣщиковъ, которымъ надо предоставить въ этомъ отношеніи полную свободу, но даже и на дворцовыхъ земляхъ, гдѣ общая реформа тоже будетъ небезопасна для помѣщиковъ. Дѣло свелось, на первый разъ, къ подготовкѣ, маленькаго опыта на землѣ Григорія Орлова, гдѣ «собственность и свобода» должны были осуществиться въ видѣ наслѣдственной аренды за опредѣленныя повинности, по образцу остзейскихъ крестьянъ;—и даже въ этомъ видѣ остались въ проектѣ; къ скромному запросу по адресу вновь учрежденнаго Вольнаго Экономическаго Общества: въ чемъ именно, въ движимости или въ недвижимости должна состоять крестьянская собственность; и, наконецъ, къ нѣсколькимъ робкимъ выпискамъ изъ Монтескье, наполовину вычеркнутымъ изъ Наказа до его изданія—объ огражденіи личности и собственности крестьянъ отъ произвола и насилія владѣльцевъ. Прежде однако же, чѣмъ подоспѣли отвѣты на тему, поставленную Экономическимъ Обществомъ нѣсколько смѣлѣе Екатерининскаго вопроса, Екатерина должна

была убѣдиться, что самые разговоры о какихъ бы то ни было перемѣнахъ считаются опасными и что, вмѣсто компромисса, дворянство требуетъ безусловнаго и торжественнаго подтвержденія своихъ владѣльческихъ правъ. Наказы заявляли, что «люди и крестьяне нынѣ помѣщикамъ своимъ послушаніе по нѣскольку уменьшаютъ», что «многіе, а особливо въ ночное время, въ домахъ своихъ не бываютъ, а укрываютъ себя въ неизвѣстныхъ никому мѣстахъ», или «страха ради по полугоду и болѣе находятся въ городахъ», такъ какъ бѣглые крѣпостные, «кого изъ тѣхъ помѣщиковъ въ домахъ своихъ застанутъ, мучатъ злодѣйски, жгутъ огнемъ, рѣжутъ и на части разрубаютъ, а домы ихъ выжигаютъ» *). Въ виду этого дворяне «всеподданнѣйше просили, дабы въ сохраненіе древняго узаконенія дворянскіе люди и крестьяне въ подлежащемъ повиновеніи, яко своимъ господамъ, были, и о томъ въ нынѣ сочиняемомъ проектѣ новаго уложенія подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная древле помѣщицкая власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлется, безотмѣнно какъ донынѣ была, такъ и впредь будетъ». Тѣ 500 крестьянскихъ прошеній, которыя Екатерина привезла съ собой изъ путешествія по Волгѣ въ Москву, къ самому открытію засѣданій Коммиссіи, были слишкомъ краснорѣчивою иллюстраціей къ свѣдѣніямъ наказовъ. Знаменитая нервная реплика Екатерины поэту Сумарокову («и бываютъ (т. е. помѣщики) отчасти зарѣзаны отъ своихъ» и т. д.) доказываетъ, что императрица отнюдь не представляла уже себѣ деревенскаго сожительства сословій въ видѣ счастливой идилліи. Но практическимъ результатомъ этого яснаго пониманія дѣла на первый разъ оказалось лишь запрещеніе крестьянамъ жаловаться и военныя экзекуціи. Мы знаемъ, что Екатерина не любила колебаній въ политикѣ.

Другимъ тяжелымъ ударомъ, который дѣйствительность нанесла гуманнымъ намѣреніямъ императрицы, было отношеніе наказовъ къ ея попыткамъ смягчить уголовную процедуру. Уже въ 1763 г. Екатерина поспѣшила распорядиться, чтобы въ случаѣ сознанія преступника судьи не пытали его (для открытія сообщниковъ или другихъ преступленій, въ которыхъ онъ не обвинялся) и чтобы вообще чиновники мелкихъ городовъ («приписныхъ») не прибѣгали къ пыткамъ. Изъ Новгородскаго, изъ Бѣлозерскаго, изъ Опочецкаго, изъ Чухломскаго уѣзда раздались въ отвѣтъ на это—требованія, чтобы пытать по старому, и заявленія, что «избѣжать не можно, дабы не узаконить жесточайшихъ и безпощадныхъ истязаній». Алатырское дворянство поясняло императрицѣ, что только «просвѣщенный и политизованный народъ» можетъ сознаваться безъ пытки, «а россійскій народъ, когда который сдѣлается злодѣемъ, то уже такое окаменѣнное сердце и духъ

*) О настроеніи крестьянъ послѣ манифеста Петра III о вольности дворянства см. очерки, I, 214 (4 изд.).

сугубый имѣетъ, что не только священнику, но и въ розыску, когда его пытаютъ, правды не скажутъ». И полуграмотное данковское дворянство коснѣющимъ языкомъ лепетало вслѣдъ за другими: «а вслучаехъ по законамъ Ея императорскаго величества о судившихъ наказания публичнаго кнутомъ і смертные казни благоволено было чинить встрах другимъ втехъ местахъ, где кто какое злодѣйство учинили, въ селахъ и деревняхъ... чтобъ всѣ въ сотнѣ и приходѣ на ту экзекуцію къ тому дню сходились и всѣ неотмѣнно были во объявленное мѣсто для усмотрѣнія преступниковъ и злодѣевъ наказанія и казни... чтобъ лутче можно чрезъ тотъ страхъ искоренить беззаконныхъ злодѣевъ... что можетъ страхъ и слухъ зараженнымъ въ сердцахъ преступникомъ находится въ глазахъ ихъ быть можетъ наказаніе ихъ понятно каждому»...

Увы на этотъ разъ крики русской провинціи должны были напомнить Екатеринѣ первоначальный текстъ Беккаріа, смягченный ею въ § 208 ея Наказа: «На очерствѣлыя души народа, едва вышедшаго изъ дикаго состоянія, нужно дѣйствовать впечатлѣніями болѣе сильными и чувствительными; нуженъ ударъ грома, чтобы поразить льва, ибо выстрѣлъ изъ ружья можетъ только раздражить его; но по мѣрѣ развитія народа *въ условіяхъ общежитія* возрастаетъ и впечатлительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна ослабиться строгость наказаній». Призванная къ отвѣту, императрица могла бы тутъ отвѣтить только то, что она отвѣтила Сумарокову на его замѣчаніе, что «нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ»: «и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи». Такъ, самъ собой возникалъ вопросъ, что отъ чего зависитъ; перемѣна «условій общежитія» отъ развитія «благородныхъ чувствій», или, наоборотъ, развитіе «чувствій» отъ перемѣны «нынѣшняго состоянія». Екатерина пока оставалась при либеральномъ мнѣніи: «тѣла» надо освободить прежде «душъ».

Наша характеристика положенія, опредѣлившаго участь Комиссіи объ Уложеніи, была бы неполна, если бы мы вовсе обошли молчаніемъ ту область дѣйствій Екатерины, въ которой ей было легче рѣшиться на выборъ между «интересомъ» и «справедливостью». Я разумѣю сферу внѣшней политики.

Какъ извѣстно, пути внутренней и внѣшней политики Екатерины пересѣклись. Комиссія была закрыта (или точнѣе отсрочена), потому что началась первая турецкая война, поглотившая все вниманіе императрицы. Въ новой сферѣ дѣятельности вкусы и стремленія Екатерины нашли болѣе легкое и благодарное примѣненіе. Слава завоевательницы оказалась менѣе тернистой, чѣмъ законодательные лавры, и видъ силы здѣсь было легче сдѣлать источникомъ силы. Вотъ почему царствованіе, начавшееся демонстративнымъ торжествомъ критическихъ идей, повернуло, затѣмъ, на путь блестящей національной политики.

На первый взглядъ, и здѣсь Екатерина лишь примыкала къ пред-

шествовавшей традиція, завершая задачи, поставленныя еще московской политикой XV вѣка. Цѣли, дѣйствительно, были тѣ же. До поразительнаго сходны были отчасти и средства: я разумѣю поддержку въ Польшѣ православной партіи, достаточно слабой, чтобы она не могла держаться собственными средствами и служила постояннымъ предлогомъ къ русскому вмѣшательству. Казалось, Екатеринѣ самъ собой свалился плодъ, созрѣвшій вѣками. Въ дѣйствительности это было совсѣмъ не такъ. Изслѣдователи все настойчивѣе начинаютъ утверждать, что Екатерина протянула руку къ плоду еще несозрѣвшему и, благодаря этому, оторвала лишь часть вмѣсто цѣлаго. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что ея личное вліяніе во внѣшней политикѣ сказалось очень сильно и что главный результатъ его былъ—ускореніе темпа событій, создавшее очень неблагопріятную обстановку для рѣшенія поднятыхъ вопросовъ. «Горячая голова» сказалась и здѣсь. Осторожности и медленности—двухъ главныхъ чертъ старой московской политики, совсѣмъ не было въ политикѣ Екатерины.

Напомнимъ, для большей наглядности, быструю смѣну событій, въ предѣлахъ интересующаго насъ теперь промежутка времени. Екатерина дебютируетъ въ политикѣ мирными намѣреніями. Въ нихъ уже таится будущая воинственная программа, такъ какъ очень скоро обнаруживается, что поддержаніе мира есть въ глазахъ Европы новая цѣль самостоятельной русской политики, разрывающая съ системой старыхъ союзовъ и начинающая новую эру въ международномъ положеніи Россіи. Екатерина втягивается, затѣмъ, стихійно въ колею старой московской политики, но первые, слишкомъ легкіе успѣхи отуманиваютъ ей голову. Достигнутыя черезчуръ неразборчивыми средствами побѣды въ вопросѣ о диссидентахъ ставятъ въ затрудненіе само правительство: оно не можетъ удержаться на занятой позиціи, лицемъ къ лицу съ встревоженными или злорадствующими державами и національнымъ возбужденіемъ въ Польшѣ, раздраженной русской безцеремонностью. «Сила наша все можетъ,—такъ характеризуетъ это положеніе самъ исполнитель русской политики, кн. Репнинъ, изъ Варшавы,—но не только тѣмъ не утвердимъ повѣренность націи къ намъ и нашу здѣсь инфлюенцію, но, напротивъ, совсѣмъ оныя разрушимъ, оставя въ сердцахъ рану всѣхъ резонабельныхъ и достойныхъ людей, которые одни только и могутъ черезъ свой разсудокъ націей предводительствовать... Таковое мнѣніе произведетъ, натурально, крайнюю недовѣрку и сильно слѣдственно будетъ препятствовать къ собранію намъ, въ независимую ни отъ кого, кромѣ насъ, партію, надежныхъ и достойныхъ людей, на коихъ бы мы характеръ и на ихъ въ народѣ инфлюенцію полагаться могли. Если же нашу партію соберемъ изъ людей, кои почтенія въ націи не имѣютъ, то они намъ болѣе будутъ въ тягость, нежели въ пользу, не имѣя никакого кредита: и тако принуждены будемъ все дѣлать единственно силою. Изъ сего же произойдетъ, что

при первомъ случаѣ, при коемъ аттенція наша или силы отвращены будутъ въ другую сторону, то Польша, по безсилію только снося строгость нашего ига, тѣмъ воспользоваться захочетъ, дабы онаго избавиться... Изъясняя сіе, осмѣлюсь предложить, что наши интересы, на время какого-либо замѣшательства съ Портой, требуютъ, чтобы мы заранѣе въ Польшѣ внутренній порядокъ установили, дабы при надобности можно намъ было ей дать ту силу, которую заблагоразсудимъ... а иначе она намъ полезна быть не можетъ».

Послѣдствія осужденной Репнинымъ политики не замедлили сказаться. Замѣшательства въ Польшѣ склонили турокъ къ объявленію войны, которую Россія предвидѣла, но тщетно старалась предупредить и должна была вести, не приготовившись, какъ слѣдуетъ. Екатерина не унывала: недостатокъ войскъ она восполнила знаменитымъ напоминаніемъ Румянцеву: «не спрашивали римляне, въ какомъ числѣ противъ нихъ непріятель, но гдѣ онъ». Румянцевъ оказался на высотѣ задачи: Ларга и Кагулъ выручили императрицу и оправдали претензіи русскихъ дипломатовъ. Но это были эффекты минуты, а годы проходили, и русскія войска, несмотря на блестящее начало, не могли двинуться отъ Дуная вглубь страны: не выручала и римская доблесть. Несмотря на это, предъявленныя нами къ Турціи требованія были очень высоки, и, вопреки собственному желанію заключить миръ, Порта тянула войну. Наконецъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Екатерина принуждена была пополнить итоги войны вознагражденіемъ отъ Польши и для этого пригласить къ участію въ дѣлежѣ другія сосѣднія державы. Такимъ образомъ, результатомъ злоупотребленія русской силой въ Польшѣ оказалась поспѣшная ликвидація польскаго вопроса европейскимъ концертомъ.

Ко времени открытія засѣданій коммиссіи объ Уложеніи, лѣтомъ 1767 года, о такомъ вынужденномъ исходѣ русскихъ дипломатическихъ побѣдъ въ Польшѣ никто еще не думалъ. Европа, казалось, преклонилась передъ неожиданнымъ откровеніемъ русскаго могущества. Внутри государства положеніе императрицы тоже окрѣпло. Послѣ крушенія брачнаго проекта Орловыхъ, вызвавшаго раздраженіе противъ нихъ въ средѣ гвардейскаго офицерства, Григорій Орловъ не могъ уже импонировать Екатеринѣ своимъ вліяніемъ на круги, возведшіе ее на престолъ. Претензіи Панина на власть были ловко устранены его приближеніемъ,—какъ Екатерина впослѣдствіи готова была посовѣтовать Людовику XVI поступить съ Лафайетомъ. Репутація просвѣщенной законодательницы, о которой мечтала Екатерина, была заранѣе обезпечена ей Вольтеромъ. Наконецъ, «довѣріе и любовь народа», которую Екатерина разсчитывала пріобрѣсти вниманіемъ къ «народному благу» и «справедливостью», оказывались традиціонной принадлежностью высокаго званія, которое она носила: Екатерина не знала сердиться ей или умиляться, когда во время путешествія деревенскія

бабы ставили передъ ней свѣчи, крестились и клали земные поклоны. Словомъ, значительная часть внѣшнихъ побужденій къ мудрому законодательству отпала какъ разъ къ тому времени, когда легкій успѣхъ началъ отвлекать вниманіе императрицы къ дѣламъ внѣшней политики. Дѣйствія Комиссіи открывались при этомъ новомъ настроеніи, очень не похожемъ на то, когда эта Комиссія была затѣяна.

Комиссія оказалась громоздкой, сложной и трудно управляемой машиной. Она дѣлала очень серьезное дѣло, и дѣлала его очень солидно; но это было не совсѣмъ то дѣло, для котораго прочила ее императрица. Настроеніе собранія оказалось очень дѣловое, и уровень дѣловой подготовки, пониманія собственныхъ интересовъ обнаружился очень высокій. Но за то идеологія была рѣдкимъ исключеніемъ среди членовъ. И однако же, вывести отсюда, какъ вывелъ сынъ маршала Комиссіи, Бибикова, что «умы большей части депутатовъ не были еще къ тому приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному ихъ дѣлу», было бы совершенно несправедливо. Краткая характеристика споровъ и взглядовъ собранія намъ это покажетъ.

Первое, что насъ интересуетъ, когда мы раскрываемъ обстоятельные протоколы засѣданій Комиссіи,—это та роль, которую играла дворянская интеллигенція въ ея дѣятельности. Мы встрѣчаемъ, дѣйствительно, въ составѣ членовъ Комиссіи почти всѣ тѣ имена, съ которыми, семью годами раньше, мы встрѣтились на страницахъ первыхъ русскихъ журналовъ. Но насъ ждетъ большое разочарованіе: въ Комиссіи первая роль принадлежитъ совсѣмъ не этому цвѣту дворянской молодежи. Она держится крайне сдержанно, говоритъ рѣдко, въ принципіальныхъ вопросахъ бо́льшею частью молчитъ и какъ бы систематически избѣгаетъ высказываться. Ближайшее объясненіе можно искать въ томъ, что, занимая часто высокія придворныя и правительственныя должности, дворянская интеллигенція чувствуетъ себя въ Комиссіи, какъ дома, и уступаетъ мѣсто гостямъ. Но тутъ есть и другой оттѣнокъ. Столичные дѣятели, видимо, лучше посвящены въ закулисную исторію Комиссіи, выступаютъ, только когда это нужно по какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ, и предоставляютъ провинціаламъ вести горячія принципіальныя пренія, отъ которыхъ все равно не ждутъ важныхъ практическихъ послѣдствій. Бываютъ, однако же, случаи, когда и они считаютъ нужнымъ высказаться и даже снисходятъ до полемики съ рядовыми членами собранія. Въ такихъ случаяхъ представители перваго русскаго интеллигентнаго поколѣнія разочаровываютъ насъ еще болѣе. Если они высказываютъ либеральныя мысли, почти всегда можно предположить, что они хотятъ быть угодными императрицѣ, или прямо исполняютъ ея секретное порученіе. Если же они говорятъ отъ себя, то ихъ рѣчи почти всегда сводятся къ осторожной защитѣ дворянскихъ притязаній во всей ихъ широтѣ. Время, очевидно, успѣло охладить

ихъ порывы: мы узнаемъ здѣсь поколѣніе, занимавшееся журналистикой для собственной забавы (см. предыдущій очеркъ) и внесшее въ отвлеченную теорію естественнаго права практическія поправки. Мы начинаемъ понимать, почему поколѣніе пятидесятыхъ годовъ не записало своихъ именъ въ исторіи русской общественности и совершенно исчезло изъ памяти потомства. Чтобы найти ихъ имена, надо перерыть словарь Новикова, записку Дмитревскаго: но и тамъ мы узнáемъ только, что всѣ эти камеръ-юнкеры и сановники когда-то въ своей молодости подавали надежды; объ исполненіи надеждъ не говорится ни слова.

Отказавшись отъ активной идейной пропаганды, они, однако, чувствуютъ неловкость передъ открытой защитой сословныхъ привилегій. Принципіальными и безусловными защитниками дворянства являются въ Комиссіи другіе люди, приближающіеся къ одному изъ двухъ крайнихъ типовъ: князя Щербатова, единственнаго теоретика аристократіи, съ жаромъ и знаніемъ полемизирующаго противъ афишированнаго либерализма императрицы, но въ тонъ ея тайнымъ симпатіямъ къ «древнимъ фамиліямъ»,—или закоренѣлаго провинціала Михайлы Глазова, который не можетъ говорить безъ брани и увеселяетъ собраніе своими яростными выходками и безтолковой аргументаціей.

Главное оживленіе и интересъ преніямъ придаетъ присутствіе въ собраніи многочисленной антидворянской группы городскихъ депутатовъ. Трудно сказать, насколько намѣренно, но этихъ представителей средняго рода людей оказалось въ коммиссіи больше, чѣмъ дворянскихъ депутатовъ (207 противъ 160). Дѣло шло для нихъ о самыхъ жизненныхъ интересахъ, затронутыхъ претензіями дворянства. Уже проектъ, выработанный предыдущей коммиссіей, сильно стѣснялъ торгово-промышленный классъ въ пользу дворянства; теперь, изъ наказовъ и мнѣній екатерининскихъ депутатовъ городскіе депутаты «съ прискорбіемъ усмотрѣли, что русскому купечеству готовится большое отягощеніе», и приготовились къ серьезной борьбѣ. Сильный подъемъ промышленной жизни во время Екатерины (см. «Оч.», I, 86, 4 изд.) отчасти обострилъ, отчасти создалъ вновь антагонизмъ между торгово-промышленнымъ и земледѣльческимъ классомъ. Въ деревнѣ значительно развился отхожій промыселъ, кустарничество, скупка и перепродажа крестьянами-кулаками крестьянскихъ продуктовъ. Борьба шла здѣсь за роль скупщика, которую купцы хотѣли отнять у крестьянъ, а крестьяне—удержать за собой. Въ обратномъ направленіи, отъ города къ деревнѣ, развивалась посредническая роль мелочного торговца, по всѣмъ правамъ принадлежавшая купечеству, но постоянно ускользавшая отъ нихъ, благодаря сельскимъ ходебщикамъ и ярмарочнымъ торговцамъ. Въ обоихъ случаяхъ завоевать посредническую роль въ торговлѣ для крестьянъ являлось прямой выгодой для ихъ владѣльцевъ, облагавшихъ такихъ крестьянъ высокимъ оброкомъ или вкладывавшихъ въ ихъ торговлю собственный капиталъ. Понятно, почему дворянскіе депутаты, не ща-

дившіе красокъ для изображенія лѣности, распущенности и всевозможныхъ пороковъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, вдругъ становились ихъ горячими защитниками противъ нападеній купечества и начинали въ такихъ же яркихъ краскахъ, — даже съ «великимъ движеніемъ духа»—изображать печальное положеніе крестьянства. Существовалъ и другой пунктъ, на которомъ интересы дворянства и купечества сталкивались уже непосредственно. Какъ только фабричное производство начало приносить выгоды, появилась масса фабрикъ, основанныхъ помѣщиками и работавшихъ крѣпостнымъ трудомъ: петровской поссессіонной фабрикѣ помѣщичья крѣпостная фабрика грозила серьезнымъ подрывомъ. Вотъ почему въ вопросѣ о владѣніи фабриками загорѣлась особенно оживленная перестрѣлка въ Комиссіи. Обѣ стороны требовали запрещеній и не могли сойтись ни на какомъ компромиссѣ. Одно это обстоятельство располагало горожанъ къ постоянной и настойчивой оппозиціи противъ требованій дворянства.

Была еще группа въ коммиссіи, не такая многочисленная, какъ предыдущая, и не такая однородная по своимъ интересамъ: она занимала промежуточное положеніе, примыкая по разнымъ вопросамъ то къ той, то къ другой изъ предыдущихъ группъ. Это были однодворцы и другіе мелкіе служилые люди. Противъ дворянства ихъ настраивала претензія послѣднихъ—отгородиться высокой стѣной монаршаго пожалованія отъ массового вторженія въ дворянскую среду всевозможныхъ разночинцевъ путемъ выслуги чина. Но та же надежда сдѣлаться самимъ дворянами отчасти и сближала эту группу съ дворянствомъ. Противъ купечества ихъ возстановляло желаніе послѣдняго отобрать и у разночинцевъ всякіе торги и промыслы: разночинцамъ доходы отъ промышленныхъ занятій были, между тѣмъ, еще нужнѣе, чѣмъ крестьянамъ, такъ какъ здѣсь количество лицъ, потерявшихъ землю и принужденныхъ кормиться промыслами, было гораздо больше.

Въ одномъ только вопросѣ представители разныхъ сословій оказались единодушными между собой и согласными съ взглядами императрицы. Остзейскіе, финляндскіе, малороссійскіе и смоленскіе депутаты пріѣхали въ Комиссію съ твердымъ намѣреніемъ—не считать ея дѣла своимъ собственнымъ. «Блаженству всѣхъ и каждаго» они предпочитали сохраненіе старыхъ привилегій, укрѣпленныхъ за ними договорами, на основаніи которыхъ они присоединены были въ свое время къ Россіи. Екатерина ясно понимала, въ чемъ дѣло, и давно уже составила себѣ опредѣленный планъ дѣйствій. «Нарушить (привилегіи) отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ—весьма непристойно бы было, однакожъ и называть ихъ чужестранными... есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостью... Сіи провинціи надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли». Эти слова инструкціи генералъ-прокурору написаны въ 1764 г. Но въ Комиссіи Екатерина должна была говорить другимъ языкомъ. Она обидѣлась за

свои просвѣщенные принципы. «Чтобъ лифляндскіе законы лучше были, нежели наши будутъ,—тому статься нельзя; ибо наши правила само человѣколюбіе писало а они правилъ показать не могутъ, и сверхъ того иныя ихъ узаконенія наполнены невѣжествами и варварствами. И такъ, предохраняя себя, торжественно они просятъ: мы хотимъ, чтобы насъ смертью казнили, мы просимъ пытокъ; мы просимъ, чтобъ отъ безпрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены... Просвѣщенному свѣту останется судить о подобныхъ неистовствахъ». Такія мысли Екатерина распорядилась внушить въ Комиссіи «кому благопристойнѣе, а лучше, если бы былъ кто-нибудь изъ знати». Однако же, тонкая работа императрицы не понадобилась. Собраніе обидѣлось требованіями окраинныхъ депутатовъ не меньше императрицы, но выразило эту обиду грубѣе и откровеннѣе. «Побѣжденные» не должны имѣть преимущества надъ «побѣдителями»; а государь можетъ сдѣлать, что хочетъ; слѣдовательно, законы должны быть одинаковые для всѣхъ. Такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація ораторовъ въ собраніи. Екатерина не могла не почувствовать, какъ, тормозя всѣ планы ея когда дѣло шло о политикѣ внутренней, депутаты готовы были развязать ей руки и идти сами дальше ея въ національномъ вопросѣ. Это было предвкушеніемъ того успѣха, который ожидалъ императрицу въ мнѣніи самого общества, какъ только свои мечты и усилія она перенесетъ въ область внѣшней политики.

Такова была та сложная среда, не приспособленная, быть можетъ, къ осуществленію задачъ Екатерины, но очень способная и готовая стремиться къ осуществленію своихъ собственныхъ. Разъ государыня «удостоила» депутатовъ «не только объявлять о своихъ нуждахъ, но и быть еще судьями разсматриваемыхъ общенародныхъ дѣлъ»,—они, конечно, не считали «возможнымъ гражданину умолкнуть». Но довольно естественно, что обсужденіе «общенародныхъ дѣлъ» они вели съ точки зрѣнія своихъ групповыхъ интересовъ. Это-то и лишило возможности императрицу и ея депутатовъ сговориться другъ съ другомъ.

Черезъ свою интеллигенцію императрица не разъ пыталась навести собраніе на обсужденіе интересовавшихъ ее вопросовъ: о пыткѣ и крѣпостномъ правѣ. Но первый вопросъ почти не нашелъ отклика среди депутатовъ, если только не считать нѣсколькихъ случайныхъ обмолвокъ провинціаловъ въ пользу тѣлесныхъ наказаній, что вызвало только рѣзкіе призывы къ порядку и ироническія напоминанія объ идеяхъ Наказа со стороны дворянской интеллигенціи. По вопросу о крѣпостномъ правѣ и объ ограниченіи помѣщичьей власти застрѣльщикомъ выступилъ тоже одинъ интеллигентный дворянинъ,—провинціалъ, но, какъ мнѣ кажется, инспирированный властью *). Въ пику дворянству, депутаты другихъ сословій отнеслись къ нему довольно сочувственно, но со

*) Коробьинъ, которому и потомъ Екатерина поручила защиту «правъ благородныхъ» и который голосовалъ часто вмѣстѣ съ дворянской интеллигенціей.

стороны дворянства поднялась такая буря, которая должна была еще разъ убѣдить Екатерину, что самыя скромныя попытки ея въ этомъ направленіи натолкнутся на самое упорное сопротивленіе. Екатерина сдѣлала, однако, еще попытку: въ проектъ о правахъ благородныхъ, выработанный частной коммиссіей, введено было глухое указаніе на возможность устройства новаго типа «свободныхъ деревень», которыя предполагалось снабдить разными льготами по правовому положенію. Но дворянство, и именно интеллигентное, на этотъ разъ предпочло не понять намека, дѣйствительно не особенно яснаго.

На разборѣ этого проекта правъ благородныхъ главныя сословныя группы собранія дали, наконецъ, другъ другу генеральное сраженіе, которое должно было наглядно доказать императрицѣ, что можно и чего нельзя добиться отъ Комиссіи. Уже первая попытка маршала ограничить собраніе суммарной оцѣнкой проекта вызвала протестъ со стороны обѣихъ боровшихся другъ съ другомъ группъ. Небольшая группа дворянъ-писателей и интеллигентовъ коротко, но рѣшительно попросила «времени на размышленіе». Представители разночинцевъ, интересы которыхъ особенно были задѣты проектомъ, еще настойчивѣе просили «дозволить: если оный (проектъ) сходствененъ съ положеніемъ нашего государства, *и что больше, ежели согласенъ съ естественнымъ разсужденіемъ* (изъ него разночинцы выводили требованіе о равенствѣ всѣхъ дворянъ!), то подтвердимъ и постановимъ оный непоколебимымъ; а если, напротивъ того, найдемъ въ немъ что-нибудь такое, которое для всего отечества и общаго спокойствія можетъ быть вредно, о томъ подать намъ свои примѣчанія». Маршалъ уступилъ, и рѣшительная борьба началась. Въ ней снова были подняты всѣ затруднительные вопросы и вновь возникли, вмѣстѣ съ ними, всѣ серьезныя разногласія, раздѣлявшія депутатовъ. Но теперь боровшіяся партіи сосчитались и выступали сплоченными группами. Интеллигентное дворянство, защищавшее привилегіи, выставило своимъ лидеромъ Алексѣя Нарышкина, извѣстнаго намъ сотрудника херасковскихъ журналовъ: за нимъ по всѣмъ вопросамъ, крупнымъ и мелкимъ, шла тѣсная группа въ 36 человѣкъ. Гораздо импозантнѣе были группы разночинцевъ и горожанъ, боровшіяся за доступъ въ дворянство и за охрану торгово-промышленной дѣятельности отъ дворянскихъ фабрикъ и крестьянскихъ кулаковъ. Не могло быть рѣчи о дальнѣйшемъ соглашеніи по существеннымъ вопросамъ въ собраніи, гдѣ численное преобладаніе принадлежало непримиримымъ противникамъ «правъ благородныхъ». Настроеніе этого большинства и невозможность идти съ нимъ въ желательномъ для правительства направленіи особенно ярко сказались въ исторіи одной баллотировки, которая по началу казалась совершенно случайной, а своимъ исходомъ, можетъ быть, оказала рѣшительное вліяніе на судьбу коммиссіи.

Въ засѣданіи 7-го августа 1768 г. дворянскій депутатъ кн. Иванъ Вяземскій выступилъ съ предложеніемъ, по внѣшности примирительнымъ.

Онъ находилъ, что проектъ дворянскихъ правъ ничего не отниметъ у тѣхъ, кто въ данную минуту чѣмъ-либо владѣетъ, что всѣ дослужившіеся «до сего времени» разночинцы, несомнѣнно, попадутъ въ дворяне и что остается ходатайствовать у императрицы о «разборѣ дворянства» и о составленіи общаго дворянскаго списка. Но въ понятіи интеллигентнаго дворянства «разборъ» соединялся съ разграниченіемъ дворянъ по разрядамъ и съ закрытіемъ дальнѣйшаго доступа къ дворянству. Предложеніе Вяземскаго, несомнѣнно, было инспирировано императрицей, но внесено было, какъ многія такія же внушенныя предложенія, такъ осторожно, что въ началѣ не возбудило ничьего особеннаго вниманія. Но это-то и оказалось опаснымъ для исхода предложенія. Въ концѣ слѣдующаго засѣданія, выслушавъ совершенно резонныя соображенія двухъ городскихъ депутатовъ, что составленіе списковъ есть дѣло герольдіи, что собраніе должно лишь установить правила полученія дворянства, а не заботиться о томъ, кто попадетъ въ дворянство и кто нѣтъ; что, наконецъ, предложеніе Вяземскаго явно двусмысленно и клонится къ устраненію чиновниковъ и офицеровъ отъ дворянства,—разночинцы и горожане большинствомъ 102 голосовъ противъ 18 провалили предложеніе Вяземскаго. Тогда въ слѣдующее засѣданіе явились отсутствовавшіе въ предыдущемъ члены интеллигентной дворянской группы и въ ихъ числѣ такіе рѣдкіе гости Комиссіи и близкіе люди императрицы, какъ Григорій Орловъ, Козицкій, Левъ Нарышкинъ. Предложеніе Вяземскаго было поставлено вновь, подъ тѣмъ неловкимъ предлогомъ, что герольдія требуетъ списковъ у Комиссіи, а коммиссія сама не можетъ ихъ сообщить и должна всеподданнѣйше испросить ихъ у государыни. Подъ предложеніемъ Вяземскаго подписались 140 человѣкъ, въ томъ числѣ до десятка татаръ; новая баллотировка назначена была въ слѣдующее засѣданіе. Передъ баллотировкой маршалъ пригласилъ депутатовъ къ особому размышленію и «во время самой раздачи шаровъ не преминулъ паки напомянуть, чтобы тѣ клали шары на правую сторону, которые согласны съ Вяземскимъ». Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій и напоминаній нашлось всетаки 158 дерзкихъ смѣльчаковъ, которые предпочли лѣвую сторону правой. За Вяземскаго было подано 242 голоса.

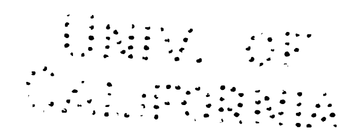
Отсрочка засѣданій Комиссіи, четыре мѣсяца спустя, конечно, не стояла въ прямой связи съ только что описаннымъ инцидентомъ. Изъ 160 дворянскихъ депутатовъ, 92 должны были отправиться къ дѣйствующей арміи, чѣмъ достаточно мотивировался перерывъ въ занятіяхъ Комиссіи. Но эпизодъ съ Вяземскимъ долженъ былъ показать, что Комиссія совсѣмъ не годится, какъ machine à voter. Какъ источникъ свѣдѣній о положеніи государства, «съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно»,—она уже сдѣлала свое дѣло. Дѣловыми свѣдѣніями и рабочею силой депутатовъ гораздо удобнѣе было пользоваться въ многочисленныхъ частыхъ коммиссіяхъ, выбранныхъ «Большою». Такимъ образомъ, созывъ вновь Большой Комиссіи былъ бы только стѣсни

теленъ для личной иниціативы императрицы, а мы знаемъ, что этой иниціативой она не имѣла желанія поступиться, особенно теперь, когда убѣдилась въ упорствѣ, съ какимъ различныя сословныя группы защищаютъ свои интересы. Эра «блаженства всѣхъ и каждаго» кончилась; когда у Екатерины вернется вкусъ къ законодательству, она будетъ искать иныхъ авторитетовъ и поставить себѣ иныя, болѣе скромныя цѣли (см. ниже). Но она всегда будетъ помнить о неудачѣ своего «просвѣщеннаго» законодательства, когда обстоятельства столкнутъ ее съ прямыми проявленіями русской общественной самодѣятельности.

Кромѣ общихъ сочиненій Соловьева (томы XXV—XVIII или V и VI компактнаго изданія), Брикнера (Исторія Екатерины Второй, изд. А. Суворина, съ рисунками, Спб. 1885) и Вильбасова (два тома до 1764 года) см. также двухтомную характеристику личности Екатерины и ея сотрудниковъ: *K. Waliszewski*. Le roman d'une impératrice u autour d'un thrône, Paris, 1894 (10-е изд. и 5-е изд.); по случаю столѣтняго юбилея появился рядъ характеристикъ, принадлежащихъ проф. *В. О. Ключевскому*, Императрица Екатерина II (Русская Мысль, 1896, XI); *В. С. Иконникову* (Значеніе царствованія Екатерины II, Кіевъ, 1897; ст. *его же* Страница изъ исторіи Екатерининскаго Наказа, объ отмѣнѣ пытки въ Россіи); *Г. Перетятковичу* (Значеніе царствованія Екатерины II въ русской исторіи, Одесса, 1897); *А. С. Лаппо-Данилевскому* (Очеркъ внутренней политики Екатерины II, Спб., 1898); *А. А. Кизеветтеру* (Историческое значеніе царствованія Екатерины Великой въ Образованіи, 1896, № 11). О современной французской литературѣ см. *Тэнъ*, Происхожденіе современной Франціи, т. I; *Лансонъ*, Исторія французской литературы, т. II, М. 1898; *Сорель*, Монтескье (два перевода подъ ред. Н. Карѣева и П. Виноградова); *Морлей*, Вольтеръ, перев. подъ ред. Кирпичникова, М. 1889 и *Штраусъ*, Вольтеръ, изд. «Книжнаго Дѣла», М. 1900. Собственноручныя замѣтки Екатерины до 1762 года изданы въ «Бумагахъ императрицы Екатерины II» академикомъ *Пекарскимъ*, т. I, Спб. 1871 (7-й томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества); текстъ книги Беккаріа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», сопоставленъ съ текстомъ Наказа въ книгѣ *С. Зарудняго* (В. о пр. и нак. Спб., 1879). Гравюра по случаю изданія Наказа издана въ Исторіи Екатерины Брикнера. Наказы депутатовъ Екатерининской Комиссіи напечатаны въ томахъ IV, VIII, XIV, XXXII, LXVIII и XCIII Сборника Русскаго Историческаго Общества. Протоколы засѣданій Большой Комиссіи—въ первыхъ половинахъ тѣхъ же томовъ (кромѣ послѣднихъ двухъ). Содержаніе дворянскихъ наказовъ изложено въ статьѣ С. Б(рюлловой), «Вѣст. Евр.», 1876, № 12: Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху. Болѣе подробное изложеніе дворянскихъ и городскихъ наказовъ, въ сопоставленіи съ законодательными мѣрами, см. въ «Законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи въ XVIII в.». *В. Н. Латкина*, т. I, Спб. 1887. Тамъ же и исторія предыдущихъ комиссій. Общая характеристика дѣятельности Комиссіи см. у *Сергѣевича*, Лекціи и изслѣдованія, Спб. 1883, и *Дитятина*, Екатерининская Комиссія, въ Статьяхъ по исторіи русскаго права, Спб. 1896. Отношеніе Екатерины къ крестьянскому вопросу см. въ Крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи, *В. И. Семевскаго*, т. I, Спб. 1888. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины, 1762—1774, по русскимъ источникамъ, характеризована *Н. Д. Чечулинымъ*, Спб. 1896. Донесеніе князя Репнина см. въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества т. LXXXVII (1893).

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДАЛЬ И ЗАГОСКИНЪ.

Критическая замѣтка.

Школьная традиція требуетъ, чтобы при изученіи и родной, и иностранной литературы исключительное вниманіе обращалось на самыхъ замѣчательныхъ и талантливыхъ писателей и на ихъ самыя выдающіяся произведенія. Вѣрный этой традиціи, и новый учебный планъ изученія русскаго языка и литературы заключаетъ въ себѣ блестящія созвѣздія какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ образцовыхъ классическихъ писателей. Но среди такихъ яркихъ звѣздъ русской литературы, какъ Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Тургеневъ, Толстой, совершенно непонятнымъ кажется появленіе такихъ второстепенныхъ писателей, какими до сихъ поръ считались всѣми Даль и Загоскинъ. Между тѣмъ послѣдній будетъ теперь изучаться въ VI, а Даль въ VII классѣ. Чтобы объяснить себѣ странное появленіе въ учебномъ планѣ среди классиковъ и этихъ писателей, причисленныхъ тоже къ классикамъ, мы вновь перечли извѣстныя намъ и познакомились съ еще неизвѣстными произведеніями обоихъ писателей (Сочиненія М. Н. Загоскина. 1889 г. Спб. и «Полное собраніе сочиненій Даля». Спб. 1878—1884). Въ литературной дѣятельности В. Даля (1801—1872) необходимо различать двѣ стороны—лексикографа, этнографа-фольклориста и беллетриста. Даль, какъ составитель «Толковаго словаря», собиратель «Пословицъ русскаго народа», врядъ-ли можетъ быть предметомъ изученія для учениковъ VII кл., такъ какъ огромный собранный имъ матеріалъ нуждается въ научной критикѣ. Извѣстно, что Даль не только записывалъ народныя выраженія, но и выдумывалъ слова далеко неудачно. Это достаточно разъяснено академикомъ Я. К. Гротомъ (въ Сборникѣ II отд. Академіи Наукъ, т. VIII) и А. Н. Пыпинымъ (въ Исторіи Русской Этнографіи, т. I). Но еще менѣе Даль можетъ быть рекомендованъ, какъ «образцовый» писатель, такъ какъ онъ совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ значеніи литературнаго языка. Возраженія, высказанныя ему въ свое время Жуковскимъ, остаются въ полной силѣ. Остается Даль, какъ «Казакъ Луганскій» (сочиненія Казака Луганскаго въ 1846 году), какъ авторъ «Картинъ изъ русскаго быта», и, пожалуй, какъ собиратель «Русскихъ сказокъ». Беллетристическія произведенія Даля можно раздѣлить на два вида— болѣе крупныя и мелкія. Разбирая содержаніе и всматриваясь въ характеръ творчества и художественныхъ пріемовъ болѣе крупныхъ произведеній Даля, какъ «Мичманъ Поцѣлуевъ», «Вакхъ Сидоровичъ Чайкинъ», «Невскій проспектъ», «Бѣдовикъ» и др., — поражаешься пустотой сюжетовъ, вялостью и скудостью дѣйствія, наивными художественными пріемами автора, отсутствіемъ у него вкуса, такта и мѣры. Напр., въ скучномъ и снотворномъ «Невскомъ проспектѣ» вяло тянется невѣроятная исторія о какомъ-то мелкомъ чиновникѣ Осипѣ Ивановичѣ, который всю жизнь свою провелъ въ предѣлахъ Невскаго проспекта и для котораго всѣ остальныя улицы Петербурга были «за-границей», куда

онъ боялся показываться, такъ какъ при малѣйшей попыткѣ высунуть носъ въ ближайшую сосѣднюю улицу съ нимъ случались разныя несчастія. Насколько однородный гоголевскій Акакій Акакіевичъ—художественный, правдивый типъ, настолько же далевскій Осипъ Ивановичъ—скучный и вымученный. Въ «Бѣдовикѣ» тоже идетъ снотворный и длинный разсказъ о разсѣянномъ, добромъ и честномъ чиновникѣ Апрâвѣ, который поѣхалъ-было въ Петербургъ, но, по своей разсѣянности, очень долго мыкался между Петербургомъ и Москвой, перепутывая станціи, дилижансы и т. п. Все это кажется скучнымъ и вовсе не остроумнымъ. Однообразіе типовъ, описаній, пріемовъ—характерныя черты творчества крупныхъ произведеній Даля. Если къ этому присоединить скудость содержанія, какую-то примитивность и наивность взглядовъ автора, вялость разсказа въ соединеніи съ нѣкоторой претенціозностью, то ясно, что Даля нельзя причислить не только къ первокласснымъ, образцовымъ, но и просто къ хорошимъ писателямъ. Мелкіе разсказы Даля отличаются тѣми же качествами. Содержаніе ихъ или крайне скудно, или антихудожественно, неправдоподобно. Напр., въ «Разсватѣ» разсказывается, какъ этотъ «разсватъ» въ самый вечеръ помолвки успѣлъ убѣдить и жениха отказаться отъ невѣсты, которая шла за него неволей, и родителей невѣсты не настаивать на этомъ бракѣ. «Пчелиный рой» заканчивается тѣмъ, что нѣкій смиренный человѣкъ, притѣсняемый женой и тещей, отказался отъ намѣренія жить отдѣльно и для этого перебраться въ новый устраиваемый имъ домикъ только потому, что туда залетѣлъ пчелиный рой. Въ «Осколкѣ льда» идетъ рѣчь о нѣкоей русской дѣвушкѣ Машѣ, попавшей въ плѣнъ къ бухарскому эмиру и отпущенной имъ за то, что достала ему кусокъ льда во время его болѣзни. Всѣ разсказы въ этомъ родѣ—безсодержательные, вялые, плоскіе. Все это—анекдоты, рѣдко разсказанные хорошо. Сказки Даля отличаются крайней вычурностью и запутанностью содержанія. Въ нихъ нѣтъ эпической простоты; это—сказки въ стилѣ рококо и носятъ слѣды до нѣкоторой степени его собственнаго творчества. Наконецъ, языкъ Даля изобилуетъ странными для насъ словами, не только не вошедшими, но и не могущими войти въ употребленіе, напр., перворотка, примолвка, солень, умилка, неудаха, проходка, глазнемъ, колоземица, хазавый конецъ, скромная модность и т. п. Допустимъ, что это народныя, областныя слова, но это еще не даетъ имъ права гражданства въ литературномъ русскомъ языкѣ. Геніально чуткіе знатоки русскаго языка, какъ Гоголь и особенно Пушкинъ, дѣйствительно извлекали изъ неизвѣстности народныя слова и пускали ихъ въ обращеніе, но это могли дѣлать только они, съ ихъ врожденной геніальной чуткостью, а не обрусѣвшій иностранецъ Даль, органически не бывшій въ состояніи уловить духъ языка, какъ это было доступно Гоголю и Пушкину. Теперь спрашивается, какимъ же образомъ Даль, со стороны чисто художественной, можетъ быть образцомъ и примѣромъ для учениковъ VII кл.? Если еще для перво- и второклассниковъ могутъ быть занимательны нѣкоторыя его сказки, «пустобайки», разсказы изъ народнаго быта, то для взрослыхъ юношей это—пища слишкомъ примитивная.

Переходимъ теперь къ другому новоявленному классику — Загоскину и разсмотримъ его сначала также со стороны чисто литературной. Загоскинъ (1789—1852) лучше всего такъ оцѣнилъ самъ свое литературное достоинство: «Не то, чтобы онъ былъ какой-нибудь знаменитый писатель—нѣтъ, есть, батюшка, гораздо почище его; да ему какъ-то посчастливилось: выдалъ «Юрія Милославскаго», попалъ въ народность, да и пошелъ пописывать разные романчики» («Москва и москвичи», т. V, 9). «Попалъ въ народность»—вотъ и весь секретъ его успѣха у современниковъ, преимущественно въ оффиціальныхъ сферахъ. Начавъ «Юріемъ Милославскимъ» (1829 г.), Загоскинъ далъ цѣлую серію русскихъ историческихъ романовъ: «Рославлевъ», «Аскольдова

могила», «Кузьма Рощинъ», «Брынскій лѣсъ» и др. Къ категоріи не историческихъ произведеній Загоскина относятся: «Искуситель», «Москва и москвичи», «Тоска по родинѣ», «Мирошевъ» и др.; наконецъ, Загоскинъ написалъ множество комедій, въ которыхъ онъ подражалъ забытому теперь Шаховскому, подражавшему, въ свою очередь, французской буржуазной комедіи того времени. Къ историческому роману мы предъявляемъ теперь то главное требованіе, чтобы онъ детально и правдиво давалъ картину изображаемой эпохи и чтобъ дѣйствіе, развивающееся на этомъ фонѣ, было въ соотвѣтствіи съ правдой художественной, психологической и исторической. Но ни состояніе историческаго знанія Россіи во времена Загоскина, ни индивидуальныя свойства его небольшого художественнаге таланта не позволили ему стать авторомъ хорошихъ историческихъ романовъ. Пріемы Загоскина, какъ историческаго романиста, шаблонны и однообразны: онъ беретъ пару добродѣтельнѣйшихъ героевъ того и другого пола, влюбляетъ ихъ другъ въ друга въ самомъ началѣ, выводитъ полчище злодѣевъ, нагромождаетъ множество препятствій, страшными опасностями усѣеваетъ путь героевъ къ соединенію. По мѣрѣ приближенія къ концу происходитъ вымираніе и вообще устраненіе злодѣевъ, иногда ихъ исправленіе и раскаяніе, и романъ заканчивается благополучнымъ финаломъ. Дѣйствующія лица ясно раздѣляются на овецъ и козлищъ. Историческая и бытовая обстановка романовъ Загоскина—съ современной точки зрѣнія—просто бутафорія. Объ этикѣ и психологіи нечего и говорить—онѣ современны эпохѣ самого Загоскина. Вотъ, напр., дуэтъ двухъ влюбленныхъ X в., Всеслава и Надежды («Аскольдова Могила», 1833 г.).

Она. Видишь ли тамъ, на зеленомъ лугу, словно снѣжокъ, бѣлѣются ландыши?

Онъ. Ты во сто разъ бѣлѣе ихъ, моя ненаглядная!

Она. А вонъ посмотри: тамъ, за ручьемъ, какіе яркіе малиновые цвѣты!

Онъ. Твои алыя уста милѣе ихъ!

Она. А этотъ зеленый лѣсъ! Какъ пышетъ (!) отъ него прохладой! А эти свѣтлыя лазурныя небеса!

Онъ. Они темнѣе твоихъ голубыхъ очей, моя суженая (467).

Для характеристики художественныхъ пріемовъ Загоскина вотъ мелодраматическая сцена изъ «Рославлева»: Ночь. Гроза. Уединенная церковь въ лѣсу, на крыльцѣ которой сумасшедшая старуха Ѳедора. Рославлевъ приближается, видитъ, что въ церкви идетъ вѣнчаніе измѣнившей ему Полины съ плѣннымъ французскимъ офицеромъ, видитъ—и падаетъ безъ чувствъ. Полина выходитъ и узнаетъ его.

— Рославлевъ!—повторила ужаснымъ голосомъ Полина.—Онъ живъ еще!— Нѣтъ, умеръ,—прервала ее безумная.—Милости просимъ на похороны! И дикій ея хохотъ заглушилъ отчаянный вопль Полины» (169). А вотъ примѣръ стиля Загоскина въ описаніяхъ: «На ихъ (сѣнныхъ дѣвушекъ) румяныхъ лицахъ цвѣли молодость, красота и здоровье, но веселость не оживляла ясныхъ очей ихъ. Утирая украдкой слезы, онѣ посматривали печально на молодую госпожу свою, которая, облокотясь правой рукой на изголовье, была погружена въ глубокую задумчивость. Краса садовъ, пышная роза, и увядая,—прекраснѣе свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ: такъ точно, несмотря на изнурительную болѣзнь, дочь боярская казалась прекраснѣе всѣхъ ея окружающихъ. Изрѣдка грустная улыбка, напоминающая прелестное сравненіе одного русскаго стихотворца:

Улыбка горести подобна
На гробъ положеннымъ цвѣтамъ,

появлялась на розовыхъ устахъ ея» («Юрій Милославскій», стр. 77). Бѣлинскій справедливо сказалъ объ этомъ романѣ: «Юрій» явился во-время, когда всѣ

требовали русскаго и русскаго—вотъ причины его необыкновеннаго успѣха». «Юрій Милославскій» былъ первымъ большимъ русскимъ историческимъ романомъ, и Загоскинъ тотчасъ же былъ произведенъ друзьями въ русскіе Вальтеръ-Скотты, увѣрился самъ въ этомъ и принялся писать романъ за романомъ. Но уже «Рославлевъ» не имѣлъ такого успѣха даже между современниками; по словамъ С. Т. Аксакова, это не историческая картина, а просто «кукольная комедія». «Аскольдова могила» (изъ эпохи борьбы между язычествомъ и христіанствомъ въ кіевской Руси), «Брынскій лѣсъ» (изъ быта современныхъ Петру В. раскольниковъ) только показываютъ, что авторъ не зналъ изображаемыхъ имъ эпохъ. Въ «Тоскѣ по родинѣ» изображаются несовершенства жизни во Франціи, Англіи и Испаніи, гдѣ Загоскинъ никогда не бывалъ, въ «Искусителѣ» идетъ разсказъ о какомъ-то баронѣ Брокенѣ, діаволѣ въ образѣ человѣческомъ, о разныхъ духовидѣніяхъ, предсказаніяхъ, предчувствіяхъ и т. п. Въ «Мирошевѣ» изображается идиллическая жизнь двухъ помѣщиковъ, Мирошева и его добродѣтельнѣйшей супруги, казни сосѣда-управляющаго, поѣздка Мирошева въ Москву и благодѣтельное вмѣшательство нѣкоего добродѣтельнаго графа. Все это довольно скучно и наивно и главное бездарно. Итакъ, литературныя, художественныя достоинства Даля и Загоскина не настолько высоки, чтобы только этимъ можно было объяснить ихъ помѣщеніе въ учебномъ планѣ. Новая школа желаетъ быть національной, она углубляетъ и расширяетъ знакомство учащихся съ языкомъ, географіей, исторіей, даже съ законовѣдѣніемъ родной страны. Даль и Загоскинъ извѣстны, какъ писатели «истинно-русскіе». Слѣдовательно, отвѣта на поставленный нами выше вопросъ теперь и нужно искать въ ихъ патріотизмѣ...

Указанныя качества, дѣйствительно, отличаютъ сочиненія Даля: всѣ они съ извѣстной точки зрѣнія очень патріотичны, не касаются никакихъ злобъ и золъ тогдашней жизни, даже идеализируютъ ихъ, какъ, напр., крѣпостное право, и склонны, вообще, къ идеализаціи русской жизни и русскаго человѣка. Напр., въ разсказѣ «Русакъ» приводятся анекдоты объ его (русскаго человѣка) необыкновенной смѣтливости и находчивости (о томъ, какъ онъ безъ всякихъ хитрыхъ нѣмецкихъ приспособленій поправилъ шпиль Петропавловскаго собора, удалилъ огромный камень, какимъ-то чудомъ очутившійся на проѣзжей дорогѣ, придумалъ практичное средство доставить огромный колоколъ, и т. п.). Въ «Картинахъ изъ русскаго быта» изображаются только положительныя, почти идеальныя стороны русскаго человѣка. Въ «Родствѣ и службѣ», напр., разсказывается, какъ солдатъ Степанъ, вернувшійся со службы и выбранный въ своей деревнѣ въ головы, приговариваетъ къ поркѣ, конечно, за вину своего старшаго брата и потомъ тутъ же публично кланяется ему въ ноги: служба—службой, а почтеніе къ старшему брату—своимъ чередомъ. Въ «Обмираніи» передается удивительная исторія о томъ, какъ одна почтенная старушка-свекровь не взлюбила свою невѣстку, и та ничѣмъ не могла заслужить ея расположенія. Но вотъ свекровь умерла, и тогда, ночью, больная невѣстка является къ ея тѣлу, плачетъ, проситъ прощенія. Оказалось, что свекровь только «обмерла» и все слышала. Послѣ этого полный миръ водворяется въ семьѣ. Конечно, подобные безхитростные, простенькіе анекдоты могутъ заинтересовать малышей, но для учениковъ VII кл. они покажутся слишкомъ скучными, прѣсными и, пожалуй, смѣшными: Кромѣ того, у Даля очень много анекдотовъ объ евреяхъ, гдѣ эти послѣдніе изображаются въ самомъ комическомъ видѣ. Если подобныя шутки и одобряются «патріотизмомъ» извѣстнаго сорта, то едва ли могутъ быть одобрены раціональной педагогіей. Патріотизмъ Даля выражается и въ тѣхъ симпатіяхъ, которыя онъ питаетъ къ старинѣ. «Гдѣ наши головы масленыя, узорчатыя, бороды чесаныя, мухорчатыя, усики витые, бахромистые? Гдѣ кафтаны смурые бархатные, кушаки шелковые бухарскіе, армяки татарскіе, рубахи щегольскія красныя, ру

кавицы вырѣстковыя тисненыя, шаровары полосатыя, сапоги съ каймой строченыя, на рубахахъ запонки граненыя, на кафтанахъ застежки золоченыя? Ой, было время, время на Руси, когда ходилъ молодецъ въ кафтанѣ, ходила дѣвка въ сарафанѣ!» Далѣе нѣмцы приглашаются не присутствовать, когда будутъ разсказываться русскія сказки (т. VII, предисловіе). «Неисповѣдимы будущія судьбы Руси,—говоритъ Даль въ упомянутомъ выше «Обмираніи»,—и широко раскинулся материкъ ея, и много простора обнялъ одинъ языкъ, одна рѣчь, одинъ народный духъ. Много мерзости запустѣнія видится по грѣшному лицу ея, искаженіе внѣдрилось въ человѣчество и бродитъ въ немъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, но вѣчнаго броженія нѣтъ, а упованіе не умираетъ... Тутъ и тамъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, кое-гдѣ, въ укромной тиши, средь потемковъ, искры, обдающія тепломъ и свѣтомъ,—и отвсюду Божеское Провидѣніе, доселѣ не покинувшее народа своего». Конечно, патріотизмъ—чувство почтенное и очень цѣнное, какъ подъемъ индивидуальнаго самосознанія на почвѣ самосознанія коллективнаго. Но у Даля чувство это выражается въ формахъ уже устарѣлыхъ, мало говорящихъ человѣку нашего времени, проявляется часто по поводу фактовъ, весь кругъ которыхъ, къ счастью, отошелъ уже въ невозвратное прошлое и который оставилъ по себѣ недобрую память. Напр., добродушіе, незлобіе и благоразуміе русскаго человѣка у Даля иллюстрируется въ подобныхъ разсказахъ: баринъ беретъ старосту, стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ, за чубъ, преклоняетъ его съ одной стороны на другую, и читаетъ собравшимся крестьянамъ нравоученіе о пользѣ разведенія овощей. Всѣ слушаютъ, разумѣютъ и благодарятъ. Въ другомъ разсказѣ передается, какъ неблагоразумные мужички вздумали проситься у барина на оброкъ. Увѣщанія не помогли, и баринъ, и крестьяне отправились къ исправнику. Тотъ высѣкъ ихъ основательно, и они пришли благодарить барина за науку, и исправились.

Еще болѣе узко, односторонне, еще болѣе устарѣло Загоскинское представленіе о народности. Онъ идеализировалъ народъ, но не народъ дѣйствительный, котораго онъ и не зналъ, а народъ какой-то театральный, народъ милыхъ старинныхъ оперъ и наивныхъ пасторалей. Загоскинская народность—оффиціальная, казенная народность 30—40 годовъ, когда требовалось изображать народъ кроткимъ, послушнымъ, благочестивымъ, и особенно любящимъ своихъ господъ. «Прежде чѣмъ Мирошевъ успѣлъ опомниться отъ удивленія, двери растворились, и толпа крестьянъ ввалилась въ избу. Впереди всѣхъ вошелъ старшина Парѳенъ; онъ держалъ на деревянномъ блюдѣ каравай хлѣба, на которомъ насыпана была соль и лежало 5 цѣлковыхъ; рядомъ съ Парѳеномъ, держа подъ мышкой индѣйскаго пѣтуха, стоялъ бывшій управитель Лаврентій Сидоровъ. Помолясь иконамъ, старшина подошелъ къ столу, поставилъ на него коровай хлѣба и, вмѣстѣ со всѣми крестьянами, повалился Мирошеву въ ноги.—Что это значитъ?—проговорилъ Кузьма Петровичъ (Мирошевъ) внѣ себя отъ удивленія.—Да встаньте, Бога ради! Встаньте, говорятъ вамъ!—Парѳенъ всталъ, а за нимъ и всѣ крестьяне, и повалились опять въ ноги.—Да полноте,—вскричалъ Мирошевъ,—что вы мнѣ кланяетесь?—Они, батюшка, пришли къ вамъ съ поклономъ, прервалъ Кондратьичъ (дядька Мирошева).—Ко мнѣ?—Ну, да, сударь! Вѣдь это ваши мужички.—Мои мужички?—Ваше благородіе,—сказалъ униженнымъ голосомъ Лаврентій, передавая своего индѣйскаго пѣтуха Прохору Кондратьичу,—вѣдь вы—Кузьма Петровичъ Мирошевъ?—Да, я—отставной поручикъ К. П. Мирошевъ.—Ваша матушка, Катерина Семеновна, была урожденная княгиня Бирдикова. А вѣдь покойная-то наша барышня, Елена Семеновна, была также княжна Бирдикова, сестрица вашей матушки и родная ваша тетушка. — Ну, сударь, — вскричалъ Прохоръ, — извольте понимать теперь?» (320—321). Таковы для Загоскина идеальные «селяне», идеальный народъ, который онъ видѣлъ на сценахъ крѣпостныхъ театровъ или у балконовъ бар-

скихъ домовъ въ день имянинъ помѣщика. Но реальный, дѣйствительный народъ, который Загоскинъ видѣлъ очень рѣдко, внушалъ ему безпримѣрное отвращеніе. «Если вамъ случалось когда-нибудь, гуляя въ праздничный день за городомъ, войти поневолѣ въ питейный домъ или въ какую-нибудь харчевню, чтобы укрыться отъ внезапной грозы, то вы вѣрно видали, какъ пируетъ и веселится низшій классъ нашего общества. Безъ всякаго сомнѣнія, эта буйная, неистовая радость, эти безумныя восклицанія пьяной черни, это скотское и срамное веселіе возбуждало въ высокой степени ваше отвращеніе, и вы, несмотря на проливной дождь, спѣшили выйти опять на воздухъ, чтобы не задохнуться въ отвратительной атмосферѣ разврата, чтобы не видѣть гнуснаго порока во всей безобразной наготѣ его» («Кузьма Рощинъ», IV, 707).

Такъ презиралъ Загоскинъ настоящій народъ, дѣйствительно дикій, темный и забитый крѣпостнымъ правомъ. Но истинные друзья народа, истинные знатоки его, какъ Гоголь, Пушкинъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Григоровичъ, и надъ безобразной громадой крѣпостной дикости и темноты умѣли отыскивать золотыя блестки въ этомъ народѣ. Необходимость образованія для народа Загоскинъ, конечно, отвергалъ: «Гораздо лучше хлопотать поменѣе о просвѣщеніи простого народа, а побольѣе заботиться объ его счастіи. Докажи мнѣ прежде, что у насъ въ Россіи просвѣщенный мужикъ счастливѣе непросвѣщеннаго, и тогда я соглашусь съ тобой. Нѣтъ, мой другъ, хорошо идти за вѣкомъ тому, кому нѣтъ надобности ходить за сохой». Какія разумныя и современныя идеи и какъ полезно внушать ихъ ученикамъ VI кл.! Загоскинъ во многихъ мѣстахъ утверждалъ, что земное просвѣщеніе излишне для крестьянина, c'est du luxe для него, какъ выражался онъ. Къ наукѣ и знанію вообще Загоскинъ питалъ глубокое нерасположеніе. «Для истиннаго христіанина,—писалъ онъ Бурачку,—философія—одно пустословіе, потому что всѣ важнѣйшіе ея вопросы давно уже рѣшены». «Мы, христіане то-есть, знаемъ все то, что можемъ и должны знать, не изучая ни Гегеля, ни Фихте, ни Канта, ни Окена, ни всѣхъ этихъ эллино христіанскихъ болтуновъ, о мудрости которыхъ, кажется, не съ большой похвалой отзывается ап. Павелъ». Съ этой точки зрѣнія Загоскинъ кн. Мышецкаго ставилъ далеко выше Лермонтова. Эти взгляды Загоскина, конечно, нашли себѣ отраженіе и въ его романахъ. «Я полагаю,—писалъ онъ,—что религіозность въ романѣ состоитъ въ томъ, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ напоминать читателю, что земная жизнь есть не цѣль, а только средство къ достиженію цѣли, что безъ христіанской религіи нѣтъ истиннаго просвѣщенія, что мудрованія западныхъ философовъ есть только мѣдь звенящая и кимвалъ звяцаяй». Эта идея развивается въ «Мирошевѣ», христіанскомъ романѣ. Въ «Юріи Милославскомъ», послѣ рѣчей Минина и Ѳеодосія въ Нижнемъ-Новгородѣ, авторъ говоритъ: «О, какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земного усыпленія! Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе особеннаго, чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству не земное чувство! Оно—слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденія нашего» (I, 160). Въ романѣ «Искуситель» красною нитью проходитъ та мысль, что знаніе, западная культура и цивилизація—дѣло «діавола и аггеловъ его». Сообразно съ этимъ взглядомъ на западную цивилизацію, Загоскинъ въ этомъ романѣ замѣтно симпатизируетъ типу правителя «добраго стараго времени». Этотъ правитель ведетъ такой разговоръ съ либераломъ, кн. Двинскимъ. «Зналъ бы я Наказъ нашей матушки Екатерины Алексѣевны, регламентъ Петра I, отчасти Уложенье царя Алексѣя Михайловича, да правилъ бы губерніей честно, добросовѣстно и со всякимъ опасеніемъ—

такъ вотъ тебѣ и вся наука! На что мнѣ ваши финти-фанты да всякія премудрости? Я, братъ, за нихъ и гроша не дамъ...

. . . .

Заладилъ одно: Сократъ да Сократъ! И что онъ былъ за человѣкъ такой? **Кн. Двинскій.** Аѳинскій гражданинъ, любезный. **Губернаторъ.** Только то! Гражданинъ, то есть, по нашему мѣщанинъ. Не велика птица! Посмотрѣли бы мы его премудрости, если бы онъ былъ гражданскимъ губернаторомъ. Тутъ, братъ, и не мѣщанинъ затылокъ у себя почешетъ. Эка важность—премудрый Сократъ! Видѣли мы этакихъ Сократовъ!» Отвращаясь отъ западной философіи и науки, Загоскинъ впадаетъ въ средневѣковой мистицизмъ и демонологію. Въ «Искусителѣ», напр., идетъ серьезный разсказъ о томъ, какъ Кальостро передалъ нѣкоему русскому фонъ-Нейгофу, свой чудесный даръ вызывать духовъ, какъ въ Москвѣ явился чудесный незнакомецъ, баронъ Брокенъ (и фамилія демоническая) и началъ уловлять довѣрчивыхъ москвичей своей сатанинской силой краснорѣчія и ловкости. Въ этомъ романѣ встрѣчаются и явленія загробныхъ тѣней, и предсказанія, и предчувствія. Кн. Двинскій, котораго Брокенъ искусилъ и прельстилъ всякими соблазнами гнилой западно-европейской цивилизаціи, кончаетъ тѣмъ, что проигрываетъ ему 400.000 р. казенныхъ денегъ и застрѣливается. Брокенъ таинственно исчезаетъ. «Вечеръ на Хопрѣ» весь проникнутъ чертовщиной; это именно чертовщина, а не поэтическая демонологія Пушкина и Гоголя, не художественное творчество, и какое то мрачное и тяжелое вѣрованіе. Сынъ разсказываетъ о своемъ отцѣ, какъ къ тому явились бѣсы и заставили его плясать. Читателю дается понять, что это быль: при этомъ произошли дѣйствительно странныя совпаденія, какъ смерть нѣкоторыхъ слугъ, появленіе въ сосѣднемъ городѣ какого то таинственнаго подъячаго съ тремя казаками. Разсказъ заканчивается совершенной чертовщиной въ домѣ, гдѣ собралось общество, въ которомъ это разсказывалось, вдругъ является невидимый «ночной поѣздъ»: явственно слышится шумъ въ сѣняхъ, кирпичи въ стѣнѣ разбираются снаружи, происходитъ общій испугъ и вдругъ все затихаетъ и въ пустыхъ, необитаемыхъ сосѣднихъ комнатахъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда чьего бы то ни было присутствія. Въ «Москвѣ и москвичахъ» также встрѣчаются таинственныя вещи, предсказанія, которыя и исполняются (напр., о смерти Владиміра Лидина). Предопредѣленія, предсказанія, чудесныя знаменія встрѣчаются и въ крупныхъ произведеніяхъ Загоскина. Въ романѣ «Мирошевъ», послѣ вѣнчанія Мирошева и добродѣтельной Марьи Дмитріевны, молодые отправились на могилу тетушки, на которой еще наканунѣ казался совершенно увядшимъ посаженный М. Д. розанъ—и вдругъ онъ появился весь въ цвѣту!

— О, матушка, матушка! вскричала М. Д., упавъ на могилу своей благодѣтельницы, я понимаю тебя: ты благословляешь дитя свое; ты радуешься его счастью! Мирошевъ сталъ на колѣни подлѣ жены своей; и тихая молитва этихъ кроткихъ христіанскихъ душъ которыя слились вѣрою въ одну душу, какъ чистый ѳиміамъ, вознеслись къ престолу Всевышняго (IV, 346).

Если дѣйствительно возведеніе Даля и Загоскина въ санъ русскихъ классиковъ и потому введеніе ихъ въ учебный планъ было обязано сложившемуся о нихъ представленію, какъ о писателяхъ способныхъ привить патріотизмъ, религіозно-нравственное чувство, здравыя идеи,—то все это—результатъ какого то страннаго недоразумѣнія. Внимательное и обширное изученіе родного языка и литературы, родной природы, исторіи и географіи, знакомство съ ея гражданскимъ строемъ—самое лучшее и вѣрное средство для привитія истинно-патріотическихъ чувствъ и понятій. Но если для этого будутъ примѣняться такія средства, какъ изученіе твореній Даля и Загоскина, во всѣхъ отношеніяхъ устарѣлыхъ и по внутреннимъ литературнымъ качествамъ малоцѣн-

ныхъ,—то можно опасаться совершенно обратнаго результата: русская учащаяся молодежь найдетъ у Загоскина слишкомъ много поводовъ и случаевъ для насмѣшливаго и отрицательнаго отношенія къ тѣмъ идеямъ, которыя превозноситъ самъ Загоскинъ и которымъ старается дать прочное, незыблемое основаніе. Вѣдь и гр. Д. Толстой, и Катковъ вводили классицизмъ главнымъ образомъ вслѣдствіе особыхъ соображеній, и въ результатѣ выросла всеобщая ненавить къ классицизму, взваливаніе на него и такихъ грѣховъ, въ которыхъ онъ совсѣмъ неповиненъ. Но у классическихъ авторовъ, наконецъ, собственно у древнихъ языковъ, какъ таковыхъ, имѣются на лицо положительныя и вѣчныя качества, чего, конечно, нѣтъ и быть не можетъ у Даля и Загоскина, и они имѣютъ тѣмъ меньшую внутреннюю силу сопротивленія. Введеніе Даля и Загоскина въ учебный планъ можно заранѣе считать не только совершенно безполезнымъ, но и прямо вреднымъ для тѣхъ самыхъ чувствъ и идей, которыя думаютъ поддержать и укрѣпить изученіемъ названныхъ писателей.

П. Головачевъ.

Еще нѣсколько словъ о Бодлерѣ и его русскомъ переводчикѣ.

(Отвѣтъ г-ну П. Я.).

Въ отвѣтной замѣткѣ на мою рецензію по поводу переводовъ изъ Бодлера г. П. Я. *) авторъ, въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства», защищая свой переводъ, между прочимъ ставитъ мнѣ слѣдующій вопросъ по поводу указаннаго мною значенія французскаго прилагательнаго sage въ живомъ современномъ языкѣ—благонравный, добропорядочный, добродѣтельный (qui a une conduite reglée): «Не говоря уже о такомъ словѣ, какъ sage-femme, повивальная бабка, которую французы зовутъ такъ не ради, конечно, ея добродѣтелей,— пишетъ г. П. Я.,—я предложилъ бы, напр., почтенному критику перевести, согласно его толкованію слова sage, такой стихъ того же Бодлера

Sois sage, ô ma Douleur, et tiens toi plus tranquille!

«Стихомъ этимъ начинается стихотвореніе «Recueillement», безукоризненную чистоту и свѣтлую одухотворенность котораго не заподозритъ, конечно, и такой мнительный критикъ, какъ г. Батюшковъ. Неужели же онъ полагаетъ, что хотя скорбь, вообще говоря, не можетъ быть порочной или добродѣтельной, но у Бодлера, молъ, все возможно?» и т. д.

Переводчикъ самъ передаетъ цитованный стихъ слѣдующимъ образомъ:

Будь мудрой, скорбь моя! Не унывай безъ мѣры!

Оставляя вопросъ о томъ, какія свойства могутъ или не могутъ быть приписаны олицетворенію (вѣдь и разговоръ со скорбью—поэтическая фикція), я, конечно, счелъ бы болѣе правильнымъ иной переводъ: сдержись (или успокойся), скорбь моя, *уймися*,—а совсѣмъ не «будь мудрой», ибо мудрость тутъ столько же неумѣстна, какъ и добродѣтель, и переводъ г. П. Я. не оправдывается ни текстомъ, ни контекстомъ **). Въ данномъ случаѣ «sois sage» синонимъ «sois temperée», выражая понятіе—держать себя въ опредѣленныхъ гра-

---

*) См. «Міръ Божій», Августъ.

**) Кстати, откуда г. П. Я. въ томъ же стихотвореніи взялъ выраженіе «толпу заботъ» вм. тьмы (въ оригиналѣ, къ тому же, просто le souci)? Это едва ли допустимый галлицизмъ, ибо въ русскомъ языкѣ «толпа» есть всегда людская толпа.

ницахъ, быть умѣренной, что въ другихъ случаяхъ и служитъ показателемъ благоразумія или добронравія. И напрасно г. П. Я. полагаетъ, что вышеуказанное второе значеніе sage *) новѣйшаго происхожденія и что болѣе полувѣка назадъ, когда писалъ Бодлеръ: «Прискорбная тенденція современнаго французскаго языка опошливать значеніе самыхъ порою хорошихъ словъ не была еще такъ развита»... «Прискорбная тенденція» тутъ не при чемъ и это второе, какъ и иныя значенія слова, весьма древнія. Да и въ самомъ дѣлѣ, если не за добродѣтель, то и не за «мудрость» же и повивальныя бабки были прозваны «мудрыми женами», а всего вѣроятнѣе въ зависимости еще отъ иного, стариннаго значенія sage—умѣлый, ловкій, свѣдущій. Однако, кстати напомнимъ, курьеза ради, что близость понятій мудрости и цѣломудрія, отъ котораго развились и другія значенія слова—воздержанный, умѣренный, благонравный и т. д., вызвала толкованіе еще въ XVI вѣкѣ, что свое прозвище—«sage-femmes»—повивальныя бабки получили не безъ отношенія и къ ихъ добродѣтели! Такъ, Монтэнь, на основаніи этого значенія слова sage, устанавливалъ слѣдующую параллель между философами и... повивальными бабками: «Сократъ говорилъ, что повивальныя бабки (sages femmes), взявшись за ремесло помогать другимъ рожать, сами отказывались отъ того, чтобы производить дѣтей: равнымъ образомъ и онъ, въ виду полученнаго имъ отъ боговъ прозвища мудреца (sage homme), также отказался, въ своей мужественной и чисто умственной любви, отъ способности имѣть дѣтей; онъ довольствовался тѣмъ, что содѣйствовалъ и приходилъ на помощь производящимъ» (т.-е. воспитывая и образуя юношество, см. Монтэня, Апологію Раймонда Себондскаго, «Опыты», II, гл. XII). Духовное рожденіе приравнивается физическому, а воздержанная жизнь философа уподобляется воздержанности повивальныхъ бабокъ, «мудрость» которыхъ исчерпывалась въ данномъ случаѣ отказомъ отъ материнства... Конечно, этимологія слова sage-femme можетъ имѣть и иное объясненіе, но характерно, что сопоставленіе Монтэня опирается на значеніе «sage»—цѣломудренный, воздержанный, а не на философскомъ опредѣленіи мудрости, какъ проникновенія въ тайны природы и обладанія способностью здраво и мѣтко судить, на основаніи глубокаго знанія человѣка. Тотъ же оттѣнокъ цѣломудрія имѣетъ и у насъ выраженіе «мудрый» въ евангельской притчѣ «о мудрыхъ и неразумныхъ дѣвахъ», только въ русскомъ языкѣ не произошло такой же дифференціаціи значенія, какъ во французскомъ, и мы сомнѣваемся, чтобы въ извѣстномъ афоризмѣ о женщинахъ Бомаршэ: «Sois belle si tu peux, sage si tu veux, mais sois considérée—il le faut», во второй фразѣ можно было бы по-русски употребить выраженіе «мудрый», когда рѣчь идетъ лишь о добромъ поведеніи. И, такимъ образомъ, ссылка г. П. Я. на повивальныя бабки ничуть не служитъ возраженіемъ на наше замѣчаніе, что въ стихѣ Бодлера: «Que m'importe que tu sois sage!»—рѣчь идетъ не объ умѣ, а только о добрыхъ нравахъ «печальной красавицы», которая владѣла сердцемъ поэта, глубоко равнодушнаго къ ея нравственнымъ качествамъ. Г. П. Я. упрекаетъ меня въ томъ, что, указывая на «субъективизмъ» въ нѣкоторыхъ его переводахъ, я самъ погрѣшилъ въ томъ же, лишь въ обратномъ смыслѣ, т.-е. возражая противъ того, что переводчикъ мѣстами облагораживаетъ, или «обѣляетъ» Бодлера, я его слишкомъ черню, относясь къ поэту «въ высшей степени недоброжелательно, чтобы не сказать враждебно», наконецъ, что «все злое и жестокое, изображенное въ его книгѣ», склоненъ приписать самому поэту. Смѣю завѣрить уважаемаго пере-

---

*) Первоначальнаго значенія «мудрый» я, конечно, не отрицалъ и, кстати, долженъ сдѣлать поправку вкравшейся описки: Значеніе мудрый сохранилось *почти* исключительно лишь въ существительномъ le sage: мудрецъ», а не просто исключительно, какъ сказано въ цитованной г. П. Я. фразѣ.

водчика, что никакого враждебнаго чувства къ Бодлеру я не питаю и ничуть не склоненъ возводить какія бы то ни было обвиненія противъ него: ни слова осужденія поэту мною не было высказано. Рѣчь идетъ лишь объ оцѣнкѣ поэзіи Бодлера, о впечатлѣніи, которое она можетъ производить, и объ ея правильномъ освѣщеніи, совершенно независимо отъ тѣхъ или другихъ личныхъ свойствъ автора. Устанавливая иную точку зрѣнія на произведенія поэта, чѣмъ та, съ которой переводчикъ его комментируетъ въ приложенномъ этюдѣ о Бодлерѣ, я, можетъ быть, дѣйствительно немного увлекся въ противоположную сторону и спѣшу теперь же, кстати, признать справедливость объясненій г. П. Я. по поводу одного стихотворенія—объ еврейкѣ («Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive»): перечитавъ его, я нахожу толкованіе г. П. Я. болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ то, которое мнѣ сперва представилось, подъ впечатлѣніемъ постояннаго стремленія поэта къ какой-то печальной красавицѣ, предмету его грёзъ, о которой и его другъ, Теофиль Готье, не могъ сказать съ достовѣрностью, была ли она реальнымъ существомъ или просто мечтой поэта. Эта раздвоенность могла ввести меня въ заблужденіе и не потому, чтобы я смѣшалъ значеніе словъ «воздерживаться» и «быть лишеннымъ», такъ какъ, когда чего-либо лишенъ, то воздержаніе невольное и само собой подразумѣвается *). Однако, въ настоящемъ случаѣ г. П Я. можетъ быть дѣйствительно правъ: передъ поэтомъ носится идеальный образъ не другой реальной женщины, а опоэтизированный обликъ той самой еврейки, которая въ настоящемъ видѣ производитъ на поэта отталкивающее впечатлѣніе. Эпитетъ naïve я не стушевывалъ, передавая лишь заключительную строфу, и продолжаю думать, что лаконичное выраженіе Бодлера: «слезой... затемнить блескъ холодныхъ зрачковъ» неумѣренно распространено переводчикомъ вставкой объ «отзывномъ сердцѣ» и прибавкой: «но ты... такъ плакала въ жизни хоть разъ?»; равно и выше, гдѣ слово vigueur передано красивымъ, но самостоятельнымъ образомъ переводчика: «и зорями дремлющихъ грезъ». Что касается другого стихотворенія—«La servante au grand coeur dont vous étiez jalouse», то хотя ситуація въ этомъ глубоко мистическомъ стихотвореніи (рѣчь идетъ объ общеніи мертвецовъ съ живыми людьми) остается нѣсколько загадочной, возможно объясненіе г. П. Я., что оно обращено не къ женѣ, какъ я предполагалъ, а къ матери поэта. На фонѣ мистической вѣры въ явленіе покойниковъ я предположилъ семейную драму; г. П. Я. придалъ пьесѣ характеръ идилліи: мы оба неправы, но, уступая переводчику его теперешнее толкованіе—«vous étiez jalouse» къ матери

---

*) Совершенно напрасно г. П. Я. обвиняетъ меня въ нарушеніи *грамматическаго* смысла. Именно *грамматически* я совершенно правъ въ переводѣ первой строфы, которая допускаетъ двоякое толкованіе. Вотъ это четырехстишіе:

Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive,
Comme au long d'un cadavre un cadavre étendu,
Je me pris à songer près de *ce* corps vendu
A *la* triste beauté dont mon désir se prive.

Однажды ночью, лежа около ужасной еврейки, какъ трупъ рядомъ съ трупомъ, я задумался, рядомъ съ *этимъ* продажнымъ тѣломъ, *о печальной красотѣ*, отъ которой мое желаніе воздерживается.

La triste beauté можетъ означать и «печальную красавицу»: «мое желаніе отъ нея воздерживается», ибо вмѣсто того, чтобы идти къ ней, я провожу ночь съ другой женщиной, которая оставляетъ меня вполнѣ холоднымъ. Но la triste beauté можетъ имѣть и иное значеніе—«жалкой красоты», а въ такомъ случаѣ отнесено къ еврейкѣ: г. П. Я. въ этомъ совершенно правъ, только оба значенія не противорѣчатъ грамматическому смыслу фразы, которая въ русскомъ переводѣ совсѣмъ опущена:

Съ ужасной еврейкой, прекрасной, какъ мертвый
Изваянный мраморъ, провелъ я всю ночь,
Какъ трупъ возлѣ трупа простертый...
Порока продажную дочь
Представилъ тогда я въ величьи природномъ... и т. д.

поэта (а не къ женѣ или возлюбленной), я не могу согласиться съ множественнымъ числомъ въ переводѣ, «взглянуть на выросшихъ дѣтей своихъ» (вм. l'enfant grandi, т.-е., по объясненію г. П. Я., самого поэта), а еще менѣе того вѣроятно, чтобы упоминаніе о ревности было сдѣлано, какъ того хочетъ г. П. Я., исключительно въ угоду риѳмѣ—jalouse: pelouse (тѣмъ болѣе, что pelouse на второмъ мѣстѣ); за пропускомъ же единственнаго опредѣляющаго эпитета лица, къ которому поэтъ обращается, въ переводѣ получается иной смыслъ.

Г. П. Я. призналъ справедливость нѣкоторыхъ изъ высказанныхъ мною замѣчаній, но, вѣроятно, изъ скромности, пропустилъ отмѣтить, что я все-таки указалъ на многія весьма положительныя качества его переводовъ и назвалъ нѣсколько изъ наиболѣе удавшихся ему стихотворныхъ переводовъ; въ то же время онъ именно изъ числа этихъ пьесъ счелъ нужнымъ выбрать одну («Пирушку тряпичниковъ»), которую приводитъ en regard съ подстрочнымъ переводомъ, въ оправданіе близости своего перевода *)! Казалось бы, ужъ если давать на провѣрку читателей подстрочный и стихотворный переводъ, то умѣстнѣе приводить спорныя пьесы, хотя бы, напримѣръ, тотъ самый «Печальный мадригалъ», въ пониманіи котораго мы такъ рѣшительно расходимся съ г. П. Я. Такое сравненіе выяснило бы, до какой степени онъ и теперь невѣрно толкуетъ его содержаніе. Но пусть интересующіеся вопросомъ сами обратятся къ тексту въ этомъ и другихъ случаяхъ: мы отнюдь не задавались цѣлью выискивать погрѣшности перевода. Признавая несомнѣнную талантливость нѣкоторыхъ оригинальныхъ стихотвореній г. П. Я., мы считали достаточнымъ на двухъ, трехъ примѣрахъ указать, что различіе поэтическихъ темпераментовъ и совершенно чуждыхъ другъ другу міропониманій привело къ тому, что многіе изъ переводовъ г. П. Я. являются скорѣе самостоятельными произведеніями «на мотивы» изъ Бодлера, чѣмъ дѣйствительными переводами **). Подобное

---

*) Если я сдѣлалъ оговорку о «вольности» передачи, то въ ней легко убѣдиться: изложеніе «отъ себя» въ обобщенной формѣ у Бодлера замѣнено картиной «воочію» у П. Я., а передача слова *gloire* черезъ понятія «свободы и воскресенья вѣсть» есть, во всякомъ случаѣ, не переводъ, а комментаріи.

**) Мы могли бы, конечно, ограничиться констатированіемъ факта, не предлагая ему объясненій. Но отнюдь не заподозривая г. П. Я. въ произвольныхъ или умышленныхъ «недоразумѣніяхъ» съ текстомъ, мы не могли отказаться въ удовлетворенія найти къ нимъ ключъ—въ безсознательной работѣ мысли переводчика. Достаточно сопоставить красивое и весьма цѣльное по настроенію стихотвореніе г. П. Я.—«Я твой, земля» (т. I. стр. 46) съ мотивами поэзіи Бодлера, въ которыхъ выражается стремленіе освободиться отъ путъ міра и воспѣвается «услада небытія», чтобы ощутить характерное различіе міропониманій французскаго поэта и его русскаго переводчика. Какъ разъ въ сонетѣ «Le goût du néant» (одно заглавіе котораго въ переводѣ: «*Вкусъ* небытія», не мало озадачитъ русскаго читателя) заключительная строфа въ подлинникѣ выражаетъ глубокую разочарованность автора *во всемъ земномъ* и желаніе уйти отъ міра юдоли; между тѣмъ, для переводчика, наоборотъ, оказываются *небеса пусты* и вмѣсто крика отчаянья Бодлера, какъ бы пророчащаго гибель міра и вмѣстѣ съ нимъ—переходъ въ нирванну: «Avalanche, veux-tu m'emporter dans ta chute?», у г. П. Я. ожидается какъ бы пробужденіе міра: «Лавина! скоро-ль ты разбудишь воздухъ сонный» (?!). Мы отмѣтили въ числѣ удачныхъ, въ общемъ, переводъ сонета «Цыгане въ пути»; однако, и здѣсь пессимистическая нотка Бодлера переиначена въ болѣе оптимистическомъ духѣ: пророческій народъ, по переводу г. П. Я., можетъ, по крайней мѣрѣ, утѣшаться:

Задумчиво слѣдя цѣпь облаковъ летучихъ,
Умѣя тайный смыслъ постигнуть въ ихъ игрѣ.

У Бодлера иное:

Promenant sur le ciel des yeux appesantis Par le morne regret des chimères absentes	Смотря на небо отяжелѣвшими глазами отъ унылаго сожалѣнія объ отсутствующихъ химерахъ...

Но мы не настаивали на такихъ неточностяхъ, въ виду общаго предложеннаго имъ объясненія «субъективности» уважаемаго переводчика и его талантливости въ *своемъ* родѣ.

случалось не разъ и съ выдающимися поэтами, когда они выступали въ роли переводчиковъ, но субъективное усвоеніе г. П. Я. французскаго поэта отразилось и на общемъ, невѣрномъ освѣщеніи его дѣятельности въ приложенномъ этюдѣ.

Еще два слова по поводу рекомендуемыхъ мнѣ г. П. Я. отзывовъ другихъ поэтовъ о Бодлерѣ и критики неизвѣстнаго мнѣ Анри Сеара, во исправленіе моего сужденія. За всѣми мнѣніями не угоняешься, да оно, можетъ быть, и излишне, такъ какъ я не имѣлъ въ виду представить свода мнѣній или писать исторію поэзіи Бодлера въ мнѣніяхъ о немъ; къ тому же эти мнѣнія достаточно разнообразны, чтобы выбирать любое. Важнѣе непосредственное отношеніе къ поэту, причемъ, конечно, нѣкоторая субъективность впечатлѣній всегда сказывается. Напримѣръ, и г. П. Я. расходится въ оцѣнкѣ съ Сентъ-Бевомъ, отозвавшись неодобрительно о сонетѣ «Печаль луны» (стр. 259), между тѣмъ какъ Сентъ-Бевъ, въ письмѣ къ Бодлеру, именно выдѣлилъ это стихотвореніе, какъ особенно ему понравившееся. Вѣроятно, г. П. Я. не согласенъ и съ оцѣнкой Pontmartin поэзіи Бодлера, такъ какъ этотъ критикъ, признавая ея несомнѣнный интересъ и художественныя достоинства, все же даетъ ей общую характеристику: «c'est le sens personnel qui a absorbé le sentiment général; c'est le germe maladif qui est devenu l'organe tout entier». Не согласенъ г. П. Я. и со мной, но его пристрастіе къ Бодлеру, на мой взглядъ, все же объясняется въ извѣстной степени его субъективнымъ усвоеніемъ поэта. Конечно, нѣкоторая субъективность передачи—дѣло почти неизбѣжное во всякомъ стихотворномъ переводѣ, при крайней стѣсненности формы. Въ своемъ возраженіи г. П. Я. показалъ, что такой же упрекъ въ субъективномъ отношеніи, въ частностяхъ (не существенныхъ для общей оцѣнки), можетъ быть обращенъ и къ критику, при торопливости рецензіи... Охотно уступая переводчику толкованіе двухъ вышеуказанныхъ стихотвореній Бодлера (болѣе точный ихъ переводъ все же желателенъ, независимо отъ толкованія), я все-таки думаю, что въ общей характеристикѣ г. П. Я. поэта не мало иллюзій юношескаго увлеченія, въ которомъ уважаемый переводчикъ самъ признавался. Если же я позволилъ себѣ порекомендовать ему еще разъ перечесть Бодлера теперь, то отнюдь не вслѣдствіе бѣглой журнальной замѣтки (авторъ совершенно напрасно заподозрилъ меня въ такомъ самомнѣніи), а подъ впечатлѣніемъ недавняго стихотворенія г. П. Я., который обращался съ воззваніемъ къ юности, улетающей въ вышинѣ (Майская пѣсня, въ «Русск. Бог.», іюнь): вмѣстѣ съ юностью уносятся и многія наши иллюзіи, а такъ какъ г. П. Я. признавался, что уже пережилъ два различныхъ момента въ своемъ отношеніи къ Бодлеру, то теперь могъ наступить третій моментъ, въ связи съ новымъ періодомъ жизни переводчика-поэта. А въ третій ли счетомъ, или десятый, сотый разъ прочитывался бы при этомъ любимый авторъ юности г. П. Я.—это, конечно, его дѣло. И какъ бы онъ ни отстаивалъ свои впечатлѣнія, вызванныя поэзіей Бодлера, онъ все же никогда не убѣдитъ насъ въ томъ, чтобы эта поэзія была, по существу и по замыслу, обличительной или сатирической, и посему его ссылка на Гоголя совершенно неумѣстна. Что нѣкоторыя изъ произведеній Бодлера оказались обличеніями уродливыхъ явленій жизни, въ силу ихъ простого изображенія, безъ предвзятости,—это другой вопросъ, и я не отрицаю этого значенія за поэзіей Бодлера. Но есть разница въ «проникновенномъ изображеніи порока» и отрицательныхъ сторонъ жизни, отъ дѣйствительно сатирико-обличительнаго отношенія поэта къ тому, что онъ бичуетъ, какъ это выразилось, напр., у Виктора Гюго. По поводу же Достоевскаго, указаніемъ на котораго г. П. Я. словно хочетъ меня «уничтожить», то напомню, что сближеніе съ Достоевскимъ было мною сдѣлано въ той же рецензіи, съ оговоркой, что, на мой взглядъ, къ Бодлеру въ большей степени, чѣмъ къ Достоевскому, примѣнимъ эпитетъ, данный Н. К. Михайловскимъ—«жестокій талантъ». Уже одно это сопоставленіе француз-

скаго поэта, занимающаго все же лишь второстепенное мѣсто въ современномъ Парнасѣ, съ нашимъ геніальнымъ романистомъ, который имѣетъ міровое значеніе, указываетъ, что я не отношусь столь недоброжелательно къ поэту, какъ это показалось г-ну П. Я.; даже больше того—я думаю, что онъ обладаетъ достаточными качествами, чтобы, оставаясь тѣмъ, что онъ былъ и есть, предстать предъ иностранными читателями въ своемъ видѣ, поочередно привлекая и отталкивая, вызывая высокій подъемъ духа и погружая въ тяжелый кошмаръ одуряющаго порока. Поэтому нельзя, иначе какъ переиначивъ основныя черты поэзіи Бодлера, утверждать, что онъ былъ вездѣ поборникомъ «любви и добра» (266), что «сочувствіе его всегда на сторонѣ несчастныхъ, униженныхъ и обездоленныхъ» (262) и, наконецъ, что «рѣдко какое-либо литературное произведеніе оставляетъ такое *безусловно* чистое (курсивъ нашъ) впечатлѣніе, какъ «Fleurs du Mal», и навязывать автору свои выводы *). Бодлеръ былъ поэтомъ въ ограниченномъ смыслѣ слова, поэтомъ сильнымъ, оригинальнымъ, и этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы цѣнить его, не приписывая ему ни особой «идейности» (его основнымъ взглядомъ на поэзію было, какъ извѣстно, парадоксальное утвержденіе, что объектомъ поэзіи служитъ даже не истина, а *только* она сама: la poésie n'a pas la vérité pour objet, elle n'a qu'Elle même) **), ни гуманитарно-просвѣтительныхъ стремленій, которыя не вяжутся съ его глубокимъ пессимизмомъ.

Позволимъ себѣ напомнить слѣдующій общій отзывъ о Бодлерѣ Теофиля Готье, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ предубѣжденіи къ поэту, считавшагося его лучшимъ другомъ: «Бодлеръ питалъ чувство полнаго ужаса къ филантропамъ, прогрессистамъ, утилитаристамъ, гуманистамъ, утопистамъ и всѣмъ тѣмъ, которые претендуютъ измѣнить что-либо въ неизмѣнной (на его взглядъ) природѣ и роковой организаціи обществъ. Онъ не мечталъ ни объ упраздненіи ада, ни объ отмѣнѣ гильотины для большаго удобства грѣшниковъ и убійцъ; онъ не думалъ, чтобы человѣкъ былъ добръ отъ рожденія, и допускалъ первородную порочность, какъ элементъ, который можетъ быть найденъ въ глубинѣ самыхъ чистыхъ душъ,—порочность, являющуюся дурной совѣтчицей, которая наталкиваетъ человѣка на пагубу именно потому, что она пагубна, изъ удовольствія идти наперекоръ закону, безъ иного привлеченія, какъ ослушанія, даже внѣ чувственности, выгоды. Эту порочность онъ устанавливалъ и бичевалъ въ другихъ, какъ и въ самомъ себѣ,—какъ раба, пойманнаго

---

*) Напр., въ той же августовской книжкѣ «Русск. Бог.» г. Л. Шейнисъ, обсуждая вопросъ о формѣ и содержаніи въ произведеніяхъ искусства, старается выгородить Бодлера отъ смѣшенія съ новѣйшими поэтами и тоже приписываетъ ему роль обличителя, причемъ замѣчаетъ: «Далеко не примиряясь съ ужасной дѣйствительностью, Бодлеръ, однако, ищетъ идеалъ не въ мистицизмѣ, а въ борьбѣ съ этой дѣйствительностью. Прочтите хотя бы тотъ отдѣлъ «Цвѣтовъ зла», который носитъ достаточно опредѣленное названіе «La Révolte», прочтите въ особенности «Le Reniement de Saint-Pierre», этотъ крикъ негодующаго протеста противъ смиренія и непротивленія злу»... и т. д. Однако, если бы сочувствіе Бодлера было дѣйствительно на сторонѣ этихъ révoltés, почему же онъ помѣстилъ данный отдѣлъ подъ общую рубрику «Цвѣтовъ зла»? Не правильнѣе ли обратное объясненіе, что онъ предлагаетъ только характеристику настроенія révoltés, относясь къ нимъ съ такимъ же безстрастіемъ, какъ и къ неврастеникамъ, и къ алкоголикамъ, и къ разнымъ отщепенцамъ общества, а совсѣмъ не по личному сочувствію къ нимъ? И мистицизма у Бодлера въ болѣе чѣмъ достаточной степени, и стремленія къ уединенному паренію надъ всѣмъ земнымъ («planer sur la vie»), и возведеніе въ идеалъ леди Макбетъ—âme puissante au crime,—и многое другое, что не соотвѣтствуетъ крайне односторонней характеристикѣ г. Шейниса сложнаго образа поэта, откликающагося, какъ эхо, на разныя явленія жизни, но стремящагося самому стать выше ихъ (ср. Альбатросъ, «Elevation», «Les phares» и др.).

**) Мы имѣли бы возразить въ этой формулѣ лишь противъ—«n'a que» (только), иначе вполнѣ правильно, что «Elle même» на первомъ планѣ.

на мѣстѣ преступленія, но воздерживаясь отъ всякихъ поученій, такъ какъ онъ считалъ ее какъ бы роковымъ образомъ неисправимой (comme damnablement irrémédiable)». Смыслъ морализма Бодлера, такимъ образомъ, сводится къ слѣдующему положенію: зло въ корнѣ человѣческой природы; на него можно указывать, но тщетно было бы стремиться его искоренить: «Но для сердца, отвергшаго истину скучную, не довольно-ль миража, несущаго свѣтъ?» *). И кстати замѣтимъ, если принять въ разсчетъ колебанія въ настроеніи Бодлера, не столько въ стихахъ его, какъ въ «стихотвореніяхъ въ прозѣ», могутъ быть указаны намеки на его сочувственное отношеніе къ обездоленнымъ (ср. Les yeux des pauvres, Les fenêtres и др.) и презрительное равнодушіе къ богачамъ (la joie des riches—cette turbulence dans le vide...). Поэтъ любитъ «переживать чужія жизни», особенно бѣдняковъ, потому что они интереснѣе; онъ сочувствуетъ порой ропоту справедливаго недовольства тѣхъ, кто лишенъ всѣхъ благъ міра, но, по странной склонности къ парадоксамъ, обращаетъ идею справедливости въ проповѣдь кулака, хоть и съ цѣлью уравненія имуществъ (см. его «Assommons les pauvres»), клянетъ во всѣхъ формахъ «отвратительную жизнь» и, отдавая предпочтеніе «непреодолимому равнодушію» надъ всѣми «химерами», онъ стремится къ уединенію, со злой иронiей называя любовь къ ближнему—«проституціей братства» (fraternitaire). (Ср. также «Le Miroir»). Природное благородство заставляло его отвѣтить демону-искусителю: «je n'ai besoin, pour ma jouissance, de la misère de personne, et je ne veux pas d'une richesse attristée, comme un papier de tenture, de tous les malheurs representés sur ta peau». Онъ находилъ также, что—«le plus irréparable des vices est de faire le mal par bêtise»; но не знаменательно ли—для общей оцѣнки личнаго міросозерцанія Бодлера (не только въ періодъ реакціи),—первое, заглавное «Стихотвореніе въ прозѣ», рисующее преобладавшее въ немъ настроеніе? Вотъ оно:

«Кого ты больше всѣхъ любишь, странный человѣкъ,—отца, мать, сестру, брата?—У меня нѣтъ ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.—Своихъ друзей?—Вы пользуетесь выраженіемъ, значеніе котораго осталось мнѣ до сихъ поръ неизвѣстнымъ.—Отечество?—Я не знаю, подъ какой широтой оно находится.—Красоту?—Я охотно полюбилъ бы ее—богиней и безсмертной.—Золото?—Я его ненавижу такъ же, какъ вы ненавидите Бога.—Что же ты, наконецъ, любишь, необыкновенный чужестранецъ?—Я люблю облака... облака, который проносятся... вотъ тамъ... чудныя облака!»

Поэтъ самъ за себя отвѣтилъ.—Когда же изъ облачной выси Бодлеръ возвращался на землю, онъ представляется намъ значительнымъ по безпристрастному и яркому изображенію не столько нормальныхъ человѣческихъ свойствъ и ощущеній, какъ уклоненій отъ нормы въ сторону порочныхъ или болѣзненныхъ наклонностей, или какъ результатъ уродующихъ явленій жизни. Расширивъ область поэзіи, онъ, однако, самъ остался въ предѣлахъ отмежеванной себѣ области, и изображеніе «цвѣтовъ зла» заслонило ему проясненіе тѣхъ идеаловъ, по которымъ въ сердцѣ поэта тлѣла смутная тоска. Но каково бы ни было личное міросозерцаніе поэта, его собственное стремленіе вдаль отъ міра и глубокое разочарованіе въ жизни, быть можетъ намъ слѣдовало не возбуждать спора объ его оцѣнкѣ по существу, а лишь радоваться тому, что эта поэзія все же способна возбуждать и свѣтлыя чувства и питать надежды возможнаго мірского благополучія? Если мы отстаивали эпитетъ, данный Бодлеру,—«пѣвца зла и порока», то, конечно, не въ смыслѣ ихъ прославленія, а художественнаго изображенія, какъ, напр., Данте называютъ пѣвцомъ ада не потому, конечно, чтобы онъ *прославлялъ* адскія муки. Но у Данте, кромѣ того, болѣе

*) Переводъ г. П. Я. пьесы Бодлера, которую я пропустилъ совершенно случайно въ его сборникѣ, но безъ всякой «цѣли», какъ уважаемый переводчикъ ошибочно предположилъ.

опредѣленные этическіе идеалы. Спиритуализмъ же Бодлера—это стонъ больной, хоть и высокой души. Немногіе способны такъ односторонне отнестись къ его поэзіи, чтобы извлечь изъ нея только человѣколюбивые порывы: другія стороны перевѣшивали и перевѣшиваютъ у почитателей и послѣдователей Бодлера. Намъ казалось умѣстнымъ возстановить равновѣсіе изъ простой любви къ правдѣ.

Ѳ. Батюшковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Петербургскій университетъ объ университетской реформѣ. Коммиссія, назначенная совѣтомъ С.-Петербургскаго университета 7-го мая 1901 г. для составленія проекта отвѣтовъ на вопросы, предложенные министромъ народнаго просвѣщенія, закончила свои работы. Во всѣхъ своихъ заключеніяхъ, которыя мы приводимъ здѣсь въ извлеченіи, коммиссія исходила изъ опредѣленія университета, какъ ученаго и высшаго учебнаго учрежденія, состоящаго изъ факультетовъ, образующихъ части нераздѣльнаго цѣлаго.

По вопросу о томъ, какъ должны быть поставлены должности ректора и декановъ коммиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: ректоръ избирается совѣтомъ на четыре года изъ ординарныхъ профессоровъ и утверждается въ семъ званіи Высочайшимъ приказомъ. Деканы избираются въ собраніяхъ факультетовъ на три года изъ ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ и утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія. Университетъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія. Ординарные профессора университета утверждаются въ своихъ должностяхъ Высочайшею властью, а прочіе университетскіе преподаватели—министромъ.

Относительно измѣненій въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства факультетовъ, правленія и совѣта коммиссія нашла желательнымъ согласоваться съ съ уставомъ 1863 года.

Коммиссія единогласно признала желательной полную отмѣну гонорарной системы, какъ не достигающей своей цѣли и даже могущей оказать вредное вліяніе на университетскую дѣятельность.

Относительно размѣровъ увеличенія штатнаго содержанія профессоровъ коммиссія находитъ нынѣшній размѣръ ничтожно малымъ. Желательно прогрессивное увеличеніе штатнаго содержанія черезъ каждыя пять лѣтъ, приблизительно въ размѣрѣ одной десятой первоначальнаго оклада.

Для привлеченія студентовъ къ болѣе усерднымъ занятіямъ и для подъема уровня образованія, получаемаго ими въ университетѣ, коммиссія считаетъ необходимыми слѣдующія мѣры: 1) Возстановленіе автономіи факультетовъ въ завѣдываніи учебной частью, какой они пользовались до 1884 г. 2) Обезпеченіе факультетовъ матеріальными средствами, необходимыми для улучшенія преподаванія. 3) Отмѣна ограниченія числа студентовъ въ университетахъ и правила, по которому окончившіе курсъ въ гимназіи могутъ поступать только въ университеты опредѣленныхъ округовъ, росписанныхъ съ этой цѣлью по разнымъ университетамъ. 4) Дозволеніе студентамъ изучать нѣкоторые предметы изъ факультетскихъ, но съ тѣмъ, чтобы въ своихъ занятіяхъ этими предметами они подчинялись такому же контролю, какъ и остальные студенты.

5) Дозволеніе студентамъ употреблять такіе способы для изученія избранныхъ наукъ, какіе они сами предпочтутъ, подъ условіемъ, чтобы въ опредѣленный срокъ студентами были усвоены свѣдѣнія и исполнены работы, указанныя факультетомъ въ его учебныхъ программахъ. 6) Предоставленіе факультетамъ права содѣйствовать учрежденію студенческихъ ученыхъ обществъ для научныхъ кружковъ и руководить ихъ занятіями. 7) Устройство, по ходатайству факультетовъ съѣздовъ профессоровъ, для обсужденія вопросовъ, касающихся университетскаго преподаванія и вообще университетской жизни.

Вопросъ о способѣ производства экзаменовъ и о срокахъ, а также и другихъ деталяхъ, слѣдовало бы предоставить рѣшенію отдѣльныхъ факультетовъ. Поэтому коммиссія считаетъ крайне желательнымъ, чтобы уставъ университетовъ предоставлялъ въ этомъ отношеніи факультетамъ самую широкую самостоятельность. Коммиссія считаетъ возможнымъ, чтобы въ уважительныхъ по мнѣнію факультета, случаяхъ онъ могъ допускать, въ видѣ исключенія, экстерновъ къ держанію экзаменовъ.

Необходимо предоставлять служебныя права оканчивающимъ университетъ и не меньшія, чѣмъ какія даются оканчивающимъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По вопросу о государственныхъ экзаменахъ коммиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) желательно замѣнить существующіе нынѣ государственные экзамены въ особо учреждаемыхъ коммиссіяхъ университетскими экзаменами въ томъ видѣ, какъ они существовали при дѣйствовавшемъ уставѣ 1863 г.; 2) желательно возстановленіе ученой степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента.

Въ видахъ сближенія профессоровъ и студентовъ, желательно: 1) участіе профессоровъ въ разнаго рода студенческихъ кружкахъ и собраніяхъ, 2) развитіе практическихъ занятій и устройство разнаго рода экскурсій.

По вопросу о студенческихъ организаціяхъ коммиссія пришла къ заключеніямъ: каждый курсъ, подъ предсѣдательствомъ товарища ректора, избираетъ курсовыхъ старостъ, по 2 на каждомъ курсѣ, а на многолюдныхъ курсахъ — по одному на полную сотню студентовъ. Изъ старостъ образуются совѣты старостъ, факультетскіе и общіе, обсуждающіе вопросы учебные и другіе, касающіеся академической жизни; совѣты представляютъ свои заключенія на утвержденіе ректора или декана. Собранія студентовъ всего факультета разрѣшаются ректоромъ лишь въ томъ случаѣ, если о таковыхъ разрѣшеніяхъ ходатайствуетъ совѣтъ старшинъ этого факультета, по постановленію не менѣе двухъ третей совѣта. Студентамъ слѣдуетъ предоставлять еще образовать подъ вѣдѣніемъ университета различные кружки, общества — научныя, литературныя, художественныя и т. д., а также учрежденія, имѣющія цѣлью матеріальную или нравственную взаимопомощь и другія дозволенныя задачи, возникающія вслѣдствіе взаимнаго общенія студентовъ, напр., кассы взаимопомощи, общестуденческія или факультетскія библіотеки и т. п.

Коммиссія находитъ необходимымъ возстановленіе выборнаго университетскаго суда изъ профессоровъ, избираемыхъ совѣтомъ на годъ по одному отъ каждаго факультета, и изъ предсѣдателя, избираемаго совѣтомъ изъ профессоровъ-юристовъ на тотъ же срокъ. На судѣ рѣшаются всѣ столкновенія студентовъ съ преподавателями и должностными лицами университета, хотя бы они произошли и внѣ зданій или учрежденій университета; нарушенія обязательныхъ для студентовъ правилъ, изданныхъ университетомъ, хотя бы таковыя нарушенія имѣли мѣсто внѣ университета; дѣла, переносимыя ректоромъ въ университетскій судъ, по ходатайству товарищескаго суда студентовъ. Приговоры университетскаго суда представляются на утвержденіе совѣта.

Коммиссія высказалась за учрежденіе студенческаго товарищескаго суда,

но этотъ послѣдній не слѣдуетъ называть судомъ чести. Товарищескій судъ состоитъ изъ 8 лицъ, избираемыхъ на 1 годъ курсовымъ собраніемъ двухъ старшихъ курсовъ. Рѣшенія товарищескаго суда, кромѣ оправданія, могутъ состоять или въ предостереженіи, или въ лишеніи корпоративныхъ правъ виновнаго: права участія въ курсовыхъ собраніяхъ, быть избираемымъ, или избирать на студенческія должности и т. п. Если же товарищескій судъ придетъ къ заключенію, что совершенный студентомъ проступокъ выходитъ изъ компетенціи товарищескаго суда, то ходатайствуетъ передъ ректоромъ о перенесеніи дѣла о такомъ студентѣ въ университетскій судъ.

Организація университетской инспекціи, въ теперешнемъ ея видѣ, совершенно не цѣлесообразна и даже вредна; въ этомъ отношеніи необходимы слѣдующія измѣненія: ближайшее наблюденіе за исполненіемъ правилъ и попеченіе о корпоративномъ строѣ студенческой жизни возложить на избираемаго совѣтомъ изъ своей среды товарища ректора.

Опытъ насажденія дворянскаго землевладѣнія. Законъ 8-го іюля сего года объ отводѣ частнымъ лицамъ земель въ Сибири имѣетъ за собою, какъ мы указывали уже въ прошлой книжкѣ (см. «*За мѣсяцъ*»), длинную исторію,—и въ Сибири, и въ Европейской Россіи отводъ казенныхъ земель дворянамъ и чиновникамъ, на такихъ же почти условіяхъ, практиковался уже не разъ. Дворянамъ, какъ наиболѣе образованному классу, для поднятія сельскохозяйственной культуры, главнымъ образомъ на окраинахъ государства, отводились болѣе или менѣе значительныя пространства казенной земли, и въ собственность, и въ долгосрочную аренду, на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ. Однако, насколько извѣстно всѣмъ, ни одинъ, кажется, изъ опытовъ насажденія сельскохозяйственныхъ знаній при посредствѣ дворянскаго землевладѣнія, не увѣнчался успѣхомъ. Дворяне землевладѣльцы немедленно по полученіи казенныхъ участковъ въ свое распоряженіе или сдавали ихъ окрестнымъ крестьянамъ въ аренду, или продавали ихъ разнаго рода спекулянтамъ, съ громадным, конечно, барышомъ. Само собою разумѣется, что о культурномъ вліяніи ихъ на мѣстное населеніе не могло быть и рѣчи. На участкахъ, пріобрѣтаемыхъ единственно съ цѣлью быстрой наживы, велось хозяйство болѣе хищническое, чѣмъ у мѣстнаго крестьянскаго населенія.

Для иллюстраціи только что сказаннаго «Саратовскій Дневникъ» приводитъ одинъ изъ случаевъ искусственнаго насажденія дворянскаго землевладѣнія въ Саратовской губерніи.

Въ 1885 году въ Балашовскомъ уѣздѣ, второй Ивановской волости, около 1.000 десятинъ казенной пахотной земли было отдано въ аренду, съ правомъ выкупа небольшими участками (въ 55—75 десят.) шестнадцати особенно благонадежнымъ отставнымъ чиновникамъ и офицерамъ, по выбору мѣстнаго губернатора и управляющаго государственными имуществами. Въ числѣ избранныхъ оказались два защитника Севастополя и четырнадцать ветерановъ гражданскаго вѣдомства, выслужившихъ уже пенсіи, а одинъ изъ нихъ даже доживавшій свой вѣкъ въ богадѣльнѣ. Почему эти старцы, хотя и вполнѣ, конечно, благонадежные, но проведшіе всю свою жизнь въ канцеляріяхъ и казармахъ, были признаны наиболѣе подходящими элементами для проведенія сельскохозяйственныхъ знаній въ темную крестьянскую среду, это—тайна, которую едва ли кто разгадаетъ...

Участки сдавались въ аренду на 12 лѣтъ, по 75 коп. за десятину въ годъ, съ освобожденіемъ въ первые три года отъ арендной платы и съ правомъ выкупа земли въ собственность по 15 руб. за десятину, но съ обязательствомъ въ льготный періодъ аренды завести хозяйство, т.-е. сдѣлать посѣвъ и возвести постройки.

Получивъ въ свое распоряженіе землю, всѣ наши агрономы — поневолѣ вначалѣ сдали свои участки сосѣднимъ крестьянамъ (казенная земля примыкала къ усадьбамъ дер. Александровки) по существовавшей въ то время тамъ цѣнѣ—4 руб. за десятину. Затѣмъ, построивъ, согласно условіямъ аренды, хутора,—въ сущности, жалкія лачужки,—они стали хозяйничать. Но, Боже, что это было за хозяйство! Только александровскіе крестьяне, обучавшіе дворянъ-землевладѣльцевъ, могли бы разсказать не одинъ курьезный случай изъ сельскохозяйственной ихъ практики. Прохозяйничавъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ и выкупивъ въ собственность участки, всѣ новые землевладѣльцы бѣжали обратно въ городъ отъ прелестей сельской жизни. Въ настоящее время, т.-е. черезъ 15 лѣтъ, *10 участковъ распроданы крестьянамъ по 60—100 р. за десятину, а остальные 6—сдаются въ аренду мѣстнымъ кулакамъ, пересдающимъ ихъ, въ свою очередь, крестьянамъ.*

Такова подлинная исторія одного изъ опытовъ насажденія сельскохозяйственной культуры при посредствѣ безземельныхъ дворянъ. Врядъ ли, замѣчаетъ газета—лучшихъ результатовъ можно ждать въ Сибири, гдѣ рабочія руки значительно дороже, чѣмъ въ Россіи, а продукты сельскаго хозяйства дешевле,—словомъ, гдѣ всѣ условія для веденія крупнаго сельскаго хозяйства менѣе благопріятны.

Въ Московскомъ обществѣ взаимопомощи рабочихъ. Въ теченіе истекшаго лѣта въ Москвѣ состоялся цѣлый рядъ собраній общества взаимопомощи рабочихъ, занимающихся въ механическомъ производствѣ. Въ дополненіе къ тому, что мы сказали уже объ этомъ обществѣ, отмѣтивъ два первыхъ его совѣщанія (см. 7-ю кн. «Міра Божія»), считаемъ полезнымъ привести здѣсь, со словъ московскихъ газетъ, еще два-три эпизода, характеризующихъ это, пока единственное, у насъ учрежденіе.

19-го августа, въ Москвѣ, состоялось 13-е собраніе рабочихъ механическаго производства, собравшее до 450 человѣкъ и посвященное обсужденію доклада проф. Озерова «О разумномъ проведеніи досуга членами кассы взаимопомощи». Проф. Озеровъ подробно остановился на характеристикѣ наиболѣе типичнаго учрежденія для разумнаго и полезнаго проведенія досуга рабочимъ людомъ—англійскихъ, американскихъ и нѣмецкихъ клубовъ, дѣлающихъ доступными для рабочаго не только всевозможныя удовольствія, но и цѣлый рядъ образовательныхъ средствъ: въ свое время въ такихъ клубахъ зародились и общества взаимопомощи. Вліяніе и значеніе клубовъ въ значительной степени увеличилось затѣмъ съ образованіемъ ихъ союзовъ и такъ называемыхъ женскихъ кооперативныхъ гильдій. По мнѣнію проф. Озерова, наши рабочіе нуждаются въ подобныхъ клубахъ не менѣе, чѣмъ иностранные. Сознавая это, министерство финансовъ со введеніемъ винной монополіи усиленно рекомендуетъ комитетамъ трезвости устройство особыхъ «народныхъ клубовъ», въ которыхъ рабочій могъ бы не только пить чай, но и разумно проводить свободное время. Описавъ нѣсколько попытокъ организаціи у насъ подобныхъ клубовъ, проф. Озеровъ указалъ, что та же идея уже зародилась въ настоящее время въ средѣ членовъ московской кассы типографовъ, имѣющихъ въ виду устроить кружокъ или клубъ съ кабинетомъ для чтенія и пр. Начинаютъ сознавать необходимость тѣхъ же учрежденій для рабочихъ и сами предприниматели, и одинъ изъ нихъ даже обращался къ автору бесѣды за совѣтомъ по этому поводу; въ Петербургѣ же устроилъ клубъ для молодежи одинъ пріѣхавшій туда американецъ. Министерство финансовъ ассигновало въ распоряженіе попечительствъ трезвости значительную сумму на выдачу пособій тѣмъ обществамъ потребителей, которыя приступятъ къ устройству для своихъ членовъ чайныхъ. Проектируемое общество потребителей рабочихъ механическаго производства могло бы и начать

свою дѣятельность съ устройства чайныхъ (что не требуетъ большихъ расходовъ), испросивъ затѣмъ себѣ соотвѣтствующую субсидію отъ мѣстнаго попечительства. И. Х. Озеровъ закончилъ свою бесѣду слѣдующими словами, покрытыми громкими рукоплесканіями: «Пейте изъ кубка знаніе, вмѣсто алкоголя,—оно слаще и наслажденіе отъ него болѣе продолжительно».

Затѣмъ, началась бесѣда, во время которой рабочіе выяснили, что свободное праздничное время большинство рабочихъ проводитъ не только безсодержательно, но и со вредомъ, такъ какъ дѣло обыкновенно оканчивается опьяненіемъ въ пивныхъ или же дома, причемъ театры не посѣщаются потому, что никогда нельзя достать дешевыхъ билетовъ; чайныя не посѣщаются потому, что очень грязны и всегда переполнены такимъ людомъ, котораго чуждается даже и рабочій человѣкъ: благоустроенныя гулянья посѣщаютъ немногіе за ихъ отдаленностью; музеи и картинныя галлереи посѣщаются плохо, за отсутствіемъ руководителей, которые объясняли бы выставленные предметы и картины. Собраній—семейныхъ и холостыхъ—не бываетъ въ рабочей средѣ, за отсутствіемъ средствъ и за тѣснотою квартиръ, въ которыхъ живутъ рабочіе; большинство занимается чтеніемъ преимущественно дешевыхъ московскихъ газетъ; есть подписчики и на ежемѣсячные журналы; книги мало доступны по цѣнѣ и потому покупаются мало, кромѣ того, не съ кѣмъ посовѣтоваться о выборѣ хорошей книги. Квартирныя условія въ большинствѣ случаевъ таковы (тѣснота и пр.), что не позволяютъ и думать о какихъ-либо домашнихъ занятіяхъ, въ родѣ чтенія книгъ и пр.; благодаря этому, рабочій охотно уходитъ изъ дома. Особенно неблагопріятно отражаются эти условія на семейныхъ рабочихъ. Весьма характеренъ, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто на одномъ изъ послѣднихъ собраній общества. Во время преній по вопросу объ отсутствіи въ большинствѣ фабричныхъ и заводскихъ мастерскихъ какихъ-либо спеціальныхъ приспособленій, а также времени для приведенія рабочими себя въ порядокъ по окончаніи работъ, оказалось, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ отдѣльныхъ мастерскихъ дается минутъ 5—10 до звонка для мытья рукъ, причемъ для этого имѣются особые умывальники и даже проведенная вода.

На вопросъ руководителя бесѣды, почему же это допускается только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мастерскихъ, послѣдовало объясненіе, что во главѣ этихъ мастерскихъ стоятъ иностранцы (нѣмцы или поляки), къ числу которыхъ принадлежатъ и подчиненные имъ рабочіе. Тѣ же рабочіе иностранцы не подвергаются и «обыскамъ» при выходѣ изъ заводовъ.

Приведенное указаніе вызвало вслѣдъ затѣмъ небольшую рѣчь одного пожилого рабочаго, въ которой онъ въ сатирическомъ тонѣ и раздраженно жаловался на то, что «у насъ вообще Россія отдана нѣмцамъ-колбасникамъ или жидамъ». Какой-нибудь нѣмецъ у себя на родинѣ не болѣе, какъ шарманщикъ, а явится въ Россію—тотчасъ же получаетъ выгодныя мѣста или ставится во главѣ любого дѣла.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія, сопровождавшіяся сочувственнымъ смѣхомъ аудиторіи, руководителемъ было замѣчено, что, къ сожалѣнію, подобное явленіе объясняется болѣе всего крайней отсталостью русскаго рабочаго отъ его болѣе образованнаго и развитого иностраннаго товарища. Поэтому первые сдѣлаютъ гораздо лучше, если вмѣсто безполезнаго издѣвательства надъ иностранцами-рабочими озаботятся расширеніемъ, по возможности, своего образованія и развитія, что особенно необходимо и желательно для подрастающихъ поколѣній, для молодежи. Что же касается до «нѣмцевъ», то ихъ впервые призвалъ въ Россію еще Петръ І-й, но съ того времени нашъ рабочій человѣкъ въ смыслѣ своего образованія и развитія подвинулся очень мало впередъ.

Возраженій противъ этихъ замѣчаній не послѣдовало, но уже въ концѣ собранія одинъ изъ рабочихъ, возвращаясь еще разъ къ затронутой темѣ,

произнесъ горячую рѣчь, въ которой обращалъ вниманіе на тотъ фактъ, что, какъ показываютъ наблюденія, всякій иностранецъ-рабочій отличается отъ русскаго рабочаго тѣмъ, что если перваго сдѣлаютъ мастеромъ или поставятъ во главѣ дѣла, то онъ всегда пользуется своей властью или вліяніемъ для того, чтобы улучшить участь своихъ соплеменниковъ и помочь имъ какъ можно. Русскій же рабочій, какъ только становится мастеромъ, не только не оказываетъ какого-либо вниманія своимъ бывшимъ сотоварищамъ, а, напротивъ, дѣлается тотчасъ же чрезмѣрно строгимъ, придирчивымъ и несправедливымъ начальникомъ. Этотъ фактъ показываетъ,—говорилъ ораторъ,—что едва ли цѣлесообразно и справедливо намъ превозноситься надъ иностранными рабочими, а гораздо лучше—поучиться у нихъ кое-чему.

Эти слова вызвали бурныя рукоплесканія многолюдной аудиторіи.

Труженики моря. Съ какими трудами и лишеніями достается хлѣбъ промышленникамъ-бѣломорцамъ и какъ часто они рискуютъ здоровьемъ и жизнью на промыслахъ, объ этомъ знаютъ немногіе. Вотъ, между прочимъ, два эпизода, которые приводитъ «Сѣверный Край» для характеристики промысловъ съ этой именно стороны.

«Въ первой половинѣ февраля 1901 г. по зимнему берегу погибло двѣ промысловыя лодки изъ Зимней Золотицы. Одна изъ нихъ, переполненная добычей и народомъ (9 человѣкъ) затонула и пропала безслѣдно. Другая была перевернута раненымъ звѣремъ, и изъ нея спасся одинъ, двое же, окунувшись въ воду, замерзли... Вотъ, что объ этомъ разсказываетъ потерпѣвшій:

«Въ злополучный день нашего отплытія, хотя и тянулъ благопріятный для промысла вѣтеръ, но промышленники не ѣхали, а собирались на освященіе церкви по близости, уговаривая и меня съ братомъ и товарищемъ послѣдовать ихъ примѣру. Мы съ ними не согласились, потому что предыдущія наши поѣздки имѣли мало результатовъ, и отправились на промыселъ. Сначала все шло хорошо, «разметы» между льдами были попутныя, и ледъ нажимался легко, такъ что мы далеко отдалились отъ припая въ морѣ и добрались до звѣря.

«Чтобы удобнѣе было стрѣлять, я выскочилъ изъ лодки на льдину и шелъ по кромкѣ, братъ же съ товарищемъ плыли на веслахъ, подбирая убитыхъ звѣрей. Невдалекѣ отъ меня вдругъ неожиданно вынырнулъ очень крупный лысунъ, я выстрѣлилъ и при этомъ сразу же замѣтилъ, что ранилъ его, но не смертельно. Въ это время лодка подплывала къ тому мѣсту, гдѣ нырнулъ раненый звѣрь. Я крикнулъ брату, чтобы онъ осторожнѣе бросалъ кутило, такъ какъ звѣрь не убитъ, а раненъ, но они съ товарищемъ, вѣроятно, не разслышали. Какъ только показался на поверхности звѣрь, братъ бросилъ въ него кутило и, надо полагать, попалъ ему въ шею, потому что онъ схватилъ веревку зубами и снова нырнулъ, и съ такою силой рванулъ привязанное къ лодкѣ кутило, что она перевернулась вверхъ дномъ. Братъ съ товарищемъ вынырнули и схватились за киль, прося меня помочь имъ чѣмъ-нибудь. Я, какъ шальной, началъ бѣгать по льдинѣ, придумывая, чѣмъ бы помочь. Въ рукахъ у меня было только одно ружье, а лодка была въ добрыхъ 30—35 саженяхъ отъ меня. Морозъ и вѣтеръ крѣпнулъ и съ лодки все рѣже, все отрывистѣе и слабѣе раздавались крики и мольбы о помощи; видимо оба застывали... Наконецъ, я замѣтилъ, что лодку немного нажимаетъ къ льдинѣ, но между ней и льдиной набралось много мелкаго льда (сала), который не давалъ ей приближаться. Чтобы очистить проходъ и вызвать теченіе я началъ бросать ружье, привязанное на кушакѣ. Это подѣйствовало и лодка начала подплывать. Подтянувъ лодку, я бросился къ брату и снялъ его первымъ, онъ былъ еще живъ и дремалъ. Товарища я снялъ уже мертваго, съ трудомъ оторвавъ отъ

лодки. Снова я бросился къ брату, сталъ снимать съ него обледенѣлый полушубокъ и въ то же время мялъ и теръ его, не давая заснуть. Онъ открылъ глаза и узналъ меня. Тутъ я снялъ съ себя полушубокъ, а малицу бросилъ, надѣлъ на брата и потащилъ его къ берегу; онъ едва передвигалъ ноги, весь опустившись на меня. Наступила ночь, и мы едва, едва двигались впередъ. Я выбивался изъ силъ, нѣсколько разъ спотыкался и падалъ. Видя это, братъ сталъ просить меня оставить его умереть подъ ропакомъ, а спасаться самому. Одна эта просьба, сказанная слабымъ голосомъ, отрывистая и едва внятная, снова вернула мнѣ силы, и я взялъ его и почти побѣжалъ съ нимъ. Но это продолжалось недолго, я снова упалъ вмѣстѣ съ братомъ, который опять впалъ въ забытье. Собравшись съ силами, я снова разбудилъ его и только что протащилъ его 10—20 шаговъ, какъ онъ сталъ толкать меня и вырываться и не своимъ голосомъ сталъ говорить: «Уйди-ты отъ меня, я вѣдь звѣрь,—звѣрь, съѣмъ, загрызу тебя!»... Я струсилъ, волосы подъ шапкой у меня поднялись, я понялъ, что онъ сошелъ съ ума. Тутъ же мелькнула у меня мысль бѣжать одному къ берегу и звать на помощь. Я бросился бѣжать, но жалость къ брату снова вернула меня. Я нашелъ его уснувшимъ. Сколько я не мялъ, не теръ, не приподнималъ его, ничего не могъ подѣлать—онъ спалъ и умиралъ...

«Поднявшись, я безцѣльно пошелъ къ берегу; мнѣ стало казаться, что ѣдутъ на лошадяхъ, кричатъ мнѣ, зовутъ, и вмѣсто того, чтобы откликнуться на зовъ, я снова повернулъ къ морю и такъ бродилъ взадъ и впередъ, пока меня, какъ говорятъ, не повалили въ сани и не влили въ ротъ водки»...

У обоихъ погибшихъ остались большія семьи...

Другой случай разсказанъ промышленникомъ С. Ф. С.

«Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, на вешній промыселъ морского звѣря насъ собралось нѣсколько ромшъ. Народъ былъ все больше молодой, стариковъ, т.-е. бывалыхъ, не много; вся надежда была, конечно, на бывалаго юровщика, въ опытность котораго всѣ вѣрили, и даже не мы одни. Тронулись съ мѣста мы при попутномъ вѣтрѣ; во льдахъ разметы встрѣтили попутные, и дней черезъ восемь находились уже на горизонтѣ зимнихъ горъ. Хотя залежки дѣтного звѣря не нашли, за то крупнаго звѣря настрѣляли много. Стали ужъ подумывать, гдѣ бы «выняться», т.-е. высадиться на берегъ. Вѣтеръ все время дулъ крѣпкій ю.-з., тутъ разметовъ стало попадаться мало, да и то на короткое время, на воду раздѣлялось, т.-е. во время отлива только и плывемъ, а какъ приливъ,—ледъ вновь, сплотится кромка въ кромку. Въ попыткахъ пробиться къ берегу прошло недѣль пять, а насъ все несло и несло... Пришлось прибѣгнуть къ взвѣшиванію хлѣба и приварка. Наконецъ, вышелъ и приварокъ, пришлось пробовать звѣриное мясо... Ужъ очень было трудно первое время—нутро не принимало; съ хлѣбомъ-то оно бы еще ничего, да хлѣба оставалось мало; потомъ понемногу привыкли и стали ѣсть такъ. Пока былъ хлѣбъ, мы еще не теряли надежды выбраться на берегъ, но какъ только онъ кончился—нами овладѣло полное отчаяніе... Стали мы другъ другу въ грѣхахъ каяться, рубахи чистыя надѣли и совсѣмъ къ смерти приготовились... Увеличивались наши бѣдствія еще и тѣмъ, что перевелся звѣрь, на старыхъ, убитыхъ ранѣе, мяса не было, былъ только жиръ, который уже ѣсть совсѣмъ было невозможно. Разъ прилетѣло на нашу льдину стадо утокъ, но какъ на грѣхъ лучшій стрѣлокъ сдѣлалъ по нимъ промахъ. За это мы готовы были разорвать его на части...

«Какъ-то разъ, сидя у лодокъ, полные отчаянія и ужаса голодной смерти, снова стали мы каяться другъ другу въ грѣхахъ, вдругъ, одинъ изъ товарищей вскакиваетъ и кричитъ: «ребята, вѣдь вонъ тамъ земля!..» Утромъ стали мы ясно отличать береговые предметы и, найдя небольшую рѣчку или ручей, заѣхали совсѣмъ въ безопасное для лодокъ мѣсто. Здѣсь мы горячо поблагодарили Бога за спасеніе и вышли на берегъ, затѣмъ побрели, едва передвигая

ноги отъ истощенія, на ближайшій холмъ, чтобы съ высоты его осмотрѣть—нѣтъ ли какого-либо жилья или тому подобнаго... Но дикая тундра открылась передъ нами во всей своей наготѣ... Снова овладѣло нами отчаяніе,—уныло потащились мы обратно къ лодкамъ, и тутъ одинъ изъ товарищей набрелъ на кости оленя, уже обросшія мхомъ. Собрали мы эти кости, набили ихъ саломъ и поджарили; сало ихъ размягчило настолько, что явилась возможность жевать, не рискуя поломать зубы; но на восемь человѣкъ ихъ хватило не надолго.

«Дни проходили за днями, силы ослабѣли, нѣкоторые не могли уже подыматься отъ слабости, тѣ, что были покрѣпче, еще бродили на холмъ посмотрѣть въ даль тундры. Какъ-то разъ замѣтили въ глубинѣ тундры двигающіяся точки, оказалось, что это были олени, запряженные въ сани; они двигались прямо насъ...

«Ѣхавшій самоѣдъ, услышавъ нашъ крикъ, остановилъ оленей и подошелъ къ намъ шаговъ на сто; сталъ спрашивать, что намъ отъ него надо, и что мы за люди. Мы наперерывъ старались объяснить ему свое положеніе и онъ, видимо, съ недовѣріемъ подошелъ къ намъ, когда же убѣдился въ нашемъ бѣдственномъ положеніи, разсказалъ, что мы находимся далеко за Канинымъ носомъ, въ Чешской губѣ и въ небольшомъ разстояніи отъ устья рѣки Чеши. Затѣмъ, объяснилъ, что рѣчка Чеша сходится въ вершинѣ съ рѣчкой Чижой, которая впадаетъ въ Мезенскій заливъ, и если этимъ путемъ ѣхать, то разстояніе до Мезенскаго залива, сократится болѣе десяти разъ. Затѣмъ онъ подѣлился съ нами скудными своими запасами пищи, состоящей изъ небольшого куска оленьяго мяса. О себѣ сказалъ, что онъ самоѣдъ Канинской тундры, занимается оленеводствомъ и звѣриными промыслами, теперь пріѣхалъ сюда за звѣремъ, настрѣляннымъ весною и зарытымъ въ снѣгъ... Изъ всего было видно, что онъ сердечно относился къ нашему несчастью, взялъ одного изъ насъ съ собой и повезъ въ чумъ, который былъ недалеко отсюда верстахъ въ 10—15, и привезъ обратно вмѣстѣ съ провизіей для насъ. Затѣмъ, нарисовалъ на доскѣ углемъ карту, которую мы берегли пуще глаза, рѣчекъ Чеши и Чижи съ притоками и озерами, и какъ оказалось потомъ, нарисовалъ совершенно правильно.

«За все это мы едва ему могли навязать излишекъ пороха, хотя предлагали и звѣриныя шкуры (денегъ при насъ не было) и просили сказать, хоть куда бы можно было переслать плату за провизію (которой, кстати сказать, намъ хватило до Мезени), но онъ отъ всего отказался. Отъ объятій нашихъ онъ не увертывался, и на наши благодарныя слезы его раскосистые глазки весело сверкали. Рѣчками до Мезенскаго залива, благодаря картѣ нашего спасителя, мы добрались скоро, а тамъ и до Мезени, откуда и послали домой письма. Дома насъ уже считали погибшими и поминали за упокой. Только въ іюлѣ мы добрались до дому, пробывъ почти шесть мѣсяцевъ въ морѣ».

Эксплоатація темноты. Въ послѣднее время какъ-то особенно участились случаи эксплоатаціи темноты на почвѣ религіозныхъ вѣрованій. Часто эксплоататоры народной темноты и подвергаются заслуженному ими возмездію, но пока дѣло доходитъ до протокола, карманы наивныхъ обывателей успѣваютъ разгружаться обыкновенно въ весьма внушительныхъ размѣрахъ.

«Въ 7-ми верстахъ отъ г. Ливенъ,—разсказываетъ корреспондентъ «Орловскаго Вѣстника»,—есть село Крутое, въ прежнее время извѣстное въ уѣздѣ буйнымъ нравомъ своихъ обывателей. Кражи, грабежи и разбои были тогда въ селѣ явленіемъ обыкновеннымъ, и еще лѣтъ 8—10 назадъ не только ночью, но и вечеромъ чрезъ село не всякій смѣльчакъ рѣшался проѣзжать. Теперь «крутовскіе мужики» сравнительно притихли, такъ какъ не мало изъ нихъ

за разныя «художества» сослано въ Сибирь, другіе же «молодцы» или разбрелись, или—до поры, до времени—присмирѣли. Въ этомъ году крутоярцы (такъ называютъ вообще крестьянъ этого села) обратились къ менѣе опасному и менѣе рискованному способу обиранія ближняго, исключительно суевѣрнаго и невѣжественнаго люда. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ полуверстѣ отъ Крутого, на землѣ крутоярцевъ же существуетъ глубокій оврагъ. Въ глубинѣ его лѣтъ 20 назадъ были небольшія каменоломни, теперь заброшенныя. Вотъ этими то каменоломнями и воспользовались крестьяне. Въ концѣ мая этого года крестьяне распустили слухъ, что въ одну ночь мальчики, бывшіе въ ночномъ, видѣли въ каменоломняхъ свѣтъ лампады и «удостоились» слышать голоса угодниковъ, выходившихъ изъ пещеры-каменоломни. Слухъ объ этомъ, усердно поддерживаемый какъ мужиками, такъ особенно бабами и подростками, быстро распространился по окружности. Женщины и дѣти не только изъ ближнихъ, но «изъ дальнихъ» селъ массами стали стекаться въ Крутое на поклоненіе новоявленнымъ угодникамъ. Появились скоро разсказы о небывалыхъ чудесахъ и исцѣленіяхъ, чему много способствовали нищіе и профессіональныя богомолки, переходившія изъ села въ село, собиравшія мзду съ суевѣрнаго народа и распространявшія самыя нелѣпыя легенды. Такъ, отъ одной такой богомолки мнѣ пришлось слышать слѣдующее: «Въ Крутое святые угодники ушли изъ Ливенъ, потому что городъ нечестивый и скоро какъ Содомъ, долженъ погибнуть отъ огня и когда весь выгоритъ, тогда и угоднички «объявятся» и пр. Посылались посильныя пожертвованія на открытіе мощей и деньгами, и куриными яйцами (яйцо въ деревнѣ, особенно въ нашемъ уѣздѣ—своего рода мѣновой денежный знакъ). Когда о «пещерахъ» стало извѣстно полиціи, становой приставъ, осмотрѣвъ ихъ, нашелъ столь опасными, что даже побоялся войти въ нихъ, и распорядился засыпать ихъ, чтобы народъ не лазилъ туда, но крестьяне получили вскорѣ отъ кого то разрѣшеніе, наоборотъ, расчистить эти каменоломни-пещеры и не препятствовать посѣщенію ихъ желающимъ. Крестьяне не остановились предъ затратами, надѣясь вернуть затраченное сторицею, и оборудовали пещеры. Молва и разные нелѣпые слухи еще болѣе увеличились, равно какъ увеличилось и число паломниковъ. Каменоломни эти обыкновенная небольшая яма въ стѣнѣ, какихъ можно встрѣтить сотни въ нашемъ уѣздѣ, и можетъ вмѣстить не болѣе 8 человѣкъ. Благодаря хотя медленному, но постоянному подрыванію, пещера эта довольно опасна и можетъ рухнуть, не смотря на то, что въ ней и сдѣланы кое-какія слабыя подпорки. Среди этой пещеры стоитъ столикъ, покрытый краснымъ платкомъ, на которомъ лежатъ мѣдныя монеты, а на землѣ возлѣ стола куриныя яйца,—приношеніе посѣтителей. Первоначально деньги отбирали мальчики, открывшіе угодничковъ, но когда приношенія увеличились, то сборъ перешелъ къ ктитору на церковь и къ другимъ крестьянамъ. Въ праздничные и воскресные дни, когда вообще бываетъ много пещерныхъ посѣтителей, приношенія эти обираются нѣсколько разъ и доходили до 50 р. въ сутки.—Сколько шло въ церковь, неизвѣстно, но извѣстно, что кабакъ торговалъ бойко. На вопросъ, какія чудеса были въ пещерахъ, бойкая крутовская баба, видимо, «виды видавшая», съ большой охотой и оживленіемъ разсказала слѣдующее:

— Привезли въ пещеру нѣмую, и какъ только взошла она въ пещеру, то и заговорила. Слѣпой взошелъ, и тотчасъ же прозрѣлъ. Исцѣленій и чудесъ много было. Сюда много народу пріѣзжаетъ, и купцы, и духовные.

— Отчего же, спрашиваю я, никто этого не засвидѣтельствовалъ, ни староста, ни сотскій?..

— Имъ становой запретилъ говорить объ этомъ. Если бы не становой да не полиція, у насъ давно бы Задонскій монастырь былъ...

Одинъ степенный крестьянинъ объ этой пещерѣ такъ отозвался: «Извѣстно,

баба дура, что ни скажи—всему повѣритъ; но все же вышло дѣло доброе: у насъ церковь поправляется и пристраивается, надо было ходить по сбору, а тутъ сами принесутъ—вотъ и выгода!..»

Но ни выгоды, ни пользы въ дѣйствительности для церкви не получилось, а получился только одинъ вредъ. Недѣли двѣ, три тому назадъ церковь въ Крутомъ была обворована самымъ дерзкимъ образомъ, большіе замки на дверяхъ были сбиты и сломаны, всѣ церковные ящики разбиты и разломаны и всѣ деньги унесены; словомъ, получился полный погромъ, воры, какъ видно, безбоязненно хозяйничали въ церкви. Сколько украдено денегъ—неизвѣстно, но говорятъ, что сумма для церкви была солидная. Воры-грабители, очевидно, соблазнились предполагаемою большою суммой, собранной въ пещерѣ.—Процентныя же бумаги именныя послѣ оказались подброшенными, что и заставляетъ предполагать участіе въ кражѣ мѣстныхъ обывателей. Теперь, послѣ этой кражи количество, ближайшихъ паломниковъ въ пещеры сократилось, являются только изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ и сосѣднихъ уѣздовъ.

За мѣсяцъ. Законъ 12-го іюня 1900 г., установившій новыя, бюрократическія, формы продовольственной организаціи, оказался передъ лицомъ обострившейся нужды, несостоятельнымъ. Не будучи даже испытанъ на дѣлѣ, новый порядокъ продовольственнаго дѣла, по отзывамъ губернаторовъ, можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ «въ мирное въ продовольственномъ отношеніи время, но въ годины чрезвычайнаго бѣдствія требуетъ сообразованія съ усиленной дѣятельностью». Эта неприспособленность закона къ нуждамъ неурожайнаго времени побудила министра внутреннихъ дѣлъ, испросивъ Высочайшаго соизволенія на принятіе особыхъ мѣръ, обратиться къ начальникамъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая въ 1901 году, съ обширнымъ циркуляромъ, въ которомъ подробно намѣченъ совершенно новый планъ борьбы съ послѣдствіями неурожая.

Пострадавшими отъ неурожая признаны губерніи: Вятская, Воронежская, Екатеринославская, Казанская, Оренбургская, Пермская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Таврическая, Уфимская и Харьковская.

Напоминая начальникамъ губерніи о томъ, что, по силѣ статей 322 и 323 общ. учрежд. губ., въ случаяхъ, «когда есть причины опасаться недостатка въ нужномъ продовольствіи», они уполномочиваются принимать къ прекращенію бѣдствія «особыя» мѣры, циркуляръ предлагаетъ обратить серьезное вниманіе всѣхъ подвѣдомственныхъ губернаторамъ учрежденій на необходимость съ ихъ стороны всяческаго содѣйствія «какъ на основаніи формальныхъ требованій закона, такъ и въ силу нравственной отвѣтственности за благосостояніе мѣстнаго населенія».

Прежде всего долженъ быть всесторонне выясненъ вопросъ, какіе именно изъ уѣздовъ должны быть признаны «неблагополучными». Заключеніе по этому поводу губернатора по представленіямъ земскихъ собраній, уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій, подлежитъ окончательному рѣшенію министра въ силу предоставленнаго ему 15-го августа Высочайшимъ повелѣніемъ полномочія.

Въ уѣздахъ, признанныхъ неблагополучными, общее распорядительное завѣдываніе продовольственной частью сосредоточивается въ рукахъ уѣзднаго предводителя дворянства или одного изъ членовъ продовольственнаго присутствія уѣзднаго съѣзда. Волостныя и сельскія должностныя лица и низшіе полицейскіе чины обязаны безпрекословно исполнять всѣ распоряженія завѣдующаго продовольственной частью, прочіе же чины полиціи, земскіе начальники и члены съѣзда должны оказывать ему полное содѣйствіе. Помимо общаго по-

уѣзднаго завѣдыванія продовольственной частью, въ каждой волости должны быть образованы попечительные участки.

На канцелярскіе и другіе расходы губернскихъ присутствій, уѣздныхъ съѣздовъ и завѣдующихъ продовольственной частью, сверхъ суммъ, ассигнуемыхъ съ этою цѣлью по закону 12-го іюня 1900 г., будутъ отпущены потребныя средства.

Земства призываются къ участію въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая «наравнѣ съ вновь образованными въ минувшемъ году продовольственными учрежденіями». На нихъ возлагается: обсужденіе вопросовъ продовольственнаго дѣла «въ той мѣрѣ, въ какой земства будутъ призваны къ сему правительствомъ»; общія мѣры къ поднятію народнаго благосостоянія; устройство общественныхъ работъ для доставленія заработковъ нуждающемуся населенію; продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ; врачебная помощь; устраненіе распродажи нуждающимися крестьянами за безцѣнокъ своего скота и другого имущества и устройство благотворительныхъ попечительствъ.

Земства, наравнѣ съ крестьянскими учрежденіями, приглашаются принять въ обсужденіи указанныхъ имъ продовольственныхъ вопросовъ безотлагательное участіе. Съ этою цѣлью министръ рекомендуетъ губернаторамъ немедленно предложить земствамъ обсудить положеніе и, гдѣ потребуется, разрѣшать для этого экстренныя земскія собранія, не испрашивая требующагося закономъ согласія министра.

Относительно участія въ продовольственной компаніи частной благотворительности въ циркулярѣ изложены слѣдующія соображенія:

«При всѣхъ значительныхъ неурожаяхъ общественная благотворительность частныхъ лицъ, какъ въ видѣ денежныхъ пожертвованій, такъ и путемъ личнаго труда по организаціи продовольственной помощи лицами, добровольно посвящающими свои силы этому дѣлу, приносила немаловажную пользу страдавшему отъ неурожаевъ населенію. Къ сожалѣнію, однако, начиная съ недорода 1891—1892 гг. и при всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ же бѣдствіяхъ нерѣдко обнаруживалось, что иные благотворители, на ряду съ оказаніемъ матеріальной помощи жителямъ неблагополучныхъ мѣстностей стараются возбудить въ ихъ средѣ недовольство существующимъ порядкомъ и ничѣмъ не оправдываемую требовательность по отношенію къ правительству. При этомъ не въ полной мѣрѣ удовлетворенная нужда, неизбѣжныя при этомъ болѣзни и разстройства хозяйства создаютъ весьма благопріятную почву для противоправительственной агитаціи, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежныя въ политическомъ смыслѣ лица, для своихъ преступныхъ цѣлей, подъ личиной помощи ближнему. Обыкновенно, при первыхъ же извѣстіяхъ о значительномъ недородѣ, въ пострадавшую мѣстность стекаются отовсюду лица съ небезупречнымъ политическимъ прошлымъ, стараются вступить въ сношеніе съ пріѣзжающими изъ столицъ уполномоченными различныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій и принимаются ими по невѣдѣнію въ сотрудники на мѣста, чѣмъ создаются немаловажныя затрудненія интересамъ порядка и управленія.

«Руководствуясь этими соображеніями, я признаю нужнымъ предоставить губернаторамъ допускать, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, обращеніе къ частной благотворительности какъ нуждающихся обществъ, такъ и близко стоящихъ къ нимъ должностныхъ и частныхъ лицъ путемъ печати и посредствомъ учрежденія добровольныхъ подписокъ и пріема пожертвованій; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣляхъ устраненія всякихъ злоупотребленій въ семъ отношеніи, какъ имущественнаго, такъ и иного характера, я такое проявленіе частной благотворительности независимо отъ требованій, выраженныхъ въ циркулярѣ 19-го іюня сего года, за № 5.030, относительно печатанія въ періодическихъ изданіяхъ

воззваній и приглашеній къ различнаго рода пожертвованіямъ, считаю совершенно необходимымъ подчинить контролю мѣстныхъ властей.

«Хотя никто изъ желающихъ не можетъ, собственно, быть лишенъ права участія въ дѣлѣ продовольственной помощи на свои личныя средства, но устраиваемыя кѣмъ бы то ни было, съ этою цѣлью, общественныя учрежденія, въ видѣ столовыхъ, врачебныхъ пунктовъ или пріютовъ, должны открываться не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстной власти, по надлежащемъ удостовѣреніи, что учрежденія эти не могутъ служить инымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ продовольственною помощью, цѣлямъ. Что же касается благотворительной дѣятельности на средства, собираемыя путемъ подписки и объявленій, то дѣятельность такого рода можетъ быть разрѣшена лишь лицамъ, дѣйствительно способнымъ оправдать общественное довѣріе, а потому пожертвованія на указанный предметъ могутъ быть собираемы не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора.

«Засимъ, относительно командированія въ мѣстности, постигнутыя неурожаемъ, изъ столицъ, крупныхъ городскихъ центровъ и т. п., особыхъ уполномоченныхъ или группъ изслѣдователей, врачей, либо иныхъ представителей благотворительныхъ обществъ и кружковъ, я признаю необходимымъ установить, чтобы изъ столицъ командировались для дѣятельности этого рода лишь лица, относительно благонадежности коихъ не имѣется неблагопріятныхъ свѣдѣній въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ, чтобы всѣ такіе уполномоченные, какъ равно и лица, стоящія во главѣ командированныхъ для врачебно-продовольственной помощи отрядовъ, по прибытіи въ губернію, представлялись губернатору, который располагаетъ свѣдѣніями о томъ, гдѣ помощь населенію наиболѣе необходима, и руководились его указаніями въ отношеніи мѣста и порядка своихъ дѣйствій, причемъ сотрудниковъ изъ числа мѣстныхъ обывателей избирали не иначе, какъ съ его разрѣшенія, и, наконецъ, отчеты о дѣятельности своей представляли въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чрезъ губернатора».

— Недавно опубликованы утвержденныя министромъ финансовъ 21-го іюля 1901 г. *новыя правила о народныхъ чтеніяхъ*, устраиваемыхъ попечительствами о народной трезвости. Комитеты попечительствъ получаютъ право устраивать народныя чтенія, не испрашивая на это предварительнаго разрѣшенія губернатора, согласіе котораго требуется только относительно лекторовъ. Во всемъ остальномъ комитеты попечительства подчиняются общимъ правиламъ о народныхъ чтеніяхъ, Высочайше утвержденныхъ 28-го января с. г.

Почти одновременно съ этимъ опубликованы утвержденныя министромъ внутреннихъ дѣлъ 10-го августа с. г. *правила о чтеніяхъ по медицинѣ*, гигіенѣ, ветеринаріи, животноводству. Точно также согласованныя съ общими правилами, они отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что здѣсь разрѣшается къ чтенію не только печатный или рукописный текстъ, но лекторъ можетъ обращаться къ своей аудиторіи изустно по программѣ, которая предварительно разрѣшается врачебнымъ инспекторомъ или губернскимъ ветеринаромъ по принадлежности.

— Въ «Финляндской Газетѣ» напечатано: «Государь Императоръ по состоявшемся 14-го (27-го) августа сего года всеподданнѣйшемъ докладѣ представленія финляндскаго сената 17-го (30-го) іюля по поводу обнародованія Высочайшаго манифеста и утвержденнаго *устава о воинской повинности*, соизволилъ указать, что Его Величество не признаетъ въ настоящее время удобнымъ, какъ сенатомъ испрашивается, обращаться къ финскому народу съ новымъ удостовѣреніемъ о сохраненіи и впредь его мѣстныхъ установленій. Въ благихъ намѣреніяхъ Его Величества въ семъ отношеніи Его вѣрноподданные не сомнѣваются, тревожныя же опасенія, разсѣваемыя въ населеніи людьми злонамѣренными, указываютъ на необходимость вящшаго огражденія порядка мѣрами административными.

О таковой Высочайшей волѣ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ сообщено Сенату для свѣдѣнія и руководства».

— Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разъяснено, что тѣ *евреи*, которые, принявъ христіанскую вѣру какого-либо терпимаго въ государствѣ иностраннаго исповѣданія, развелись по обряду еврейской религіи съ оставшимися въ іудействѣ женами своими, а затѣмъ повѣнчались съ ними же по обряду той или другой церкви, не имѣютъ права проживать повсемѣстно въ имперіи, а равно и жены такихъ лицъ не имѣютъ этого права до тѣхъ поръ, пока онѣ не примутъ св. крещенія или бракъ не будетъ окончательно расторгнутъ подлежащимъ духовнымъ начальствомъ. Евреи, принявшіе вѣру какого-либо иностраннаго исповѣданія, безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, какъ это требуется закономъ, также не имѣютъ права на повсемѣстное жительство въ имперіи.

— Московское общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій, подробную характеристику котораго читатели найдутъ въ 7-й книгѣ «Міра Божія», закрыто по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Общее собраніе членовъ общества, созванное 8-го сентября для обсужденія вопроса о ликвидаціи дѣлъ, постановило обжаловать распоряженіе министра въ правительствующемъ сенатѣ, а до резолюціи сената признало ликвидацію дѣлъ общества преждевременной.

— Нѣсколько запоздавшіе газетные некрологи принесли извѣстіе, что 2-го августа въ с. Туркахъ Саратовской губ., въ земской больницѣ скончался постоянный и дѣятельный сотрудникъ многихъ сибирскихъ газетъ Викторинъ Севастьяновичъ *Арефьевъ*. Судьба бросала покойнаго изъ конца въ конецъ Россіи, но гдѣ бы онъ ни находился, онъ вездѣ и всюду былъ горячимъ и смѣлымъ защитникомъ темной народной массы и грознымъ противникомъ хищниковъ, съ которыми ему приходилось вести тяжелую борьбу. Послѣ покойнаго осталась семья, совершенно необезпеченная въ матеріальномъ отношеніи.

Нравственный обликъ покойнаго и литературную его дѣятельность томская газета характеризуетъ слѣдующими словами:

«Крестьянинъ по происхожденію, не получившій никакого систематическаго образованія, В. С. поражалъ, однако, своей интеллигентностью, эрудиціей и начитанностью. Это былъ въ истинномъ смыслѣ самородокъ, дальнѣйшее развитіе котораго такъ неожиданно прервано безвременной смертью. Нашимъ читалямъ, вѣроятно, памятны его фельетоны, подписанные «В. А—въ»: «Письма съ Ангары» и «Журнальныя Обозрѣнія». Въ первыхъ поражаетъ выдающаяся наблюдательность и безпристрастіе автора въ изображеніи свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ далекаго захолустья; во вторыхъ—тонкій литературный вкусъ, вдумчивость серьезное отношеніе къ взятой на себя задачѣ и т. д., свидѣтельствовавшіе о присутствіи у В. С. критическаго таланта. Въ послѣднее время В. С. задумалъ издать цѣлую серію книжекъ о Сибири, но пока увидѣла свѣтъ только одна книжка, а вторая въ настоящее время находится въ наборѣ въ типографіи газеты «Сибирская Жизнь».

Изъ русскихъ журналовъ.

Оливія Шрейнеръ. Въ «Русской Мысли» (августъ) находится очеркъ г. *Вл. Лесевича*, посвященный южно-африканской писательницѣ Оливіи Шрейнеръ и ея произведеніямъ. Оливія Шрейнеръ выступила на литературное поприще въ 1883 г. трудомъ, доставившимъ ей широкую извѣстность — «Исторія афри-

канской фермы»; затѣмъ, кромѣ ряда небольшихъ беллетристическихъ разсказовъ, она издала нѣсколько работъ публицистическаго характера. Литературная дѣятельность ея посвящена всецѣло бурамъ: въ беллетристическихъ произведеніяхъ она знакомитъ съ особенностями мѣстной жизни, даетъ характеристику національнаго типа; въ публицистическихъ статьяхъ она раньше всѣхъ ярко освѣтила истинное положеніе дѣлъ въ Южной Африкѣ, указывала на тѣ ужасныя послѣдствія, которыя должны наступить для страны, отданной въ жертву алчнымъ промышленникамъ; незадолго передъ войной, она призывала къ правдѣ и справедливости и въ послѣдующихъ статьяхъ съ большимъ талантомъ продолжала ратовать за попранныя права буровъ. Она принадлежитъ къ тому разряду писателей, которымъ совершенно чуждо исканіе занимательности, стремленіе произвести эффектъ. «Одинъ изъ критиковъ,—пишетъ она,—высказалъ, что книжка эта (рѣчь идетъ объ «Исторіи африканской фермы») болѣе понравилась бы ему, если бы она содержала повѣствованіе о дикихъ приключеніяхъ: встрѣчахъ съ алчными львами и ставящимъ человѣка на волосокъ отъ смерти бѣгствомъ. Поступать такъ я не могу: такія произведенія удобнѣе писать на Пикадилли или на Стрэндѣ, гдѣ не стѣсненное фактами творческое воображеніе можетъ расправить свои крылья. Если же кому доводится писать съ натуры, изображать тѣ сцены, среди которыхъ приходилось жить, сейчасъ же становится очевиднымъ, что факты начинаютъ напирать на него, и что рисуемые воображеніемъ картины жизни чуждыхъ и далекихъ странъ для него какъ бы болѣе не существуютъ. Съ сожалѣніемъ стряхнетъ онъ яркія краски со своей кисти и обратится къ сѣренькой палитрѣ, представляемой ему окружающей его жизнью: ему предстоитъ вѣдь писать о томъ, что находится у него передъ глазами». Однако, это подчиненіе фактамъ у г-жи Шрейнеръ стоитъ далеко отъ фотографическаго воспроизведенія жизни. Сама писательница опредѣляетъ художественное произведеніе, между прочимъ, какъ «крошечную дверь въ безпредѣльный просторъ, гдѣ можно найти все, что угодно»: подъ данной конкретной формой художникъ скрываетъ богатое и сложное содержаніе, и способный мыслить и чувствовать читатель можетъ извлечь изъ художественнаго произведенія не только непосредственно въ немъ данное, но и массу ассоціированныхъ съ нимъ идей. Всѣ характерныя черты авторской манеры г-жи Шрейнеръ ярко выступаютъ въ главномъ ея произведеніи—«Исторіи африканской фермы»; здѣсь мы находимъ не какую-нибудь искусственно-придуманную фабулу, а исторію дѣйствительнаго кризиса, пережитаго до бурской войны всѣмъ капскимъ обществомъ,—притомъ исторію, проникнутую міровоззрѣніемъ автора. «Исторія африканской фермы» изображаетъ жизнь капскихъ колонистовъ, какою она была въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія. Это былъ періодъ, когда въ патріархальную простоту быта колонистовъ начали вторгаться разныя новшества. Съ одной стороны, писательница изображаетъ этотъ еще нетронутый міръ глухой, захолустной старины съ элементарностью его понятій, однообразіемъ нравовъ и непреклонною властью традиціонныхъ обычаевъ. Голландскіе переселенцы или буры, т.-е. земледѣльцы, и теперь еще занимающіеся, главнымъ образомъ, сельскимъ хозяйствомъ, овцеводствомъ и разведеніемъ страусовъ, живутъ отдѣльными, разбросанными по всей странѣ фермами, лишенными часто не только деревьевъ, но и кустарниковъ. Среди этой бѣдной природы протекаетъ жизнь бура и его прислуги, состоящей частью изъ готтентотовъ, частью изъ кафровъ. «День за днемъ проходитъ въ домашнихъ работахъ разнаго рода, уходѣ за скотомъ, за страусами; жизнь скрашивается взаимными посѣщеніями, семейными празднествами. По воскресеньямъ всѣ принаряжаются, собираются въ пріемной комнатѣ, поютъ псалмы, слушаютъ проповѣдь главы дома или случайнаго посѣтителя, обладающаго ораторскимъ талантомъ, затѣмъ обѣдаютъ... Сегодня—какъ вчера,

завтра — какъ сегодня. Никому и въ голову даже не приходитъ, что можно жить иначе». Но за этой монотонной домашней жизнью писательница рисуетъ и другую ея сторону, полную борьбы, тревогъ и опасностей. Бурамъ шагъ за шагомъ пришлось завоевывать свою территорію, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать захваченныя пустынныя пространства отъ хищныхъ звѣрей и дикихъ племенъ. Грозившая отовсюду опасность заставляла бура въ теченіе многихъ лѣтъ не покидать ни днемъ, ни ночью заряженнаго ружья и составила ту школу суровой дисциплины, въ которой воспиталось его упорство и мужество. Отношенія къ англичанамъ внесли, сверхъ того, много тяжелыхъ испытаній въ судьбу буровъ. Занявъ въ 1814 г. Капъ, англичане мало-по-малу вытѣснили оттуда голландское населеніе, которое переселилось сѣвернѣе, въ Наталь; едва только буры успѣли здѣсь отвоевать землю отъ мѣстныхъ племенъ, усѣсться, застроиться и привести край въ культурное состояніе, какъ англичане вновь начали тѣснить ихъ. «Въ исторіи распространенія англійскихъ владѣній найдется мало страницъ, которыя были бы позорнѣе тѣхъ, которыя повѣствуютъ о вытѣсненіи буровъ изъ Наталя»,—говоритъ г-жа Шрейнеръ. Еще разъ двинулись буры на поиски и поселились на нынѣшней своей территоріи, основали тамъ независимую республику и въ 1852 г. заключили съ Англіей договоръ, по которому она обязалась признать ихъ независимость и не вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла. Отношеніе буровъ къ войнѣ прибавляетъ новую черту къ ихъ характеристикѣ. Въ войнѣ буръ совсѣмъ не ищетъ ни геройскихъ подвиговъ, ни славы, онъ не придаетъ ни малѣйшаго значенія той внѣшней декоративности, тому ложному блеску, которымъ отличается военное званіе повсюду: для него война представляетъ неизбѣжный, суровый долгъ; онъ видитъ въ ней величайшее зло, ничѣмъ ее не прикрашиваетъ и не обманываетъ себя никакими побрякушками. Переселившись въ Африку еще въ XVII в., буры составили одинокую замкнутую общину; оторванные отъ всего культурнаго міра, они надолго затвердѣли въ тѣхъ формахъ, въ тѣхъ нравахъ и порядкахъ, которые привезли съ родины. Если эти незыблемые устои жизни оказали бурамъ важную услугу, оберегая ихъ отъ вреднаго вліянія дикихъ народовъ, то съ теченіемъ времени они могли послужить тормазомъ для дальнѣйшаго развитія. Дѣйствительно новыя вѣянія, нарушившія вѣковое равновѣсіе и расшатавшія старыя основы, должны были придти извнѣ, со стороны: молодое поколѣніе буровъ привезло эти новыя идеи изъ европейскихъ университетовъ, гдѣ получило образованіе. Эта молодежь представляетъ изъ себя рѣдкое сочетаніе накопленной цѣлымъ рядомъ поколѣній физической крѣпости и свѣжести, не тронутой лихорадочнымъ возбужденіемъ большихъ городовъ, и утонченнаго, высшаго знанія. Эти колонисты, обучавшіеся въ англійскихъ университетахъ, образовали новый типъ африкандеровъ, возстановлявшихъ связь между своей *родиной* — Капландомъ и своимъ *отечествомъ*—Англіей: привязанность къ родной странѣ развивалась у нихъ рядомъ съ почтительнымъ чувствомъ къ Англіи, выражавшемся въ готовности по первому призыву устремиться на защиту отъ враговъ. Но нормальное развитіе этихъ чувствъ и отношеній было прервано неожиданнымъ открытіемъ минеральныхъ богатствъ въ Южной Африкѣ: золото и брилліанты привлекли туда цѣлыя полчища алчныхъ авантюристовъ, не привязаныхъ къ странѣ никакими интересами, кромѣ наживы. Эти пестрыя толпы иноземцевъ или уитлендеровъ нарушили спокойное теченіе жизни буровъ и внесли въ нее чуждыя страсти: корыстолюбіе, спекуляціи, биржевую игру. Скоро они явились хозяевами въ странѣ, перевернули весь строй жизни и принялись обирать все, что было возможно; въ концѣ концовъ, эта клика своими интригами вызвала англо-африканскую войну. Хищническіе инстинкты этихъ пришельцевъ изображаетъ г-жа Шрейнеръ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ. Въ дополненіе къ этимъ

мѣстнымъ свѣдѣніямъ Оливіи Шрейнеръ о подготовкѣ войны, приведемъ тожественныя сообщенія англійскихъ источниковъ. Г. *Діонео* («Рус. Богатство», августъ) извлекаетъ любопытные факты этого рода изъ новой англійской книги Дюгинда «Исторія лондонской фондовой биржи». Южно-африканскія бумаги появились на лондонской биржѣ въ восьмидесятыхъ годахъ. Изъ многочисленныхъ компаній, составившихся для эксплоатаціи южно-африканскихъ минеральныхъ богатствъ и выпустившихъ безчисленныя акціи, мало-по-малу выдвинулись двѣ, задушившія всѣ остальныя; во главѣ одной стоялъ Сесиль Родсъ, во главѣ другой—Барнай Барнато. Эти два борца употребляли всѣ усилія, всѣ хитрости биржевой тактики, чтобы довести другъ друга до банкротства. Биржа до сихъ поръ сохраняетъ благоговѣйныя воспоминанія объ этомъ историческомъ боѣ. Но соперники не могли одолѣть другъ друга и рѣшили заключить миръ: обѣ компаніи соединились. Тогда биржа была наводнена дутыми акціями золотыхъ пріисковъ въ Южной Африкѣ. Чтобы поддержать эту игру, необходимо было найти золото. Вотъ почему Трансваальскую войну биржа считаетъ своею собственною и встрѣтила ликованіями начало военныхъ дѣйствій. «Это—первая большая война, въ которую королямъ биржи, заправляющимъ «кафрскимъ кругомъ» (отдѣленіемъ южно-африканскихъ бумагъ), удалось втянуть страну. Набѣгъ Джемсона, первый провозвѣстникъ войны, былъ въ значительной степени выработанъ на биржѣ». «У насъ имѣется много фактовъ, доказывающихъ, что главныя фирмы знали о подготовлявшихся событіяхъ», говоритъ Дюгиндъ. Возвратившимся послѣ набѣга солдатамъ биржа устроила восторженный пріемъ. Затѣмъ, начата была систематическая кампанія въ пользу войны: было основано нѣсколько газетъ, которыя должны были популяризовать войну, была скуплена пресса въ Южной Африкѣ, командированы туда надежные корреспонденты, которые должны были описывать страданія уитлендеровъ. «Война эта особенно связана съ биржей, — говоритъ Дюгиндъ,—она была начата ради уитлендеровъ, изъ которыхъ многіе непосредственно заинтересованы въ пріискахъ. Война породила много демонстрацій на биржѣ и вызвала взрывъ патріотизма на ней».

Наши церковныя школы. Г. *Н. В. К—вичъ* («Вѣстникъ Европы», сентябрь) предвидитъ въ близкомъ будущемъ угрожающее начальному образованію усиленіе церковныхъ школъ. Показателемъ этого служитъ, съ одной стороны ассигновка изъ государственнаго казначейства въ пособіе церковнымъ школамъ новыхъ трехъ съ половиною милліоновъ, съ другой стороны, законъ о фиксаціи земскаго обложенія. Этотъ законъ долженъ пріостановить ростъ земской школы, мѣсто которой станетъ все болѣе занимать покровительствуемая и субсидируемая церковная. Въ виду этого, авторъ находитъ не лишнимъ охарактеризовать положеніе учебной и педагогической части въ церковной школѣ и подвести итоги образовательнымъ и воспитательнымъ результатамъ ея дѣятельности. Главными матеріалами для этого очерка послужили ему отчеты училищныхъ совѣтовъ, епархіальныхъ наблюдателей церковныхъ школъ, протоколы ихъ съѣздовъ и т. п. по 24 губерніямъ, и хотя источники эти не особенно надежны по своей тенденціозности и неполнотѣ, тѣмъ не менѣе они даютъ яркую картину современнаго положенія церковной школы. Эти свѣдѣнія авторъ дополняетъ нѣкоторыми данными изъ другихъ 14 губерній. Къ 1-му января 1899 г. въ Россіи числилось 39.650 церковныхъ школъ съ 1.450.000 учащихся. Содержаніе одноклассной церковной школы обходилось въ годъ отъ 198 до 380 р., школы грамоты—отъ 54 до 190 р. Эта поразительная скудость средствъ, конечно должна самымъ печальнымъ образомъ отражаться на составѣ учительскаго персонала. Учителя церковныхъ школъ дѣлятся на двѣ категоріи: съ одной стороны, члены причта—діаконы и псаломщики, съ другой—лица свѣтскія; въ послѣднее время число учителей изъ духовныхъ лицъ все уменьшается, и

мѣсто ихъ занимаютъ спеціальные свѣтскіе учителя. Образовательный уровень этихъ учителей крайне низкій: большинство изъ нихъ, доходящее въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до 94%, относятся къ разряду «неправоспособныхъ къ учительскому званію», т.-е. съ начальнымъ низшимъ или «домашнимъ» образованіемъ. Эти учителя представляютъ пеструю смѣсь людей случайныхъ, самыхъ различныхъ профессій, встрѣчаются среди нихъ «отставные унтеръ-офицеры, заштатные волостные писаря и прочій людъ, берущійся за обученіе ребятъ, какъ за послѣдній рессурсъ ихъ разбитой, неудавшейся жизни». Есть между ними не только вполнѣ невѣжественные, не умѣющіе преподавать, но и люди сомнительной нравственности. Краснорѣчивѣе всего характеризуетъ этихъ наставниковъ размѣръ получаемаго ими вознагражденія: около трети всѣхъ учащихъ получаютъ менѣе 50 рублей въ годъ, есть учителя, получающіе только 20 рублей за учебное время. «Большая часть такихъ учителей умерла бы безъ сомнѣнія, съ голоду, если бы священники не спасали ихъ отъ голодной смерти своей благотворительностью, а кое-гдѣ и сельскія общества не соглашались кормить ихъ на общественный счетъ, т.-е. давать обѣдъ по очереди ежедневно». О тяжелыхъ условіяхъ учительской службы рѣшительно свидѣтельствуетъ повальное бѣгство учителей со своихъ мѣстъ: половина всѣхъ учителей покидаетъ свои мѣста не позже чѣмъ черезъ годъ. Само собой разумѣется преподаваніе должно сильно страдать отъ постоянной смѣны учителей. Духовное начальство, конечно, понимаетъ, что задержать порядочныхъ учителей можно только повышеніемъ содержанія, но проектируемыя училищными совѣтами нормы окладовъ настолько умѣренны, что не могутъ дать серьезнаго обезпеченія учителю: высшей мѣрой, къ которой, по ихъ мнѣнію, должно быть приравнено вознагражденіе учителя, считается годовой заработокъ мѣстнаго крестьянина. Чтобы поднять педагогическій уровень учителей, руководители школьнаго дѣла разсчитываютъ, вмѣсто недостающихъ денежныхъ средствъ, прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ: къ второклассымъ школамъ и краткосрочнымъ учительскимъ курсамъ. Но нѣтъ никакого основанія ожидать, что окончившіе второклассную школу будутъ довольствоваться скуднымъ учительскимъ жалованьемъ и не перейдутъ на другую службу. Что же касается до учительскихъ курсовъ, то, несмотря на громкіе панегирики, которые воздаются имъ во всѣхъ отчетахъ, можно усомниться въ ихъ великомъ педагогическомъ значеніи. Прежде всего, курсы продолжаются въ среднемъ не больше мѣсяца — срокъ слишкомъ недостаточный для серьезной подготовки «неправоспособнаго» учителя; кромѣ того, на курсы попадаетъ очень незначительная часть учителей, и, наконецъ, большая часть времени на курсахъ посвящается обученію церковному пѣнію, на остальные предметы отдается лишь небольшое количество часовъ: напр., на пермскихъ курсахъ было 123 урока пѣнія, 27 уроковъ русскаго языка и 15 уроковъ ариѳметики; это отношеніе съ немногими колебаніями повторяется и на другихъ курсахъ. При всемъ томъ, курсы не только не ослабляютъ переходъ учителей въ другія вѣдомства, но, наоборотъ усиливаютъ. «Нужно жалѣть,— пишетъ новгородскій епархіальный наблюдатель,—что курсы, возвышая педагогическую подготовку учителей и учительницъ, тѣмъ самымъ облегчаютъ и ускоряютъ для нихъ переходъ на службу въ лучше, матеріально, обезпеченныя гражданскія школы... Съ каждымъ годомъ на мѣсто болѣе опытныхъ и лучшихъ учителей и учительницъ наблюдатели встрѣчаютъ новичковъ, которыхъ снова нужно учить тому же, чему учили ихъ предшественниковъ, и опять для того, чтобы послѣ новыхъ трудовъ надъ ихъ подготовкой проститься съ ними и отпустить на службу въ гражданскія школы». Впрочемъ, школьные отчеты неособенно отрицательно относятся къ дѣятельности «неправоспособныхъ» учителей, которые свое малое умѣнье восполняютъ «особымъ усердіемъ и прилежаніемъ къ дѣлу»; нѣкоторые наблюдатели даже отдаютъ предпочтеніе «не

правоспособнымъ» учителямъ, такъ какъ они знаютъ церковное пѣніе, учатъ крестьянъ правильно молиться Богу, разсказываютъ имъ исторію праздниковъ и житія святыхъ, и такимъ образомъ эти невѣжественные люди могутъ служить «руководителями мѣстнаго общества и надежными сотрудниками пастырей въ высокомъ дѣлѣ религіознаго воспитанія народа». Если прибавимъ ко всѣмъ этимъ чертамъ еще ничтожныя суммы, отпускаемыя на книги и письменныя принадлежности, да убогое помѣщеніе (по даннымъ отчетовъ, болѣе половины школьныхъ помѣщеній признаются «неудобными»), то физіономія церковной школы обрисуется довольно полно. Затѣмъ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ самаго веденія дѣла въ церковныхъ школахъ. Церковныя школы преслѣдуютъ главнымъ образомъ, задачи религіозно-воспитательныя; образовательныя задачи стоятъ у нихъ на второмъ планѣ. Школьные дѣятели строго держатся этихъ взглядовъ и время отъ времени напоминаютъ, что «не обученіе должно составлять основную задачу народной школы, а воспитаніе—въ духѣ подчиненія церковной и гражданской власти, по уставу церкви православной, на началахъ христіанской вѣры и любви». Какъ извѣстно, главное руководство школами возложено на священниковъ, причемъ матеріальныхъ средствъ имъ не дано никакихъ; естественно, что священники относятся къ своимъ школьнымъ обязанностямъ совершенно формально, открываютъ школы только по настоянію епархіальнаго начальства и ведутъ преподаваніе Закона Божія въ большинствѣ случаевъ крайне небрежно; въ отчетахъ сплошь и рядомъ отмѣчается неуспѣшное преподаваніе Закона Божія, механическое заучиваніе текстовъ, безъ пониманія ихъ смысла и т. п. На церковное пѣніе въ школахъ обращается усиленное вниманіе, какъ мы уже отчасти видѣли по распредѣленію часовъ на учительскихъ курсахъ. Успѣхи по церковно-славянской грамотѣ отчеты признаютъ въ общемъ удовлетворительными, хотя замѣчаютъ, что славянское чтеніе является механическимъ, безъ всякаго толкованія содержанія. Что касается «свѣтскихъ» предметовъ—русскаго чтенія, письма и ариѳметики,—то успѣхи по этимъ второстепеннымъ въ церковной школѣ предметамъ еще слабѣе: это откровенно заявляютъ отчеты, замѣчая, напр., что въ худшихъ школахъ ученики «не достигали правильнаго и осмысленнаго чтенія по-русски», или: «изъ всѣхъ предметовъ наиболѣе слабо обученіе счисленію» и т. п. Школы грамоты по результатамъ обученія, конечно, стоятъ еще ниже. Относительно религіозно-воспитательнаго вліянія церковной школы на населеніе, отчеты полны риторическихъ разглагольствованій. Одинъ епархіальный наблюдатель высказываетъ впрочемъ сожалѣніе, что о. о. уѣздные наблюдатели не приводятъ ни одного факта благотворнаго вліянія школы на населеніе, но тотчасъ же спѣшитъ успокоить себя тѣмъ соображеніемъ, что «безъ сомнѣнія, такихъ фактовъ есть не мало, но въ виду того, что они теперь стали обычнымъ явленіемъ, имъ и не придаютъ такого важнаго значенія, какое они имѣютъ на самомъ дѣлѣ». Отчеты много говорятъ о симпатіяхъ населенія къ церковнымъ школамъ, ссылаясь въ доказательство этого на увеличеніе числа школъ и на ассигновки школьныхъ суммъ сельскими и волостными обществами; но если присмотрѣться къ этому пункту, то оказывается, что ассигновки рѣдко происходятъ добровольно, а по большей части подъ давленіемъ мѣстнаго крестьянскаго начальства — земскихъ начальниковъ и мировыхъ посредниковъ. Въ заключеніе авторъ высказываетъ тревожное опасеніе за дальнѣйшую судьбу народнаго просвѣщенія у насъ. «Наростаніе негодныхъ школъ нужно считать только минусомъ для народнаго образованія: дѣти, наполняющія такія школы, не получаютъ въ сущности никакого образованія, никакихъ прочныхъ знаній, и тысячи этихъ фиктивныхъ разсадниковъ просвѣщенія существуютъ безъ всякой пользы, мѣшая только возникновенію въ тѣхъ же мѣстахъ дѣйствительно полезныхъ школъ».

Лондонское самоуправленіе. *С. Рапопортъ* («Вѣстникъ Европы») зна-

комить съ муниципальными учрежденіями Лондона. Во главѣ лондонскаго самоуправленія стоитъ «совѣтъ лондонскаго графства», соотвѣтствующій нашей городской думѣ и завѣдующій въ городскомъ хозяйствѣ только тѣми дѣлами, которыя касаются всего города, напр., регулированіе Темзы, очистка города и т. п. Всѣ же мѣстныя муниципальныя задачи сосредоточиваются въ участковыхъ управленіяхъ, отдѣльныхъ самостоятельныхъ муниципалитетахъ, на которые съ прошлаго года разбитъ Лондонъ, и которые являются преемниками прежнихъ болѣе многочисленныхъ приходовъ. Этихъ муниципалитетовъ 29, они не стоятъ ни въ какой зависимости отъ совѣта лондонскаго графства и безконтрольно ведутъ городское хозяйство на своемъ участкѣ. За послѣдніе 10 лѣтъ, со времени изданія новыхъ законовъ, расширившихъ права самоуправленія, Лондонъ успѣлъ совершенно преобразоваться, благодаря дѣятельности мѣстныхъ муниципальныхъ органовъ. Цѣлый рядъ общественныхъ предпріятій и учрежденій возникъ по ихъ иниціативѣ. Для примѣра авторъ выбираетъ одинъ изъ центральныхъ муниципалитетовъ Лондона—Шордичъ и перечисляетъ организованныя имъ общественныя учрежденія. Пройдемъ мимо превосходнаго зданія ратуши, въ которомъ засѣдаетъ городской совѣтъ, и обратимъ вниманіе на электрическій заводъ съ «мусоро-сожигателемъ»; Шордичъ впервые примѣнилъ сожиганіе домашняго и уличнаго сора для электрическаго освѣщенія, между тѣмъ какъ раньше этотъ мусоръ вывозился за городъ и требовалъ не мало расходовъ на свое удаленіе. Единственнымъ неудобствомъ этого дарового топлива является большое количество несгораемыхъ остатковъ, въ видѣ шлака, камня, старой жести и т. п. Поэтому, особенно въ виду большого спроса на электрическую силу, на ряду съ мусорными печами, на заводѣ имѣются и каменноугольныя. Далѣе, Шордичъ можетъ гордиться своими двумя библіотеками. Зданія для библіотекъ были выстроены благотворителемъ Пасморомъ Эдвардсомъ, который построилъ въ Лондонѣ до 30-ти библіотечныхъ зданій подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы содержаніе библіотекъ было обезпечено спеціальнымъ налогомъ среди мѣстнаго населенія. Муниципалитеты въ Лондонѣ имѣютъ право открыть библіотеку только съ согласія большинства избирателей, которые и облагаются въ такомъ случаѣ особымъ библіотечнымъ налогомъ. О функціонированіи библіотекъ можетъ дать понятіе среднее число посѣтителей за день въ обѣихъ библіотекахъ—3.592, выдано читателямъ на домъ 129.862 книги въ годъ. Изъ библіотекъ берутъ на домъ не только книги, но и ноты, и спросъ на послѣднія былъ такъ великъ, что администрація нашла нужнымъ обзавестись произведеніями наиболѣе популярныхъ композиторовъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Слѣдующее муниципальное предпріятіе Шордича представляетъ баня съ прачешной. Баня устроена роскошно изъ мрамора и фарфора и состоитъ изъ ваннъ и купаленъ, предоставляемыхъ въ пользованіе за небольшую плату. На зимнее время обширный резервуаръ лѣтнихъ купаленъ застилается поломъ и превращается въ просторный концертный и танцовальный залъ; въ другой купальнѣ, 2-го класса, устраивается на зиму гимнастическій залъ, гдѣ за два пенса можно пользоваться всѣми гимнастическими приспособленіями. Въ прачешной каждая женщина за пенни въ часъ можетъ заняться стиркою своего бѣлья; стирка и просушка какихъ-нибудь 20—30 штукъ бѣлья производится здѣсь, благодаря пару и машинамъ, меньше чѣмъ въ полчаса. Прачешной пользуются въ среднемъ 189 женщинъ въ день. Описанныя учрежденія не являются исключительною принадлежностью Шордича—они имѣются и во многихъ другихъ муниципалитетахъ; но Шордичъ владѣетъ однимъ общественнымъ предпріятіемъ, еще не организованнымъ другими лондонскими муниципалитетами, и именно жилищами для рабочихъ. Ради этого былъ заключенъ заемъ въ полмилліона рублей, пріобрѣтенъ участокъ земли и возведены четыре пятиэтажныхъ зданія съ квартирами для 400 человѣкъ. Квар-

тиры, въ 2 и въ 3 комнаты, выходятъ одной стороной на улицу, другой—на дворъ, вымощенный асфальтомъ; во всѣ квартиры проведено электрическое освѣщеніе. Въ другихъ муниципалитетахъ Лондона можно найти еще не мало интересныхъ опытовъ муниципальной предпріимчивости, напр., безплатные воскресные концерты, муниципальный клубъ для юношей, складъ удобренія, фабрикуемаго изъ домашнихъ и уличныхъ отбросовъ и т. д.

Современное положеніе земства. Г. *Ник. Шишковъ* («Вѣстникъ Европы») даетъ общій очеркъ положенія у насъ земскихъ учрежденій. Онъ не претендуетъ на полноту характеристики и на обстоятельное изученіе громаднаго фактическаго матеріала, но основываетъ свои выводы на непосредственномъ и близкомъ знакомствѣ съ земскимъ дѣломъ извѣстнаго района. Прежде всего онъ задается вопросомъ объ отношеніи къ земству правительства, населенія и печати. Въ отношеніяхъ правительства къ земству наблюдается неустойчивость, колебанія: временами земство признается существенною частью государственнаго организма; затѣмъ, безъ всякихъ видимыхъ основаній, наступаетъ періодъ урѣзываній и сокращеній земской дѣятельности; непосредственно вслѣдъ затѣмъ земству поручаютъ новую государственную задачу или вводятъ земскія учрежденія тамъ, гдѣ ихъ не было. А, между тѣмъ, это непостоянство и измѣнчивость отношенія высшихъ сферъ къ земству оказываетъ очень вредное вліяніе на ходъ дѣла: неувѣренность парализуетъ энергію и охлаждаетъ къ земской работѣ многихъ дѣятелей. Другая причина слабости интереса къ земству въ мѣстномъ населеніи заключается въ недостаткахъ выборнаго механизма. Опредѣленіе гласныхъ, какъ «представителей землевладѣнія», «представителей крестьянъ», можетъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ представительства въ настоящемъ значеніи этого слова въ нашемъ земствѣ нѣтъ. Помѣщики, являющіеся на выборы обыкновенно въ небольшомъ числѣ, почти всѣ записываются въ гласные, такъ что выборовъ иногда совсѣмъ не бываетъ. Никакихъ опредѣленныхъ интересовъ, никакой программы у нашихъ аграріевъ нѣтъ, нѣтъ избирателей, нѣтъ наказовъ и нѣтъ никакой отвѣтственности. Гласные изъ крестьянъ еще менѣе являются представителями сословія: это по большей части волостные старшины, писаря, мелкіе лавочники,—однимъ словомъ, тотъ сортъ деревенскаго люда, который извѣстенъ подъ именемъ кулаковъ и міроѣдовъ. Конечно, едва-ли сотая часть тѣхъ 15—20.000 крестьянъ, отъ которыхъ выбирается земскій гласный, знаютъ его хотя бы по имени. Личные интересы такого выборнаго часто не только не совпадаютъ съ интересами населенія, но прямо противоположны имъ; никакой связи съ избирателями, никакихъ инструкцій отъ нихъ, конечно, эти народные представители не имѣютъ. Такой же мертвой буквой остаются часто и функціи земства. Такъ, дѣйствительность вовсе не соотвѣтствуетъ ходячему представленію о земскихъ учрежденіяхъ, какъ объ органахъ хозяйственнаго управленія уѣзда и губерніи: на самомъ дѣлѣ собственно хозяйственная дѣятельность земства очень ограничена. Въ роли ходатая передъ высшимъ правительствомъ о мѣстныхъ нуждахъ земство также не можетъ занять подобающаго ему мѣста: чаще всего ходатайства земствъ или просто признаются «несвоевременными», или получаютъ въ отвѣтъ: «не видно достаточныхъ основаній» къ удовлетворенію просьбы земства, или: «закономъ то или другое не предусмотрѣно», между тѣмъ какъ ходатайство именно и направлено на измѣненіе закона, и т. п. Далѣе авторъ разсматриваетъ тѣ тяжелыя внѣшнія условія, въ которыхъ проходитъ земская работа и отъ которыхъ страдаетъ успѣшное выполненіе главнѣйшихъ земскихъ задачъ: охраненія народнаго здравія, развитія народнаго образованія и улучшенія экономическаго положенія мѣстнаго населенія. Прежде всего земство лишено могущественнаго средства во всякой работѣ—кооперации. Разобщенныя искусственными территоріальными дѣленіями, земства сосѣднихъ, однородныхъ по климату

и почвѣ мѣстностей не могутъ, несмотря на неоднократно выраженныя желанія вступить въ союзъ между собою для общихъ хозяйственныхъ предпріятій, а, между тѣмъ, организація страхованія отъ пожаровъ, градобитія, падежа скота, неурожаевъ, посильна только обширнымъ районамъ. Серьезнымъ тормазомъ, связывающимъ земскую дѣятельность, служитъ также цѣлая сложная система ограниченій и запрещеній, которая съ годами успѣла наростн на Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Извѣстно, что въ школьномъ дѣлѣ изъ вѣдѣнія земствъ изъята вся учебно-воспитательная часть; извѣстно также, что школы грамоты переданы въ исключительное вѣдѣніе духовенства; устройство библіотекъ и читаленъ, помимо обязательнаго скуднаго каталога, стѣснено сложными формальностями и т. д. Въ результатѣ этихъ мѣръ происходитъ то, что во многихъ пунктахъ нѣтъ совсѣмъ никакихъ школъ, ибо духовенство не имѣетъ средствъ для открытія школы грамоты, а для земской школы недостаточенъ контингентъ учащихся; народныхъ библіотекъ и читаленъ было бы гораздо больше, если бы земствамъ была предоставлена въ этомъ отношеніи большая свобода. Вслѣдъ за этими внѣшними препятствіями земской дѣятельности, авторъ приводитъ цѣлый рядъ детальныхъ, чисто техническихъ несовершенствъ въ самой организаціи труда въ земскихъ учрежденіяхъ. Общій выводъ, который можно сдѣлать изъ этихъ замѣчаній, тотъ, что для упорядоченія земскаго дѣла необходимо признаніе важности этого института въ ряду государственныхъ учрежденій; всѣ же мелкіе недочеты могутъ быть устранены внутреннею самодѣятельностью самихъ земствъ. «Нѣтъ никакихъ понужденій сильнѣе довѣрія, нѣтъ никакого контроля, могущественнѣе общественнаго мнѣнія», такъ заканчиваетъ свой очеркъ г. Шишковъ.

Бѣлинскій и Грановскій. Г. *С. Ашевскій* («Образованіе», іюль—августъ) напоминаетъ о взаимныхъ отношеніяхъ между Бѣлинскимъ и Грановскимъ. Знакомство и сближеніе между ними произошло при посредствѣ ихъ общаго друга Станкевича. Быстро возникшія обоюдныя симпатіи не мѣшали имъ сознавать глубокаго различія натуръ, вкусовъ и взглядовъ. «Мы сошлись какъ нельзя лучше и ближе,—писалъ Бѣлинскій Станкевичу.—Но, Боже мой! Можно ли быть противоположнѣе въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ *мы* и онъ. Что за сужденія объ искусствѣ, что за вкусъ—верхъ идіотства!» Въ этотъ періодъ Бѣлинскій былъ поклонникомъ теоріи чистаго искусства и переживалъ крайнее увлеченіе гегелевской формулой: все дѣйствительное разумно. Съ первыхъ же разговоровъ они радикально разошлись въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, а извѣстная статья Бѣлинскаго о Бородинской годовщинѣ, гдѣ онъ подъ вліяніемъ упомянутой гегелевской формулы дошелъ до преклоненія передъ современной русской дѣйствительностью, провела между друзьями рѣзкую грань. Однако, моментъ отрезвленія быстро наступилъ, «бѣшеное уваженіе дѣйствительности» прошло, и Грановскій, сожалѣя Бѣлинскаго при видѣ мучительной расплаты его за свои увлеченія, готовъ былъ его оправдывать и сваливать всю вину на Бакунина, приписывая его «нечистому вліянію», «гадкія, можно сказать, подлыя статьи» Бѣлинскаго. Послѣ временнаго отчужденія произошло между ними болѣе тѣсное сближеніе, «великая дружба», по выраженію Кавелина, хотя взаимная противоположность натуръ постоянно давала себя чувствовать. Грановскаго коробилъ рѣзкій тонъ статей Бѣлинскаго. «Зачѣмъ Orlando furioso, —писалъ онъ Кетчеру,—безобразитъ превосходныя статьи свои цинизмомъ выраженій и дикостью отдѣльныхъ мыслей. Что за охота плеваться?» Бѣлинскій, въ свою очередь, жаловался на излишнюю умѣренность и сдержанность своего друга: «Онъ человѣкъ хорошій... но одно въ немъ худо—модерація». Главнымъ поводомъ къ взаимнымъ упрекамъ были отношенія къ московскимъ славянофиламъ. Въ то время, какъ Бѣлинскій не желалъ имѣть ничего общаго съ «филистимлянами», Грановскій старался под-

*

держивать добрыя отношенія и съ славянофилами, и съ представителями оффиціальной народности; онъ довелъ уступчивость до того, что на одномъ обѣдѣ провозгласилъ тостъ за Шевырева и даже напечаталъ небольшую статью въ «Москвитянинѣ». Эти попытки примиренія привели Бѣлинскаго въ страстное негодованіе. «Сколько ни пей и ни чокайся, это не послужитъ ни къ чему, если нѣтъ въ людяхъ никакой точки соприкосновенія... Для меня эти лобызанія въ пьяномъ видѣ противны и гадки». «Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ «Москвитянинѣ»?—Нѣтъ и не буду читать: скажи ему,—пишетъ онъ Панаеву,—что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія». Вскорѣ обнаружилось лицемѣріе этихъ примирительныхъ шаговъ: Языковъ пустилъ по рукамъ свое извѣстное стихотвореніе, гдѣ обвинялъ и осмѣивалъ всѣхъ западниковъ, а Грановскаго называлъ «сладкорѣчивымъ книжникомъ, оракуломъ юношей-невѣждъ». Въ то же время партія Шевырева обнаружила намѣреніе провалить магистерскую диссертацію Грановскаго. Грановскій былъ возмущенъ до крайности и готовъ былъ даже примириться съ «невозможными рѣчами» Бѣлинскаго противъ славянофиловъ. Однако, по нѣкоторымъ пунктамъ своихъ воззрѣній Грановскій считалъ себя все-таки ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ Бѣлинскому, и чѣмъ дальше, тѣмъ разногласія между друзьями все болѣе обострялись. Бѣлинскій умеръ въ мрачную пору реакціи въ 1848 г., когда ему грозило лишеніе свободы и запрещеніе литературной дѣятельности. По свидѣтельству Кавелина, Дубельтъ яростно сожалѣлъ, что Бѣлинскій умеръ, прибавляя: «Мы бы его сгноили въ крѣпости». Настроеніе Грановскаго въ этотъ тяжелый періодъ выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Подчасъ глубоко завидую Бѣлинскому, во-время ушедшему отсюда».

За границей.

Стоимость побѣды, эмиграція ирландцевъ и др. англійскія затрудненія. Англійское министерство командировало въ Южную Африку выдающагося финансиста сэра Давида Барбура, который уже пріобрѣлъ извѣстность своимъ изслѣдованіемъ финансовъ Индіи, съ порученіемъ изучить финансовое положеніе обѣихъ южно-африканскихъ республикъ, для того, чтобы можно было возстановить равновѣсіе бюджета и улучшить систему взиманія и контроля налоговъ. Но главное Барбуръ долженъ былъ опредѣлить въ какихъ предѣлахъ обѣ республики могутъ участвовать въ военныхъ расходахъ имперіи, принимая во вниманіе ихъ теперешніе рессурсы и возможное развитіе этихъ рессурсовъ въ будущемъ.

Это была обширная программа, продиктованная весьма естественнымъ желаніемъ британскаго министерства произвести, наконецъ, серьезную оцѣнку тѣхъ областей, изъ за владѣнія которыми пролито такъ много крови. Кромѣ того—въ Англіи несомнѣнно существовали довольно значительныя иллюзіи на счетъ богатства южно-африканскихъ республикъ. Иллюзіи эти были распространены и намѣренно поддерживались въ англійскомъ обществѣ организаторами войны и Барбуру надлежало теперь подтвердить ихъ или... разрушить!

Когда началась война, то канцлеръ казначейства опредѣлилъ ея расходы въ 250 милліоновъ. Между тѣмъ, теперь уже никто не сомнѣвается, что война эта обойдется Англіи въ пять или шесть милліардовъ, не говоря уже объ истребленіи капитала. Но въ Англіи все еще существовали надежды, что удастся возмѣстить всѣ эти расходы отъ средствъ республикъ. Побѣжденные должны были бы уплатить побѣдителямъ всѣ расходы, причиненные побѣдой и при-

соединеніемъ ихъ бывшихъ владѣній и такимъ образомъ побѣдившая сторона не несла бы никакихъ убытковъ. Но, къ несчастью для Англіи всѣ эти разсчеты оказались хороши только на бумагѣ и событія нисколько не оправдали оптимистическихъ предвидѣній, англійскаго министерства. Военные расходы страшно возросли и въ настоящее время они достигаютъ почти шести милліоновъ въ день.

Но это еще не все. Сэръ Давидъ Барбуръ очень добросовѣстно и тщательно изслѣдовалъ рессурсы обѣихъ бурскихъ республикъ и выводы къ которымъ онъ пришелъ оказались далеко не утѣшительными. По его словамъ нормальный валовой доходъ Оранжевой республики достигаетъ 18.900.000 фр., а расходъ 12.275.000. Долженъ былъ бы образоваться избытокъ въ 6.625.000 фр., но ничего подобнаго нѣтъ и Барбуръ говоритъ въ своемъ докладѣ, что необходимо сдѣлать заемъ по крайней мѣрѣ въ 50 милліоновъ, для того чтобы вознаградить Наталь и Капъ и исправить всѣ тѣ опустошенія, которыя произвела война въ Оранжевомъ государствѣ. Кромѣ того значительныя суммы уже заранѣе ассигнованы на начатыя желѣзнодорожныя работы. Всѣ эти и другіе расходы въ Оранжевомъ государствѣ должны будутъ поглотить излишекъ, остающійся въ бюджетѣ, такъ что останется не болѣе трехъ милліоновъ, которыхъ едва хватитъ на содержаніе военной полиціи (Constabulary). Разсуждая такимъ образомъ Барбуръ приходитъ къ заключенію, что Оранжевая республика совершенно не обладаетъ средствами, изъ которыхъ Англія могла бы покрыть свои военныя издержки.

Въ Трансваалѣ дѣло обстоитъ не лучше. Произведя свои вычисленія, Барбуръ говоритъ, что Трансвааль не только не можетъ покрыть военныхъ издержекъ Англіи, но ему придется поискать новыхъ рессурсовъ, такъ какъ существующіе недостаточны даже для удовлетворенія потребностей страны, не только для уплаты другихъ расходовъ. Барбуръ полагаетъ, что придется обложить 10% налогомъ доходъ ея золотыхъ рудниковъ. По его мнѣнію, эта отрасль промышленности въ состояніи будетъ вынести такое бремя, принимая ей вниманіе тѣ матеріальныя выгоды, которыя должна будетъ принести съ отмѣна бурскаго режима. Весьма возможно, что въ данномъ случаѣ его разсчеты вѣрны, но во всякомъ случаѣ довольно курьезно то, что война, предпринятая подъ предлогомъ улучшенія положенія уитлендеровъ и владѣльцевъ копей, приводитъ именно къ обратному результату и необходимости введенія крайне обременительнаго налога для экстрактивной промышленности. Какъ бы тамъ ни было, но трудно предполагать, чтобы обѣ республики, совершенно разоренныя и опустошенныя въ настоящее время, въ состояніи были бы уплатить англичанамъ стоимость ихъ побѣды, такъ что, по всей вѣроятности, англійскому плательщику податей придется пережить еще не мало затрудненій.

Во многихъ слояхъ англійскаго общества не могутъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что со смертью королевы Викторіи закончилась эра наивысшаго процвѣтанія Великобританіи. Начало новаго вѣка принесло съ собою много разочарованій и затрудненій, которыя возникаютъ со всѣхъ сторонъ. Благополучіе страны подорвано и высокомѣрію англичанъ нанесенъ довольно чувствительный ударъ южно-африканскою войной, но, кромѣ того, и внутри Англіи появляются нѣкоторые тревожные признаки. Между прочимъ на весьма серьезныя размышленія наводятъ, изложенные Уиндгэмомъ въ палатѣ общинъ результаты народной переписи въ Ирландіи и Шотландіи, они краснорѣчивѣе всякихъ словъ подчеркиваютъ разницу между процвѣтающею и погибающею страной. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ населеніе Ирландіи было втрое больше, нежели Шотландіи; теперь замѣчается обратное явленіе, населеніе Шотландіи возрастаетъ, тогда какъ Ирландіи быстро падаетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ирландія, поставленная въ нѣсколько лучшія условія, могла бы прокормить

гораздо большее число людей; теперь же замѣчается прогрессивное уменьшеніе ирландскаго населенія, что является прямымъ результатомъ англійскаго управленія этою страной, изнемогающей подъ бременемъ налоговъ, которые возрастаютъ, несмотря на убыль населенія и почти полное уничтоженіе ирландской промышленности. Достаточно указать на слѣдующія цифры, чтобы читателю стало ясно, какъ растутъ налоги въ Ирландіи. Въ 1894 году численность населенія была 4.600.599 чел.; сумма же налоговъ равнялась 7.568.649 ф. стерл.; въ нынѣшнемъ же 1901 году населеніе уменьшилось на 150.000, налоги же возросли на 2 милліона. Кто же, взглянувъ на эти краснорѣчивыя цифры, не вымолвитъ слово осужденія англичанамъ, хозяйничающимъ въ Ирландіи? И въ самой Англіи находятся люди, сознающіе, что такое положеніе нѣкогда цвѣтущаго острова ложится темнымъ пятномъ на Великобританію. Въ «Daily News» была напечатана весьма краснорѣчивая статья по этому поводу, въ которой описывалось печальное положеніе ирландскаго сельскаго населенія. Данныя послѣдней народной переписи даютъ новый поводъ ирландскимъ членамъ парламента еще энергичнѣе требовать введенія реформъ въ Ирландіи, которыя однѣ только могутъ пріостановить эту возрастающую убыль населенія. «Нельзя даже осуждать ирландцевъ за слишкомъ большую рѣзкость, которую они часто проявляютъ въ стѣнахъ парламента,—говоритъ «Daily News».—Англичане и шотландцы поступали бы вѣроятно точно такъ же, если бы находились въ такихъ же тяжелыхъ условіяхъ».

Но среди англичанъ находятся и такіе, которые смотрятъ на массовую эмиграцію ирландцевъ, какъ на весьма благопріятный признакъ. «Страна только выиграетъ отъ того, что изъ нея будутъ удалены безпокойные недовольные элементы, политическіе агитаторы и т. д.», говорятъ они. Недавно вопросъ этотъ былъ затронутъ въ парламентѣ и ирландскій членъ парламента Джонъ Редмондъ, отвѣтилъ на это слѣдующее: «Каждый ирландецъ, покидающій свою родину и переселяющійся въ Америку, уноситъ въ своемъ сердцѣ такое чувство, которое ничего хорошаго не уготовляетъ Англіи, и это чувство онъ передаетъ своимъ дѣтямъ. Эмиграція лишаетъ Ирландію ея лучшихъ сыновъ, наиболѣе способныхъ и сильныхъ, и оставляетъ старыхъ да малыхъ и безпомощныхъ. Но изъ этого ничуть не слѣдуетъ выводить заключенія, что ирландская раса вымираетъ. Скорѣе слѣдуетъ думать, что эти враги англійскихъ злоупотребленій въ Ирландіи, переселившись въ свободную страну по ту сторону Атлантическаго океана, размножаются и усиливаются... Тѣ же, кто несетъ на себѣ отвѣтственность за всѣ законы и мѣры, вызывающія и усиливающія ирландскую эмиграцію, рано или поздно должны будутъ убѣдиться, что въ Америкѣ существуетъ Немезида, въ образѣ милліоновъ гражданъ ирландскаго происхожденія, которые будутъ дѣйствовать противъ Англіи, когда наступитъ время и быть можетъ заставятъ ее пожалѣть о своей теперешней несправедливости и близорукой политикѣ». Предостерегающія слова ирландскаго депутата ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать пустымъ звукомъ. Съ этимъ даже согласны многіе англичане, не ослѣпленные своимъ національнымъ высокомѣріемъ и ненавистью къ ирландцамъ. Эмигрирующіе ирландцы главнымъ образомъ направляются въ Соединенные Штаты; ихъ число и вліяніе въ трансатлантической республикѣ постоянно растетъ и они участвуютъ вездѣ, въ общинныхъ и государственныхъ выборахъ, весьма сплоченными ирландско-національными корпораціями. Во многихъ мѣстахъ уже ирландцы имѣютъ перевѣсъ и поэтому весьма возможно, что современемъ въ Соединенныхъ Штатахъ народится Немезида, которая покараетъ Англію за всѣ притѣсненія и страданія, выпадающія теперь на долю Ирландіи.

Со времени южно-африканской войны въ Англіи наблюдается довольно любопытное явленіе—необычайное размноженіе всевозможныхъ союзовъ и ассо-

ціацій, такъ или иначе относящихся къ этой войнѣ. На митингахъ этихъ ассоціацій порою даже трудно бываетъ разобрать, къ какому лагерю принадлежатъ ораторы. Очень часто ораторы, разсыпавшись въ увѣреніяхъ въ своей лойяльности и преданности англійской національной идеѣ, начинаютъ высказывать такіе взгляды, которые заставляютъ предполагать, что они «пробуры» (proboers). Слушатели сначала слушаютъ въ недоумѣніи, но затѣмъ, спохватившись, начинаютъ возражать оратору. Ораторъ въ свою очередь прибѣгаетъ къ разнымъ поправкамъ и т. д. Недавно такой случай произошелъ на митингѣ «Victoria League»—союза, объединяющаго всѣхъ лойяльныхъ женщинъ метрополій и колоній. Подобный же союзъ представляетъ и южно-африканская лига лойяльныхъ женщинъ и на собраніяхъ этой лиги порою происходятъ подобныя же недоразумѣнія. Все это указываетъ на большую запутанность положенія въ Англіи и на сумбуръ, который образовался въ понятіяхъ многихъ лойяльныхъ гражданъ. Но между ними, конечно, рѣдко попадаются такіе откровенные люди, какъ тотъ англичанинъ, который сказалъ корреспонденту одной нѣмецкой газеты: «О да, если бы я не былъ англичаниномъ, то я бы, конечно, осудилъ южно-африканскую войну!»

Любопытно, что однимъ изъ послѣдствій южно-африканской войны является упадокъ англійскаго книжнаго дѣла. Книготорговцы и издатели жалуются на страшный застой. Повидимому, и тутъ американцы начинаютъ мало-по-малу вытѣснять англичанъ. Издатели говорятъ, что только книги для легкаго чтенія, да только такія, которыя затрогиваютъ современныя темы, имѣютъ еще хорошій сбытъ и на это измѣненіе вкусовъ англійской читающей публики указываютъ единогласно всѣ англійскіе книготорговцы. Издательская фирма «Harper's» говоритъ, что еще не бывало такого упадка книжнаго дѣла, какой наблюдается за послѣдніе полгода. Впрочемъ хорошо раскупаются книги политическаго содержанія и преимущественно тѣ, которыя касаются Китая. Центръ тяжести книгоиздательскаго дѣла, несомнѣнно, перемѣщается въ Нью-Іоркъ, гдѣ наблюдается большое оживленіе книжнаго рынка въ послѣднее время.

Ростъ человѣчества за сто лѣтъ. Французскій журналистъ Жюль Ромъ въ одной изъ своихъ статей въ «Figaro» сообщаетъ нѣкоторыя, не лишенныя интереса цифры, касающіяся роста населенія на земномъ шарѣ. Перемѣны, которыя произошли въ этомъ отношеніи за истекшіе сто лѣтъ, весьма значительны. Европа 1901 года совсѣмъ уже не похожа на Европу 1801 года. Тогда въ Европѣ насчитывалось всего 175 милліоновъ обитателей, теперь, въ 1901 году—392 милліона; населеніе болѣе чѣмъ удвоилось, но этотъ приростъ населенія выразился далеко не одинаково во всѣхъ странахъ. Франція въ 1801 году занимала первое мѣсто въ ряду всѣхъ остальныхъ націй по количеству населенія и по степени своей цивилизаціи. Населеніе Франціи достигало тогда 33 милліоновъ и только одна Россія, со своими 36 милліонами, не уступала Франціи въ этомъ отношеніи, но за то въ томъ, что касается матеріальнаго прогресса и цивилизаціи, Россія стояла на очень низкой ступени своего развитія. Англія же, вмѣстѣ съ Шотландіей и Ирландіей, насчитывала тогда не больше 16 милліоновъ. Германія, раздробленная на множество мелкихъ государствъ, насчитывала не болѣе 25 милліоновъ жителей, Италія была лишь отвлеченнымъ понятіемъ; въ дѣйствительности же она распадалась на разныя королевства и герцогства, папскую область, съ ея 2.600.000 обитателей и въ общемъ на всемъ полуостровѣ, вмѣстѣ съ Сардиніей, было только 17 милліоновъ жителей. Въ Австріи, вмѣстѣ съ Венгріей, числилось только 25 милліоновъ, такъ что если произвести сравненіе, то Франція по численности своего народонаселенія составляла тогда $^1/_5$ всей Европы. За предѣлами Европы начиналась въ этомъ отношеніи пустыня, или вѣрнѣе—область неизвѣстнаго.

Конечно въ Азіи, Индіи и Китаѣ запасъ людей былъ очень великъ, но перепись населенія производилась только въ одномъ Китаѣ (съ древнѣйшихъ временъ!), относительно же другихъ странъ не имѣлось никакихъ данныхъ. Въ Китаѣ, по Макъ Картнею, въ 1795 году было 333.000.000 жителей, но сколько было въ Японіи или Индіи—неизвѣстно. Африка представляла еще совершенно неизвѣданную страну и на картахъ были отмѣчены только однѣ очертанія африканскаго материка. Что касается Америки, то лишь относительно Соединенныхъ Штатовъ имѣлись точныя цифры. Въ 1790 г. тамъ было 3.929.214 жителей; остальныя же области сѣверной и Южной Америки, Мексика, Перу, Чили, Бразилія, Боливія и др., въ этомъ отношеніи совсѣмъ не были извѣстны. Объ Австраліи и Новой Зеландіи и говорить нечего; это были страны будущаго, о которыхъ могли только мечтать смѣлые изслѣдователи и путешественники.

Въ началѣ новаго столѣтія, въ 1901 г. передъ нашими глазами находится уже цѣлый новый міръ въ Австраліи. Достаточно было одного столѣтія, чтобы произвести такія громадныя перемѣны какихъ не бывало съ доисторическихъ временъ. Населеніе Европы приближается теперь къ 400 милліонамъ; во Франціи-же оно едва достигаетъ 38 милліоновъ и границы ея уменьшились до тѣхъ предѣловъ, какія были въ 1801 году. Теперь уже населеніе Франціи составляетъ лишь десятую часть всего населенія Европы. Англія насчитываетъ 41 милліонъ. преобразованная и объединенная Германія—56 мильоновъ. Италія воскресла изъ мертвыхъ, сильная и готовая къ новой жизни; населеніе ея удвоилось (32 мильона) и недалеко время, когда она опередитъ Францію, поразительно отстающую въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ европейскихъ государствъ, такъ какъ рѣшительно вездѣ, даже въ такихъ небольшихъ странахъ какъ Бельгія и Голландія, населеніе возрасло почти вдвое.

Въ другихъ частяхъ свѣта произошли еще большія перемѣны. Народились новыя государства, а древнія преобразовались. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ Японія, которая уже теперь занимаетъ выдающееся мѣсто въ ряду прочихъ цивилизованныхъ государствъ и въ азіатскихъ вопросахъ голосъ ея имѣетъ особенно большое значеніе. Въ Америкѣ возникъ цѣлый рядъ независимыхъ маленькихъ государствъ, не говоря уже о Соединенныхъ Штатахъ, которые продолжаютъ развиваться, поражая міръ своею энергіей и жизненною силой. А на сѣверѣ Америки, гдѣ тянулись необозримыя снѣжныя равнины, теперь находится цвѣтущее государство «Dominion of Canada» съ шестьюмилліоннымъ населеніемъ, самостоятельное и независимое и связанное съ метрополіей только номинальными узами.

Въ 1801 году въ историческихъ событіяхъ участвовали 200 милліоновъ людей, изъ которыхъ Франція представляла самую сильную и однородную группу; теперь же почти 800 милліоновъ на всѣхъ пунктахъ земного шара участвуютъ въ политической жизни и борьба за существованіе націй принимаетъ и болѣе рѣшительный, и болѣе разнообразный характеръ.

Олива Шрейнеръ. Правящіе кружки въ Англіи очень недовольны тѣмъ, что англійскимъ полководцамъ въ Южной Африкѣ ставятъ въ упрекъ то, что они ведутъ войну не только съ взрослыми людьми, способными носить оружіе, но и съ женщинами и дѣтьми. Между тѣмъ, многіе факты указываютъ, что упреки эти далеко небезосновательны. Достаточно указать на разоблаченія миссъ Гобсонъ относительно укрѣпленныхъ лагерей и на сожженіе фермъ и т. п. поступки англійскихъ воиновъ. Нѣсколько времени тому назадъ, появилось извѣстіе о взятіи въ плѣнъ жены трансваальскаго вице-президента Шалькъ Бургера и писательницы Оливы Шрейнеръ. Какъ сообщаетъ англійская же га-

зета «Daily News», съ этою послѣдней обращались очень сурово: ей не позволено было видѣться съ мужемъ, всѣ ея рукописи были сожжены и она была лишена всякой услуги, такъ что сама должна была готовить для себя обѣдъ и убирать комнату. Вечеромъ ей не давали свѣчей и часовому отданъ былъ приказъ стрѣлять въ нее при первой же попыткѣ къ бѣгству.

Въ Европѣ имя этой южно-африканской писательницы стало извѣстно очень недавно; но у себя на родинѣ она давно уже пользуется громадною популярностью и политическимъ вліяніемъ. Не найдется почти ни одного дома въ Капской колоніи и другихъ южно-африканскихъ странахъ, гдѣ бы не было ея произведеній. Она является единственною выдающеюся представительницей литературы этой части свѣта.

Задолго еще до начала враждебныхъ дѣйствій, но когда англобурскія отношенія уже начали обостряться, Олива Шрейнеръ возвысила свой голосъ и въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ старалась предостеречь отъ братоубійственной войны, которая однихъ должна покрыть несмываемымъ позоромъ, а другихъ окончательно погубить. Къ несчастью, голосъ ея оставался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», такъ какъ взаимная ненависть достигла точки кипѣнія. Несмотря на вспыхнувшую войну, Олива Шрейнеръ продолжала свою литературную дѣятельность, осуждая въ своихъ произведеніяхъ высокомѣріе, алчность и мстительность англичанъ и въ то же время всѣмъ сердцемъ соболѣзнуя о той пропасти, которая становится все шире и глубже, раздѣляя между собою двѣ рассы въ Южной Африкѣ.

Англичане не долюбливаютъ Оливу Шрейнеръ, которая наноситъ довольно чувствительные удары ихъ національному самолюбію, указывая какъ на ихъ національные недостатки, на жестокосердіе и эгоизмъ. Но, тѣмъ не менѣе, ея романы имѣютъ массу читателей въ Англіи и теперь переведены на другіе языки, нѣмецкій, французскій и русскій.

Отецъ Оливы Шрейнеръ былъ нѣмецъ. Онъ былъ лютеранскимъ миссіонеромъ въ Капской колоніи. Мать ея, шотландка, живетъ въ уединеніи въ одномъ изъ католическихъ монастырей. Одинъ изъ ея братьевъ—англиканскій священникъ въ Лондонѣ, а старшій братъ былъ министромъ-президентомъ Капской колоніи. Олива выросла такимъ образомъ въ религіозной средѣ и съ дѣтства выказывала наклонность къ мечтательности, писала стихи и разные разсказики, обнаруживая въ нихъ большой запасъ фантазіи, поразительной для такого юнаго возраста. Свой первый романъ, стяжавшій ей всемірную извѣстность, «Исторія одной африканской фермы», Олива Шрейнеръ написала, когда ей было 20 лѣтъ. Съ рукописью въ карманѣ она поѣхала въ Англію и тамъ напечатала ее подъ псевдонимомъ «Ralph Iron». Къ литературному призванію она относилась, какъ къ религіи, съ величайшимъ благоговѣніемъ. Литература, по ея словамъ, должна служить способомъ распространенія гуманитарныхъ идей, должна учить людей и поэтому-то Олива Шрейнеръ ставила очень высоко литературную дѣятельность. Весьма естественно, что какъ только положеніе дѣлъ въ Южной Африкѣ начало запутываться, то Олива Шрейнеръ выступила на публицистическомъ поприщѣ, стараясь разъяснить однимъ ихъ обязанности, другимъ—ихъ права и предостеречь ихъ отъ тѣхъ ужасовъ, которыми грозитъ будущее. Ея публицистическія статьи, вышедшія подъ заглавіемъ «An english South African's view of situation» проникнуты альтруистическими идеями. Она взывала къ англичанамъ, настаивая на прекращеніи ужасной кровопролитной войны. «Если даже всѣ мужчины, способные носить, оружіе будутъ убиты, то вѣдь останутся женщины, говоритъ Олива Шрейнеръ. Онѣ воспитаютъ новое поколѣніе, которое превзойдетъ даже старое поколѣніе своимъ мужествомъ и стойкостью. Внуки и правнуки, проходя мимо надгробныхъ насыпей своихъ предковъ, будутъ говорить: «Здѣсь покоятся наши отцы, погибшіе въ войнѣ за

свободу!» «И потомки этихъ героевъ,—прибавляетъ Олива Шрейнеръ,—составятъ новую націю; не будетъ больше ни англичанъ, ни голландцевъ, а только одна великая африканская нація. Ну, а мы? Что скажемъ тогда мы, оставшіеся англичанами и нѣкогда такъ радостно трудившіеся для Англіи и поклявшіеся ей въ вѣрности?».

Англичане обвиняютъ Оливу Шрейнеръ въ томъ, что она подстрекала къ войнѣ. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого обвиненія и даже теперь лучшая часть англійской печати признаетъ это. Какъ только начали обостряться отношенія она возвысила свой предостерегающій голосъ, проповѣдуя однимъ терпѣніе, другимъ—снисходительность и справедливость. «Разумѣется, наступающая война придетъ когда-нибудь къ концу,—говорила она.—Но результаты? Побѣда Англіи будетъ похожа на пораженіе. Южная Африка будетъ умиротворена, какъ въ свое время Ирландія Кромвеллемъ. Но придется оставлять тамъ гарнизоны, чтобы держать народъ въ уздѣ. Африка сосчитаетъ и похоронитъ своихъ мертвецовъ. Наступитъ спокойствіе, но мертвые будутъ говорить. Въ каждой фермѣ женщины, одѣтыя въ трауръ, будутъ думать о прошломъ. Съ каждымъ шагомъ солдатъ, отправленныхъ сюда, чтобы убивать, будутъ порываться узы, связывающія Африку съ Англіей. И когда они порвутся окончательно, то возстановить ихъ будетъ нельзя. Каждая пуля, повергающая теперь на землю одного африкандера, пробуждаетъ другого, который до сихъ поръ не думалъ о своемъ африкандерскомъ происхожденіи. Многіе изъ насъ никогда не сознавали своей привязанности къ бурамъ, но они сознаютъ ее, какъ только первые 300 буровъ напитаютъ своею кровью африканскую почву...»

Все это Олива Шрейнеръ писала передъ началомъ войны. Извѣстная писательница, Марія Дронзаръ называетъ ее «Капской Кассандрой». Она тоже проповѣдывала въ пустынѣ. Исторія идетъ своимъ чередомъ и предостерегающій голосъ не измѣняетъ ея теченія, такъ какъ вездѣ и во всѣ времена находились честолюбивые политики, поклонники золотого тельца и силы, притѣсняющіе и раздавливающіе слабыхъ. И такъ будетъ, пока не наступитъ царство справедливости на землѣ...

Что дало поводъ англійскимъ властямъ въ Капской колоніи такъ грубо поступить съ Оливою Шрейнеръ и посадить ее въ тюрьму—неизвѣстно. По всей вѣроятности, это вызвано желаніемъ во что бы-то ни стало прекратить ея публицистическую дѣятельность. Приверженцы войны въ Англіи думаютъ, что буры черпаютъ новое мужество изъ ея статей и нѣкоторыя англійскія газеты прямо высказывали это; надо было заставить ее замолчать!...

Испанскія волненія; священникъ въ роли драматурга и т. д. Несмотря на всѣ усилія испанскаго правительства и разныя энергичныя мѣры, никакого успокоенія умовъ въ Испаніи до сихъ поръ не замѣчается. Три движенія, характеризующія политическое положеніе въ Испаніи—каталонское, рабочее и антиклерикальное, повидимому не обнаруживаютъ ни малѣйшей склонности къ заключенію перемирія. Рабочее движеніе продолжаетъ развиваться и пріобрѣтать опытъ и серьезное направленіе, каталонское же организуется и распространяется и въ послѣднее время начинаетъ обнаруживать твердость и рѣшительность, въ особенности послѣ того, какъ Сагаста своимъ отвѣтомъ на притязанія каталонскихъ депутатовъ оскорбилъ всѣхъ каталонцевъ, безъ различія партій. Что же касается антиклерикальнаго движенія, то послѣдніе серьезные безпорядки въ Сарагоссѣ ясно указываютъ, что тутъ ни о какомъ успокоеніи не можетъ быть и рѣчи. Антиклерикальныя выясненія вспыхиваютъ во всей Испаніи безъ исключенія и ни одна провинція не можетъ похвастаться тѣмъ, что она отъ нихъ избавлена. Тѣмъ не менѣе, несмотря на продолжающуюся агитацію, или вѣрнѣе агитацій, такъ какъ дѣло идетъ о трехъ движеніяхъ,

не сливающихся другъ съ другомъ, испанскому правительству кое-какъ удается подавлять волненія и не давать имъ принимать слишкомъ большіе размѣры. Другое было бы дѣло, если бы эти параллельныя движенія соединились въ общемъ стремленіи ниспровергнуть существующій строй въ Испаніи. Пока они дѣйствуютъ сепаратно, правительство можетъ съ нимъ бороться, потому-то оно такъ и боится сближенія и сліянія этихъ трехъ общественныхъ теченій.

Новымъ толчкомъ для антиклерикальной агитаціи послужило представленіе въ Барселонѣ драмы аббата Пей Ордейкса «Paternidad». Мы уже имѣли случай говорить нашимъ читателямъ объ этомъ замѣчательномъ католическомъ священникѣ, который идетъ во главѣ антиклерикальнаго движенія въ Испаніи. Онъ одновременно пускаетъ въ ходъ всѣ орудія противъ своего врага, говоритъ проповѣди и публичныя лекціи, печатаетъ книги и памфлеты, даже написалъ романъ «Разводъ графини» все съ тою же цѣлью—распространенія своихъ идей. Но до сихъ поръ онъ не пробовалъ еще проповѣдывать ихъ съ подмостковъ театра; должно быть успѣхъ «Электры» Переца Гальдоса внушилъ ему мысль, что «театръ можетъ служить хорошимъ орудіемъ агитаціи» и онъ рѣшилъ испробовать его. Очень понятно, что первое представленіе его драмы носило характеръ выдающагося политическаго событія. Ежедневно громадныя толпы народа наполняетъ «Circo Barcelonès», на сценѣ котораго дается эта пьеса, и послѣ каждаго дѣйствія начинаются вызовы автора и когда Пей Ордейксъ выходитъ на сцену въ своей сутанѣ, то восторгъ толпы не знаетъ границъ. Можно навѣрное предсказать, что драма «Paternidad» будетъ имѣть и бо́льшее вліяніе и бо́льшій успѣхъ, нежели «Электра», тѣмъ болѣе, что она отличается бо́льшимъ реализмомъ. «Электра», несомнѣнно, дала толчокъ движенію, вызвала броженіе умовъ, но Пей Ордейксъ своею драмой ускоритъ, быть можетъ, развязку. Въ виду того, что этой драмѣ придется, вѣроятно, занять видное мѣсто въ современной исторіи Испаніи, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ ея содержаніемъ.

Богатая испанская семья Виллафуэрте состоитъ изъ трехъ лицъ: отца и матери, Игнаціо и Луизы, уже старыхъ и фанатически преданныхъ іезуитамъ, и сына Пакито. Духовный руководитель обоихъ стариковъ, отецъ Арбуру, думаетъ только объ одномъ, какъ бы добиться, чтобы огромное состояніе Виллафуэрте перешло въ руки ордена іезуитовъ. Но для этого нужно конечно заставить юнаго Пакито вступить въ этотъ орденъ, что было бы вдвойнѣ выгодно, такъ какъ Пакито не только богатъ, но и уменъ и талантливъ. Къ несчастью для плановъ почтеннаго іезуита Пакито влюбляется въ дѣвушку служащую у его родителей, по имени Леонору. Эта дѣвушка отвѣчаетъ ему взаимностью, и Пакито хочетъ на ней жениться, но родители страшно возстаютъ противъ такого неравнаго брака. Тогда молодые люди рѣшаются пренебречь обрядомъ и ночью отправляются въ домовую часовню Виллафуэрте и тамъ передъ алтаремъ клянуться въ вѣрности другъ другу, причемъ Пакито, передъ лицомъ вездѣсущаго Бога, клянется формально обвѣнчаться съ Леонорой, какъ только достигнетъ совершеннолѣтія и будетъ имѣть возможность обойтись безъ согласія родителей. Заключенный такимъ образомъ бракъ, оба считаютъ вполнѣ дѣйствительнымъ и законнымъ. Сначала все идетъ хорошо, но вскорѣ положеніе Леоноры, которая скоро должна сдѣлаться матерью, выдаетъ обоихъ. Родители въ отчаяніи прибѣгаютъ къ своему духовному совѣтнику, отцу Арбуру, который, конечно, также очень боится, что это событіе можетъ помѣшать его планамъ. Онъ принимается за дѣло и ему удается овладѣть душой, какъ Пакито, такъ и Леоноры. Онъ убѣждаетъ эту послѣднюю, при помощи разныхъ интригъ и хитросплетеній, что она была жертвой коварнаго соблазнителя. Несчастная Леонора, повѣрившая іезуиту, выражаетъ желаніе идти въ монастырь, а Пакито, не подозрѣвавшій интригъ іезуита, но видящій, что воз-

любленная отвернулась отъ него, также рѣшается вступить въ орденъ Іисуса; передъ вступленіемъ въ монастырь, Леонора приходитъ къ родителямъ Пакито, чтобы проститься съ ними и отдать своего ребенка подъ ихъ покровительство. Пакито видитъ ребенка на рукахъ новой няньки, Рамоны, и хочетъ подойти, чтобы поцѣловать его, но Арбуру останавливаетъ его. «Братъ Пакито,—говоритъ онъ, у—братьевъ ордена Іисуса нѣтъ сыновей!» Пакито покоряется, но когда къ нему подходятъ родители, чтобы проститься съ нимъ передъ его отъѣздомъ съ отцомъ Арбуру, то онъ съ негодованіемъ отворачивается отъ нихъ и восклицаетъ: «Братья-іезуиты точно также не имѣютъ и родителей, какъ не имѣютъ сыновей!»

Леонора поступаетъ послушницей въ монастырь въ Брюсселѣ, а Пакито во Флоренціи. Они ничего не знаютъ другъ о другѣ, но страшно тоскуютъ. Между тѣмъ, нянька Рамона, заступившая мѣсто Леоноры, также бывшая орудіемъ іезуитовъ, влюбляется въ сына одного капиталиста Іоакима и несмотря на всѣ интриги іезуитовъ, выходитъ за него замужъ, тогда они оба съ мужемъ рѣшаются открыть глаза Леоноры и Пакито на іезуитскія интриги, жертвою которыхъ они сдѣлались. Но іезуиты не дремлютъ; Пакито получаетъ вымышленное извѣстіе о смерти Леоноры и видя въ этомъ непосредственное вмѣшательство Провидѣнія, произноситъ обѣтъ; также поступаетъ и Леонора, которую убѣждаютъ въ томъ, что Пакито умеръ.

Проходитъ время, Пакито становится образцовымъ іезуитомъ и прославляется своимъ рвеніемъ и своею святостью. Пробывъ нѣсколько времени миссіонеромъ въ Китаѣ, онъ возвращается въ Испанію и такъ какъ здоровье его разстроено, то его отправляютъ въ одинъ изъ курортовъ. Тамъ онъ встрѣчаетъ одну вдову, которую сопровождаетъ сестра милосердія. Въ этой сестрѣ милосердія онъ узнаетъ свою возлюбленную Леонору. Такъ значитъ его обманули: она не умерла. Въ страшномъ негодованіи Пакито рѣшается немедленно выйти изъ ордена. Но тутъ вмѣшивается настоятель ордена, отецъ Леива и въ заключительной сценѣ, которая всѣми рецензентами признается необыкновенно сильной и производящей впечатлѣніе, Леива такъ терроризируетъ Пакито, угрожая ему гнѣвомъ всесильной компаніи Іисуса, которая можетъ при помощи всякихъ подложныхъ документовъ и свидѣтельствъ окончательно опозорить и обезчестить его, что Пакито чувствуетъ какъ мужество покидаетъ его и ему болѣе ничего не остается, какъ покориться неизбѣжной и роковой необходимости.

«Хорошо же! — восклицаетъ онъ.—Правосудіе готово осудить меня, церковь меня отталкиваетъ и общество не хочетъ защитить меня!.. Изъ моего сердца постарались вырвать всѣ чувства, отца, сына, супруга... Если я захочу теперь поступать какъ честный человѣкъ, если я вздумаю мстить за это, то мнѣ грозитъ тюрьма. Если я поступлю какъ христіанинъ, то буду отлученъ отъ церкви. Пусть такъ! Берегись же, общество, которое не желаетъ защитить меня; берегись правосудіе, я бросаю тебѣ вызовы»! И разразившись сатанинскимъ смѣхомъ Пакито заканчиваетъ свою тираду слѣдующими словами: «Я остаюсь іезуитомъ!»

Всякій разъ послѣ этой заключительной тирады стѣны Барселонскаго театра потрясаются отъ грома неистовыхъ рукоплесканій. Драма эта возбуждаетъ много толковъ и страстныхъ нападокъ съ клерикальной стороны. Испанскіе клерикалы находятъ ее опаснѣе «Электры», которая совсѣмъ уже отошла на задній планъ въ Испаніи. Но за то «Электра» перевалила черезъ океанъ и теперь собираетъ лавры въ Аргентинѣ. Въ Буэносъ-Айресѣ, какъ сообщаютъ корреспонденты иностранныхъ газетъ первое представленіе «Электры» сопровождалось бурными демонстраціями, то же самое произошло и въ Лими (Перу). Послѣ перваго же представленія «Электры» толпа поразбивала стекла въ монастыряхъ, антиклерикальное движеніе такимъ образомъ переселилось за океанъ

и охватило всѣ земли съ испанскимъ населеніемъ. Обѣ эти драмы, «Electra» и «Paternidade», могутъ быть названы такъ, какъ нѣкогда было названо во Франціи знаменитое произведеніе Бомарше—«La révolution en action».

Женское движеніе въ Болгаріи. Несмотря на то, что Болгарія позднѣе другихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, освободилась изъ-подъ турецкаго ига, которое, между прочимъ, налагало столько условностей на жизнь болгарки, дѣлая ее чисто гаремной,—женское движеніе въ этой странѣ, за послѣднее время, заставляетъ обратить на себя вниманіе.

Еще въ 70 годахъ, до освобожденія, послѣ признанія самостоятельности болгарской церкви, во многихъ городахъ существовали женскія общества, имѣющія просвѣтительныя и благотворительныя цѣли. Всѣ они были устроены по образцу тогдашнихъ мужскихъ «читаленъ», главныхъ центровъ интеллектуальной жизни мужчинъ въ то время. Женскіе общества имѣли цѣлью: умственное и нравственное развитіе болгарки. Для этого устраивались общія бесѣды и т. п. Часть дохода употреблялась на помощь бѣднымъ или же существующимъ училищамъ. Нѣкоторые изъ этихъ обществъ являются главными инціаторами устройства отдѣльныхъ школъ для дѣвочекъ и вообще оказываются ярыми поборницами женскаго образованія. Освобожденіе страны какъ бы пріостановило дѣятельность этихъ обществъ. Государство принялось съ одинаковымъ рвеніемъ за устройство какъ мужскихъ, такъ и женскихъ школъ. Открылись не только первоначальныя женскія школы, но и прогимназіи, и гимназіи. Окончившимъ курсъ какъ юношамъ, такъ и дѣвушкамъ давались одинаковыя права на учительство. Первымъ шагомъ несправедливости государства къ женщинѣ является открытіе, въ 1889 году, высшаго училища въ Софіи, куда доступъ женщинамъ оказался строго запрещеннымъ. Наступили и вообще новыя условія жизни. Чиновничьи и учительскія мѣста все болѣе пополнялись, огромная часть интеллигенціи оставалась безъ работы, (страна чисто-земледѣльческая, фабричное производство еще въ зародышѣ) нарождался интеллигентный пролетаріатъ и, въ погонѣ за мѣстомъ, женщина болѣе всего начала страдать. Три года тому назадъ вышелъ законъ, который лишилъ замужнихъ женщинъ права учительствовать; другой законъ понизилъ плату учительницъ на 10% противъ платы учителей. Все это дало поводъ къ негодованію женщинъ—появилось сильное броженіе сначала среди недовольныхъ учительницъ, потомъ оно быстро распространилось и на существующія просвѣтительныя женскія общества. Одна за другой были поданы въ народное собраніе петиціи о допущеніи женщинъ въ университетъ и объ уничтоженіи законовъ, ограничивающихъ права учительницъ. На петиціи было обращено мало вниманія и чтобы имѣть больше силы, болгарки рѣшили сплотиться и общими силами работать въ будущемъ. Женское образовательное общество въ Софіи разослало всѣмъ женскимъ обществамъ аппель въ смыслѣ соединенія. Прошлый годъ представительницы этихъ обществъ собрались въ столицѣ на совѣщаніе, и выработали проектъ-уставъ, и новыя петиціи въ народное собраніе. Эта петиція, подъ которой подписались тысячи женщинъ кромѣ прежнихъ требованій содержала и требованіе болгарокъ быть избираемыми и избирательницами въ городскіе совѣты. Слѣдствіемъ этого движенія женщинъ было уничтоженіе 10% удержекъ и рѣшеніе въ этомъ году же открыть доступъ женщинамъ въ университетъ. Въ народномъ собраніи такъ же прошелъ на второмъ чтеніи и законопроектъ о допущеніи женщинъ въ члены городскихъ совѣтовъ. Ободренныя успѣхомъ, и симпатіей, съ коей относится мѣстная печать и интеллигенція къ женскому движенію, женщины въ этомъ году созвали конгрессъ, на которомъ окончательно былъ выработанъ и принятъ уставъ «Союза женскихъ обществъ» и опредѣлился характеръ движенія. Цѣль союза—умственное раз-

витіе женщины и улучшеніе ея положенія во всѣхъ отношеніяхъ. Между средствами для достиженія цѣли предвидится: добытіе гражданскихъ и политическихъ правъ для женщины, расширеніе женскаго труда и т. д. Союзъ насчитываетъ 42 женскихъ общества съ болѣе 5.000 членовъ. Газета «Голосъ Женщины», которая два года ратовала о женскомъ движеніи въ Болгаріи и которую конгрессъ провозгласилъ органомъ союза, содержитъ статьи агитаціонныя и знакомитъ болгарокъ съ женскимъ движеніемъ въ Европѣ.

Если принять во вниманіе настойчивость болгарки, ея поведеніе въ до-освободительный періодъ, когда она не менѣе мужчины энергично работала для народнаго образованія, когда множество болгарокъ съ немалымъ рискомъ для жизни давали убѣжище преслѣдуемымъ революціонерамъ, и если принять во вниманіе ту симпатію, которою пользуется нынѣ женское движеніе въ странѣ, то можно полагать, что скоро оно и въ Болгаріи разовьется также широко, какъ напр. въ Англіи и Германіи. Кромѣ того, не должно упускать изъ виду и то обстоятельство, что болгарка по господствующимъ законамъ пользуется и вообще многими правами, которыхъ лишены женщины въ другихъ европейскихъ государствахъ; такъ, она имѣетъ полное право распоряжаться своимъ имуществомъ и заработкомъ, имѣетъ право самостоятельно вести торговлю, заключать контракты, право быть свидѣтельницей, опекуншей и т. д. Все это въ большой степени облегчаетъ путь болгарскаго женскаго движенія и главная часть его будетъ состоять въ усиліи удержать данное уже закономъ. Свою же энергію нынѣ болгарка черпаетъ, главнымъ образомъ, въ примѣрѣ женщинъ другихъ странъ, гдѣ женскій вопросъ уже вполнѣ назрѣлъ и гдѣ женщины съ такимъ тактомъ и такъ успѣшно ведутъ борьбу за свою полную равноправность съ мужчиной въ государствѣ, обществѣ и семьѣ. К—а.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Буддійское воззваніе. — Воспитаніе анормальныхъ дѣтей въ Соединенныхъ Штатахъ.—Покинутые города.—Борьба съ чумой въ царствованіе Людовика XIV.—Островъ Смерти.—Буддизмъ въ Америкѣ.—Неизданныя письма Гейне.—Телефонная газета.

Франкфуртскій журналъ «Das freie Wort» помѣщаетъ текстъ полученнаго изъ Рангуна (Бирма) буддійскаго воззванія, которое обращается ко всѣмъ буддистамъ Бирманіи и предостерегаетъ ихъ не поддаваться убѣжденіямъ миссіонеровъ, желающихъ обратить ихъ въ христіанскую вѣру.

«Буддисты Бирманіи! — говорится въ этомъ воззваніи. — Выслушайте это предостереженіе. Исполняйте свой долгъ. Христіанская вѣра распространяется постепенно. Она имѣетъ въ Европѣ сильную и вліятельную организацію. Она находитъ поддержку въ громадныхъ денежныхъ средствахъ. Она дѣйствуетъ тайно и потихоньку. Она старается всѣми силами повліять на человѣческій эгоизмъ и жадность. Одно только миссіонерское общество въ южной Индіи истратило на каждаго обращеннаго въ христіанство около 10.000 рупій за послѣдній годъ и поэтому пріобрѣло не менѣе тысячи послѣдователей. Буддисты смѣются и не вѣрятъ, когда имъ говорятъ, что христіанская религія распространяется. «Если христіанскія миссіи должны тратить по 10.000 рупій въ годъ на одного обращеннаго, замѣчаютъ они,—и несмотря на это они могутъ отвлечь отъ буддизма только какую-нибудь тысячу душъ, то какую же опасность они могутъ представлять для нашей религіи и нашего общества?..» «Но это значитъ слишкомъ мало цѣнить денежныя средства нашихъ противниковъ! Христіанскія миссіонерскія общества такъ богаты, что они могутъ потратить еще больше

денегъ. Въ этомъ только и заключается для насъ опасность. Христіанство, съ точки зрѣнія религіозной системы, для насъ не опасно. Невѣріе все болѣе и болѣе распространяется въ Европѣ. Взгляните только, какое беззаконіе господствуетъ въ англиканской церкви! Но удивляться тутъ нечему. Недавно три епископа въ Манчестерѣ объявили, что при существующемъ прогрессѣ науки становится уже невозможнымъ придерживаться долѣе нѣкоторыхъ фундаментальныхъ догматовъ христіанства, и что по мѣрѣ того, какъ распространяется наука, исчезаетъ въ Европѣ христіанская вѣра. Въ нашей странѣ христіанство распространяется не вслѣдствіе своихъ внутреннихъ достоинствъ, а только потому, что христіанскія миссіи основываютъ свою силу на деньгахъ. О нашей возвышенной религіи одинъ изъ европейскихъ ученыхъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Буддизмъ можетъ вполнѣ совмѣститься съ наукой, тогда какъ христіанство этого не можетъ, но, несмотря на это, научное мышленіе проложило себѣ пути и оно ведетъ къ упадку христіанства». Въ Европѣ христіанство падаетъ, а у насъ оно расцвѣтаетъ благодаря своему богатству и наша собственная ученая религія, буддизмъ, ежедневно теряли своихъ членовъ. О буддисты! Обратите вниманіе на опасность, которая намъ угрожаетъ! Можете ли вы спокойно смотрѣть на то, какъ оскверняется и разрушается нечистыми руками наше священное наслѣдіе! Безчисленные, сверкающіе, какъ звѣзды, будды взываютъ къ вамъ съ крышъ домовъ, съ холмовъ, долинъ и полей и повелѣваютъ вамъ распространять великое ученіе. Развѣ вы не хотите оказаться достойными этого довѣрія? Довольно мы спали! Пора намъ стряхнуть свое оцѣпененіе передъ лицомъ грозной опасности! Буддисты, встаньте и опоясайте свои чресла, чтобы быть готовыми къ борьбѣ. Будда благословитъ ваши усилія и увѣнчаетъ ихъ успѣхомъ».

Въ американскомъ педагогическомъ журналѣ «American School Journal» сообщаются свѣдѣнія о тѣхъ попеченіяхъ, которыми пользуются со стороны общества и государства разнаго рода анормальныя дѣти. Воспитаніе такихъ дѣтей составляетъ одну изъ главныхъ задачъ общества. Въ соединенныхъ штатахъ устроено 35 институтовъ для слѣпыхъ, 55 для глухихъ и 19 для слабоумныхъ. Кромѣ этихъ учрежденій, есть еще 29 общественныхъ школъ для приходящихъ дѣтей, одержимыхъ глухотой. Въ настоящее же время американскіе педагоги обращаютъ особенное вниманіе на воспитаніе дѣтей, отсталыхъ въ умственномъ отношеніи, такъ что въ Нью-Іоркѣ проектируется устройство десяти школъ, спеціально для такихъ дѣтей. Въ каждомъ городѣ и почти въ каждой школѣ находятся дѣти, для которыхъ обычные способы обученія оказываются совершенно непригодными и которые требуютъ спеціальнаго вниманія со стороны учителей. Но обыкновенно эти послѣдніе совершенно не могутъ заниматься ими, и поэтому такіе дѣти большею частью предоставляются сами себѣ и, ничему не научившись въ школѣ, становятся впослѣдствіи бременемъ для своихъ семействъ и общины и порою наполняютъ тюрьмы. Чаще всего изъ такихъ отсталыхъ въ умственномъ отношенія и заброшенныхъ дѣтей выходятъ преступники. Школьные совѣты въ разныхъ штатахъ пришли къ заключенію, что именно на такихъ дѣтей должно быть обращено спеціальное вниманіе, и поэтому школьнымъ инспекторамъ поручено произвести разслѣдованіе во всѣхъ дѣтскихъ садахъ, для того, чтобы выяснить число дѣтей, нуждающихся въ спеціальномъ уходѣ и воспитаніи. Компетентные педагоги занимаются этимъ вопросомъ. Въ штатахъ Иллиноисъ, Огіо и Висконсинѣ школьные совѣты имѣютъ въ своемъ распоряженіи спеціальныхъ воспитателей, которыхъ посылаютъ въ дома, гдѣ есть такіе, отсталые въ умственномъ развитіи и обнаруживающія какія-нибудь анормальныя наклонности, дѣти. Это дѣлается для того, чтобы до поры до времени не лишать дѣтей ихъ домашней обстановки.

Въ будущемъ, впрочемъ, предполагается всѣхъ малоспособныхъ дѣтей помѣщать въ спеціальныя учебныя заведенія, гдѣ они будутъ воспитываться подъ надзоромъ спеціалистовъ. Американскій педагогическій журналъ ожидаетъ благихъ результатовъ отъ такого способа изолированія анормальныхъ дѣтей и отдѣленія ихъ отъ вполнѣ нормальныхъ и здоровыхъ и воспитанія ихъ въ спеціальныхъ школахъ и институтахъ. По мнѣнію американскихъ педагоговъ, прежде всего, это выразится уменьшеніемъ преступности, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ послѣдніе годы цифры такой преступности въ Соединенныхъ Штатахъ стали возрастать тревожнымъ образомъ и, по всей вѣроятности, это-то обстоятельство и заставило обратить вниманіе и серьезно заняться вопросомъ о воспитаніи анормальныхъ дѣтей.

«Scientific American» разсказываетъ о погибшихъ, заброшенныхъ городахъ, опустѣлые и полуразрушенные дома которыхъ краснорѣчиво говорятъ объ обманутыхъ надеждахъ или о какой-нибудь катастрофѣ, заставившей жителей покинуть свои жилища. Особенно много такихъ брошенныхъ городовъ встрѣчается въ Америкѣ; тамъ очень быстро выростаютъ города и даже достигаютъ высокой степени процвѣтанія, но также быстро они и погибаютъ, если надежды, вызвавшія ихъ образованіе, оказались ложными. Быстрому возникновенію городовъ особенно способствуетъ нахожденіе золота въ какой-нибудь мѣстности. Изъ лагеря золотоискателей необыкновенно быстро выростаетъ городъ, но онъ также быстро приходитъ въ упадокъ и погибаетъ, какъ только изсякнетъ золотоносная жила. Въ западныхъ штатахъ Америки встрѣчается множество такихъ одинокихъ пустынныхъ развалинъ нѣкогда цвѣтущихъ городовъ. Наилучшимъ примѣромъ такого быстраго возвышенія и упадка можетъ служить «Excelsios City» въ сѣверной Калифорніи. Городъ этотъ былъ основанъ въ 1866 году, когда тамъ найдено было золото. Менѣе чѣмъ въ два года было истрачено болѣе десяти милліоновъ на постройку разныхъ зданій и устройство золотыхъ рудниковъ. Населеніе быстро возрастало. Въ городѣ было пять отелей, прекрасный театръ и двѣ церкви. Но съ 1872 г. добыча золота стала падать, жила изсякла и теперь отъ хорошенькаго цвѣтущаго городка уцѣлѣло только одно зданіе, стоящее на скалѣ, остальные же всѣ превратились въ развалины. Такія же развалины, наводящія на грустныя размышленія, представляетъ и бывшая столица Алабамы, Кайяба. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ городъ этотъ былъ центромъ хлопчатобумажной промышленности южныхъ штатовъ и тамъ были зданія, стоившія болѣе милліона. Городъ былъ построенъ на возвышенности надъ рѣкой и занималъ пространство въ 1.020 акровъ земли. Но погубили его не обманутыя надежды, какъ другіе города штатовъ, а гражданская война. Жители бѣжали изъ этого города и перенесли столицу въ другое мѣсто. Многіе дома были перевезены туда изъ Кайяды, и въ 1870 г. то мѣсто, на которомъ находился городъ, было продано одному негру, бывшему невольнику, за 600 долларовъ.

Чума уже въ теченіе двухъ лѣтъ угрожаетъ Европѣ, но благодаря разнымъ гигіеническимъ и профилактическимъ мѣрамъ, до сихъ поръ удавалось задерживать распространеніе этой ужасной болѣзни, такъ что все ограничивалось лишь единичными случаями. Конечно, это служитъ наилучшимъ доказательствомъ прогресса гигіенической науки. Однако, и во времена Мольера, какъ это указываетъ Пьеръ Ландъ, въ своей статьѣ въ «Revue bleue», медицина оказалась не вполнѣ безсильной въ борьбѣ съ этою болѣзнью, такъ что чума, сохранившая свой эпидемическій характеръ въ теченіе многихъ столѣтій, окончательно исчезла во Франціи, въ царствованіе Людовика XIV. Пьеръ Ландъ разсказываетъ о способахъ, при помощи которыхъ тогда боролись съ

эпидеміей. Каждаго больного немедленно изолировали самымъ строжайшимъ образомъ. Богатаго запирали въ его домѣ, вмѣстѣ съ его слугой и домъ отмѣчали бѣлымъ крестомъ. Бѣдныхъ заключали въ особыя больницы, гдѣ ихъ лѣчили особые врачи или «лѣкарскіе ученики» и сестры милосердія, ухаживавшія за больными, но старавшіяся больше о спасеніи ихъ души, нежели тѣла. Обязанность переноски больныхъ изъ домовъ въ больницы была возложена на преступниковъ и разныхъ нищихъ, которые за малую плату охотно брали на себя такія порученія, пренебрегая опасностью заразы. Въ Парижѣ было тогда два госпиталя, спеціально предназначенныхъ для чумныхъ больныхъ: госпиталь Сенъ-Луи и Сентъ-Аннъ. Съ самаго начала эпидемій въ городѣ было объявлено нѣчто вродѣ осаднаго положенія. Гражданамъ, даже вполнѣ здоровымъ, было запрещено покидать свои дома и открывать окна. Городскія власти взяли на себя работу о доставленіи припасовъ, хлѣба, вина и воды всѣмъ жителямъ города, причемъ все это доставлялось въ домъ посредствомъ особыхъ приспособленій, деревянныхъ трубъ, такъ чтобы не нужно было раскрывать дверей. На каждомъ перекресткѣ улицъ сжигались ароматическія травы. Конечно, всѣ театры, ярмарки и всякаго рода рынки, гдѣ могло происходить скопленіе народа, были закрыты, иностранцамъ и людямъ безъ всякихъ занятій, т.-е. разнымъ бродягамъ, было предложено оставить городъ подъ опасеніемъ казни черезъ повѣшеніе. Смертной казни подвергались и тѣ, кто стиралъ бѣлые кресты, отличавшіе зараженные дома. Съ 1619 по 1680 г. сообщеніе Парижа со многими городами и странами было совершенно прервано. Особенные санитарные инспектора были назначены для наблюденія за состояніемъ здоровья жителей. Они должны были немедленно увѣдомлять о каждомъ подозрительномъ случаѣ и указывать «парфюмерамъ» (parfumeurs), гдѣ надо было произвести дезинфекцію. Вообще главное значеніе придавалось профилактическимъ мѣрамъ, которыя примѣнялись очень строго, такъ какъ на терапевтическіе способы совершенно нельзя было полагаться. Терапія во многихъ случаяхъ имѣла весьма курьезный характеръ. Бо́льшею частью дѣло ограничивалось примѣненіемъ какихъ-либо симпатическихъ средствъ. Одни изъ врачей предписывали больнымъ принятіе внутрь мышьяковыхъ пилюль, покрытыхъ ртутною амальгамой, другіе совѣтовали прикладывать больнымъ на грудь голубей, вымоченныхъ въ чесночномъ сокѣ и т. п. Въ видахъ предупрежденія болѣзни совѣтовали носить на груди саше изъ разныхъ пахучихъ травъ и цвѣтовъ и порошка алое. Вообще полагали, что сильный пронзительный и непріятный запахъ предохраняетъ отъ заразы, поэтому многіе люди нарочно заводили у себя въ домѣ старыхъ козловъ или носили при себѣ совершенно испорченныхъ раковъ, издававшихъ отвратительный запахъ. Многіе врачи не иначе приближались къ больному, какъ держа во рту пучекъ ароматическихъ травъ. Разумѣется, такого рода терапія не могла спасти чумныхъ больныхъ, но строгая изоляція и практическія мѣры сдѣлали свое дѣло и распространеніе эпидеміи было пріостановлено.

Когда говорятъ о Британскихъ островахъ, то подразумѣваютъ всегда три соединенныхъ королевства: Великобританію, Шотландію и Ирландію, а между тѣмъ, какъ замѣчаетъ «Wide World Magazine», въ архипелагѣ британскихъ островобъ существуетъ еще четвертое королевство, и притомъ независимое. Эта мало кому извѣстная монархія занимаетъ все пространство одного острова, носящаго весьма мрачное названіе «острова Смерти». Островъ этотъ помѣщается въ сѣверной конечности Кардиганской бухты, въ шести километрахъ отъ берега. Тамъ, на этомъ островѣ, въ V вѣкѣ, находилось весьма богатое аббатство, къ которому направлялись паломники со всѣхъ концовъ Великобританіи и Ирландіи.

Обитатели этого острова ведутъ крайне патріархальный образъ жизни. Они занимаются земледѣліемъ и рыбною ловлей, разводятъ ячмень и картофель. Почва острова очень плодородна и климатъ его очень здоровый, никогда не бываетъ ни снѣга, ни мороза, но не бываетъ и сильныхъ жаровъ лѣтомъ. Жители этого маленькаго королевства, называемаго «Бардзей» (Bardsey), не знаютъ другихъ болѣзней, кромѣ старости, и столѣтніе старики на этомъ островѣ не составляютъ исключенія.

Городъ занимаетъ склоны высокаго холма, у подножія котораго находится единственная маленькая гавань острова. Но и эта гавань далеко не всегда бываетъ доступна. Въ неблагопріятное время года суда иной разъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не могутъ заходить въ гавань и жители острова бываютъ такимъ образомъ совершенно отрѣзаны отъ всего остального міра, но они такъ къ этому привыкли, что отсутствіе сообщенія съ берегомъ не составляетъ для нихъ особеннаго лишенія.

Островъ представляетъ собственность лорда Ньюбороу, который, однако, никогда не занимался имъ и только заботился о сохраненіи развалинъ стариннаго аббатства и содержаніи часовни св. Маріи. Прозвище «острова Смерти» Бардзей получилъ именно отъ этого аббатства и вотъ по какому случаю. Нѣкогда на этомъ островѣ хоронили всѣхъ монаховъ Валлиса, когда же были сдѣланы археологическія раскопки, то оказалось, что до введенія христіанства въ княжествѣ Уэлльскомъ въ Бардзеѣ хоронили друидовъ и это было единственное кладбище жрецовъ изъ сосѣдней большой области.

Семья Ньюбороу, владѣющая островомъ, тоже устроила тамъ свою усыпальницу. Такимъ образомъ, островъ, дѣйствительно, заслуживаетъ свое прозвище, такъ какъ онъ представляетъ кладбище. Живыхъ обитателей острова—72 человѣка, 36 мужчинъ и 36 женщинъ. И тѣ и другія пользуются одинаковыми правами голоса по достиженіи 18-ти-лѣтняго возраста и выбираютъ монарха. Въ настоящее время островомъ управляетъ нѣкій Джонъ Вильямсъ II, который до такой степени проникся важностью своего сана, что даже сфабриковалъ для себя цинковую корону съ мѣдными бляшками вмѣсто драгоцѣнныхъ камней и надѣваетъ ее въ торжественныхъ случаяхъ. Обязанности его заключаются главнымъ образомъ въ роли третейскаго судьи, въ случаѣ если между его подданными возникаютъ какія-либо несогласія. Затѣмъ онъ долженъ руководить рыболовными экспедиціями и онъ же производитъ дѣлежъ пойманной рыбы. Кромѣ того въ его же обязанности входитъ надзоръ за тѣмъ, чтобы на островѣ не продавались спиртные напитки. Когда лѣтомъ иногда появляются случайные туристы на островѣ, то онъ торжественно принимаетъ ихъ. Въ довершеніе всего онъ исполняетъ обязанности крестнаго отца всѣхъ новорожденныхъ «своего народа». Этотъ король въ цинковой коронѣ не получаетъ никакого содержанія и вообще жители Бардзея не платятъ никакихъ налоговъ. Единственная дань, которая ежегодно отправляется ими лорду Ньюбороу, заключается въ корзинѣ фруктовъ и эта корзина представляетъ весь доходъ, получаемый лордомъ изъ его владѣній. Жители острова вообще не несутъ никакой повинности, ни военной, ни морской и въ буквальномъ смыслѣ этого слова независимы. Они никогда не нуждались въ учрежденіи какой-либо исполнительной власти; у нихъ нѣтъ ни сторожей, ни полицейскихъ и никогда не ощущалась потребность въ устройствѣ тюрьмы или какого-нибудь мѣста для заключенія нарушителей общественной тишины и спокойствія. На островѣ нѣтъ ни одного неграмотнаго; англиканскій пасторъ исполняетъ въ то же время и обязанности школьнаго учителя. Въ королевскомъ дворцѣ—домикѣ, состоящемъ изъ трехъ комнатъ—одна изъ комнатъ отведена для библіотеки, которая очень посѣщается жителями острова, отличающимися вообще большою любознательностью, несмотря на свое изолированное положеніе.

Въ «Harper's Magazine» Джонъ Фрайеръ представляетъ новыя доказательства того, что китайцы ввели буддизмъ въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ, за тысячу лѣтъ до появленія въ ней Христофора Колумба. Онъ ссылается на древнюю китайскую литературу, въ которой можно найти много указаній на это. Китайцы отлично опредѣляли разстояніе, отдѣляющее ихъ государство отъ этой страны, которую они называли «Фу-Зангъ». Между прочимъ они знали даже о существованіи Атлантическаго океана по ту сторону Фузанга. Материку этой страны они приписывали ширину какъ разъ такую, какую имѣетъ Мексика. Между прочимъ Фрайеръ говоритъ, что въ 499 году одинъ буддійскій священникъ изъ Кобула, по имени Хуи-Шенгъ, посѣтилъ Америку и убѣдился, что жители ея были обращены въ буддизмъ пятью китайскими миссіонерами, явившимися туда также изъ Кобула. Испанскіе завоеватели въ Мексикѣ и Перу нашли тамъ, дѣйствительно, многое, что напоминало, съ соціальной точки зрѣнія, формы, существовавшія въ Азіи въ первыя времена буддизма. Сходство это можно было найти и въ архитектурѣ и въ скульптурѣ, а также въ устройствѣ календаря, въ формахъ правительства и различныхъ религіозныхъ обрядахъ. Характерной чертой служитъ также ненависть къ военному ремеслу, которая въ Старомъ Свѣтѣ существовала только у буддистовъ и которою также отличалось и населеніе Мексики и Перу въ противоположность сосѣднимъ народностямъ. Изучая древнія имена и названія въ этихъ странахъ Фрайеръ находитъ въ нихъ также черты сходства съ буддійскими священными именами.

Въ «Deutsche Rundschau» печатается неизданная переписка Гейне, не заключающая, впрочемъ, въ себѣ ничего особенно интереснаго или новаго. Гейне изучалъ тогда право въ Геттингенѣ и писалъ оттуда своему пріятелю доктору Христіани въ Люнебургѣ, впослѣдствіи женившемуся на его кузинѣ Шарлоттѣ. Въ одномъ изъ писемъ онъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи Гёте и жалуется, между прочимъ, на свое плохое здоровье. «Я нашелъ спасеніе только въ холодныхъ ваннахъ, пишетъ Гейне—да въ изученіи старинныхъ хроникъ, Шекспира и садовъ Ульриха, а также въ писаніи романа и стиховъ. Осенью я сдѣлалъ экскурсію въ Гарцъ, посѣтилъ Іену, Галле, Веймаръ, Эрфуртъ, Готу, Кассель и т. д... Гёте меня ужаснулъ. Онъ желтъ словно мумія и уголъ его беззубаго рта постоянно подергивается вслѣдствіе тика. Весь его наружный видъ указываетъ на упадокъ и только глаза остаются по прежнему живыми и блестящими. Его заботливость о моемъ здоровьи меня растрогала. Никогда еще я не понималъ такъ хорошо интимныхъ чертъ его характера. Жизнь, украшеніе ея и сохраненіе жизни—вотъ что имѣетъ наибольшую цѣну въ глазахъ Гёте. Въ этомъ отношеніи между нимъ и мною существуетъ рѣзкій контрастъ, такъ какъ я въ сущности мало цѣню жизнь и охотно готовъ отдать ее за какую-нибудь идею. Мой разумъ находится въ вѣчномъ конфликтѣ съ моею мечтательностью... Я веду войну съ Гете и его произведеніями, несмотря на все мое восхищеніе его поэтическимъ геніемъ, его идеи всегда что-то возмущали въ глубинѣ моей души. Но успокойтесь, мой добрый Христіани, я всетаки никогда не выйду изъ того корпуса волонтеровъ, которымъ командуетъ Гёте»...

Покончивъ свое ученіе, Гейне вернулся въ Люнебургъ, но такъ какъ городъ этотъ все больше и больше не нравился ему, то онъ и переѣхалъ въ Гамбургъ. Однако, и Гамбургъ пришелся ему не по вкусу. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу Христіани: «Здѣсь жить отвратительно. Дождь и снѣгъ. Ѣдятъ слишкомъ много. Днемъ Гамбургъ представляетъ громадное бюро счетоводства, а ночью онъ превращается въ домъ терпимости. Что касается меня, то иронія и сантиментальность переполняютъ мою душу...»

Гамбургъ былъ дѣйствительно и раемъ и адомъ для поэта, который влю-

бился въ дочь своего дяди Соломона. Какъ извѣстно, любовь эта была несчастна; поэтому-то, порастративъ свою «иронію и сентиментальность» Гейне рѣшилъ вернуться въ Люнебургъ. Тамъ онъ познакомился и подружился со священникомъ сосѣдней деревни «Wienebüttel», и въ этой деревнѣ закончилъ второй томъ своихъ «Reisebilder».

Единственный въ мірѣ городъ, имѣющій телефонную газету, это—Буда-Пештъ. По словамъ «Nature» эта единственная въ своемъ родѣ газета, основанная въ 1893 году теперь уже имѣетъ болѣе 20.000 читателей или вѣрнѣе: слушателей, такъ какъ всѣ статьи, передовыя, телеграммы, хроника, передаются абонентамъ по телефону. «Nature» сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности относительно устройства этой газеты. Ежедневно, съ восьми часовъ утра до 11 часовъ вечера каждый абонентъ можетъ у себя выслушать всѣ новости, которыя его интересуютъ. Газетныя отдѣлы всегда передаются по телефону въ одномъ и томъ же порядкѣ, такъ что абонентъ можетъ слушать только тѣ отдѣлы, которые его интересуютъ, какъ это дѣлаетъ каждый читатель обыкновенной газеты, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ читающій ее отъ доски до доски. Между часомъ и двумя занятые люди могутъ по телефону, выслушать резюме всѣхъ утреннихъ новостей, а если въ теченіе дня получится какое-нибудь важное извѣстіе, то оно немедленно телефонируется абонентамъ. Пока открыта биржа абоненты получаютъ всѣ свѣдѣнія о ходѣ биржевыхъ операцій и о курсѣ. Вечеръ посвящается музыкѣ и театру и абоненты могутъ, сидя у себя дома, прослушать въ телефонъ какую-нибудь пьесу. Между прочимъ городскія больницы Буда-Пешта, благодаря нѣкоторымъ великодушнымъ жертвователямъ, состоятъ въ числѣ абонентовъ этой газеты и бѣдные больные, лежащіе въ безплатныхъ палатахъ, пользуются такимъ образомъ всѣми выгодами этого изобрѣтенія. Страдающіе глазами и слѣпые конечно больше другихъ выигрываютъ отъ этого изобрѣтенія.

Мистическая Франція.

(Письмо изъ Парижа).

I.

«Есть два вида невѣжества», гласитъ одно изъ самыхъ употребительныхъ франкъ-масонскихъ изрѣченій: «невѣжество примитивнаго человѣка, который ничего не знаетъ и невѣжество человѣка образованнаго, который считаетъ, что еще ничего не знаетъ».

Точно такъ же есть и два вида мистицизма: мистицизмъ невѣжественнаго человѣка, суевѣрное воображеніе котораго видитъ во всякомъ явленіи дѣйствіе тайныхъ силъ, и есть мистицизмъ просвѣщеннаго человѣка, ищущаго въ человѣческой жизни высокаго нравственнаго смысла.

Оба рода мистицизма имѣютъ послѣдователей въ современной Франціи, но мистицизмъ перваго рода распространеннѣе, чѣмъ мистицизмъ второго рода.

Вѣра въ таинственное во Франціи почти такъ же сильна, какъ и въ эпоху іюльской монархіи, когда въ газетахъ существовала особая рубрика «о движущихся столахъ». Если вѣрить нѣкоторымъ профессорамъ по душевнымъ болѣзнямъ, напримѣръ, профессору Мере, то мистическій бредъ составляетъ теперь даже болѣе частую форму заболѣваній, нежели прежде. Этотъ профессоръ объяснялъ на своихъ клиническихъ лекціяхъ усиленіе вѣры въ таинственное, широко распространившееся за послѣднія тридцать, или сорокъ лѣтъ,

практикою гипнотизма. Чудеса гипнотизма реабилитируютъ въ глазахъ незнакомой съ медицинской наукой массы, прежнихъ знахаровъ, колдуній и заклинателей духовъ. Такое ложное истолкованіе патологическихъ явленій человѣческой психики еще болѣе объясняется тѣмъ, что масса знакомится съ ними чрезъ посредство людей, столь же невѣжественныхъ, какъ и она сама. Тотъ, кто былъ во Франціи, знаетъ, что гипнотизмъ тамъ сдѣлался промысломъ на городскихъ и деревенскихъ ярмаркахъ, гдѣ въ балаганахъ гипнотизаторы приводятъ своихъ кліентовъ въ каталептическое состояніе и производятъ надъ ними всевозможные опыты.

Въ тѣхъ же самыхъ балаганахъ вы встрѣтите настоящихъ или ложныхъ сомнамбулъ, которыя предсказываютъ будущее, читаютъ мысли и находятъ спрятанные предметы.

Публикой для всѣхъ этихъ зрѣлищъ является простой народъ. Но не выше стоитъ въ этомъ отношеніе и большая часть такъ называемаго высшаго общества. У него есть свои гадалки и знахарки, которыя если не по цѣнамъ, то по пріемамъ вполнѣ похожи на своихъ ярмарочныхъ собратій. Довольно вспомнить необыкновенную извѣстность, которой достигла пять лѣтъ тому назадъ одна ясновидящая, мадемуазель Куэдонъ. Въ ея квартирѣ продефилировалъ весь парижскій высшій свѣтъ; газеты были переполнены ея изреченіями, описаніями образа жизни. Даже одинъ журналистъ изъ католической и антисемитской газеты «La libre parole» Гастонъ Мери посвятилъ ей цѣлую книгу.

Собственно суевѣріе проявляется, главнымъ образомъ, если не исключительно въ вопросахъ, относящихся до жизни, смерти, болѣзней, сновъ, вообще измѣненій, происходящихъ съ самой личностью человѣка. Это чувство, выработанное въ человѣчествѣ мрачнымъ прошедшимъ, не можетъ быть разсѣяно такъ скоро. Свободное, несуевѣрное отношеніе человѣка къ жизни и къ природѣ будетъ прививаться постепенно съ успѣхами просвѣщенія. Мы говоримъ, конечно, не о первоначальномъ, а о среднемъ и высшемъ образованіи, такъ какъ только они даютъ истинное просвѣщеніе.

II.

На другомъ полюсѣ этого суевѣрнаго мистицизма стоитъ философскій мистицизмъ, проявляющійся въ литературѣ, искусствахъ, этикѣ и даже въ чистой наукѣ. Всѣ эти теченія мистицизма отличаются другъ отъ друга по своему предмету, но имѣютъ то общее, что во всѣхъ ихъ сказывается новое понятіе о жизни.

Упомянувъ о мистицизмѣ въ области науки и искусствъ, я перехожу къ главному предмету моей настоящей корреспонденціи: религіозному и этическому мистицизму.

Эта форма мистицизма представлена обществомъ франкъ-масоновъ.

Правда, уставъ теперешняго франкъ-масонства отличается, какъ мы увидимъ крайнимъ позитивизмомъ, но его внутренняя организація, а главное его обряды дѣлаютъ изъ франкъ-масонства настоящее религіозное общество. Символизмъ проникаетъ всѣ формы и обряды общества, а что такое символизмъ если не перенесеніе чертъ живого человѣка на мертвую матерію, т.-е. одухотвореніе окружающей среды и расширеніе понятія «жизни». Но изученіе французскаго франкъ-масонства представляетъ большой интересъ и въ другомъ отношеніи. Въ его исторіи мы увидимъ, какъ развивались во Франціи философская мысль и понятіе о Богѣ и нравственности. Довольно сказать, что къ франкъ-масонству принадлежали самые замѣчательные философы XVIII и XIX столѣтія отъ Гольбаха и Вольтера до Литре, чтобы видѣть какой интересъ представляетъ борьба за существованіе, веденная франкъ-масонствомъ. Но помимо философ-

скаго значеніе франкъ-масонство имѣетъ политическое прошлое и главное—крупное политическое настоящее.

Въ настоящее время оно является самымъ сильнымъ политическимъ обществомъ во Франціи. Къ нему принадлежатъ замѣчательнѣйшіе члены республиканской партіи. Гамбета былъ франкъ-масонъ, президенты республики Жюль-Фавръ и Карно были франкъ-масонами, точно также какъ и Феликсъ Форъ. Во время президенства послѣдняго власть нѣкоторое время находилась въ рукахъ кабинета, семь министровъ котораго во главѣ съ министромъ—президентомъ Леономъ Буржуа были франкъ-масонами.

Въ нынѣшнемъ кабинетѣ Вальдека-Руссо многіе министры тоже франкъ-масоны, напримѣръ, военный министръ генералъ Андре, министръ флота Ланесанъ, министръ торговли Мильеранъ и министръ общественныхъ работъ Боденъ. Большая часть депутатовъ и сенаторовъ тоже принадлежатъ къ франкъ-масонству.

Франкъ-масонство по многимъ вопросамъ далеко не единодушно; въ его средѣ существуютъ внутренняя борьба и раздѣленія, но оно остается безусловно вѣрно себѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ: первый изъ нихъ—борьба противъ католицизма.

Франкъ-масонство возникло съ этой миссіей и эта миссія остается донынѣ его существеннымъ дѣломъ.

Этимъ объясняется та острая ненависть, которою франкъ-масонство пользуется среди клерикаловъ. Послѣдніе обратили слово франкъ-масонъ въ оскорбленіе, а само франкъ-масонство представляетъ въ ихъ глазахъ нѣчто вродѣ разбойничьяго вертепа.

«Я указываю цивилизованному міру,—пишетъ одинъ клерикальный памфлетистъ—на самый ужасный заговоръ, который когда-либо составлялся противъ общества. На основаніи документальныхъ доказательствъ, съ факелами исторіи въ рукахъ я призываю свѣтъ правосудія на прошлыя преступленія франкъ-масонства и на тѣ, которыя оно проектируетъ въ настоящемъ. Я выставляю къ позорному столбу главъ этой тайной секты убійцъ» *).

Эта ненависть проявляется не только со стороны какихъ-нибудь неизвѣстныхъ журналистовъ, которые стараются рѣзкостью языка обратить на себя вниманіе публики и покупателей. Даже серьезные консервативные журналисты, націоналисты и два «безсмертныхъ» академика Жюль Леметръ и Франсуа Коппе взяли на себя въ прошломъ году въ «Echo de Paris» инiціативу общей петиціи въ палату противъ общества франкъ-масоновъ.

Давая на этихъ страницахъ описаніе французскаго франкъ масонства, я руководствовался еще другимъ соображеніемъ, а именно фактомъ всемірнаго распространенія франкъ-масонства вообще. Нѣкоторые современники считаютъ, что теперь въ разныхъ странахъ существуетъ около 16000 франкъ-масонскихъ ложъ, къ которымъ принадлежатъ 1.800.000 членовъ; большая часть ихъ находится въ Америкѣ и въ Англіи. Верховный глава англійскихъ франкъ-масонскихъ ложъ былъ принцъ *Уэльскій*, теперешній король Эдуардъ VII.

И нѣмецкое франкъ-масонство насчитываетъ въ своемъ прошломъ коронованнаго главу, Фридриха Великаго, который даже внесъ въ франкъ-масонство нѣкоторыя общепринятыя съ тѣхъ поръ измѣненія. Изъ нѣмецкихъ писателей къ франкъ-масонству принадлежалъ, между прочимъ, и Лессингъ **).

Какъ извѣстно, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія франкъ-масонство имѣло обаятельное вліяніе на многіе просвѣщенные умы и въ Россіи ***).

---

*) Martial d'Estoc, La franc-maçonnerie, sa politique et son oeuvre, dédié aux souverains, aux hommes d'Etat et aux peuples. Paris 1899, preface.

**) Ce que c'est la Franche-Maçonnerie. Geneve, an X de la République.

***) Codes des lois des loges de St.-Petersbourg. Londres, 1817.

Изъ одного документа, случайно попавшаго намъ въ руки при собираніи матеріала по франкъ-масонской литературѣ, видно что въ 60-хъ годахъ франкъ-масонство существовало и въ Китаѣ. Профессоръ Рони въ 1864 году перевелъ на французскій языкъ брошюру одного китайскаго автора Тингъ-Тунъ-Линга, озаглавленную «Историческое евангеліе Іерусалима». Въ ней говорится, что китайскіе франкъ-масоны не знаютъ ни границъ, ни націй; они не отдаютъ предпочтенія ни доктринѣ Будды, ни доктринѣ Кунгъ-Че (Конфуція), ни доктринѣ Лао-Че, ни доктринѣ Іе Су (Іисуса), ни доктринѣ Вей-че (Магомета), а всѣ вѣрятъ въ существованіе Тянъ-Шу (господинъ неба, богъ) и учатъ людей братству (сіангъ-ай)» *).

III.

Относительно происхожденія франкъ-масонства высказывалось много различныхъ гипотезъ. Нѣкоторые писатели связываютъ его исторію съ исторіей появившагося во время послѣднихъ крестовыхъ походовъ ордена Тампліеровъ; другіе идутъ еще дальше назадъ и считаютъ нынѣшнее франкъ-масонство продолженіемъ корпораціи каменьщиковъ, которая построила храмъ Соломона въ Іерусалимѣ. Но самой правдоподобной гипотезой, которая послѣ новыхъ изслѣдованій можетъ считаться уже установленною теоріей, является мнѣніе, высказанное еще въ 1778 году французскимъ аббатомъ Грандидье. Грандидье считалъ, что франкъ-масонство ведетъ начало отъ профессіональной корпораціи страсбургскихъ каменьщиковъ, которые построили знаменитый Страсбургскій соборъ.

Конечно, дѣло идетъ здѣсь о чисто внѣшней связи въ символахъ и церемоніяхъ, а не о самомъ духѣ нынѣшняго франкъ-масонства. Его деизмъ и космополитизмъ — позднѣйшаго происхожденія. Корпорація страсбургскихъ каменьщиковъ была, какъ и всѣ средневѣковыя ремесленныя корпораціи замкнутымъ обществомъ, пріемъ въ которое былъ обставленъ большими трудностями и сопровождался символическими церемоніями. Эти церемоніи придавали еще большую важность и техническимъ пріемамъ ремесла—пріемамъ съ которыми вступающій въ корпорацію знакомился постепенно и которыя оставались тайною для непосвященныхъ. Особенно страсбургскіе каменьщики имѣли большой интересъ тщательно скрывать техническіе пріемы своего строительнаго искусства, которое цѣнилось чрезвычайно высоко во всѣхъ странахъ, гдѣ распространилась слава Страсбургскаго собора.

Въ XIII и XIV столѣтіи такіе же корпораціи каменьщиковъ были организованы и въ другихъ странахъ. Новопосвященные учились въ нихъ готическому архитектурному искусству и вступленіе въ нихъ сопровождалось такими же церемоніями, какія были въ употребленіи въ страсбургской корпораціи. До сихъ поръ общества эти сохраняли свой чисто, профессіональный характеръ. Въ него принимались только лица, желавшія посвятить себя ремеслу каменщика. Но въ XVI столѣтіи въ Англіи въ средѣ нѣкоторыхъ корпорацій каменьщиковъ произошло важное измѣненіе, слѣдствіемъ котораго было появленіе свободныхъ каменьщиковъ, то-есть нынѣшняго франкъ-масонства. Причина этого измѣненія кроется въ новомъ умственномъ движеніи, извѣстномъ въ исторіи

---

*) Léon Rosny, Professeur a l'Ecole Impériale des langues orientales, La F.·. M.·. Chez les Chinois. Extrait du Bulletin du Grand Orient de France lu 1864) Paris 1864.

О существованіи въ Китаѣ общества, аналогичнаго франкъ-масонскому упоминается и въ Annales Originis Magne Galliarum O.·. ou Histoire de la fondation du Grand Orient de France, p. 230—240.

подъ именемъ великой эпохи возрожденія. Между другими измѣненіями внесенными возрожденіемъ въ европейскую жизнь, было и созданіе новаго архитектурнаго стиля и появленіе сильнаго мистическаго движенія.

Кто не знаетъ, что къ этой эпохѣ относится расцвѣтъ алхиміи, астрологіи, арабской магіи и всѣхъ другихъ наукъ, свитѣтельствующихъ о жадномъ стремленіи человѣка къ познанію самыхъ сокровенныхъ тайнъ природы.

Въ этомъ полетѣ къ высшему познанію, повторяющемся во всѣ эпохи сильнаго умственнаго подъема человѣкъ не могъ не замѣтить, что главнымъ факторомъ его могущества является разумъ, духъ, нѣчто невещественное и неуловимое. И между другими тайнами, открыть которыя стремились современники этихъ эпохъ, была и тайна человѣческаго духа.

Эти спиритуалистическія вѣянія эпохи возрожденія, ознаменованныя въ Германіи основаніемъ разныхъ другихъ мистическихъ обществъ, какъ напримѣръ общества «Розы и Креста», основаннаго въ 1600 г. нѣкіимъ Христіаномъ Розенкрейцомъ, въ ту же эпоху появились и въ Англіи. Подъ ихъ воздѣйствіемъ измѣнился и самый характеръ масонскихъ корпорацій.

Къ подобному измѣненію масонская корпорація была уже подготовлена другимъ предварительнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ въ ея личномъ составѣ. Это предварительное измѣненіе и явилось вслѣдствіе появленія новаго архитектурнаго стиля «ренессансъ».

Когда новая строительная техника проникла въ англійскія корпораціи каменьщиковъ, она встрѣтила среди нихъ какъ горячихъ противниковъ, такъ и поклонниковъ. Борьба между этими обоими лагерями скоро приняла болѣе широкій характеръ борьбы между старымъ и новымъ; въ ней приняли участіе и диллетанты искусства изъ рядовъ аристократіи и образованной буржуазіи. Эти каменьщики любители считались пріемышами корпораціи (accepted masons). Масонская корпорація въ этой фазѣ своего развитія походила на нѣкоторые изъ современныхъ артистическихъ кружковъ, гдѣ встрѣчаются и спеціалисты и любители. Но сила любителей возростала вмѣстѣ съ ихъ числомъ и съ паденіемъ готтическаго искусства. Съ усиленіемъ этого новаго образованнаго элемента въ корпораціи расширилась и сама программа ея. Происходившіе въ средѣ ея споры коснулись научныхъ и философскихъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ XVII столѣтія англійская корпорація каменьщиковъ является совсѣмъ новымъ учрежденіемъ, имѣющимъ цѣлью близкое духовное единеніе своихъ членовъ, она сохранила отъ прежней корпораціи каменьщиковъ условныя формулы церемоніи. Но и послѣднія получили новое спиритуалистическое толкованіе.

Вотъ какимъ образомъ одно и то же стремленіе къ познанію сверхъестественнаго воплотилось въ Германіи во вновь созданныхъ обществахъ, а въ Англіи оно облеклось въ существовавшія уже масонскія формы и формулы.

Это послѣднее обстоятельство отчасти и дало франкъ-масонству его особенную прочность.

Другимъ качествомъ франкъ-масонства, еще въ большей степени способствовавшимъ его распространенію, была крайняя простота его спиритуализма. Въ основѣ франкъ-масонства легъ деизмъ и безсмертіе души. Но признаніе послѣдняго принципа ведетъ къ этическому пониманію самой человѣческой жизни. И въ самомъ дѣлѣ, если человѣческой душѣ суждено жить вѣчной жизнью, то человѣкъ долженъ посвятить свою земную жизнь нравственному совершенствованію.

Полное приложеніе на практикѣ этого платоновскаго принципа привело бы, конечно, къ аскетицму, но франкмасонское общество избрало среднее примирительное положеніе между абсолютнымъ господствомъ нравственнаго закона

и физической природой человѣка. Такое же среднее примиряющее положеніе занимаетъ въ философскихъ идеяхъ и самый деизмъ франкъ-масонства. Какъ извѣстно, деизмъ состоитъ въ признаніи разумнаго начала, проявляющагося въ закономѣрности и порядкѣ, которые существуютъ во вселенной, но познаніе этого разумнаго начала для насъ недоступно. Поэтому деисты отбрасываютъ всѣ религіи, основанныя на откровеніи, какъ іудейскую, магометанскую, христіанскую. Деизмъ встрѣтилъ сочувствіе всѣхъ не признающихъ истинность существующихъ религій и въ то же время считающихъ, что человѣчество не можетъ жить высокой и нравственной жизнью, если у него нѣтъ общей религіи, если не существуетъ высшаго принципа, объединяющаго всѣхъ людей.

Таковы религіозныя и этическія идеи, которыми было проникнуто франкъ-масонство. Эти идеи, также какъ его раціоналистскій символизмъ обезпечивали ему быстрый успѣхъ въ просвѣщенныхъ западно-европейскихъ кругахъ, что и подтверждается его дальнѣйшей исторіей.

IV.

Первая франкъ-масонская ложа во Франціи была основана въ Парижѣ въ 1725 году нѣсколькими англійскими аристократами съ нѣкіимъ лордомъ Дарвентуотеромъ во главѣ. Скоро въ эту ложу вступили многіе изъ видныхъ французскихъ аристократовъ и даже нѣкоторые придворные сановники. Кромѣ того, изъ Парижа франкъ-масонскія ложи распространились и въ провинцію, но парижская ложа, извѣстная подъ именемъ, «большой національной ложи» была самой сильной и по числу своихъ членовъ, и по положенію, которое занимали нѣкоторые изъ нихъ. Начальникъ этой ложи, который по традиціи, остававшейся отъ корпораціи каменьщиковъ, назывался «главнымъ мастеромъ», былъ сначала графъ Клерлюнъ, а потомъ герцогъ де-Шартръ; послѣ него до революціи начальникомъ ложи былъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій, извѣстный еще подъ именемъ Филиппа-Равенство.

Мы привели имена этихъ лицъ, занимавшихъ такое высокое положеніе при дворѣ Людовиковъ XV и XVI, чтобы показать, какіе круги охватило франкъ-масонство. Главнымъ соображеніемъ, которымъ руководствовались «братья масоны» при избраніи вышеупомянутыхъ лицъ, являлось, конечно желаніе имѣть вліятельныхъ защитниковъ передъ дворомъ и духовенствомъ. Однако, какъ ни полезно было покровительство этихъ лицъ, оно не могло спасти франкъ-масонство отъ преслѣдованій.

Еще въ 1725 году, послѣ основанія первой ложи, парижская полиція закрыла на шесть мѣсяцевъ ресторанъ нѣкоего Шапло, у котораго собирались первые франкъ-масоны. Позднѣе, въ 1737 году, по приказу Людовика XV франкъ-масонамъ былъ запрещенъ доступъ ко двору. Ровно черезъ тридцать лѣтъ, въ 1767 году, новое королевское распоряженіе повелѣвало великой національной ложѣ прекратить свои засѣданія.

Спустя нѣсколько лѣтъ засѣданія эти снова возобновились.

Одновременно со свѣтскою властью католическая церковь также объявила себя противъ франкъ-масонства.

Папа Климентъ XII, указывая на «большой вредъ, проистекающій отъ этихъ ассоціацій, которыя всегда направлены противъ спокойствія государствъ и спасенія душъ», объявилъ франкъ-масоновъ отлученными отъ церкви, а книги ихъ достойными сожженія.

Парижскій парламентъ — верховное судебное учрежденіе во Франціи, согласіе котораго давало законную силу королевскимъ и папскимъ рѣшеніямъ, отказался утвердить это рѣшеніе папы, такъ что оно не имѣло силы во Франціи,

но въ Римѣ 19-го февраля 1739 года на площади святой Маріи былъ сожженъ франкъ-масонскій уставъ, «малый по вѣсу, но чрезвычайно вредный по обилію лукавства».

Позднѣе, въ 1751 году папа Бенедиктъ возобновилъ распоряженіе противъ франкъ-масоновъ, какъ «людей, сильно подозрѣваемыхъ въ ереси»—обычная формула, которою пользовалась инквизиція, и объявилъ, что они будутъ отнынѣ подвергаться смертной казни, а имущество ихъ будетъ конфисковаться *).

Преслѣдованія противъ франкъ-масоновъ начались и въ Испаніи, и даже въ Бернской республикѣ (1745 годъ).

Помимо борьбы, которую франкъ-масонство должно было вести съ внѣшними препятствіями, развитіе его задерживалось и внутренними разногласіями и борьбою.

Въ первые же годы во французскомъ франкъ-масонствѣ явились двѣ партіи: аристократическая и буржуазная **).

Само названіе этихъ двухъ партій показываетъ, что борьба ихъ была только маленькимъ эпизодомъ великой классовой борьбы, которую эти два сословія вели въ цѣлой Франціи.

Именно вступленіе буржуазнаго элемента въ франкъ-масонскія ложи и обратило на нихъ вниманіе властей, вызвавъ первый декретъ 1737 года.

И декретъ 1767 года, запрещавшій засѣданія великой національной ложи, былъ изданъ потому, что борьба между этими двумя партіями крайне обострилась и угрожала распространиться и на общество, стоящее внѣ франкъ-масонскихъ ложъ.

Лишнее слѣдить за всѣми перипетіями этой борьбы, а потому мы ограничимся только указаніемъ на два, три важнѣйшія ея событія.

Въ засѣданіяхъ 5-го апрѣля и 14-го мая 1766 года аристократамъ удалось изгнать разночинцевъ изъ своей среды, хотя такое изгнаніе и было незаконнымъ.

Но и разночинцы скоро отомстили за себя. Въ 1771 году умеръ главный мастеръ графъ Клермонъ. Разночинцы немедленно собрались и избрали его пріемникомъ герцога Де-Шартръ, котораго путемъ разныхъ вліяній они убѣдили принять этотъ постъ. Съ избраніемъ герцога Де-Шартръ снова началось преобладаніе буржуазныхъ элементовъ. По ихъ настоянію и подъ ихъ руководствомъ въ 1773 году уставъ Великой національной ложи былъ измѣненъ въ демократическомъ смыслѣ и, кромѣ того, былъ организованъ союзъ между французскими франкъ-масонскими ложами. Въ выработкѣ новаго устава приняли участіе делегаты изъ провинцій.

Самое названіе великой національной ложи было измѣнено: она была переименована въ «Великій востокъ».

(G.·. O.·.) ***). «Великій востокъ» дѣлается центральной масонской организаціей. Въ нее входятъ делегаты отъ всѣхъ провинціальныхъ ложъ. Послѣднія выбираютъ своихъ «мѣстныхъ мастеровъ», которые при старомъ уставѣ назначались прямо парижской національной ложей; делегаты изъ провинцій въ великую національную ложу не допускались. Парижскій «Великій востокъ» оставлялъ за собой только преимущественное право раздавать самые высшіе чины въ масонской іерархіи—право, которое нѣкоторые провинціальныя ложи оспаривали ****).

---

*) Ibidem pp. 288—297.

**) «Annales Originis», etc., p. 22.

***) Обыкновенно масоны пишутъ только начальныя буквы своихъ общеупотребительныхъ терминовъ: G.·. O.·. вмѣсто Grand Orient, F.·. M.·.. вмѣсто Franche Maçonnerie, просто F.·., вмѣсто Frère, братъ.

****) «Réclamation de la Loge réguliérement constitué à L.·. O.·. de Rouen sons le titre distinctif de l'ardente amitié». Rouen, 1791.

Старая національная ложа, или вѣрнѣе ея аристократическое меньшинство, не приняла новаго устава и продолжала существованіе подъ своимъ старымъ именемъ. Но послѣ революціи, которая унесла въ своихъ кровавыхъ волнахъ головы многихъ старыхъ масоновъ изъ обоихъ лагерей, между прочимъ и голову послѣдняго великаго мастера, Филиппа-Равенство, оба ордена соединились—обстоятельство, о которомъ было заявлено всему франкъ-масонству словами: «Нѣтъ болѣе ни Рима, ни Женевы», то есть франкъ-масонство не дѣлится болѣе на правовѣрныхъ и протестантовъ.

Но кромѣ ложъ, принадлежавшихъ къ національной ложѣ, или къ «Великому востоку», во Франціи были и другіе масонскіе ордена. Нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ существовать и до сихъ поръ, а другіе постепенно слились съ G.·. O.·. Между послѣдними ложами особенную извѣстность получила ложа, носящая названіе: les Elus coëns—«Le régime des philaletes ou chercheurs de la Vérité». Эта ложа была основана въ 1773 году; она располагала богатой библіотекой и физической лабораторіей. Члены ея занимались окультизмомъ, на почвѣ котораго встрѣчались такіе противоположные по своимъ философскимъ взглядамъ люди, какъ матеріалистъ баронъ Гольбахъ, знаменитый авторъ «Système de la Nature» и съ другой стороны мистикъ и спиритуалистъ Сенъ-Мартенъ.

Въ ложу *Искателей истины* являлись читать рефераты и дѣлать опыты самые знаменитые окультисты той эпохи: нѣмецъ Месмеръ, итальянецъ Бальзамо Каліостро, котораго римская инквизиція въ 1791 году посадила въ вѣчное заточеніе, и французъ Дюшанто, который старался опытами доказать «физическое возрожденіе тѣла» *).

Какъ мы уже сказали, ложа эта присоединилась впослѣдствіи къ G.·. O.·.

Ложи, принадлежавшія къ «Великому востоку» носили также отдѣльныя имена. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, ложа «Девяти сестеръ» пользовалась такой же извѣстностью, какъ и ложи «искателей истины». Къ ложѣ «девяти сестеръ» принадлежало много великихъ людей той эпохи; между прочимъ, Вольтеръ.

Вольтеръ былъ посвященъ въ масонскія тайны въ ложѣ «Девяти сестеръ» 7-го іюня 1788 года. Великій мастеръ ложи подалъ ему кожаный фартукъ, который, какъ каменьщики, должны были носить и всѣ масоны. Прежде чѣмъ надѣть фартукъ, Вольтеръ приложилъ его къ губамъ. Этимъ онъ воздавалъ послѣднюю почесть бывшему владѣльцу его Гельвеціусу, послѣ смерти котораго фартукъ былъ поднесенъ женой Гельвеціуса въ подарокъ ложѣ. Но масонская карьера Вольтера продолжалась всего шесть мѣсяцевъ.

22-го ноября того же года франкъ-масоны почтили смерть его торжественнымъ засѣданіемъ, на которомъ присутствовали члены ложи «Девяти сестеръ», между прочимъ знаменитый скульпторъ Гудонъ, художники Грёзъ и Вернэ, поэтъ де Фонтанъ и другіе; тамъ же находились и делегаты другихъ французскихъ и иностранныхъ ложъ. Между послѣдними былъ Веніаминъ Франклинъ, возложившій вѣнокъ на гробъ Вольтера.

V.

Франкъ-масонское общество, какъ организація, не принимало участія въ политической борьбѣ партій. Такое участіе исключается самою цѣлью общества, которая состоитъ въ объединеніи на почвѣ нѣсколькихъ философскихъ этическихъ вѣрованій людей, по политическимъ и общественнымъ идеямъ могущихъ принадлежать и принадлежащихъ къ разнымъ партіямъ.

---

*) «Annales» p. 193.

Кромѣ того, франкъ-масонство всегда было сильно заинтересовано въ томъ, чтобы не возбуждать противъ себя политической власти.

Послѣдняя, съ своей стороны, можетъ быть, не считая франкъ-масонство опаснымъ въ политическомъ отношеніи, а можетъ быть, и желая воспользоваться имъ для запугиванія черезчуръ требовательнаго высшаго духовенства, не мѣшала его развитію.

Мы видѣли, что франкъ-масонство продолжало развиваться даже при старой монархіи Людовиковъ. Правда, противъ него было издано нѣсколько запретительныхъ мѣръ, но на строгомъ соблюденіи ихъ не настаивали и сами власти.

Впродолженіи девяти лѣтъ, охватывающихъ французскую революцію вплоть до проконсульства, франкъ-масонство совсѣмъ исчезаетъ съ исторической сцены. Тогда вся Франція, какъ мы увидимъ, сдѣлалась полемъ мистическаго движенія, отголоски котораго слышались въ конвентѣ, въ клубахъ, въ литературѣ и въ печати.

Когда власть перешла въ руки Наполеона I и наступило затишье, франкъ-масонство снова взялось за свою дѣятельность съ объединенными силами, какъ мы видѣли изъ исторіи G.·. O.·.

Наполеонъ предоставилъ франкъ-масонству свободно развиваться и дѣйствовать; но для того, чтобы имѣть возможно близкій надзоръ за нимъ, Наполеонъ назначилъ «великимъ мастеромъ» G.·. O.·. своего брата Іосифа, а помощникомъ его архиканцлера имперіи Камбассереса, который самъ былъ масономъ. Франкъ-масоны были очень признательны Наполеону и назвали его именемъ одну изъ своихъ главныхъ ложъ *).

Полстолѣтія спустя Наполеонъ III, по примѣру своего дѣда, назначилъ великимъ мастеромъ G.·. O.·. своего племянника принца Мюрата, а позднѣе маршала Маньяна. Послѣдній сдѣлалъ попытку добиться отъ государственнаго совѣта признанія франкъ-масонства общественно-полезною организаціей, но государственный совѣтъ, клерикальный по своему составу, отбросилъ это предложеніе **).

Франкъ-масонство пользовалось снисходительнымъ отношеніемъ власти и при іюльской монархіи и даже при реставраціи. Правительства видѣли въ франкъ-масонствѣ только его этическія и религіозныя стороны. Точно также смотрѣла на свое общество и бо́льшая часть франкъ-масоновъ.

Но среди послѣднихъ были и политическіе идеалисты, находившіе, что логическое развитіе франкъ-масонскихъ этическихъ принциповъ неизбѣжно ведетъ къ демократическому идеалу.

Такъ, одною изъ обычныхъ моральныхъ темъ во франкъ-масонскихъ бесѣдахъ являлись любовь къ человѣчеству и нравственное равенство между людьми.

Самый эпитетъ «братъ», который давали другъ другу франкъ-масоны, показываетъ, «что, несмотря на различія, вносимыя политическими учрежденіями, всѣ люди братья другъ другу» ***).

«Язычникъ, поклоняющійся солнцу,—говоритъ позднѣе другой франкъ-масонъ, восторженный Франсуа Распайль, — негръ, простирающійся во прахъ передъ змѣею, которая составляетъ бичъ его деревень, грекъ, воспѣвающій любовь своихъ боговъ, однимъ словомъ, всѣ люди—мои братья. Если они несчастны, они дѣлаются моими друзьями» ****).

---

*) «Prècis historique de l'installation du chapitre regulier du Grand et Sublime Orient», faite le 24 Avril 1812 par. S. A. S. le prince Cambacérès,

**) Eugène Marbeau, «Le Grand Orient de France devant le conseil d'Etat». «Revue des deux Mondes», 15 Mars 1901.

***) «Recueil des Discours Moraux» par. M. D. C. Génève *MDCCLXXXII*, p. 104.

****) Raspail, «Sainte Liberté, ton nom n'est pas un blasphème», discours prononcé à la loge d'adoptation des Amis bienfaisants, 16 Mars 1822, Paris. 1822.

Помимо естественнаго этого влеченія республиканцевъ къ франкъ-масонству, вступленіе въ ложи послѣдняго являлось выгоднымъ для нихъ и въ другомъ отношеніи. Они находили тамъ сравнительно безопасное убѣжище, подъ кровомъ котораго могли свободно развивать свои теоріи. Въ эпоху реставраціи, дѣйствительно многія ложи подъ видомъ франкъ-масонства занимались республиканской пропагандой. Особенную извѣстность получила основанная въ 1818 г. ложа «Друзей истины», въ которой конспирировалъ Базаръ, будущій ученикъ Сенъ-Симона. Въ 1820 году правительство открыло заговоръ, вышеупомянутая ложа была распущена, а члены ея основали новое тайное общество—общество карбонаріевъ *). Большой наплывъ республиканцевъ въ масонскія ложи существовалъ и при второй имперіи, особенно въ шестидесятыхъ годахъ, когда Наполеонъ третій началъ искать поддержки либеральныхъ и масонскихъ элементовъ. Тогда точно также большинство нѣкоторыхъ ложъ состояло изъ республиканцевъ. Такъ, ложа «Шотландскій ритуалъ» имѣла главнымъ мастеромъ извѣстнаго республиканца и адвоката Кремье, сдѣлавшагося членомъ временнаго республиканскаго правительства послѣ паденія Наполеона III. «Ложа 133» считала между своими членами другихъ извѣстныхъ республиканцевъ, будущихъ дѣятелей третьей республики: Гамбету, Ферри, Бриссона, Флокэ. Другой республиканецъ Массоль, имя котораго связано съ такъ называемой натуралистической моралью, руководилъ ложею гираимовъ—соревнователей. Наконецъ, Массе, основавшій существующую до сихъ поръ республиканскую національную лигу образованія, также пользовался большимъ вліяніемъ въ ложахъ восточной Франціи.

Но настоящую силу французское масонство пріобрѣло при третьей республикѣ, въ политической формѣ которой оно видѣло воплощеніе самой масонской этики. Кромѣ того антиклерикальнымъ тенденціямъ третьей республики вполнѣ соотвѣтствовали антиклерикальныя тенденціи самого масонства.

Но при третьей республикѣ произошло и чрезвычайно важное измѣненіе въ уставѣ самого французскаго масонства,—измѣненіе, которое повлекло за собою разрывъ сношеній между французскими ложами и ложами Англіи, Америки и нѣкоторыхъ другихъ странъ. 13-го сентября 1877 года послѣ доклада сенатора Дэзмона, бывшаго протестанскаго пастора въ Гарскомъ департаментѣ, общее собраніе французскихъ ложъ вычеркнуло изъ своего устава догматы о верховномъ существѣ и о безсмертіи души, которые до тѣхъ поръ фигурировали въ первомъ параграфѣ устава.

«Предоставимъ теологамъ трудъ обсуждать догматы» говорилъ Дэзмонъ **). На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о «великомъ архитекторѣ вселенной», теперь написано: «Считая метафизическія понятія исключительно входящими въ область личной оцѣнки своихъ членовъ, франкъ-масонство отказывается отъ всякаго догматическаго утвержденія». Мы уже сказали, что это измѣненіе произвело разрывъ связи между французскими ложами съ одной стороны и англійскими и американскими съ другой. Въ 1885 году парижскій G.·. O.·. послалъ «доску», какъ называютъ масоны свои письма, великому мастеру англійскихъ ложъ, принцу Уэльскому, теперешнему королю Эдуарду VII. Въ этомъ письмѣ предлагалось возобновить старое братство и объяснялось, что такое измѣненіе устава не нужно истолковывать, какъ актъ атеизма, а только какъ актъ широкой терпимости.

Великая англійская ложа отвѣтила на письмо, что «вѣра въ Бога есть первая великая черта всякаго истиннаго и подлиннаго франкъ-масонства и что

---

*) Georges Weill, «Histoire du parti républicain». Paris. 1900 p. 13.

**) Bulletin du Grand Orient, 1871, p. 237 и еще «Le Grand Orient et le Grand architecte de l'Univers» (Correspondant 25 Mai, 1899).

безъ этого никакая организація не имѣетъ права наслѣдовать традиціи и обычаи древняго и чистаго масонства».

И дѣйствительно, какъ мы видѣли изъ происхожденія и исторіи франкъ-масонства деизмъ является однимъ изъ самыхъ существенныхъ масонскихъ догматовъ.

Можно даже сказать, что деизмъ—не только масонская, но и философская традиція во Франціи. Деистами были и Руссо, и Вольтеръ, и большая часть энциклопедистовъ, и великіе демократы французской революціи. Поэтому деизмъ называется еще «религіей просвѣщенныхъ умовъ». Въ чемъ же нужно искать причинъ такой крупной перемѣны въ настроеніи умовъ во Франціи?

Здѣсь мы наталкиваемся на глубокій религіозный и нравственный кризисъ, который пережило французское просвѣщенное общество въ XIX столѣтіи; болѣе частнымъ образомъ онъ относится къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ.

VI.

Интересъ къ религіознымъ и нравственнымъ вопросамъ и вообще интересъ къ философіи поднимается и падаетъ въ соотвѣтствіи съ различными колебаніями самой общественной и политической жизни.

Философія, можно сказать—наука, всего ближе стоящая къ нуждамъ общества. Доказательство этого мы видимъ въ новой исторіи Франціи. Эпоха великой французской революціи совпадаетъ съ мощнымъ мистическимъ движеніемъ. Религія разума, религія человѣчества—теофилантропія и другія раціональныя религіи смѣняются въ проэктахъ философовъ въ продолженіи неполнаго десятилѣтія. Спустя тридцать лѣтъ, въ концѣ реставраціи и при іюльской монархіи мы присутствуемъ при новомъ небываломъ по своей интенсивности и широтѣ спиритуалистическомъ движеніи и въ то же время при замѣчательномъ соціальномъ движеніи. Къ этой эпохѣ относится активный періодъ сенсимонизма и фурьеризма; Въ эту же эпоху появились и другіе реформаторы, какъ Прудонъ и Луи-Бланъ и христіанскіе коммунисты, какъ Бюше и Кабе.

Эта связь между двумя движеніями—религіознымъ и соціальнымъ—ясна. Никакая соціальная система не мыслима безъ общественной морали, играющей роль соединительной силы. Но этическій вопросъ тѣсно связанъ съ религіознымъ. «Религія черпаетъ главную часть своего историческаго значенія именно отъ своей этической роли», говоритъ Сенъ-Симонъ *).

Когда мы описывали начало франкъ-масонства, то мы уже видѣли, въ какой связи находилось платоновское ученіе о нравственномъ совершенствованіи съ понятіемъ о безсмертіи души. «Какъ только Богъ перестаетъ жить въ сердцѣ человѣка, вся нравственность покидаетъ это сердце, такъ какъ нравственность для человѣка существуетъ постолько поскольку онъ вѣритъ въ свое назначеніе, а онъ можетъ признавать за собою назначеніе только въ Богѣ **).

Эти слова сенъ-симониста Базара хорошо поясняютъ, почему деизмъ господствовалъ въ демократическихъ кругахъ какъ въ эпоху великой французской революціи, такъ и во время іюльской монархіи.

«Атеизмъ аристократиченъ», восклицалъ Робеспьеръ на знаменитомъ собраніи въ якобинскомъ клубѣ 27 ноября 1793 года.

«Идея верховнаго существа, покровительствующаго угнетенной невинности и наказывающаго торжествующее преступленіе, является чисто-народною идеею». Эти слова Робеспьера были встрѣчены шумными аплодисментами. Робеспьеръ

---

*) «Oeuvres de Saint-Simon». Edition de 1832, p. 88.

**) Erdan. La France mystique, edition d'Amsterdam de 1856, t. II, p. 104.

закончилъ свою рѣчь фразою, которая сдѣлалась исторической: «Если бы Бога не существовало, то нужно было бы его выдумать» *).

Черезъ нѣсколько дней, по предложенію Робеспьера, Конвентъ сдѣлалъ изъ раціоналистской религіи верховнаго существа государственную религію.

Поэтому случаю Робеспьеръ произнесъ рѣчь, заканчивающуюся словами: «Идея верховнаго существа и безсмертія души есть постоянный призывъ къ справедливости: слѣдовательно, идея эта является истинно соціальной и республиканской **).

Въ эту эпоху террора атеизмъ считался оскорбленіемъ націи.

Деистическое движеніе среди демократіи продолжало существовать и послѣ паденія Робеспьера. При директоріи въ 1797 году былъ основанъ новый культъ, извѣстный подъ именемъ теофилантропіи—соединенія любви къ Богу и къ человѣчеству и еще подъ именемъ декадернаго культа, такъ какъ въ основу его легъ принятый еще конвентомъ республиканскій календарь, раздѣлявшій всѣ мѣсяцы на три *декады* ***).

По свидѣтельству современниковъ, декадерный культъ сталъ довольно популяренъ въ массѣ. Вообще, характеристикою мистическаго движенія, какъ въ эпоху революціи, такъ и въ эпоху іюльской монархіи является его общій народный характеръ. Эти разные культы предназначались не для просвѣщеннаго, но ничтожнаго по количеству меньшинства, какъ было съ франкъ-масонствомъ, а для самой массы.

На мистическомъ движеніи эпохи іюльской монархіи я остановлюсь болѣе подробно, такъ какъ оно богаче по формамъ и, кромѣ того, оно непосредственно предшествовало религіозному и нравственному кризису пятидесятыхъ годовъ. Любимымъ словомъ мистиковъ сороковыхъ годовъ было слово *паленгенезисъ*. Я встрѣчаю это слово и у католика Баланшъ, и у послѣдователя Сведенборга Жана-Рейно. Паленгенезисъ означаетъ вѣчное перерожденіе существъ, субстанція которыхъ остается та же самая, а измѣняются только формы.

Исторія идей представляетъ такой же паленгенезисъ, такое же вѣчное измѣненіе формъ при одной и той же старой темѣ. Одинъ изъ мистиковъ девятнадцатаго столѣтія, оказавшій сильное вліяніе на своихъ современниковъ Сведенборгъ изображалъ человѣка на рисункѣ, находящимся подъ дѣйствіемъ двухъ круговъ. Одинъ изъ этихъ круговъ спускается съ неба и проходитъ черезъ сердце человѣка, а другой кругъ проходитъ черезъ нижнюю часть его тѣла и стягиваетъ его въ адъ. Эта старая дуалистическая идея встрѣчается у всѣхъ мистиковъ той эпохи, за исключеніемъ сенъ-симонистовъ, которые, наоборотъ, создали цѣльное и монистическое міросозерцаніе.

При такой дуалистической постановкѣ вопроса ясно, что задача человѣческаго существа должна состоять въ побѣдѣ духа надъ матеріей.

Это спиритуалистическое рѣшеніе встрѣчается и у славянскихъ мессіанистовъ: Товіанскаго, Вронскаго, избравшихъ Францію мѣстомъ своихъ проповѣдей, и въ сентиментальномъ филозоизмѣ и въ призывѣ къ нравственному совершенству Мицкевича, которые онъ проповѣдывалъ въ Collège de France, и въ спиритуалистической космогоніи Фурье, Жана Рейно, и въ вегетаріанствѣ такъ называемыхъ талезіанцевъ и въ спиритуалистическомъ коммунизмѣ Кабе и Бюше. Та же идея встрѣчается и у другихъ многочисленныхъ создателей мистическихъ системъ, какими были Коессенъ, Баланшъ, Шено и другіе.

Спиритуалистомъ былъ и Луи Бланъ, который позднѣе, будучи эмигрантомъ, въ Лондонѣ, не могъ согласиться съ Герценомъ, что «мысль—есть функція

---

*) A. Aulard, «Histoire politique de la Revolution Française». Paris. 1901, p. 474.
**) Ibidem, p. 488.
***) Ibidem, p. 242.

мозга», несмотря на всѣ убѣдительные доводы своего собесѣдника. Другой писатель сороковыхъ годовъ Прудонъ, смѣявшійся надъ утопіями своихъ современниковъ, тѣмъ не менѣе, высказывался противъ атеизма, «который еще менѣе логиченъ, чѣмъ вѣра» и который «доказываетъ не силу ума, а его отчаяніе» [1]). Самъ Прудонъ какъ будто не могъ избавиться отъ общей тогда вѣры, что наступила пора для общаго духовнаго перерожденія человѣчества.

Разница между мистиками заключалась только въ томъ, что одни связывали это перерожденіе съ распространеніемъ извѣстныхъ нравственныхъ идей, а другіе—съ чѣмъ-то вродѣ новаго откровенія. Послѣднее теченіе составляло такъ называемый мессіанизмъ.

Мы уже упомянули, что между мессіанистами этой эпохи было двое поляковъ—Вронскій и Товіанскій. Первый—бывшій польскій, а впослѣдствіи русскій артиллерійскій офицеръ при императорѣ Павлѣ, помимо своей собственной миссіи, вѣрилъ въ миссію славянской рассы [2]).

Другой славянскій «мессія» Товіанскій, «учитель Андрей», какъ называли его друзья, соединялъ религіозный мистицизмъ съ патріотическими мечтами. Онъ считалъ себя предназначеннымъ воплотить духъ Наполеона, который послѣ двадцатилѣтняго пребыванія въ высшихъ слояхъ атмосферы, долженъ былъ спуститься въ тѣло Товіанскаго въ 1844 году. Товіанскій написалъ поэму: «Біезіада», въ которой земля представлена, какъ жилище не вполнѣ очищенныхъ духовъ, которые послѣ своей земной жизни продолжаютъ существованіе въ формѣ чистыхъ духовъ.

Этими же идеями увлекался и Мицкевичъ, который вѣрилъ, что духъ Наполеона скоро долженъ воплотиться въ личности Товіанскаго. Онъ старался распространять эти идеи въ своихъ лекціяхъ, вслѣдствіе чего Гизо въ 1844 г. лишилъ его каѳедры [3]). Вообще, большая часть его лекцій была посвящена нравственнымъ вопросамъ. Необходимость нравственнаго перерожденія—его излюбленная тема.

«Таковъ смыслъ евангельскихъ словъ: не наливайте новаго вина въ старые мѣхи и не пришивайте кусокъ пурпура къ старой одеждѣ», говорилъ Мицкевичъ. Первое дѣйствіе для воспріятія истины,—дѣйствіе, къ которому Фурье призывалъ своихъ учениковъ, а Эмерсонъ призываетъ своихъ, заключается въ томъ, чтобы усиліемъ стряхнуть съ себя, какъ пыль одежды, всѣ узы, связывающія насъ съ мертвымъ міромъ, съ міромъ книгъ, съ міромъ системъ, чтобы раскрыть свою душу и вздохнуть разъ, какъ свободные люди» [4]).

Въ другихъ своихъ лекціяхъ Мицкевичъ проповѣдывалъ любовь, «симпатію» ко всему, что дышитъ, ко всѣмъ животнымъ и растеніямъ.

Идея о томъ, что духи странствуютъ въ другихъ мірахъ, принималась и Фурье. Ради нея онъ создалъ пятое движеніе, такъ называемое «аромальное» движеніе, охватывающее невидимыя связи между людьми и духами. Ученики Фурье съ особенною любовью занимались спиритическими экспериментами, во время которыхъ они вступали въ сношеніе съ жителями Сатурна [5]).

Эта идея о странствованіи духовъ встрѣчается и въ мистицизмѣ Жана Рейно и въ его поэтической книгѣ «Земля и Небо», приводившей въ восторгъ многихъ современниковъ.

«Меня больше всего трогаетъ при видѣ звѣзднаго неба,—писалъ Рейно,—не блескъ этихъ могучихъ массъ, не чудесныя субстанціи, которыя отдѣляютъ ихъ другъ отъ друга, не громадныя ихъ количества, не безконечная продолжительность ихъ обращеній, даже не чудо, представляемое блѣдными туман-

---

[1]) J.-P. Proudhon. «Confessions d'un revolutionnaire», p. 2—3.
[2]) Вронскій умеръ въ 1853 году (Erdan, La France mystique, t. II, p. 16).
[3]) Erdan, t. II, p. 46—56.
[4]) Ibidem, t. II, p. 62.
[5]) Ibidem, t. II, p. 58.

ными пятнами, висящими въ безднѣ, каждая пылинка которыхъ есть цѣлый міръ, меня интересуетъ и трогаетъ присутствіе душъ, группирующихся вокругъ этихъ безчисленныхъ очаговъ» [1]).

Какъ же послѣ этого человѣку, душѣ котораго предстоитъ такое блестящее будущее во вселенной, не стремиться къ нравственному совершенству? Послѣднее составляло цѣль и такъ называемыхъ талезіанцевъ, проповѣдывавшихъ исключительно растительную пищу.

Помимо гигіеническихъ аргументовъ они приводили и спиритуалистическій аргументъ. Между человѣкомъ и окружающей его природой существуетъ невидимая и еще неизвѣстная связь, но связь несомнѣнная, результаты которой мы ощущаемъ. «Цвѣты, растенія, травы испускаютъ вредные токи, дѣйствіе которыхъ на нашъ организмъ неоспоримо,—писалъ извѣстный талезіанецъ, адвокатъ Бло-Лекенъ.—Эразмъ падалъ въ обморокъ отъ шума льющейся воды, Бель [2]) при видѣ крессъ-салата, Екатерина Медичи, при видѣ розъ, хотя бы на картинѣ [3]). Палезіанцы полагали, что мясная пища дѣлаетъ человѣка жестокимъ, а растительная наоборотъ—добрымъ и гуманнымъ.

Лишнее излагать разныя другія мистическія ученія, въ которыхъ на ряду съ наивностью, съ невѣжествомъ, съ бредомъ сумасшедшаго, проявляется и стремленіе дать нравственности болѣе широкое основаніе.

Идея нравственнаго совершенства человѣка, не исключаетъ идеи о совершенствѣ его матеріальной жизни, о совершенствованіи общественныхъ и политическихъ формъ. Въ доктринахъ большей части мистиковъ обѣ эти вещи были связаны. Въ письмѣ отъ 20-го мая 1853 года, писанномъ Робертомъ Оуеномъ къ Гупи, автору книги «Эфиръ, электричество и матерія», говорится, что раздѣляемая Робертомъ Оуеномъ вѣра въ существованіе духовъ подготовляетъ реформу общества [4]). Человѣкъ, который хочетъ изгнать зло изъ своей души, естественно долженъ заботиться и объ изгнаніи его изъ общества.

Нѣкоторыя изъ мистическихъ системъ не находили никакого отклика въ обществѣ, но другія, вродѣ, напримѣръ, космогоніи Рейно, встрѣчали восторженныхъ приверженцевъ среди республиканцевъ. Барбесъ въ 1839 году, въ казематѣ въ Монмишелѣ, въ ожиданіи смертной казни, просиживалъ цѣлые дни надъ книгой Рейно. Смертная казнь была отмѣнена, но въ самыя послѣднія минуты, такъ что, когда солдаты явились въ тюрьму, то Барбесъ думалъ, что они пришли вести его на эшафотъ. Онъ громко воскликнулъ:

«Сенъ-Жюстъ, Робеспьеръ, Кутонъ, Бабефъ, и вы, мой отецъ и моя мать, носившая меня въ своей утробѣ, молитесь за меня, насталъ день моей славы» [5]).

«Вы всѣ, заковавшіе меня въ кандалы», говорилъ, обращаясь къ своимъ судьямъ, другой республиканецъ, Пьеръ Во, невинно осужденный въ 1853 году на вѣчное заточеніе за поджигательство—я призываю васъ предъ Бога и съ кандалами на рукахъ зову кару его правосудія на ваши головы».

VII.

Мы приступаемъ къ центральному вопросу. Какія событія вызвали матеріалистическую реакцію противъ деизма сороковыхъ годовъ?

Еще Базаръ писалъ: «Религія будущаго должна проявиться, какъ взрывъ коллективной мысли, какъ синтезъ всѣхъ понятій, всѣхъ нравовъ [6]). Другими

---

[1]) Ibidem, t. II, p. 119.
[2]) Авторъ одной «Исторической энциклопедіи».
[3]) Ibidem, t. II, p. 130.
[4]) Ibidem, t. II, p. 82.
[5]) Georges Weill. «Histoire du Parti Républicain». Paris. 1900.
[6]) Erdan, t. II, p. 104.

словами, религія является какъ бы увѣнчаніемъ уже установленной общественной и моральной системы. Въ догматы религіи, принимающіе характеръ чего-то вѣчнаго, во всякомъ случаѣ, чего-то долговѣчнаго, должны входить тѣ общественныя и этическія начала, наибольшую вѣрность и наибольшую пригодность которыхъ, въ интересахъ цѣлаго человѣчества доказалъ историческій опытъ.

Современное человѣчество по непостоянству своихъ соціальныхъ и этическихъ идеаловъ представляетъ прямо противоположную картину; такъ что теперь всякая спиритуалистическая система, неизбѣжно шаткая, черпаетъ свои элементы изъ прошлаго и является какъ бы реабилитаціей тѣхъ же суевѣрій и заблужденій, которыя съ другой стороны она хочетъ измѣнить.

Деисты сороковыхъ годовъ скоро должны были убѣдиться въ этой истинѣ. Еще раньше ихъ нѣкоторые демократы католики, вродѣ аббата Ламене, убѣдились, что усилія примирить католицизмъ и современную цивилизацію ведутъ только къ полному торжеству перваго. Убѣжденіе это сдѣлалось всеобщимъ послѣ событій 1848—1851 годовъ, когда католическая партія рѣшительно приняла сторону реакціи, когда неистовый клерикальный памфлетистъ Вельё рукоплескалъ всѣмъ мѣрамъ, принимаемымъ Наполеономъ III противъ свободы вообще. Поэтому и католическая религія, переставшая быть предметомъ нападокъ, во всю первую половину девятнадцатаго столѣтія, снова сдѣлалась главнымъ предметомъ всей газетной полемики.

«Во всѣхъ спорахъ,—писалъ тогда католикъ де-Брольи,—религія заняла мѣсто жандармовъ и собственности» *).

Отвѣтственность за такое враждебное отношеніе общества къ католицизму, самъ де-Брольи возлагалъ именно на самихъ клерикальныхъ реакціонеровъ. «Теологическія вакханалии, которыя компрометировали бы самого Бога, если бы вообще можно было его компрометировать». Такъ выражался по адресу статьи Вельо другой католикъ, аббатъ Лакордеръ. Но антикатолическая реакція повела за собою вообще антиспиритуалистическую реакцію.

Многіе республиканскіе дѣятели публично отказались отъ своихъ «религіозныхъ иллюзій».

Такъ сдѣлалъ Корбонъ, одинъ изъ учениковъ католическаго мистика Бюше. Другіе католики и республиканцы, не желая переходить прямо отъ католицизма къ атеизму, сдѣлались протестантами. Въ эту религію Жоржъ-Зандъ обратила двухъ своихъ внучатъ, чтобы избавить ихъ отъ вліянія католическаго духовенства.

Другіе республиканцы сохранили свой деизмъ, но просто по инерціи. Послѣдній потерялъ уже свое очарованіе для новыхъ поколѣній: онъ сдѣлался синонимомъ самого католицизма. Это новое поколѣніе, къ великому негодованію Мадзини и Жоржъ-Зандъ, какъ видно изъ писемъ перваго къ Кине и второй къ Барбесу, съ жадностью впитывало въ себя идеи Бюхнера, Фохта и Молешота.

Это новое поколѣніе, молодость котораго относится къ шестидесятымъ годамъ, внесло матеріализмъ въ франкъ-масонскія ложи. Фавръ въ 1866 и 1867 годахъ и Масе въ 1868 году, одинъ въ парижскихъ, а другой въ восточныхъ ложахъ уже предлагали, чтобы вопросы о безсмертіи души и о Богѣ были сняты съ очереди. Въ 1869 году другой членъ ложъ Массоль предложилъ принятіе «независимой морали» безъ религіозной санкціи.

Но матеріалистическое теченіе восторжествовало вполнѣ только въ 1877 году, когда было принято предложеніе Дезмона.

---

*) De Broglie De la Polemique religieuse actuelle (Correspondant 25 Iuin 1856, p. 480).

VIII.

Но это развѣнчаніе франкъ-масонскаго деизма относится только къ первому пункту его устава, а церемоніи и обряды ложъ не только не измѣнились, но стали еще болѣе многочисленными.

Вначалѣ девятидесятыхъ годовъ Блатенъ издалъ масонскій катехизисъ, устанавливавшій обряды для важныхъ событій въ личной жизни человѣка. «Рожденіе, юность, женитьба, смерть всегда будутъ поводами для радости и для горя, для сожалѣній и надеждъ,—говорить Блатенъ—которые требуютъ выраженія въ физическихъ знакахъ и въ спеціальныхъ формахъ. До сихъ поръ религія имѣла монополію на всѣ эти выраженія и нашъ долгъ состоитъ въ томъ, чтобы оспаривать уже эту монополію» *).

Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ этого практикующагося теперь во многихъ ложахъ раціоналистскаго символизма, какъ называетъ его авторъ. Церемонія свадьбы состоитъ въ слѣдующемъ: Преподобный—такъ называютъ начальника ложи—приглашаетъ братьевъ составить процессію. Братья становятся по два въ рядъ со скрещенными на груди руками, у каждаго въ правой рукѣ мечъ, остріе котораго виситъ внизъ. Выстроившись процессія направляется въ восточный уголъ храма подъ звуки музыки. Тогда преподобный приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ—посторонніе лица также могутъ присутствовать—«удѣлить свое сочувственное вниманіе и глубокое молчаніе имѣющимъ произойти символическимъ церемоніямъ».

Послѣ того преподобный подноситъ новобрачнымъ разныя масонскія эмблемы: *наугольникъ*—эмблему прямоты мысли и слова, *ватерпасъ*, символизирующій равенство въ семьѣ между мужемъ и женою, шнурокъ, причемъ произноситъ слѣдующія слова: «Пусть этотъ шнурокъ, который обвиваетъ ихъ обоихъ, будетъ для нихъ эмблемою новыхъ поколѣній, родившихся отъ ихъ ласкъ и которыя, подобно гибкимъ ліанамъ, соединяющимъ два столѣтнія дерева, болѣе тѣсно привяжутъ ихъ другъ къ другу узами молодой сыновней любви, покрывая ихъ свѣжею листвою и цвѣтами, въ то время уже, когда они будутъ ослабѣвать и будутъ близки къ исчезновенію».

Послѣ того преподобный беретъ стеклянную палочку, перепиленную по срединѣ и подаетъ ее новобрачнымъ, говоря: «Пусть эта эмблема напомнитъ вамъ, что любовь чиста и хрупка». Затѣмъ, подавая чашу вина, онъ напоминаетъ, что вино даетъ силу, но и вызываетъ порокъ—пьянство, и затѣмъ продолжаетъ: «Нужно остерегаться, чтобы сила не обратилась въ грубость, чтобы настойчивость не сдѣлалась упрямствомъ, чтобы вѣра въ себя не стала слѣпою и несносной гордостью».

Болѣе сложнымъ и болѣе торжественнымъ символизмомъ обставлены погребальныя церемоніи. Храмъ задрапированъ чернымъ и среди множества эмблемъ выдѣляются цвѣты акаціи,—эмблема неподкупности, а по землѣ разбросаны сухіе древесные листья; всѣ эти эмблемы сохранились навѣрно отъ временъ стараго масонства.

Среди храма находится катафалкъ, вокругъ котораго братья масоны образуютъ цѣпь, взявшись за руки. Въ одномъ мѣстѣ эта цѣпь прорывается. Тогда между преподобнымъ и надзирателемъ—тоже масонскій чинъ—начинается діалогъ вопросомъ, почему цѣпь разорвана. Отъ времени до времени преподобный, который держитъ въ рукахъ молотокъ, другую эмблему масоновъ, восклицаетъ, ударяя молоткомъ въ доску: «Увы! нашихъ братьевъ больше нѣтъ! восплачемъ!» И всѣ присутствующіе повторяютъ «восплачемъ».

---

*) «La franc-maçonnerie en France» («Revue des deux Mondes»). 15 Mai 1899.

Эти церемоніи называются еще «бѣлыми», такъ какъ на нихъ могутъ присутствовать и постороннія лица.

Другія франкъ-масонскія церемоніи являются тайными. Сами масоны обыкновенно знаютъ только церемонію и эмблемы тѣхъ чиновъ, которые они уже прошли, а всѣхъ чиновъ тридцать три. Тайны и подробности всѣхъ обрядовъ сохраняются въ верховномъ масонскомъ учрежденіи, называемомъ великой коллегіей обрядовъ *).

Часть обрядовъ и терминовъ, которыми пользуются масоны, осталась отъ стараго масонства, а другая часть была введена въ XVIII вѣкѣ.

Нѣкоторыя эмблемы заимствованы изъ восточныхъ религій, напримѣръ, эмблема кубическаго камня—египетскаго происхожденія. Кубическій камень съ разными написанными на немъ знаками, резюмируетъ всѣ знанія древнихъ египтянъ **).

Большая часть франкъ-масонскихъ церемоній является мнемо-техническими средствами для болѣе глубокаго и прочнаго укорененія въ памяти масоновъ извѣстныхъ нравственныхъ и религіозныхъ идей.

Особенно эти церемоніи соблюдаются по отношенію къ ново-поступившимъ, которые подвергаются настоящему нравственному суду.

Въ залѣ парижскаго «Великаго востока», гдѣ принимаются неофиты, красуются надписи вродѣ слѣдующей: «Если тебя привлекаетъ сюда пустое любопытство—то уходи», «если ты боишься увидать свои недостатки—тебѣ будетъ плохо среди насъ», «если ты дорожишь человѣческими отличіями—уходи или откажись отъ нихъ здѣсь» и т. д. ***).

Все, что слышитъ новопоступающій и всѣ церемоніи, при которыхъ онъ присутствуетъ, повторяютъ ему правило: «познай самого себя».

Между прочимъ, существуетъ церемонія, въ которой голову неофита покрываютъ тремя покрывалами, которыя тотчасъ же снимаютъ; на нихъ написаны слѣдующія слова: на одномъ—«нищета», на другомъ—«невѣжество», на третьемъ—«фанатизмъ».

Франкъ-масоны образуютъ между собою группы, которыя называются мастерскими; мастерскія первыхъ трехъ чиновъ: учениковъ, подмастерій и мастеровъ, называются ложами; мастерскія другихъ чиновъ до тридцатаго называются «главами» и «совѣтами»; 33 мастерская называется «ритуальной коллегіей».

Мѣсто, гдѣ происходятъ «собранія», называется «храмомъ», двери—папертью. Передъ началомъ собранія преподобный приглашаетъ надзирателей убѣдиться, «закрыты-ли работы», то-есть нѣтъ-ли постороннихъ лицъ. Если въ ложу хочетъ взойти масонъ изъ какой нибудь другой ложи, онъ 3 раза стучитъ въ двери по-масонски, и когда взойдетъ, то преподобный спрашиваетъ его: «Что вы приносите въ нашу страну?» А посѣтитель отвѣчаетъ: «Подчиненіе вамъ преподобный, радость, здоровье и благополучіе всѣмъ братьямъ».

Франкъ-масонство не принимаетъ въ свою среду женщинъ, и вообще доступъ въ него чрезвычайно труденъ, такъ что во всей Франціи есть только двадцать тысячъ масоновъ. Такой замкнутый характеръ масонства сдѣлалъ то, что въ глазахъ населенія оно считается сектой. Когда церемоніи оканчиваются, то ложи принимаютъ характеръ настоящихъ политическихъ клубовъ, въ которыхъ разсматриваются и обсуждаются всѣ вопросы настоящей минуты. **Х. Г. Инс.**

---

*) Paul Nourrisson Le Grand Collège des rites (Correspondant 25 Août 1899).
**) Explication de la pierre cubique. Paris 1806.
***) Léo Taxil, Les frères trois-points, t. I.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Борьба съ туберкулёзомъ.

(Рѣчь Р. Коха на лондонскомъ конгрессѣ, возраженія, сдѣланныя ему другими учеными и постановленія конгресса).

Безспорно наиболѣе выдающимся событіемъ на происходившемъ недавно въ Лондонѣ международномъ конгрессѣ для борьбы съ туберкулёзомъ былъ докладъ знаменитаго нѣмецкаго бактеріолога *Роберта Коха,* въ которомъ онъ высказался противъ заразительности для человѣка жемчужной болѣзни (туберкулёзъ рогатаго скота).

Такъ какъ въ своей рѣчи Кохъ касается не только этого послѣдняго вопроса, но разбираетъ и оцѣниваетъ вообще всѣ пріемы борьбы съ туберкулёзомъ, то мы рѣшили помѣстить въ нашемъ научномъ обзорѣ этотъ блестящій докладъ почти цѣликомъ и затѣмъ вкратцѣ привести возраженія по вопросу о заразительности жемчужной болѣзни, сдѣланныя нѣмецкому бактеріологу другими учеными.

Въ началѣ своей рѣчи Р. Кохъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что человѣчество справится, въ концѣ концовъ, съ своимъ страшнымъ врагомъ—чахоткой. «Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Кохъ,—мы не знали истинной причины чахотки; мы считали ее результатомъ народной нищеты, а такъ какъ послѣднюю нельзя было устранить, то приходилось надѣяться только на постепенное улучшеніе общественныхъ условій и отказаться отъ непосредственной борьбы съ чахоткою. Въ настоящее же время въ этомъ отношеніи условія совершенно измѣнились.

Мы знаемъ, что хотя народная нищета сильно благопріятствуетъ чахоткѣ, но настоящею причиною болѣзни является паразитъ, то-есть видимый и доступный нападенію врагъ, котораго мы въ состояніи также преслѣдовать и уничтожить, какъ и другихъ паразитовъ человѣка.

Собственно говоря, уже и тогда, когда только что была найдена туберкулёзная бацилла и были изучены свойства ея и способы распространенія, нельзя было сомнѣваться въ успѣшности борьбы съ нею. Я, по крайней мѣрѣ, могу сказать о себѣ, что съ самаго начала вполнѣ сознавалъ всю важность сдѣланнаго открытія; въ такомъ же положеніи находился всякій, кто былъ убѣжденъ въ причинной связи туберкулеза съ туберкулёзною бациллою. Но силъ немногихъ врачей не хватало, чтобы начать борьбу съ болѣзнью, имѣвшей столь глубокіе корни въ нашихъ привычкахъ и нравахъ. Для этого нужна была совмѣстная работа многихъ, если возможно—всѣхъ врачей, нужно было участіе государства и народонаселенія. Теперь, кажется, уже наступилъ моментъ, когда возможна подобная совмѣстная работа. Врядъ ли въ настоящее время найдется

врачъ, который станетъ отрицать паразитарное происхожденіе туберкулеза, да и среди не врачей этотъ научный фактъ получилъ широкое распространеніе.

Кромѣ того, въ послѣднее время началась также успѣшная борьба и съ другими болѣзнями, вызываемыми паразитами, и эти примѣры показали намъ, какъ слѣдуетъ вести борьбу съ эпидеміями.

Самое важное, что мы узнали, это то, что нельзя лѣчить всѣ эпидеміи по одному общему шаблону. Въ прежнее же время такъ поступали: шла ли рѣчь, напримѣръ, о холерѣ, о чумѣ или проказѣ, сейчасъ же издавались запретительныя мѣры, устраивались карантины, производилась безцѣльная дезинфекція. А теперь мы всѣ знаемъ, что съ каждою болѣзнью нужно бороться, сообразуясь съ ея особенностями и что предпринимаемыя мѣры должны вполнѣ соотвѣтствовать характеру той или иной эпидеміи. Если въ борьбѣ съ чахоткою мы постоянно будемъ имѣть въ виду сказанное нами выше, мы можемъ разсчитывать на успѣхъ. Въ виду огромной важности, какую имѣетъ данная сторона вопроса, я позволю себѣ разъяснить его на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительной для насъ является бубонная чума.

Въ прежнее время не сомнѣвались, что человѣкъ, заболѣвшій чумою, въ высшей степени заразителенъ, что болѣзнь передается отъ одного, пораженнаго чумою, человѣка къ другому или же черезъ его вещи. На этомъ основаны даже самыя послѣднія международныя мѣропріятія противъ чумы. Несмотря на то, что по сравненіи съ прошлымъ, мы находимся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ можемъ при помощи микроскопа и опыта на животномъ опредѣлить чуму совершенно точно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, несмотря на то, что съ громадной тщательностью выполняются подобныя мѣропріятія, какъ осмотръ кораблей, карантины, изолированіе заболѣвшихъ больныхъ, дезинфекція пораженныхъ квартиръ и кораблей, несмотря на все это, чума заносится всюду, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашла даже широкое распространеніе. Въ чемъ кроется причина этого, мы знаемъ уже на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ въ самое послѣднее время. Во-первыхъ доказано, что заразительны только тѣ больные, которые страдаютъ легочною формою чумы, встрѣчающеюся, къ счастью, не особенно часто, а во-вторыхъ, что чума распространяется при помощи крысъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ большинствѣ случаевъ, если не во всѣхъ, переноса чумы моремъ, зараженіе происходитъ при посредствѣ привезенныхъ на корабляхъ крысъ. Кромѣ того, повсюду, гдѣ сознательно или безсознательно производилось истребленіе крысъ, чума быстро исчезала, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ очень мало думали о чумѣ крысъ, эпидемія быстро распространялась. Связь человѣческой чумы съ чумою крысъ была совершенно неизвѣстна вплоть до послѣдняго времени, а потому и нельзя ставить въ упрекъ безуспѣшность принятыхъ мѣръ всѣмъ тѣмъ, которые создавали существующія по настоящее время мѣры для борьбы съ чумою. Но уже наступила пора, чтобы и при международныхъ сношеніяхъ считались съ нашими свѣдѣніями о способахъ зараженія и распространенія чумы. Въ виду той тѣсной зависимости, которая существуетъ между человѣческою чумою и чумою крысъ, вполнѣ понятно, что предохранительныя прививки и примѣненіе сыворотки имѣли такъ мало успѣха. Могли быть, конечно, отдѣльные случаи, въ которыхъ предохранительныя прививки имѣли успѣхъ, но въ общемъ распространеніе болѣзни этимъ нисколько не задерживалось.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ холерой. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, она можетъ непосредственно передаваться отъ человѣка къ человѣку, но главнымъ и самымъ опаснымъ источникомъ распространенія является вода, въ силу чего всѣ мѣры для борьбы съ холерою должны быть направлены, прежде

всего, на воду. Въ Германіи, гдѣ слѣдовали этому принципу, удалось въ теченіе четырехъ лѣтъ подъ рядъ, не прибѣгая ни къ какимъ карантинамъ, не ставя никакихъ препятствій для сношеній, задержать развитіе эпидеміи, которая заносилась изъ пораженныхъ холерою сосѣднихъ государствъ.

Въ извѣстномъ отношеніи для насъ поучительна также борьба съ собачьимъ бѣшенствомъ. Такъ называемыя предохранительныя прививки при собачьемъ бѣшенствѣ являются, дѣйствительно, прекраснымъ средствомъ для задержки развитія болѣзни зараженнаго уже человѣка; но предохранить отъ самой инфекціи такая мѣра, конечно, не можетъ. Борьба съ этой эпидеміей можетъ вестись только при помощи обязательнаго введенія для собакъ намордниковъ. И въ этомъ отношеніи предпринятыя въ Германіи мѣры принесли уже большую пользу, хотя пришлось убѣдиться, что совершенное истребленіе эпидеміи можетъ быть достигнуто только путемъ международнаго соглашенія, такъ какъ собачье бѣшенство, которое можно легко и быстро искоренить въ данной области, снова заносится изъ сосѣднихъ государствъ.

Я остановлюсь на проказѣ очень близкой по своей этіологіи къ чахоткѣ. Она вызывается паразитомъ, который похожъ на туберкулезную бациллу. Какъ и чахотка такъ и проказа обнаруживается лишь послѣ того, какъ прошло много времени послѣ зараженія; но, кромѣ того, она протекаетъ еще медленнѣе, чѣмъ чахотка. Зараженіе передается отъ человѣка къ человѣку, но только тогда, когда больной и здоровый приходятъ въ тѣсное общеніе. При этой болѣзни, слѣдовательно, главную роль играетъ непосредственная передача; съ передачей черезъ животныхъ, воду и тому подобное можно совсѣмъ не считаться и мѣропріятія должны быть направлены противъ близкаго общенія между больными и здоровыми. Достигнуть этого можно только при изолированіи больныхъ. Въ средніе вѣка это очень строго выполнялось благодаря многочисленнымъ лепрозоріямъ, вслѣдствіе чего въ то время удалось совершенно искоренить проказу. Въ самое послѣднее время въ Норвегіи стали слѣдовать той же системѣ; при помощи особаго закона, было установлено помѣщеніе прокаженныхъ въ лепрозоріи. Оказалось, что нѣтъ никакой необходимости выполнять этотъ законъ очень строго, такъ какъ достаточно помѣстить въ лепрозоріи самыхъ тяжкихъ больныхъ или даже только часть ихъ, чтобы вызвать уже уменьшеніе проказы. Необходимо только заключать въ лепрозоріи такое число прокаженныхъ, чтобы количество вновь заразившихся уменьшалось изъ года въ годъ.

Я думаю, что этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы показать, какъ необходимо при борьбѣ съ эпидеміями бороться со зломъ въ его корнѣ, а не тратить силъ на побочныя, мало дѣйствительныя мѣропріятія.

Теперь можно задать вопросъ, поражаютъ ли въ корнѣ чахотку мѣры, предпринятыя или рекомендованныя противъ нея, и можно ли въ недалекомъ будущемъ ожидать исчезновенія съ лица земли этой страшной болѣзни. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны, прежде всего, разобраться въ томъ, какъ происходитъ зараженіе чахоткою.

Само собою разумѣется, что подъ туберкулёзомъ я понимаю такое болѣзненное состояніе, которое вызывается туберкулёзною бациллою.

Въ большинствѣ случаевъ заболѣванія туберкулезомъ болѣзнь гнѣздится въ легкомъ или, по крайней мѣрѣ, здѣсь получаетъ свое начало. Вслѣдствіе этого, вполнѣ справедливо сдѣлали заключеніе, что зародышъ болѣзни, т.-е. туберкулёзная бацилла проникаетъ въ легкія при дыханіи. Точно также прекрасно знаютъ, что въ воздухъ бациллы эти попадаютъ изъ мокроты чахоточныхъ. Мокрота чахоточныхъ, въ особенности въ болѣе позднемъ періодѣ, почти всегда содержитъ туберкулезныя бациллы, иногда въ невѣроятномъ количествѣ. При кашлѣ, даже при разговорѣ мокрота выбрасывается въ воздухъ въ формѣ капель, слѣдовательно въ влажномъ состояніи, и можетъ прямо заразить людей,

которые находятся по близости кашляющаго чахоточнаго. Помимо того, мокрота въ сухомъ состояніи, напримѣръ, на вещахъ или на полу растирается въ порошокъ и попадаетъ въ воздухъ въ формѣ пыли.

Такимъ же путемъ туберкулезныя бациллы могутъ попасть въ другіе органы тѣла и вызвать иныя формы чахотки. Но это бываетъ гораздо рѣже. Слѣдовательно, въ мокротѣ чахоточныхъ мы имѣемъ главный источникъ зараженія туберкулёзомъ. Въ этомъ всѣ согласны. Но возникаетъ вопросъ, не существуютъ ли помимо этого еще другіе источники, съ которыми при борьбѣ съ чахоткою придется считаться.

Въ прежнее время въ этомъ отношеніи придавали большое значеніе наслѣдственности чахотки. Но съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ, убѣдились въ томъ, что хотя наслѣдственный туберкулёзъ и существуетъ, но встрѣчается крайне рѣдко, мы можемъ оставить безъ вниманія этотъ способъ происхожденія туберкулёза при выработкѣ практическихъ мѣръ для борьбы съ нимъ.

Но, какъ большинство думаетъ, существуетъ еще другая возможность передачи заразнаго начала, отъ туберкулезныхъ животныхъ человѣку. Въ настоящее время всѣ считаютъ этотъ источникъ заразы доказаннымъ и думаютъ, что онъ такъ часто встрѣчается, что долженъ считаться однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ передачи туберкулёза. И на нашемъ конгрессѣ будетъ удѣлено большое вниманіе обсужденію вопроса объ опасности, представляемой человѣку туберкулёзомъ животныхъ

Я въ моихъ изслѣдованіяхъ пришелъ къ заключеніямъ, которыя отличаются отъ общепринятыхъ и потому остановлюсь на этомъ вопросѣ подробнѣе.

Почти у всѣхъ домашнихъ животныхъ былъ найденъ туберкулёзъ; чаще же всего онъ встрѣчался у птицъ и у коровъ. Но туберкулёзъ у птицъ настолько отличается отъ человѣческаго, что мы его можемъ совершенно оставить въ сторонѣ, какъ неимѣющій никакого отношенія къ вопросу о передачѣ заразы человѣку. Остается только туберкулёзъ рогатаго скота. Если онъ, дѣйствительно, переносится на человѣка, то при употребленіи молока и мяса больныхъ животныхъ онъ очень часто долженъ давать поводъ къ зараженію.

Уже въ первомъ моемъ подробномъ сообщеніи объ этіологіи туберкулёза я очень осторожно выразился о тожественности туберкулёза людей и рогатаго скота. Тогда у меня не было достаточно вѣскихъ доводовъ, чтобы считать обѣ формы заболѣванія различными, но точно также и не было вѣрныхъ доказательствъ въ пользу полной идентичности ихъ, а потому мнѣ пришлось оставить открытымъ рѣшеніе этого вопроса. Впослѣдствіи, чтобы придти къ какому-нибудь заключенію, я много разъ принимался за изслѣдованія, но такъ какъ объектомъ для опытовъ мнѣ служили такія маленькія животныя, какъ кролики и морскія свинки, я не могъ придти къ удовлетворительнымъ результатамъ, хотя и были указанія на то, что, вѣроятно, обѣ формы туберкулёза различны. Но когда благодаря любезности министерства земледѣлія я получилъ возможность производить опыты надъ рогатымъ скотомъ, который одинъ только является подходящимъ объектомъ для подобныхъ изслѣдованій, я пришелъ къ вполнѣ яснымъ результатамъ. Я приведу здѣсь вкратцѣ только нѣкоторые наиболѣе важные опыты, которые производились мною вмѣстѣ съ профессоромъ Берлинскаго ветеринарнаго института *Шютцомъ* въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Телята, въ совершенномъ отсутствіи у которыхъ туберкулёза мы убѣдились посредствомъ впрыскиванія туберкулина, получили различнымъ способомъ—одни туберкулёзныя бациллы, взятыя отъ туберкулёзныхъ людей, другіе прямо мокроту чахоточныхъ, содержащую бациллы. Многимъ животнымъ были впрыснуты туберкулёзныя бациллы или же мокрота подъ кожу, другимъ прямо въ брюшную полость, третьимъ въ большія шейныя вены.

Шесть животныхъ впродолженіи 7—8 мѣсяцевъ почти ежедневно получали кормъ вмѣстѣ съ содержащей бациллы мокротою; четыремъ животнымъ давали нѣсколько разъ вдыхать распыленную воду, содержавшую громадное количество бациллъ. Весь скотъ, въ общемъ 19 штукъ, не обнаружилъ никакихъ болѣзненныхъ явленій, онъ увеличился даже въ вѣсѣ. Шесть-восемь мѣсяцевъ послѣ начала опытовъ животныя были заколоты. Въ ихъ внутреннихъ органахъ не оказалось никакого слѣда туберкулёза. Только въ мѣстахъ впрыскиваній образовались маленькія гнойныя гнѣзда, въ которыхъ можно было найти нѣсколько туберкулёзныхъ бациллъ. То же самое мы находили при впрыскиваніи воспріимчивымъ животнымъ подъ кожу мертвыхъ туберкулезныхъ бациллъ. Слѣдовательно, и наши животныя отнеслись къ живымъ туберкулёзнымъ бацилламъ человѣка точно такъ же, какъ если бы имъ были впрыснуты мертвыя бациллы. Они оказались совершенно не воспріимчивыми къ туберкулёзу.

Когда же затѣмъ подобный опытъ былъ произведенъ надъ здоровыми коровами, которымъ были впрыснуты туберкулёзныя бациллы изъ легкаго погибшей отъ жемчужной болѣзни коровы, то результаты были совершенно иные. Всѣ безъ исключенія зараженныя животныя заболѣли послѣ инкубаціоннаго періода почти въ одну недѣлю тяжелыми туберкулёзными измѣненіями внутреннихъ органовъ. При этомъ оказалось совершенно безразличнымъ, впрыскивали ли имъ заразное вещество въ кожу или въ брюшную полость, или въ органы кровообращенія. Температура высоко подымалась, животныя слабѣли, худѣли и умирали черезъ $1^1/_2$—2 мѣсяца, или же были заколоты въ крайне тяжеломъ болѣзненномъ состояніи. При вскрытіи можно было найти большія туберкулёзные очаги въ мѣстѣ впрыскиванія, въ ближайшихъ лимфатическихъ железахъ и очень сильныя туберкулёзныя измѣненія внутреннихъ органовъ, въ особенности легкихъ и селезенки. При впрыскиваніи въ брюшную полость, на сальникѣ и брюшинѣ получились типичныя для жемчужной болѣзни туберкулезныя образованія.

Слѣдовательно, коровы оказались въ такой же степени воспріимчивыми къ бациллѣ туберкулёза рогатаго скота, въ какой невоспріимчивыми къ бациллѣ человѣческаго туберкулёза.

Столь же рѣдкое различіе между туберкулёзомъ человѣка и скота констатировано при помощи опытовъ надъ свиньями.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ежедневно шесть поросятъ получали вмѣстѣ съ кормомъ мокроту туберкулёзныхъ, содержащую бациллы. Шесть другихъ поросятъ получали столько же времени въ кормѣ бациллы жемчужной болѣзни. Въ то время, какъ первые остались совершенно здоровыми и продолжали дальше прекрасно рости, вторые, получавшіе легкое животнаго, погибшаго отъ жемчужной болѣзни, сейчасъ же заболѣли, остановились въ своемъ ростѣ, и половина изъ нихъ погибла.

Черезъ $3^1/_2$ мѣсяца были заколоты всѣ свиньи, оставшіяся живыми, и было произведено ихъ изслѣдованіе. У животныхъ, которыхъ кормили мокротою чахоточныхъ, не оказалось и слѣда туберкулёза, за исключеніемъ отдѣльныхъ маленькихъ узелковъ въ шейныхъ лимфатическихъ железкахъ, а въ одномъ случаѣ нашлось нѣсколько сѣренькихъ узелковъ въ легкомъ. Напротивъ, у животныхъ, пожиравшихъ бациллы жемчужной болѣзни, были обнаружены у всѣхъ безъ исключенія тяжелыя туберкулёзныя измѣненія, въ особенности въ сильно увеличенныхъ лимфатическихъ железахъ и железахъ сальника; помимо того, у всѣхъ былъ найденъ обширный туберкулёзъ легкихъ и селезенки.

Столь же рѣзко выступало различіе между туберкулезомъ людей и рогатаго скота у ословъ, овецъ и козъ при впрыскиваніи этихъ двухъ видовъ туберкулёзныхъ бациллъ.

Если познакомиться со старой литературой и прочитать отчеты о много-

численныхъ опытахъ, произведенныхъ раньше съ кормленіемъ телятъ, свиней и козъ *Шово, Гюнтеромъ и Гармсомъ, Боллингеромъ, Дамматомъ* и другими, то оказывается, что животныя, которыхъ кормили молокомъ и кусками легкаго коровъ, страдавшими жемчужной болѣзнью, постоянно заболѣвали, тогда какъ тѣ, которыхъ кормили человѣческимъ матеріаломъ, не получали туберкулёза. Въ самое послѣднее время *Смитъ, Динвидди* и *Реппъ* произвели въ Сѣверной Америкѣ сравнительные опыты надъ туберкулёзомъ людей и рогатаго скота и при этомъ пришли къ результатамъ, тожественнымъ съ нашими. Если наши опыты дали столь единодушные и убѣдительные результаты, то это потому, что мы остановились на такихъ видахъ инфекціи, которые исключаютъ всякій источникъ ошибокъ обратили серьезное вниманіе на помѣщеніе, кормъ и уходъ за животными и избѣгали всего, что могло бы нарушить ходъ опыта.

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, я въ правѣ утверждать, что туберкулёзъ людей отличается отъ туберкулёза скота и что онъ не можетъ переходить отъ людей на скотъ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы и въ другихъ мѣстахъ были повторены подобные опыты, которые устранили бы всякое сомнѣніе въ справедливости моего утвержденія.

Германское правительство, сознавая всю важность затронутаго мною вопроса, постановило назначить коммиссію, на которую возлагается дальнѣйшая разработка вопроса.

Но воспріимчивъ ли человѣкъ къ туберкулёзу скота?

Вопросъ этотъ для насъ гораздо важнѣе, чѣмъ вопросъ о воспріимчивости коровъ къ туберкулёзу людей. Дать прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможно, такъ какъ, само собою разумѣется, экспериментальное изслѣдованіе на людяхъ невозможно. Но мы можемъ сдѣлать попытку приблизиться къ его разрѣшенію косвеннымъ путемъ. Какъ извѣстно, молоко и масло, потребляемыя въ большихъ городахъ, содержатъ очень часто въ довольно большомъ количествѣ живыхъ бациллъ жемчужной болѣзни. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ многочисленными опытами, произведенными надъ животными, которымъ давались эти продукты молочнаго хозяйства. Большинство жителей большихъ городовъ поглощаютъ ежедневно живыхъ и сохранившихъ вполнѣ свою заразительность бациллъ жемчужной болѣзни и, не замѣчая того, производятъ надъ собою опытъ, котораго мы не имѣемъ права поставить. Если бациллы жемчужной болѣзни заразительны для человѣка, то среди народонаселенія большихъ городовъ, въ особенности среди дѣтей, должно быть очень много случаевъ туберкулёза, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ пищевымъ продуктамъ, содержащимъ туберкулезныя бациллы жемчужной болѣзни. И дѣйствительно большинство врачей того мнѣнія, что дѣло такъ и обстоитъ.

А, между тѣмъ, факты говорятъ иное.

Мы можемъ съ увѣренностью признать, что туберкулезъ вызванъ пищевыми продуктами только въ томъ случаѣ, если находимъ такъ называемый *первичный* туберкулёзъ кишечника. Поскольку я могу припомнить, я имѣлъ среди массы вскрытій туберкулёзныхъ только два случая первичнаго туберкулёза кишечника. Среди огромнаго матеріала берлинской больницы Charité за пять лѣтъ первичный кишечный туберкулезъ былъ найденъ при вскрытіяхъ только 10 разъ. Въ дѣтской больницѣ имени императора и императрицы, Фридрихъ Багинскій не нашелъ среди 933 случаевъ ни одного случая туберкулеза кишекъ у дѣтей безъ одновременнаго пораженія легкихъ и бронхіальныхъ железъ. Бидертъ имѣлъ среди 3.104 вскрытій туберкулёзныхъ дѣтей только 16 случаевъ первичнаго туберкулёза кишечника. Я могъ бы привести изъ литературы еще кучу подобныхъ цифръ, изъ которыхъ безспорно вытекаетъ, что первичный туберкулёзъ кишечника, въ особенности у дѣтей, принадлежитъ къ числу рѣдкихъ заболѣ-

ваній. Да и въ тѣхъ немногихъ исключительныхъ случаяхъ, которыя я пересчиталъ, нельзя съ увѣренностью сказать, что зараженіе туберкулезомъ перешло отъ коровъ. Также легко зараженіе могло произойти здѣсь и отъ туберкулёзныхъ бациллъ человѣка, такъ какъ эти очень распространенныя бациллы могли какимъ-нибудь образомъ, хотя бы при проглатываніи слюны, попасть въ кишечникъ и вызвать тамъ туберкулезъ. До сихъ поръ никто не былъ въ состояніи съ увѣренностью сказать, происходитъ ли найденный туберкулёзъ кишечника отъ человѣка или отъ животнаго. Теперь же мы въ состояніи поставить діагнозъ. Для этого необходимо только посѣять туберкулёзныя бациллы въ чистой культурѣ, а затѣмъ привить ихъ къ коровамъ и рѣшить, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ туберкулёзомъ коровъ. Я рекомендую для этой цѣли подкожное впрыскиваніе, которое даетъ особенно характерные и убѣдительные результаты. Уже полгода я занимаюсь подобными изслѣдованіями, но въ виду рѣдкости заболѣванія я имѣлъ возможность изслѣдовать пока весьма мало случаевъ. Результаты, къ которымъ я пришелъ, не говорятъ въ пользу существованія жемчужной болѣзни у человѣка.

Хотя важный вопросъ, воспріимчивъ ли вообще человѣкъ къ жемчужной болѣзни, еще не вполнѣ рѣшенъ и не можетъ быть такъ быстро рѣшенъ, все же въ данное время можно сказать, что даже при существованіи таковой воспріимчивости, передача этой заразы человѣку происходитъ очень рѣдко. Количество случаевъ, когда инфекція передавалась черезъ молоко, мясо и мясо больныхъ жемчужною болѣзнью животныхъ, врядъ ли, по моему разсчету, больше, чѣмъ при передачѣ тукеркулёза по наслѣдству. Въ силу этого я и считаю излишнимъ принимать какія бы то ни было мѣры для борьбы съ этимъ источникомъ заразы.

Такимъ образомъ остается одинъ только главный источникъ зараженія туберкулёзомъ—мокрота чахоточныхъ, а потому и всѣ мѣры для борьбы съ туберкулёзомъ должны быть направлены къ предохраненію отъ опасностей, связанныхъ съ ея распространеніемъ. Что необходимо предпринять для этого? Къ разрѣшенію этого вопроса можно пойти различными путями. Прежде всего, конечно, можно было бы водворить всѣхъ страдающихъ туберкулёзомъ легкихъ, въ мокротѣ которыхъ встрѣчаются туберкулезныя бациллы, въ подходящія больницы. Но эта мѣра не только не выполнима, но и излишня, ибо туберкулезный, выдѣляющій мокроту съ туберкулезными бациллами, не является въ силу одного этого заразительнымъ, пока онъ заботится о правильномъ удаленіи своей мокроты и объ обезвреживаніи ея. Это вполнѣ примѣнимо къ очень многимъ, въ особенности къ больнымъ, находящимся въ первой стадіи заболѣванія, а также къ больнымъ изъ зажиточнаго класса, такъ какъ они могутъ пользоваться необходимымъ уходомъ. Какъ же обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло у бѣдняковъ? Каждый врачъ, посѣщавшій часто квартиры бѣдныхъ—и я могу говорить объ этомъ на основаніи своего опыта, знаетъ, каковъ печальный удѣлъ чахоточныхъ и ихъ семействъ. Вся семья ютится въ одной или въ двухъ тѣсныхъ, плохо вентилируемыхъ комнатахъ. Чахоточный остается безъ ухода, такъ какъ всѣ рабочіе члены семьи должны уходить на работу. Развѣ можно при подобныхъ условіяхъ заботиться о необходимой чистотѣ? Какъ можетъ подобный безпомощный больной заботиться объ удаленіи своей мокроты, чтобы она не причесла вреда окружающимъ? Но пойдемъ дальше и представимъ себѣ, какой видъ принимаетъ квартира бѣдняка-чахоточнаго ночью. Тутъ, въ тѣсномъ помѣщеніи, спитъ вплотную другъ около друга вся семья. Во время кашля чахоточный, какъ бы онъ ни былъ остороженъ, выбрасываетъ изъ своего легкаго источникъ заразы, а находящіеся по близости его члены семьи вдыхаютъ этотъ ядъ. Такимъ путемъ заражается вся семья. Удѣлъ ея—смерть. Подобныя семьи возбуждаютъ у тѣхъ, которые еще не знаютъ заразительности

туберкулёза, мысль о наслѣдственности чахотки, тогда какъ здѣсь происходитъ самый элементарный процессъ зараженія, который не бросается въ глаза только потому, что послѣдствія зараженія проявляются не сейчасъ же, но обыкновенно лишь черезъ многіе годы.

Часто при подобныхъ условіяхъ заражаются не только члены отдѣльной семьи, но въ густо населенныхъ домахъ сосѣднія семьи и происходятъ тогда, какъ показали великолѣпныя изслѣдованія Бигга густо населенныхъ частей Нью-Іорка, формальныя гнѣзда или очаги болѣзни. Если болѣе тщательно изслѣдовать условія передачи заразы, то окажется, что не бѣдность сама по себѣ благопріятствуетъ туберкулёзу, но преимущественно плохія квартирныя условія, въ которыхъ находятся повсюду, а въ особенности въ большихъ городахъ малозажиточные люди.

И въ Германіи, какъ показала статистика, туберкулёзъ среди бѣдныхъ не встрѣчается такъ часто въ томъ случаѣ, если они не живутъ тѣсно; да и среди зажиточнаго народонаселенія онъ можетъ быть очень сильно распространенъ, когда плохи квартирныя условія, въ особенности спальныя помѣщенія.

Итакъ, переполненныя квартиры бѣдныхъ являются очагами туберкулёза здѣсь беретъ свое начало болѣзнь, и если мы желаемъ убить зло въ корнѣ и вести борьбу съ туберкулезомъ при помощи дѣйствительнаго средства, мы должны, прежде всего, подумать объ устраненіи этихъ условій.

Въ этомъ отношеніи весьма отрадно замѣтное почти во всѣхъ странахъ стремленіе къ улучшенію квартиръ бѣдняковъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что стремленія эти, которымъ необходимо всячески содѣйствовать, приведутъ къ значительному уменьшенію туберкулёза. Но не мало времени пройдетъ, прежде чѣмъ въ этой области произойдутъ значительныя измѣненія, но и до того времени все же можно сдѣлать не мало.

Если мы пока не въ состояніи устранить опасность, съ которою связаны переполненныя квартиры, то ничего другого не остается, какъ удалить изъ нихъ больныхъ и помѣстить ихъ въ больницу. При этомъ я не имѣю вовсе въ виду создавать для больныхъ какія-нибудь принудительныя мѣры, я желалъ бы только болѣе цѣлесообразной организаціи ухода за больными, чѣмъ то мы видимъ въ настоящее время. Теперь мы считаемъ неизлѣчимыми чахоточныхъ въ болѣе поздней стадіи ихъ болѣзни и признаемъ ихъ мало подходящимъ объектомъ для больницъ. Поэтому ихъ очень неохотно принимаютъ въ больницы и, лишь только представляетъ возможность, снова выпускаютъ оттуда. Да и самъ больной, не видя успѣха въ лѣченіи, выражаетъ желаніе оставить больницу, тѣмъ болѣе, что его тяготятъ, вслѣдствіе продолжительности его болѣзни, издержки по содержанію. Но дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ, если мы создадимъ спеціальные госпитали для чахоточныхъ и будемъ въ нихъ содержать больныхъ безплатно или за умѣренную плату. Въ подобныя учрежденія больные будутъ идти охотно, въ нихъ будутъ ихъ гораздо лучше лѣчить, тамъ они будутъ пользоваться гораздо лучшимъ уходомъ, чѣмъ въ теперешнихъ больницахъ. Я прекрасно сознаю, что выполненіе этого предложенія сопряжено съ большими трудностями вслѣдствіе огромныхъ издержекъ, но большимъ шагомъ впередъ было бы уже основаніе при существующихъ больницахъ, въ которыхъ въ настоящее время находится большое число чахоточныхъ, особыхъ отдѣленій для туберкулезныхъ, гдѣ можно было бы ихъ держать за пониженную плату. Если такимъ образомъ удастся помѣстить значительную часть чахоточныхъ, то результатомъ этого должно явиться уменьшеніе зараженія и вмѣстѣ съ нимъ и туберкулёза. Я напомню то, что говорилъ уже о проказѣ. При этой болѣзни также получился прекрасный результатъ отъ помѣщенія въ больницы одной только части больныхъ. Единственной страной, въ которой встрѣчается большое число спеціальныхъ больницъ для туберкулёзныхъ, является

Англія и нѣтъ никакого сомнѣнія, что благодаря этому въ Англіи наблюдается болѣе значительное уменьшеніе случаевъ заболѣванія чахоткою, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Основаніе спеціальныхъ больницъ для чахоточныхъ и лучшая утилизація уже существующихъ больницъ для помѣщенія туберкулёзныхъ являются, по моему мнѣнію, самою важною мѣрою для борьбы съ туберкулёзомъ. Тутъ открывается обширное поле для дѣятельности государства, общинъ и частныхъ лицъ Существуетъ немало людей, обладающихъ большими богатствами, которые готовы отъ своихъ излишковъ удѣлить часть на благо бѣдныхъ и обиженныхъ судьбою братьевъ, но они не знаютъ, какъ наиболѣе цѣлесообразно имъ это сдѣлать. Тутъ представляется имъ возможность сотворить истинное и благое дѣло, основавъ больницы для чахоточныхъ или безплатныя кровати для нихъ въ особыхъ отдѣленіяхъ другихъ больницъ.

Но мы, вѣроятно, долго будемъ ожидать поддержки государства, общинъ и богатыхъ благотворителей, а потому пока необходимо обратиться къ другимъ мѣрамъ, которыя подготовили бы путь упомянутымъ уже главнымъ мѣропріятіямъ, служили бы ихъ дополненіемъ и временно замѣняли бы ихъ.

Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, большое значеніе имѣетъ обязательное увѣдомленіе о каждомъ случаѣ туберкулёза. Мѣра эта оказалась незамѣнимой при всѣхъ заразительныхъ болѣзняхъ; благодаря ей мы имѣемъ точныя свѣдѣнія о состояніи болѣзни, ея распространеніи, ея ростѣ и ея прекращеніи.

Точно также въ борьбѣ съ туберкулёзомъ мы не можемъ отказаться отъ обязательности увѣдомленій; мы нуждаемся въ этой мѣрѣ не только для сужденія о распространеніи болѣзни, но, главнымъ образомъ, для того, чтобы знать гдѣ нуждаются въ нашей помощи и въ нашихъ совѣтахъ, а также для того, чтобы въ случаѣ смерти или перемѣны квартиры туберкулёзными предпринять столь необходимую дезинфекцію. Къ счастью, вовсе нѣтъ нужды извѣщать о всѣхъ заболѣвшихъ туберкулёзомъ и обязывать всѣхъ туберкулёзныхъ заявлять о своей болѣзни, должны быть только зарегистрированы всѣ тѣ, которые вслѣдствіе своихъ квартирныхъ условій представляютъ опасность для окружающихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло въ Норвегіи, гдѣ изданъ особый законъ, въ Саксоніи, гдѣ существуетъ по этому поводу министерское распоряженіе, въ Нью-Іоркѣ и во многихъ другихъ американскихъ городахъ, послѣдовавшихъ его примѣру. Мѣры эти имѣвшія вначалѣ въ Нью-Іоркѣ необязательный характеръ и только впослѣдствіи сдѣлавшіяся принудительными, прекрасно тамъ привились.

Въ тѣсной связи съ обязательностью извѣщенія находится дезинфекція, которая, какъ уже было упомянуто, должна производиться при перемѣнѣ квартиры и послѣ смерти чахоточныхъ, чтобы защитить отъ зараженія новыхъ жильцовъ. Весьма цѣлесообразной мѣрой была бы дезинфекція зараженныхъ кроватей и одежды чахоточныхъ.

Дальнѣйшей мѣрой, все значеніе которой уже всѣми признается, является распространеніе среди самыхъ широкихъ слоевъ народа свѣдѣній объ опасности, представляемой зараженіемъ туберкулёзомъ, и о лучшемъ способѣ предохраненія себя отъ заразы. Если въ послѣднее время почти во всѣхъ культурныхъ странахъ замѣтно значительное уменьшеніе туберкулёза, то причина этого лежитъ только въ томъ, что свѣдѣнія объ опасности зараженія туберкулёзомъ проникаютъ все въ болѣе широкіе слои народонаселенія и вслѣдствіе этого мѣры предосторожности по отношенію къ чахоточнымъ входятъ во всеобщее употребленіе. Желательно только, чтобы подобныя свѣдѣнія сообщались въ болѣе короткой и ясной формѣ, чѣмъ это дѣлается нынѣ, и чтобы особенное вниманіе обращалось на выясненіе наибольшой опасности зараженія, представляемой совмѣстнымъ пользованіемъ съ туберкулёзными спальными помѣ-

щеніями и плохо вентилируемыми рабочими мастерскими. Само собою, разумѣется, что при этомъ должны сообщаться свѣдѣнія о томъ, какъ держаться чахоточнымъ во время кашля и какъ обращаться имъ съ мокротою.

Совершенно иной характеръ носятъ мѣропріятія, выдвинутыя въ послѣднее время на первый планъ и въ данную минуту играющія главную роль во всѣхъ попыткахъ борьбы съ туберкулезомъ. Я говорю о стремленіи устраивать санаторіи.

Что чахотка въ ранней стадіи излѣчима, слѣдуетъ считать безспорнымъ фактомъ. Поэтому вполнѣ естественна мысль при помощи излѣченія возможно большаго числа чахоточныхъ уменьшить число заразительныхъ больныхъ и вмѣстѣ съ этимъ уменьшить количество вновь заражающихся. Возникаетъ только вопросъ, на столько ли велико число лицъ, выздоровѣвшихъ въ санаторіяхъ, чтобы это могло повліять на уменьшеніе чахотки вообще. Я сдѣлаю попытку, на основаніи имѣющихся у меня цифръ, отвѣтить на этотъ вопросъ.

По отчету центральнаго комитета нѣмецкаго общества по устройству санаторій для туберкулезныхъ, общество это къ концу 1901 года будетъ располагать приблизительно 5.500 кроватями; если допустить, что каждый принятый больной будетъ находиться въ санаторіи приблизительно три мѣсяца, то въ теченіе года перебудетъ въ санаторіяхъ по меньшей мѣрѣ 20.000 больныхъ. Далѣе, изъ имѣющихся до сихъ поръ отчетовъ о полученныхъ санаторіями результатовъ видно, что изъ больныхъ, въ мокротѣ которыхъ были туберкулёзныя бациллы, послѣ лѣченія ихъ не находятъ у 20%. Если мы положимъ въ основу нашихъ вычисленій эту цифру, то ежегодно около 4.000 человѣкъ покидаютъ санаторію здоровыми. По вычисленіямъ имперскаго санитарнаго бюро, въ Германіи имѣется въ возрастѣ старше 15 лѣтъ 226.000 человѣкъ, которые настолько больны туберкулезомъ, что нуждаются въ больничномъ лѣченіи. Столь большое число чахоточныхъ по сравненію съ цифрою, приведенною выше, показываетъ, что отъ санаторій нельзя ожидать значительнаго вліянія на уменьшеніе чахотки вообще. Дѣлая эти вычисленія, я не имѣю вовсе въ виду выступить противъ санаторій. Я хочу только предостеречь отъ чрезмѣрной оцѣнки ихъ, сильно замѣтной въ послѣднее время и исходящей изъ той точки зрѣнія, что одними только санаторіями можно вести борьбу съ туберкулёзомъ и что остальныя мѣры являются излишними. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Чего можно достигнуть однѣми только общими предупредительными мѣрами, которыя вытекаютъ изъ знанія опасности зараженія и вызванной этимъ большей осторожности въ обращеніи съ чахоточными, показываютъ данныя Корне (Cornet) объ уменьшеніи смертности отъ туберкулеза въ Пруссіи за годы 1889 по 1897 г. Въ то время, какъ смертность до 1889 г. въ среднемъ равнялась 31,4%, въ означенный промежутокъ она понизилась до 21,8%. Въ Нью-Іоркѣ съ 1886 года благодаря вліянію общихъ санитарныхъ мѣръ, организованныхъ образцово Биггомъ, смертность отъ туберкулёза уменьшилась больше чѣмъ на 35%. И при томъ какъ въ Пруссіи, такъ и въ Нью Іоркѣ мы имѣли только дѣло лишь съ первыми шагами въ области мѣропріятій; съ дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ можно разсчитывать на болѣе значительные успѣхи.

Я не сомнѣваюсь, что удастся значительно улучшить дѣятельность санаторій. Если будутъ строго держаться того правила, чтобы въ санаторіи принимать только тѣхъ больныхъ, которые подлежатъ санаторному лѣченію, и въ то же время продлить срокъ пребыванія въ нихъ, тогда безспорно эффектъ лѣченія можно будетъ повысить до 50% и, пожалуй, еще выше. Но даже и въ этомъ случаѣ и при увеличеніи количества санаторій общій результатъ будетъ все еще только умѣреннымъ. Санаторіи никогда не сдѣлаютъ излишними другія, перечисленныя мною мѣры.

Если въ заключеніе бросимъ еще разъ взоръ на то, что сдѣлано по сію пору для борьбы съ туберкулезомъ и на то, что будетъ еще сдѣлано, то мы можемъ съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ констатировать, что сдѣланы уже много обѣщающіе первые шаги. Я причисляю къ нимъ госпитали для чахоточныхъ въ Англіи, правительственныя распоряженія въ Норвегіи и въ Саксоніи, созданную Биггомъ организацію въ Нью-Іоркѣ, изученіе и подражаніе которой я очень усердно рекомендую всѣмъ городскимъ санитарнымъ учрежденіямъ, далѣе санаторіи и просвѣтительную дѣятельность.

Только необходимо развивать эти первыя попытки, изслѣдовать вліяніе ихъ на уменьшеніе туберкулеза, улучшать ихъ, а тамъ, гдѣ еще ничего не создано, приступать къ борьбѣ съ туберкулезомъ испытанными уже путями.

Если мы въ этой борьбѣ, закончилъ Кохъ свою рѣчь, будемъ постоянно руководствоваться соображеніями истинной профилактики, если мы будемъ привлекать къ совѣту опытъ, пріобрѣтенный въ борьбѣ съ другими эпидеміями, и цѣлесообразно направлять наши усилія на то, чтобы бороться со зломъ въ корнѣ, тогда начатая съ большою энергіею борьба съ туберкулезомъ окончится нашей побѣдой».

Общія положенія Коха были встрѣчены конгрессомъ сочувственно, но утвержденіе знаменитаго нѣмецкаго бактеріолога о незаразительности для человѣка жемчужной болѣзни настолько противорѣчитъ общепризнаннымъ воззрѣніямъ, что, конечно, вызвало возраженія многихъ выдающихся ученыхъ. Прежде всего поднялся маститый англійскій профессоръ *Листеръ*. Онъ указалъ, что если утвержденіе Коха вѣрно, то, значитъ, можно употреблять въ пищу и молоко и мясо коровъ, пораженныхъ жемчужною болѣзнью, но Листеръ не соглашается съ столь опаснымъ практическимъ выводомъ, онъ сильно сомнѣвается и въ томъ, что первичный туберкулёзъ желудка у человѣка—явленіе столь рѣдкое, какъ указываетъ Кохъ, и въ томъ, что рогатый скотъ невоспріимчивъ къ человѣческому туберкулезу. Сколько времени не удавалось,—говоритъ онъ,—привить человѣческую оспу телятамъ и все же, въ концѣ концовъ, пришлось оставить теорію о различныхъ видахъ оспы у скота и у человѣка и признать, что видъ болѣзнетворнаго микроба въ данномъ случаѣ одинъ и тотъ же. Докторъ *Нокаръ* также замѣтилъ, что если Коху не удались прививки человѣческаго туберкулёза рогатому скоту, то нельзя считать это уже доказаннымъ фактомъ, такъ какъ въ литературѣ имѣется указаніе на совершенно противорѣчивые факты, сообщаемые напр., *Шово*. Извѣстно, что вообще всѣ микробы съ трудомъ приспособляются къ новой средѣ, будетъ ли то какая-либо искусственная масса или живой организмъ, и съ этимъ надо считаться при прививкѣ микроорганизма, паразитирующаго у одного вида животнаго—другому. Такимъ образомъ далеко нельзя признать установленной опытами Коха невоспріимчивости для рогатаго скота къ Коховскимъ туберкулёзнымъ палочкамъ; что же касается обратнаго—то имѣются факты, съ несомнѣнностью указывающіе на заразительность для человѣка «жемчужной болѣзни». Такіе факты приводитъ и датскій ученый *Бангъ*, сообщившій нѣсколько примѣровъ зараженія ветеринаровъ при вскрытіи коровъ, больныхъ жемчужной болѣзнью, причемъ, прежде всего, были поражены туберкулезомъ пальцы, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя, по неосторожности, были поранены при вскрытіи. Поэтому Бангъ настаиваетъ на томъ, что нельзя отказываться ни отъ одной изъ тѣхъ мѣръ борьбы, которыя, предприняты противъ зараженія людей туберкулезомъ рогатаго скота. Это предложеніе Банга было принято конгрессомъ.

Вообще же лондонскій конгрессъ выработалъ слѣдующія постановленія: 1) Главнымъ распространителемъ чахотки является человѣческая мокрота, поэтому, прежде всего, необходимо заботиться объ уничтоженіи ея. 2) Признано обязательнымъ въ опредѣленныхъ случаяхъ извѣщать о заболѣваніи туберку-

лезомъ. 3) Желательно учрежденіе санаторій. 4) Всѣ принятыя до сихъ поръ мѣропріятія противъ зараженія жемчужной болѣзнью необходимо сохранить въ полной силѣ. 5) Особая коммиссія должна заняться провѣркой опытовъ Коха. 6) Признано необходимымъ основаніе международнаго комитета для борьбы съ чахоткою. 7) Подтверждено значеніе побочныхъ причинъ, напр., алкоголизма, для развитія бугорчатки. 8) Желательно, чтобы въ борьбѣ съ чахоткой приняли участіе государства, общины, общество и т. д. 9) Для будущаго съѣзда назначена тема: «Личное предрасположеніе къ бугорчаткѣ».

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Гигіена.

*Стерилизація *) молока и «Gouttes de lait».*

Въ послѣднее время въ медицинской печати возникла полемика изъ-за стерилизованнаго молока. Многіе врачи признаютъ не только безполезность, но и вредъ стерилизаціи; по ихъ мнѣнію вслѣдствіе измѣненія при этомъ качества молока оно хуже ассимилируется и способствуетъ развитію англійской болѣзни и болѣзни Барлова **). Совершенно забывая о томъ, какъ часты у грудныхъ дѣтей, въ особенности лѣтомъ, желудочно-кишечныя заболѣванія, вслѣдствіе многочисленныхъ микробовъ, содержащихся въ молокѣ, врачи-противники стерилизаціи думаютъ, что при строгомъ контролѣ надъ молочными фермами, чистотой скота и служащихъ, стерилизація совершенно излишня и молоко можно смѣло пить сырымъ. Съ другой стороны, многіе компетентные ученые многочисленными опытами доказали, что кипяченіе, которое уничтожаетъ тифозныхъ, туберкулезныхъ, дифтеритныхъ бациллъ и многихъ другихъ болѣзнетворныхъ микробовъ, въ изобиліи находящихся въ молокѣ, существенно не измѣняетъ качества его и что кипяченое молоко такъ же легко переваривается, какъ и сырое; всасываніе же его, по мнѣнію Васильева и Ренднпца, немного замедлено, что, впрочемъ, отвергается Гашибовскимъ. Д-ръ *Варьо* въ большой статьѣ помѣщенной въ № 8 (4 Aout) 1901 г. «Revue Scientifique» приводитъ много данныхъ въ защиту питательности стерилизованнаго молока. Ужъ около 10 лѣтъ, говоритъ Варьо, какъ наблюденія врачей надъ грудными дѣтьми, поставленныя вполнѣ научно, доказали полную пригодность и необходимость стерилизаціи молока. Если же въ пріютахъ и ясляхъ, несмотря на стерилизацію, дѣти мало прибавляются въ вѣсѣ и массами гибнутъ отъ желудочно-кишечныхъ и заразительныхъ болѣзней, то въ этомъ играетъ роль масса другихъ причинъ, стерилизація же молока тутъ не при чемъ. Въ пріютахъ и ясляхъ дѣти собраны въ большомъ количествѣ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, плохо провѣтриваемыхъ, гдѣ, слѣдовательно, возможность заболѣванія и зараженія очень велика. При этомъ, въ самыхъ благоустроен-

---

*) *Стерилизаціей* молока называется обеззараживаніе его при помощи продолжительнаго кипяченія.

**) Болѣзнь Барлова многими врачами признается за особый видъ рахита; проявляется она весьма болѣзненнымъ разбуханіемъ костей и кровоизліяніемъ въ надкостницу.

ныхъ пріютахъ, по крайней мѣрѣ во Франціи, на 6 дѣтей имѣется всего одна нянька. Какъ бы она ни была предана своему дѣлу у нея нѣтъ возможности исполнить его, какъ слѣдуетъ. Вѣдь каждые 2 часа нужно дѣтей кормить, по 10 мин. каждаго, приготовить бутылки для молока, стерилизовать рожки и соски, мѣнять бѣлье, купать и выносить гулять и пр. пр. Не надо забывать, что новорожденный поглощаетъ у матери все ея время, чего же можно требовать отъ наемной женщины, воспитывающей чужихъ шестерыхъ дѣтей и вдобавокъ за довольно низкую плату?!

Совершенно иныхъ результатовъ достигаютъ въ такъ называемыхъ «Gouttes de lait», гдѣ также употребляется стерилизованное молоко, но оно дается матери на домъ. Молоко выдается только тѣмъ матерямъ, которыя обязуются приносить ребенка разъ въ недѣлю для медицинскаго осмотра и взвѣшиваній; тогда же онѣ получаютъ совѣты, сколько разъ въ день кормить ребенка, по сколько молока ему можно давать за разъ и пр. и пр. Такихъ учрежденій существуетъ нѣсколько въ Парижѣ, а также и въ другихъ городахъ Франціи. Многіе «Gouttes de lait» въ Парижѣ получаютъ молоко изъ Нормандіи, гдѣ оно стерилизуется въ громадныхъ количествахъ и откуда пересылается въ полулитровыхъ бутылкахъ, герметически закупоренныхъ. Такое молоко имѣетъ громадное преимущество передъ тѣмъ, которое транспортируется въ Парижъ свѣжимъ и здѣсь стерилизуется въ аппаратахъ Soxhlet'а. Если броженіе въ молокѣ уже началось, то кипяченіемъ уже не уничтожить чрезвычайно вредныхъ токсиновъ, растворенныхъ въ немъ. Нерѣдко можно констатировать опасныя желудочно-кишечныя заболѣванія у дѣтей, которыхъ кормили молокомъ поздно стерилизованнымъ. Поэтому аппараты Soxhlet'а весьма полезны въ деревнѣ и въ маленькихъ городкахъ, гдѣ легко можно достать свѣжее молоко хорошаго качества, но едва ли ихъ можно рекомендовать въ большихъ городахъ гдѣ молоко проходитъ черезъ многія руки, раньше, чѣмъ дойдетъ до потребителя. Въ Нормандіи же молоко, посылаемое «Gouttes de lait», стерилизуется при 115° съ помощью пара подъ давленіемъ, при чемъ его подвергаютъ поочередно дѣйствію то низкой, то очень высокой температуры. Такое молоко не портится въ теченіи многихъ дней.

Литръ этого молока стоитъ 60 сант. (22 к.), для бѣдныхъ же въ «Gouttes de lait» оно уступается за 30 сант. (11 к.). Количество дѣтей, которымъ ежедневно раздается молоко въ нѣкоторыхъ парижскихъ «Gouttes de lait», достигаетъ 150 и болѣе. Каждой матери выдается одна, двѣ полулитровыя бутылки стерилизованнаго молока и градуированный рожокъ, гдѣ обозначено количество молока, которое слѣдуетъ давать ребенку, смотря по его возрасту. Кромѣ того, раздаются печатные листки съ правилами кормленія, но они мало читаются, и совѣты, которые даются матери врачомъ непосредственно разъ въ недѣлю, приносятъ несравненно больше пользы. У каждаго ребенка есть свой листъ, куда заносится прибавленіе его въ вѣсѣ въ теченіе недѣли (впродолженіе 10, 15 и даже 20 мѣсяц.), все относящееся къ кормленію, заболѣванію пищеварительныхъ, дыхательныхъ и другихъ органовъ. Въ случаѣ болѣзни ребенка его приносятъ для консультаціи и въ не назначенный для этого день.

Изъ данныхъ, полученныхъ такимъ образомъ въ «Gouttes de lait» (нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ уже болѣе 5-ти лѣтъ), выяснилось, что первые 2 мѣсяца жизни являются самымъ опаснымъ и труднымъ періодомъ для вскармливанія дѣтей коровьимъ молокомъ. Въ это время особенно нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенка не перекармливали; между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ каждая мать старается наполнить рожокъ какъ можно больше, послѣдствіемъ чего является рвота, поносъ и пр. Но всѣ эти явленія проходятъ, какъ только начинаютъ слѣдовать предписаніямъ врача, т. е. кормятъ ребенка

каждые 2 часа и даютъ ему молока въ количествѣ, соотвѣтствующемъ вмѣстимости желудка, которая у новорожденнаго равна 30—54 грам., послѣ же 6—8 недѣль—80—90 гр. Нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы количество молока увеличивать постепенно, чтобы ребенокъ не пилъ бы слишкомъ скоро и чтобы отверстія въ соскѣ не были слишкомъ велики.

Если мать сама можетъ кормить ребенка до 2-хъ, 3-хъ мѣсяцевъ, то искусственное вскармливаніе даетъ прекрасные результаты и дѣти быстро привыкаютъ къ стерилизованному молоку. Но все же между ними встрѣчается извѣстное количество (менѣе 5%), вполнѣ здоровыхъ дѣтей, которые не усваиваютъ стерилизованнаго молока; такихъ дѣтей можно кормить стерилизованнымъ молокомъ мѣсяцъ, 2, 3,—вѣсъ ихъ не увеличится; но какъ только ихъ передаютъ кормилицѣ, въ первую же недѣлю они прибавляются въ вѣсѣ на 300—400 грм., что доказываетъ, что у этихъ дѣтей даже при продолжительномъ употребленіи стерилизованнаго молока пищеварительные органы остались вполнѣ здоровы. Причины такого неусвоенія стерилизованнаго молока пока еще не изслѣдованы.

Смѣшанное выкармливаніе (т.-е. молокомъ матери и стерилизованнымъ коровьимъ), употребляемое многими изъ посѣтителей «Gouttes de lait», даетъ прекрасные результаты и въ этихъ случаяхъ стерилизованное молоко рано назначается цѣльнымъ, не разбавленнымъ водой.

Прежде нѣкоторыя дѣти всегда погибали при искусственномъ выкармливаніи; это такъ называемыя «отставшія въ развитіи», благодаря различнымъ болѣзнямъ, главнымъ образомъ продолжительнымъ поносамъ. Стерилизованное же молоко, какъ оно назначается въ «Gouttes de lait», спасаетъ ихъ отъ смерти. Мало-по-малу эти дѣти поправляются, прибавляются въ вѣсѣ и къ концу года имѣютъ вполнѣ удовлетворительный видъ, хотя и отстаютъ въ вѣсѣ отъ нормальныхъ дѣтей на 1—2 килограмма, что восполняется уже къ 2-мъ годамъ. Никакихъ проявленій англійской болѣзни у нихъ не замѣчается. Если, какъ увѣряютъ противники стерилизованнаго молока, эта болѣзнь является постояннымъ слѣдствіемъ употребленія стерилизованнаго молока, то особенно у такихъ дѣтей, «отставшихъ въ развитіи», англійская болѣзнь непремѣнно проявилась бы какимъ бы то ни было измѣненіемъ въ скелетѣ; на дѣлѣ же ничего подобнаго не наблюдается.

Только очень рѣдко среди дѣтей, выкормленныхъ въ «Gouttes de lait» попадаются рахитики. Появленіе у нихъ англійской болѣзни объясняется перекармливаніемъ,—они поглощали до году болѣе $1^1/_2$ литра молока въ день. Впрочемъ, какъ извѣстно, англійская болѣзнь встрѣчается и у дѣтей, выкормленныхъ матерью.

Что же касается болѣзни Barlowa, которую тоже приписывали дѣйствію стерилизованнаго молока, то во Франціи она встрѣчается чрезвычайно рѣдко и довольно часто въ Англіи и Америкѣ, т.-е. какъ разъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ особенно распространено употребленіе не чистаго стерилизованнаго коровьяго молока, а различныхъ суррогатовъ его.

Смертность дѣтей, выкармливаемыхъ стерилизованнымъ молокомъ изъ «Gouttes de lait» не превышаетъ 25% (причемъ отъ поноса умираетъ весьма незначительное число дѣтей), тогда какъ смертность въ пріютахъ-ясляхъ достигла въ 1900 г. 48%, а въ нѣкоторые года доходитъ даже до 60%. Устройство и содержаніе такихъ «Gouttes de lait» возможно при крайне незначительныхъ денежныхъ затратахъ.

Пора бы и нашимъ городамъ подумать объ устройствѣ такихъ «Gouttes de lait».

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Октябрь 1901 г.

Содержаніе: Исторія литературы.—Публицистика.—Политическая экономія.—Философія.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—Новости иностранной литературы.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

В. А. Жуковскій. «Сочиненія».—*К. Кузьминскій.* «А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность».— *И. А. Кубасовъ.* «Александръ Ефимовичъ Измайловъ».

В. А. Жуковскій. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изд. 10-ое, исправленное и дополненное подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1901. Въ виду приближающагося пятидесятилѣтія со дня смерти Жуковскаго и истеченія правъ литературной собственности на его сочиненія, г. Глазуновъ счелъ своевременнымъ выпустить въ одномъ томѣ общедоступное по цѣнѣ изданіе произведеній «пѣвца Свѣтланы». Изданіе это исправлено по рукописямъ поэта, хранящимся въ Императорской Публичной библіотеки, и дополнено новыми стихотвореніями (числомъ болѣе восьмидесяти), представляющими въ большинствѣ случаевъ серьезныя и шуточныя посланія, надписи къ портретамъ, записи въ альбомахъ, отрывки и т. д. (Изъ болѣе крупныхъ произведеній указано въ числѣ новыхъ длинное стихотвореніе «1 іюля 1842 года», но оно имѣется и въ прежнихъ изданіяхъ). Прозаическій отдѣлъ также полнѣе по сравненію съ восьмымъ изданіемъ (девятое изданіе заключаетъ одни стихотворныя произведенія Жуковскаго).

Несмотря на сдѣланныя дополненія, новое изданіе сочиненій Жуковскаго все же не можетъ считаться абсолютно полнымъ. Уже изъ примѣчаній редактора видно, что въ новое изданіе вошли далеко не всѣ произведенія Жуковскаго. Правда, изъ произведеній въ стихахъ пропущены кое-какія мелочи, но за то въ отдѣлѣ прозы отсутствуютъ не только частныя письма Жуковскаго, но даже записки его о воспитаніи наслѣдника престола и письма къ высочайшимъ особамъ, входившія въ прежнія изданія. Названныя записки и письма такъ драгоцѣнны для характеристики Жуковскаго, что объ отсутствіи ихъ въ изданіи его сочиненій нельзя не выразить глубокаго сожалѣнія. Другимъ крупнымъ недостаткомъ новаго изданія сочиненій Жуковскаго является отсутствіе примѣчаній при нѣкоторыхъ произведеніяхъ поэта и отсутствіе библіографическихъ указаній, имѣющихся въ прежнихъ изданіяхъ. Объ этомъ приходится жалѣть тѣмъ болѣе, что новое изданіе сочиненій Жуковскаго, по всей вѣроятности, ляжетъ въ основу еще болѣе дешевыхъ изданій, которыхъ можно ожидать въ будущемъ году. Нельзя также не напомнить, что еще въ предисловіи къ восьмому изданію сочиненій Жуковскаго былъ обѣщанъ, хотя и въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, дополнительный томъ, куда должны были войти частныя письма поэта. Обѣщаніе это было дано въ 1885 году, но, къ крайнему сожалѣнію, осталось неисполненнымъ до настоящаго времени. Въ предисловіи къ 10-му изданію сказано, что «остающіяся еще неизданными не-

многія прозаическія статьи Жуковскаго относятся почти исключительно къ его педагогическимъ занятіямъ и потому, не входя въ собраніе «сочиненій», должны вмѣстѣ съ «дневниками» и «перепискою» составить самостоятельное изданіе матеріаловъ для біографіи и литературной его дѣятельности». Но готовится ли подобнаго рода изданіе, въ предисловіи не говорится. Было бы крайне желательно, чтобы хотя къ пятидесятилѣтію со дня смерти Жуковскаго появилось въ печати собраніе его писемъ.

Сочиненія Жуковскаго въ новомъ изданіи занимаютъ болѣе 1.000 страницъ въ два столбца. Цѣна изданія (2 р. 25 к., по подпискѣ 1 р. 75 к.) очень умѣренная. Произведенія Жуковскаго распредѣлены на три отдѣла: въ первомъ напечатаны оригинальныя и небольшія переводныя произведенія въ стихахъ, во-второмъ—переводы крупныхъ поэтическихъ произведеній, («Одиссея», «Орлеанская дѣва», «Ундина», «Наль и Дамаянти», «Рустемъ и Зорабъ» и др.), наконецъ, въ третьемъ—оригинальныя произведенія въ прозѣ. Къ изданію приложены четыре портрета, изображающихъ поэта въ различные возрасты его жизни, біографическій очеркъ, составленный по извѣстной книгѣ Зейдлица, краткій очеркъ литературной дѣятельности П. А. Ефремова и библіографическій списокъ его литературныхъ трудовъ. *С. Ашевскій.*

А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ К. Кузьминскаго. Подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Москва. 1901. Небольшая книжка о Пушкинѣ, подъ указаннымъ заглавіемъ, обязана своимъ появленіемъ на книжномъ рынкѣ случаю. Одинъ изъ членовъ попечительнаго совѣта студенческаго общежитія имени Императора Николая II пожертвовалъ въ 1900 году въ библіотеку общежитія полный экземпляръ пушкинскаго «Современника». Студентъ-филологъ г. Кузьминскій взялся написать о журналѣ рефератъ и написалъ цѣлую книжку въ 184 странички, а лицо, пожертвовавшее «Современникъ», дало и средства на изданіе студенческой работы. Свидѣтельство заглавнаго листа о редакторствѣ проф. Кирпичникова даетъ книжкѣ право на нѣкоторое вниманіе. Но въ предисловіи «редакторъ» отрекается отъ солидарности со своимъ ученикомъ. «Я позволяю себѣ, — говоритъ проф. Кирпичниковъ, — назваться редакторомъ настоящей книжки не въ томъ смыслѣ, что бы мои взгляды во всѣхъ частныхъ случаяхъ совпадали со взглядами автора... но въ томъ смыслѣ, что работа г. Кузьминскаго велась по методу, мною рекомендуемому своимъ слушателямъ, а также *отчасти* (курсивъ проф. Кирпичникова) по моимъ библіографическимъ указаніямъ».

Но если, несмотря на такое заявленіе, почтенный профессоръ все же дозволилъ выставить свое имя на заглавномъ листѣ, то это значитъ, что онъ придаетъ труду г. Кузьминскаго нѣкоторое значеніе. Но въ чемъ же значеніе этого «изслѣдованія»? Для спеціалиста книжка г. Кузьминскаго не даетъ ничего новаго. Въ ней не только нѣтъ новыхъ фактовъ, но нѣтъ даже полнаго и обстоятельнаго свода извѣстныхъ уже фактовъ о журнальной и публицистической дѣятельности великаго поэта. Что касается выводовъ г. Кузьминскаго, то едва ли будущій изслѣдователь дѣятельности Пушкина, какъ публициста и журналиста, потеряетъ что-нибудь въ томъ случаѣ, если работа г. Кузьминскаго ускользнетъ отъ его вниманія. Обыкновенный образованный читатель также едва ли останется доволенъ по прочтеніи книжки г. Кузьминскаго. Тамъ затрогивается много побочныхъ вопросовъ, не всегда имѣющихъ прямое и непосредственное отношеніе къ журнальной и публицистической дѣятельности Пушкина. Затрогиваются эти вопросы вскользь, трактуются они съ чужого голоса, хотя и «съ ученымъ видомъ знатока». Вопросы же, имѣющіе непосредственное отношеніе къ Пушкину, часто только намѣчаются.

Вообще, трудно понять, для кого предназначалась книжка г. Кузьминскаго.

Если принять во вниманіе ссылки на источники и пособія, которыми руководился авторъ, то можно подумать, что книжка о Пушкинѣ предназначалась для спеціалистовъ, потому что далеко не всякій пойметъ, что скрывается подъ такими, напримѣръ, сокращеніями: «Гл. теч. р. истор. м.», «Очеркъ разв. истор. м.», «Ост. арх.» и т. п. Если же обратить вниманіе на то обстоятельство, что авторъ часто входитъ въ утомительныя подробности о вещахъ общеизвѣстныхъ, то можно подумать, что онъ имѣлъ въ виду средняго образованнаго человѣка. На самомъ же дѣлѣ г. Кузьминскій, по всей вѣроятности, не предназначалъ свою книжку ни для спеціалистовъ, ни для публики, а вносилъ въ нее все, что онъ находилъ новаго и интереснаго *для себя* въ тѣхъ источникахъ и пособіяхъ, которые онъ прочелъ при составленіи своего реферата.

Если бы книжка г. Кузьминскаго представляла чуждый лишнихъ претензій сводъ имѣющихся въ литературѣ данныхъ о журнальной и публицистической дѣятельности Пушкина, то это былъ бы, безспорно, не лишній и полезный трудъ и для образованной публики, и даже для спеціалистовъ. Въ настоящемъ же своемъ видѣ новая книжка о Пушкинѣ, можетъ быть, и хорошая студенческая работа, но въ ея появленіи на книжномъ рынкѣ не было особенной надобности. Но разъ нашли нужнымъ ее напечатать, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, хорошенько проредактировать ее, чтобы въ ней не было явныхъ ошибокъ и неточныхъ выраженій, могущихъ ввести въ заблужденіе или вызвать недоумѣніе. Нельзя, напримѣръ, говорить, что Наполеонъ уничтожилъ «*все* то, что пріобрѣла революція» (стр. 37—38). Наполеонъ «не оставилъ ни малѣйшаго слѣда анархіи, однако, принялъ революцію во всѣхъ ея результатахъ» (Ранке). Нельзя также утверждать, что Пушкинъ не любилъ Полевого «за его невѣжество, безграмотность и юркость» (стр. 77). Если, дѣйствительно, Пушкинъ былъ такого мнѣнія объ издателѣ «Московскаго Телеграфа», то студенту московскаго университета вовсе не къ лицу такое пренебрежительное отношеніе къ Полевому, тѣмъ болѣе, что и потомство признало несправедливость и незаслуженность того пренебреженія, съ которымъ «литературная аристократія» съ Пушкинымъ во главѣ относилась къ духовному отцу Бѣлинскаго. Подобные промахи неумѣстны даже и въ студенческой работѣ.

С. Ашевскій.

И. А. Кубасовъ. Александръ Ефимовичъ Измайловъ. Опытъ біографіи его и характеристики общественной и литературной дѣятельности. Спб. 1901 г. А. Измайловъ, котораго не надо смѣшивать съ его современникомъ В. Измайловымъ, сентиментальнымъ писателемъ, представляетъ въ исторіи русской литературы любопытное явленіе писателя-неудачника; онъ былъ одержимъ непреодолимою страстью къ писательству и упражнялся въ теченіе цѣлой трети столѣтія почти во всѣхъ родахъ и видахъ словесныхъ произведеній, но составилъ себѣ извѣстность не столько достоинствомъ своихъ литературныхъ трудовъ, сколько разнаго рода курьезами и анекдотами, связанными съ его личностью и литературною дѣятельностью. Одержимый сочинительскимъ зудомъ, Измайловъ въ теченіе всей своей литературной дѣятельности почти никогда не выходилъ изъ роли подражателя готовымъ образцамъ. Въ XVIII вѣкѣ, особенно въ сатирическихъ журналахъ, были въ ходу сочиненія, обличающія дурное воспитаніе, напримѣръ: «Слѣдствія худого воспитанія», «О дѣйствіи добраго и худого воспитанія», и т. п. И Измайловъ восемнадцати лѣтъ написалъ ультрареалистическій по содержанію и нравоучительный по цѣли романъ «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества»—романъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются Негодяевы, Развратины, Подлянкины, Лицемѣркины, Распутины и т. п. Писались сто лѣтъ тому назадъ сентиментальныя повѣсти, совершенно противоположныя по духу романамъ въ родѣ «Евгенія». И Измайловъ написалъ въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ» Карамзина

«Бѣдную Машу». Далѣе, были тогда въ модѣ восточныя повѣсти, доставившія извѣстность Беницкому, и Измайловъ написалъ повѣсть «Ибрагимъ и Османъ или трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ». Начало XIX вѣка въ русской литературѣ отмѣчено особымъ подъемомъ общественнаго самосознанія, что выразилось, между прочимъ, въ массѣ произведеній, привѣтствовавшихъ молодого монарха и въ то же время болѣе или менѣе явно выражавшихъ надежды на разнаго рода перемѣны и улучшенія. И Измайловъ заявилъ о себѣ «Наставленіемъ стараго индѣйскаго мудреца молодому государю». Первая четверть истекшаго вѣка въ исторіи русской журналистики отмѣчена обиліемъ всякаго рода журналовъ и альманаховъ («журналовъ тысячи, а книги ни одной»), и Измайловъ не остался равнодушенъ къ поприщу журналиста и выступилъ съ нѣсколькими журналами, изъ которыхъ «Благонамѣренному» удалось просуществовать цѣлыхъ девять лѣтъ, несмотря на то, что «редакторъ-издатель его былъ далекъ отъ какой-либо руководящей идеи и чуждъ серьезному пониманію задачъ человѣка, стоящаго во главѣ періодическаго изданія», и, кромѣ того, относился къ своему дѣлу крайне небрежно. Извѣстно, какъ извинялся однажды Измайловъ въ запозданіи своего журнала.

Какъ русскій человѣкъ, на праздникъ загулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ.

Стихи, отожествляемые въ то время съ поэзіей, составляли особенную страсть Измайлова. Онъ писалъ басни, сказки, оды, пѣсни, діалоги, посланія, элегіи, эпиграммы, эпитафіи, надписи, экспромпты, мадригалы, сатиры, пародіи и т. д. «Легко владѣя стихомъ,—говоритъ объ Измайловѣ г. Кубасовъ,—онъ любилъ облекать свои мечты, думы, чувства, впечатлѣнія во всевозможныя стихотворныя формы, поистинѣ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ». Страсть къ версификаціи доходила у Измайлова до того, что «онъ пересыпалъ зачастую стихами и прозаическую рѣчь, стихами писалъ иногда дѣловыя бумаги, примѣчанія и выноски въ своемъ журналѣ (подъ чужими статьями), писалъ стихи во время безсонницы, разъѣздовъ, на постояломъ дворѣ, въ дорожной кибиткѣ, на трубѣ парохода, на которомъ ѣхалъ, и т. д.». Въ этихъ стихотвореніяхъ очень мало поэзіи, но за то много матеріала для характеристики и біографіи автора, который не стѣснялся знакомить своихъ читателей не только со своими интимными чувствами, но даже и съ подробностями своей домашней жизни.

Изъ всего литературнаго наслѣдства, оставленнаго Измайловымъ, наибольшую извѣстность доставили автору въ свое время его басни, изъ которыхъ нѣкоторыя перепечатываются и въ современныхъ школьныхъ хрестоматіяхъ. Эти же басни являются и наиболѣе оригинальными произведеніями Измайлова, и отличаются своеобразіемъ языка и содержанія. Характерную особенность и въ то же время главный недостатокъ измайловскихъ басенъ составляетъ то, что Галаховъ назвалъ «національной простонародностью», а Бѣлинскій—«простонародностью, доведенной до тривіальности, до безвкусія». «Онъ создалъ себѣ,—писалъ объ Измайловѣ Бѣлинскій въ 1840 году,—особый родъ басенъ, герои которыхъ отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеичъ, сивуха, пиво, паюсная икра, лукъ, соленая севрюжина; мѣсто дѣйствія изба, кабакъ и харчевня». За предпочтеніе, оказываемое Измайловымъ увеселительнымъ мѣстамъ, его называли «Крыловымъ на-веселѣ, зашедшимъ въ казарму, харчевню или питейный домъ» (Вигель); самъ же Измайловъ величалъ себя «россійскимъ Теньеромъ 1-мъ». За подражаніе фламандскому живописцу Давиду Теньеру (собственно Тенирсу) младшему Измайловъ попалъ и въ знаменитый «Домъ сумасшедшихъ» Воейкова, гдѣ ему посвящена цѣлая строфа:

Вотъ Измайловъ—авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: «Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ.
Мой предметъ—носы съ прыщами;
Ходимъ съ музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ—вотъ мой міръ!

Главная соль этой строфы заключается въ словахъ: «я писатель не для дамъ», потому что Измайловъ считалъ себя именно «писателемъ для дамъ» и даже употреблялъ это выраженіе вмѣсто подписи подъ своими произведеніями. И Пушкинъ ничѣмъ не могъ больнѣе задѣть Измайлова, какъ стихами въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

«Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-русски. Просто страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ».

Г. Кубасовъ заинтересовался не столько литературною дѣятельностью Измайлова, сколько его личностью. «Какъ писатель, онъ былъ, строго говоря, незначителенъ, но какъ человѣкъ, какъ честный литераторъ, онъ былъ лицо примѣчательное, стоющее того, чтобъ любить его и съ уваженіемъ относиться къ его памяти». Это уваженіе г. Кубасова къ личности Измайлова заставило его потратить не мало времени и труда на архивныя розысканія и на приведеніе въ извѣстность имѣющихся въ литературѣ данныхъ о полузабытомъ баснописцѣ. При этомъ г. Кубасову удалось получить массу рукописнаго матеріала въ видѣ неизданныхъ еще произведеній Измайлова, а также его писемъ, записокъ, альбомовъ, оффиціальныхъ бумагъ и т. п. Архивный матеріалъ далъ г. Кубасову возможность исправить неточности и грубыя ошибки въ имѣющихся въ литературѣ біографическихъ свѣдѣніяхъ объ Измайловѣ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ было очень много анекдотическаго, такъ какъ частная и общественная жизнь Измайлова представляла не менѣе курьезовъ, чѣмъ и его литературная дѣятельность. И въ воображеніи г. Кубасова, пользовавшагося «документальными данными», Измайловъ является не меньшимъ чудакомъ, чѣмъ въ разсказахъ своихъ современниковъ, но въ то же время въ лицѣ этого «Крылова на-веселѣ» мы находимъ далеко не зауряднаго въ нравственномъ отношеніи человѣка. Будучи человѣкомъ очень бѣднымъ, существуя почти однимъ жалованьемъ чиновника, Измайловъ находилъ возможность быть довольно виднымъ филантропомъ. Его журналъ «Благонамѣренный» преслѣдовалъ цѣли благотворенія; издатель его въ стихахъ и прозѣ дѣлалъ объявленія о нуждающихся и самъ раздавалъ поступавшія къ нему пожертвованія деньгами и вещами. Однихъ денегъ за время существованія названнаго журнала было роздано болѣе десяти тысячъ рублей. Раздавалъ Измайловъ не мало и собственныхъ денегъ, вслѣдствіе чего и самъ нерѣдко оказывался въ затруднительныхъ положеніяхъ. Та же самая любовь къ ближнимъ заставила Измайлова выступить въ печати съ «Разсужденіемъ о нищихъ», въ которомъ предлагалось поставить въ общественныхъ мѣстахъ кружки для сбора на бѣдныхъ, и со статьей «Вчерашній день», взывавшей къ богатымъ отставнымъ и молодымъ чиновникамъ о томъ, чтобы первые отказались отъ своихъ пенсій, а вторые—отъ своего жалованья въ пользу бѣдныхъ чиновниковъ.

Кромѣ доброты, Измайловъ отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ и безукоризненной честностью. «Взятки возмущали его до глубины души», и онъ съумѣлъ спасти себя отъ этой язвы и на службѣ въ департаментѣ государственнаго казначейства, и на вице-губернаторствѣ въ Твери и Архангельскѣ, не смотря

на то, что вице-губернаторы въ то время славились своимъ взяточничествомъ, такъ какъ въ ихъ вѣдѣніи находились винные откупа.

Къ своимъ чиновникамъ, уличеннымъ во взяточничествѣ и прочихъ противозаконіяхъ, Измайловъ былъ безпощаденъ, хотя вообще былъ очень добрымъ и гуманнымъ начальникомъ, оставившимъ въ своихъ подчиненныхъ самыя свѣтлыя воспоминанія. «Чистосердечный, честный и открытый, онъ любилъ говорить правду въ глаза, не терпѣлъ низкопоклонства («колѣноподгибательства», какъ онъ выражался на своемъ оригинальномъ языкѣ). Нѣтъ ничего удивительнаго, что такой рѣдкостный въ николаевское время чиновникъ нажилъ массу враговъ и, оклеветанный архангельскимъ генералъ-губернаторомъ, потерялъ мѣсто вице-губернатора и превратился въ учителя словесности въ пажескомъ корпусѣ съ горькимъ сознаніемъ, что «если бы Спаситель сошелъ опять на землю и опредѣлился въ россійскую службу по гражданской части не въ столицѣ, а въ провинціи... не прослужить бы Ему и мѣсяца въ одной губерніи: тотчасъ бы перевели въ другую, а изъ другой—въ третью и т. д.».

Характерно также для Измайлова, что онъ очень высоко ставилъ значеніе писателя въ обществѣ. Пробывъ болѣе десяти лѣтъ въ одномъ чинѣ, онъ представилъ въ 1822 году «Записку для полученія чина статскаго совѣтника», въ которой помѣстилъ свой подробнѣйшій литературный формуляръ и ни единымъ словомъ не упомянулъ о своей служебной дѣятельности. «По словамъ записки, писатель—это гражданинъ, слуга отечества, который достоинъ со стороны правительства такого же награжденія за свои произведенія, какъ чиновникъ департамента за свои административныя способности, военный—за раны, полученныя на полѣ битвы и т. п.». Эта оригинальная записка не осталась безъ послѣдствій: Измайловъ получилъ не только просимый чинъ, но и орденъ.

Книжка г. Кубасова, кромѣ изложенія біографическихъ данныхъ объ Измайловѣ, содержитъ также краткій обзоръ его литературной дѣятельности. Къ сожалѣнію, и біографія и обзоръ сдѣланы не съ такою полнотою, съ какою это могъ бы сдѣлать г. Кубасовъ по имѣющимся въ его распоряженіи матеріаламъ. Самъ авторъ книжки объ Измайловѣ сознаетъ неполноту своего очерка и объясняетъ это обстоятельство, во-первыхъ, тѣмъ, что его очеркъ появился первоначально въ видѣ журнальной статьи въ «Русской Старинѣ», а, во-вторыхъ, тѣмъ, что обзоръ литературной дѣятельности Измайлова былъ уже сдѣланъ Галаховымъ полвѣка тому назадъ (въ «Современникѣ» 1849 и 1850 гг.). Какъ ни интересна книжка г. Кубасова въ своемъ настоящемъ видѣ, она стала бы еще интереснѣе и цѣннѣе, если бы составитель ея не былъ стѣсненъ размѣрами журнальной статьи. Тогда не было бы разнаго рода недомолвокъ, неясностей, умолчаній; тогда не нужно было отсылать читателей, иногда за очень интересными и характерными подробностями, къ стариннымъ журналамъ и газетамъ.

С. Ашевскій.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Деревенскіе ясли-пріюты».—*Г. М. Тумановъ.* «Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ».—*А. Горовцевъ.* «Трудовая помощь какъ средство призрѣнія нищихъ».

Деревенскіе ясли-пріюты въ Воронежской губерніи лѣтомъ 1900 года. Изд. воронежск. губ. земства. Воронежъ 1901 г. «Въ полномъ разгарѣ страда деревенская». Все взрослое работоспособное населеніе деревни разбрелось по полямъ, гдѣ часто по цѣлымъ суткамъ къ ряду идетъ тяжелая работа, поглощающая всѣ силы крестьянства. Въ деревнѣ остаются одни ребятишки,

безъ призора, безъ ухода, такъ какъ нельзя же считать сколько-нибудь достаточнымъ уходъ, олицетворяемый нѣсколькими дряхлыми стариками и старухами, которымъ впору еле-еле дотащиться съ печки на заваленку. И вотъ въ это-то время, когда крестьянское населеніе напрягаетъ въ борьбѣ за существованіе весь запасъ своихъ силъ, деревня въ санитарно-экономическомъ отношеніи остается совершенно безпомощной и беззащитной. Дѣтская смертность доходитъ въ деревнѣ въ страдное время до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, о какихъ городъ можетъ имѣть представленіе развѣ только въ разгаръ наиболѣе жестокихъ эпидемій, а пожары, причиняемые дѣтской неосторожностью, пускаютъ по міру сотни крестьянскихъ семействъ. Въ Воронежской губерніи, напримѣръ, за 6 лѣтъ (1895—1900 гг.) «отъ шалости дѣтей» зарегистрировано 515 пожаровъ съ убытками на сумму 699.038 рублей. Нѣкоторыя земства (Воронежское, Харьковское, Симбирское) взяли на себя починъ борьбы съ этой деревенской безпомощностью въ страдную пору организаціей правильнаго надзора за дѣтьми при помощи временныхъ яслей-пріютовъ.

Названная выше книга представляетъ рядъ отчетовъ врачей, организовавшихъ земскіе ясли-пріюты въ Воронежской губерніи, гдѣ идея этихъ пріютовъ серьезно заинтересовала земство и энергично пропагандируется этимъ послѣднимъ среди мѣстнаго населенія. Первый пріютъ—ясли открытъ въ Воронежской губерніи въ 1897 г.; въ слѣдующемъ же году ихъ было открыто 11, въ 1899 г.—24, въ 1900 г.—36, а въ нынѣшнемъ году предполагалось открыть 52. Количество дѣтей, посѣщавшихъ ясли, растетъ приблизительно въ такой же прогрессіи; въ 1900 г. ихъ было 3019 чел., въ среднемъ по 84 чел. на ясли. Въ ясли принимались дѣти, начиная съ самого ранняго возраста (грудныя) и до 12 лѣтъ включительно. Всѣ отчеты даютъ самыя благопріятныя показанія о благотворномъ вліяніи яслей на дѣтей, какъ въ смыслѣ физическомъ (за два года было всего три смертныхъ случая), такъ и въ нравственномъ и умственномъ. Дѣти пріучались къ уходу за другими, чужими дѣтьми; между ними устанавливалось полное равенство, потому что не дѣлалось различія между зажиточными и бѣдными; кромѣ того дѣти привыкали къ большей чистотѣ и опрятности. На дѣтей старшаго возраста не могло, конечно, не оказать благотворнаго вліянія и чтеніе книгъ.

Однако, какъ ни удачны оказались опыты устройства въ деревняхъ яслей-пріютовъ, мысль воронежскаго земства заинтересовать ими крестьянское населеніе и привлечь это послѣднее къ устройству яслей по собственной иниціативѣ и на собственныя средства, едва ли можетъ быть осуществлена въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Страшная бѣдность и еще болѣе страшная некультурность крестьянскаго населенія будутъ долго еще служить существенной помѣхой для осуществленія идеи воронежскаго земства. Состоятельной части крестьянства ясли не нужны, она явно избѣгаетъ ихъ, а что касается несостоятельной части деревенскаго населенія, для которой ясли дѣйствительно являются сущимъ благодѣяніемъ, то она не въ силахъ собственными средствами содержать ихъ. Непривычные къ благодѣяніямъ со стороны, крестьяне этой категоріи относятся и сейчасъ крайне подозрительно къ яслямъ, задумываясь надъ вопросомъ, «съ чего это пошла такая забота о насъ. (с. Орлово)?» А разъ уже такой вопросъ возникъ, отвѣты на него подыскиваются безъ труда. «Сдерутъ», отвѣчаютъ себѣ на поставленный вопросъ одни (слоб. Сагуны), сдерутъ и «причтутъ къ податямъ» поясняютъ другіе (с. Рогачевка), а затѣмъ уже цифра «побора» въ разныхъ головахъ колебалась отъ одного до двадцати рублей. Завѣдующимъ яслями, священникамъ и сельскимъ властямъ приходилось не мало тратить и времени и труда чтобы увѣрить крестьянъ, что на этотъ разъ благодѣяніе дается имъ совершенно безвозмездно. Успокоенные на время крестьяне вновь отдавали своихъ дѣтей въ ясли, но назойливый и все-

таки нерѣшенный вопросъ на тему, «о не слыханномъ дѣлѣ, что объ ихъ дѣтяхъ заботятся посторонніе» (с. Макарово) все же тревожилъ деревенскую мысль; и часто рѣшеніе его принимало совсѣмъ уже уродливыя формы. Въ Воронежской губерніи кое-гдѣ поговаривали, что дѣтей не возвратятъ изъ яслей родителямъ, въ селахъ Красномъ и Никольскомъ шли смутные толки о вербовкѣ дѣтей въ списки первыхъ поклонниковъ Антихриста, а въ Харьковской губерніи даже ходили слухи, что дѣтей будутъ кормить на сало и продавать на убой. Въ одномъ селѣ первыхъ помѣщенныхъ въ ясли дѣтей родители оплакивали цѣлый день и служили молебны о томъ, чтобы ихъ миновала гроза. И намъ кажется, что воронежское земство дѣлаетъ ошибку, объявляя устраиваемыя имъ ясли лишь опытомъ съ цѣлью пробудить въ самомъ населеніи инициативу въ дальнѣйшей организаціи подобныхъ учрежденій. Ясли, являющіяся одной изъ испытанныхъ мѣръ въ борьбѣ съ дѣтскою смертностью и съ опустошительными лѣтними пожарами, по существу своему прямо входятъ въ програму *земской* дѣятельности, и поэтому совершенно излишне тревожить воображеніе крестьянской массы призракомъ новой тяготы, которая впослѣдствіи будетъ возложена на него. *В. К.*

Князь Г. М. Тумановъ. Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ. Спб. 1901 г. Цѣна 60 коп. Въ богатой сравнительно литературѣ кавказовѣдѣнія почти исключительно царятъ вопросы естественно историческіе и этнографическіе. Пышная природа Кавказа и своеобразная пестрота племенного состава его населенія поглощаютъ все вниманіе изслѣдователей, оставляя слишкомъ мало мѣста человѣку, его внутренней соціально-политической и экономической жизни. Выполняя этотъ существенный пробѣлъ, названное выше изслѣдованіе пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ, что авторъ ея — редакторъ лучшей мѣстной газеты—давно уже извѣстенъ, какъ знатокъ края и какъ безпристрастный истолкователь мѣстныхъ потребностей и интересовъ.

На первомъ планѣ поставленъ жгучій для Закавказья вопросъ о земельной неурядицѣ въ краѣ. Отсутствіе твердо установленнаго права собственности, вслѣдствіе недостатка документовъ на право владѣнія, вызываетъ разореніе населенія и деморализуетъ его. Изъ общей площади Закавказья приведены межеваніемъ въ безспорное положеніе лишь немного болѣе $^1/_{25}$ или $4^0/_0$; остальная же часть земель остается юридически-безхозяйною за отсутствіемъ у владѣльцевъ какихъ-либо точныхъ документовъ. Отсюда возникаютъ вѣчные споры, нерѣдко оканчивающіеся кровопролитіемъ; отсюда захваты казенныхъ земель частными лицами, преимущественно привиллегированными; отсюда, наконецъ, широкій произволъ полицейскихъ чиновниковъ. Земельную неурядицу въ краѣ въ значительной мѣрѣ усиливаетъ та неопредѣленность, въ какой и понынѣ еще находятся бывшіе помѣщичьи крестьяне, обязательныя отношенія которыхъ къ помѣщикамъ регулированы закономъ («временными правилами») весьма недостаточно. Въ аналогичномъ положеніи находятся и государственные крестьяне: въ лучшихъ участкахъ, которые почти всѣ были присвоены частными лицами, государственные крестьяне, подобно бывшимъ помѣщичьимъ, поставлены въ обязательныя отношенія къ землевладѣльцамъ, а въ худшихъ участкахъ, сохранившихся за казной, крестьяне являются случайными арендаторами, судьба которыхъ ничѣмъ не обезпечена отъ произвола любого мелкаго чиновника. Когда-то, при персидскомъ владычествѣ, Закавказье пользовалось цѣлой системой ирригаціонныхъ сооруженій, существованіе которыхъ давало возможность краю имѣть населеніе, въ нѣсколько разъ болѣе многочисленное, чѣмъ нынѣшнее. Теперь все это пришло въ разстройство, и время поливокъ, безъ которыхъ здѣсь немыслима земледѣльческая культура, есть время произвола и насилій. Не мало смуты въ мѣстныя аграрныя отношенія вноситъ совершенно неопредѣленное положеніе «хизанъ» (грузинскихъ чинше-

виковъ). Законъ, опредѣляющій ихъ положеніе, ссылается на «хизанское обычное право», но такъ какъ изслѣдованіе хизанскихъ обычаевъ на научныхъ основаніяхъ никогда и никѣмъ не производилось, то ссылки эти на обычное право даютъ собственно въ руки мировыхъ посредниковъ огромную, неограниченную власть, примѣненіе которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вноситъ лишь новые раздоры во враждующія между собой группы населенія. Если присоединить къ этой общей картинѣ земельныхъ неурядицъ крайне неорганизованную колонизацію въ Закавказьѣ русскихъ поселенцевъ, которые при полномъ отсутствіи здѣсь свободныхъ, удобныхъ для земледѣлія орошенныхъ земель и при недостаткѣ правительственной помощи, созидаютъ среди мѣстнаго населенія новые очаги разоренія и нищеты, то на фонѣ этихъ экономическихъ отношеній будутъ вполнѣ понятны непрекращающіеся здѣсь грабежи и разбои. Имущественная необезпеченность пограничныхъ съ Турціей и Персіей жителей пріучаетъ ихъ всегда быть наготовѣ для самообороны и самоcправы съ бродячими у границъ шайками. Неразмежеванность земельныхъ владѣній и неопредѣленность вообще поземельныхъ правъ, а также отсутствіе правильнаго орошенія нерѣдко являются поводомъ къ кровавымъ драмамъ, которымъ завязкой обыкновенно служитъ самый ординарный и иногда совершенно пустой поземельный споръ, а развязкой—драка, кончающаяся нерѣдко убійствами и пораненіями. Такимъ образомъ, лица, вся прикосновенность которыхъ къ суду должна бы была ограничиться лишь подачею искового прошенія, попадаютъ нерѣдко на скамью подсудимыхъ, въ качествѣ разбойниковъ и убійцъ. Вопреки справедливому замѣчанію Курселя-Сенелля, что нѣтъ ни одного столь общедѣйствительнаго средства къ укорененію прогресса покоренныхъ племенъ, какъ справедливое и выдержанное правосудіе, на Кавказѣ съ высокимъ уровнемъ преступности борются при помощи усиленныхъ и исключительныхъ репрессивныхъ мѣръ. И, конечно, несмотря на строгости военнаго суда и репрессіи администраціи, несмотря на взятіе заложниками родственниковъ и даже дѣтей, преслѣдуемыхъ полиціей разбойниковъ, несмотря, наконецъ, на установленную круговую поруку и экзекуціи сельскихъ обществъ, преступность на Кавказѣ не уменьшается, а растетъ. Въ Тифлиской губерніи, напримѣръ, возрастаніе числа преступленій выражается слѣдующими характерными цифрами:

	Въ 1877 г.	Въ 1883 г.
Убійства	62	107
Грабежи и разбои	82	121
Пораненія и тяжкія побои . . .	12(?)	178

Выводы изъ всего этого очевидны. «Мы желали,—говоритъ авторъ,—доказать, что преступныя наклонности кавказскаго населенія составляютъ продуктъ гражданскаго неустройства края и что бороться съ кавказскою уголовной безурядицей нужно не военными строгостями, которыя своей неразборчивостью, напротивъ, еще болѣе могутъ увеличить эту безурядицу, а такими не шумными, но болѣе дѣйствительными мѣрами, какъ упорядоченіе суда и администраціи, распространеніе народнаго образованія, безобидное для мѣстнаго населенія служебное его устройство, возможно скорое завершеніе межеванія, улучшеніе ирригаціи, охрана лѣсовъ и т. п.».

Работа кн. Туманова написана съ большимъ знаніемъ трактуемыхъ въ ней вопросовъ. Разбираться въ ней однако не легко, такъ какъ составлена она изъ нѣсколькихъ статей, разновременно напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ (преимущественно въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли» и «Новомъ Обозрѣніи») и недостаточно связанныхъ между собою. Вставляя въ книгу, напримѣръ статью «Сословный вопросъ», авторъ считаетъ необходимымъ только оговориться въ «оглавленіи», что «сословный вопросъ имѣетъ

связь съ вопросами поземельными», а между тѣмъ связь самой этой статьи съ другими, помѣщенными въ книгѣ,—только внѣшняя. Отъ такого же механическаго соединенія въ книгѣ разныхъ статей, не связанныхъ другъ съ другомъ прочной внутренней спайкой, получается много повтореній, затрудняющихъ чтеніе и ослабляющихъ вниманіе.

Во всякомъ случаѣ, игнорируя эти недостатки чисто техническаго свойства, мы настоятельно рекомендуемъ прочесть книгу кн. Туманова всѣмъ тѣмъ, кого интересуетъ не только богатая природа Кавказа, но и житель его, человѣкъ, бѣдствующій среди окружающей роскоши. *В. К.*

А. Горовцевъ. Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Спб. 1901 г. Ц. 2 руб. Книга А. Горовцева входитъ въ серію тѣхъ изданій, которыя вызваны дѣятельностью попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ *). Трудъ А. Горовцева отличается обстоятельностью и значительной эрудиціей; построенъ онъ по типу нѣмецкихъ трудовъ съ «общей» и «особенной частью», историческими обзорами и, какъ большинство подобныхъ трудовъ, отличается также отсутствіемъ оригинальности и нѣкоторой вялостью изложенія. Какъ сводная работа, книга обладаетъ значительной цѣнностью. Вполнѣ правильной является оцѣнка авторомъ того смѣшаннаго типа домовъ трудолюбія, который представляетъ практика нашей благотворительности, и вполнѣ заслуживаетъ вниманія стремленіе автора опредѣлить желательный *чистый типъ* домовъ трудолюбія и оградить его, по крайней мѣрѣ, хотя въ теоріи отъ всякихъ уклоненій и искаженій.

На первый взглядъ идея *трудовой помощи* очень проста, чѣмъ и объясняется ея успѣхъ и общедоступность. Самое понятіе возникаетъ на почвѣ противоположенія трудовой помощи — помощи даровой, т.-е. милостыни. Несостоятельность той помощи, которая оказывается путемъ подаянія, для всѣхъ очевидна; эта помощь, не избавляя дѣйствительнаго бѣдняка отъ нужды, въ то же время поддерживаетъ профессіональное нищенство. Но когда отъ идеи трудовой помощи мы переходимъ къ осуществленію ея въ жизни, то скоро убѣждаемся, что «правильно оказывать ее гораздо труднѣе, чѣмъ подавать милостыню или строить богадѣльни». Исходный пунктъ всякой правильной системы благотворительности состоитъ въ индивидуализаціи каждаго отдѣльнаго случая нужды, въ тщательномъ изученіи его и подборѣ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ помощи. Между тѣмъ, отчасти благодаря невыясненности или излишней широтѣ задачъ, поставляемыхъ нашимъ домамъ трудолюбія, отчасти вслѣдствіе недостаточности у насъ спеціальныхъ благотворительныхъ заведеній, наши дома трудолюбія привлекаютъ къ себѣ самыхъ разнообразныхъ нуждающихся, и потому не въ состояніи правильно выполнять свое назначеніе ни для одной категоріи ими призрѣваемыхъ. Вслѣдствіе недостатка у насъ спеціальныхъ заведеній для стариковъ, калѣкъ и дѣтей, рѣдкій домъ трудолюбія не представляетъ изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ и богадѣльни, и дѣтскаго пріюта (стр. 275). Конечно, подобное соединеніе подъ однимъ режимомъ людей, способныхъ къ работѣ и неспособныхъ къ ней, можетъ только ронять значеніе труда, не говоря уже о вредѣ смѣшенія дѣтей и честныхъ, но впавшихъ почему-либо въ нужду бѣдняковъ, съ уличными бродягами и профессіональными нищими. Благодаря тому, что наши дома трудолюбія одновременно преслѣдуютъ цѣли доставить убѣжище случайнымъ бѣднякамъ-людямъ, оставшимся на время безъ работы и ищущимъ ея, и въ то же время противодѣйствовать развитію нищенства, они не достигаютъ ни той, ни другой изъ этихъ цѣлей. Случайные бѣдняки не хотятъ въ нихъ идти, потому что считаютъ дома трудолюбія

---

*) Книга удостоена учрежденной при комитетѣ попечительства малой преміи имени Е. И. В. Госуд. Имп. Александры Θеодоровны.

предназначенными для нищихъ; нищіе далеко не всегда хотятъ идти въ нихъ изъ-за работы, которую они должны тамъ исполнять (стр. 408). Добровольный характеръ режима нашихъ домовъ трудолюбія, при отсутствіи какого-либо воспитательнаго воздѣйствія на призрѣваемыхъ, ведетъ къ тому, что нѣкоторые изъ этихъ заведеній обращаются въ дома для нищихъ, которые остаются въ нихъ цѣлыми мѣсяцами и годами, отъ времени до времени отлучаясь на улицу для пьянства и сбора подаяній.

Всѣ эти несоотвѣтствія и опытъ Западной Европы приводятъ автора къ заключенію, что, прежде всего, домъ трудолюбія долженъ оставаться самимъ собою, т.-е. учрежденіемъ трудовой помощи, предназначеннымъ исключительно для трудоспособныхъ. Старики, дѣти, калѣки, душевно-больные, алкоголики должны находить себѣ мѣсто въ спеціальныхъ заведеніяхъ благотворительнаго характера: богадѣльняхъ, пріютахъ-школахъ и исправительныхъ пріютахъ и колоніяхъ для малолѣтнихъ, въ больницахъ и лѣчебницахъ, но никакъ не въ домахъ трудолюбія. Но и изъ числа трудоспособныхъ домъ трудолюбія долженъ остаться открытымъ лишь для тѣхъ, для кого онъ и предназначенъ—для честныхъ и нравственно-здоровыхъ тружениковъ, временно и случайно лишившихся возможности примѣненія своего труда (стр. 435). Для профессіональныхъ же нищихъ нужны особыя исправительныя заведенія съ воспитательнымъ характеромъ—можно было бы, пожалуй, назвать ихъ трудовыми колоніями и образовать ихъ по типу нѣмецкихъ Arbeitercolonien и евангелическаго дома трудолюбія въ Петербургѣ. «A chaque mal son remède» («Каждая болѣзнь требуетъ своего лѣкарства») — это правило столь же безусловно примѣнимо въ благотворительности, какъ и въ медицинѣ. Безъ сомнѣнія, наши дома трудолюбія, уклоняясь отъ своего чистаго типа и дѣйствительнаго назначенія, большею частью вынуждаются къ этому силою обстоятельствъ, главнымъ образомъ бѣдностью нашей благотворительности. Безспорно также, что движеніе въ ихъ пользу, несмотря на всѣ недостатки его практическаго осуществленія, сыграло значительную роль въ томъ оживленіи общественнаго интереса ко всей вообще благотворительности, которая замѣчается въ послѣднее время. Справедливо говоритъ также авторъ, что «самая идея трудовой помощи, какъ наиболѣе здороваго и правильнаго вида благотворительности, вызываетъ движеніе и въ сферѣ общихъ вопросовъ благотворительности въ пользу ея наиболѣе правильной постановки» (стр. 405).

Но изъ той же книги А. Горовцева читатель можетъ видѣть, къ какимъ печальнымъ результатамъ можетъ вести неумѣренное увлеченіе этой идеей, стремленіе разсматривать трудовую помощь, какъ панацею противъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій, годную всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны тѣ страницы, которыя посвящаетъ авторъ организаціи общественныхъ работъ, предпринимаемой обыкновенно въ періоды особенно острыхъ кризисовъ, застигающихъ цѣлыя массы рабочихъ силъ. Вотъ результаты примѣненія подобныхъ работъ въ Англіи, странѣ, которую нельзя упрекнуть въ неумѣніи организовать общественныя предпріятія. Въ періодъ 1892—1895 гг. во многихъ общинахъ организованы были въ цѣляхъ ослабленія послѣдствій безработицы, общественныя работы, давшія занятія въ одномъ 1892 г. въ 96 общинахъ 27.000 чел. «Работы эти состояли въ проложеніи новыхъ дорогъ и улицъ, разбивкѣ камней, земляныхъ работахъ и т. п. и, какъ вообще общественныя работы, страдали хроническими недостатками: во-первыхъ, онѣ обходились гораздо дороже другихъ обычныхъ работъ; во-вторыхъ, онѣ не достигали своей цѣли въ томъ смыслѣ, чтобы служить лишь временною помощью безработному, а по большей части исполнялись однимъ и тѣмъ же, почти не обновляющимся составомъ работающихъ, которые отнеслись къ своему дѣлу крайне вяло и лѣниво» (стр. 130). Если такъ обстояло дѣло въ Англіи, на глазахъ у всѣхъ, въ странѣ густо населен-

ной, что же удивительнаго, что у насъ въ Россіи въ памятномъ 1891 г. общественныя работы, на которыя было израсходовано до 12.500.000 руб., не только оказались, при такихъ колоссальныхъ затратахъ, убыточными и мало производительными, но и принесли нуждающемуся населенію далеко не соотвѣтственную помощь: заработная плата въ расходахъ на работы составляла въ среднемъ не болѣе 35%, опускаясь по нѣкоторымъ (напр., по постройкѣ шоссе) до 10% общихъ расходовъ (Вертъ). Эти примѣры должны бы были предостеречь отъ стремленія облекать необходимую помощь исключительно въ формѣ принудительнаго труда, — стремленіе, которое, безъ сомнѣнія возродится и въ нынѣшнемъ году, угрожающемъ стать вслѣдствіе новаго неурожая глубоко бѣдственнымъ для населенія обширныхъ районовъ Россіи.

Не менѣе заслуживаютъ вниманія приводимые авторомъ выводы чистой науки о роли, которую можетъ и должно занимать государство въ дѣлѣ благотворительности на ряду съ благотворительностью частной и общественной. «Пусть государство регулируетъ дѣятельность частной благотворительности, пусть оно всячески облегчаетъ ее, пусть оно даже доставляетъ ей матеріальныя средства, хотя бы даже вводя съ этою цѣлью налогъ для бѣдныхъ, пусть оно въ крайнихъ случаяхъ ея недостаточности или безсилія приходитъ ей на помощь своими активными мѣрами, но пусть по общему правилу самая сфера благотворительности, непосредственное общеніе съ нуждающимся принадлежитъ не органамъ власти, а живымъ людямъ, дѣйствительно всею душою преданнымъ дѣлу благотворительности. Отказаться отъ такого взгляда въ теоріи значило бы отрицать основное положеніе правильной системы благотворительности, что каждый отдѣльный случай нужды требуетъ для его оперированія анатомическаго скальпеля, а не грубаго кухоннаго ножа» (стр. 43).

Во второй половинѣ своей книги А. Горовцевъ подробно разсматриваетъ постановку дѣла въ нашихъ домахъ трудолюбія, пріемы и результаты ихъ дѣятельности, составъ призрѣваемыхъ и проч. При этомъ онъ руководствуется, главнымъ образомъ работою «Сводъ статистическихъ данныхъ о дѣятельности домовъ трудолюбія, составленный по порученію комитета попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ В. Д. Евреиновымъ», дополняя ее свѣдѣніями позднѣйшихъ отчетовъ, авторъ неоднократно жалуется на неполноту, краткость и неточность отчетовъ, издаваемыхъ нашими домами трудолюбія. И дѣйствительно, эта новая у насъ форма благотворительности въ значительной степени унаслѣдовала коренной недостатокъ нашей старой благотворительности: вести свое дѣло, по возможности келейно, избѣгая особливой гласности. Между тѣмъ, ни въ чемъ такъ не нуждается дѣло благотворительности для своего развитія, какъ въ томъ, чтобы на него былъ пролитъ достаточный свѣтъ, чтобы взаимный обмѣнъ опытомъ устранилъ обычныя причины неудачъ, а успѣхъ привлекъ вниманіе и сочувствіе общества. Все это такъ, но почему авторъ, сознавая неполноту и недостаточность матеріала имѣющихся отчетовъ, счелъ, однако, возможнымъ ограничиться ими для своего труда, это для насъ не совсѣмъ понятно. За границею, какъ можемъ мы судить по изложенію, онъ не ограничивался отчетомъ благотворительныхъ заведеній, онъ лично посѣтилъ нѣкоторые изъ нихъ въ Англіи, Германіи и Франціи, въ «Maison hospitalière» Робэна онъ даже лично проникъ подъ видомъ нуждающагося (стр. 194). По словамъ его, во время обзора учрежденій трудовой помощи почти во всей Европѣ ему пришлось убѣдиться, что «иногда личное знакомство съ лицомъ, непосредственно стоящимъ во главѣ дѣла, даетъ о немъ гораздо лучшее и болѣе отчетливое представленіе, чѣмъ отчеты за нѣсколько лѣтъ» (стр. 383). И, однако, при описаніи нашихъ отечественныхъ домовъ трудолюбія, мы не находимъ у автора и слѣдовъ личныхъ впечатлѣній, хотя это, повидимому, и болѣе доступно, чѣмъ посѣщеніе домовъ трудолюбія «почти по

всей Европѣ». Не входя въ обсужденіе причинъ подобнаго невниманія автора къ нашимъ собственно домамъ трудолюбія, происходящаго, можетъ быть, и потому, что за границею не такъ принято прятать свою дѣятельность отъ чужихъ глазъ, замѣтимъ только, что область нашей благотворительности давно нуждается въ подробномъ изслѣдованіи не путемъ одного собиранія отчетовъ и оффиціальныхъ свѣдѣній, а путемъ по возможности исчерпывающей и планомѣрной enquête'ы, которая одна можетъ доставить достаточно полный и прочный статистическій матеріалъ и данныя для всевозможныхъ выводовъ. Конечно, осуществленіе подобнаго предпріятія будетъ возможно не раньше, чѣмъ сама наша оффиціозная благотворительность откажется отъ обычнаго отвращенія къ контролю гласности. *М. П—въ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Б. Брандтъ. «Иностранные капиталы».—*Л. Штейнъ.* «Къ аграрному вопросу».

Б. Ф. Брандтъ. Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть третья. Мануфактурная промышленность въ Царствѣ Польскомъ. Часть четвертая и послѣдняя. Нефтяная промышленность. С.-Петербургъ. 1901 г. Цѣна 3 рубля. Въ прошломъ году намъ приходилось уже на страницахъ «М. Б.» давать отзывъ о второй части этого разросшагося, вопреки ожиданіямъ самого автора, сочиненія о роли иностранныхъ капиталовъ въ дѣлѣ экономическаго развитія нашей родины.

Третья часть посвящена мануфактурной промышленности въ Царствѣ Польскомъ. «Польская промышленность, — говоритъ авторъ, — какъ своимъ первоначальнымъ пышнымъ расцвѣтомъ, такъ и дальнѣйшимъ могущественнымъ ростомъ, обязана, главнымъ образомъ, приливу иностранныхъ капиталовъ и иностранной предпріимчивости и тому гостепріимству, какое было оказано имъ со стороны правительства». Призывъ въ Польшу иностранцевъ и предоставленіе имъ всевозможныхъ льготъ, въ цѣляхъ промышленнаго развитія края, начался еще въ первой четверти истекшаго столѣтія. Правительствомъ были назначены особые города и посады для промышленной колонизаціи. Такъ возникли города Лодзь, Згержъ, Пабіаницъ и т. д. Иностранцы, кромѣ капиталовъ, принесли съ собой энергію, предпріимчивость и техническія знанія. Она развила въ краѣ совершенно новыя для Россіи производства. Таковы, напр., выработка тяжелыхъ набивныхъ товаровъ (набивная бумазея, букскинъ, трико и пр.), пряденіе камвольной или гребенной шерсти, производство смѣшанной пряжи (вигони).

Въ то же время, ростъ и концентрація производства достигаютъ поразительныхъ размѣровъ. Такъ, въ 1860 г. фабрично-заводская промышленность Польши оцѣнивалась всего въ 32,1 мил. руб., съ общимъ числомъ рабочихъ въ 74.653 чел., въ 1897 г. эти цифры были соотвѣтственно равны 426 мил. и 247.041 чел. Въ настоящее время, производительность Ц. Польскаго составляетъ около $^1/_7$ части всей производительности имперіи, число рабочихъ составляетъ нѣсколько менѣе $^1/_8$ части, а число фабричныхъ заведеній—нѣсколько менѣе $^1/_9$ части. Если же сравнивать Польшу только съ промышленными районами Россіи, то первое мѣсто по суммѣ производительности займетъ московскій районъ (782,7 мил. р.), второе мѣсто—петербургскій (436 мил. р.), а третье мѣсто—Польша (426 м. р.). Иная картина получится, если мы сравнимъ указанные районы по отношенію производительности къ пространству земли: здѣсь первое мѣсто придется на долю Польши, второе—займетъ московскій районъ, а третье—петербургскій. Другими словами, по интенсивности своей промышленности Польша занимаетъ первенствующее мѣсто въ имперіи.

Особенно сильнаго развитія въ Польшѣ достигла мануфактурная промышленность: хлопчатобумажная, шерстяная, льняная. Такія фирмы, какъ Жирардовская мануфактура, извѣстны на всю Россію. Наиболѣе интенсивное развитіе эти отрасли промышленности получили, начиная съ 70-хъ годовъ, послѣ усиленія нашей протекціонной системы. Наряду съ увеличеніемъ производительности шло уменьшеніе числа фабрикъ и увеличеніе числа рабочихъ. Мѣриломъ здѣсь можетъ служить хотя бы возрастаніе числа веретенъ и ткацкихъ станковъ. Въ то время, какъ во всей имперіи, кромѣ Царства Польскаго, число прядильныхъ веретенъ возрасло съ 2.579.643 въ 1877 г. до 3.407.184 въ 1886 г., т.-е., увеличилось на 32%, въ Польшѣ оно возрасло съ 216.640 въ 1877 г. до 505.622 въ 1886 г., т.-е., увеличилось на 134%; число ткацкихъ станковъ возрасло за тотъ же періодъ во всей имперіи (кромѣ Ц. Польскаго) съ 50.149 до 73.944, т.-е., увеличилось на 46%, въ Польшѣ же оно поднялось съ 4.417 до 10.572, т.-е., увеличилось на 139%.

Авторъ очень подробно останавливается на вопросѣ о конкурренціи между Лодзью и Москвою. Онъ детально анализируетъ мотивы жалобъ московскихъ мануфактуристовъ, что промышленность «коренная» приносится-де въ жертву промышленности «чужеядной». Причина этихъ жалобъ очень простая: боязнь потерять высокую прибыль и необходимость, во избѣжаніе этой непріятной перспективы, оставить рутинные пріемы веденія дѣла. Лодзь побиваетъ Москву исключительно благодаря своей энергіи, предпріимчивости, всегдашней готовности идти новыми непроторенными путями. Она не ограничивается сбытомъ на внутренній рынокъ, но ищетъ рынковъ внѣшнихъ и мало-по-малу проникаетъ въ Персію, Малую Азію и Балканскія государства.

Польская промышленность имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для всего населенія края. Эта особенно тѣсная связь промышленности со всѣми экономическими интересами страны обусловливается тремя моментами: большая плотность населенія края, громадное число безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и слабое развитіе кустарной промышленности. Можно было бы, поэтому, ожидать, что фабричный трудъ оплачивается въ Польшѣ ниже, нежели въ имперіи; въ дѣйствительности же имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное явленіе: трудъ польскаго промышленнаго рабочаго оплачивается лучше, живетъ онъ болѣе культурно, и уровень его потребностей выше. Фабричныя школы, больницы, бани, дешевыя жилища, развлеченія и т. п., все это польскій рабочій имѣетъ и въ большемъ количествѣ, и лучшаго качества, чѣмъ его русскій собратъ, живущій, правда, подъ опекой своего «коренного» отца-благодѣтеля, а не какого-либо «чужеяднаго» пришлеца.

Четвертую часть своего труда авторъ посвящаетъ *нефтяной промышленности*. Промышленное значеніе нефть получила лишь за послѣдніе 30—40 лѣтъ. Первыми крупными предпринимателями были здѣсь три русскихъ капиталиста—Мирзоевъ, Кокоревъ и Губонинъ. Но особенно сильный толчокъ промышленность эта получила около половины 70-хъ годовъ, благодаря появленію въ Баку бр. Нобель. Эта фирма не только усовершенствовала технику производства и добычи, но она, кромѣ того, совершила полный переворотъ въ способахъ перевозки нефти и ея продуктовъ. Бр. Нобель первые ввели наливные пароходы и вагоны-цистерны, ими же былъ устроенъ первый керосинопроводъ; они же ввели въ употребленіе громадные резервуары для храненія нефти и керосина. Чтобы понять, какая громадная экономія въ стоимости перевозки была достигнута благодаря этимъ нововведеніямъ, достаточно вспомнить, что въ Баку бондарная клепка получалась съ береговъ Оки и Камы; бочка на 20 пудовъ керосина обходилась около 10 р.; кромѣ того, она увеличивала стоимость перевозки на 20%.

Благодаря всѣмъ этимъ улучшенiямъ, сильно возросло производство нефтяныхъ продуктовъ и понизилась ихъ стоимость. Вотъ нѣсколько цыфръ. Производство керосина съ 4,7 мил. пудовъ въ 1877 г. поднялось до 44 мил. пуд. въ 1887 г. (годъ введенiя акциза на керосинъ), причемъ на долю товарищества бр. Нобель приходилось приблизительно около $^1/_3$ всего производства. Средняя годовая цѣна 1 пуда керосина съ 1 р. 50 к. въ 1878 г. спустилась до 33 к. въ 1887 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскiй керосинъ не только вытѣснилъ изъ отечественнаго рынка американскiй, но и самъ скоро сталъ предметомъ вывоза за границу. Благодаря введенiю наливной перевозки, на Каспiйскомъ морѣ и на Волгѣ выросла цѣлая флотилiя паровыхъ и парусныхъ судовъ.

Другое крупное иностранное предпрiятiе—это основанное въ 1886 г. «Каспiйско-Черноморское» торговое и промышленное общество», главнымъ участникомъ котораго состоитъ Парижскiй банкирскiй домъ Ротшильдъ. Новое общество организовало экспортъ продуктовъ русской нефтяной промышленности въ Великобританiю, на Дальнiй Востокъ. Съ 17 мил. въ 1887 г. экспортъ поднялся до 75,8 мил. пуд. въ 1889 г. Экспортъ за границу вызвалъ къ жизни въ Батумѣ новое крупное производство—ящичное и жестяночное; въ годъ производится 6 мил. деревянныхъ ящиковъ и 12 мил. жестянокъ.

Но на мiровомъ рынкѣ русскiй керосинъ встрѣтилъ себѣ опаснаго конкуррента въ лицѣ американскаго керосина, и пока преобладающая роль принадлежитъ Америкѣ. Чтобы успѣшно конкуррировать съ послѣдней, необходимъ, по мнѣнiю автора, новый приливъ иностранныхъ капиталовъ въ наше нефтяное дѣло, такъ какъ только многомиллiонныя предпрiятiя способны поставить дѣло такъ, какъ этого требуетъ техническая и экономическая рацiональность.

Что же касается положенiя рабочихъ въ нефтяномъ производствѣ, то даже авторъ, который такъ тщательно подбираетъ все то, что сдѣлано въ этомъ отношенiи предпринимателями, долженъ ограничиться краткимъ общимъ замѣчанiемъ, что у наиболѣе крупныхъ фирмъ «имѣются сравнительно (?) удовлетворительныя помѣщенiя для служащихъ и рабочихъ». И дѣйствительно, поистинѣ ужасныя условiя жизни рабочихъ на нефтяныхъ промыслахъ давно уже сдѣлались притчей во языцѣхъ. И все же нельзя не согласиться съ авторомъ, когда онъ, сравнивая положенiе рабочихъ въ крупномъ производствѣ съ положенiемъ ручныхъ ткачей, работающихъ для раздаточныхъ конторъ, замѣчаетъ: «Контрастъ кажется столь поразительнымъ, что надъ нимъ нельзя не задуматься. И если бы въ активѣ крупнаго производства вообще и иностранныхъ капиталовъ въ частности не значилось даже больше другихъ преимуществъ, кромѣ указанныхъ выше,—ихъ однихъ было бы ужъ достаточно, чтобы наши симпатiи клонились въ сторону подобныхъ предпрiятiй, принимая во вниманiе огромное значенiе, которое упомянутыя преимущества имѣютъ для интересовъ класса людей, котораго ближе всего касается развитiе фабрично заводской промышленности,—интересовъ рабочаго населенiя». *I. Давыдовъ.*

Д-ръ Л. Штейнъ. Къ аграрному вопросу. Выпускъ I. Исторiя землевладѣнiя и поземельнаго права до половины XIX в. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданiе А Ю. Маноцковой. Москва. 1901 г. Цѣна 75 к. Заглавiе брошюры —«Къ аграрному вопросу»,—способно ввести въ заблужденiе читателя, не знакомаго въ подлинникѣ съ извѣстнымъ, часто цитируемымъ сочиненiемъ Л. Штейна «Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft». Брошюра эта составляетъ лишь часть этого сочиненiя—и часть, менѣе всего трактующую объ «аграрномъ вопросѣ» sensu stricto,—и объ этомъ нельзя не пожалѣть. Издатель, правда, имѣетъ въ виду выпустить въ свѣтъ и переводъ остальной части книги Л. Штейна, но не говоря уже о томъ, что для читателя было бы гораздо удобнѣе имѣть книгу передъ собой сразу въ цѣльномъ видѣ, это необходимо должно

увеличить ея цѣну, которую уже и для даннаго выпуска нельзя назвать низкой. Брошюра, въ сущности, даетъ лишь общій очеркъ развитія поземельныхъ отношеній и связанныхъ съ этимъ правообразованій. Любопытно отмѣтить, что авторъ, отнюдь не являясь сторонникомъ доктрины экономическаго матеріализма, тѣмъ не менѣе разсматриваетъ развитіе публичнаго и гражданскаго права въ связи и въ зависимости отъ развитія поземельныхъ отношеній. Такъ, авторъ, напр., говоритъ: «настанетъ когда нибудь время, когда богословы начнутъ понимать, что громадное различіе во всѣхъ отношеніяхъ католической и евангелической церквей къ гражданскому и публичному праву, что безпредѣльная одно время сила каноническаго права, равно какъ и донынѣ продолжающееся безсиліе евангелическаго церковнаго права—въ самой ничтожной степени основывалось и основываются на разности вѣроисповѣданія, но въ первомъ и послѣднемъ счетѣ—на вліяніе церковнаго землевладѣнія на всѣ тѣ стороны жизни, которыя испытываютъ на себѣ дѣйствіе владѣнія; что католическое собственническое духовенство, по вполнѣ естественнымъ причинамъ, консервативно, тогда какъ политическое міровоззрѣніе его неимущаго клира опредѣляется зависимымъ положеніемъ, а у протестантскаго, живущаго не доходами съ владѣнія, а жалованьемъ,—свободнымъ субъективнымъ выборомъ» (стр. 17).

Въ брошюрѣ авторъ прослѣживаетъ постепенный ходъ развитія правъ на землю, начиная съ эпохи господства родовыхъ отношеній и кончая возникновеніемъ свободной частной собственности, когда на смѣну родовыхъ отношеній и замѣнившихъ ихъ отношеній феодальныхъ появилось современное государство. Онъ указываетъ на то, какъ первоначально вся земля, принадлежащая какому-либо общественному единенію, распредѣлялась между церковью, общиной и личными владѣльцами и какъ послѣдніе, въ силу своего собственнаго интереса, должны были стремиться къ уничтоженію правъ рода на землю.

Въ связи съ этимъ Л. Штейнъ указываетъ на двоякій характеръ возникновенія частной собственности: завоеваніе и хозяйственная дѣятельность—трудъ. Эти обстоятельства вели къ замѣнѣ родовыхъ отношеній отношеніями сосѣдства; въ старый укладъ жизни все болѣе и болѣе вторгается новый элементъ—неродовичи, изгои; постепенно создаются основы современной жизни: *классъ* и его необходимый спутникъ, принципъ свободной конкуренціи.

Въ этомъ отношеніи большую роль сыграла *идея государственной власти*. Идея эта выросла въ борьбѣ съ раздробленнымъ на самодовлѣющія единицы феодальнымъ строемъ, гдѣ не было и не могло быть простора и свободы для индивидуальности. Какъ всегда, положительное давалось не даромъ: явилась новая форма зависимости, появилось господство бюрократіи...

Для характеристики соціально-политической физіономіи автора, достаточно указать, что онъ сторонникъ усиленія и поддержки среднихъ слоевъ населенія, и въ особенности крестьянства. Онъ съ сочувствіемъ цитируетъ слова Аристотеля: «Μέση κτῆσίς ἡ βελτίστη», среднее землевладѣніе, свободная гуфа, лучше всего, такъ какъ только крестьянинъ можетъ быть названъ дѣйствительно миролюбцемъ».

Переводъ брошюры сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно. Только нельзя назвать удачнымъ выраженіе «собственническій». Лучше было бы выразиться описательно. *I. Давыдовъ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Минто. «Дедуктивная и индуктивная логика». *Декартъ.* «Метафизическія размышленія». *Іодль.* «Давидъ Юмъ». *А. Богдановъ.* «Познаніе съ исторической точки зрѣнія».

Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. М. 1901. 4-е изд. (Библіотека для самообразованія). Что логика должна занимать центральное мѣсто

въ самообразованiи, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнiя. Изучаетъ ли кто нибудь философiю или теорiю познанiя, тому никакъ нельзя обойтись безъ логики. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно научнаго образованiя: орiентироваться въ вопросахъ методологiи возможно только тому, кто знакомъ съ основами логики. Между тѣмъ, обладать знакомствомъ съ логикой лицамъ съ среднимъ образованiемъ въ нашемъ отечествѣ весьма трудно, потому что въ нашихъ среднихъ школахъ преподаванiе логики почти совершенно отсутствуетъ. Поэтому лица, стремящiяся къ самообразованiю, особенно чувствуютъ потребность въ ознакомленiи съ логикой. Этой потребности въ настоящее время наилучше отвѣчаетъ указанное сочиненiе Минто, именно потому, что въ немъ въ наибольшой полнотѣ излагается какъ индуктивная, такъ и дедуктивная логика. На русскомъ языкѣ нѣтъ сочиненiя, которое въ такой мѣрѣ соединяло бы въ себѣ основательность съ элементарнымъ изложенiемъ. Но мы считаемъ нужнымъ предупредить, что книга Минто не принадлежитъ къ числу тѣхъ сочиненiй, которыя съ большой легкостью открываютъ доступъ къ такой трудной наукѣ, какъ логика. Необходимо тщательное и систематическое изученiе и, можетъ быть, нѣкоторая предварительная подготовка. При изученiи слѣдуетъ придерживаться того плана, который предлагается московской коммиссiей по организацiи домашняго чтенiя, но въ указаннымъ тамъ пособiямъ мы считаемъ нужнымъ прибавить, что для дальнѣйшаго изученiя логики послѣ изученiя Минто слѣдовало бы рекомендовать, дѣйствительно, классическiй трудъ Зигварта «Logik» на нѣмецкомъ языкѣ, вмѣсто «Логики Бэна», которая мало чѣмъ отличается отъ «Логики Милля». *Г. Ч.*

Декартъ. Метафизическiя размышленiя. Переводъ В. М. Невѣжиной подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. (Труды С.-Петербургскаго философскаго общества. Вып. I-й). Спб. 1901. Петербургское философское общество приступило къ переводу классическихъ авторовъ по философiи. Эту задачу нужно считать въ высокой мѣрѣ цѣлесообразной, такъ какъ на русскiй языкъ переведены только очень немногiе авторы.

Первый переводъ, который издало общество, есть сочиненiе Декарта «Метафизическiя размышленiя». Къ переводу приложена вводная статья проф. Введенскаго, въ которой онъ показываетъ, почему сочиненiя Декарта и въ настоящее время сохраняютъ значенiе. Это значенiе, по его мнѣнiю, заключается въ томъ, что Декартъ былъ основатель рацiонализма, что въ его сочиненiяхъ это направленiе проводится съ такой силой, которая привлекала къ рацiонализму величайшихъ мыслителей. Этотъ рацiонализмъ еще и въ настоящее время существуетъ въ сознанiи философствующихъ. Напр., у насъ чувствуется потребность къ философскому монизму. Нашъ умъ чувствуетъ себя крайне неудовлетвореннымъ, коль скоро онъ находитъ себя вынужденнымъ объяснить что нибудь при помощи нѣсколькихъ началъ, не сводимыхъ къ одному общему. Многимъ эта потребность представляется даже, какъ достаточное доказательство въ пользу монизма. Намъ это утвержденiе кажется необходимымъ только потому, что оно *кажется* намъ необходимымъ. Мы его признаемъ, хотя факты его и не подтверждаютъ. Это стремленiе служитъ однимъ изъ доказательствъ сильнѣйшей склонности нашего ума къ рацiонализму. Но для излѣченiя отъ безотчетной наклонности нашего ума къ рацiонализму намъ нужно, прежде всего, изучить важнѣйшiя сочиненiя выдающихся рацiоналистовъ въ томъ числѣ и основателя рацiонализма. Въ этомъ и состоитъ значенiе Декарта для нашего времени.

Но значенiе Декарта состоитъ еще и въ томъ, что у него впервые проведена мысль о различiи между физическимъ и психическимъ, о большей достовѣрности у данныхъ сознанiя, чѣмъ у внѣшняго мiра и т. п.

Предлагаемый переводъ одного изъ главныхъ сочиненiй Декарта, притомъ сдѣланный вполнѣ тщательно, можетъ быть очень полезнымъ для всѣхъ тѣхъ,

кто стремится къ серьезному изученію философіи. Нужно пожелать, чтобы философское общество по возможности скорѣе дало бы переводы произведеній Берклея и Юма, такъ какъ въ нихъ чувствуется несомнѣнная потребность. *Г. Ч.*

Іодль. Давидъ Юмъ, его жизнь и философія. Переводъ съ нѣмецкаго А. А. Мейера. М. 1901 г. Юмъ принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся мыслителей новѣйшаго времени. Если бы спросить, кто оказалъ большее вліяніе на развитіе новѣйшей философіи, Юмъ или Кантъ, то на этотъ вопросъ было бы трудно отвѣтить. Такъ велико было его вліяніе. Но удивительная вещь, основатель позитивизма и притомъ истиннаго, остается у насъ въ Россіи совершенно неизвѣстнымъ. О немъ у насъ нѣтъ ни одной монографіи, нѣтъ въ переводѣ ни одного изъ выдающихся произведеній. Это по отношенію къ такому мыслителю является очень большимъ пробѣломъ. Этотъ пробѣлъ до извѣстной степени пополняетъ переводъ небольшой книжки Іодля. Она въ краткихъ чертахъ знакомитъ съ воззрѣніями Юма какъ по теоріи познанія, такъ и по этикѣ. Изложеніе достаточно полное и точное. Мы не можемъ не указать на важный недостатокъ въ изложеніи Іодля, который состоитъ въ томъ, что онъ не вполнѣ рельефно обрисовываетъ теорію познанія Юма въ томъ пунктѣ, въ которомъ Юмъ приходитъ въ соприкосновеніе съ Кантомъ, напр., его ученіе о математическомъ познаніи. Наконецъ, критика Іодля кантовскаго ученія (на стр. 68) прямо не вѣрна. Не взирая на эти промахи, книгу Іодля можно рекомендовать для ознакомленія съ философіей Юма. *Г. Ч.*

А. Богдановъ. Познаніе съ исторической точки зрѣнія. Спб. 1901 г. Авторъ имѣетъ въ виду въ данной книгѣ дать теорію познанія, но съ особенной, не съ общепринятой точки зрѣнія, а съ чисто-исторической. У автора собственно есть намѣреніе показать, что точки зрѣнія критическая или кантіанская, какъ не тожественная съ генетической или исторической, должна быть признана несостоятельной. Онъ именно желаетъ противопоставить этой послѣдней теорію познанія съ исторической точки зрѣнія. Онъ желаетъ показать, что всевозможныя формы познанія и ихъ возникновеніе можно объяснить исторически и показать, что *различныя формы мышленія находятся въ самой тѣсной зависимости отъ формъ сотрудничества*. Эту мысль авторъ пытается доказать и развить въ деталяхъ. Онъ, напр., отмѣчаетъ, что та стадія общественной жизни, которую онъ называетъ «авторитарнымъ сотрудничествомъ» характеризуется «анимистическимъ монизмомъ» (194 стр.). Одна изъ послѣдующихъ стадій общественной жизни, это «анархическое сотрудничество» характеризуется появленіемъ «метафизическаго типа мышленія». Въ концѣ идеологическаго развитія этого типа получаются такія безсодержательныя обобщенія, какъ «субстанція», «бытіе», или «реальность». Къ числу такихъ проявленій метафизической тенденціи относится также и такъ называемый «товарный фетишизмъ» (1899). Стадіи «синтетическаго сотрудничества» соотвѣтствуетъ «синтетическій монизмъ».

Такимъ образомъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, «какъ складываются формы познанія въ зависимости отъ формъ общественнаго труда».

Казалось, что вопросъ о зависимости формъ сознанія отъ формъ общественнаго сотрудничества уже рѣшенъ, какъ вдругъ читатель узнаетъ (стр. 210), что «соотвѣтственно разнообразію формъ труда и сотрудничества, опредѣляющихъ собою жизнь цѣлыхъ группъ и отдѣльныхъ личностей, мышленіе людей вообще бываетъ *эклектично*. Одинъ и тотъ же классъ, одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ въ однихъ случаяхъ представлять анимистически, въ другихъ метафизически, въ третьихъ позитивно и т. д.». Читатель имѣетъ всѣ основанія недоумѣвать, для чего же въ данномъ случаѣ нужно было устанавливать *соотвѣтствіе* между общественными формами производства и формами мышленія, если между ними въ дѣйствительности нѣтъ соотвѣтствія.

Мы не станемъ оспаривать взгляда автора, что между формами мышленія и формами производства существуетъ именно то соотношеніе, которое онъ рисуетъ, да и нѣтъ никакой возможности оспаривать этотъ взглядъ, такъ какъ его доказательство носитъ исключительно *умозрительный* характеръ. Нигдѣ онъ не приводитъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Его утвержденія могутъ имѣть обязательный характеръ только для того, кто вообще признаетъ подобные пріемы аргументаціи.

Авторъ, приступая къ изслѣдованію, руководился тѣмъ, что въ настоящее время «спутанность мышленія» дошла до невѣроятныхъ размѣровъ. Замѣчается повсюду какая-то «растерянность». Повсюду слышится «призывъ назадъ къ Лассалю, назадъ къ Фихте, назадъ къ Канту, вообще куда угодно, только не впередъ».

Авторъ въ своей книгѣ хочетъ, повидимому, указать путь впередъ. Но, къ сожалѣнію, тотъ пріемъ изслѣдованія, который онъ избралъ, можетъ привести только назадъ, а отнюдь не впередъ, можетъ привести только къ спутанности мысли, а не къ разъясненію какого бы то ни было вопроса. Авторъ приступаетъ къ изслѣдованію очень серьезнаго философскаго вопроса, будучи совершеннымъ диллетантомъ въ философіи и психологіи. Онъ пытается разрѣшить гносеологическую задачу, будучи совершенно незнакомъ съ современными гносеологическими ученіями.

Вотъ образчики того, насколько авторъ въ курсѣ современныхъ ученій. Онъ, напр., утверждаетъ, что новое понятіе причинности, котораго онъ придерживается отличается отъ стараго. «Старое понятіе причинности сводилось къ необходимой постоянной послѣдовательности двухъ явленій и только. Новое понятіе заключается въ признаніи количественнаго равенства и существеннаго тожества причины и слѣдствія, какъ двухъ стадій одного и того же процесса». Автору остается неизвѣстнымъ, что у современныхъ эмпириковъ, напр., у Бэна оба эти опредѣленія причинности совмѣщаются, о чемъ авторъ могъ бы узнать изъ логики Милля, о которомъ онъ совершенно ошибочно утверждаетъ, что для него «энергетическое пониманіе причинности было вполнѣ чуждымъ» (См. его «Логику». Кн. 3. Гл. V. § 10).

Вопросъ о томъ, «примѣняется ли принципъ энергіи въ сферѣ фактовъ сознанія» онъ рѣшаетъ чрезвычайно просто въ томъ смыслѣ, что примѣняется и дѣлаетъ это потому, что не подозрѣваетъ сложности этого вопроса, а это происходитъ оттого, что авторъ считаетъ психическія явленія матеріальными. При такихъ условіяхъ, разумѣется, всякая трудность исчезаетъ.

Что авторъ дѣйствительно не отличаетъ психическихъ явленій отъ матеріальныхъ показываетъ слѣдующее его заявленіе (стр. 10): «Такъ какъ энергія, согласно закону, не исчезаетъ, но переходитъ въ другія формы, то каждый фактъ сознанія, прекращаясь какъ психическое явленіе, долженъ опять перейти въ процессы не психическіе, механическіе». Авторъ говоритъ объ этомъ переходѣ, какъ о само собою разумѣющемся фактѣ, между тѣмъ какъ это болѣе чѣмъ сомнительно.

По его мнѣнію, если не признать, что психическіе процессы могутъ возникать изъ механическихъ процессовъ, то это привело бы къ предположенію, что «психическіе процессы могутъ возникать изъ ничего и абсолютно уничтожаться, что они, стало быть, представляютъ чудо» (стр. 12). Авторъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что въ философіи вопросъ о происхожденіи сознанія всѣми философами, за исключеніемъ матеріалистовъ, рѣшался не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это желательно для автора, и никому возникновеніе психическаго не казалось чудомъ.

Доказательство того, что психическія явленія возникаютъ изъ физической энергіи онъ видитъ въ томъ, что совсѣмъ не доказано, что въ организмѣ рас-

ходъ энергіи покрывается приходомъ, поэтому онъ предполагаетъ, что часть физической энергіи расходуется на созиданіе психическихъ явленій (стр. 9). Авторъ не замѣчаетъ, что такимъ допущеніемъ онъ дѣлаетъ сомнительнымъ самый законъ сохраненія энергіи, на правильности котораго онъ все обосновываетъ.

Не сознавая ясно различія между психическимъ и физическимъ, авторъ можетъ показать происхожденіе формъ сознанія изъ чего угодно, а не только изъ формъ общественнаго производства.

Но особенно странное отношеніе авторъ обнаруживаетъ къ вопросу, который для него долженъ быть капитальнымъ, именно къ вопросу о критицизмѣ. Онъ задается цѣлью показать, что критическій методъ теоріи познанія не имѣетъ никакой цѣны, а что цѣну имѣетъ только *историческій*, предлагаемый авторомъ. Для всякаго ясно, что говоря о критицистахъ, онъ долженъ имѣть въ виду Канта и его послѣдователей, напр. Риля, Виндельбанда и др. Нигдѣ не видно, чтобы авторъ былъ знакомъ съ этими критицистами. Насколько плохо онъ освѣдомленъ относительно того, что такое критицизмъ, показываетъ то, что онъ къ числу критицистовъ относитъ Маха и Авенаріуса, которые съ кантовскимъ критицизмомъ ничего общаго не имѣютъ.

Незнакомство автора съ критицизмомъ, противъ котораго онъ полемизируетъ, показываетъ заключительная глава «о предпосылкахъ познанія», гдѣ онъ сводитъ окончательные счеты съ критическимъ методомъ. Авторъ вмѣсто того, чтобы обратиться къ самому Канту или его послѣдователямъ для ознакомленія съ сущностью критицизма, избираетъ болѣе короткій путь, онъ именно обращается къ г. В. Базарову и то, что у него узнаетъ о критицизмѣ, сообщаетъ своимъ читателямъ. Но этотъ источникъ оказывается чрезвычайно не надежнымъ Такъ, напр., г. Богдановъ думаетъ, что «если ассоціаціонисты и психофизіологи опредѣленнымъ образомъ объясняютъ возникновеніе идей пространства, времени, «я», то эти объясненія не имѣютъ никакого смысла съ гносеологической точки зрѣнія».

Можно сказать, что ничего подобнаго не утверждали гносеологи кантіанской школы. Они совсѣмъ не утверждали, что психологическія объясненія не имѣютъ никакого смысла съ гносеологической точки зрѣнія (стр. 214), а говорили, что при рѣшеніи гносеологическаго вопроса психологическія данныя не имѣютъ никакого значенія, а между этимъ и тѣмъ есть огромное различіе.

По словамъ автора, «идея пространства дѣйствительно *объясняется* опредѣленной ассоціаціей мускульныхъ и иныхъ воспріятій, потому что представленіе о пространственной формѣ воспріятій гораздо сложнѣе представленія о соединеніи мускульныхъ воспріятій». Авторъ очень запоздалъ съ своимъ утвержденіемъ, что при помощи мускульнаго чувства объясняется идея пространства, ибо это старинное объясненіе уже покинуто современной психологіей.

«Историческій методъ,—говоритъ авторъ,—одинъ способенъ объяснить происхожденіе познавательныхъ явленій изъ болѣе простыхъ соціально психическихъ, біологическихъ, физико-химическихъ. Нелѣпы и безсильны попытки преградить ему путь». Авторъ думаетъ, что этотъ путь ему преграждаетъ критицизмъ. По поводу этой заключительной фразы замѣтимъ, что до сихъ поръ никакой методъ не былъ въ состояніи объяснить происхожденіе познавательныхъ явленій изъ физико-химическихъ. Эту иллюзію авторъ напрасно проповѣдуетъ. Совершенно неправъ г. Богдановъ, когда онъ утверждаетъ, что критическій методъ преграждаетъ путь историческому. Кантіанцы утверждаютъ, что историко-генетическій методъ есть способъ изслѣдованія, совершенно законный, но только онъ не исключаетъ возможности примѣненія другого метода, который они называютъ критическимъ или трансцендентальнымъ. Если бы г. Богдановъ не довольствовался только совѣтомъ г. Базарова, а, предполагая

написать книгу объ историческомъ методѣ познанія противъ кантіанцевъ, изучилъ бы кантіанцевъ то онъ, разумѣется, это не сказалъ бы.

Намъ кажется, что если лица, пишущія по философскимъ вопросамъ, будутъ къ философіи относиться такъ, какъ къ ней относится авторъ разбираемой книги, т.-е. будутъ писать, игнорируя все то, что сдѣлано этой наукой, то у насъ все еще будетъ царить спутанность мышленія и растерянность, противъ которыхъ хочетъ бороться авторъ, и мы будемъ идти не впередъ, а назадъ, но не къ Фихте или къ Канту, а къ какимъ-либо вульгарнымъ философскимъ теоріямъ. *Г. Ч.*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Ек. Янжулъ. «Американская школа».—*С. Григорьевъ.* «Очерки по народному образованію во Франціи».

Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. Екатерины Янжулъ. Спб. 1991 г. Ц. 2 р. Совершающійся на нашихъ глазахъ необыкновенный ростъ, въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, несомнѣнно, въ значительной степени объясняется прежде всего широкимъ распространеніемъ въ этой странѣ народнаго образованія. Старая Европа, погруженная въ дипломатическія соображенія и совершенно обезсиленная непомѣрными военными расходами, можетъ только съ завистью смотрѣть на удивительное развитіе во всѣхъ отношеніяхъ американскаго народа. Но кромѣ чисто финансовыхъ затрудненій, проистекающихъ отъ милитаризма и препятствующихъ европейскимъ государствамъ широко поставить у себя дѣло народнаго образованія,—это послѣднее много теряетъ здѣсь еще и потому, что европейскія правительства въ высшей степени туго поддаются новымъ научнымъ теченіямъ въ этой области, традиціонно придерживаясь старой, уже отжившей системы. Въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе представляютъ Скандинавскія государства вмѣстѣ съ Финляндіей, гдѣ постановка народнаго образованія заслуживаетъ также самаго серьезнаго вниманія. Американцы, по свидѣтельству автора вышеуказанной книги, чутко прислушиваются къ тому, что дѣлается въ области народнаго образованія въ странахъ болѣе старой культуры и всякая новая удачная идея быстро находитъ у нихъ примѣненіе, чуть ли не больше даже, чѣмъ на своей родинѣ, но, конечно, въ значительно переработанномъ уже видѣ, сообразуясь съ мѣстными потребностями и національнымъ духомъ своей страны. Американская педагогика представляетъ бо́льшую жизненность и болѣе близка къ дѣтской природѣ, которая въ Америкѣ подвергается наиболѣе тщательному изученію. Поэтому американская система обученія, по мнѣнію автора, можетъ имѣть даже болѣе универсальное примѣненіе, чѣмъ системы нѣмецкая, французская и даже англійская, какъ «окрашенныя большею частью или слишкомъ сильнымъ національнымъ характеромъ, или черезчуръ большою теоретичностью или отвлеченностью».

Настоящая книга явилась результатомъ не только теоретическаго изученія вопроса по литературнымъ источникамъ, но и какъ продуктъ личнаго ознакомленія автора съ американскими начальными школами на мѣстѣ, а также изученія, кромѣ того, богатаго школьнаго отдѣла на Чикагской выставкѣ. Вся книга заключаетъ въ себѣ восемь главъ. Въ первой главѣ авторъ передаетъ свои первыя впечатлѣнія отъ посѣщенія американской школы и знакомитъ съ ея гигіенической и санитарной обстановкой, а также съ тѣми способами, при помощи которыхъ поддерживается въ школѣ дисциплина. Выводъ изъ этой главы тотъ, что американская школа даетъ просторъ индивидуальной свободѣ

человѣка, и американскій классъ производитъ впечатлѣніе большой семьи въ хорошей свѣтлой комнатѣ, а не однородной толпы обезличенныхъ школьниковъ, помѣщенныхъ въ душной казармѣ, на которую такъ похоже большинство школьныхъ помѣщеній, напримѣръ, у насъ въ Россіи. Отсутствіе какихъ бы то ни было карательныхъ мѣръ, точно также какъ балльной системы, особенно рѣзко отдѣляетъ американскую школу отъ европейской вообще и отъ русской въ частности. Вознаграждать дѣтей баллами и отличіями или мѣстомъ въ классѣ, по мнѣнію американцевъ, это значитъ прибѣгать къ своего рода подкупу дѣтей. «Такимъ стимуломъ, — говорятъ они, — не создаются истинные работники; онъ можетъ искусственно возбудить ребенка даже къ лихорадочной дѣятельности, но затѣмъ, по прекращеніи всего этого, ребенокъ перестаетъ работать, такъ какъ въ немъ не развились болѣе прочные и возвышенные стимулы». Въ послѣдующихъ главахъ авторъ знакомитъ со способами классификаціи учениковъ въ американской школѣ и системой перевода изъ класса въ классъ, затѣмъ говоритъ о методахъ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ и въ томъ числѣ рисованія и ручного труда, который, какъ извѣстно, въ американской школѣ занимаетъ мѣсто общеобразовательнаго предмета. Полное отсутствіе рутины въ пріемахъ преподаванія и высокая задача дѣйствительно развить, насколько возможно, духовную сторону учащагося—вотъ основныя черты американской начальной школы. Надо надѣяться, что трудъ г-жи Е. Янжулъ заставитъ лицъ, близко стоящихъ къ нашей начальной школѣ, поневолѣ сдѣлать кое-какія сравненія, которыя, увы! окажутся далеко не въ ихъ пользу. Но, конечно, это сравненіе еще не поправитъ дѣла до тѣхъ поръ, пока народное образованіе не будетъ признано дѣломъ первой государственной важности и поборники его не будутъ освобождены отъ той массы никому ненужныхъ правилъ и регламентовъ, которые, какъ желѣзнымъ кольцомъ, сковали развитіе начальной школы. Будемъ надѣяться, что и для русской школы настанетъ, наконецъ, тотъ день, когда мы будемъ гордиться ею и когда развитіе и образованіе народа будетъ признаваться не только не опаснымъ, но прямо необходимымъ въ цѣляхъ мирнаго и культурнаго развитія нашего отечества. А пока что можно пожелать книгѣ г-жи Янжулъ самого широкого распространенія, какъ первому систематическому изложенію основныхъ методовъ американской педагогики, съ которой у насъ мало кто знакомъ и съ которой, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ познакомиться. *К. Д.*

Очерки по народному образованію во Франціи. С. Григорьева. Спб. 1901 г. (Цѣна не обозначена). Вопросы народнаго образованія за послѣднюю четверть вѣка достигли особеннаго напряженія во Франціи, гдѣ въ одно время съ нами поднятъ, между прочимъ, вопросъ и о реформѣ средняго образованія.

Но особенный интересъ представляетъ для насъ, несомнѣнно, постановка начальнаго народнаго образованія у французовъ, которое, послѣ пораженія 1871 года, явилось одной изъ главныхъ заботъ французскаго правительства и общества. Общество видѣло въ немъ главный толчокъ къ возрожденію разоренной и подавленной Франціи и тайную надежду на возможный въ будущемъ реваншъ. И народная школа стала дѣйствительно во Франціи центромъ возрожденія. Она не только даетъ знаніе и оказываетъ моральное воздѣйствіе на своихъ учениковъ, но при помощи цѣлаго ряда учрежденій, которыя возникаютъ около нея и обнимаютъ разные слои населенія, она способствуетъ подъему и экономическаго благосостоянія націи. Къ такимъ учрежденіямъ относятся напр., общества бывшихъ учениковъ, школьныя кассы, школьныя колоніи, сберегательныя кассы, общества взаимной помощи, всевозможные курсы, библіотеки, музеи, пріюты учащихся и пр. Всѣ очерки, составившіе настоящую книгу,— написаны интересно и мы рекомендуемъ прочитать ихъ тому, кто пожелалъ бы въ общихъ чертахъ познакомиться съ постановкой народнаго образо-

ванія во Франціи. Интересныя страницы въ книгѣ г. Григорьева относятся къ исторіи народныхъ школъ въ эпоху Наполеона III, который, какъ извѣстно, сильно затормозилъ распространеніе народнаго образованія во Франціи, не довѣряя школѣ и стремясь подчинить ее правительственной администраціи, съ цѣлью сдѣлать, такимъ образомъ, школу орудіемъ для достиженія политическихъ цѣлей. Большое зло оказали народному образованію и клерикалы, которые видѣли въ народной школѣ «очагъ революціонныхъ идей» и потому старались, насколько возможно, сократить число свѣтскихъ народныхъ школъ и замѣнить ихъ конгрегаціонными. Но самое тяжелое наслѣдство отъ наполеоновскаго режима заключалось въ томъ, что народные учителя были вовлечены въ партійную борьбу, изъ-за которой нерѣдко жертвовали интересами школъ. Самый курсъ народной школы былъ ограниченъ весьма тѣснымъ кругомъ предметовъ: молитвы, чтеніе, письмо и счетъ—вотъ все, что составляло вполнѣ законченную программу тогдашней школы. Для подъема народнаго образованія нужно было сдѣлать колоссальныя усилія и это сдѣлала уже третья республика, которая въ теченіе двадцати лѣтъ увеличила комплектъ учителей на 58.617 человѣкъ, т.-е. болѣе чѣмъ въ полтора раза и расходы на образованіе за тотъ же періодъ на 119.617.700 фр., т.-е. болѣе чѣмъ вдвое. Большой интересъ въ книгѣ г. Григорьева представляетъ очеркъ о внѣшкольномъ образованіи во Франціи, постановка котораго заслуживаетъ, несомнѣнно, серьезнаго вниманія со стороны тѣхъ лицъ, которыя работаютъ въ этой области и у насъ въ Россіи. Къ сожалѣнію, параллели, которыя невольно будетъ проводить читатель, очень невыгодны для Россіи. Выдающаяся роль въ послѣшкольномъ обученіи во Франціи принадлежитъ курсамъ для взрослыхъ и подростковъ, а затѣмъ уже чтеніямъ и такъ называемому народному университету. Отмѣчая крайнюю потребность въ подобныхъ учрежденіяхъ и у насъ, авторъ книги полагаетъ, что необходимо только устранить формальныя препятствія и издать соотвѣтствующія законоположенія, чтобы всѣ подобныя учрежденія, какъ имѣющія уже достаточно подготовленную почву, сразу достигли широкаго распространенія. «Отмѣна формальностей»—это лозунгъ всѣхъ работниковъ въ области внѣшкольнаго образованія и, конечно, имѣетъ за собой серьезныя данныя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо желать не только отмѣны этихъ дѣйствительно тормозящихъ дѣло формальностей. Необходимо, чтобы вся область народнаго образованія не представляла бы изъ себя неприступную крѣпость для общества. Только общественная иниціатива, только дружная совмѣстная работа десятковъ тысячъ интеллигентныхъ работниковъ, друзей народнаго образованія, и только полное довѣріе къ русскому обществу, безъ котораго немыслимо никакое общее дѣло,—могутъ дать народному образованію тотъ толчокъ, который создастъ эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія. Внѣ этихъ условій народная школа будетъ только суррогатомъ, очень дорого стоющимъ и не приносящимъ никакихъ положительныхъ результатовъ въ области просвѣщенія народной массы. И, конечно, намъ такого суррогата не надо.

К. Д.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го августа по 15-ое сентября 1901 г.).

Н. Г. Вороновъ. Элементы исторіи. М. 1901 г. Ц. 50 к.

О. Н. Попова. Родной Міръ. Азбука для дѣтей. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

Р. Менделевичъ. Мечты и Явь. Стих. и поэмы. М. 1901 г. Ц. 1 р.

В. Н. Соловьевъ. Посмертный сборникъ. Сочиненія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

А. И. Ивановъ. Николаевская Главная астроном. обсерваторія въ Пулковѣ. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

Г. Т. Муровъ. Люди и нравы Дальняго Востока. Томскъ. 1901 г.

Н. И. Галицкій. На берегахъ Невы... Спб. 1901 г. Ц. 80 к.

Журналы засѣданій Тверского очередного губ. земск. собранія сессія 1900 г. Тверь. 1901 г.

В. Н. Ергольскій. XV-лѣтіе Бурашевской колоніи для душ.-больныхъ Тверского губ. земства 1884—1899 г. Тверь. 1901 г.

Отчетъ Рязанскаго Об-ва устройства народн. развлеченій 1900—1901 г.

Sonder Abdruch aus Flora oder Allg. bot. Zeitung. 1901. Ergänzungsband. 89. Bd.

Т. Щепкина-Куперникъ. Мои стихи. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для систематическаго чтенія. Н.-Новгородъ. 1901 г. Ц. 40 к.

Отчетъ Одесской городской управы за 1900 г. по народному образованію. Одесса. 1901 г.

Свящ. Г. Петровъ. Къ свѣту. М. 1901 г. Ц. 20 к.

Его же. Божьи работники. То же.

Его же. Долой пьянство. То же.

Его же. Зерна добра. То же.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской коммиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1900 г. Харьковъ. 1901 г.

Эрн. Махъ. Научно-популярн. очерки. Вып. II. Этюды по естествознанію. Перев. съ нѣм. А. Мейеръ, подъ ред. Энгельмейеръ. Изд. Монацковой. М. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

D-r H. Rohleder. Онанизмъ. Пер. съ нѣм. Д-ръ Харитонскій. Каменецъ-Подольскъ. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. П. Ранскій. Соціологія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Е. М. Витошинскій. Реформа классицизма или реформа средней школы. Варшава. 1901 г. Ц. 70 коп.

Матеріалы для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ Костромской губ. 1900 г. Вып. IV. Кострома. 1900 г. Изд. губ. земства.

Максъ-Донхинъ. Моисей. Истор. драма въ 5-ти дѣйств. Изд. книгоизд. «Улей». Харьковъ. 1801 г. Ц. 25 к.

Рѣчь д-ра Герцеля на 4-мъ конгрессѣ сіонистовъ. Изд. то же. Ц. 3 к.

Д-ръ Шляпошниковъ. 4-й всемірно-европейскій конгрессъ сіонистовъ въ Лондонѣ. Изд. то же. Харьковъ. 1901 г. Ц. 15 к.

Д-ръ Л. В. Конъ. Разстройство мочеиспусканія въ пожиломъ возрастѣ. М. 1901 г. Ц. 40 к.

О питательномъ режимѣ. Изъ соч. Consultations Medicíales. Д-ра Huchard'а. М. 1901 г.

А. В. Переводчикова. Стихотворенія. Изд. 2-е, дополн. Саратовъ. 1900 г. Ц. 50 к.

Е. Семеновъ. Больное мѣсто. Иркутскъ. 1901 г. Ц. 5 к.

Г. А. Бѣлковскій. Чахтеръ. Изд. т-ва «Ахгасафъ». Варшава. 1901 г. ц. 25 к.

З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Вересаевъ. Записки врача. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

А. П. Грабина. Сережа Мотыльковъ. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.

К. М. Ванъ-Девентеръ. Проф. Амстерд. университ. Краткій курсъ физической химіи съ предисл. проф. Ж. П. Вантъ-Гоффа. Перев. съ нѣм. К. М. Добросердова. Ц. 80 к.

Гр. Павелъ Шереметьевъ. Отзвуки разсказовъ Н. Ѳ. Горбунова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Вильгельмъ Бёльше. От бациллы до обезьяны. Перев. съ нѣм. М. Изд. Ненашева. 1901 г.

Л. Жерарденъ. Общая ботаника. Изд. Монацковой. Ц. 1 р.

Д-ръ Штерлингъ. Наука о здоровьѣ. Перев. А. Ю. Броновицкой. Изд. то же. М. 1901 г. Ц. 80 к.

Ф. Піотровскаго. Наука о погодѣ. Перев. съ польск Р-аго. Изд. то же. М. 1901 г. Ц. 70 к.

Л. Леше. Новые методы преподаванія иностранныхъ языковъ. Кіевъ. 1901 г. Ц. 50 к.

П. О. Кулишъ. Хмелнищина. Кіевъ. 1901 г. Ц. 15 к.

Л. Яновьска. На синожати. Жартъ у 1 дш. Ц. 40 к.

Дѣло дворянъ Безмѣновыхъ. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.

П. Б—цкій. Что такое жизнь. Вып. I-й. Перев. съ нѣм. Саратовъ. 1901 г. Ц. 20 к.

Сидней и Беатриса Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма. Переводъ В. Ильина, подъ ред. П. Струве. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Матеріалы для оцѣнки городскихъ недвижимыхъ имуществъ городовъ. Костромской губ. Изд. Костр. губ. зем. Кострома. 1900 г.

Крестьянское скотоводство въ Костр. губ. по подворной переписи. 1899 г. Вып I. 1900 г. Изд. Костр. губ. зем. Кострома. 1900 г.

А. И. Славинскій. Закавказская учит. семинарія на собственной выставкѣ въ Тифлисѣ 1901 г. Тифлисъ. 1901 г.

В. С. Шевичъ. Наблюденія и думы о средней школѣ. Иркутскъ. 1901 г.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Костромской губ. Тм. I. Вып. II и III. 1900 г. Кострома. 1901 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Auf alten Wegen in Mexiko und Guatemala» von Cäcilie Seler. Berlin (Dietrich Reimer). (На старыхъ дорогахъ въ Мексикѣ и Гватемалѣ). Авторъ этой книги, Цецилія Зелеръ, сопровождавшая своего мужа во время его археологической экскурсіи въ Мексику и Гватемалу, очень живо и занимательно описываетъ свои собственныя наблюденія и приключенія въ мало изслѣдованныхъ областяхъ центральной Америки.

(Frankfurt. Zeit.).

«Le progrès Social à la fin du XIX siècle» par Louis Skarzynski. Paris (Alcan). 1901. (Соціальный прогрессъ въ концѣ XIX вѣка). Это первый трудъ на французскомь языкѣ, въ которомъ изложена исторія развитія различныхъ общественныхъ учрежденій и положеніе соціальнаго вопроса въ XIX вѣкѣ, во всѣхъ странахъ. Какъ спеціалисты, такъ и вообще читатели, интересующіеся соціальными вопросами, найдутъ въ этой книгѣ много свѣдѣній по соціальной экономіи конца XIX вѣка. Предисловіе написано Леономъ Буржуа.

(Journal des Débats).

«Heredité and Human Progress» by W. Duncan M Kim. New-York and London (Наслѣдственность и человѣческій прогрессъ). Авторъ доказываетъ, что наслѣдственность является главною причиной человѣческихъ несчастій и вырожденія человѣческой расы, хотя въ то же время онъ признаетъ оздоровляющее вліяніе среды, уничтожающее нерѣдко вредное вліяніе наслѣдственности. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки настаиваетъ на томъ, что человѣчество въ своихъ интересахъ должно принять энергичныя мѣры къ уничтоженію вредной наслѣдственности. Къ числу такихъ мѣръ должны принадлежать законы, касающіеся браковъ и безусловно воспрещающіе вступленіе въ бракъ лицамъ, имѣющимъ дурную наслѣдственность. Но авторъ идетъ дальше и смѣло разрубаетъ гордіевъ узелъ, совѣтуя предавать смерти посредствомъ какого-нибудь безболѣзненнаго и быстраго способа всѣхъ неизлѣчимыхъ сумасшедшихъ и идіотовъ, неисправимыхъ пьяницъ и врожденныхъ преступниковъ. Такая радикальная мѣра должна будетъ спасти Соединенные Штаты, гдѣ цифра преступности возрастаетъ съ каждымъ годомъ, отъ окончательнаго вырожденія. Несмотря на такой болѣе, чѣмъ странный, взглядъ на способъ разрѣшенія соціальнаго вопроса, названная книга все-таки заслуживаетъ вниманія, такъ какъ изобилуетъ научными данными и свѣдѣніями, полезными для соціологовъ.

(Daily News).

«The Races of Man» a Sketch of Ethnography and Antropology by I. Deniker. (Расы человѣка). Эта книга представляетъ удачную попытку представить въ сжатомъ очеркѣ результатъ новѣйшихъ антропологическихъ изслѣдованій и современное положеніе антропологической науки. Первую часть своего труда авторъ посвящаетъ физической и психической характеристикѣ человѣка въ разныя времена, во всѣхъ стадіяхъ цивилизаціи и въ разныхъ странахъ міра. Въ послѣднихъ главахъ говорится о расахъ, на которыя раздѣляется человѣчество. (Athaeneum).

«An Essay on Western Civilisation in its Economic aspects» (Mediaval and Modern Times) by W. Cunningham. Cambridge (University Press) 4 s. 6 d. (Очеркъ западной цивилизаціи съ точки зрѣнія экономическихъ ея сторонъ). Прекрасное историческое изслѣдованіе. Во вступительной главѣ авторъ говоритъ объ организаціи средневѣковаго общества, экономическомъ вліяніи Рима, и, затѣмъ, о вліяніи церкви, развитіи монашескихъ орденовъ и роли высшаго духовенства въ устройствѣ средневѣковаго общества. Далѣе авторъ говоритъ о развитіи экономическихъ силъ и взаимномъ вліяніи человѣка и окружающей среды. Развитіе національностей, секуляризація науки и вмѣшательство въ государственную жизнь капитала характеризуютъ конецъ средневѣковой и начало современной эпохи. Въ заключительныхъ главахъ авторъ говоритъ о постоянныхъ и преходящихъ элементахъ цивилизаціи.

(Daily News).

«Les Amazones» par Paul Lacour. (Perrin et C°) 3 fr. 50 (Амазонки). Подъ об-

щимъ заглавіемъ «Les femmes dans l'histoire» (*Женщины въ исторіи*) авторъ намѣревается издать рядъ историческихъ очерковъ. Названная книга представляетъ первый томъ этого изданія. Авторъ посвящаетъ ее исключительно только женщинамъ-воительницамъ, но въ числѣ этихъ послѣднихъ Іоанны д'Аркъ не находится, такъ какъ ей авторъ предполагаетъ посвятить болѣе обширный очеркъ, не желая включать образъ этой героини въ нѣсколько узкія рамки.

(Journal des Débats).

«*The Case for the Factory Acts*» *Edited by M-rs Sidney Webb. London* (*Grant Fichards*). (*Исторія фабричныхъ законовъ*). Эта небольшая книга представляетъ совмѣстную работу женщинъ, членовъ фабричной законодательной ассоціаціи, излагающихъ въ обстоятельномъ очеркѣ исторію англійскихъ фабричныхъ законовъ, ихъ теоретическія основанія и достигнутые ими практическіе результаты. Во вступительномъ очеркѣ мистриссъ Веббъ говоритъ объ экономическихъ условіяхъ фабричнаго труда въ Англіи. Исторія англійскихъ фабричныхъ законовъ прекрасно изложена мистриссъ Хётчинсъ, а мистриссъ Ривсъ изучаетъ въ своемъ очеркѣ фабричное законодательство англійскихъ колоній. Очень интересное предисловіе къ этой книгѣ написано мистриссъ Гёмфри Уордъ.

(Daily News).

«*Die Grundzüge der Tropen-hygiene*» *von d-r Karl Däubler. Berlin* (*Otto Euslin*). (*Основы тропической гигіены*). Вопросы тропической гигіены пріобрѣтаютъ особенно большое значеніе въ настоящее время, съ расширеніемъ колоніальныхъ владѣній и заселеніемъ европейцами тропическихъ странъ. Въ своемъ сочиненіи, посвященномъ этимъ вопросамъ, авторъ говоритъ о физическихъ особенностяхъ тропическаго климата, изслѣдуетъ вліяніе его на физіологическія отправленія человѣческаго организма и подробно описываетъ болѣзни, свойственныя тропическимъ странамъ, останавливаясь съ особеннымъ вниманіемъ на профилактикѣ этихъ болѣзней и тѣхъ мѣрахъ, которыя долженъ принимать европеецъ для приспособленія своего организма къ тропическому климату.

(Frankfurt. Zeit).

«*Le Explorazioni polari del secolo XIX*» *Luigi Hugues. Milano* (*Hoepli*) *1901.* (*Полярныя экспедиціи въ XIX вѣкѣ*). Полярныя экспедиціи представляютъ, безъ сомнѣнія, одну изъ славныхъ страницъ исторіи прошлаго вѣка. Въ названной книгѣ итальянскій ученый резюмируетъ труды полярныхъ изслѣдователей и достигнутые имъ результаты. Многочисленныя иллюстраціи и географическія карты дополняютъ текстъ.

(Journal des Débats).

«*Die Thiere in der deutschen Volksmedizin alter und neuer Zeit*» *von Ioh. Jühling* (*Schulze*). (*Животныя въ нѣмецкой народной медицинѣ стараго и новаго времени*). Каждое народное медицинское средство, если вдуматься въ его смыслъ и значеніе, представляетъ изъ себя частицу исторіи культуры и даетъ возможность судить о народныхъ воззрѣніяхъ въ отдаленныя эпохи человѣческой исторіи. Авторъ указываетъ, напримѣръ, что нѣтъ ни одного животнаго и ни одного насѣкомаго, какъ бы оно ни было ничтожно, которому бы нѣмецкая народная медицина не приписывала цѣлебныхъ свойствъ. Впрочемъ, чудодѣйственныя свойства обыкновенно приписывались какой-нибудь части животнаго организма, а не цѣлому животному. Въ экономическомъ отношеніи трудъ автора представляетъ большой интересъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«*The Problem of Conduct, a study in the Phenomenology o Ethics*» *by A. E. Taylor. London* (*Macmillan and C°*). (*Проблема о нравственномъ поведеніи*). Въ 1899 г. въ Оксфордѣ былъ назначенъ конкурсъ на соисканіе преміи Грина за сочиненіе по нравтсвенной философіи на тему о взаимномъ отношеніи этики и метафизики. Тейлоръ, авторъ вышеназванной книги, отвергаетъ существующій взглядъ, что этика должна опираться на метафизику. Онъ очень мѣтко касается многихъ вопросовъ нравственной философіи и разрѣшаетъ нѣкоторыя нравственныя проблемы. Очень хороши главы о «Типахъ добродѣтели» и о Н«равственныхъ идеалахъ и прогрессѣ», а также глава «За предѣлами добра и зла», въ которой авторъ говоритъ о религіи.

(Manchester Guardian).

«*Literary Friends and Acquaintances*» *by W. D. Howells. London* (*Harpes and Brothers*) *10 s. 6 d.* (*Литературные друзья и знакомые*). Передъ глазами читателей проходитъ цѣлый рядъ литературныхъ портретовъ. Нѣкоторые изъ нихъ очерчены всего лишь нѣсколькими мастерскими штрихами, другими же авторъ занялся съ особенною любовью и тщательностью, становясь, такимъ образомъ, біографомъ многихъ выдающихся мужчинъ и женщинъ Новой Англіи. Особенно интересны главы, въ которыхъ авторъ описываетъ свои первые шаги на литературномъ поприщѣ и свое первое робкое обращеніе къ Лоуэллю, съ которымъ впослѣдствіи онъ вошелъ въ самую тѣсную дружбу.

(Manchester Guardian).

«*Educational Foundations of Trade and Industry*» *by Fabian Ware. London* (*Harper and Brothers*). (*Воспитаніе какъ основа торговли и промышленности*). Авторъ этой книги изслѣдуетъ національную систему воспитанія въ Германіи, Франціи и Америкѣ и достигнутые посредствомъ этой си-

стемы успѣхи въ отношеніи развитія торговли и промышленности. Между прочимъ, авторъ указываетъ на связь, существующую между великими перемѣнами въ политикѣ и промышленности и движеніями въ области національнаго воспитанія, содѣйствующаго наибольшему развитію внутреннихъ силъ страны.

(Manchester Guardian).

«Indiriduality and the Moral Aim in american Education» by H. Theselton Mark. Lectures on education at the Owens College. Manchester. London (Longmans, Green and C°). (Индивидуальность и нравственныя цѣли въ американскомъ воспитаніи). Авторъ поставилъ себѣ задачей выяснить, какъ выражается въ американской системѣ воспитанія тотъ духъ самостоятельности, изобрѣтательности и личной инициативы, которымъ отличается американскій народъ. Авторъ изслѣдуетъ организацію американскихъ школъ проводитъ параллель между американскою и англійскою системами и отдаетъ преимущество первой, не стѣсняющей ихъ болѣе свободный просторъ.

(Manchester Guardian).

«Helden der Menschheit» Lebensbeschreibungen der hervorragendsten Persönlichkeiten aller Zeiten und Sonen. Eine Lieferungs werk mit Portraits und Illustrationen (Verlag Afklärung). Berlin. (Герои человѣчества). Берлинская издательская фирма «Aufklärung» предпринимаетъ изданіе отдѣльными выпусками популярной всемірной исторіи въ формѣ біографій выдающихся людей разныхъ историческихъ эпохъ, людей прославившихся въ разныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности: политиковъ, ученыхъ, общественныхъ дѣятелей, религіозныхъ проповѣдниковъ, художниковъ и т. д.

(Frankfurt. Zeit.).

«Twentieth century inventions». A. Forecast. By George Sutherland (Longmans) 4 s. 6 d. (Изобрѣтенія двадцатаго столѣтія). Авторъ этой книги старается, на основаніи существующихъ данныхъ, предугадать изобрѣтенія двадцатаго вѣка въ различныхъ областяхъ. Въ первыхъ главахъ онъ говоритъ о прогрессѣ человѣческой изобрѣтательности и проявленіяхъ этого прогресса въ общественной жизни, промышленности, наукахъ и искусствѣ. Послѣдняя глава книги называется: «Изобрѣтательность и коллективизмъ.

(Athaeneum).

«The History of Colonization» by Henry C. Moiris. 2 vols. (Macmillan C°). (Исторія колонизаціи). Этотъ обширный трудъ даетъ понятіе читателямъ о томъ, что сдѣлано различными націями въ области своего распространенія на земномъ шарѣ. Составляя свою книгу, авторъ имѣлъ въ виду не спеціалистовъ, а обыкновенныхъ читателей, интересующихся вопросомъ о колонизаціи. Въ общемъ введеніи авторъ говоритъ о колоніяхъ вообще и древнихъ колоніяхъ финикіянъ, грековъ и римлянъ. Онъ отмѣчаетъ различные типы колоній и въ своей характеристикѣ колонизаціонной дѣятельности различныхъ націй авторъ является до нѣкоторой степени политическимъ философомъ.

(Athaeneum).

«The Religion of Democracy» by Charles Ferguson (Funk and Wagnalls C°). (Религія демократіи). Книга не заключаетъ въ себѣ никакой политической или соціальной программы, хотя авторъ говоритъ о необходимости коренныхъ измѣненій и реформъ. Но авторъ не стремится указывать путей, а только желаетъ заставить читателя призадуматься надъ многими вопросами и явленіями соціальной жизни. Недостаткомъ книги является слишкомъ повышенный тонъ, но онъ выкупается смѣлостью мыслей и положеній.

(Daily News).

«Der Wert der Wissenschaft» von Raul Francé Freie Gedanken eines Naturforschers Dresden und Leipzig (Karl Reisner). (Цѣнность знанія). Интересъ этой книги, главнымъ образомъ, заключается въ психологической точкѣ зрѣнія автора, приверженца философіи Ницше, но только первыхъ періодовъ, когда Ницше былъ юнымъ мечтателемъ-мистикомъ. Къ позднѣйшему Ницше онъ обращается съ такимъ же страстнымъ обвиненіемъ, какъ и къ современной наукѣ, которая не даетъ удовлетворенія жаждущей истины человѣческой душѣ. Авторъ въ заключеніе рисуетъ свой художественный культурный идеалъ и говоритъ, что «истинная культура должна заключаться въ культѣ генія».

(Frankfurt. Zeit.).

«The United States and their industries» by Res. William Parr. Greeswedl (George Philip and Sons). (Соединенные Штаты и отрасли ихъ промышленности). Сжатый очеркъ, рисующій общую картину промышленности и торговли Соединенныхъ Штатовъ и заключающій въ себѣ множество интересныхъ свѣдѣній даже для обыкновенныхъ читателей.

(Daily News).

«The Psyshology of Religion» by prof. Starbuck. (Walter Scott). (Психологія религіи). Авторъ этой книги разсматриваетъ съ научной точки зрѣнія явленія религіозной жизни. Онъ доказываетъ, что различныя стадіи религіознаго развитія можно сопоставить съ различными біологическими явленіями и выясняетъ психологическія основы каждой религіи.

(Athaeneum).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА

Общины Сестеръ Милосердія Краснаго Креста имени генералъ-адъютанта Михаила Петровича фонъ-Кауфмана.

(Правленіе Комитета въ С.-Петербургѣ, Кирочная, 18).

Пріемъ желающихъ поступить въ Общину до 1-го ноября.

1. Въ Общину принимаются дѣвицы и женщины всѣхъ сословій и христіанскихъ вѣроисповѣданій, окончившія курсъ средне-учебнаго заведенія (7 кл. гимназіи), либо выдержавшія испытаніе соотвѣтствующаго курса, не моложе 18 и не старше 40 лѣтъ.

2. Способность ихъ къ труду опредѣляется врачомъ Общины, который, при поступленіи, свидѣтельствуетъ состояніе ихъ здоровья.

3. Желающія поступить въ Общину дожны прислать, на имя Предсѣдательницы Комитета Общины (С.-Петербургъ, Кирочная 18) слѣдующіе документы: 1) прошеніе о принятіи въ Общину; 2) метрическое свидѣтельство; 3) видъ на жительство; 4) свидѣтельство о политической благонадежности; 5) свидѣтельство объ окончаніи курса ученія и 6) фотографическую карточку.

4. Курсъ обученія практическаго и теоретическаго длится два года, кромѣ первыхъ трехъ мѣсяцевъ, когда поступившая числится испытуемой ученицей *), по истеченіи этого срока, по представленію старшей сестры, главнаго врача и съ утвержденія Предсѣдательницы, она принимается въ сестры-ученицы.

5. Испытуемыя и сестры-ученицы обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ, изложеннымъ въ инструкціи Общины.

6. Сестры-ученицы обязаны носить форменное платье при исполненіи своихъ обязанностей, а въ отпуску свое платье. Въ случаѣ крайней необходимости, онѣ могутъ носить и форменное, но безъ знаковъ присвоенныхъ ихъ званію **).

7. Сестра-ученица, желающая оставить Общину безъ уважительной на то причины, должна заявить о своемъ намѣреніи старшей сестрѣ за недѣлю до дня своего выхода.

8. Испытуемая ученица или сестра-ученица, оказавшаяся непригодной, немедленно удаляется изъ Общины по соглашенію старшей сестры съ главнымъ врачомъ и съ утвержденія Предсѣдательницы, которая доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія Правленія.

9. Сестра-ученица пользуется ежегодно свободнымъ мѣсяцемъ въ теченіе лѣта.

10. Больная сестра-ученица пользуется безплатнымъ лѣченіемъ.

11. Сестры-ученицы, поступающія въ Общину, принимаются въ нее въ качествѣ: а) платныхъ ученицъ; б) стипендіатокъ Комитета и в) полустипендіатокъ.

а) Платная испытуемая ученица и сестра-ученица за содержаніе, ученіе и обмундированіе ***) вноситъ ежегодно 250 р., изъ коихъ 200 р. при поступленіи, а 50 р. по окончаніи перваго полугодія. На второй годъ плата распредѣляется поровну на оба полугодія (по 125 р. за каждое). Если матеріальное положеніе сестры ученицы не позволяетъ ей сразу внести 200 р., то плата распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 75 р. при поступленіи, 75 р. по истеченіи трехъ мѣсяцевъ и 100 р. въ теченіе второго полугодія. Кромѣ того, сестрѣ-ученицѣ, пробывшей годъ въ Общинѣ и не имѣющей возможности уплатить за второй годъ своего обученія, предоставляется право обращаться къ Предсѣдательницѣ съ просьбой исходатайствовать у Правленія Комитета внести за нее установленную плату.

б) Стипендіатки ничего не платятъ, но, по окончаніи обученія, обязаны оставаться въ распоряженіи Комитета въ теченіе 5 лѣтъ.

в) Полустипендіатки вносятъ ежегодно 100 руб. и, по окончаніи обученія, обязаны пробыть въ распоряженіи Комитета 3 года.

12. По окончаніи курса обученія, сестра-ученица, выдержавшая выпускной экзаменъ и желающая остаться въ распоряженіи Комитета, удостоивается званія

*) Испытуемая ученица можетъ отказаться по желанію, но отказавшись, немедленно оставляетъ Общину.

**) Передникъ и косынка.

***) Предметы обмундированія перечислены въ инструкціи.

сестры Краснаго Креста и получаетъ право носить знакъ Краснаго Креста на передникѣ. Поступивъ въ распоряженіе Комитета, она либо остается въ Общинѣ, либо командируется въ другія учрежденія, или къ частнымъ лицамъ по усмотрѣнію Правленія, при чемъ она получаетъ 60 р. обмундировочныхъ и содержаніе, которое начиная съ 15 р., постепенно доходитъ до 25 р. въ мѣсяцъ, при пищевомъ довольствіи и квартирѣ.

Примѣчаніе. Свидѣтельство объ успѣшной подготовкѣ выдается не ранѣе, какъ по истеченіи одного года практической работы въ Общинѣ въ качествѣ сестры милосердія.

13. Права на пенсію выслужившихся сестеръ будутъ распредѣлены по общимъ правиламъ Россійскаго Общества Краснаго Креста и Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

14. Денежныя пожертвованія, получаемыя сестрами сверхъ назначеннаго имъ содержанія отъ Общины, поступаютъ въ Общину и служатъ для улучшенія матеріальнаго положенія сестеръ и облегченія ихъ будущности.

ПРОГРАММА ОБУЧЕНІЯ.

1) Устройство нормальнаго человѣка и отправленіе главныхъ его органовъ (*анатомія и физіологія*).
2) Наиболѣе важныя *болѣзни внутреннихъ органовъ*.
3) Наружныя болѣзни и поврежденія (*хирургія*).
4) Дѣйствіе и приготовленіе нѣкоторыхъ средствъ (*фармакологія и рецептура*).
5) Основныя данныя *гигіены и санаторіи*.

Выписка изъ инструкціи: «Что такое сестра милосердія и чѣмъ она должна быть».

Изъ всѣхъ различныхъ формъ выполненія обязанностей человѣка къ ближнему, родъ обязанностей, который принимаютъ на себя сестры милосердія, есть безусловно изъ наиболѣе отвѣтственныхъ

Жизнь для сестры—поле сраженія, врагъ съ которымъ она сражается,—болѣзнь; орудіе ея—состраданіе, терпѣніе и кротость; знамя ея—любовь.

Она раздѣляетъ съ врачомъ, довѣряющій ей уходъ за больнымъ, тяжелую его задачу въ борьбѣ со смертью.

Служа примѣромъ повиновенія, сестра должна быть и образцомъ строгаго исполненія святого своего долга.

Сестра,—что часовой. Часовой безпрекословно исполняетъ возложенныя на него обязанности, и сходитъ съ своего поста, только сдавъ его замѣстителю своему; часовой умираетъ на своемъ посту если его не смѣнятъ. Сестра—часовой оберегающій ввѣренную ему жизнь.

Призваніе сестры—помощь ближнему въ широкомъ значеніи этого слова; помощь эта касается не только больного но и его окружающихъ въ смыслѣ успокоенія и утѣшенія. Для нея не должно быть ни усталости, ни обиды, ни брезгливости, ни отвращенія, ни предпочтенія, ни ложнаго стыда. Къ какому бы слою общества больной ни принадлежалъ, отношеніе къ нему сестры всегда должно быть внимательно; съ неимущимъ же больнымъ, ей слѣдуетъ быть еще болѣе ласковой и предупредительной. Бѣдный, часто робкій, о которомъ никто не заботился, можетъ стѣсняться выразить желаніе, а исполненіе этого невысказаннаго желанія доставляетъ ему облегченіе его страданій, а иногда даже и счастье дотолѣ неиспытанное; ласковое обращеніе, не привычное ему, примиритъ его съ тяжелымъ и тернистымъ прошлымъ; душа его успокоится; неизлѣчимый познаетъ, хоть передъ смертью, блага милосердія и состраданія, у выздоровѣвшаго останется воспоминаніе объ участіи окружавшаго его во время болѣзни, и это воспоминаніе послужитъ ему облегченіемъ и утѣшеніемъ въ послѣдующей его жизни, теплымъ лучомъ свѣта, озаряющимъ ему трудовой путь, на который ему вновь придется вступить.

Самая высокая и великая радость доступная человѣку — сознаніе облегченія страданій ближняго. Испытать эту святую радость должно быть цѣлью жизни сестры. Для достиженія этой цѣли она одолѣваетъ всѣ препятствія и лишенія.

Всѣ больные, т. е. всѣ безпомощные, всѣ нуждающіеся, всѣ многострадальные должны въ ней найти «родную» окружающую ихъ душевной теплотой, доставляющую имъ своей заботливостью,—утѣшеніе, облегченіе и успокоеніе.

ТИП. Н. СКОРОХОДОВА, НАДЕЖД. 43.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

